



ВВЕДЕНИЕ

Предметом настоящей работы является история крепостного права в России во 2-й половине XVII в., т. е. после Уложения 1649 г.

В нашей исторической литературе, ввиду относительно слабой разработки истории крепостного права периода позднего феодализма, крепостное право часто отождествляется с крепостничеством вообще. А между тем первое из них относится к надстройке, а второе к базису. Крепостнические производственные отношения образуют основу крепостного права, которое служит их юридическим выражением и закреплением, но не сводится к ним.

Развитие крепостного права — это процесс юридического оформления закрепощения непосредственных производителей — крестьян, осуществляемый феодальной государственной властью в интересах господствующего класса.

Место и специфика юридической стороны крепостнических отношений получили определение у В. И. Ленина. При наличии феодальной собственности на землю и неполной собственности на работника производства, «в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей... наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика... Система хозяйства порождает здесь „внеэкономическое принуждение“, крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.»¹

В другой работе В. И. Ленин писал: «„Крепостное право“ конечно, было учреждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего (и крестьянского) *хозяйства*...».²

Таким образом, крепостное право относится к надстроечным явлениям, которые порождаются базисом и в свою очередь помогают базису оформиться и укрепиться. Крепостное право вместе с тем — одна из крайних юридических форм «внеэкономического принуждения», которое, не являясь основой феодализма, играло заметную роль в деле укрепления экономической власти помещиков.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5-е, т. 17, стр. 72.

² Там же, т. 6, стр. 233.

Все эти обстоятельства определяют необходимость и правомерность научной разработки истории крепостного права. Вместе с тем необходимость изучения истории крепостничества в целом и крепостного права в частности, включая более ранние этапы его развития, связана с гораздо более близкими к нам обстоятельствами. Имеются в виду сила и острота пережитков крепостничества в сельском хозяйстве, экономике и политическом строе России после формальной отмены крепостного права в 1861 г. Пережитки крепостничества являлись кардинальным вопросом общественного развития, классовой и политической борьбы пореформенного периода вплоть до Октябрьской социалистической революции. Народническое движение объективно было направлено против остатков крепостничества. Вопрос об остроте и силе пережитков крепостничества был одним из важных вопросов борьбы В. И. Ленина против меньшевиков и кадетов вокруг аграрной программы первой русской революции. Остатки крепостничества определили характер аграрной программы большевиков в русской революции и, наконец, особенности самой революции в России. Один из основных выводов В. И. Ленина в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» следующий: «Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции. Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее».³ Характеризуя преобладание помещичье-крепостнической формы земельной собственности к началу XX века, В. И. Ленин отмечает, что «крепостниками являются владельцы латифундий в экономическом смысле этого слова: основа их землевладения создана историей крепостного права, историей векового грабежа земель благородным дворянством».⁴

Отсюда ясно, что только изучив историю крепостного права, можно составить наиболее полное представление о причинах живучести и силы остатков крепостничества в пореформенной России, полная ликвидация которых была связана с Великой Октябрьской социалистической революцией.

Наконец, если говорить об изучении крепостного права 2-й половины XVII в., то научная значимость этого изучения, помимо только что изложенных общих соображений, определяется некоторыми особенностями и состоянием нынешней историографии XVII в.

В разрезе ленинских высказываний о новом периоде русской истории и начале образования всероссийского рынка «примерно

³ Там же, т. 16, стр. 403.

⁴ Там же.

с 17 века»⁵ советские историки проделали за последнее время большую и плодотворную работу по изучению мануфактуры, ремесла, промыслов, товарного производства и развития рынка в Русском государстве XVII в. Итоги этого изучения подведены в специальной статье, содержащей исчерпывающую библиографию новейшей литературы вопроса.⁶

Общественностью изучения указанных сторон экономики и социальных отношений служит то, что в большинстве случаев авторы подходят к избранным ими вопросам под углом зрения поисков «новых явлений» в экономике России XVII в., под которыми подразумеваются зародыши капиталистических отношений как в сфере производства, так и в сфере обращения. При этом господствующие и продолжающиеся феодально-крепостнические отношения учитываются исследователями товарного производства и рынка в весьма слабой мере. В ряде случаев признается достаточным словесное признание их усиления, без показа в ходе конкретного исследования их воздействия на базис, на развитие ремесла и торговли и на такие явления, как вольный наём и т. п.

Более того, преобладание в историографии интереса к вопросам товарно-рыночных отношений привело к тому, что ряд надстроечных явлений, феодальных в своей основе, в частности дальнейшее усиление крепостного права, объясняются развитием именно этих самых товарно-рыночных отношений.

Можно встретить, например, такие суждения: «Интенсивный рост барской пашни в России прослежен с XVI в. С этим явлением связано развитие крепостного права. Но если в XVI столетии расширение барской пашни стимулировалось исключительно развитием в стране товарного производства, то в XVII—XVIII вв. на нее оказывали влияние, кроме того, капиталистические отношения».⁷

Итак, товарное производство и капиталистические отношения через посредство барской пашни определяли собой развитие и усиление крепостного права.⁸

⁵ Там же, т. 1, стр. 153—154.

⁶ А. А. Илрображенский, Ю. А. Тихонов. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.). Вопр. ист., 1961, № 4, стр. 80—109.

⁷ Вопросы генезиса капитализма в России. Сборник статей. Л., 1960, стр. 60.

⁸ Товарное производство и вырастающие из него капиталистические отношения по своей природе должны разлагать и ослаблять феодальный строй и крепостнические отношения, а не усиливать их. Если же феодально-крепостнические отношения в XVI—XVIII вв. продолжали расти и крепнуть, несмотря на наличие в стране товарного производства, а с определенного времени даже зачатков капитализма, то это может лишь свидетельствовать о слабости этих зачатков нового: феодально-крепостнической строй мог расти и развиваться, не встречая с их стороны серьезного противодействия, и более того — мог подчинить себе товарное производство, используя его

Таким образом, в историографии наметились тенденции объяснить развитие крепостного права развитием товарно-рыночных отношений в стране. Вариантов этой мысли с большей или меньшей степенью определенности ее выражения можно найти в литературе, не исключая учебной, немалое количество.

Все эти мнения, связанные с изучением кардинальной проблемы генезиса капитализма в России, первоначально накопленные, вызвали оживленную дискуссию среди историков.⁹ Выяснилось, что в нашей историографии сложилось оригинальное положение. У части историков в отношении 2-й половины XVII в., XVIII в. и 1-й половины XIX в. вошло в традицию изучать главным образом возникновение и развитие элементов капитализма с некоторым затушевыванием феодально-крепостнических отношений, а при изучении сельского хозяйства и крестьянства в пореформенный период и в особенности в начале XX в. (до Октябрьской революции) уделять значительное внимание феодально-крепостническим пережиткам.

Отсюда ясна необходимость сосредоточить усилия на дальнейшем изучении феодальной собственности, крепостнических отношений, внутренней политики феодального государства и, в частности, крепостного права периода позднего феодализма. Без этого нельзя понять степень и характер самих «новых явлений» в экономике XVII в.

Изучение крепостного права 2-й половины XVII в. даст представление о том, с какой силой правовой институт и государственный аппарат самодержавия давили на крепостную крестьянско-холодскую массу, все более и более расширяя пределы власти над нею вотчинников и помещиков. Знание этого необходимо для более полного и всестороннего уяснения причин и условий классовой борьбы крестьянства, крестьянских войн и других выступлений народа в XVII в.

в собственных интересах, и лишь очень медленно и постепенно менял свою природу под его воздействием.

Только при таком взгляде на вещи мы поймем, почему в России крепостничество и крепостническое поместное сословие было «более „крепким“, твердым, могучим, всеильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире“» (В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 16) и почему оно смогло удерживать в своих руках важные позиции в стране в пореформенный период и даже определять в своих классовых интересах пути развития капитализма в нашей стране (пруссский путь развития).

⁹ Одним из примеров такой дискуссии может служить очень содержательный сборник «Вопросы генезиса капитализма в России», включающий материалы научной сессии, проведенной кафедрой истории СССР исторического факультета Ленинградского государственного университета. В этом сборнике представлены различные точки зрения по отдельным аспектам обсуждаемой темы (см., например, доклады Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко, с одной стороны, и доклады В. В. Мавродина, А. Л. Шапиро и И. В. Степанова — с другой стороны).

Однако для того чтобы понять действительную роль крепостничества и крепостного права, необходимо изучить само крепостное право, конкретный ход его развития, причины и обстоятельства его роста и усиления. Между тем мы оказываемся перед лицом того факта, что ни одного специального исследования о развитии крепостного права в России во 2-й половине XVII в. нет ни в старой дворянско-буржуазной, ни в новой советской историографии.

Нет необходимости привлекать внимание читателя к разбору концепций происхождения и развития крепостного права, выработанных дворянско-буржуазной и революционно-демократической историографией прошлого. Новейшее изложение их имеется в двух томах «Очерков истории исторической науки в СССР»,¹⁰ а разбор точек зрения историков по отдельным этапам и вопросам развития крепостного права — в труде Б. Д. Грекова.¹¹ Мы ограничимся лишь обзором того, что внесла дворянско-буржуазная историография в изучение крепостного права 2-й половины XVII в. Следует подчеркнуть, что отношение дореволюционных историков к поставленной нами теме определялось их общими взглядами на процесс возникновения и развития крепостного права. Те из них, которые объясняли явления крепостного права исключительно интересами государства, ставили роль государства на первое место и придавали ему самодовлеющее значение. Эти историки отводили Уложению 1649 г. и последующему законодательству 2-й половины века весьма видную роль, но ограничили ее главным образом прикреплением крестьян к государственному тяглу.

Те же историки, которые стояли на позициях теории безуклонного возникновения крепостного права и в данном случае подчеркивали примат частного интереса (интереса землевладельцев) и процессе закрепощения крестьян и резко ограничивали роль государства в этом процессе, умаляли значение Уложения и последующих законодательных актов правительства.

Однако при этом казалось бы различии этих двух точек зрения на процесс крестьянского закрепощения и на роль государства в нем общим для них было то, что представители той и другой позиций противопоставляли частный (помещиков и вотчинников) интерес интересу государства, т. е. рассматривали государство как самостоятельную и надклассовую силу.

Крупнейшей работой по истории крестьянства, охватывающей и 2-ю половину XVII в., автор которой стоял на позициях указанного закрепощения крестьян, была работа И. Д. Беляева.¹² Ранделян общие взгляды славянофилов, И. Д. Беляев наметил

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I, М., 1955; т. II, М., 1960.

¹¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. I, М., 1952; кн. II, М., 1954.

¹² И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. Изд. 4-е, М., 1903.

три этапа в истории русских крестьян — полная свобода до конца XVI в., прикрепление к земле, начало которого относится к концу XVI в., а полное осуществление связано с Уложением 1649 г., и, наконец, крепостное право, понимаемое как личное холопство, явившееся результатом законодательства Петра I.¹³ В данной схеме 2-й половине XVII в. не выделено особого места. Крестьяне в этот период сохраняли еще свои личные права, права гражданства, хотя и были прикреплены к земле. Закон еще не смешивал крестьян с холопами. Используя для своего времени значительное количество источников, главным образом законодательных (опубликованных в ПСЗ, ААЭ, АИ и ДАИ), И. Д. Беляев пришел к заключению, что в течение царствования Алексея Михайловича положение крестьян в сравнении с Уложением 1649 г. не изменилось. Историк подметил, однако, что «полное прикрепление крестьян к земле» «очевидно, не нравилось крестьянам», которые и отвечали на это побегами. Принятые при этом строгие меры против побегов «касались только до тех крестьян и владельцев, которыми нарушался закон о прикреплении, и несколько не изменяли положения крестьян вообще».¹⁴

Положение русских крестьян стало меняться, по мнению И. Д. Беляева, только с 1675 г., когда исключительно в результате злоупотребления землевладельцев и самовольства Приказа Холопного суда стали появляться сделки по мене и продаже крестьян без земли. Позднее эта практика была закреплена законом.¹⁵ После указа 13 октября 1675 г. положение крестьян по закону «постепенно изменялось и падало», пока, наконец, по первой ревизии они не были сравнены с холопами.¹⁶ Этот акт и был торжеством крепостного права.

Славянофильский подход к теме объясняет, почему у И. Д. Беляева помимо законодательства, освещена и бытовая сторона положения крестьян, их взаимоотношения с помещиками. Но и здесь не обошлось без превознесения свободы крестьянина до конца XVII в., обоюдного согласия, якобы существовавшего между помещиком и крестьянином. Порядная в крестьяне — для И. Д. Беляева чисто гражданская сделка.¹⁷ Крестьяне пользовались полным правом собственности. И лишь с конца XVII в., в результате злоупотребления властью, землевладельцы, вопреки будто бы прямым намерениям правительства, постепенно стали лишать крестьян прав и прибирать их к рукам. В данном случае заслуга И. Д. Беляева состояла в том, что он смог подметить многие черты реального процесса развития крепостничества в России. Однако

у него несомненен разрыв между процессом крепостнических отношений и юридическим оформлением крепостного права.

Большое внимание крепостному праву в Уложении 1649 г. и после него уделено в специальном сочинении К. П. Победоносцева.¹⁸ К определению существа крепостного права Победоносцев подходил с официальной государственно-охранительной точки зрения: «Государственный порядок требовал чтобы крестьянин был подвластен кому-нибудь, к кому-нибудь тянул, кого-нибудь слушал».¹⁹ При слабости местных органов власти функция опеки над крестьянином переходила к землевладельцам. А это привело к тому, что «пользуясь властью распоряжаться трудом человека... владелец привыкал смотреть на крестьянина, как на свою принадлежность».²⁰ Правительство же не имело в виду установить границы распоряжения личностью крестьянина «посредством общих юридических определений». Его роль сводилась к разрешению отдельных вопросов, возникавших «по поводу столкновений одного владельца с другим и личной владельческой власти с общими целями правительства».²¹ Исходя из таких соображений, Победоносцев утверждает: «...нет возможности по тем памятникам законодательства, которые оставил нам период Уложения, восстановить юридический образ крепостного права; мы можем уловить только некоторые черты его».²² При этом постоянно подчеркивается, что «целью власти было не определить отношения крепостных людей к владельцам, а обеспечить свои собственные, государственные и финансовые интересы», в которые входили борьба с бродяжничеством, обеспечение помещикам возможности «отправлять службу государству» и «успешное действие тогдашней финансовой системы».²³ Отсюда и предметы законодательства XVII столетия: возвращение беглых на прежние жилища, разрешение исков и столкновений прав на крестьян, ограждение произвола владельцев над крестьянами в тех случаях, когда это противоречило финансовым интересам правительства. Такова общая концепция крепостного права XVII в. у К. П. Победоносцева. Источниковедческая база ее невелика: частичное использование опубликованных законодательных и иных материалов и очень немногих документов, извлеченных из архива.

Крупнейший представитель теории безуказного закрепощения крестьян и автор наиболее стройной и логичной концепции крепостного права В. О. Ключевский целиком переносил свои общие взгляды в этой области на 2-ю половину XVII в.

¹⁸ К. Победоносцев. Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия. В кн.: К. Победоносцев. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876, стр. 1.

¹⁹ Там же, стр. 14.

²⁰ Там же, стр. 15.

²¹ Там же, стр. 15.

²² Там же, стр. 17.

²³ Там же.

¹³ Там же, стр. 147—149.

¹⁴ Там же, стр. 151.

¹⁵ Там же, стр. 152.

¹⁶ Там же, стр. 180.

¹⁷ Там же, стр. 155.

Игнорируя активную роль государства в становлении крепостной зависимости и рассматривая законодательство лишь как равнодействующую помещичьего, крестьянского и казенного интересов, В. О. Ключевский в очень слабой мере затрагивал законодательство о крестьянах 2-й половины XVII в., сосредоточив главное внимание на дальнейшем развитии частно-правовых сделок между крестьянами и помещиками в форме порядных и ссудных записей. В данной области В. О. Ключевским на материале 2-й половины XVII в. сделан ряд ценных конкретных наблюдений, но общее положение дела сводилось к тому, что место закона занимал частно-правовой акт. Источник крепостничества из области публичного права переносился в область права частного, что не избавляло от формально-юридического подхода и от смешения крепостнических отношений с юридической формой.

Касаясь «юридического состава крепостного права на крестьян» к концу XVII в., В. О. Ключевский различает в нём «основные элементы долгового холопства» — заем, работу за рост и старину, осложненные, однако, крестьянским состоянием и более всего — государственным тяглом.²⁴ Прикрепления крестьян к земле В. О. Ключевский не признавал и исключал из состава крепостного права. Положение крестьян в государстве, повинности, подсудность, правовое положение — все эти явления точно так же рассматривались как неимеющие отношения к крепостному праву и лишь осложняющие «крепостное состояние» крестьян.

Другим крупнейшим представителем безуказной теории закрепощения крестьян, в лице которого буржуазная историческая наука в области истории крестьян достигла своей вершины, был М. А. Дьяконов. Основное внимание М. А. Дьяконов сосредоточил на конкретных формах крестьянской зависимости, обогатив наше представление о них введением огромного количества нового фактического материала, почерпнутого как из опубликованных, так и из архивных источников. Однако в связи с недооценкой роли государства и закона в процессе закрепощения законодательные источники использованы у М. А. Дьяконова очень слабо и в небольшом количестве, главным образом для того, чтобы показать, что закон расходился с действительностью, что попытки правительства регулировать процесс роста крепостного права были в значительной мере безрезультатными.²⁵ Преимущественное внимание уделялось условиям крестьянского порядка и оформления его в виде порядных и ссудных записей. Отсюда возникало противопоставление сделочных записей на крестьян официальной правительственной регистрации в форме писцовых и переписных книг и выделение главенствующей роли частных актов. М. А. Дья-

конов прослеживает и во 2-й половине XVII в. основную категорию крестьян-старожильцев. Старожильцы — категория очень важная с точки зрения теории постепенного и безуказного закрепощения крестьян на базе экономической задолженности их помещикам. Однако под давлением фактов М. А. Дьяконов вынужден признать, что, помимо обычного вида старожильцев, в XVII в. существовали старожильцы по документам (по переписным книгам, крепостным актам и т. п.), старожильство которых определялось не давностью их пребывания в вотчине и экономической зависимостью от землевладельца, а юридическим оформлением этой зависимости в виде того или иного крепостного акта.²⁶

Известная непоследовательность как у В. О. Ключевского, так и у М. А. Дьяконова заметна в оценке роли государства в процессе закрепощения крестьян. С одной стороны — очевидное умаление ее, с другой — ряд положений о закрепощении сословий государством. М. А. Дьяконов, кроме того, уделял внимание роли государства в закрепощении государственных крестьян.

Касаясь характера крестьянского закрепощения, М. А. Дьяконов, вслед за В. О. Ключевским, отрицал прикрепление крестьян к земле. Даже ссылаясь на законодательство, он утверждал, что «указные правила не знают никакого прикрепления крестьян к земле; в основе их гораздо отчетливее можно подметить предположение о личной крепостной зависимости крестьян от их владельцев».²⁷ М. А. Дьяконов признавал, что и практика, и закон усвоили право распоряжения личностью крестьянина, которое в XVII в., в особенности во 2-й половине, приняло безобразные формы. «Владельцы меняют крестьян на крестьян и даже на людей, закладывают, дарят, продают. В хозяйстве своем владельцы бесконтрольно распоряжаются трудом своих крестьян, облагают их по усмотрению сборами, а за послушание своим распоряжениям подвергают их наказаниям включительно до битья нещадно кнутом». Такое «принижение крестьянской личности» привело к тому, что во 2-й половине XVII в. бытовая практика и законодательство завершили «почти полным юридическим слиянием двух некогда столь различных групп населения: свободного крестьянства и холопства». Существенную роль в этом сыграло введение подворного обложения.²⁸

Все эти правильные наблюдения завершаются у М. А. Дьяконова таким утверждением: «Так, мало-помалу землевладелец становится между государственной властью и крестьянином. Чем более землевладелец заслонял собою крестьянина, тем шире

²⁴ В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права в России. Сочинения, т. 7, М., 1959, стр. 315.

²⁵ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е, СПб., 1912, стр. 342—343.

²⁶ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898, стр. 1—74.

²⁷ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя..., стр. 353.

²⁸ Там же, стр. 355—357.

разрастался его произвол над последним». ²⁹ В этих словах — вся суть концепции М. А. Дьяконова.

Справедливо дав предпочтение практике перед законом, М. А. Дьяконов, подобно В. О. Ключевскому, в конечном итоге пришел к подмене публично-правовых отношений частно-правовой сделкой между землевладельцем и крестьянином. Место закона заняли порядная и ссудная записи. Тем самым было допущено характерное для дореволюционной историографии отождествление реальных крепостнических отношений с их юридической формой.

Теория безуказного закрепления крестьян, получившая в начале XX в. всеобщее признание и давшая очень много (в особенности в лице М. А. Дьяконова) для понимания конкретного хода крепостнических отношений, в частности во 2-й половине XVII в., выявила тем не менее все свои слабые стороны, одна из которых состояла в недооценке роли феодального государства как активной силы в развитии крепостного права. Такой порок теории Ключевского-Дьяконова особенно заметен для 2-й половины XVII в., когда законодательная разработка норм крепостного права приобрела значительный размах. В целом для дворянско-буржуазной историографии характерно смешение и отождествление крепостного права как системы правовых отношений с крепостным строем как системой социально-экономических отношений.

Советская историческая наука, исходя из марксистского понимания крепостного права как юридического выражения производственных отношений феодального общества, сумела правильно поставить и решить проблему происхождения и развития крепостного права в России. ³⁰

Подводя итог сделанному и продвигая далее изучение истории крестьян за период до Уложения 1649 г., Б. Д. Греков писал, заканчивая свой капитальный труд «Крестьяне на Руси»: «Уложение, конечно, не приостановило дальнейшего процесса углубления и расширения крепостнических отношений. Они, эти отношения, продолжали развиваться и во второй половине XVII в. и в течение всего XVIII в.» ³¹

Отсюда не следует, конечно, что в советской историографии ничего не сделано для изучения истории крестьян после Уложения. Если говорить о 2-й половине XVII в., то в интересующем нас плане необходимо прежде всего указать на результаты изучения побегов крестьян и их сыска, по крайней мере за 60-е годы XVII.

²⁹ Там же, стр. 356.

³⁰ Об этом за период до 40-х годов см.: И. И. Смирнов. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе. Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», М.—Л., 1942, стр. 91—103.

³¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II, стр. 390.

Большая заслуга в данном отношении принадлежит А. А. Новосельскому, который первый поставил эту тему, увязав ее с проблемой развития крепостных отношений: «... фактическое осуществление неизбежности „крепостного устава“ сводилось к прекращению массовых побегов крестьян и холопов на окраины государства путем их сыска и установления кар за их прием и держание». ³²

На повом архивном материале, извлеченном из фондов Поместного и Разрядного приказов, А. А. Новосельский отметил воздействие дворянских челобитных на законодательное оформление и решение вопроса о сыске беглых, показал направления побегов крестьян, ход и результаты их сыска на примере деятельности отдельных сыщиков преимущественно за 60-е годы и т. и. По условиям ограниченного объема работы часть вопросов (в частности, законодательство) освещена эпизодически. По этому поводу сам автор пишет следующее: «Настоящая работа... лишь намечает некоторые основные положения этой темы, требующие, конечно, дальнейшего развития и изучения». ³³

Специально делопроизводству сыскных приказов и некоторым вопросам организации сыска беглых крестьян посвящена другая работа А. А. Новосельского. ³⁴

Наконец, важное значение имеет работа того же автора, дающая богатый материал о распространении крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. ³⁵

Тема побегов крестьян и их сыска во 2-й половине XVII в. была подхвачена новым поколением историков. В сравнительно недавнее время появились работы И. А. Булыгина, ³⁶ Г. Н. Обращцова, ³⁷ Т. И. Смирновой ³⁸ и Е. В. Чистяковой. ³⁹ Все эти работы вводят в научный оборот новые ценные материалы о побеге

³² А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Тр. Инст. ист. РАНИОН, в. 1, М., 1920, стр. 327.

³³ Там же.

³⁴ А. А. Новосельский. Отдаточноные книги беглых как источник для изучения народной колонизации Руси в XVII в. Тр. Ист.-арх. инст., т. II, М., 1940, стр. 127—152. О дворянских челобитных см. также: А. А. Новосельский. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. Уч. зап. Инст. ист. РАНИОН, т. IV, М., 1920, стр. 103—108.

³⁵ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. Ист. зап., № 4, 1938, стр. 21—40.

³⁶ И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е гг. XVII в. Ист. зап., т. 43, 1953, стр. 131—149.

³⁷ Г. Н. Обращцов. Уложение 1649 г. и крестьяне вотчины Антонино Сийского монастыря. Ист. зап., т. 63, 1958, стр. 269—282.

³⁸ Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления С. Раина. Вopr. ист., 1956, № 6, стр. 129—131.

³⁹ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie и поход И. Уса (1666 г.). Вopr. ист., 1953, № 8, стр. 128—139.

крестьян и их сыске. Впервые на большом новом архивном материале рассмотрен побег крестьян в южные уезды России в 70-е и 80-е годы XVII в. и мероприятия правительства по борьбе с побегами в исследовании Л. В. Черепнина.⁴⁰ Тот же вопрос получил освещение в работе В. П. Глаголева, использовавшего дополнительные материалы.⁴¹ Ведущей темой названных работ служат побег крестьян как форма классовой борьбы; мероприятия правительства, в том числе законодательство, отодвигаются на второй план. Иначе подошел к вопросу И. М. Скляр.⁴² Значение его работы состоит в новой постановке темы. Автор систематически изучил законодательство о крестьянах 50—60-х годов XVII в., используя большой опубликованный и архивный материалы. Ценная работа И. М. Скляра не свободна, однако, от спорных, а иногда и ошибочных положений.⁴³ Мероприятиям правительства по сыску беглых крестьян на Урале в 1671 г. посвящена работа А. А. Преображенского.⁴⁴ Из числа актов, фиксирующих крестьянскую зависимость, внимание советских историков привлекли порядные, ссудные и поручные записи.⁴⁵

Существенным достижением советской историографии является постановка и частичное освещение вопроса о феодальном характере зависимости черносошных крестьян.

Н. М. Дружинин, опираясь на ленинские положения о системе «государственного феодализма»,⁴⁶ рассматривает государственных крестьян как одну из групп феодально-зависимого от государства населения. Вместе с тем Н. М. Дружинин указывает, что подобные формы зависимости были характерны для «предков» государственных крестьян — черносошных крестьян Севера и Сибири 2-й половины XVII в.: «И здесь, на Севере, — пишет Н. М. Дружинин, — государство все больше прикрепляло крестьян к месту жительства, запрещало населению самовольно уходить в другие волости, предписывало местным властям разыскивать и свозить на старые жеребьи всех, кто выбежал из черных волостей». В конечном итоге «петровскими указами 1719—1724 гг. было закончено формирование особого сословия феодальных держателей государственной земли, обязанных уплачивать казне докапиталистическую ренту». В то же время М. Н. Дружинин дал четкую фор-

му ч у различий в характере и степени крепостной зависимости черносошных (государственных) и частновладельческих крестьян, подчеркнув, однако, что «граница, отделявшая государственных крестьян от крестьян поместных оставалась не только условной, но и крайне широчной».⁴⁷

Эти принципиально важные и совершенно справедливые мысли разделяются, однако, не всеми историками. В частности, по мнению Ф. И. Полянского, «в государственных селах не сложилась феодальная форма производства, феодальной формы хозяйственной организации».⁴⁸ Часть историков крепостные отношения мыслит только в рамках частновладельческого феодального хозяйства, т. е. в рамках вотчины и поместья. Поскольку такой системы отношений нет в черных волостях, значит черносошные крестьяне не закрепощены. Положение частновладельческих крестьян служит своеобразным мерилом крепостных отношений вообще.

С другой стороны, в недавнее время появились обстоятельные исследования В. И. Шункова, в которых на новом, богатом материале источников неоспоримо показана система феодальной эксплуатации основной массы русского населения Сибири — «государных» крестьян. Развитие феодальных отношений в сибирской деревне в XVII в. привело к прикреплению крестьян и к распространению крепостнических форм личной зависимости от феодального собственника земли — государства. В. И. Шунков обличает положение сибирских государевых крестьян с полным правом дворянских крестьян Европейской России.⁴⁹

Дальнейшее развитие мысли о феодальной зависимости черносошных крестьян от государства привело к признанию той же зависимости в отношении определенных групп населения городов.⁵⁰ Однако для XVII в. этот вопрос пока не разработан. Наконец, назовем еще одну область, в которой в недавнее время сделан первый важный шаг по изучению вопросов крепостного права 2-й половины XVII в. Мы имеем в виду статью С. Н. Валка о результатах деятельности Палаты об Уложении 1700 г. в области законодательства о крестьянах.⁵¹

⁴⁷ И. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 29, 31—34, 37.

⁴⁸ Ф. И. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958, стр. 175.

⁴⁹ В. И. Шунков. 1) Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946; 2) Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 397—412 и др.

⁵⁰ П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 40, 430—431 и др.; А. М. Сахаров. Города северо-восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959.

⁵¹ С. Н. Валк. «Суд о крестьянах» в Палате об Уложении 1700 г. См.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову. Сборник статей. М., 1952, стр. 232—240.

⁴⁰ Л. В. Черепнин. Классовая борьба 1682 г. на юге Московского государства. Ист. зап., № 4, 1938, стр. 41—75.

⁴¹ В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. Уч. зап. Моск. гос. заочн. пед. инст., т. I, 1958 г., стр. 115—196.

⁴² И. М. Скляр. Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргизск. гос. заочн. пед. инст., т. IV, 1959, стр. 81—98.

⁴³ Об этом см. 1-ю главу настоящей работы.

⁴⁴ А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г. См.: Из истории Урала. Сборник статей. Свердловск, 1961, стр. 89—100.

⁴⁵ Перечень работ и их разбор см. в 3-й главе настоящей работы, стр. 225.

⁴⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 250.

Итак, в советской историографии поставлены и частью освещены некоторые вопросы развития крепостного права в России 2-й половины XVII в. Но изучение форм феодальной собственности, феодальных производственных отношений и крепостного права за последнее время явно отстает от изучения некоторых сторон социально-экономического положения страны в этот период. Такая диспропорция чревата опасностью смещения и тем самым искажения представлений о действительном характере развития Русского государства в XVII в.

Изучение названных проблем, в том числе истории крепостного права, опирается для 2-й половины XVII в. прежде всего в вопрос об источниках. После Уложения 1649 г. количество источников по истории крестьян значительно возрастает. Но до сих пор этот обширный круг источников не выявлен и не уточнен.

В соответствии с задачей нашего исследования пришлось заняться выявлением источников, характеризующих законодательную деятельность правительства 2-й половины XVII в., направленную на разработку норм крепостного права. Однако наличия одних законодательных памятников недостаточно, если мы не имеем возможности на основе уже другого ряда источников проследить, как претворяются законы и к чему они приводят в жизни. Так возникла необходимость выявления более широкого круга источников, раскрывающих правовое положение крестьян во 2-й половине XVII в.

Из числа изданий, дающих печатное воспроизведение источников, следует прежде всего назвать первое издание ПСЗ, т. т. I—III, отличающееся значительным богатством главным образом законодательного материала. Издание это имеет, однако, серьезные погрешности, требующие весьма осторожного отношения к нему.⁵²

Неполнота законодательного материала, пропуски и ошибки при воспроизведении его текстов определили необходимость уточнить тексты ПСЗ по спискам указов в архивных документах. Так были установлены пропуски в некоторых указах (например, в указах 13 сентября 1661 г. и 10 мая 1665 г.), ошибки в датах и т. д.

Помимо ПСЗ, использованы все известные нам публикации актов, охватывающие 2-ю половину XVII в., начиная от ААЭ, АИ, Дополнений к ним, и кончая различного рода провинциальными изданиями, главным образом губернских архивных комиссий, обществ краеведения и т. п. Публикаторская деятельность губернских архивных комиссий в начале XX в. дала много ценных для истории крепостного права актов местного происхождения

⁵² О недостатках ПСЗ см.: А. Н. Филиппов. К вопросу о составе Первого Полного Собрания законов. М., 1916; Б. Кочаков. Законодательные материалы как исторический источник. Архивное дело, № 3 (55). 1940, стр. 17—31. По периоду 70—80-х годов XVII в. см.: Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. I. СПб., 1871, стр. 31—83.

(выписей из различного рода крепостных книг, челобитных, поручных, поступных, купчих на крестьян и т. п.). В подавляющем большинстве эти материалы не использованы еще ни в досоветской, ни в советской исторической науке.

Преобладающее место в нашей работе занимают архивные материалы. Более того, осмысление многих опубликованных законодательных памятников, установление их состава и места в общей цепи законодательства стало возможным только на базе широкого использования архивных источников.

При разыскании последних ставилось целью выявление с возможной полнотой прежде всего законодательных актов по теме нашей работы, для того чтобы дать не отдельные эпизоды в развитии законодательства о крестьянах, а законодательный процесс в целом, показать его развитие и постепенное нарастание норм права.

С этой целью использованы:

1. Фонд Поместного приказа, в составе которого наибольшее значение имели записные книги указам за 2-ю половину XVII в., записные книги крепостям (актам) на вотчины с крестьянами, имеющиеся за каждый год с 1678 г. по 1700 г., и записные книги крепостям (актам) на крестьян за каждый год с 1688 г. по 1700 г.

О значении этих книг как источника по истории крепостного права едва ли нужно говорить. Следует лишь отметить, что они никем до сих пор не использованы. Ввиду отсутствия описей и малой доступности столбцы Поместного приказа просмотрены лишь по отдельным городам — Нижнему Новгороду, Вологде и некоторым другим, главным образом в связи с деятельностью в них сыскных приказов. В том же фонде использованы столбцы Вотчинной записки, откуда извлечены коллективные челобитные дворян, имеющие важное значение для понимания истоков и направленности законодательной деятельности правительства.

2. Фонд Разрядного приказа. Наличие прекрасной печатной описи фонда дало возможность использовать столбцы Разряда со значительной полнотой и извлечь из них многие ценные материалы по тому же вопросу, главным образом в связи с крепостными отношениями в окраинных уездах, но и не только в них. В частности, из фонда Разряда извлечены некоторые челобитные дворян.

3. Фонд Палаты об Уложении 1700 г. (ЦГИАЛ, ф. № 1255). Данный фонд весьма богат списками указов, решений по отдельным судебным делам, наказов, грамот и тому подобному, доставленным в Палату из различных приказов. К сожалению, этот фонд сохранился не полностью и в плохом состоянии. Например, из тетрадей со списками указов 32 приказа сохранились только тетради Разрядного, Поместного, Посольского, Сибирского, Судного, Каменного, Стрелецкого приказов, Приказа Казанского дворца, Ратуши и Ижорской канцелярии.⁵³

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 3 и 4.

Случаю было угодно сохранить материалы по XI (крестьянской) главе Уложения в большем объеме, чем по другим главам. Сохранились материалы двух обсуждений XI главы в Палате и выработанный ею проект крестьянской главы для нового Уложения.⁵⁴ Однако разрозненное, неупорядоченное состояние этих материалов при их черновом характере (по первоначально папианскому тексту имеется несколько перечеркиваний и приписок весьма неразборчивым почерком) потребовало большого времени и усилий для их осмысления. При всей своей фрагментарности и сложности фонд Палаты об Уложении служит ценнейшим источником для истории крепостного права 2-й половины XVII в.

Кроме указанных основных архивных собраний, нами использованы некоторые материалы из Архива ЛОИИ (фонды Иверского монастыря, Астраханской приказной палаты, Собрания рукописных книг) и Рукописного отдела ГИБ в Ленинграде (Эрмитажское собрание, Собрание А. Титова, собрания новых поступлений).

Из всех названных фондов нами извлечено значительное количество указов и других актов, часть которых не была известна исследователям, а часть других использована некоторыми историками лишь в очень малой мере. Выявление законодательного и иного материала неизбежно сопровождалось большой источниковедческой, точнее — текстологической работой по сверке различного рода списков одного и того же памятника с целью выявления наиболее сохранного и полного текста его. Другой целью такой работы было выявление источников и состава крупных законодательных памятников (например, наказов сыщикам 1658, 1683 и 1692 гг.), без чего невозможно определение их места и роли в ряду других актов крепостного права. Большая текстологическая работа проведена по материалам Палаты об Уложении 1700 г. Все суждения о ходе и результатах деятельности Палаты могут строиться лишь на основе сравнительного изучения созданных ею текстов.

Мы не ставим целью в рамках одной работы осветить все вопросы крепостного права 2-й половины XVII в., тем более, если иметь в виду далеко недостаточное выявление и слабую изученность источников по истории крестьян этого периода. В связи с минимальными рамками предмета, как они определены в начале этого введения, наибольшее внимание в работе уделено законодательной деятельности правительства, иначе говоря — правительственной политике в крестьянском и посадском вопросах. В таком случае работа обретает особый аспект: ее второй темой становится внутренняя политика самодержавия в важнейшем вопросе того времени — крестьянском. Естественно, что попутно встают задачи выявления классовых истоков этой политики, «пружин», движущих ею, ее направленности. При таком подходе воз-

⁵⁴ Подробности см. в 5-й главе настоящей книги.

можно определить важнейшие участки исследования, на которые приходится наибольшее изменение норм права в изучаемый период. Состав законодательных актов и других источников показывает, что основным вопросом в развитии крепостного права 2-й половины XVII в. был вопрос о государственно-организованном сыске беглых крестьян и урегулирование прав на владение ими в среде господствующего класса. Это логично вытекает из существа решения крестьянского вопроса в Уложении; это очевидностью следует из коллективных челобитных дворян правительству. Сыск беглых был тем стержнем, вокруг которого наматывались важнейшие нити крепостного права. Суть процесса сводилась к тому, что те или иные нормы права возникали из определенной практической потребности, чаще всего связанной с сыском и прикреплением беглых крестьян, но затем эти нормы обретали общее значение для всех крепостных крестьян. Вопросы сыска беглых представляли для господствующего класса наиболее устойчивый интерес и занимали его в наибольшей мере, поскольку в нем было связано укрепление «крепостного устава». Отсюда следует, что законодательство о сыске беглых 2-й половины XVII в. было тем звеном, уцепившись за которое можно вытянуть всю нить развития крепостного права в данный период.

Эти соображения объясняют, почему первое и ведущее место в работе занимает первая глава, содержащая возможно полную при данном состоянии источников картину процесса законодательства о сыске беглых крестьян и холопов, постепенного нарастания норм права, направленных к одной цели — увеличению владельческих прип феодалов на зависимое крепостное население. Анализ организационных форм государственного сыска беглых в той же главе воссоздает условия реализации и претворения на практике норм права.

Как и в первой главе, так и в последующих развитие норм крепостного права поставлено в связь с изменениями форм феодальной собственности, с одной стороны, и развитием классовой борьбы крепостных, с другой стороны. Усиление крепостного права по мере его развития, не чем иным, как классовым наступлением дворян на крестьянство, осуществляемым с помощью государства.

Из первой главы работы определенные нити идут к следующим главам. Второй глава разрабатывает тот же сюжет, но применительно к условиям окраин России, где на законодательные нормы сыска и прикрепления крестьян оказывали влияние определенные социально-политические условия. Отсюда возникали вопросы о новых формах прикрепления крестьян и их сыска, о верстании беглых крестьян и рядов служилых людей по прибору и др. Однако и на окраинах определяющими для политики правительства были в основном интересы дворянства и состояние классовой борьбы крепостных.

Наибольшее место во второй главе занимают вопросы сыска и прикрепления крестьян на южных окраинах государства, в городах Белгородского и Севского полков. И это понятно. Длительное время здесь протекало строительство пограничных укреплений и городов-крепостей, проблема заселения которых требовала гибкой политики правительства в вопросах крепостного права. В отношении западных окраин — тех из них, которые перешли к России по Андрусовскому перемирию 1667 г. (за исключением левобережной Украины),⁵⁵ задача сводилась к определению исходного срока закрепления крестьян за смоленской шляхтой и сыска беглых крестьян. Решение этих вопросов заняло, в сущности, три последних десятилетия XVII в.

Еще меньший объем событий связан с Доном. До конца XVII в. на Дону не было и не могло быть сыска беглых крестьян. Только Азовские походы открыли такую возможность, чем русское правительство воспользовалось немедленно, направив сыщиков в район Дона и его притоков. Наши розыски материалов не дали ощутимых результатов по району Среднего и Нижнего Поволжья. Но и здесь в окраинных уездах действовали те же указы, что и по южной черте.

Наличие исследований В. И. Шункова, Ф. Г. Сафронова и А. А. Преображенского позволило ограничиться краткой характеристикой развития форм зависимости крестьян и сыска беглых в Сибири. Сказанное объясняет, почему вторая глава отличается некоторой неравномерностью и разноплановостью освещения вопросов крепостного права на разных окраинах государства.

Основной целью третьей главы является показ возросшей роли крепостного акта как юридического основания закрепощения крестьян. В основу избранной нами рабочей классификации крепостных актов положен признак неполной собственности феодала на крестьянина, дополненный признаком хронологическим. Сочетание этих признаков дало возможность показать процесс углубления крепостного права на примере развития крепостных актов.

Переход торгово-ремесленных крестьян в посад вызвал длительную и острую борьбу посада с феодалами за крестьян-тяглецов. Обе стороны апеллировали к правительству. Последнее было вынуждено выработать юридические основы посадской политики в данном вопросе, которая, как показывают материалы, приведенные в четвертой главе работы, претерпела определенные изменения в период от Уложения 1649 г. до конца столетия.

Русский город 2-й половины XVII в. не мог быть и не был каким-то оазисом в пустыне крепостничества, которое проникало

ни в те поры общества и придавало определенную окраску отношениям между классами, сословиями, группами и отдельными лицами. Определенная степень феодальной зависимости не могла минимизировать потребности людей и крестьян, прикрепляемых к посадкам.

Глава пятая, последняя, посвящена рассмотрению крестьянского вопроса в Палате 1700 г., которая подготавливала новое Уложение. Значение данной главы с точки зрения темы предлагаемой работы состоит в том, что Палата не только пыталась продвинуть развитие норм крепостного права вперед, но и подводила итоги его развития за вторую половину XVII в., начиная от Уложения 1649 г.

В силу этого в ходе изложения пятой главы приходилось в краткой форме повторить то, что было подробно изложено в предыдущих главах. В этом смысле пятая глава в композиционном плане может считаться заключительной.

Итоги работы Палаты важны еще в том отношении, что они освещают круг вопросов крепостного права, которые в первую очередь интересовали правительственные сферы, законодателей и непосредствующий класс на рубеже XVII и XVIII вв. Это были те самые вопросы, которые изложены нами на протяжении первых четырех глав книги и которые дают, с нашей точки зрения, яркое представление о том, с какой силой давили государственный аппарат самодержавия и созданный им правовой институт на временно-крестьянско-холодную массу, все более и более расширяя пределы власти над нею вотчинников и помещиков.

Выступая против милюковского прикрашивания слабости крепостного права в России, В. И. Ленин писал: «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостничество помещичье сословие в России, а гораздо более „крепким“, твердым, могучим, всепильным, „чем где бы то ни было в цивилизованном мире“»⁵⁶

Если на конкретном материале 2-й половины XVII в. нам удалось что-нибудь сделать в подкрепление и раскрытие ленинского тезиса, мы хотели бы считать цель работы достигнутой.



⁵⁵ Территория Украины не входит в географические рамки нашей работы. Нами затронут вопрос о сыске лишь беглых русских крестьян на территории левобережной Украины после ее присоединения к России.



Глава первая

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЫСК БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН И ХОЛОПОВ

Умалая значение отмены урочных лет Уложением, М. А. Дьяконов среди мотивов, подкрепляющих его взгляды на Уложение, высказал мысль, что эта отмена и введение денежного высканья за прием беглых (10 рублей за каждого беглого крестьянина) не уменьшили крестьянских побегов.¹ Соглашаясь с М. А. Дьяконовым в этой части его рассуждений, Б. Д. Греков заметил о бегстве крестьян, что «никакими законами его прекратить было невозможно, как невозможно было предупредить и другие виды протеста, к какому прибегали всегда и везде угнетенные массы».² Более того. На принятие Уложения 1649 г. и прежде всего на отмену урочных лет сыска беглых русское крестьянство ответило усилением побегов. И это логично. Усиление побегов было реакцией угнетенного класса на закрепостительные мероприятия феодального государства. Но из этого отсюда не следует, как полагал М. А. Дьяконов, что Уложение не достигало цели. Отмена урочных лет явилась крупным событием на пути становления крепостного права. Практически такая отмена облегчала господствующему классу, его основной массе — дворянству, возвращение беглых крестьян и тем самым открывала пути к наиболее полной реализации прав на зависимое население. Но в видах дальнейшего упрочения крепостного режима одной отмены урочных лет сыска беглых оказалось недостаточно. Логика событий подсказывала, что в ряду явлений, образующих собою процесс становления крепостного права, недостает важного очередного звена — сыска беглых крестьян и холопов как постоянной государственно организованной функции органов власти. И хотя вопрос о сыске беглых был поставлен еще указами 90-х годов XVI в., — тем не менее сыска как системы, как постоянной функции органов государственной власти не было вплоть до Уложения. И Уложение ничего не говорило о сыске, не ставило вопроса о его новой си-

стеме, подразумевая прежнюю (сложившуюся на практике) систему челобитий дворян в каждом отдельном случае побегов крестьян. Наличие урочных лет предполагало порядок разрозненного индивидуального сыска беглых с учетом срока сыска с момента побега в каждом отдельном случае и при условии, что владельцу беглого крестьянина известно его местонахождение. Ликвидация урочных лет, естественно, создавала условия для сыска «обезличенного», массового и государственно организованного. Но так как какой системы сыска беглых в Уложении не было предусмотрено, то сама жизнь, прежде всего классовая борьба крепостного крестьянства, наталкивали дворян на необходимость ставить перед царем вопрос о внесении поправок и дополнений в существующий правовой порядок и в функции органов государственной власти.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СЫСКЕ БЕГЛЫХ

Польного размаха волна побегов крестьян и холопов достигла в конце 50-х и в 60-е годы. Исследователи справедливо увязывают значительный рост побегов крестьян именно в это время с тридцатилетними войнами России с Польшей и Швецией. Неизбежным следствием войны явилось, с одной стороны, усиление эксплуатации крепостного крестьянства, с другой — ослабление контроля над ним и связи с массовым отвлечением феодалов в полки.

Указанные обстоятельства прежде всего сказались в среде дворян и дворянских людей, как ближе стоящих к дворам феодалов. Значительное число холопов было привлечено феодалами в полки и для личного услужения в походах. Естественно, что условия благоприятные условия для побегов. Естественно, что в полках и полках, и именно те из них, которые возвращались в свои поместья после начала выступления русских войск на Мемеле и Польско-Литовской границе, появился указ о сыске беглых холопов, предписанный сыск боярских холопов, которые «в полках и в удельных службах» от своих бояр, «покрадчи их», «в полках и в удельных службах», «в полках и в удельных службах» говорились в указе, — что они, пограбляя боярские поместья на государственно службе, в полках покинули, вешать».³ В соответствии с указом в какой-то мере определялась тем, что в полках грабили и похищали бояр своих в ходе военных действий.⁴ В соответствии с указом, похищенными в полках, побежали холопы, остав-

¹ М. Д. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е, СПб., 1912, стр. 341.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II. М., 1954, стр. 379.

³ Ибид., I, № 127.
⁴ Правильность такой оценки положения дела подтверждается памятью старшего старосты (боярский человек) полковничей половины Ульяну Дубачу, от 10 июня 1664 г. о сыске холопов, бежавших во время русско-польской войны. В нем говорится, что во время войны с Польшей многие боярские холопы и служилых людей, занятых в походе, «разоря и пограбля животов», «в полках и в удельных службах» было велено вешать, а на укрывателей их было назначить царскую опалу (ААЭ, IV, № 70).

шиеся в тылу в боярских дворах. Бегство их, как это обычно бывало в таких случаях, сопровождалось «поиманием» «животов» и «рухляди» господ. Правительство и в данном случае реагировало указом, который был принят 14 марта 1655 г. Основной нормой его был запрет приимать беглых холопов в Москве под страхом «жестокое наказание» и взыскания «спосных животов». Жители Москвы были обязаны «имать» беглых и объявлять о них пачальнику Разрядного приказа Г. С. Куракину. Шойманных холопов «за их воровство и за побег, распрашивая про спосные животы, вешать».⁵ О массовом и групповом характере бегства холопов в первые годы войны свидетельствует следующий указ, принятый всего десять дней спустя после упомянутого, 24 марта 1655 г. В случае побега из одного боярского двора одновременно 20—30 холопов указ предписывал казнить из них через повешение человека 4—6, а остальных бить кнутом и вернуть владельцам. Если группа беглых не превышала 5—10 человек с одного двора, указ предоставлял право определить наказание на месте, «смотря по тамошнему делу», но при условии повешения одного-трех человек.⁶ Наконец, 11 апреля 1655 г. был принят еще один указ против беглых холопов. Указ предписывал воеводам «сажать в тюрьму» всех «прихожих людей», подозреваемых в побеге, подтверждал ранее изданные указы, вводившие смертную казнь за побег и определял для приказчиков вотчин и поместий наказание батогами и кнутом за прием беглых.⁷

И. М. Скляр, обстоятельно изучивший законодательство о холопах и крестьянах 50-х годов XVII в., приводит материалы, подтверждающие, что перечисленные указы рассылались из приказов по городам и выполнялись неуклонно.⁸

Нет никаких, однако, оснований, вслед за тем же автором трактовать указы 1654—1655 гг. как законодательные мероприятия, направленные против массовых крестьянских побегов. В самих указах совершенно определенно говорится только о холопах.⁹ В свете изложенных выше соображений это не представляется удивительным. В ходе войны с Польшей счет массовым побегам открыли холопы. Близость к правительственным сферам тех слоев господствующего класса, которых побег холопов касались в наибольшей мере, объясняет характер и быстроту реакции пра-

вительства Алексея Михайловича на побег холопов. Отсюда не следует, однако, что правительство не занималось одновременно вопросом о побегах крестьян. Оно занималось им в той самой мере, в какой ставили перед ним этот вопрос заинтересованные круги феодалов. Известно, например, что один из первых указов после Уложения, указ 5 марта 1653 г. о сыске крестьян, бежавших в украинные города и в города по черте, был принят в ответ на челобитную служилых людей. За ним последовал указ 20 марта 1656 г.¹⁰ Так как оба эти указа в значительной мере отвечали запросам дворянства центральных уездов, нет никаких оснований принять утверждение И. М. Скляра, что «в законодательной деятельности правительства до 1658 г. . . можно заметить известное неинтересование, чтобы не сказать пренебрежение, к некоторым специфическим интересам широких кругов мелкого и среднего дворянства».¹¹ Наличие в 50-е годы самостоятельных указов о побегах холопов и о побегах крестьян было продолжением той линии феодального права прошлого времени, не исключая Уложения, для которой характерны раздельные холопское и крестьянское право. В Уложении крестьянам и холопам посвящены самостоятельные главы, но уже в гл. XX значительное число статей для холопов и крестьян является общими, что говорит о проходившем тогда процессе сближения крестьянского и холопского права. Начиная с 60-х годов XVII в. законы для холопов и крестьян были едиными.

Однако надо отметить, что указы 5 марта 1653 г. и 20 марта 1656 г. о сыске беглых крестьян и городов по черте были всего лишь первыми вестниками обширной законодательной деятельности русского правительства в области борьбы с побегам крестьян.

Для того чтобы вопрос о побегах крестьян, живо затрагивающий интересы самых широких кругов дворянства, мог быть поставлен перед правительством в той самой острой форме, в какой он и был поставлен перед ним, потребовалось некоторое время.

Несколько анонимических сборы в Москве перед походами, вероятно прибывали и уже ставшему обычным приему подачи коллективных челобитных царю. На челобитные дворян 2-й половины XVII в. впервые обратил внимание А. А. Повосельский. Вставив небольшое число таких челобитных, в особенности в 10-е и 40-е годы, А. А. Повосельский изучил их содержание и составил челобитников и сделал ряд важных выводов, которые будут использованы нами по мере освещения затронутой темы. Два первых челобитных, из числа известных нам, были изданы И. И. Саввиным.¹² Издатель датировал их ноябрем—декабрем

⁵ См. указы 1653 и 1656 гг. см. ниже, стр. 123—125.

⁶ И. М. Скляр, ук. соч., стр. 89.

⁷ И. И. Саввин. Два челобитные. Библиограф. зап., № 1, 1892, стр. 1—4.

⁸ ПСЗ, I, № 150. В ПСЗ указ датирован 11 марта. Материалы разряда дают другую дату этого указа — 14 марта (см.: И. М. Скляр. Из истории политики правительства царя Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргизск. гос. заочн. пед. инст., т. IV, 1959, стр. 84, сноска).

⁹ ПСЗ, I, № 151.

¹⁰ И. М. Скляр, ук. соч., стр. 85.

¹¹ Там же.

¹² В случаях, когда указы имели в виду беглых крестьян, это и обозначалось соответствующим образом — например указы 5 марта 1653 г., 20 марта 1656 г., 13 сентября 1661 г. и многие другие.

1657 г. Такая датировка первой челобитной не вызывает возражений. Челобитная исходит от дворян и детей боярских Галицкого уезда. Изучая состав лиц, подписавших челобитную, А. А. Новосельский установил, что среди подписей имеются фамилии всех влиятельных галицких родов, представители которых входили в ряды высшего городского чина дворян выборных.¹³ Аналогичная челобитная в то же самое время была подана дворянами и детьми боярскими украинских и замосковских городов.¹⁴ В обоих случаях челобитчики энергично ставили перед царем вопрос о сыске беглых крестьян. Челобитные начинались с жалоб на то, что за время пребывания дворян на фронте, начиная с 1654 г., значительная часть крестьян бежала от них, ограбив имения и забрав с собой «животы и пожитки» своих господ. Возвращаясь, беглецы подговаривали оставшихся крестьян и похищали имущество. В моменты отлучек со службы помещики сами ездили в погоню за беглыми или посылали за ними своих людей, но беглые оказывали им вооруженное сопротивление: «... нас, холопей твоих, и людешек наших и крестьянишек до смерти побивают». Что в действительности все это так и было, не вызывает никаких сомнений, так как находит подтверждение во многих других источниках.

Сама же интерпретация поведения крестьян, содержащаяся в челобитных, показывает, что московские и городские дворяне вполне осознавали классово-враждебный характер выступления крестьян. Дворяне не смогли сломить сопротивления крепостных собственными силами и требовали помощи от своего государства. Этим определялось содержание второй части челобитных. Московские и городские дворяне сетовали на воевод тех мест, где укрывались беглые, обвиняя воевод в нежелании содействовать возврату беглых крестьян. Поднявшись до критики органов государственного аппарата с точки зрения их недостаточности в деле подавления выступлений крестьян, дворяне просили царя узаконить новую функцию государственной власти — сыск беглых крестьян, поручив его лицам, назначенным из среды дворянства. То, что функция сыска мыслилась челобитчиками не как кратковременная задача, а как широкая, постоянная, во всяком случае длительно действующая мера, показывала программа повального сыска, изложенная в челобитных: «... которые люди и крестьяне, в чьих поместьях и вотчинах сверх писцовых и переписных книг объявятца, и отцы их за кем не написаны, вели, государь, про них сыскивать и их розпрашивать». А при «допросе и про иных беглых людей и крестьян розпрашивать и пытать». Здесь интересны два момента. Во первых, предложение рассматривать писцовые и переписные книги как решающее основание крестьянской

¹³ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Тр. Инст. ист. РАН ИОН, в. 1, М., 1926, стр. 330.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Московский стол, стлб. 310/2, лл. 1—6.

... не только держаться принципа, провозглашенного в челобитной, и вторично подчинить следствие о пойманном беглом крестьянине выдачам сыска других беглых крестьян. ... в челобитных настаивали также на более активном участии воевод в сыске беглых, прося царя обязать их оказывать поощрения, приходе всего выделенном стрельцов, сотских и городовых для операций поимки и привода беглецов.

В этих челобитных, наконец, вскрываются противоречия в вопросе о сыске беглых между верхушкой феодального класса и низшими ранговым служилым дворянством. Однако выраженные противоречия слабее, чем в челобитных дворян первой половины XVII века, когда шла борьба вокруг отмены урочных лет и сыска городских дворян резко выступали против московских воевод и в челобитных против крупных вотчинников — бояр, считая что «сильные люди» чинят им многие обиды.

В челобитных 1657 г. перечисление категорий землевладельцев, в которых находили приют крепостные, бежавшие от дворян, включает города, дворцовые села, черные волости, патриаршие, монастырские и боярские вотчины, вотчины думных людей и дьяков. Вотчины и поместья дворян в этом перечне не упомянуты. Соответственно челобитчиками предлагаются меры взыскания: в отношении землевладельцев, принявших беглых, — «чинить государю унам по Уложенью», т. е. взимание штрафа в размере 10 руб. в год на каждого беглого крестьянина, а в отношении принимающих, старост и крестьян, замешанных в приеме беглых, «чинить наказанье, чтобы ... никому шибех беглых людей и крестьян принимать и на собою держать не повадно было». Усиленное внимание дворян к определению санкций за прием беглых крестьян приказчикам и старостам определяется тем обстоятельством, что крестьяне бежали от помещиков преимущественно в вотчины бояр и государевы дворцовые и черные земли. Такой вывод вполне подкрепляется имеющимися в литературе подсчетами. Подводя итог деятельности сыщика Д. И. Плещеева в Нижнем Новгороде с конца мая по середину июня 1658 г., А. А. Новосельский установил, что около 60% дел возникло по искам, предъявленным к крупным и титулованным землевладельцам: И. И. Одоевскому, Б. И. Морозову, В. И. Троекурову, Троицкому монастырю, П. С. Урусову и т. п.¹⁵ На основании анализа отдаченных книг по Нижегородскому, Галицкому, Арзамасскому и Алагарскому уездам к аналогичным данным пришел И. М. Скляр. По его сведениям, около 90% всех беглых крестьян бежало от средних и мелкопоместных дворян и около 60% из общего числа бежавших по названным уездам было обнаружено во владениях бояр, патриарха и монастырей.¹⁶ Все это с достаточной убе-

¹⁵ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 337.

¹⁶ И. М. Скляр, ук. соч., стр. 88.

дательностью вскрывает корни противоречий между верхами и низами господствующего класса. Пожалуй, с наибольшей остротой эти противоречия сказались в коллективных челобитных служилых людей Казанского, Свияжского и Тетюшского уездов. В названные уезды с целью сыска беглых крестьян патриарха Никона были посланы патриарший сын боярский Кузьма Заворотков и «наборщик» Федька Юрьев. Используя отлучку служилых людей по военным делам, К. Заворотков и Ф. Юрьев наряду с сыском патриарших беглецов «насильством» вывозили местных крестьян или переманивали их обещанием льгот во владениях патриарха на реках Майне и Утке. Крестьяне массами покидали помещиков и уходили в вотчины патриарха.¹⁷ Естественно, что поведение патриарших агентов вызвало большое негодование местных дворян. В обстановке войны с Польшей правительство пошло навстречу их требованиям. В 1658 г. был осуществлен первый крупный сыск беглых крестьян. Одним из его звеньев был сыск беглых во владениях патриарха на реках Майне и Утке. В ходе сыска села и деревни этих мест сыщики отписали на государя, а беглых и выведенных крестьян возвратили прежним владельцам.¹⁸

Однако картина размещения беглых крестьян между различными категориями землевладельцев и, следовательно, представление о характере противоречий на этой почве внутри феодального класса будут неполны, если ограничиться только учетом побегов крестьян от мелких и средних землевладельцев и не принять во внимание встречного потока беглых крестьян из вотчин крупных землевладельцев. А между тем те немногие данные, которые можно привести в этом отношении, заслуживают все же пристального внимания, так как они позволяют внести некоторые коррективы в сложившееся мнение о значительном преобладании побегов крестьян от мелких землевладельцев к крупным.

Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг., опубликованные С. М. Каштановым, дают возможность установить, что из 419 беглых крестьян монастыря, возвращенных с 14 декабря 1649 г. по 7 июля 1650 г. в вотчины монастыря в Костромском и Галицком уездах, 332 крестьянина (79%) устроились у помещиков, 42 крестьянина (10%) — у князей и бояр, 24 крестьянина (6%) — у монастырей и 6 крестьян (1,5%) на посаде.¹⁹ Эти данные тем более заслуживают внимания, что они вполне согласуются с картиной побегов крестьян из вотчин того же монастыря в 1605—

¹⁷ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 207; А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 335—336.

¹⁸ Из одного села Майны было возвращено более 340 человек. Из их числа 90% было возвращено свияжским и казанским дворянам. Всего из патриарших владений возвращено беглых до 1000 человек (А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 336).

¹⁹ С. М. Каштанов. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг. Ист. арх., т. VIII, 1953, стр. 198 (подсчеты наши, — А. М.).

1612 гг. Тогда к помещикам бежало 52% крестьян от общего числа беглых, 18% в вотчины бояр и 12% — монастырей.²⁰

И. А. Булыгин точно так же обратил внимание, что около 30% всех истцов о беглых по Рязанскому уезду составили крупные землевладельцы. И. А. Булыгин справедливо замечает, что у крупных землевладельцев крестьянам жилось не слаще, чем у мелких.²¹ Наконец, представление о масштабах побегов крестьян из крупных хозяйств дают цифры по вотчине Тайного приказа. Из 664 крестьянских семей, поселенных в 1675 г. в селе Измайлово, 441 двор находился в бегах.²²

По сведениям записных книг вотчин боярина Б. Хитрово. от него бежало за 1653, 1656, 1659, 1660, 1663—1668, 1670, 1673—1675 гг. 131 душа мужского пола.²³

Приведенные данные наталкивают на мысль, что крестьяне, бежавшие от крупных вотчинников, неохотно шли в земельные владения аналогичного типа. Накопец, большой процент бегства таких крестьян в поместья дворян и детей боярских может быть объяснен и тем, что именно эти категории землевладельцев особенно энергично перехватывали и заманивали беглецов, будучи интегрированы в рабочую силу.²⁴

Но эти явления необходимо иметь в виду при оценке законодательства о сыске беглых крестьян и в особенности в вопросе определения санкций на прием и держание беглых.

Самой длительностью по организации сыска беглых крестьян и особенно притязательностью Алексея Михайловича начало с рассылки в начале 1658 г. вповедных грамот, направленных прием беглых в поместьях и городах.

Из числа вповедных грамот нам известны пока только грамота воеводе воеводскому воеводе Г. Бутурлину от 15 февраля 1658 г.²⁵ и вповедная грамота в Углич от 25 февраля 1658 г., адресованная в воеводскому воеводе и воеводскому старостам Углича.²⁶ Грамота воеводе в воеводскому воеводе о массовых разорениях, причиняемых в воеводском воеводском воеводе, грамота указывала места со- воеводскому воеводе, божавших из центральных уездов — Ниж-

²⁰ А. И. Мельников. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в четверти XVII века. Уч. зап. ЛГУ, № 80, 1940, стр. 57.

²¹ И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е гг. XVII в. Ист. арх., т. 43, 1953, стр. 147. Достаточно вспомнить положение в вотчине Н. И. Морозова.

²² А. И. Мельников. Я. Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 170.

²³ И. А. Булыгин. Социально-экономические взгляды и государственная деятельность А. А. Ордина-Нащокина. Рукопись диссертации 1962.

²⁴ И. А. Булыгин использовал эти данные из дела № 3284 фонда 178 Рукописно-печатной библиотеки им. В. И. Ленина.

²⁵ А. И. Мельников, ук. соч., стр. 57—58.

²⁶ Ист. арх., № 43, 1953, стр. 147. Грамоты вповедные «заповедными» в указе 13 сентября 1658 г. (Ист. арх., стр. 41—42).

ний Новгород, Арзамас, Курмыш и Алатырь, а для бежавших из Нижегородского уезда — Казань и Понизовые города. Сообщалось также о царском указе отправить в перечисленные города сыщиков из дворян. Указаны были места сыска — посады, дворцовые села, черные волости, ямские слободы, патриаршие, митрополичьи и монастырские вотчины, вотчины и поместья бояр, думных чинов, стольников, дворян московских и дворян и детей боярских городовых.²⁷

За прием и держание беглых грамота устанавливала взыскание с виновных «владенья» по Уложению и определяла санкции в отношении самих беглых крестьян: тех, кто бежал, разоря помещиков и вотчинников — «за их воровство» «бить кнутом нещадно». «А пущих воров, которые бежав, помещиков своих и вотчинников, или жен их и детей до смерти побили, или дома их пожгли. . . казнить смертью».

Грамота обязывала воеводу обратиться к населению уезда — в посаде у Приказной избы, а в уезде на погостах и по торжкам, — с царской заповедью, «чтоб нижегородцов и розных городов дворян и детей боярских и всяких служилых людей нижегородских помещиков и вотчинников своих и от вотчинников не бегали, не воровали, от помещиков своих и от вотчинников не бегали, и домов их не разоряли и не пожигали, и никакого разоренья им не делали, и сами их жен и детей до смерти не побивали».

Сопоставляя эту часть грамоты с предшествующим ей изложением мер наказания крестьян за побег и за покушения на собственность и жизнь феодалов, легко заметить, что основное назначение заповедной грамоты сводилось не столько к запрету приема беглых, сколько к устрашению крестьян с целью пресечения актов классовой мести с их стороны.

Одно из предписаний грамоты Г. Бутурлину вменяло воеводе в обязанность вести самому сыск беглых крестьян до приезда сыщиков — посылать за ними стрельцов, пушкарей, затинщиков, уездных дворян и других лиц, допрашивать беглых в Приказной избе и «за воровство, за побег и за сносные животы. . . бить кнутом нещадно», после чего возвращать прежним владельцам. Узаконение сыска беглых как неперменной функции воевод получило закрепление в последующем законодательстве и явилось одной из существенных сторон организации сыска беглых второй половины XVII в.

Рассылка заповедных грамот на места была подготовительным мероприятием, за которым последовала отправка специальных уполномоченных сыщиков во многие южные, центральные и поволжские уезды государства. Сыщикам вручались указы, составленные главным образом на основании как ранее принятых, так и

²⁷ Перечень держателей беглых дан в грамоте в той же последовательности, как и в челобитных конца 1657 г.

и назначенным принятием в виду предстоящего . . . и в виде . . . Париду с указами и наказами сыщикам . . . и в . . . по получении предваритель- . . . и в . . . и в виду этого указы не только были . . . но и обретали общее значение законов . . . и в . . . Тем самым указы . . . ряд законодательных материалов по крестьян-

состояло в разработке . . . крестьян. Поскольку сыска как системы . . . предусмотрено, а государственная органи- . . . функция органов власти стала . . . в задачу наказов входила регламен- . . . в этом смысле следует обратить внимание . . . наказов сыщику Д. И. Плещееву, . . . Плещеев и подьячий Т. Абрамов . . . Нижний Новгород месяц спустя после того, как . . . направил воеводе Г. Бутурлину заповедную грамоту. Начин дачи начался с указания на челобитную 1657 г. дво- . . . Галицкого и других уездов. Тем самым по- . . . ставилась в прямую связь . . . 1657 г. Правительство считало необ- . . . дворян верховых городов, взбудораженных . . . и с этой целью через воевод дошло до их све- . . . к нему великому государю к Москве . . . и были бы на его великого государя службу . . . Если к этому добавить, что в задачу сыщиков входил . . . бегавших с 1654 по 1658 г.,²⁹ т. е. в первые годы . . . то перед нами раскроется все значение сыска как крупного . . . правительства Алексея Михай- . . . на укрепление тыла и на усиление дикта- . . . внутри страны в период войны.

По прибытии в Нижний Новгород сыщик и его подьячий были обязаны получить у воеводы двадцать стрельцов, а на «ослуш- . . . отставных дворян и детей боярских. Стрельцам было . . . «сидеть биричем по многие дни» на посаде, а в уезде . . . старосты и крестьяне . . . патриаршие . . . городовых дворян вотчин и поместий «прихожих беглых людей . . . к ним, Дмитрею и подьячему, . . . и к записке приводили». Приведенных крестьян наказ

²⁸ ДАИ, IV, № 48/1.

²⁹ Там же, стр. 123.

предписывал «роспрашивать накрепко», устанавливая их официальную принадлежность и, «выбрав из десяти человек человека по два, за побег бить кнутом, что б им впредь и иным неповадно было так воровать и бегать», а затем — высылать их «за поруками» с женами и имуществом на прежние места. Служилые люди по прибору, поселившиеся на черте до 1653 г. и затем бежавшие оттуда к прежним или новым владельцам, подлежали возврату на черту по указу 1658 г. А с черты подлежали возврату те из беглых крестьян, которые бежали туда после 1653 г. В данном случае основанием служил указ 20 марта 1656 г.³⁰ Отдельная норма наказа регламентировала возврат беглых в случае отсутствия поручителей по ним. При отсутствии поручителей сыщики отсылали беглых в города и уезды со стрельцами, которые отдавали посадских людей воеводам, а дворовых крестьян — приказным людям под расписки.

Относительно возврата частновладельческих беглых крестьян и холопов в наказе Д. И. Плещееву предусмотрено четыре варианта. Первый из них предполагал наличие беглых крестьян и претендентов на них — челобитчиков. В таком случае сыщику следовало ставить беглых с глазу на глаз с челобитчиками. И если беглые на очной ставке признавали в челобитчиках своих вотчинников и помещиков, а те в свою очередь предъявляли на них крепости и выписи с писцовых и переписных книг, то сыщик должен был проверить выписи на предмет заверки их дьяками и писцами. Сверх того сыщик должен был брать копии выписей из писцовых книг, заверенные писцами, и сказки от челобитчиков, «чтоб те их выписи сходились с писцовыми книгами, а приписки сверх писцовых книг в тех выписях ничего не было». Лишь после этого беглых, учиня им предварительно наказанис, с семьями и имуществом сыщики отдавали помещикам под расписку и доставляли к месту прежнего поселения.

Второй вариант процедуры возвращения беглых исходил из факта отсутствия претендентов на беглых на месте расследования. Сыщики в таком случае наказывали беглых и отсылали их или с порукою, или в сопровождении приставов к их помещикам и вотчинникам. Но тут же предусмотрен третий вариант. Он предполагал отсутствие важнейшей в феодальном праве гарантии — поруки. Тогда беглых, их жен и детей заключали в тюрьму. Помещики для выручки своих крестьян из тюрьмы должны были присылать за ними людей с крепостями.

Тесным образом с этим связано предусмотренное наказом оповещение воевод, приказных людей и самих помещиков о беглых крестьянах и холопах, находившихся у сыщиков под следствием и в заключении. Формой оповещения служили отписки сыщиков с приложением именной росписи беглых и посылка бирючей

«по торгом кликать и тем дворяном про их беглых людей и крестьян сивазывать, чтоб они людей своих и крестьян из тюрьмы, приехав, или кого прислав с крепостями имали».

Таким образом обеспечивалось предъявление крепостей как юридического основания возврата беглых. Но тем самым третий вариант процедуры возврата беглых в конечном итоге сводился к первому ее варианту.

Наконец, четвертый вариант условий отдачи частновладельческих беглых крестьян предусматривал столкновение двух видов документальных оснований на спорных крестьян — выписей из писцовых и переписных книг поместий и вотчин, в которых спорные крестьяне проживали ранее, и каких-либо крепостей («отдачи» на приказов или поступные записи о передаче этих крестьян вместо беглых), предъявленные новыми их владельцами, у которых, по условиям ситуации, предусмотренной в наказе, в писцовых и переписных книгах спорных крестьян не значится. Наказ в данном случае предписывал сыщику действовать по указу и по чинению.

В гл. XI Уложения наиболее близка к данной ситуации ст. 8, которая оставляла в силе полюбовные сделки о крестьянах, совершенные до Уложения.

Указ норм наказа обязывал сыщика активно вмешиваться в дело выкупа беглых крестьян. В случае отказа владельцев или причинчиков вотчин и поместий «поставить» беглых крестьян для выкупа, сыщик был обязан направить за беглыми к месту их жительства «слуг монастырских и стрельцов и пушкарей и затинщиков и тех беглых людей и крестьян приводить».

В местах наибольшего скопления беглых сыщик выезжал лично.

Наказ говорил об актах классовой мести крестьянства, нередко сопровождавшихся побегам. Сюда относились убийства феодалов, воевод и семей, прислуги, поджог имения, грабеж имущества «владельцев, именение собственных имен и имен своих отцов и братьев и прочих» и возможность поимки и возвращения на прежние места.

Для лучшей охраны жизни феодалов и неприкосновенности собственности были основной функцией феодального государства обеспеченные значительное развитие в Уложении и в период его истории, начиная с 1658 г. сохраняли квалификацию убийства «владельцев и прочих их имений крестьянами при побеге; как тати и разбойного дела и подводил его под преступления, предусмотренные гл. XXI Уложения. Соответственно определялась ответственность смертной казни через повешение. Как обязательный элемент обвинения по делу об убийстве и пожого, узаконялась обязанность сыщика и тех поров распрашивать и по роспросу пытаться.

Наличие преступления в наказе и при расследовании дел о беглых крестьянах и холопах, с тем лишь отличием от дел об убийстве и пожого, что они не были обязательным элементом следствия.

³⁰ Об указах 1656 и 1658 гг. см. ниже, стр. 123—125.

К ней прибегали, когда недоставало доказательств принадлежности беглых крестьян: «... и тех людей и крестьян роспрашивая, и про них сыскивать накрепко. А будет сыскать нечем, и их в том воровстве по государеву указу и по Уложению пытатъ». Практически, конечно, выбор средств дознания зависел от усмотрения самих сыщиков и воевод. Однако, различие, полагаемое законом в обстоятельствах применения пытки и включенное в наказ 1658 г. вовсе не было, да и не могло быть только юридической фикцией. Из практической деятельности Д. И. Плещеева очевидно, что сыщик учитывал данное ему наставление.

Таким образом, наказ 1658 г., хотя и опирался в определении ряда норм и санкций на Уложение 1649 г., все же заметно расширял в сравнении с Уложением юридические и практические возможности возврата беглых крестьян и холопов прежним владельцам.

Главное новшество наказа состояло в квалификации побега крестьян как политического преступления («воровство») и в определении наказания за сам факт побега.

Уложение 1649 г. не определяло наказания за побег. После Уложения начиная с 1654 г. законодательство, как мы видели, обрушило жестокие репрессии (вплоть до смертной казни) на холопов за их побег из полков от бояр и за грабеж барского имущества. Впервые квалификация крестьянских побегов, сопряженных с грабежом и пожогом имущества феодала, как явления политического встречается в грамоте 1658 г. нижегородскому воеводе Г. Бутурлину. Наказ Д. И. Плещееву 1658 г. в свою очередь выделил побег в разряд самостоятельного преступления, не связанного с другими видами классовой мести крестьянина, и определял за него наказание кнутом (ввиду массового характера побегов наказание назначалось выборочно — по два человека из каждых десяти человек).

Позднее указом 8 августа 1659 г. в отношении беглых крестьян Поволжья, которые, не совершив убийства, учинили пожар и грабеж господского имущества, была введена смертная казнь. В данном указе не лишен значения один штрих. Новая санкция против крестьян была как бы платой дворянам и детям боярским пониженных городов, городovým помещикам и вотчинникам «за их к нему, великому государю, многие службы, за кровь и за раны».³¹ Царское правительство расплачивалось, таким образом, за верную службу дворян на фронте и в тылу расширением владельческих прав над крестьянами и общим усилением крепостного режима.

И. М. Складар безусловно прав, когда видит отличительную черту законодательства 1654—1659 гг. в карательном характере большинства мероприятий, назначением которых было приостановить растущее движение крестьян и холопов. Он прав и в том,

³¹ ПСЗ, I, № 255.

... Ариэли в приютом и укрывательством беглых стояла на данном этапе времени на втором плане. Но едва ли справедливо вслед за И. М. Складаром делить законодательство о крестьянах на два периода, один из которых относить к 1654—1659 гг., а другой — к 1660—1669 гг., и объяснять эту периодизацию внутриклассовой борьбой феодалов за рабочие руки. Согласно И. М. Складару, в период 1660—1669 гг. доминирующими были интересы боярства, и поэтому в указах преобладали репрессии против беглых, преимущественно холопов. Начиная с грамоты 15 февраля 1658 г. (И. М. Складар по непонятной причине называет ее указом) появились признаки победы широких кругов дворянства, выдвинувшего свои требования и челобитных конца 1657 г. Эта победа дворян над боярством, открыла новую полосу в законодательстве начиная с 1660 г. Характерной особенностью ее было преобладание санкций против дворян-дворян, к которым в большинстве относились «воры». Данная схема не может быть принята прежде всего потому, что противоречия между верхами феодального класса, дворянством, и его рядовой массой — дворянством, хотя и были поначалу присущи развитию этого класса, не достигали все же такой остроты, чтобы можно было, руководствуясь этим, объяснить развитие феодального права. В действительности, последнее было юридическим выражением производственных отношений, а не отношений между классами. Именно обострение классовой борьбы и определенных формах вызвало новое проявление воли господствующего класса в законодательной форме. Нельзя, наконец, упускать из виду глубоких изменений, произошедших в развитии господствующего класса. Если в XVI в. боярство представляло себя дворянству как своей меньшей и худородной частью, то в XVII в., по справедливому замечанию В. В. Маврогина, боярство «было дворянской знатью, его верхушкой и по политическим, и по политическим интересам, и часто по происхождению. Оно не противопоставляло себя дворянству, а возглавляло его, хотя это и не исключало их борьбу между собой».³²

А что же получается по И. М. Складару? Уложение отвечало требованиям дворянства. Однако в 50-е годы в законодательстве преобладали интересы боярства. Затем с 60-х годов (до 1669 г.) снова верх одерживает дворянство. Что было после 1669 г., естественно непонятно, так как И. М. Складар интересуется временем, предшествующим восстанию С. Разина. Но ведь на 1669 г. крепостное законодательство не остановилось. Как увидим далее, в 1669 и в последующие годы в законодательстве происходило дальнейшее развитие тех самых норм крепостного права, которые были введены с Уложением и с указами 50—60-х годов. Словом,

³² И. М. Складар, ук. соч., стр. 90—91.

³³ И. М. Маврогин. Некоторые вопросы эволюции русского самодержавия в XVII—XVIII вв. См.: Вопросы генезиса капитализма в России. М.: Наука, 1960, стр. 80.

вторую половину XVII в. следует рассматривать как единый период в развитии крепостного права, характеризующийся постепенным нарастанием его норм. Это не означает, конечно, что не было моментов спада и подъема крепостного законодательства, так или иначе связанных с явлениями классовой борьбы, с внутриполитической и внешнеполитической жизнью страны.

На состояние законодательства о крестьянах накладывали отпечаток и противоречия между отдельными группами феодалов. Было бы несправедливо отрицать влияние этих противоречий, но не они определяли собой характер и этапы развития законодательства. Столкновение интересов боярства и дворянства, в частности в крестьянском вопросе, было постоянным, но сказывалось главным образом в принятии и узаконении тех или иных частных норм.

Нормы же общего порядка объективно отвечали классовым интересам всех феодалов. Если дворяне придавали, действительно, большое значение борьбе с присмом и укрывательством беглых, то это отнюдь не означало, что санкции против самих беглых крестьян занимали их в меньшей мере, чем санкции против укрывателей беглецов. И правительство, начав законодательство 2-й половины XVII в. с мер наказания за побег и связанные с ними грабежи помещичьих имений, ни минуты не сомневалось в том, что оно осуществляло волю всех феодалов и прежде всего основной его массы — дворянства.

Но этого оказалось мало. Для дальнейшего укрепления крепостного закона потребовались санкции против укрывателей беглых. Именно в этом вопросе наиболее остро столкнулись интересы московского и городского дворянства с интересами крупных вотчинников — бояр и думных людей. Не случайно поэтому инициатива борьбы с приемом и укрывательством беглых крестьян исходила от дворянства. Это отчетливо видно из челобитных конца 1657 г., но с еще большей очевидностью следует из челобитной дворян и детей боярских разных городов 1660 г.³⁴ Чело-

³⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Московский стол, стлб. 310/3, лл. 1—10. В. Н. Сторожев датирует эту челобитную, как и челобитную галичан, началом 1660 г., т. е. концом 1657 г. (В. Н. С т о р о ж е в, ук. соч., стр. 1—2). А. А. Новосельский допускает возможность датировать ее 1661 г. (А. А. Н о в о с е л ь с к и й, ук. соч., стр. 330). Без каких-либо оговорок относит эту челобитную к 1661 г. и И. М. Скляр (И. М. С к л я р, ук. соч., стр. 82 и 91). В самой челобитной указаны на дату ее составления нет, но есть данные, позволяющие ставить вопрос о датировке. Во-первых, челобитчики говорят, что по их челобитью (челобитная декабря 1657 г.) царь послал «в города сыщиков». Такие сыщики, как мы знаем, посылались начиная с марта 1658 г. Таким образом челобитная составлена не ранее марта 1658 г. В конце документа имеется помета, что челобитную передал в Разряд окольный Иван Афанасьевич Гавренев «декабря в 21 день» (год не указан). С другой стороны, исследователи справедливо связывают указ 13 сентября 1661 г. с этой челобитной (об этом ниже). Следовательно, челобитная составлена не позднее декабря 1660 г. Содержащееся в ней указание, что крестьяне побежали от

...и утверждается напоминанием того, что еще Михаилу Федоровичу было много челобитье» о беглых крестьянах и «тебе, чужды государю, о тех же наших беглых людех и крестьянех... и многократно же челобитье». Любопытно, что в сознании современников глубоко корни пустила традиция многолетней борьбы интересов в крестьянском вопросе путем апелляций к царю. Именно этой силе, дворянство свято хранило в памяти былые челобитные 30-х и 40-х годов XVII в., принесшие ему несомненные плоды. Коллективные челобитные дворян не оставались без внимания. К сожалению, до 60-х годов нам известны немногие челобитные: челобитная 1653 г., ссылка на которую содержится в указе царя того же года, две челобитные конца 1657 г., две челобитные 1661 г. и челобитная 1660 г. Но если к этому добавить челобитные 70-х годов XVII в., о которых речь будет ниже, и учесть воздействие челобитных на ход законодательства по крестьянскому вопросу, то вполне складывается представление о постепенном проявлении политической активности дворянства на пути к его полной диктатуре в позднейшие времена.

Начиная со 2-й половины XVII в. дворянство делает заметные шаги на пути осознания себя как класса. Оно поднимается до принципиального обоснования задач классовой политики в крестьянском вопросе. В разбираемой челобитной 1660 г. жалобы на произвольные побег крестьян, влекущие нанесение экономического ущерба, впервые завершаются характеристикой политической последствий побегов. Челобитчики подчеркивали, что в отношениях между ними была постоянная тяжба и взаимная обида. Мысль о побегах крестьян как обстоятельстве, наносящем вред политическому единству господствующего класса, в результате чего возникла борьба между отдельными его группами, впервые возникает, что дворянство поднималось до осознания общеклассовых позиций феодалов в крестьянском вопросе. Не случайно поэтому и челобитной 1660 г. в перечне мест поселения беглых крестьян наряду со всеми основными категориями землевладельцев числятся московские и городские дворяне («наша братия»). В перечне челобитных, не исключая и челобитных конца 1657 г., обоснование и прием беглых было направлено лишь против посада, в бедных землях и крупных землевладельцев. А. А. Новосельский отметил, что в отличие от первой половины XVII в., когда челобитные подавались в равной мере городскими и столичными дворя-

нами означенною зимою и весною», позволяет предположить, что челобитная была составлена не позднее конца 1658 г., т. е. летом 1660 г. Из того обстоятельства, что челобитная пошла в Разряд в декабре того же 1660 г., напрашивается вывод, что составлялась она не в Москве, а в каком-то другом, возможно отдаленном пункте скопления служилых людей.

нами, как отдельно, так и совместно, причем из московских чинов в них принимали участие даже стольники и стряпчие. Свои интересные наблюдения А. А. Новосельский объяснил происходившим во второй половине века стиранием резких граней, отделявших «город» от Москвы.³⁵ Нам представляется, что корни этих явлений лежали глубже. Они ведут нас к отмеченному выше процессу консолидации господствующего класса и к росту классового самосознания дворянства, что было естественным следствием подъема экономического и политического значения дворян в общественном строе феодальной России. Экономически дворянство все более становилось монополистом феодальной собственности на землю. И политически оно точно так же вытесняло родовитое боярство, добиваясь повышения своей роли в государственном аппарате и в армии. Процесс возвышения дворянства был, разумеется, медленным и протекал на протяжении всего XVII в., но существенные признаки его находим в выступлениях дворян 50-х годов и, в частности, в челобитной 1660 г.

Политическая квалификация побегов крестьян дополнялась в той же челобитной не менее яркой оценкой крестьянского движения с классово-враждебных ему позиций. По словам дворян, «крестьяня наши не хотят от твоей государевы службы нимало лишняя тяготы при прежних летех понести, а иные похотели воровать, красть, разбивать, и без трудов пить и есть сладко, и одеваться, обуваться чужими животами». ³⁶ Подобной тенденциозной оценке выступлений народных масс против угнетателей могли бы позавидовать эксплуататоры всех времен, не исключая нашего времени.

Ставя перед царем вопрос об экономических и политических последствиях побегов крестьян, авторы челобитья 1660 г. просили о новой отправке сыщиков по городам и организации постоянного, так сказать автоматически действующего, сыска беглых без челобитных дворян. Тем самым подчеркивалось неудобство и неприемлемость в новых условиях порядка, установленного еще до Уложения, и связанного с подачей челобитных о беглых в каждом отдельном случае. В противоположность этому дворяне выдвигали программу повального сыска беглых «окольными и повальными обыски против татинных и разбойных сысков». Приравнение сыска беглых крестьян следствию по татинным и разбойным делам означало стремление превратить сыск в постоянную функцию государственного аппарата, подобно делам против татей и разбойников, и одновременно поднять политическое значение сыска беглых.

К этой же цели клонились и жалобы на недостатки существующего законодательства о беглых. Основной пробел законодатель-

³⁵ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 329.

³⁶ ЦГАДА, ф. Разряда, Московский стол, стлб. 310/3, лл. 1—10.

... и притычных и глазах рядового дворянства состоял в недостаточности санкций за прием и держание беглых. Крестьян, беглых боялись в промежуток времени между писцовыми и переписными книгами (1626—1646 г.), новые хозяева держали беспрепятственно, так как в Уложении за «владенья» такими крестьянами, по словам челобитчиков, «ничего не указано» и «им теми же обычными притычными и бобылами и впредь мочно владеть безстрашно и безвредно боялами, потому что им от тебя, государя, ни единая грамота, ни вины не лежит». Не положено «владенья» и за держание беглых дворянских людей. Отсюда требование дворян установления наказания «владенья» за держание крестьян, бежавших после выдачи им книг; в случае отказа в возврате беглых — виновным «чинить виновному с наказаньем» и пени «безо всякие пощады». При рассмотрении дворян правительству предусматривали и усложнение процессуальных моментов сыска. В процессе сыска беглых дворяне «обыкновенно» требовали взимать сказки «по евангельскому чиноводу», а за ложь в обысках и в сказках «чинить против татинных и разбойных статей заповедь с наказаньем или пеню». Для проторки сведений о беглых в обысках и в сказках они предлагали привлечь приходское духовенство, «чтоб священники пропрашивая людей сказки сыщиком вправду и по священной правде, потому что всякому священнику в своем приходе все известно. В случае ложных показаний, на священников распространить то же самое заповедь и пени.

Наконец, в число требований челобитчиков входило возвращать беглых крестьян их владельцам с семьями и имуществом, а в случае невозможности — перед воеводой с запискою и с отписьюм, причем отворить их к хозяевам следовало на подводах тех, у кого они бегли в беггах. Лучшим временем возврата беглых признавалось время — «спасенного ради времени».

Таким образом, в 1660 г. дворянство выступило с широкой и разносторонней программой требований, направленных на упорядочение сыска беглых крестьян. Эти требования имели в своем принципиальное сыска беглых в постоянную функцию органов государственного аппарата — приказов, специально уполномоченных лиц сыщиков, воевод и духовенства. Тенденция усиления роли сыска беглых наиболее ярко сказалась в приравнении его к татинным и разбойным делам.

Другая часть требований дворян сводилась к необходимости усиления и большей регламентации санкций за прием и укрывательство беглых крестьян. И хотя санкции предлагались главным образом материального свойства, их юридическая квалификация приравнивалась к санкциям по татинным и разбойным делам.

Из этого видно, что усиление ответственности за держание беглых крестьян преимущественно крупного боярского землевладения. Эти требования 1660 г. шли далее узко-групповых интересов дво-

рянства и были направлены на упрочение системы крепостного права в целом, неременной составной частью которого должно быть правовое урегулирование взаимных претензий феодалов прежде всего в вопросах принадлежности и возврата беглых крепостных крестьян. Такая оценка положения дела представляется вполне вероятной в свете завершающей челобитную 1660 г. знаменитой формулы крепостного права, на которую в литературе обращалось неоднократно внимание. Тексту самой формулы предшествовало вытекающее как итог из всего содержания челобитной выражение горячего желания избавиться «от толика великия и нестерпимыя напасти и лютого и многолетнего разорения и междуусобного нашего греха брани». Подчеркивая враждебный характер крестьянских движений, дворяне настаивали перед царем на принятии мер, сводившихся к упрочению «крепостного устава»: «... и в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле во-веки был неподвижен, и никому б не повадно было божия даения, а вашего государского давнаго и вечнаго жалования ... восхищати и неправедными прибытками богатье; и чтоб в твоей государевой державе вси люди божи и твои государевы, кождо от великих и четырех чинов, освященный и служивый и торговый и земледельческий, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от одинаго ничим же обидим был, и кийждо людие по заповеди божий от своих прямых трудов питались».³⁷

Высказанные здесь мысли не являются случайным эпизодом, простым привеском к челобитной, а органически вплетены в ее ткань, выступая как закономерный итог всех рассуждений дворян относительно системы и порядка сыска беглых крестьян и взысканий за их укрывательство. Перед нами своеобразный апофеоз политического трактата, вскрывающего с предельной ясностью классовую идеологию дворянства.

Четкая картина сословно-классового деления общества, при котором эксплуатируемому большинству отведена участь кормить и одевать остальных, а этим остальным — духовенству, служилым людям и купечеству — охранять и освящать наличный порядок, увенчана требованием к правительству блюсти неподвижное состояние крепостного устава.

Нельзя не заметить попутно, что в лице дворян XVII в., авторов челобитной 1660 г., выступали своего рода предшественники дворянско-буржуазных историков XIX в. с их теорией закрепощения сословий самодержавным государством. Нетрудно видеть, для чего была нужна дворянству XVII в. такая теория. Она служила средством идеологического обоснования закрепощения крестьян.

Челобитная 1660 г. была, таким образом, не чем иным, как политической платформой крепостного права. А дворянство вто-

³⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Московский стол, стлб. 310/3; А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 352; И. М. Складар, ук. соч., стр. 82.

и в последние XVII в. выступило в качестве политической силы, которая наиболее последовательно и активно отстаивала тенденцию укрепления и развития крепостнических отношений.

Челобитные дворян 2-й половины XVII в. требуют к себе особого пристального внимания и должны быть рассмотрены как богатейший источник по истории общественной мысли, как своеобразные публицистические трактаты своего времени. Имя, имя и Фигуро, получило отражение своеобразное пересечение объективного процесса нарастания классовой борьбы крестьян с дворянской программой развития и укрепления крепостного права как определенной правовой системы, регулирующей отношения помещика и помещика производственные отношения феодалов общества.

И характеру и степени воздействия челобитных на законодательство того времени, в какой мере законодательство XVII в. выражало интересы господствующего класса и его основной массы — дворянства.

Вопрос о примерах этого может служить указ и боярский приказ от 13 сентября 1661 г. В. И. Сторожев первый обратил внимание на связь некоторых норм указа с предложениями челобитной служилых людей «разных городов» 1660 г.³⁸ Более подробно о челобитной на указ 1661 г. подчеркнуто А. А. Новосельским.³⁹ И. М. Складар усиливает этот вывод. По его утверждению, выступление дворян осенью 1661 г. (по нашему мнению, это выступление должно быть отнесено к лету 1660 г.) предопределило направление последующей законодательной деятельности правительства вплоть до 1669 г.⁴⁰

В своем деле, общие требования челобитной дворян об усилении прерогатив, в том числе материальных взысканий, за прием и содержание беглых получили в указе 13 сентября 1661 г. конкретное юридическое выражение. Связь указа с челобитной устанавливается и формальным путем. Второй наказ сыщике Д. И. Плещееву от 13 сентября 1661 г.⁴¹ включает в себя значительную часть указа 13 сентября 1661 г. В то же время указ о посылке Д. И. Плещеева от 13 сентября 1661 г. содержал ссылку на челобитную служилых людей «разных городов» и «розных верховых городов дворян и боярских и белозерцев», под которой следует понимать челобитную 1660 г.⁴²

³⁸ В. И. Сторожев, ук. соч., стр. 1—2.

³⁹ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 343.

⁴⁰ И. М. Складар, ук. соч., стр. 91. Так как челобитная стала известна правительству только в декабре 1660 г. (помета о времени ее представления в Разряд), указ о посылке сыщиков в города, с учетом желания тех же челобитных проводить сыск беглых только в зимнее время, не мог состояться ранее июня 1661 г., что и имело место в действительности.

⁴¹ ДАН, IX, № 48/11.

⁴² А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов..., стр. 343.

Основное значение указа 13 сентября 1661 г. состояло в том, что он определял новые в сравнении с Уложением санкции на прием и держание беглых крестьян и холопов, значительно продвинув вперед законодательную разработку этой стороны крепостного права. Характер санкций за держание беглых в указе дифференцирован в зависимости от времени принятия беглых и от социального и имущественного положения лиц, нарушивших заповедь о неприеме. В отношении времени выделены два периода: первый — от заповедных грамот 1658 г.,⁴³ запрещавших прием и держание беглых крестьян и холопов, до даты указа, т. е. до 13 сентября 1661 г., и второй — после указа, т. е. в будущем.

В социальном отношении указ выделял, во-первых, вотчинников и помещиков и, во-вторых, приказных дворцовых сел и черных волостей, земских и посадских старост и приказчиков вотчин светских и духовных феодалов всех рангов.

Для времени от заповедных грамот до указа санкции за прием беглых распределялись следующим образом. Для приказных людей дворцовых сел и черных волостей и для посадских и земских старост определялось наказание кнутом. В случае наличия у приказных людей собственных поместий и вотчин телесное наказание заменялось взиманием по одному наддаточному крестьянину за каждого беглого крестьянина в пользу владельца последнего. Для того же времени приказчикам вотчин и поместий светских и духовных феодалов, если приказчики приняли беглых без ведома своих хозяев, указ, как и в первом случае, определял наказание кнутом, но в более суровой форме — «бить кнутом нещадно». Одновременно материальная часть взыскания ложилась на помещика или на вотчинника: взыскание владения за зажилые годы и доставка беглых крестьян с семьями и имуществом их владельцу на собственных подводах.

Значительно возрастала материальная ответственность вотчинников и помещиков в том случае, если беглых принимали они сами или приказчики по их повелению. Приказчики доказывали свою невиновность предъявлением «грамоток» или «подписных челобитных» от своих хозяев с предписанием принимать беглых крестьян. Наличие оправдательного документа освобождало приказчиков от наказания кнутом, но на владельцев вотчин и поместий, виновных в приеме беглых, сверх зажилых денег налагалось взыскание за каждого беглого крестьянина по одному наддаточному крестьянину из числа их собственных крестьян, «а не чужих беглых».

Санкции, определяемые указом для времени после 13 сентября 1661 г., носили превентивный характер. Их особенностью было

⁴³ Примером заповедных грамот 1658 г. могут служить грамоты от 15 февраля 1658 г. нижегородскому воеводе Г. Бутурлину (см. выше, стр. 29) и окружная грамота в Углич от 25 февраля 1658 г.

материальной ответственности за прием беглых. Для приказных людей, старост и помещиков и вотчинников телесное наказание оставалось в силе. Но для приказчиков частновладельческих вотчин в дополнение к телесному наказанию кнутом добавлялось взыскание на будущую пору. Для приказных людей дворцовых сел и черных волостей, земских и посадских старост и вотчинников, вместо наказания кнутом взыскание за каждого беглого крестьянина четырем наддаточным крестьянам с семьями и имуществом доставлять их вместе с беглыми их владельцу на собственных подводах.

В указе 1661 г., таким образом, представлена тенденция замены телесного наказания на прием беглых материальным взысканием. В отношении одной категории лиц — в данном случае приказчиков, экономическое положение которых было связано с помещиками.

В указе 1661 г. определен порядок взыскания четырех наддаточных крестьян за каждого беглого крестьянина определен указом на будущее время и для помещиков и вотчинников, как в том случае, если они примут беглых сами, так и тогда, когда беглые будут приняты приказчиками по их повелению.⁴⁴

⁴⁴ Указ 13 сентября 1661 г. напечатан в ПСЗ, а затем повторен: Е. П. Карамзин, *Собрание узаконений Русского государства*, т. I. 1874, № 307; *История России* (Собрание узаконений), т. IV—XX вв. М., 1910, стр. 79 — с пропуском в тексте указания о взыскании четырех наддаточных крестьян за каждого беглого крестьянина. В первом случае (ПСЗ, I, стр. 558) перед абзацем, начинающимся словами: «А буде патриархи или митрополиты и архиепископы...», — должно стоять: «А будет за которыми приказными людьми дворцовых сел есть поместья и вотчины и о тех указал в г. вместо взыскания по четыре крестьянина с женами и с детьми и с хлебом и отвести тому, чьи беглые люди и крестьяне сыщется и отвести их на подводах, на которых крестьянин преже сего жил». Во втором случае там же в середине абзаца, в начале которого идут слова: «А будет из тех приказчиков учнут кто принимать и полагать грамотки или подписные челобитья, что им велено принимать беглых людей и крестьян, и тех приказчиков кнутом не бить, и взять по два вотчин или из поместья...» — вместо идущих здесь слов «... беглых людей и крестьян, которые бегали...» должно быть: «... за всякого беглого крестьянина и за крестьянина по четыре крестьянина, которые ему крепки, и по беглым чужих, отдать чей крестьянин за кем жил...» и далее, как в ПСЗ «... с женами и с детьми и с хлебом велеть их отвозить...» и т. д. (Исходный текст указа 13 сентября 1661 г. восстанавливается по его спискам: ЦГАДА, ф. 1116, *Собрание поступлений* 1956 г., № 53, лл. 44 об.—46; ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 280812).

Дефектный текст указа 13 сентября 1661 г., напечатанный в ПСЗ, ввел в заблуждение ряд исследователей относительно времени и порядка введения санкций о взыскании четырех наддаточных крестьян. И. А. Булыгин высказал мнение, что взыскание четырех наддаточных крестьян за каждого беглого крестьянина установлено с 1663 г. (И. А. Булыгин, *ук. соч.*, стр. 136—137). Автор этих строк, на основании ссылок в последующих законодательных актах (указ 1 декабря 1682 г. — ПСЗ, II, № 972; грамота нижегородскому воеводе И. Репнину — ПСЗ, I, № 364, и др.) на взыскание четырех надда-

И в отношении будущего времени предусматривалось освобождение приказчиков от наказания, если их невиновность будет доказана предъявлением письменных распоряжений вотчинников и помещиков о приеме беглых крестьян. Закон исходил, таким образом, из подчиненного положения приказчиков.

Тем не менее регламентация ответственности приказчиков вскрывает очевидное стремление закона поставить в привилегированное положение крупных бояр и думных чинов, в вотчинах которых приказчики решали многие дела, в том числе и дела о приеме беглых крестьян, самостоятельно и без ведома своих

точных крестьян с 7170 г., выдвинул предположение о наличии пока не известного нам указа, содержавшего именно эту норму, который мог быть принят в конце 1661 г. или до осени 1662 г. (Археогр. ежегодник за 1958 г., М., 1960, стр. 379).

Одновременно появилось исследование И. М. Скляра, в котором автор, беря за основу борьбу между боярством и дворянством и исходя из анализа формулы указа 13 сентября 1661 г., приходит к выводу, что в один и тот же день — 13 сентября 1661 г. — были приняты два указа о борьбе с приемом и укрывательством беглых. Боярская дума собиралась ограничиться указом, введшим взыскание одного наддаточного крестьянина, но под нажимом дворянства (каким образом в тот же самый день мог осуществиться этот шаг!) бояре были вынуждены принять второй указ, вводящий взыскание четырех наддаточных крестьян. Оба указа затем были объединены в один указ (И. М. Скляр, укр. соч., стр. 93). К сожалению, это не более чем курьез! Столь же искусственен и анализ формулы указа 13 сентября 1661 г. И. М. Скляр видит в нем два самостоятельных текста, первый из которых устанавливает взыскания за прием беглых после 15 февраля 1658 г. и имеет все необходимые компоненты — введение (которого нет на самом деле), основания за прием беглых после 13 сентября 1661 г., по мнению И. М. Скляра, отличается от первой части (первого указа) отсутствием пресамбулы (но ее нет и в первой части!), однако обычное заключение имеется. На самом деле не следует отрывать (как это сделал И. М. Скляр) заключение к первой части указа 13 сентября 1661 г. от начала его второй части. Текст в данном месте указа должен читаться и осмысливаться слитно. Он выглядит так: «И указал в. г. д. и в. к. Алексей Михайлович [ц. т.] свой государев указ сказать на побеглых людей без отпущных и крестьян не принимали и за собою во крестьяне не сажали. А будет кто впредь со 170 году сентября с 13 числа. . .» и т. д. Основную часть указа составляла его первая часть, посвященная взысканиям за прием беглых после заповедных грамот 1658 г. Именно эта часть предназначалась для руководства сыщикам 1661 г. Именно эта часть дела главным образом со случаями приема беглых в прошлом. Вторая же часть указа носила презентивный характер.

Отнюдь не идентичны по смыслу и заключения к обеим частям указа. В первой из них говорится о необходимости зачитать указ на постельном крыльце и написать сыщикам в Наказ, а во втором вменяется в обязанность сыщикам огласить указ в городах и посадах и в уездах с помощью бирючей. В данном случае одно дополняет другое и второе раскрывает пропагандистские функции сыщиков. Теперь, когда мы располагаем точным текстом указа 13 сентября 1661 г., совершенно очевидным становится тот факт, что перед нами не соединение двух различных указов, а один указ, который делился на две части — первая из них имела отношение к прошлому времени (до даты указа), вторая — к будущему времени (после даты указа). Такая форма законодательных актов не была редкостью в XVII в.

вотчинников. Приказчики выступали в данном случае в роли своеобразного заслона. Последующие указы 60-х годов продолжили линию на повышение взысканий с приказчиков за прием беглых в интересах ограждения от ответственности самих крупных землевладельцев.

Отдельная клаузула указа 13 сентября 1661 г. оговаривала условия приема в вотчины и поместья пришлых вольных людей. Речь о таких вольных людях поручался сыщикам. Повторяя в данном случае нормы ст. 20 гл. XI и ст. ст. 7, 8 и 11 гл. XX Уложения 1649 г., указ 13 сентября 1661 г. давал их толкование применительно к условиям работы сыщиков. Если в отношении пришлых людей, которые скажутся вольными, не будет челобитчиной, то таких людей надлежало «распрашивать накрепко», а потом — проводить розыск с целью установления их принадлежности и социального положения, включая принадлежность и положение родителей. При отсутствии последних и при установлении юридической свободы самих пришлых людей указ требовал оставить их на том месте, где застал их розыск — в службе, на посаде или в крестьянстве, и юридически оформить их положение порученными сыщиками. Таким образом, по смыслу указа 13 сентября 1661 г. в задачу сыщиков, наряду с сыском беглых крестьян и возвращением их прежним владельцам, входила легитимация вассального положения пришлых вольных людей, попавших в службу по прибору, в посад или в крестьянство, т. е. превращение юридически свободных людей в лиц, зависимых по закону.

Однако, основное значение указа 13 сентября 1661 г. сводилось, как мы видели, к регламентации ответственности и взысканий за прием беглых крестьян и холопов. Тем самым указ регулировал правовые отношения в среде господствующего класса в области важнейших претензий относительно крепостных крестьян и холопов. Таким путем достигалось укрепление «крепостного устава». Однако эта цель и обусловила то обстоятельство, что сама об ответственности самих феодалов за соблюдение крепостного устава была выработана с участием Боярской думы («великий государь указал и бояре приговорили»). Однако нельзя упускать из виду, что усиление материальной и иной ответственности за прием беглых крестьян, определившее собой одну из ведущих тенденций законодательства 60–90-х годов XVII в., имело оборотную сторону, обращенную непосредственно против крепостного права. На это весьма важное обстоятельство обратил внимание И. М. Скляр. Речь идет о том, что начиная с 60-х годов XVII в. законодательно отменялось сделать прием и держание беглых крестьян и холопов и виновным и тем самым лишало беглых крестьян и холопов. Причем обратным это выражено в указе 2 марта 1664 г., в котором предписывалось княжеским воеводам посылать «на Утку» «Матвию» «многих людей и тех мест досматривать,

чтоб впредь... беглым людям и крестьянам отнуть пристанища не было».⁴⁵ Подводя итог этим наблюдениям, И. М. Складар справедливо отметил, что «борьба с побегами ведется теперь в двух направлениях: с одной стороны, сохраняются наказания за совершение побега, с другой — принимаются меры, преследующие в конечном счете цель лишить беглых возможности скрыться от прежних владельцев, но непосредственно направленные против приемщиков и укрывателей беглых».⁴⁶

Указ 13 сентября 1661 г. предназначался для сыщиков беглых крестьян, о чем есть прямые указания в тексте самого указа. Подтверждением этого может служить и второй наказ сыщику Д. И. Плещееву, составленный не позднее октября 1661 г.⁴⁷ Второй наказ Плещееву включал в себя текст первого наказа 1658 г., указ 13 сентября 1661 г. и несколько новых норм и казусов, возникших, вероятно, в результате сыска беглых в 1658 г. К числу таких норм следует отнести установление о сыске беглых крестьян, находившихся на государевой службе. Наказ предписывал сыщикам отдавать на поруки жен и детей таких беглых крестьян, обязав их не покидать места жительства до возвращения мужей и отцов со службы, и только после того оформлять полное возвращение беглых по крепостям. Одновременно наказ санкционировал взыскание с вотчинников и помещиков стоимость содержания беглых крестьян в тюрьме до момента получения их владельцами. Тем самым правительство возлагало часть расходов, связанных с ведением сыска беглых, на самих феодалов.

Второй наказ Д. И. Плещееву убедительно говорил о стремлении правительства расширить функции сыщиков, включив в их обязанность сыск не только беглых крестьян, но и беглых солдат, хотя розыском последних ведали специальные сыщики. Приемы и цели сыска беглых солдат и следствия о них предусматривались те же, что и в отношении беглых крестьян.

Встав на путь борьбы с укрывательством беглых крестьян и холопов, правительство продолжало эту линию в законодательстве и в последующее время. В этом плане следует обратить внимание на указ и боярский приговор от 31 марта 1663 г. Этот указ подтвердил санкции указа 13 сентября 1661 г. за прием беглых после заповедных грамот 1658 г., дополнив их лишь в отношении приказчиков: не только бить кнутом, но и посадить на год в тюрьму. Основную часть указа 1663 г. составляла регламентация вопросов о беглых крестьянах, отданных в даточные, и о прикреплении внуков по дедам.⁴⁸ В вопросе о даточных указ предписывал жен и детей беглых даточных отдавать по челобитьям их владельцам,

⁴⁵ Цитирую по: И. М. Складар, ук. соч., стр. 95.

⁴⁶ Там же, стр. 96.

⁴⁷ ДАИ, IV, № 48/2.

⁴⁸ РО ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53, лл. 48 об.—50 об.; ПСЗ, I, № 333.

... отдавать владельцам и самим даточных, но при условии, что и прочие даточными на собственных землях, которые приняло беглых. Тем самым правительство санкционировало одно требование двора, выдвинутое в челобитной 1660 г.⁴⁹

Второй указ касался внуков по дедам указ 1663 г. предусматривал, когда беглые внуки по новому месту жительства и в порочных книгах, в то время как у прежних владельцев не было ни деда, ни дяди, пишется в писцовых книгах, ни в порочных книгах ни они сами, ни их отцы не записаны в писцовых книгах, норма оставалась беглых у того, за кем они записаны в порочных книгах. Крепость дедов в таком случае не имела юридической силы. Если же беглые внуки записаны в порочных книгах, то их следовало почитать за деда, а не за дядю, пишется в писцовых книгах.

В указе 1663 г. устанавливалась традиция законодательства к ограничению крепости в отношении крепости по старине и потомственной крепости. Личная крепость получала предпочтение перед крепостью потомственной и старинной. Следующая норма указа 31 марта 1663 г. предписывала позират («по неволе») держателям крепости на поруки тех крестьян и холопов, за которыми они числятся много времени. Держатели беглых обязаны были поддерживать их до появления истцов. Появление истцов, если бы и в отведенном, но препятствовало их праву на беглых крепостях. Такое правило указа может быть трактовано как новая законодательная санкция в отношении держателей беглых. Наконец, значительная норма указа 31 марта 1663 г. предписывала порочных крестьян, женившихся на беглых крестьянских вдовах, отдавать вместе с женами владельцам беглых вдов. В этой части указ 1663 г. повторял норму Уложения 1649 г.⁵⁰ Если же дворцовый крестьянин женится на беглой девке, то, согласно указу, вдова с мужем остается на месте, но за нее взимается выкуп. В данном случае, наоборот, имело место отступление от Уложения.⁵¹ Указ определял крестьянскую крепость по тяглой принадлежности (вдова была наследницей тягла своего мужа). В то же время нельзя не видеть, что данный закон шел навстречу интересам государственных дворцовых земель и ущемлял интересы частного владения.

Практика сыска беглых крестьян и холопов ставила новые вопросы, требовавшие законодательного разрешения. Часть из них нашла разрешение в указе и боярском приговоре 18 сентября того же 1663 г.⁵² Ввиду военного времени указ воспрещал отсрочки отбывания служилых людей в полки по причине сыска беглых крестьян

⁴⁹ См. выше, стр. 37—40.

⁵⁰ Уложение, XI, 15.

⁵¹ Там же, 12.

⁵² ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53, лл. 51—52; ПСЗ, I, № 350.

и холопов. Сыск как постоянную функцию указ закреплял за сыщиками, которые действовали в это время во многих городах страны. Дворянам, находившимся у сыщиков на правее по взъясанию зажилых денег и сносных животов, но обязанным явкой на государеву службу, указ предписывал давать отсрочки в возврате зажилых денег при условии оформления поручительства за них. Поручительство признавалось необходимым и в отношении беглых крестьян и холопов, сидящих в городах у сыщиков по тюрьмам в том случае, если «указу им учинить вскоре не мочно». При отсутствии порук следовало возвращать беглых под расписку тем, у кого они жили в бегах, чтобы беглые «с тюремной нужи не померли».

Интенсивное законодательное творчество в части регламентации процесса сыска и следствия о беглых крестьянах дополнялось в 60-е годы составлением в Поместном приказе наказов сыщикам и грамот воеводам. К числу последних относится заслуживающая внимания октябрьская грамота 1664 г. новгородскому воеводе И. Репнину.⁵³ Сличение грамоты с наказом 1661 г. сыщику Д. И. Плещееву показывает, что она повторяла плещеевский наказ и включала ряд новых материалов. Из числа уже известных нам законодательных памятников в грамоту включен указ 31 марта 1661 г.

Но грамота И. Репнину любопытна еще и тем, что она содержит ряд новых норм, до сих пор не известных. Грамота вводила требование поголовного сбора сказок о беглых крестьянах у вотчинников и помещиков или у их приказчиков.

Существенные уточнения вносила грамота в регламентацию прав на беглых крестьян и холопов. Грамота признавала юридическую силу лишь тех крепостей, которые записаны в приказах: «А которые люди и крестьяне у кого жили по старым крепостям и по данным, и после того сбегли, и те крепости и данные во многие годы на Москве и в городех и в приказах не записаны, и великий государь указал и бояре приговорили: тех людей и крестьян отдавать по государеву указу и по боярскому приговору и по крепостям, которые крепости в приказах записаны». К этому примыкало другое требование грамоты. В случае возникновения спора о старинных людях и крестьянах, в суд должны быть предъявлены старинные крепости. При отсутствии их крестьяне считались принадлежащими тому, за кем значились в писцовых и переписных книгах. Смысл этих норм состоял в том, что они вскрывали возросшее значение крепостного акта. Законодательство 60-х годов не отвергало старину как основания крепостной зависимости, но признавало старину фиксированную и официально зарегистрированную. При отсутствии акта, доказывающего владение крестьянином по старине, причем акта официально

⁵³ ПСЗ, I, № 364.

зарегистрированного, предпочтение отдавалось новому крепостному акту, и прежде всего записи в писцовых и переписных книгах. Вопрос о старине переносился из области обычного права и фактических отношений в область крепостного акта, т. е. в область чисто юридическую. При таких обстоятельствах формула «чья крепость старее, та правее» обретала формально-юридическое основание и получала наиболее точное выражение.

Все эти нормы получили отражение в указе 10 мая 1665 г.⁵⁴

Указ 1665 г., как и ряд других указов 60-х годов XVII в., посвящен исключительно вопросам сыска и возврата беглых крестьян и холопов. Он включал в себя значительное число детально разработанных норм и казусов, а также процедурных моментов сыска беглых, явившихся итогом многолетней практики сыщиков. Процедурные моменты сыска касались и такой стороны его, как порядок сбора простей и волокиты с ответчиков и пользу истцов за несвоевременную поставку беглых крестьян по окладкам. Закрепление указом 1665 г. сказок вотчинников и помещиков как средства выявления беглых крестьян дополнено и усилено санкцией на подачу лживых сказок: «... чинить по Уложению, как укавано чинить за лживые обыски». Указ 10 мая 1665 г. фиксировал внимание сыщиков на подложных отпусках, составленных беглыми крестьянами и холопами, которые «написаны себе отпусками вероуказные и имоно себе переменят и прямых своих помещиков и вотчинников утаят». В отношении же помещиков приписанных беглым по отпуском отпуском, указ предписывал: «... по Уложению».

В указе были также зафиксированы нормы, касающиеся сыска и наказания (идои, детей и братьев), проживавших совместно с умришим помещиком или вотчинником, в вотчине и поместье которого обнаружены беглые крестьяне.

В указе также упоминался возврат крестьянской дочери с мужем, если она была выдана замуж со беглыми родителями.⁵⁵ В Уложении не упоминалось ни время побега родителей крестьянки, ни время выдачи ее замуж в период побега. Указ 10 мая 1665 г. ввел в действие и этой общей норме Уложения. В нем рассмотрен случай выдачи дочери крестьянской семьи произошел в период до 1649 г., а дочь выдана замуж после Уложения. В отличие от Уложения, указ предписывал не возвращать крестьянскую дочь ее законному владельцу, а брать за нее вывод по Уложению

⁵⁴ ПСЗ, I, издание поступлений 1956 г., № 53, лл. 52—56. В ПСЗ имеется также небольшой фрагмент указа 10 мая 1665 г. о невзыскании с беглых холопов и крестьян, бежавших до Уложения 1649 г. (ПСЗ, I, издание поступлений 1956 г., № 53, лл. 52—56). Указ 10 мая 1665 г. также упоминается в весьма частичной мере — в статьях ПСЗ, I, издание поступлений 1956 г., стр. 130) и И. М. Скляра (ук. соч., стр. 94). Полный текст указа не был известен.

⁵⁵ ПСЗ, I, издание поступлений 1956 г., № 53, лл. 52 об. — 53.

Другие установления того же указа уточняли и в части при владении беглой крестьянской вольной волею и благах, на ее второго мужа. Если вдова вдова и вышла вымух до Уложения, то она и ее муж подлежали вымугу со первому помещику, но без имущества мужа.

Через короткий промежуток времени из Поместного приказа был дан новый указ о сыске беглых — указ 1 марта 1667 г. Любопытно отметить, что в указе 1667 г. повторены нормы, сформулированные ранее в наказах 1658 и 1661 гг. сыщику Д. И. Плещееву и в грамоте новгородскому воеводе И. Репнину. Этот факт интересен для выяснения истории указного творчества XVII в. Не только указы и грамоты возникали на основе указов, но бывало и обратное: в указах обретало форму грамот и наказов отдельного лица и по определенному поводу. Существенно важным, однако, для понимания роли указа 1 марта 1667 г. являются не эти формальные моменты, а его появление в обстановке подъема крестьянского движения накануне восстания С. Разина. По-новому звучали в этих условиях карательные нормы указа, направленные против крестьян, ограбивших своих господ или убивших их и скрывшихся бегством.

Насколько идея борьбы с побегами крестьян была доминирующей в законодательстве периода называемой крестьянской войны и насколько такая идея пронизывала все законодательство феодально-крепостнической России, показывает тот любопытный факт, что даже в весьма далеком от этих сюжетов Новоторговом уставе 1667 г. имеется специальная статья, предписывающая воеводам и приказным людям остерегаться беглых людей, а промышленникам и торговцам «приезжих и прихожих людей без объявки и без записки» не держать.⁵⁷

Более того, в обстановке первого похода С. Разина на Волгу и Каспий в Поместном приказе летом 1667 г. была составлена специальная записная книга указам, в которую вошли важнейшие законодательные материалы 50—60-х годов о сыске беглых крестьян и холопов.⁵⁸ Таким образом, правительство Алексея Михайловича пустило в ход законодательный пресс для подавления восстания С. Разина, усилив сыск беглых крестьян и репрессии против них к концу 60-х годов XVII в.

Указ 1 марта 1667 г., завершавший серию указов в книге Поместного приказа, служил наиболее общим наставлением для сыска беглых крестьян и холопов.⁵⁹

⁵⁷ Там же, 15.

⁵⁸ ПСЗ, I, № 408, ст. 93.

⁵⁹ РО ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53. О составе книги см. ниже, стр. 63—64.

⁶⁰ В грамоте 11 марта 1667 г. сыщику Д. И. Плещееву о сыске беглых дворцовых крестьян балахнинских волостей содержится ссылка на указ

С другой стороны, он явился не чем иным, как обобщением и юридическим закреплением опыта сыщиков. Указ начинался в иной форме. В нем предписывалось приказчиков поместий и вотчин, принявших беглых крестьян без ведома своих хозяев, таких отдавать в крестьяне. Тем самым указ усиливал санкцию указа 31 марта 1663 г. о заключении в подобном случае приказчиков и тюрьму на год. Новым в указе 1667 г. было и предписание давать челобитникам (пестцам) выписи о беглых из отдаточных книг, заверенные подписями сыщиков. Тем самым сыщики и руковоленные ими сыские приказы были призваны создавать дополнительные юридические (документальные) основания закрепления крестьян на их владениями.

Несомненно значение имели еще одна новая норма указа — порицание силы несудимых грамот в судебных делах и беглых крестьян и холопов. Приведем эту часть текста указа: «А которые будут присланы великого государя несудимые грамоты и беглых людей и в крестьянских из разных приказов по челобитным разным челобитничкам, и по тем государевым несудимым грамотам тем челобитничкам отказывать, а чинить о беглых людях и крестьянских по государеву указу и по Соборному Уложению». Продиринский смысл этой нормы очевиден — законодательство отменялось на путь нераспространения иммунитетных несудимых прав, обычно предоставляемых крупному церковному и светскому помещику, на дела о беглых крестьянах и холопах. Это обстоятельство сыграло свою роль и в борьбе посадков с феодалами и крестьян, поселившихся в городах после Уложения 1649 г.⁶¹

Право самостоятельного вотчинного суда, пожалованное царем крупным землевладельцам, не распространялось обычно на татинные и разбойные дела. Новая норма указа 1 марта 1667 г. вводила такое же ограничение в отношении дел о беглых крестьянах и тем самым шла навстречу требованию челобитных дворян об уравнивании юридической природы и политического значения дел о беглых с татинными и разбойными делами.

Такое подведение названных дел как бы под одну норму кодекса феодального права несомненно имело своим основанием определенную близость природы самих явлений: побеги крестьян нередко сопровождался нанесением ущерба господскому имуществу и убийством самих господ. А воровские и разбойные элементы находили в лице беглых крестьян свою питательную среду и несомненный резерв.

Деятельность сыщиков беглых на практике теснейшим образом переплеталась с расследованием татинных и разбойных дел.

1 марта 1667 г. (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 20876, л. 144). Вполне вероятно, что это тот самый указ, который в используемой нами книге Поместного приказа датирован мартом 1667 г. без указания числа.

⁶¹ См. ниже, стр. 308.

11 1665 г., например, сыщику Д. И. Плещеву было поручено произвести розыск про «бой, грабеж и насильство», учиненные крестьянами Толоконцовской волости над братией Макарьевского монастыря.⁶² Установка правительства на превращение сыщиков одновременно в агентов правительства по расследованию татинных и разбойных дел нашла отражение в выработанных в Разбойном приказе в 1669 г. «Новоуказных статьях о татяных, разбойных и убийственных делах».⁶³ Само по себе принятие новоуказных статей по «татяным и убийственным» делам, которые разрабатывали систему подавления классового «разбоя» крестьянства как раз в начале крестьянской войны под руководством С. Разина, свидетельствовало о попытке усилить репрессии в отношении народа и таким путем подавить его выступление.

Статьи 1669 г. возлагали на сыщика руководящую роль в расследовании дел о татябе и разбоях. Если полицейские функции борьбы с татябой и разбоями по-прежнему оставались за губными старостами,⁶⁴ то на сыщиков возлагался суд и очная ставка по искам, возбужденным губными старостами и губными дьячками.⁶⁵

Сыщик выдавал письма татям и разбойникам, казненным путем отсечения части пальцев левой руки. С этими письмами тати были обязаны явиться к своим помещикам, а эти последние принять крестьян и холопов по письмам сыщиков. При отсутствии писем сыщиков, вернувшиеся на свое прежнее жительство крестьяне и холопы, замешанные в татябе и разбое, подлежали передаче властям.⁶⁶ При повторном уличении в татябе и разбое виновных также подлежал передаче сыщикам по уездам.⁶⁷ Наконец, те же новоуказные статьи со всей категоричностью возлагали ведение судных и разбойных дел в городах (в Москве ведал ими Разбойный приказ) на сыщиков, обязывая их одновременно осуществлять подавление разбойничьих станов, используя военную помощь местных дворян, детей боярских и приборных людей.⁶⁸

Тесная связь побегов крестьян и холопов с последующими явлениями татябы и разбоя и значительное слияние функций сыска беглых с розыском и судом по татинным и разбойным делам в лице правительственного агента — сыщика убедительно подтверждаются указом 20 января 1673 г. Указ воспрещал принимать в Разбойном приказе городских холопов и крестьян, бежавших от своих владельцев и в бегах занимавшихся татябой и разбоями, и требовал отсылать таких крестьян по месту нахождения поместий

⁶² Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. VI. Нижний Новгород, 1905, стр. 191.

⁶³ ПСЗ, I, № 441.

⁶⁴ Там же, ст. 4.

⁶⁵ Там же, ст. 5.

⁶⁶ Там же, ст. 8.

⁶⁷ Там же, ст. ст. 25 и 27.

⁶⁸ Там же, ст. 122.

и вотчин к сыщикам, воеводам и губным старостам. В Разбойном приказе в таких случаях подлежали разбору дела только крестьян Нижегородского уезда.⁶⁹

В данном законе получила отражение борьба правительства с отрядами крестьянскими отрядами после подавления движения С. Разина. Разбойный приказ как центр расправы с восставшим, видимо, был не в силах справиться с потоком задержанных крестьян и холопов из повстанческих отрядов, и потому деятельность его была локализована и функции расправы над городскими крестьянами и холопами переданы местным властям. В дальнейшем облик дела о беглых крестьянах с делами о разбоях и убийствах по их виновности получил окончательное закрепление и в практике. В случаях отсылки дворян по каким-либо служебным поручениям и указам по этому поводу оговаривалось, что им предоставляется отписка по всем судебным делам, кроме «татяных и разбойных, убийственных и в сыских крестьянских дел».⁷⁰

Облик крестьянских дел с татинными и разбойными делами безусловно усиливало власть агентов правительства — сыщиков и воевод — на местах и позволяло оперативнее использовать государственную аппарат для борьбы с движением народа. Сказанное дает полное основания утверждать, что новые агенты крепостнического государства — сыщики — играли определенную роль в подавлении крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Отправка сыщиков, хотя и была начиная с 50-х годов регулярным делом, прерывалась все же в начале нового царствования Федора Алексеевича. По всей вероятности, правительство Федора назначивало планы совмещения сыска беглых с описанием и размежеванием земель.

Однако, дворяне, дети боярские и «розных чинов помещики и вотчинники» немедленно реагировали на изменения в сыске беглых крестьян новым коллективным челобитьем, поданным в начале апреля 1677 г.⁷¹ В этой челобитной, как и в предыдущих, в сильных выражениях указывалось на разорительные последствия для поместий и вотчин крестьянских побегов, сопряженных с грабежом господского имущества: «И мы, холопы твои, от тех беглых людей своих и крестьян стали разорены без остатку, и поместья наши и вотчинки стали пусты, служить тебе, великому государю, стало не с чево, от их разоренья оскудали и обедняли».⁷² Челобитчики положительно оценили деятельность сыщиков, посланных

⁶⁹ Там же, № 538.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 13, л. 25. Указ 10 июня 1699 г.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки 18911/81, лл. 1—4. На обороте челобитной — подписи 74 человек. Поданная за год до этого челобитная 1676 г. вызвала указ 2 июля 1676 г. (см. стр. 129).

⁷² Там же, лл. 1—2.

ранее против «наших разорителей», указывая, что сыщики возвращали беглых и взыскивали с их держателей зажилые деньги. Мероприятия сыска, по словам челобитчиков, привели к уменьшению числа крестьянских побегов. Теперь же, при отсутствии сыщиков в Казанских городах и в городах по черте, поток беглых в южные города значительно возрос. Одна из причин этого, по мнению авторов челобитной, кроется в том, что воеводы, приказные люди дворцовых волостей, земские старосты, стрелецкие и казачьи головы и сотники принимают и укрывают беглых людей и крестьян «для своих корыстей и берут с них посулы великие и поминки, потому что на воевод и на приказных людей и на голов и боярских вотчин и на всяких чинов людей ваших государских страхов и заповеди не положено, зажилых денег и наддоточных крестьян править на них не указано».⁷³

Комментируя эту часть челобитной 1677 г., А. А. Новосельский заключил, что предшествующее постановление о взыскании наддоточных крестьян «к этому году или было отменено, или забылось».⁷⁴

Едва ли это так. Поскольку речь в челобитной 1677 г. идет не о приемщиках беглых вообще, а о чинах местной администрации — от воеводы до земского старосты и казацкого сотника, — правильнее видеть в требовании челобитчиков стремление распространить взыскание зажилых денег и наддоточных крестьян, установленное указом 13 сентября 1661 г. для вотчинников и помещиков, на представителей власти и администрации на местах в случаях приема ими беглых крестьян. Иначе говоря, мы сталкиваемся с твердо и последовательно выдерживаемой позицией дворянства, боровшегося за усиление и расширение ответственности и взысканий за прием беглых крестьян и бобылей.

В ответ на просьбу челобитчиков «послать в Понизовые города и по черте с Москвы сыщиков нарочно и тех наших разорителей людей и крестьян нам отдавать» была сделана помета на челобитной от 7 апреля 1677 г.: «... послать сыщиков ис Поместного приказу ... ис тех, которым быть в письме и переписчиках».⁷⁵

Решение правительства совместить сыск с писцовым делом не устраивало дворянство, и, пользуясь своим сбором для похода на Украину, дворяне немедленно в том же апреле 1677 г. направили царю новую челобитную, в которой просили направить сыщиков в города по черте или обязать воевод и приказных людей обеспечить сыск беглых крестьян.⁷⁶

На этот раз правительство уступило дворянам. Из Поместного приказа были посланы сыщики в понизовые города Донков,

⁷³ Там же, л. 3.

⁷⁴ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 344.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки 18911/31, л. 1 об.

⁷⁶ Там же, л. 10.

Козлов, Сокольск, Доброе Городище, а воеводам этих городов из Разряда направили грамоты об оказании содействия сыщикам.⁷⁷

Новый нажим дворян на правительство получил отражение в указе и боярском приговоре 31 августа 1681 г. Указ сводился к двум положениям: к отмене взыскания наддоточных крестьян за прием беглых с восстановлением ранее отмененного взыскания по Уложению за государевы подати и вотчинниковы доходы по 10 руб. в год за каждого беглого крестьянина и к установлению взимания с держателей беглых проестей и волокиты по Уложению по гривне на день со дня поступления челобитья о беглом и до дня возврата беглого истцу. Указ 1681 г. вместе с тем подтверждал установление указа 13 сентября 1661 г. о доставке беглых крестьян истцу на подводах ответчика.⁷⁸

Отмена наддоточных крестьян обычно комментируется как результат давления на правительство крупных землевладельцев в лице бояр и думных чинов, близких к правительству.⁷⁹ Отнюдь не оспаривая известной роли противоречий внутри господствующего класса, в частности в вопросе о взысканиях за держание беглых крестьян, нам хотелось бы все же в целях предостережения от излишней прямолинейности в решении этих вопросов обратить внимание на то, что нигде и никогда дворяне не требовали от правительства введения в качестве меры взыскания за держание беглых наддоточных крестьян. Дворяне выдвигали требование суровых взысканий, предоставляя правительству самому выбирать его конкретные формы. И коль скоро в челобитных 1657—1660 гг. речь шла о наложении взыскания за прием беглых на землевладельцев, правительство приняло указ о взимании наддоточных крестьян. Но когда дворяне, исходя из принципа расширения и усиления ответственности за прием беглых, поставили вопрос о распространении санкции о наддоточных крестьянах на воевод, приказных людей, земских старост, стрелецких голов и казачьих сотников, многие из которых, в особенности в пограничных городах, не имели поместий и крестьян, то правительство стало перед очевидным фактом практической неприемлемости меры взыскания наддоточных крестьян. Начались поиски решения вопроса. Первым шагом была отмена наддоточных крестьян по указу 1681 г. и возврат к взысканию десятирублевых пени по Уложению при дополнительном введении платы ответчика в пользу истца за проести и волокиты. Последняя мера была так же немаловажным шагом на пути усиления материальной ответственности за прием беглых. В самом деле, вопрос о проести и волокиты был поставлен в указе 10 мая 1665 г., по которому взыска-

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 505, лл. 291—295 — Память думному дяку В. Семенову 24 сентября 1677 г. и на лл. 298—299 — Память воеводе Донкова М. А. Арсеньеву.

⁷⁸ ПСЗ, II, № 891.

⁷⁹ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 345—346.

ние судебных издержек устанавливалось лишь в случае нарушения обязательства поставить беглых крестьян в срок.⁸⁰ Указ 31 августа 1681 г. делал в этом отношении дальнейший шаг. Он устанавливал взимание с ответчика проестей и волокиты, т. е. судебных издержек, в любом случае тяжбы о беглых крестьянах. При этом ссылка на Уложение не означала прямого заимствования из него, так как в Уложении подобных взысканий по крестьянским делам не было положено. Взыскание проестей и волокиты в Уложении предусматривалось лишь в частном случае несправедливого третейского суда.⁸¹ Распространение этой нормы на дела о беглых крестьянах было несомненным шагом на пути усиления материальной ответственности за прием беглых.

Каким же образом реагировали дворяне на отмену наддатовых крестьян и на изменение санкций за прием беглых?

Коллективные челобитные октября—декабря 1682 г. были поданы царю московскими и городовыми дворянами, собравшимися по призыву правительства к Троице-Сергиеву монастырю для подавления стрелецкого восстания в Москве.⁸² Будучи сильно напуганными массовыми побегами крестьян в города по черте, за черту и на Дон,⁸³ дворяне центральных уездов воспользовались затруднительным положением нового правительства для предъявления ему требований о посылке сыщиков в южные города.

Первая челобитная, на которой стоит помета 23 октября 1682 г., указывая на массовые и повторные побеги крестьян с семьями и имуществом в города по черте и за черту, связывает значительные затруднения в сыске беглых крестьян с позицией воевод южных городов, которые укрывают беглых «для своих корыстей». Челобитчики просили запретить воеводам прием беглых и послать сыщиков в южные города.

Вторая челобитная, помеченная 18 ноября 1682 г., интересна тем, что она содержит наибольшее число подписей дворян — ее подписало 273 человека, среди которых был и князь Гагарин.⁸⁴

Подчеркивая, что в период чигиринского и киевского походов многие крестьяне в результате сбора полтинных денег разбежались от них в Малороссийские, Белгородские, Козловские и Понизовые и Казанские городки, челобитчики указывали, что они бессильны ловить беглых из-за сопротивления самих беглых крестьян, и напоминали практику сыска беглых при Алексее Михайловиче: «... посланы были сыщики о тех наших беглых крестьянишек во все понизовые и украинные города и в то время

сыщики беглых наших людей и крестьян сыскивали и отдачи чинили, и пожилые деньги правили, и наддатовых крестьян имали на тех помещиков и вотчинников, за кем наши беглые люди и крестьяне жили. И по указу брата вашего великого государя посыланы указы статьи во все города о беглых крестьянах, а про наддатовых крестьян в том указе статья отставлена, и воеводы в городех и украинных городов помещики и вотчинники, приюда по той статье, что наддатовых крестьян имать не велено, и тех наших беглых крестьян и людей принимают и держат за рублю бестрашно». ⁸⁵ В приведенной цитате нельзя пройти мимо свидетельства самих дворян о том, что взыскание пожилых денег и наддатовых крестьян было мерой, которая оказывала определенное сдерживающее влияние, и стоило ее отменить, как помещики и воеводы украинских городов стали держать за собой беглых беспрепятственно. На первый взгляд может показаться, что челобитчики целиком на стороне именно этой конкретной меры воздействия на держателей беглых. Но если бы это было так, то в конце челобитной, как это обычно делалось, была бы сформулирована просьба о восстановлении отмененной по указу 31 августа 1681 г. меры взыскания. А между тем этого нет. Челобитная заканчивается обычной просьбой о посылке сыщиков во все города, не исключая и замосковских городов.⁸⁶

Непосредственным откликом правительства на челобитную была помета о поручении сыска беглых писцам, отправка которых намечалась из Поместного приказа, с подтверждением силы указа 20 марта 1656 г. о сыске и возврате беглых крестьян из украинских городов и с черты, а из остальных городов «без урочных лет».

Такое решение вопроса не удовлетворило помещиков и вотчинников. Вскоре же, не позднее конца ноября, дворяне, собравшиеся в Москве, подали новую челобитную, помеченную в приказе 1 декабря 1682 г. В ней челобитчики просили не поручать писцам сыска беглых крестьян на том основании, что за занятостью основными земельными делами им будет не до беглых. Дворяне просили послать по городам специальных сыщиков, «мимо писцов и воевод», из отставных дворян. Помета на челобитной удовлетворяла это требование, предписывая начальнику Поместного приказа князю И. Б. Троекурову дать о том указ.

Под воздействием усиленного нажима дворян, выраженного в двух челобитных, последовавших одна за другой и содержавших в общей сложности свыше трехсот подписей, правительство малолетних царей Иоанна и Петра решило вновь прибегнуть к привычной норме взимания четырех наддатовых крестьян за каждого принятого беглого крестьянина и восстановило этот

⁸⁰ РО ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53, л. 52 об.

⁸¹ Уложение, XV, 5.

⁸² А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 331.

⁸³ О побегах крестьян в 80-е годы см. ниже, стр. 132—134.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки, 18911/81, лл. 29—36.

⁸⁵ Там же, л. 36.

⁸⁶ Там же, л. 33 об.

прежний порядок указом и боярским приговором 1 декабря 1682 г., отменив тем самым указ 31 августа 1681 г.⁸⁷

Однако, поспешив умиротворить таким путем дворян, в поддержке которых правительство нуждалось ввиду сложной внутриполитической обстановки 1682 г., законодатели не учли, во-первых, того, что четырехкратные наддатовые крестьяне были своеобразной «палкой о двух концах», в одинаковой мере разящей держателей беглых, как из числа крупных землевладельцев, так и из числа мелкого и среднего дворянства, а если учесть легальную возможность крупного феодала свалить вину за прием беглых на приказчиков, — то и усугубляющей положение рядовых дворян; не учли, во-вторых, того, что данная мера могла иметь реальное значение далеко не для всех держателей беглых; и, наконец, в-третьих, законодатели не распространили действие этой санкции на воевод, приказных людей, стрелецких голов и других чинов, о чем просили дворяне в одной из челобитных 1677 г.

Словом, это был возврат к позициям указа 13 сентября 1661 г., от которых дворянство уже продвинулось вперед в своих последующих челобитных.

Не удивительно, что 19 декабря 1682 г., последовало новое челобитие дворян, рисующее гораздо более сложную обстановку побегов и приема беглых крестьян, чем то следовало из указа 1 декабря 1682 г.⁸⁸ Челобитчики прежде всего обратили внимание на то, что взыскание четырех наддатовых крестьян на практике было мерой наказания за держание беглой крестьянской семьи. А между тем холостые крестьяне или одиночки, бежавшие от своих семей, устраивались в бегах «будто из найму в работе многие годы бес кормежных памятей и бес поручных записей и в городех без записки». ⁸⁹ Воеводы не возвращали таких беглых крестьян на том основании, что они живут у своих новых хозяев без жен и детей и якобы из найму.

Наибольший интерес в челобитной 19 декабря 1682 г. представляет перечень категорий лиц, у которых одинокие беглые крестьяне в большинстве своем находили приют.

К ним отнесены подьячие, приставы, протопопы, попы, дьяконы, церковный причт, стрельцы, казаки, ямщики, посадские люди, крестьяне дворцовых сел и черных волостей, патриаршие, владычные и монастырские служки, крестьяне и бобыли вотчинников и, наконец, сами помещики и вотчинники.

Нет сомнений, что и в 80-е годы землевладельцы, и крупные из них в первую голову, продолжали быть основными приемщиками беглых крестьян, поэтому выдвижение в челобитной на

первый план представителей торговой и служилой мелкоты, связанной преимущественно с городом, а также крестьян, было не чем иным, как тактическим приемом челобитчиков, ставивших целью натолкнуть правительство на определенное решение вопроса. Вместе с тем привлечение внимания к новым категориям держателей беглых было связано с объективными процессами, происходившими в XVII в.

Рост промышленности, ремесла и торговли вызвал усиление спроса на рабочие руки, в частности создал для многих новых лиц объективную заинтересованность в укрывательстве и использовании беглых крестьян. Челобитчики тонко подметили, что обычной формой такого укрывательства была фикция найма работника, благо существующий закон разрешал, как выражались авторы челобитной, «в работе держать по записям и без записей повольно».⁹⁰

Челобитчики как раз и обращались к царю за новым законом, имея в виду использовать его против получившей широкое распространение новой формы укрывательства беглых крестьян.

С этой целью к правительству была обращена просьба подвести под действие закона о взыскании зажиточных денег и наддатовых крестьян новые категории приемщиков беглых крестьян.⁹¹ Судя по тому, что челобитчики отрицательно отзывались об указе 31 августа 1681 г., который «полюбожил» приемщикам беглых и привел к усилению побегов крестьян, их симпатии следует видеть на стороне указов, вводивших усиленные наказания за прием беглых в виде зажиточных денег и наддатовых крестьян. Но предлагая правительству распространить взыскание наддатовых крестьян на служителей церкви и на мелкие выборные чины городов, дворяне не могли не представлять нереальности подобного шага, поскольку подавляющая часть такого рода лиц не имела своих крепостных крестьян. Челобитчики, следовательно, заведомо обрекали на провал санкцию о наддатовых крестьянах, не стремились сохранить при этом суровую непреклонность закона, ощутившим карающего нарушителей крепостного устава, и распространить такой закон в равной мере на всех держателей беглых. Не вызывает сомнений, что основное требование декабрьской челобитной 1682 г. сводилось к отстаиванию принципа расширения сферы действия санкции за прием беглых крестьян при сохранении ее карательного значения и при соблюдении равенства перед законом всех нарушителей крепостного устава. Основную цель такой «платформы» дворянства надо видеть в стремлении лишить крестьян какой-либо возможности найти убежище при побогах.

⁸⁷ ПСЗ, II, № 972.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки 18911/84, лл. 41—43.

⁸⁹ Там же, л. 41.

⁹⁰ Имеется в виду ст. 32 XI гл. Уложения.

⁹¹ Там же, л. 43.

Все раскрытые нами положения декабрьской челобитной 1682 г. получили воплощение в указе 3 января 1681 г., на этот раз принятом не только по боярскому приговору, но и совету с патриархом Иоакимом. Указ гласил: «Великие государи советовав с отцем своим и богомольцем святейшим Иоакимом, патриархом Московским и всея Руси, указали и бояре приговорили: указ 170 и нынешнего 191 году декабря 1 числа о наддочных крестьянах отставить, а вместо наддочных крестьян за беглых людей и крестьян на помещиках и на вотчинниках, за кем они жили и впредь учнут жить, за всякого беглого человека и за крестьянина и за бобыля иметь по Уложению зажилые деньги вдвое по 20 рублей на год. Так же и на духовных чинах, за кем беглые чьи люди и крестьяне и бобыли жили и впредь учнут жить, по 20 ж рублей, для того, за многими всяких чинов людьми и у церквей за попами и за дьяконы крестьян и бобылей нет, и наддочных крестьян и бобылей у них иметь некого, чтоб их великих государей указ был всем равен».⁹²

Указ 3 января 1681 г. явился своеобразным рубежом в развитии законодательства о сыске и прикреплении беглых крестьян и холопов и одновременно ярким свидетельством большого воздействия требований дворян на правительственную политику в крестьянском вопросе.

Все это наилучшим образом подтверждается анализом крупнейшего законодательного памятника по крестьянскому вопросу начала 80-х годов XVII в. — Наказа сыщикам 2 марта 1683 г. Он представляет собою обширный свод законов и правил, имевших отношение не только собственно к сфере сыска беглых, но и к сфере крепостного права в целом.⁹³

Выяснение места и значения Наказа сыщикам 1683 г. в законодательстве по крестьянскому вопросу 2-й половины XVII в. должно быть начато с изучения источников и состава этого памятника. Наказ известен по списку, изданному в Полном собрании законов.⁹⁴ Он разбит изданиями на 52 статьи. Во многих архивных сборниках XVII—XVIII вв., содержащих новоуказные статьи и другие законодательные материалы, нетрудно встретить списки этого Наказа. Встречаются они и в частных вотчинных архивах — в фондах монастырей и других вотчин. Состояние этих списков, их полнота, а следовательно, и состав самого Наказа не всегда одинаковы и не во всех случаях соответствуют

⁹² ПСЗ, II, № 985; ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 99 об.—100. В записной книге указам Поместного приказа указ датирован 23 января 1681 г. (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4708, л. 102).

⁹³ «Наказ этот, к сожалению, до сих пор не был подвергнут надлежащему изучению» (С. Н. В а л к. «Суд о крестьянех» в Палате об Уложении 1700 г. См.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову. Сборник статей. М., 1952. стр. 237).

⁹⁴ ПСЗ, II, № 998.

списку, изданному в ПСЗ. Приведем отдельные примеры. Список Наказа, содержащийся в записных книгах указам Поместного приказа, не имеет деления на статьи, но абзацы, выделенные в нем, соответствуют статьям списка ПСЗ.⁹⁵ Если же взять список Эрмитажного собрания ГПБ, то в нем содержится всего 41 абзац, соответствующие тому же числу статей печатного списка.⁹⁶ С другой стороны, список наказа, которым пользовалась Палата об Уложении 1700 г., имеет свою сетку статей. В нем насчитывается 61 статья. Из этого числа 59 статей соответствуют тексту всех 52 статей наказа ПСЗ, а статьи 60 и 61 представляют собою позднейшие дополнения указов 3 января и 2 марта 1683 г. С теми же добавлениями имеется список Наказа в фонде Иверского монастыря: «Список с сыщикова Наказу нынешнего 7200-го году».⁹⁷ Указание даты в заголовке Наказа дает возможность установить время появления его нового списка, содержащего добавления двух указов 1683 г. Однако по существу такие дополнения излишни. Оба указа получили уже отражение в Наказе в момент его составления: первый — в ст. 5, а второй — в ст. 6.

Таким образом, для выяснения источников и состава Наказа сыщикам 1683 г. вполне допустимо базироваться на текст Наказа, опубликованный в ПСЗ. В целях решения поставленной задачи прежде всего следует обратиться к тексту самого памятника.

В докладе, предшествующем собственно Наказу, в кратких чертах раскрыта история создания Наказа.

В 1664/65 г. по указу Алексея Михайловича были посланы в города сыщики для сыска и отдачи беглых людей и крестьян. 18 ноября 1682 г. от стольников, стряпчих, московских и городовых дворян и детей боярских поступило челобитье о новой посылке сыщиков для сыска беглых людей и крестьян. По помете на челобитной думного дьяка Василия Семенова государи велели сыск беглых крестьян и холопов поручить писцам, отправка которых намечалась из Поместного приказа.

Такое решение вопроса не удовлетворило помещиков и вотчинников, и, воспользовавшись своим пребыванием в Москве, служилые люди подали 1 декабря 1682 г. новое челобитье. В нем они просили сыска беглых писцам не поручать, а послать по городам специальных сыщиков, «мимо писцов и воевод», из оставших дворян. Помета на челобитной думного дьяка Емельяна Украинцева гласила: «191 года декабря в 1 день государи пожаловали, велели во все города послать для сыска тех крестьян

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4710, лл. 1—29.

⁹⁶ РО ГПБ, Эрмитажное собрание, № 38, лл. 10—68; там же копия XVIII в. — № 37, л. 86 и сл. Чем объяснить, что в Эрмитажном собрании наказ дан не в полном виде, неясно. Во всяком случае, как можно судить на основании ряда списков других фондов, в 1683 г. Наказ был составлен в том объеме, как он дан в ПСЗ.

⁹⁷ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, картон 153, № 17.

сыщиков, а писцом того крестьянского сыску ведать не велели. Указ о том учинить боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову с товарищи». ⁹⁸ На основании этой пометы начальник Поместного приказа И. Б. Троекуров доложил царям и боярской думе «указные статьи о беглых людех и крестьянех, каковы были даны прежним сыщиком». Заслушав эти статьи 2 марта 1683 г., «великие государи. . . указали и бояре приговорили: в тех статьях пополнить и из иных статей убавить. А что в тех статьях пополнено и отставлено, и то писано в сих статьях ниже сего». ⁹⁹ Новый наказ сыщикам был принят, таким образом, на заседании боярской думы по докладу Поместного приказа. Содержание доклада составляли статьи наказов сыщикам прежних лет и новые указы о сыске беглых крестьян и холопов.

Так как доклад к Наказу начинается с исторической справки о посылке сыщиков в 60-е годы, то естественнее всего искать источники Наказа 1683 г. именно в материалах о сыске беглых в 60-х годах. Обобщенного текста наказа сыщикам, подобного Наказу 1863 г. как от 60-х годов, так и от последующего времени не известно. Но от 60-х годов сохранились, как мы знаем, тексты наказов отдельным лицам — указы 1658 и 1661 г. сыщику Д. И. Плещееву и грамота новгородскому воеводе И. Репнину, датированная октябрем 1664 г. и представляющая собою не что иное, как наказ о сыске беглых крестьян и холопов в новгородских пятинах. ¹⁰⁰ Сличение наказов Плещееву и Репнину с Наказом 1863 г. показывает, что между ними много общего, большие тождества в тексте, иногда полные, иногда с частичными отклонениями. Но именно эти отклонения и текстуальные отличия, которых тоже немало, показывают, что указы 60-х годов не могли быть источником Наказа 1683 г. Нетрудно уяснить, что у наказов 60-х годов и 1683 г., помимо индивидуальных источников, есть источники общие. На часть из них даны ссылки в Наказе 1683 г. Статья 1 Наказа ссылается на указ 7166 (1658) г. Статья 4 — на указ 13 сентября 1661 г., а ст. 16 — на указ 18 сентября 1663 г. Два первых указа использованы в наказах Плещееву и Репнину. Этим исчерпываются прямые указания на источники в Наказе 1683 г.

Исходя из них, мы сможем объяснить происхождение всего лишь десяти статей Наказа. Источники остальных 42 статей Наказа остаются неясными, хотя текстуальные совпадения Наказа 1683 г. с наказами Плещееву и Репнину выходят далеко за пределы статей, заимствованных из указов 1658, 1661 и 1663 г.

⁹⁸ Доклад в составе Наказа сыщикам дает лишь краткое резюме чело- битных дворян и помет дьяков на чело- битных. Однако эти данные помогают уяснить происхождение Наказа в свете материалов и соображений, изложен- ных нами выше.

⁹⁹ ПСЗ, II, № 998.

¹⁰⁰ См. выше, стр. 48.

Решить вопрос об источниках и составе Наказа сыщикам 2 марта 1683 г. позволяет книга Поместного приказа, хранящаяся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ¹⁰¹ Состав книги и расположение материала в ней следующие:

XI глава Уложения 1649 г., лл. 1—31 об.
 Указ 7166 (1658) г., лл. 32—34.
 Указ 13 сентября 1661 г., лл. 34—48 об.
 Указ 31 марта 1663 г., лл. 48 об.—50 об.
 Указ 7175 (1666/67) г., л. 50 об.
 Указ 18 сентября 1663 г., лл. 51—52.
 Указ 10 мая 1665 г., лл. 52—56 об.
 Указ 1 марта 1667 г., лл. 57—80 об. ¹⁰²
 XX глава Уложения 1649 г., лл. 81—168.

Так как в книге дан последовательный ряд указов, регулировавших различные правовые вопросы, связанные с сыском и возвращением беглых крестьян и холопов в 60-е годы XVII в., нетрудно заключить, что перед нами книга специального назначения, отличающаяся по своему происхождению и составу от обычных записных книг указам, в которые заносились все выходящие из данного приказа указы по мере их составления. Составление данной книги в Поместном приказе было вызвано необходимостью собрать воедино многочисленные законодательные материалы о сыске беглых, накопившиеся к концу 60-х годов XVII в., когда началась крестьянская война под предводительством С. Разина, а сыск беглых крестьян и холопов получил широкий размах. В таком случае понятно присутствие в книге и соответствующих ее предмету XI (о крестьянах) и XX (о холопах) глав Уложения. Что касается времени составления книги, то оно определяется записью последнего указа 1667 г.; «Да в нынешнем по 175-м году марта в де великий государь указал. . . ». Книга составлена, следовательно, между мартом и сентябрем 1667 г.

Сличение книги Поместного приказа с Наказом сыщикам 1683 г. дает такую картину соотношения указов книги и статей Наказа:

Указы в порядке расположения в книге	№№ статей Наказа, соответствующие указам
Указ 1658 г.	1, 2, 3
Указ 13 сентября 1661 г.	4 (первая половина), 5 (тоже), 8, 9, 10, 11

¹⁰¹ РО ГПБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53. Рукопись представляет собою сборник в 1/4 л. на 168 лл. в кожаном гладком переплете XVII в. Написан разными почерками скорописью XVII в. Без заглавия. Очевидно, книга и не была озаглавлена. Перед началом текста идут три ветхих чистых листа, в конце книги после текста идет еще один чистый лист. В конце предпоследнего листа, на котором заканчивается текст XX главы Уложения, стоит скрепа: «Справил Ивашко Губанов».

¹⁰² В книге Поместного приказа указ 1667 г. датирован только месяцем, без указания числа.

Указ 31 марта 1663 г.
Указ 175 (1666/67) г.
Указ 18 сентября 1663 г.
Указ 10 мая 1665 г.

12, 13, 14
15
16
17, 18 (первая половина), 19,
21, 22, 23, 24, 25, 26, 27,
28 (первая половина), 29, 30,
31—52.

Указ 1 марта 1667 г.
Примечание. Статьи 6 и 7 являются новыми и приняты при составлении Наказа.

Приведенное сравнение наглядно показывает, что порядок статей в Наказе в полной мере совпадает с порядком указов в книге Поместного приказа. Это совпадение до такой степени точное, что ст. 15 Наказа, содержащая основную часть указа 175 (1666/67) г., который в книге помещен с нарушением хронологического порядка между двумя указами 1663 г., находится в Наказе на том же самом месте между статьями, включающими тексты из указов 31 марта и 18 сентября 1663 г.

Общность порядка расположения материала Наказа и книги Поместного приказа дополняется значительным тождеством текста того и другого памятника. 36 статей Наказа дословно воспроизводят соответствующие части текста указов книги Поместного приказа.¹⁰³ Лишь 13 статей Наказа содержат разночтения, вызванные редакторской работой при составлении Наказа в 1683 г. 6 статей включают материалы из указов 1683 г. или составлены наново. Не следует думать, что статьи Наказа содержат полное воспроизведение текстов всех указов книги Поместного приказа. Некоторые части отдельных указов в Наказ не вошли. И вызвано это опять-таки редакторской работой составителей, имевших целью отобрать в Наказ лишь те нормы сыска беглых крестьян и холопов, которые отвечали состоянию законодательства и требованиям времени начала 80-х годов XVII в.

Но именно эта редакторская работа по отбору материала и в области изменений и дополнений отдельных частей текста с целью приспособления его к новым условиям позволяет нам реально представить ту работу, которая скрыта за лаконичными словами во вступительной части Наказа сыщикам 1683 г.: «И великие государи (имя рек) . . . указали и бояре приговорили: в тех статьях пополнить и из иных статей убавить . . .». Однако прежде чем перейти к творческой истории Наказа сыщикам 1683 г., отметим ее исходный момент. На основе изложенных материалов он рисуется в следующем виде.

¹⁰³ Мы не берем во внимание многочисленные мелкие разночтения (например, перегласовка окончаний слов — ово-ого-аго или ца—тса и т. п.), связанные с неточностями и особенностями передачи текста в ПСЗ.

II Поместном приказе в середине 1667 г. была составлена книга, в которую вошли важнейшие законодательные материалы конца 50—60-х годов о сыске беглых крестьян и холопов. Еще задолго до составления книги эти материалы были положены в основу наказов сыщикам, в том числе наказов сыщику Д. И. Плещину и воеводе И. Репнину. Начальник Поместного приказа И. Б. Троекуров, готовя новый наказ сыщикам, использовал книгу 1667 г. Из нее были выписаны в порядке расположения материалы, пригодные для включения в новый наказ. Наоборот, непригодное, устаревшее было оставлено без внимания. В результате сложился доклад царям и боярской думе, содержащий «указные статьи о беглых людех и о крестьянех, каковы были даны прежним сыщикам».¹⁰⁴ По свидетельству вступительной части к Наказу 1683 г., все дополнения и изменения к статьям, доложенных И. Б. Троекуровым, были сделаны в результате обсуждения их на боярской думе. Основой таких дополнений служили главным образом указы 1683 г., принятые незадолго до Наказа и в предверии посылки новых сыщиков. Такова внешняя история Наказа сыщикам 2 марта 1683 г.

Присмотримся ближе к самой работе по составлению Наказа. Наказ 1683 г. открывается указом 1658 г., который, как можно заключить по книге Поместного приказа, использован полностью и дословно, составив содержание первых трех статей Наказа. Указ 1658 г. закреплял результаты приписки крестьян к посадам по Уложению и предписывал возврат бежавших из городов по черте, которые поселились там до 1653 г.

Законодательство о сыске и возврате беглых из городов по черте не остановилось на указе 1658 г. 8 февраля 1683 г. из Разряда был дан указ, по которому возврату с черты подлежали беглые крестьяне и холопы, поступившие в сторожевую службу по черте после 1675 г. и не записанные в разборных книгах служилых людей.¹⁰⁵

Таким образом, оказалось, что Наказ сыщикам 2 марта 1683 г., утвержденный на три недели позднее указа 8 февраля 1683 г., обошел этот указ молчанием. Объясняется это тем, что территориально сферы сыска беглых между Поместным и Разрядным приказами были строго поделены. В компетенцию Разряда входили города южной и юго-западной границы, а в ведение Поместного приказа — города центральных, западных и северных уездов. Соответственно указы, предназначенные для сыска беглых на окраинах государства, распространялись не Поместным, а Разрядным приказом.

Источником статей с 4-й по 11-ю Наказа 1683 г. послужил указ от 13 сентября 1661 г.

¹⁰⁴ ПСЗ, II, № 998.

¹⁰⁵ Подробнее об указах 1656, 1658 и 8 февраля 1683 г. см. ниже, стр. 125—141.

Из всех его санкций составители Наказа 1683 г. использовали санкции против приказчиков за прием беглых в период до 13 сентября 1661 г. В первую часть ст. 4 Наказа дословно включен текст о наказании кнутом приказчиков дворцовых и черносошных земель, посадских людей городов и ямских старост за прием беглых крестьян и холопов после заповедных грамот 1658 г. Точно так же в первую половину ст. 5 Наказа дословно вошел текст указа о наказании кнутом приказчиков поместий и вотчин, самовольно принявших беглых в тот же период времени. Клаузула о наддаточных крестьянах была отклонена составителями Наказа как уже отмененная указом 3 января 1683 г. Указ 3 января 1683 г. стал одним из источников ст. 5 Наказа.

Что же касается ст. 4 Наказа, состав которой выяснен нами пока наполовину, то следует сказать, что вторую ее часть составляет приговор, принятый в момент утверждения Наказа. Эта часть статьи начинается со слов: «А с нынешнего 191 года великие государи указали, и бояре приговорили. . .». Новый указ предписывал послать памяти в Приказ Большого дворца и в приказы, в ведении которых находились дворцовые села и ямские слободы, с запрещением приказчикам и старостам принимать беглых крестьян и бобылей. На дворцовых крестьян и старост возлагалась обязанность «извещать» приказы о приказчиках, принявших беглых крестьян. Крестьян, бобылей и холопов, пришедших в дворцовые волости с отпусками своих помещиков и вотчинников, предписывалось принимать по отпуску, записывать в книги в городах и селах и писать о них в приказы. За прием беглых в дворцовые волости до 1683 г. наддаточных денег не брать.¹⁰⁶ Если же приказчики, старосты и выборные крестьяне примут беглых в дворцовые волости после 1683 г., то с виновных надлежит брать зажилые деньги. Однако в том случае, если приказчик, староста или выборные крестьяне покажут, что беглых принимали крестьяне, то зажилые деньги «справить на крестьянех того села и деревни, а не на всей волости». Таким образом, ст. 4 Наказа сыщикам, состоящая из текста, заимствованного из указа 13 сентября 1661 г. и нового указа 1683 г., посвящена определению мер взысканий за прием беглых крестьян и холопов в дворцовые и черносошные земли и в ямские слободы. Новым в сравнении с указами 60-х годов является то, что в ст. 4 наказание приказных людей за прием беглых в период после 1683 г. определено в материальной форме по указу 3 января 1681 г. в размере 20 руб. в год за каждого беглого крестьянина вместо предусмотренных указом 13 сентября 1661 г. наказания кнутом или взыскания четырех наддаточных крестьян у тех приказных

¹⁰⁶ Под наддаточными деньгами подразумевались деньги в двойном против Уложения размере.

люддей, которые имели свои вотчины и поместья. Другой особенностью было то, что материальная ответственность налагалась на приказчиков и старост независимо от их имущественного достатка. Наконец, новшество следует видеть в норме, распространяющей ответственность за прием беглых на крестьян того села и деревни, где проживали беглые, чего вовсе не было в указах 60-х годов. Статья 4 Наказа сыщикам отражала, таким образом, общую тенденцию законодательства 2-й половины XVII в. к повышению и расширению ответственности за прием беглых крестьян и холопов и явилась, как следствие указа 3 января 1683 г., прямым ответом на челобитную дворян от 19 декабря 1682 г.

Статья 5 Наказа сыщикам 1683 г., как отмечалось, повторяла в первой своей части текст из указа 13 сентября 1661 г. Во второй части этой статьи имеется приговор, принятый как и в ст. 4 при утверждении Наказа. Источником нового приговора служил указ 3 января 1683 г., но косвенно в нем использован и указ 13 сентября 1661 г. Приговор оставлял в силе взимание 10 руб. в год за каждого беглого, принятого до сентября 1661 г. (дата указа), что было предусмотрено еще Уложением, но в отличие от Уложения квалифицировал эти деньги как пожилые,¹⁰⁷ а в отличие от указа 13 сентября 1661 г. распространил их взыскание и на промежутки времени от заповедных грамот 1658 г. до 13 сентября 1661 г. За прием же беглых в период после сентября 1661 г. новый приговор устанавливал взимание по 20 рублей на год «за всякого человека с женою и с детьми. . . а буде не женат, по дватцати ж рублей». Отметим, во-первых, что такая редакция ст. 5 Наказа в гораздо более близкой форме отвечала запросу челобитной московских дворян от 19 декабря 1682 г., просивших обратить внимание на держателей беглых холостых крестьян или одиноких, убежавших от своих семей, чем указ 3 января 1683 г., который ограничился в этом отношении общей декларацией о сборе 20 руб. «за всякого беглого человека и за крестьянина и за бобыля». Во-вторых, ст. 5 в отличие от указа 3 января 1683 г. распространяла его санкцию на прошлое время, начиная с сентября 1661 г., тем самым отменяя взыскание наддаточных крестьян за прошлое время. Наказ сыщикам 1683 г. провел, следовательно, наиболее радикальную ликвидацию наддаточных крестьян, распространив действие законодательной нормы на прошлое время. Однако наиболее интересная сторона нового приговора ст. 5 Наказа состояла в том, что он отменял наказание кнутом приказчиков поместий и вотчин, возложив всю ответственность за прием беглых на самих помещиков и вотчинников

¹⁰⁷ Статья 10 гл. XI Уложения предписывала брать по 10 руб. за каждого беглого на год «за государевы подати и за помещиковы доходы».

и на их крестьян.¹⁰⁸ Зажилые деньги, установленные по указу 3 января 1683 г. в двойном размере, утратили прежний характер компенсации убытка, причиненного феодалу побегом крестьян, и обрели новый вид материальной санкции в отношении держателя беглого.

Глубокий смысл переноса ответственности за прием беглых крестьян с приказчиков на самих вотчинников и помещиков состоял в том, что таким путем осуществлялся шаг в сторону уравнивания ответственности перед законом всех разрядов феодального класса. Тем самым крупные вотчинники, бояре и думные чины лишались возможности, вытекавшей из указа 13 сентября 1661 г., укрываться за спинами своих приказчиков в случаях предъявления исков о беглых крестьянах.

Статью 6 Наказа сыщикам следует рассматривать как принятую в момент составления Наказа. В ее основу положен указ 2 марта 1683 г. о посылке сыщиков для сыска беглых крестьян и холопов.¹⁰⁹

Если ст. 6 Наказа определяла для сыщика материальные взыскания в случаях нарушения им законов сыска беглых крестьян, то в то же время эта статья брала сыщика, как лицо, облеченное государственными полномочиями, под защиту закона. Это последнее обстоятельство нашло отражение в другой норме ст. 6, которая налагала денежное взыскание за бесчестье в двойном, по сравнению с установленным в Уложении, размере на лиц, подавших ложное челобитие о неправых действиях сыщика.

Статью 7 следует также отнести к установлениям авторов Наказа. Она предоставляет рассрочку в уплате пожилых денег по 100 руб. на месяц тем держателям беглых, у которых «пожилых денег взять нечего». В случае неуплаты пожилых денег с рассрочкой, виновный должен быть подвергнут «жестокomu наказанию» кнутом. Такой нормы в прошлом законодательстве не встречается. Да и острой необходимости в ней не было. Теперь же, когда указ 3 января и Наказ 2 марта 1683 г. увеличивали материальное взыскание за держание беглых, налагали его в обезличенно-денежной форме и в равной степени на всех держателей беглых, независимо от их имущественного состояния, появление новой нормы было вполне оправдано. Но из нее следует, что принцип уравнивания ответственности за держание беглых по указу 3 января 1683 г. не мог быть выдержан. Материальная ответственность становилась привилегией состоятельных слоев населения, прежде всего господствующего класса. А наказание кнутом — уделом

¹⁰⁸ «А ныне великие государи указали и бояре приговорили помещиковых и вотчинниковых приказчиков кнутом не бить, а имать пожилые деньги на помещиках их и на вотчинниках, и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили» (ПСЗ, II, № 998, ст. 5).

¹⁰⁹ ПСЗ, II, № 997.

будущих слоев, главным образом посадских людей и крестьян.¹¹⁰ Тем самым ст. 7 Наказа вносила существенные коррективы к его ст. 4 и 5.

Признавая единственной мерой взыскания за держание беглых зажилые деньги в двойном размере, составители Наказа, естественно, отвергли санкции в отношении приказчиков (заклучение в тюрьму), установленную указом 31 марта 1663 г. Остальные же нормы этого указа: о взысканиях за передачу беглых крестьян в дачные, о закреплении внуков по дедам, о возложении издержок по сыску и содержанию беглых в тюрьмах на самих феодалов — были дословно включены в Наказ и составили содержание статей с 12-й по 14-ю.¹¹¹

Используя затем указ 10 мая 1665 г., составители Наказа подвргли его некоторой преаарации. В двух случаях отброшено то, что повторяло нормы указа 31 марта 1663 г. (см. ст. ст. 11 и 14 Наказа). Исключена также клаузула о взыскании наддачных крестьян. Все остальное использовано в Наказе — в одних случаях с добавлениями, в других — с редакционной правкой.

Наиболее видное место среди статей Наказа, написанных на основе указа 10 мая 1665 г., принадлежит ст. 18. В ней речь идет о крестьянах и холопах, которые, будучи в бегах, «своруют, напишут себе отпускные воровские и имена себе переменят, и прямых своих помещиков и вотчинников утаят». Здесь составителями вновь отвергнут текст о наддачных крестьянах как несоответствующий времени составления Наказа, а норма о подложных отпускных значительно дополнена и развита: «... кто тое воровскую отпускную составит, и тем по розыску чинить наказанье, бить кнутом, а у кого они с теми отпускными жили, и на тех людех пожилых денег не имать для того, что они тех людей принимали к себе с отпускными. А будет по розыску объявится, что тое отпускную составили те люди, которые тех беглых людей принимали, и тем людям за то их воровство чинить наказанье, бить кнутом же, да на них же имать зажилые деньги».

Таким образом, ст. 18 Наказа сыщикам в значительно большей степени, чем предшествующий указ, направлена против составителей подложных отпускных. Если указ имел в виду составление подложных отпускных самими беглыми крестьянами и при этом не определял санкции за подлог, а лишь назначал розыск, то ст. 18 Наказа прежде всего вводила санкцию за подложные отпускные —

¹¹⁰ До каких больших сумм могли доходить зажилые деньги, видно из указа 1692 г. боярина К. Ф. Нарышкина князю А. Я. Хилкову в зажилых деньгах с 1672 по 1691 г. в сумме 1573 руб. 10 алтын 2 деньги (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 30—30 об.). Да и сама норма ст. 7. Наказа о рассрочке платежей (100 руб. на месяц) показывает, что в практике нередко пожилые деньги исчислялись сотнями рублей.

¹¹¹ Статья 15 Наказа включает указ 7175 (1666/67) г. о розыске беглых крестьян, поселившихся на пустых землях.

наказание кнутом, предусматривая одновременно на основе практики сыска возможность составления подложных отпускных са-
мыми держателями беглых.

Наконец, важному вопросу в развитии крепостного права посвящена ст. 28 Наказа. В ней речь идет о юридической силе лишь тех крепостей на крестьян и холопов, которые записаны в приказах. Повторив эту норму указа 1665 г., составители Наказа и бояре приговорили. . .), по которому предъявленные старые крепости на беглых крестьян и холопов, не записанные в приказах, если они не будут оспорены крепостями, записанными в приказах, должны служить основанием возврата беглых преждевладельцам. В случае спора о крепостях после отдачи беглых «давать суд, а с суда указ чинить по судному делу и по Уложению». Значение старинных крепостей и крепости по старине подчеркивала ст. 29 Наказа, источником которой служил тот же указ 1665 г. При от-
следних определялась, согласно ст. 29, по писцовым и переписным книгам.

Статья 30 является последней из той группы статей Наказа сыщикам 1683 г., которые написаны на основе указа 10 мая 1665 г. В отличие от многих статей этой группы, дословно повторяющих текст указа, ст. 30 дает несколько иную редакцию текста, однако с полным сохранением его содержания. Статья требовала возвра-
щать беглых крестьян, принятых в дворцовые села, предварительно справясь с писцовыми и переписными книгами, которые будут присланы волостным приказчикам из приказа Большого двorca.

На основании использованной нами книги Поместного при-
каза устанавливается, что источником всех последующих статей Наказа сыщикам, начиная со ст. 31 и кончая последней, ст. 52, был указ и боярский приговор 1 марта 1667 г. Как и в предыдущих случаях, составители Наказа критически подошли к использо-
ванию указа 1667. Была отклонена клаузула о передаче приказ-
чиков вотчин и поместий в крестьяне за прием беглых холопов и крестьян.

Отвергнуты были и все установления указа 1667 г. относительно попытки беглых крестьян в порядке следствия о них на допросе у сыщика. Ст. 32 Наказа, оставляя на обязанности сыщика «рос-
прашивать накрепко» беглых крестьян и холопов, преследовала главным образом разведывательные цели относительно других бег-
лых крестьян. Эта же статья предписывала отдавать беглых после допроса «кому доведется по крепостям».

С наибольшей полнотой эти особенности следствия о беглых крестьянах представлены в ст. 33 Наказа.

В ней прямо сказано: «Да будет беглые люди и крестьяне в рас-
просе про иных беглецов на кого именем учнут сказывать, что такие ж беглые люди и крестьяне живут за кем в иных местах,

и в те места по тех беглых людей и крестьян посылать и велеть их приводить и спрашивать потому ж, и по распросным их ре-
чам сыскивать всякими сыски накрепко». При составлении ст. 33 были отклонены имевшиеся в указе 1667 г. установления как о попытке беглых при допросе, так и об очной ставке беглых с ли-
цами, донесшими на них при допросе.

Все эти изменения норм следствия о беглых крестьянах говорят о том, что сыщики по Наказу 1683 г. в отличие от сыщиков 60-х годов в определении принадлежности беглых крестьян опирались главным образом на крепостные акты, а не на материалы их соб-
ственного розыска. В этом сказалась возросшая роль крепост-
ного акта к концу XVII столетия.

Наконец, следующее отступление от указа 1667 г. состояло в отказе от наказания кнутом за побег каждого пятого беглого крестьянина. Наказание кнутом и батогами за побег вообще не упомянуто в Наказе. Отклонение именно этой санкции не означало упразднения наказания за побег вообще. О нем говорится в ст. 34 Наказа, но без какого-либо определения вида и формы наказания. Этим самым правительство предоставляло сыщикам свободу дей-
ствий, но вместе с тем обязывало их наказывать за побеги не вы-
борочно, а каждого беглеца.

Существенное место в Наказе сыщикам 1683 г., как и в указе 1667 г., занимали нормы о вершении дел «против татинных и разбой-
ных статей» в отношении тех крестьян, которые при побеге совер-
шили убийство помещиков или пожар имений. В этих случаях Наказ оставлял попытку как элемент следствия и определял в ка-
честве наказания смертную казнь через повешение.

Пытка подследственных лиц, как мера дознания в случаях, когда «сыскать будет нечем», оставалась и в делах по подозрению в перемене беглыми крестьянами имен себе и своим отцам. Важно, наконец, отметить, что Наказ 1683 г. сохранял норму 1667 г. о не-
признании иммунитетных прав несудимых грамот вотчинников в делах о беглых крестьянах.¹¹²

Из нашего обзора источников и состава Наказа сыщикам в том его виде, как он принят 2 марта 1683 г., видно, что Наказ был составлен путем переписывания указов 1658—1667 гг., внесен-
ных в книгу Поместного приказа 1667 г., с пропуском относительно небольшого числа норм, не отвечавших состоянию вопроса о сыске беглых в момент составления Наказа, с некоторыми редакцион-
ными поправками и добавлениями, вызванными теми же требо-
ваниями времени принятия Наказа. К этому дополнительно ис-
пользованы три указа 1683 г., две статьи приняты заново и в двух
статьях сделаны большие добавления.

Такая особенность структуры и состава Наказа сыщикам 1683 г.
делает понятным, почему в дальнейшем по мере надобности к нему

¹¹² Там же, ст. 51 (см. выше, стр. 51).

механически приписывались новые установления в виде отдельных статей или абзацев. Когда в начале 90-х годов XVII в. была послана по городам очередная партия сыщиков, то им был вручен «Список с сыщикова Наказу нынешнего 7200 году».¹¹³ Список 1692 г. отличается от прошлого списка тем, что к нему добавлены указы 3 января и 2 марта 1683 г.

Из того же обзора источников и состава Наказа 1683 г. следует со всей очевидностью, что значение Наказа в списке 1683 г. как источника по истории крепостного права второй половины XVII в. определяется его отношением к законодательству периода после Уложения 1649 г.

Наказ сыщикам 1683 г. выступает перед нами преимущественно как свод законов о беглых крестьянах предшествующего времени. Именно в кодификационной стороне дела состоит одна из важных сторон Наказа. Это значение тем более возрастает, если учесть, что Наказ включал в себя важнейшие законодательные акты 1658—1683 гг., определившие основное содержание процесса развития крепостного права в период после Уложения и до 1683 г. Такая оценка состава и значения Наказа подтверждается отношением к нему Палаты об Уложении 1700 г. Уложение 1649 г. и Наказ сыщикам 1683 г. служили основными законодательными источниками для составления новой главы о крестьянах подготавливаемого Палатой Уложения.¹¹⁴

Подчеркивая кодификационное значение Наказа, нельзя забывать, однако, что наряду с этим он дал дополнение и развитие ряда прежних норм законодательной разработки крестьянского вопроса. Как мы видели, это касалось главным образом расширения материальной ответственности за прием беглых, с частичной заменой ею наказания кнутом.

Вместе с тем Наказ не покрывал собою всего законодательства по вопросам прикрепления крестьян в период 50—70-х годов XVII в. Ограничение его содержания определенными рамками связано с двумя моментами. Во-первых, с целевой установкой Наказа как официального руководства для сыщиков в их деятельности по сыску и возвращению беглых крестьян и холопов. При всем том, что сыск беглых связан с использованием широкого круга норм крепостного права, в Наказ не вошли, например, указы об оформлении в приказах по отпуску на холопов служилых кабал, а на крестьян ссудных записей,¹¹⁵ о регистрации помещицками в Приказе Холопьяго суда и в Поместном приказе сделочных записей на крестьян¹¹⁶ и некоторые другие.

Второе обстоятельство, ограничившее содержание Наказа, связано с его ведомственным происхождением. Наказ был подготовлен в Поместном приказе. Указы о сыске беглых в пограничных и окраинных уездах, принятые по линии Разрядного приказа (указ 8 февраля 1683 г.)¹¹⁷ и Приказа Казанского дворца в Наказ не вошли.¹¹⁸ Не вошел в Наказ и ряд норм о разбоях и татьбе беглых крестьян и холопов.¹¹⁹

В целом Наказ 1683 г. выступает перед нами как обширный кодекс сыска беглых крестьян и холопов и урегулирования взаимных претензий феодалов в вопросе их прав на беглых, выработанный в итоге многолетней практики сыщиков, деятельности приказов и законодательного производства.

Отправка сыщиков в города по указу 2 марта 1683 г. подтверждается докладной выпиской к указу 26 февраля 1686 г. и рядом других документальных свидетельств.¹²⁰ Однако вскоре, летом того же 1683 г., правительство по челобитьям, главным образом дворян южных уездов, стало отзывать сыщиков из отдельных городов, поручая сыск беглых местным воеводам. Наконец, в октябре 1683 г. сыщики полностью были отозваны в Москву, а незавершенные ими дела по сыску беглых переданы воеводам.

Отзыв сыщиков из окраинных городов вызвал скорую реакцию городских дворян и детей боярских, обратившихся к царю с новой челобитной, помеченной в приказе 9 марта 1684 г. Челобитчики повторяли в ней основные положения декабрьской челобитной 1682 г.: при царе Алексее Михайловиче сыщики возвращали беглых крестьян, взыскивали пожилые деньги и наддочных крестьян; ныне разорительные для помещиков побег крестьян и холопов вновь возросли, беглые находят приют у бояр, думных чинов и разных помещиков, в особенности в окраинных понизовых городах и даже в таких местах, как ~~Бобер~~ Бобер и Яик; значительное число беглых оседает в черных и дворцовых волостях и у торговых людей на посадах, в майданах, в извозе, на ладьях и насадах и т. п. В заключение челобитчики просили поручить сыск беглых, «кому вы, великие государи, укажете», запретить прием беглых без отпусковых и прохожих памятей и в «зажилых деньгах свой великих государей милостивый указ учинить».¹²¹

Умеренный тон челобитной не поколебал намерения правительства царевны Софьи и В. В. Голицына удержать функцию сыска беглых в руках воевод и межевщиков, направленных в уезды

¹¹⁷ См. ниже, стр. 135—137.

¹¹⁸ Однако ряд статей Наказа говорил о сыске бежавших с черты (статьи 4, 3, 30, 44, 47), поскольку беглые укрывались в уездах, где действовали сыщики из Поместного приказа.

¹¹⁹ ПСЗ, I, № 441.

¹²⁰ ПСЗ, II, № 1169. См. также ниже таблицу на стр. 84—89.

¹²¹ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вогчинной записки 18911/81, лл. 175—177.

¹¹³ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, картон 153, № 17. Такой же список Наказа имеется в делах Палаты об Уложении 1700 г. (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 117).

¹¹⁴ См. ниже, стр. 401.

¹¹⁵ ПСЗ, II, № 869.

¹¹⁶ Там же, №№ 946, 1293.

по указу 11 апреля 1683 г., которым наряду с их прямыми обязанностями по межеванию земель вменялся сыск беглых крестьян и холопов. Из Поместного приказа межевщикам вручили указы для сыска беглых.¹²²

Сосредоточение сыска беглых только в руках воевод и писцов вызвало новое возражение со стороны стольников, стряпчих, московских и городских дворян центральных уездов страны. Челобитчики обращали внимание на то, что приказчики, земские старосты и посадские люди давали воеводам ложные сказки о беглых. Писцы в свою очередь будут крепить беглых по сказкам их держателей, а они, владельцы беглых крестьян, не смогут дать сказок писцам, так как не располагают сведениями о месте пребывания беглых. На этом основании челобитчики просили прежде писцов направить в города сыщиков, которые должны выявить беглых крестьян и холопов.¹²³

Видимо, и эта челобитная была оставлена без особых последствий. Ввиду обострения отношений с Турцией и в связи с Крымскими походами В. В. Голицына русское правительство предпочло держать сыск беглых крестьян, в особенности в городах по черте, в руках воевод и не посылать туда сыщиков, на чем настаивали дворяне центральных, преимущественно замосковных, уездов. Лишь в немногих городах действовали сыщики в этот период. Любопытно, однако, что челобитные дворян 1684—1685 гг. не носили активно-наступательного характера; их требования были умеренные, а выражения мягче, чем то было ранее (и будет позднее), число подписей не превышало нескольких десятков. Дворяне, видимо, отдавали себе отчет в затруднительном положении правительства и в необходимости жертвовать частью беглых крестьян для укрепления гарнизонов по черте и для осуществления походов в военное время.

Наступившие затем с начала 90-х годов новые перемены в правительственной политике относительно сыска беглых крестьян вероятнее всего объяснить особенностями внутривластного курса нового правительства Л. К. Нарышкина, вставшего у власти с конца 1689 г. Правительство Л. К. Нарышкина стремилось к централизации и бюрократизации государственного аппарата и к усилению диктатуры дворянства. Особенно ярко эта тенденция сказалась в создании Преображенского приказа, органа политической полиции, основной задачей которого являлась охрана существующего строя и, в частности, борьбы с побегими крестьян, холопов и солдат.¹²⁴

Все это в известной мере объясняет новое усиление борьбы с побегими крестьян, наметившееся в начале последнего десятилетия XVII в.

Толчком к переменам в данном случае была челобитная служилых людей московских и городских чинов, поданная в начале 1691 г. Челобитчики напоминали, что в 1689/90 г. ими подана челобитная о посылке сыщиков, но указа о направлении сыщиков не последовало. Между тем многие дворовые люди и крестьяне убежали от дворян, «не хотя полковые нужды терпеть», работать на них и платить оброки. У многих из дворян беглые сожгли «домишки и деревнишки» и, «собрався великим собранием, со многим нашей брате в дому приезжают и женишек наших и детишек побивают до смерти и домишки наши грабят и разоряют без остатка». В характеристике степени ожесточения классовой борьбы крестьянства авторы челобитья не были далеки от действительности. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные свидетельства говорят о том, что к 80-м годам наметился резкий подъем классовой борьбы крестьян, одной из ведущих форм которой были массовые побеги на юг, включая Дон.¹²⁵

В такой обстановке дворяне искали помощи у правительства и просили направить из Поместного и из других приказов сыщиков во все города, снабдив их «крепким указом», который смог бы закрепить за ними крестьян и холопов. «А за побег людшкам нашим и крестьянишкам, — просили далее челобитчики, — чинить указ», чтоб впредь им «не повадно было так воровать». Наконец, челобитная содержала требование соблюдать запрет приема беглых крестьян, пожилые деньги взыскивать безволонитно, установить запрет в приеме беглых на посадах, в черных и дворцовых волостях с таким расчетом, чтобы указ о запрещении приема беглых для всех чинов «был страшен и крепок».¹²⁶

Таким образом, челобитная 1691 г. явилась своеобразным итогом дворянских выступлений второй половины XVII в. В ней в краткой и суммированной форме даны требования коллективных челобитных с 1660 по 1682 г. Здесь и просьба о посылке сыщиков, и требование неуклонного соблюдения запрета приема беглых крестьян с жестоким наказанием его нарушителей, и равенство ответственности всех перед законом, и, наконец, общее, составляющее как бы стержень дворянства XVII в. требование невыблемости и нерушимости крепостного «устава», который в глазах всех живущих в русском государстве должен быть «страшен

¹²² ПСЗ, II, стлб. 745.

¹²³ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4712, л. 39 об., челобитная стольников и др. от 22 февраля 1685 г.

¹²⁴ Н. Б. Голицова. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

¹²⁵ Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. Ист. зап., № 4, 1938, стр. 63—72; В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. Уч. зап. Моск. гос. заочн. пед. инст., т. I, 1958, стр. 115—196; См. также ниже, стр. 132—134.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, лл. 165—167.

и крепок». И неслучайно, что под этой челобитной имеются подписи нескольких сотен человек.

Массовый характер апелляций дворянства определил собою реакцию правительства. Пометой на челобитной 27 марта 1691 г. было велено «указ чинить боярину Т. Н. Стрешневу с товарищи». Четыре дня спустя, 31 марта, указ был принят: «Великие государи указали послать сыщиков в те города ис приказов, которые где ведомы, и о том из Разряду послать памяти в Казанский приказ, в Приказ Большого дворца, в Новгородский приказ».

И в данном случае, как обычно, сыщики были посланы в осенне-зимнее время, т. е. в новом 1691/92 г.

В течение 90-х годов сыск беглых крестьян и холопов не сходил с повестки дня внутриполитических мероприятий правительства, а в конце десятилетия правительство Петра I сделало шаг в направлении дальнейшей законодательной разработки норм сыска и прикрепления беглых крестьян. Эти новые мероприятия были вызваны, с одной стороны, усилением побегов крестьян на юг, в особенности на Дон, в результате Азовских походов и, с другой стороны, обострением внутривосточной обстановки, проявлением чего были заговор Циклера и восстание стрельцов в 1698 г.

Речь идет в данном случае о двух указах 1698 г. Первому из них, указу 14 марта 1698 г., обычно приписывается восстановление взыскания наддатовых крестьян за держаниѣ беглых.¹²⁷ В действительности, указ не восстанавливал наддатовых крестьян, а ограничивался лишь угрозой их восстановления с сохранением одновременно удвоенной суммы зажилых денег. В самом деле, указ 14 марта 1698 г. предписывал посылку в города, подведомственные Поместному приказу, грамот о сыске беглых людей и крестьян. В грамотах должно было быть указано, что по царскому указу «ныне... для сыску беглых людей и крестьян во все города посланы будут сыщики, знатные и добрые люди, и беглых людей и крестьян помещиком и вотчинником, из-за кого бежали, отдавать им по-прежнему по крепостям. Да в тех же грамотах написать с подкреплением же: буде кто беглых людей и крестьян учнет принимать, и за прием за всякого крестьянина имать по четыре крестьянина с женами и с детьми и с животои и отвозить их в прежние места на их подводах, кто принимал, да на них же сверх тех наддатовых крестьян имать за жилые годы по 20 рублей на год...».¹²⁸ Обещанный здесь указ о посылке сыщиков появился девять дней спустя, 23 марта 1698 г., но о взыскании наддатовых крестьян в нем нет ни слова. Нет и до-

¹²⁷ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 344. И автор настоящих строк повторил эти утверждения, см.: А. Г. Маньков. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII вв. Археогр. ежегодник за 1958 г. М., 1960, стр. 380.

¹²⁸ ПСЗ, III, № 1623.

кументальных свидетельств о том, что наддатовых крестьян взымали в это время, тем более по указу 14 марта 1698 г.

Есть все основания полагать, что отмена наддатовых крестьян по указу 3 января 1683 г. была окончательной и что к данной санкции против держателей беглых правительство практически никогда не возвращалось.¹²⁹

Принято думать, что в вопросе о наддатовых крестьянах сказалось «столкновение конкурирующих между собою сил, производивших на правительство давление в противоположных направлениях». «Под напором средних владельческих слоев правительство устанавливало «страшную государеву заповедь», а под влиянием крупных владельцев, стоявших у власти, следом же аннулировало ее».¹³⁰

Нам представляется, что в действительности дело обстояло иначе.

Судьбу наддатовых крестьян решила третья сила: посадки, торговые и промышленные люди и разного рода средний служилый элемент, значение которых в смысле приема, укрывательства и использования беглых крестьян заметно возросло к 80-м годам XVII в. и продолжало возрастать далее. Именно это обстоятельство породило тревогу в среде дворянства и вызвало требования, высказанные в коллективных челобитных, не исключая последней челобитной 1691 г., о том, чтобы государев закон о запрете принимать беглых крестьян был для всех чинов одинаков и строго обязателен. Ликвидация наддатовых крестьян и установление вместо них равного для всех удвоенного размера зажилых денег означали расширение санкции за прием беглых, распространение которой мыслилось не только на дворянско-боярские элементы общества.

Сказанное получило отражение в указе и боярском приговоре 23 марта 1698 г.¹³¹ Указ предписывал направить сыщиков из Поместного, Разрядного и других приказов по городам их ведомства, снабдив их Наказом 2 марта 1683 г. и указом 1697 г. об упразднении судов и очных ставок. Прежде чем уяснить смысл и значение указа 1697 г. применительно к сыску беглых крестьян, следует обратить внимание на то, что указ 23 марта 1698 г. в целом средактирован как дополнение к основному кодексу сыска

¹²⁹ Исключением была попытка ввести по указу 1685 г. взимание наддатовых крестьян за прием беглых даточных 1-го, 2-го и 3-го сборов (ПСЗ, II, № 1230). Введение этой меры вызывалось обстоятельствами военного времени (Крымские походы), но при этом указ устанавливал лишь одного наддатового крестьянина с семьей за каждого укрытого даточного и то лишь в случае, если держатели беглых сами не приведут их в приказные явбы до 6 декабря 1686 г. Если же беглые даточные сами сообщат о себе властям, то указ сулил им освобождение от крепостной зависимости и взыскание двух наддатовых крестьян с их укрывателей.

¹³⁰ А. А. Новосельский, ук. соч., стр. 345—346.

¹³¹ ПСЗ, III, № 1625.

беглых крестьян, именно к Наказу сыщикам 2 марта 1683 г. Действительно, позднейшие списки этого наказа непременно содержат дополнительные статьи из указа 1698 г.¹³² В указе сказано: «да им же сыщиком в наказы написать в пополнку». Эта «пополнка» начинается с подтверждения отмены наддатовных крестьян, введенных последний раз указом 1 декабря 1682 г. и отмененных указом 3 января 1683 г. («по прежнему указу 191 году наддатовных крестьян не имать») и повторяет норму ст. 5 Наказа сыщикам 1683 г. о взимании зажитых денег «на помещиках или вотчинниках и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили, за всякого человека с женою и с детьми на год по 20 руб., а буде и не женат по 20 рублей».

Далее указ 23 марта 1698 г. действительно дополнял или, точнее, отступал от Наказа 1683 г. Указ восстановил наказание кнутом приказчиков дворцовых волостей, патриарших, митрополичьих, архиепископских, епископских, монастырских вотчин и вотчин бояр, окольных, думных и ближних чинов в случае, если приказчики сами, без ведома господ своих, принимали беглых крестьян и холопов. Если же беглые были приняты ими, как сказано в указе, «по письму помещиков своих и вотчинников», то сыщики путем допроса приказчиков должны были установить, «которые чьи люди о том такие письма к ним писали», и отослать эти письма в Поместный приказ. Из приказа — «тех людей сыскивая, потому ж расспрашивать».¹³³ И если эти третьи лица, под которыми следует подразумевать управителей и приказных людей, ведавших делами вотчин думных чинов, «в роспросе скажут, что они такие письма писали собою, без ведома бояр и окольных и думных и ближних людей, и им чинить наказание, бить их кнутом». Если же допрашиваемые скажут, что письма приказчикам писаны ими «по приказу бояр и окольных и думных и ближних людей, и по тем их роспросным речам докладывать о том великого государя».¹³⁴ Таким образом, указ 1698 г. в случае непосредственной вины думных чинов в приеме и укрывательстве беглых крестьян ограничивал санкцию в отношении их докладом государю, на усмотрение которого дело переходило из приказа. Ситуация заметно изменилась.

Указ 1698 г. отступил от Наказа сыщикам 1683 г., возложившего вину за прием беглых крестьян на самих вотчинников и помещиков, независимо от виновности приказчиков, и выделил группу крупных феодалов, входивших в правительство, либо близких к особе царя. Сюда относились думные чины (бояре, окольные, думные дворяне) и ближние люди. Выделение этой

весьма немногочисленной и узкой группы из общей массы феодалов подчеркивало равенство этих последних перед законом, независимо от их положения и размера владений. А выделение придворной клики и думных чинов всего вероятнее было делом нравительства Л. К. Нарышкина, стоявшего у власти в юные годы Петра, до 1699 г.

Не случайно, что одной из акций Палаты об Уложении, начавшей заседать в 1700 г., была ликвидация привилегии думных чинов в части ответственности за прием беглых крестьян.¹³⁵

Другим отступлением указа 23 марта 1698 г. от прошлых установлений была передача дел о приеме беглых духовными лицами на рассмотрение Патриаршего двора. Правящая верхушка церкви сумела восстановить свои автономные права для решения дел о беглых крестьянах. Что подобное явление было временным, вскрыли последующие события: упразднение Патриаршего разряда в 1700 г. и установление подсудности церковных крестьян светскому суду.¹³⁶

За исключением этих двух отступлений, указ 23 марта 1698 г. придерживался основных положений законодательства о сыске и прикреплении беглых крестьян и холопов, сложившихся во 2-й половине XVII в. Он, во-первых, декретировал очередную посылку сыщиков во все города из основных приказов и, во-вторых, вслед за указом 2 марта 1683 г. сыграл определенную роль в установлении правового статуса сыщиков, поставив их под защиту закона, как лиц, облеченных государственными полномочиями. В случае ложного челобитья на неправомерные действия сыщика указ предписывал отобрать у челобитчика половину его поместий и вотчин и передать сыщику. Вместе с тем, требуя от сыщика беспрекословного выполнения всех законов о сыске беглых крестьян, указ 1698 г. угрожал ему при обнаружении за ним какой-либо неправды в сыске отобранием половины его вотчин в пользу потерпевшего от него лица.

Употребленное при этом сравнение с писцами и межевщиками показывает, что указ уравнивал официальное положение сыщиков с официальным положением писцов. Существенное значение в этом смысле имела клаузула об отказе челобитчикам, просившим лишить сыщиков прав сыска беглых в поместьях челобитчиков по мотивам недружбы к ним: «... и таким челобитчиком отказывать, и грамот чтоб сыщиком за недружбами поместей их и вотчин не ведать и беглым людям и крестьяном отдачу не чинить, отнюдь никому не давать».

Принципиальное значение этой нормы вскрывается в свете имевшей место практики отзыва сыщиков и поручения сыска воеводам в первой половине 80-х годов по челобитьям дворян,

¹³² См. ниже, стр. 359—360.

¹³³ См. ниже, стр. 399.

¹³² Примером может служить список Наказа XVIII в. ЛОИИ, ф. 115, Собрание рукописных книг, № 586, л. 127 и след.

¹³³ ПСЗ, III, № 1625.

¹³⁴ Там же.

главным образом южных уездов.¹³⁷ Поднимало значение сыщиков как правительственных агентов и предусмотренное указом пресечение попыток сопротивления сыску со стороны владельцев вотчин и поместий. Это сопротивление предусматривалось прежде всего в форме троекратного отказа выдать беглых крестьян посыльным людям от сыщиков, за что указ назначал наказание — битие кнутом. Но если и при первой попытке уполномоченным лицам оказывали сопротивление, пытались их бить, то указ предписывал «тех людей по розыску за такие силы и за бой бити кнутом». В случае же убийства посыльных людей указ определял виновным смертную казнь.

Наконец, существенным новшеством на пути повышения реального значения сыщиков явилось определение указа «для розыску дать сыщиком с Москвы стрельцов поскольку в которой город доведется». До сей поры законодательство ставило сыщиков в полную зависимость от воевод, обязывая последних обеспечивать сыщиков вспомогательной и вооруженной силой для поимки и привода беглых крестьян. С 1698 г. положение менялось. Сыщик являлся в уезд с определенным контингентом лично от него зависимых стрельцов и лишь «в прибавку на ослушников» брал у воеводы солдат, стрельцов и других приборных людей. «по скольку человек будет надобно».¹³⁸

Заслуживает внимания еще одна существенная особенность указа 23 марта 1698 г. По указу сыщикам кроме Наказа 1683 г. и дополнительных статей к нему, сообщался указ 205 г. «об отставке судов». Указ 21 февраля 1697 г.,¹³⁹ установивший «вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидях и разореньях чинить розыск», завершал начавшееся еще в XVI в. образование новой формы судебного процесса — розыского суда, который с течением времени все более вытеснял старую форму феодального суда — так называемый обвинительный процесс, или суд. При обвинительной форме процесса суд начинался только по заявлению истца-обвинителя, в ходе же его активная роль принадлежала сторонам, что и придавало суду состязательный характер. Наоборот, при розыском процессе заинтересованной стороной выступало государство, а в ходе дела судье, как представителю государства, принадлежала активная роль. Он не только выносил решение на основании материалов, представленных сторонами, но сам допрашивал стороны, добивался признания у подозреваемых и т. п., словом, решал дело «обыскивая всякими сыски накрепко».

Эволюция форм суда в сторону розыского, или, иначе говоря, инквизиционного процесса, отражала рост централизации феодального государственного аппарата и становление абсолютизма.

¹³⁷ См. ниже, стр. 101—102.

¹³⁸ ПСЗ, III, № 1625.

¹³⁹ Там же, № 1572.

В то же время «инквизиционный процесс был неприкрытой формой господства дворянства в отношении класса крепостного крестьянства и рабочих-ремесленников, владевших средствами производства».¹⁴⁰

Новая форма суда служила более успешному подавлению растущего сопротивления эксплуатируемых масс. Поэтому-то в порядке розыского процесса в XVII в. разбирались наиболее важные дела — политические, разбойные, татинные, преступления против церкви, земельные споры и т. п.¹⁴¹ С возникновением государственно организованного сыска беглых крестьян и дела о беглых стали рассматриваться в порядке розыского процесса.

Указ 21 февраля 1697 г. отдельным пунктом провозглашал: «Да о беглых людех и о крестьянех и о землях и во всяких делах, в которых делах были суды и очные ставки, отставить же».

Выделение дел о беглых крестьянах и холопах красноречиво говорит о том, какое большое политическое значение придавало самодержавие второй половине XVII в. борьбе с побегам крепостного населения. Но тот же указ не ограничивал сферу применения розыского процесса только рамками дел о беглых крестьянах, распространяя его действие до рамок судебных дел о крестьянах вообще: «А быть по вышеписанному вместо судов и очных ставок розыску в крепостных делах по крепостям, а в не крепостных делах по розыску».¹⁴²

Поскольку дела о крестьянах относились к разряду крепостных, решение которых к концу XVII в. стало прочно базироваться на крепостном акте — крепости, следует признать, что данный пункт указа 1697 г. полностью распространялся на спорные дела о крестьянах. Нарастание элементов розыского суда видно из самого хода законодательства о сыске беглых. Указы предписывали сыщикам и воеводам активно вмешиваться в расследование дел о беглых, используя в качестве средств расследования и способов доказательства поличное, повальный обыск, пытку, собственное признание беглых и крепостной акт.

Указом 23 марта 1698 г., в сущности, завершается процесс законодательства 2-й половины XVII в. о сыске и прикреплении беглых крестьян и холопов. В качестве итогов этого процесса можно наметить следующие основные положения.

Первый и главный вывод из рассмотренного материала состоит в том, что основным стержнем законодательства о крестьянах после Уложения 1649 г. становится вопрос о сыске и возврате бег-

¹⁴⁰ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 604.

¹⁴¹ «Там, где казался затронутым интерес государственный — интерес господствующего класса, применяется, все расширяя сферу своего действия, процесс розыской — „сыск“» (М. А. Чельцов-Бебутов. Курс советского уголовно-процессуального права, т. I. М., 1957, стр. 670).

¹⁴² ПСЗ, III, № 1572.

лых крестьян и холопов и урегулирование споров и взаимных претензий в среде господствующего класса прежде всего в области прав на беглых крестьян.

В итоге обширной законодательной деятельности складывается и вырабатывается своеобразный кодекс сыска беглых крестьян и холопов, который получил оформление в виде Наказа сыщикам 2 марта 1683 г. с последующими дополнениями к нему в указе 23 марта 1698 г. Само по себе это обстоятельство определялось тем, что ряд моментов: состояние решения крестьянского вопроса в Уложении (вечная крепость по писцовым и переписным книгам с отменой урочных лет сыска беглых), реальные формы крестьянского движения после Уложения (массовые побеги) и, наконец, нажим дворянства на правительство — поставили самодержавие перед необходимостью предпринять крупный шаг в области внутренней политики — создать государственно-организованный, массовый и обезличенный сыск беглых крестьян как постоянную функцию органов центрального аппарата — приказов. Общее направление и отдельные звенья этого процесса отражали требования дворянства, которое переживало в XVII в. пору своего политического подъема. Воздействие коллективных челобитных дворян XVII в. на ход развития крепостного права вполне подкрепляет положение о том, что право — есть воля господствующего класса, возведенная в закон.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЫСКА БЕГЛЫХ

На новые формы и масштабы сыска беглых крестьян в советской исторической литературе обращено известное внимание. Крупнейший вклад в изучение этого явления внес А. А. Новосельский.¹⁴³ На основе большого архивного материала Разрядного и Поместного приказов А. А. Новосельский не только показал политические условия, вызвавшие государственный сыск беглых крестьян в 50-е и 60-е годы XVII в., но и продемонстрировал конкретный ход сыска на примере деятельности отдельных сыщиков, формы его организации, делопроизводство и результаты сыска. Ценнейшей стороной исследований А. А. Новосельского служит указанное им воздействие коллективных челобитных дворян как на ход и направление законодательства о сыске беглых, так и на формы организации самого сыска. Однако А. А. Новосельский сосредоточил основное внимание на сыске 50—60-х годов, лишь в слабой мере затронув сыск последующих десятилетий. То же самое наблюдается в работах И. А. Булыгина,

¹⁴³ А. А. Новосельский, 1) ук. соч.; 2) Отдаточное книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. Тр. Ист.-арх. инст., М., 1946, т. II, стр. 127—154.

Т. И. Смирновой, Г. Н. Образцова.¹⁴⁴ Побеги крестьян и их сыск в 70—90-е годы XVII в. остаются по существу неизученными. А между тем сыщики в той или иной мере посылались по городам непрерывно, в том числе в 70—90-е годы. Для подтверждения этого обстоятельства мы приводим специальную таблицу (см. стр. 84—89).

Предложенная нами таблица отличается очевидной неполнотой, так как она составлена на основании лишь тех показаний источников, в которых обозначено имя сыщика и название уезда. Между тем в документах встречаются и обобщенные количественные сведения о посылке сыщиков по городам. Примером могут служить данные из записных книг указам Поместного приказа. В 1665 г. в города приказа Казанского дворца было послано 25 сыщиков из дворян и стольников.¹⁴⁵ По указу 1 сентября 1677 г. сыщики были посланы в 96 верховых и понизовых городов.¹⁴⁶ Готовилась посылка сыщиков по указу 21 марта 1690 г., но в книге помечено: «Не послано».¹⁴⁷ А по указу 12 июня 1691 г. отправка сыщиков состоялась. В 1692/93 г. было послано 28 человек в 96 городов, подведомственных Поместному приказу.¹⁴⁸ Записная книга указам отмечает, что сыщики были отправлены и по указу 23 марта 1698 г.¹⁴⁹ Эти сведения вполне подкрепляют представление о больших масштабах сыска беглых крестьян. Что касается нашей таблицы, то на ее основе, как нам представляется, допустимо принять два вывода: о непрерывности процесса сыска беглых на протяжении второй половины XVII в. и вывод о том, что масштабы сыска в 90-х годах ни в какой мере не уступали масштабам сыска в 60-е годы.

Состояние изучения сыска 60-х годов позволяет повторить основной вывод исследователей, состоящий в том, что «сыск 50—60 гг. XVII в. был грандиозным предприятием, захватившим огромные пространства. Были пойманы и возвращены прежним владельцам десятки тысяч людей».¹⁵⁰

¹⁴⁴ И. А. Булыгин, ук. соч.; Т. И. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления С. Разина. Вопр. ист., 1956, № 6, стр. 129—131; Г. Н. Образцова. Уложение 1649 г. и крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря. Ист. зап., т. 63, 1958, стр. 269—282 (здесь освещен сыск вотчинных крестьян и за 70-е годы); И. М. Складьяр. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Киргизск. гос. заочн. пед. инст., т. III, 1957, стр. 153—179.

¹⁴⁵ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4710, лл. 41—42.

¹⁴⁶ Там же, л. 42 об.

¹⁴⁷ Там же, л. 43 об. Помета в данном случае о несостоявшейся отправке сыщиков позволяет отнестись с доверием к остальным сообщениям книги Поместного приказа о посылке сыщиков.

¹⁴⁸ Там же, л. 44.

¹⁴⁹ Там же, л. 50 об.

¹⁵⁰ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 132; А. А. Новосельский, 1) Побеги крестьян и холопов. . . , стр. 334; 2) Отдаточное книги беглых. . . , стр. 142, 145—147.

Деятельность сыщиков беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в.

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1650	Козлов.	Б. Линева.	Б. дворца	Р. 151 Приказный стол, стлб. 265, лл. 57—58; Мюллер, 134. ¹⁵²
1651	Новгородский.	И. Кобыльский.	» »	Мюллер, 134.
1652	»	То же.	» »	АИ, IV, № 60.
1655	Галич.	В. Суколенов.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20857.
1657	Карелия.	И. Дивов.	Б. дворца.	Мюллер, 134.
1658	Нижегородский.	Д. И. Плещеев.	Поместный.	Булыгин, 131. ¹⁵³
1658	Арзамасский.	М. П. Волынский.	»	» 131
1658	Галич.	В. Суколенов.	»	Стлб. Н. Новгорода 20857.
1658	Вологда.	Наумов.	»	То же.
1658	Казань с городами.	Б. В. Волконский.	»	То же, 20831.
1659	Карелия, Вытегорский погост.	А. Киреевский.	Б. дворца.	Мюллер, 137.
1660	Воронеж.	И. Протопопов.	Разрядный.	Р. Белгородский стол, стлб. 448, л. 19.
1660	Усмань.	И. Ползиков.	»	То же.
1661	Нижегородский, Балахнинский.	Д. И. Плещеев.	Поместный.	Булыгин, 131.
1661	Юрьевский, Верхнеломовский, Керенский, Тамбовский и Козловский.	В. М. Еропкин.	»	» 131.
1662	Карелия.	Е. Измайлов.	Б. дворца.	Мюллер, 136.
1662	Владимирский, Белозерский, Пошехонский.	А. Мякиннин.	Поместный.	Булыгин, 131.
1662	Нижегородский, Балахнинский.	Д. И. Плещеев.	»	» 131.
1662	Ядрин, Козьмодемьянск, Цывильск.	В. Курин.	»	» 131.
1662	Симбирский, Саранский.	И. Ф. Бутурлин.	»	» 131.

¹⁵¹ Р. — разрядный приказ.¹⁵² Мюллер — Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947.¹⁵³ Булыгин — И. А. Булыгин, ук. соч.

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1662	Верхнеломовский, Нижнеломовский, Керенский, Тамбовский, Козловский.	В. М. Еропкин.	Поместный.	Булыгин, 131.
Начало 60-х годов. То же.	Владимирский.	Р. И. Киреев.	»	Стлб. Н. Новгорода 20842, л. 105.
	Тамбовский.	Ф. М. Плещеев.	Разряд.	Р. Приказный стол, стлб. 237.
1663	Галичский.	В. Суколенов.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20891.
1663	Вологодский.	Наумов.	»	То же, № 20836.
1663	Рязанский.	А. С. Заболоцкий.	»	Булыгин, 132.
1663	Алатырский.	Дашков.	»	Стлб. Н. Новгорода 20907.
1663	Новосильский.	В. К. Шерипов.	Разряд.	Р. Приказный стол, стлб. 966, лл. 33—48.
1664	Коломенский.	Р. Селиванов.	Поместный.	Булыгин, 132.
1664	Клинский.	Грязной.	»	Стлб. Н. Новгорода 21152.
1664	Вологодский.	Наумов.	»	То же, 20836.
1664	Тула, Болхов.	Д. И. Плещеев.	»	Булыгин, 132.
1664	Тамбовский, Козловский.	А. П. Еропкин.	Разряд.	Р. Приказный стол, столбцы 365, 366.
1665	Нижнеломовский, Лебедянский, Данковский, Галичский.	В. Суколенов.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20391.
1665	Вологодский.	Наумов.	»	То же, 20836.
1665	Переяславль-Залесский.	Юшков.	»	» » 21019.
1665	Казань с городами.	В. Б. Волконский.	»	» » 20847.
1665	Города Приказа Казанского дворца.	25 сыщиков.	»	» » 20784, лл. 41—42.
1665	Алатырский.	А. П. Еропкин.	»	То же, 20883.
1665	Тамбовский, Козловский, Нижнеломовский, Лебедянский, Рязанский.	То же.	Разряд.	Р. Приказный стол, столбцы 365, 366.
1665	Вологодский.	Наумов.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20812.
1665	Коломенский.	Р. Селиванов.	»	Булыгин, 132.

Продолжение

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1665	Рязанский.	А. С. Заблоцкий.	Поместный.	Булыгин, 132.
1666	»	То же.	»	» 132.
1666	Болховский.	А. Киреевский.	»	» 132.
1666	Воронежский, Белевский.	С. Карцев.	Разряд.	Р. Приказный стол, стлб. 409, л. 31—33.
1667	Рязанский.	А. С. Заблоцкий.	Поместный.	Булыгин, 132.
1667	Елецкий.	С. Карцев.	Разряд.	» 132.
1668	Вяземский и Можайский.	В. Ельчин.	»	Р. Белгородский стол, стлб. 649.
1668	Владимирский и Юрьев-Польский.	Т. Муромцев.	»	Р. Севский стол, стлб. 224, л. 19—21.
1668	Нижегородский.	Ф. Лопухин.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20812, л. 260.
1669	Калужский, Козельский, Мещевский и др.	А. Пекин.	Разряд.	Р. Севский стол, стлб. 232, лл. 172—173.
1669	Ветлуга.	В. Сукаленов.	Поместный.	Стлб. Н. Новгорода 20833.
1670	Вологодский.	Наумов.	»	То же, 21087.
1670	Нижегородский.	Д. И. Плещеев.	»	Поместный приказ, кн. 4704, л. 17—об.
1670	Верхотурье.	А. Ф. Лобутин.	»	ДАИ, VI, № 7.
1670	Елецкий.	С. Карцев.	Разряд.	Р. Поместный стол, стлб. 759.
1671	Тамбовский, Козловский.	Р. Матов.	»	»
1672	То же.	»	»	»
1673	»	»	»	»
1673	Козельский, Мещевский, Перемышльский и др.	С. Опухтин.	Б. дворца.	Р. Севский стол, стлб. 259, л. 113—118.
1674	Ярославский, Костромской, Балахнинский, Гороховецкий.	И. Ловчиков.	Поместный	Поместный приказ, кн. 4704, л. 65.
1676	Елецкий.	С. Карцев.	Разряд.	Р. Приказный стол, стлб. 759, л. 190.
1676	Лебединский.	Вельяминов.	»	Р. Белгородский стол, стлб. 925, л. 109.

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1677	Донковский, Сокольский, Доброе Городище.	Д. и Л. Вельминовы.	Поместный.	Р. Приказный стол, стлб. 505, л. 291.
1678	То же.	То же.	»	То же.
1679	Владимир, Кинешма, Юрьев Польский, Н. Новгород, Лух, Балахна, Муром, Арзамас, Гороховец, Алатырь.	З. Полозов.	Б. дворца.	Р. Белгородский стол, стлб. 1404, л. 779.
1679	Переяславль Рязанский, Скопин, Рязской, Шацкой, Тамбов, Калуга, Боровск, Вортыиск, Козельск, Мещенск, Болхов, Орел, Карачев.	К. Руднев.	»	То же, л. 739—740.
1679	Переяславль Залесский, Суздаль, Юрьев Польский, Ярославль, Кострома, Галич, Пошехонье, Романов, Углич.	Зуев.	»	То же.
1681	Боровск, Коломна, Переяславль Рязанский.	В. Толстой.	Поместный.	Р. Московский стол, стлб. 735, л. 165.
1681	Ужимский и Кунгурский.	А. Коркодинов.	»	ДАИ, IX, № 119.
1683	Владимирский и другие уезды по рр. Клязьме и Оке.	П. Иевлев.	»	Р. Московский стол, стлб. 643, л. 231.
1683	Пошехонский.	И. Болховский.	»	Поместный приказ, кн. 4708, л. 138 об.
1683	Переяславль Рязанский, Тамбов, Козлов, Шацк.	С. Румянцев.	Б. дворца.	Р. Приказный стол, стлб. 845, л. 105.
1683	Добрый.	В. Левашев.	Поместный.	То же, лл. 1—4.
1687	Н. Новгород.	Д. И. Плещеев.	»	Стлб. Н. Новгорода 20798.
1689	Владимир, Суздаль, Лух.	З. Полозов.	Б. дворца.	Р. Белгородский стол, стлб. 1404.
1687	Тобольск.	С. Шахаев.	Разряд.	Р. Дежневый стол, кн. 5253, л. 739.
1695	Болхов, Мценск, Белев.	Н. Юшков.	Поместный.	ЦГАДА, ф. 141, № 129.

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1692	Тверь, Торжок, Руза.	Е. Языков. ✓	Поместный.	ЦГАДА, ф. 141,
1692	Бежецкий Верх, Устюжна Железопольская, Углич, Дмитров, Клин.	П. Давыдов. ✓	»	№ 129, То же.
1692	Галич с пригородами.	Д. Новосильцев.	»	» »
1692	Вологда, Белоозеро.	Д. Рудин.	»	» »
1692	Владимир, Суздаль, Шуя, Лух.	И. Павлов.	»	» »
1692	Н. Новгород, Балахна, Гороховец.	Г. Титов.	»	» »
1692	Армамас, Муром, Кинешма.	А. Соковнин. ✓	»	» »
1692	Кострома с пригородами.	Л. Толбухин. ✓	»	» »
1692	Коломна, Кашира, Боровск, Серпухов.	И. Бобынин.	»	» »
1692	Вязьма, Можайск, Звенигород, Волок Ламский.	А. Ханыков.	»	» »
1692	Торопец, Холм, Ржева Пустая, Луки Великие.	А. Яхонтов.	»	» »
1692	Старица, Ржева Владимирова, Зубков.	И. Борняков.	»	» »
1692	Кобелянск, Малый Ярославец, Торуса, Верея.	Ф. Нармацкий.	»	» »
1692	Рязань, Пронск, Михайлов, Печерники, Гремячей, Сапожок, Зарайск.	Ф. Кобясов.	»	» »
1692	Рязск, Данков, Лебедянск.	Д. Ракитин.	»	» »
1692	Калуга, Козельск, Мосальск.	Д. Кошелев.	»	» »
1692	Шацк, Касимов.	Г. Сукотев.	»	» »
1692	Тула, Деделов, Крапивна.	А. Кравков.	»	» »
1692	Венев, Елифань.	Т. Дуров.	»	» »
1692	Алексин, Лихвин, Перемышль.	Р. Винников.	»	» »
1692	Мещевск, Воротыньск, Медьянь, Серпейск.	М. Тургенев. ✓	»	» »
1692	Курск, Рыльск, Путивль.	В. Бахметьев. ✓	»	» »

Год сыска	Место сыска (город, уезд)	Сыщик	Наименование приказа	Источник
1692	Ливны, Воронеж.	К. Благой.	Поместный.	ЦГАДА, ф. 141,
1692	Чернь, Старый Оскол, Яблонев, Валуйки.	И. Селиванов.	»	№ 129, То же.
1692	Елец, Ефремов, Орел, Новосиль.	И. Золотарев.	»	» »
1692	Белев.	А. Палицын.	Б. дворца.	Р. Севский стол, стлб. 430, л. 201.
1692—1694	Чернавск.	К. Чулков.	Разряд.	Р. Белгородский стол, стлб. 1375, л. 13.
1692—1694	Усмань и Демшинский городок.	М. Гурьев.	Поместный.	То же.
1692	Острогожск.	Я. Ржевский. ✓	»	То же, стлб. 1368, л. 600.
1692—1694	Хотмышск и Вольный.	Е. Болотников.	Разряд.	То же, стлб. 1375, л. 13.
1692	Ольшанск.	А. Левашев.	»	То же, стлб. 1368.
1692—1694	Землянск.	И. Арсеньев. ✓	»	Р. Приказный стол, стлб. 1550, л. 63.
1692—1694	Талицкое.	К. М. Чулков.	»	Р. Белгородский стол, стлб. 1335, л. 1.
1692—1694	Платов.	И. Маслов.	»	
1692—1694	Рыльск.	В. Бахметьев и В. Есипов.	Поместный.	То же, стлб. 1368, л. 300.
1692—1694	Ливны.	И. Селиванов.	»	То же, 875.
1692—1694	Кромы.	Н. Юшков.	»	То же, стлб. 612, л. 460.
1692—1694	Болхов.	А. Соковнин.	»	То же.
1692—1694	Казанские города.	В. Опухтин.	Казанского дворца.	Победоносцев, 187. ¹⁵⁴
1694	Севск, Путивль, Рыльск и другие города.	А. Палицын.	Б. дворца.	Р. Московский стол, стлб. 989, л. 333.
1695	Белев, Мценск, Кромы.	Н. Юшков.	Поместный.	То же, л. 339.
1697	Вязьма.	Лодыженский.	»	То же, кн. 4714, л. 241.
1698	Болхов.	Н. Юшков.	»	То же, л. 225.
1699	Владимир.	И. Чадаев. ✓	»	То же, л. 253.
1699	Тула.	Е. Пятой.	»	То же, л. 250.
1699	Чернавск.	А. Акинфов.	Разряд.	Р. Белгородский стол, стлб. 1685, л. 31.

¹⁵⁴ Победоносцев — К. Победоносцев. Историко-юридические акты переходной эпохи XVII—XVIII вв. М., 1887.

Поскольку история сыска беглых крестьян сама по себе не является предметом нашего исследования, мы остановимся лишь на тех чертах организации сыска, которые вскрывают новые явления в развитии крепостного права и прежде всего помогут вскрыть природу сыска второй половины XVII в. как постоянно функционирующего государственно-организованного мероприятия. Основной фигурой сыска были представители центральной власти — сыщики, которые рекрутировались из дворян и стольников. А. А. Новосельский удачно подметил, что «значение этой новой формы организации сыска заключалось в приближении Приказа к месту действия, в охвате сыском всей территории одного уезда или группы уездов, порученных сыщику».¹⁵⁵ Сыщикам предоставлялись широкие полномочия, включая и расследование татинных, разбойных дел. В распоряжении сыщика был целый аппарат, обычно именуемый «Приказом сыских дел». Из центра сыщик приезжал в сопровождении дьяка и подьячих, а на месте, согласно послушной грамоте, адресованной воеводе, получал от него вспомогательную силу — стрельцов, казаков, пушкарей, для письма подьячих и, наконец, палача, а на ослушников — в прибавку отставных дворян и детей боярских.¹⁵⁶

Делопроизводство, отложившееся в результате деятельности сыщиков, разнообразно и обширно. Тщательный анализ его по составу и формам дан А. А. Новосельским, что исключает необходимость останавливаться на этом дополнительно.¹⁵⁷

Напомним, только, что основное место в составе делопроизводства сыщиков занимали отдаточные книги беглых, содержавшие в себе «записи дел о сыске беглых от начального момента — грамоты Поместного приказа о рассмотрении дела или челобитья истца до заключительного — выдачи беглого владельцу».¹⁵⁸ Более краткий вариант этих книг содержал записи выдачи «беглых владельцам с краткой мотивировкой решения и иногда с пометой о наказании беглых и о взыскании поголовной пошлины. Наконец, в отдельные книги записывались допускаявшиеся при споре о крестьянах «полюбовные договоры» и «мировые зарушные челобитные» между помещиками.¹⁵⁹

И. А. Булыгин отмечает, что в составе делопроизводства сыщика А. С. Заболоцкого по Рязанскому уезду сохранилось тринадцать отдаточных книг беглых, из которых одна содержит записи о пойманных дворцовых крестьянах, пушкарях, казаках

и других приборных служилых людях, а двенадцать книг — с записями о беглых крестьянах.¹⁶⁰

Видное место в составе сыского делопроизводства занимали и отписи «во взятых» беглых крестьян. Примером такой отписи может служить отпись М. М. Волженского в том, что в 1663 г. взял он в Троицкой Варнавиной пустыни своего беглого крестьянина Г. Петрова с женою, детьми, имуществом и с зажилыми деньгами. Отпись скреплена подписями М. М. Волженского и послуха.¹⁶¹

Важнейшее значение отдаточных книг беглых сводилось к тому, что они становились официальным основанием крепостной зависимости крестьянина и входили в обширный ряд крепостной документации 2-й половины XVII в. Доказательством тому служит практика выдачи выписей из отдаточных книг помещикам, выигравшим спор о беглых крестьянах. Такие выписи служили основанием прав на беглого в дальнейшем. В тех случаях, когда выпись не была почему-либо выдана в момент возврата беглого владельцу, последний запрашивал ее челобитной позднее, иногда даже значительный период спустя. Из многочисленных свидетельств источников о выдаче такого рода выписей по челобитьям помещиков мы остановимся лишь на нескольких. В 1668 г. бил челом архимандрит Макарьевского монастыря Пахомий и подал челобитную на Балахне в Приказе сыских дел сыщику Д. И. Плещееву о выдаче выписи из отдаточных книг на крестьянскую семью, которой поступил в монастырь их бывший владелец Г. И. Мостинин. Архимандрит пояснял, что выпись нужна ему, как основание владения крестьянами. Сыщик выдал просимую выпись, в которой было указано, что в 1668 г. Г. И. Мостинин бил челом «ла властей Макарьевского монастыря в беглой его крестьянке» Д. Дмитриевой с сыном, его женой и детьми. Затем обе стороны договорились, и, не обращаясь в суд, Мостинин отдал крестьян в монастырь по договору. Об этом обе стороны подали совместную челобитную. По челобитной крестьяне были переданы монастырю и записаны в книги.¹⁶² Два года спустя, в 1670 г., тому же Д. И. Плещееву подал челобитную о выдаче выписи из отдаточных книг 1665 г. помещик С. Г. Рахманов. Челобитчик пояснял, что выпись нужна, чтобы впредь владеть возвращенным ему крестьянином. Выпись из отдаточных книг была просителю выдана.¹⁶³

В 1694 г. была выдана Г. Мерлину выпись из отдаточных книг Арзамасского уезда. В ней с яркими подробностями изложены суть и ход дела, решенного в данном случае воеводой

¹⁵⁵ Там же, стр. 133.

¹⁵⁶ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4710, лл. 41—42.

¹⁵⁷ А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых. . ., стр. 133—139.

¹⁵⁸ Там же, стр. 135.

¹⁵⁹ Там же, стр. 136—137.

¹⁶⁰ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 133.

¹⁶¹ Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII. Кострома, 1919, стр. 268.

¹⁶² Действия Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии, т. VI, 1905, стр. 191—192.

¹⁶³ Д. Я. С а м о к в а с о в. Архивный материал, т. II. М., 1909, стр. 597—598.

П. В. Шереметевым. В апреле 1677 г. арзамасец Г. Мерлин был челом о бегстве его старинного крестьянина Я. Обидкина с женою и детьми в Казанский уезд. Крестьянин был найден, подвергнут допросу, в котором показал, что у Мерлина он не жил. Тогда тот предъявил выпись из арзамасских писцовых книг 1627 г., в которых указано, что в поместье его отца жил отец Якунки Обидка Гневывшев. Якунка показал, что Обидка ему отчим. По помете дьяка П. Ярославцева Якунку велено было пытать, но пытки не было, так как по челобитью обвиняемого приступили к выяснению личности его отца. Было допрошено шестнадцать крестьян из поместья Мерлина, пять из которых слыхали, что отец Якунки — Пашка, а не Обидка, другие ничего не знали, так как прибыли недавно. После опроса крестьян прибегли к очной ставке Якунки с Г. Мерлиным. Якунка продолжал утверждать, что его отец Пашка, а Обидка — отчим. Однако при повторном допросе крестьянин сознался, что своим отцом он называл Пашку Родионова с целью «отбыть крестьянства» у Мерлина. По приговору воеводы П. В. Шереметева Якунка с семьей был отдан Г. Мерлину и бит батогами «за ложь».¹⁶⁴

К тому же 1694 г. относится выпись на беглых крестьян из отдаточных книг 1692/93 г. сыщика В. Опухтина, выданная из Приказа Казанского дворца по челобитью Ивана и Михаила Орловых. Выпись содержит многие процессуальные подробности сыска и рассмотрения дела. В 1692 г. подал челобитную человек стольника И. Орлова И. Рудин, указывая, что в прошлых годах из Дмитровского уезда бежал крестьянин Орлова Вельяминов с семьей. В бегах он умер, а трое детей его живут в Саранском уезде за И. Никитиным. Сыщик В. Опухтин направил за ними пристава со служилыми людьми. Пристав, приехав в поместье И. Никитина, беглых крестьян не нашел и вместо них взял «его Иванова крестьянина Д. Мартынова». Мартынов был допрошен о беглых, но вскоре к допросу явился сам помещик И. Никитин. Он показал, что с теми именами, о которых идет речь в иске, у него живут крестьяне под фамилией Бородачихины, а не Вельяминовы. И. Никитин поставил их к допросу, но предъявил на них и на их отца ссудную запись, данную на имя Протопопова, от которого Никитин якобы получил этих крестьян по поступной записи вместо своих беглых крестьян. Эта ссудная запись обычного формуляра, но в ней содержится одно весьма любопытное условие: если Бородачихины сбегут, то ссуда подлежит возврату, «а крестьянство впредь крестьянством же».

Здесь мы сталкиваемся с очевидным ухищрением помещика, стремившегося любой ценой закрепить за собой беглых крестьян.

Предприимчивый Никитин пошел еще на большие уловки. По показаниям И. Рудина, он «переложил» имена беглых крестьян — Вельяминку на Ермошку, а Савку на Савостьянку, и после этого взял на них ссудную запись. Это было подтверждено на допросе в Московском судном приказе пойманного в 1692 г. крестьянина Савки. То же самое подтвердилось и в результате допроса сыщиком остальных членов семьи беглого и их жен. Заслушав дело, сыщик В. Опухтин приговорил 15 февраля 1693 г.: по Уложению, новоположенными статьям, крепостям и по распросным речам, дочерей Вельяминовых, которых И. Никитин выдал замуж в бегах за своих крестьян, с мужьями и детьми отдать Орлову; кроме того, Никитин был обязан сыскать бежавшего от него Вельяминова Ермошку и собрать по нем в Саранске поручные записи; в конце выписи было указано, что дана она «впредь для владенья».¹⁶⁵

Дело о беглых крестьянах, решенное сыщиком В. Опухтиным, осложнено тем, что в нем замешана ссудная запись — один из важнейших документов в арсенале крепостной документации XVII в. На фоне этих обстоятельств особенно выпуклым становится значение выписи из дела, как документа, возобновляющего и закрепляющего утраченные было права стольника И. Орлова на его беглых крестьян. То обстоятельство, что выпись была выдана из приказа Казанского дворца, показывает, что отдаточные книги беглых сосредоточивались в приказах. И действительно, многочисленные свидетельства документов убеждают нас в том, что приказы активно контролировали и регулировали работу сыщиков. Возьмем один из рядовых случаев. После отправки сыщиков по городам в 1663 г. в течение пяти лет от отдельных помещиков поступали челобитные, чтобы в случаях «недружбы» дела от сыщиков брать для рассмотрения в Поместный приказ. В ответ на эти челобитные из приказа направляли сыщикам грамоты с требованием подлинные дела или списки с них прислать в Поместный приказ. Дела «для недружбы» от сыщиков были точно так же изъяты в Поместный приказ. В другом случае, указом 6 сентября 1692 г., было предписано по челобитьям на сыщиков о «недружбе» незаконченные дела отсылать к другим сыщикам, а законченные — брать в Поместный приказ для проверки.¹⁶⁶

В истории организации сыска беглых были периоды, когда остро вставал вопрос — кому поручать сыск бежавших крестьян и холопов. В зависимости от конкретных обстоятельств «конкурентами» сыщиков выступали то писцы, то воеводы. В периоды описания земель, в особенности в конце 70-х — в первой половине 80-х годов правительство проявило очевидное стремление совместить сыск с описанием и поручало то и другое дело писцам.

¹⁶⁴ Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца, т. I. Архив кн. В. И. Банетева. Казань, 1882, стр. 140—142. Случай с Я. Обидкиным может быть иллюстрацией к применению соответствующей нормы указа 1 марта 1667 г. (см. выше, стр. 51).

¹⁶⁵ К. Победоносцев, ук. соч., стр. 187—195.

¹⁶⁶ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4712, лл. 220—221.

В такой комбинации был несомненный резон: помимо экономии средств, разумное начало лежало в том, что при составлении переписных книг писцы описывали крепостное население вотчин и поместий, интересуясь его происхождением и правами владельцев на крестьян и холопов.

Посмотрим, как же практически обстояло дело с поручением сыска беглых писцам. Разумеется, что основные требования сообщались писцам в наказах. Например, наказ 1678 г. обязывал писцов предупреждать помещиков «что б у переписки никто крестьян и бобылей не таили. . . и чужих крестьян и бобылей ничьих заочно за собою не писали». Записавший чужих крестьян своими, если это вскрыется после переписи, лишался присвоенных крестьян, но с дворов этих крестьян выплачивал подати «против жилых дворов».¹⁶⁷ То же самое было повторено в наказе писцам 1684 г. Писцы по этому наказу обязывались брать у помещиков и вотчинников «сказки за руками» о наличии крепостного населения по переписным книгам 1678 г. и сверх переписных книг; по сказкам помещиков надлежало проверять «всех налицо» и только после этого записывать в книги. В отношении крестьян следовало проверять крепостные акты, а в отношении холопов — кабалы. За лживые сказки о беглых устанавливалась плата податей с нежилых дворов в обычном порядке.¹⁶⁸

Положение о документированной и проверенной писцами фиксации крепостного населения в переписных книгах получило дальнейшую разработку в наказе 1684/85 г., найденном В. Седашевым. Писцы были обязаны пометать в книгах, на основании каких крепостей и чьих сказок записаны ими крестьяне и бобыли за помещиками и вотчинниками; и обратно — делать отметки на крепостях и сказках, в каком году и в каких книгах крестьяне и бобыли описаны на основании этих документов. Кроме того, в обязанность писца входило составить списки с крепостей и сказок и отправить их в Поместный приказ.

В. Седашев справедливо отметил важное значение принципа отметки в крепостях и сказках факта описания земель с крестьянами. В случае столкновений различных претендентов на одного и того же крестьянина такие крепости с пометами давали суду руководящую нить.¹⁶⁹

В наказах писцам, таким образом, получили отражение характерные моменты сыска беглых крестьян 2-й половины XVII в.: усиление розыскного элемента на основе возросшего значения крепостного акта при обязательности его государственной фиксации и усиление материальной ответственности за прием и держание беглых крестьян. При всем том, однако, нетрудно подме-

¹⁶⁷ В. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912, стр. 197.

¹⁶⁸ ПСЗ, II, стр. 593—594.

¹⁶⁹ В. Седашев, ук. соч., стр. 215.

тить, что сыск беглых крестьян у писцов был подчинен описанию земель и строился только в связи с этим последним. Своеобразное поглощение сыска описанием земель довольно наглядно всплыло в позднейших инструкциях правительства писцам. Когда в 1685/86 г. писцы запрашивали Поместный приказ, как поступать, если при описании земель возникает спор о беглых крестьянах и стороны пожелают на них крепости, правительство ответило специальным указом: крестьян, бобылей, задворных и деловых людей закреплять за теми людьми, за которыми они «объявятся по наезду». При возникновении же спора о крестьянах надлежало указывать в книгах, кто оспаривал и на основании каких крепостей.¹⁷⁰

Все эти особенности сыска беглых писцами были отмечены дворянами в коллективной челобитной от 1 декабря 1682 г. Прося царя не поручать писцам сыска беглых, челобитчики ссылались на то, что писцам «такие великие дела земляные и сыскивать беглых наших людей и крестьян некоторыми делами невозможно будет, потому что земляных дел у них будет множество». И далее добавляли: «. . . покамест писцы поедут, а у нас, холопов ваших, и последняя людички наши и крестьянчики разбегутца».¹⁷¹ Все же главное возражение дворян против поручения сыска писцам шло не по этой линии. Дворяне подчеркивали принципиальное отличие сыщиков от писцов в деле сыска беглых крестьян, указывая тем самым на неприемлемость для них сыска, связанного с описанием земель. В челобитной дворян 22 февраля 1685 г. отмечалось, что писцы станут «писать и крепить» беглых по сказкам тех, за которыми беглые живут, «а за ними запишут пустые дворы». Челобитчики же не знают, «а за ними запишут пустые дворы». Челобитчики же не знают, где их беглые люди и крестьяне живут, а потому и просят перед посылкой писцов направить сыщиков, которые должны выявить беглых крестьян: «А как де по указу великого государя будут сыщики, и те их беглые люди и крестьяне, за кем живут, означатся».¹⁷²

В этих словах заключена принципиальная оценка новой системы сыска беглых, сыска, который во 2-й половине XVII в. вырос в самостоятельный и первостепенной важности вопрос внутренней политики самодержавия. От того, в какой степени удавалось его разрешить, зависело дальнейшее укрепление крепостного права. Сыск беглых с помощью сыщиков, обладавших специальным аппаратом и большими полномочиями, отличался значительно большим, чем то было у писцов, использованием элементов розыскного процесса, чем и обеспечивался в известной мере больший успех сыска.¹⁷³ И хотя в делопроизводстве сыщиков имеется

¹⁷⁰ ПСЗ, II, № 1169.

¹⁷¹ ЦГАДА, Поместный приказ, стлб. Вотчинной записки 18911/81, л. 44.

¹⁷² ПСЗ, II, № 1169.

¹⁷³ Примером того, насколько практически результаты деятельности писцов по сыску беглых крестьян были неполны, показывает сыск беглых

значительное количество челобитных заинтересованных лиц о сыске беглых, наличие такой челобитной и тем более знание помещиком мест пребывания его беглых крестьян вовсе не являлось теперь обязательным условием для проведения сыска. Подача индивидуальных челобитных о сыске бежавших крестьян была не более как формой вмешательства помещиков в ход сыска с целью ускорения и стимулирования его. Но, как показала дальнейшая практика, подача таких челобитных приобрела вместе с тем особый и важный смысл. Помещики стали подавать челобитные о побеге крестьян, бобылей и дворовых людей в короткие сроки после побегов (иногда не более двух недель) с просьбой «записать челобитье», имея целью предотвратить возможность получения крепостей на их беглых крестьян другими лицами, а также с целью отвести от себя ответственность в случае, если беглые попадутся в воровстве или разбое.

Сыщик с его приказом сыскных дел был грозой для местного населения, в том числе для помещиков и вотчинников. А. А. Новосельский отметил как бесспорно характерное явление, что «чрезвычайно редко держатели беглых оспаривали иски о возврате их, как бы влиятельны они ни были; напротив, приказчики и старосты спешили заявить, что помещикам и вотчинникам до тех беглых «дела нет»; более того, «изведав» о приезде сыщика, беглых из деревни «выбивали вон», «от земли отказывали и пашни пахать не велели».¹⁷⁴ Однако такое положение нельзя абсолютизировать. Тот же автор дает яркую картину сопротивления сыщику Д. И. Плещееву со стороны влиятельных землевладельцев Нижегородского уезда, поддержанных воеводой.¹⁷⁵ Другой исследователь, Г. Перетяткович, приводит донесения сыщиков из Саранского уезда (1662 г.), в которых сыщики писали, что «саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых людей и крестьян у себя укрывают и таят, а к распросу и к записке к ним (сыщикам, — А. М.) на съезжей двор не приводят». Когда же сыщики «для подлинного сыску велели саранских помещиков выслать в Саранск и про беглых людей и крестьян» дать сказки, то многие помещики ехать в Саранск отказались, а приехавшие сказок не давали.¹⁷⁶ Тем не менее имевшие место на практике «помехи» деятельности сыщиков, в виде тех или иных форм сопротивления со стороны держателей беглых, не снимали вопроса

Антониево-Сийского монастыря в 1678 г., предпринятый по царской грамоте двинским переписчиком А. Фонвизиным. Переписчик «многих крестьян и бобылей сыскавал», но, как жаловался царю игумен Феодосий, «по сыску никакова указа о тех крестьянах и бобылях им не учинил» (Г. Н. О б р а з ц о в, ук. соч., стр. 281).

¹⁷⁴ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов... стр. 346.

¹⁷⁵ Там же, стр. 347—349.

¹⁷⁶ Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882, стр. 197

о том, что сыщики и их сыскные приказы были наиболее эффективной системой сыска беглых крестьян и холопов.

В немалой мере это объяснялось тем, что сыщики, как правило, пользовались широкой поддержкой дворян и их агентуры. А. А. Новосельский отметил, что «сыщик действовал не один и не только с помощью своего собственного аппарата. Усерднейшими и активнейшими помощниками его были владельцы, приказчики и люди их, отыскивавшие беглецов». «Сами владельцы или уполномоченные на то лица сопровождали сыщика в его разъездах по территории сыска. В большинстве случаев они уже знали о местонахождении беглых. Укрыться от бдительности этой добровольной агентуры беглецам было трудно. Если сами владельцы и держатели беглых не выдавали их, их хватали и приводили люди истцов или указывали сыщику, где их найти».¹⁷⁷

Что же касается сопротивления сыску, то правительство, расширяя полномочия сыщиков, давало им права наказывать не только за держание беглых, но и за противодействие их сыску. Именно такого рода действия имел в виду пресечь указ 23 марта 1698 г., значительно поднявший престиж и роль сыщиков.¹⁷⁸

В системе сыска беглых крестьян и холопов наряду с сыщиками должна быть выделена деятельность центральных органов управления — приказов.

Деятельность приказов в части сыска беглых крестьян не ограничивалась посылкой сыщиков в уезды и поручением сыска писцам. Многие из приказов — Поместный, Разрядный, Московский судный, Холопий, Стрелецкий и другие — вели непосредственную работу по сыску беглых и по расследованию дел о побегах. Одной из форм такой работы была посылка из приказа нарочных лиц, приставов, с наказными памятями для одновременного сыска беглых по челобитной землевладельцев. Чаще всего такими челобитчиками были крупные вотчинники. Примером такого рода сыска беглых крестьян может служить сыск, предпринятый в 1649—1650 гг. Приказом Большого дворца по челобитью властей Троице-Сергиева монастыря. Как результат деятельности приказных людей П. Щепнева и подьячего Ф. Корчемкина, сохранились отдаточные книги беглым по городам Костроме и Галичу.¹⁷⁹

В сентябре 1685 г. по челобитью кн. Лобанова-Ростовского из Московского судного приказа был послан в Курск пристав Е. Иванов. В наказной памяти Иванову предписывалось взять у воеводы М. Голицына стрельцов, пушкарей, разыскать с их помощью беглых крестьян Лобанова-Ростовского и отвести их в Московский судный приказ. Затем это дело было передано в Разряд, поскольку

¹⁷⁷ А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых... стр. 143—144.

¹⁷⁸ ПСЗ, 111, № 1625, см. выше, стр. 79—80.

¹⁷⁹ С. М. Каштанов, ук. соч., стр. 198—220.

служилые люди городов Севского и Белгородского полков подведомственны Разряду.¹⁸⁰

В другом случае К. Н. Брыкин в марте 1684 г. подал челобитную в Дворцовый судный приказ с просьбой послать двух приставов за крестьянами, бежавшими в прошлых годах из поместья его отца в Пусторжевском уезде. Из Дворцового судного приказа в дворцовые волости Можайского уезда, где проживали беглые, были посланы два пристава, которым вменялось в обязанность взять у волостного приказчика понятых старост и целовальников, поймать крестьян и доставить их в Дворцовый судный приказ. Когда приставы предъявили приказчику послушную грамоту, приказчик дал память в Кузовскую волость. В Кузовской волости приставы предъявили память старосте и взяли понятых — деревенского старосту, десятского и трех крестьян. С понятыми они задержали в деревне Стрелиной лишь одного из четырех беглых крестьян. Крестьяне той деревни вышли на них «с дубьем» и не дали остальных крестьян, а пойманного крестьянина, Михайлова, хотели отбить. Приставы с понятыми отстояли крестьянина. Михайлова отвезли в Москву и сдали в Дворцовый судный приказ, откуда он вскоре бежал.¹⁸¹

Большая деятельность по расследованию дел о беглых протекала в самих приказах, главным образом в связи с приводом в приказ непосредственно помещиками либо их людьми своих или чужих пойманных беглых крестьян. На обширную практику таких приводов с последующим разбирательством дел в приказах и оформлением возврата беглых их владельцам указывает то обстоятельство, что в сравнительно короткий промежуток времени было принято несколько указов, регламентировавших деятельность приказов в указанных отношениях.

Указ 27 июня 1679 г. устанавливал порядок производства дел в тех случаях, когда приведенные в Московский судный приказ беглые крестьяне показывали, что они жили у помещиков, подведомственных этому приказу. Если помещики находились в Москве, то их допрашивали об их отношении к беглым, а последних выпускали из приказа только в том случае, если на них будут собраны поручные записи.¹⁸²

В дальнейшем, в связи с усилением притока беглых в приказы и невозможностью держать их там подолгу, правительство пошло на ограничение требования поручных записей при выдаче беглых из приказов. Так, указ 6 апреля 1690 г. допускал освобождение беглых из Приказа Холопьего суда без поручных записей и без расписок в тех случаях, когда в течение месяца за ними не придут

их помещики или вотчинники, а на поруки под расписку их никто не возьмет.¹⁸³

Принципиально такое же решение содержал боярский приговор 24 марта 1690 г., предписывавший беглых крепостных и кабальных людей, приведенных в Стрелецкий приказ, отпускать из приказа с поруками и под расписку, если за ними не явятся владельцы в течение недели.¹⁸⁴ Тот же недельный срок содержания в приказе приведенных спорных и подсудных крестьян устанавливал новый указ из Московского судного приказа 1700 г. Однако указ 1700 г. отменял поручные записи и расписки при освобождении крестьян из приказа, связывая крестьян обязательством идти к тем помещикам и вотчинникам, которых они называют своими. Свое решение указ мотивировал тем, что «в судном приказе те люди и крестьяня сидя многое время терпят голод и всякую пужу а иные многие от тесноты заболев и з голоду умирают».¹⁸⁵

Следующим звеном в системе организации сыска беглых крестьян был аппарат местного управления — уездные воеводы. Олицетворяя диктатуру дворянства и будучи проводниками классовой политики самодержавия на местах, воеводы были заняты предупреждением и подавлением всех форм народного протеста, в том числе и побегов крестьян. Эти функции как бы автоматически входили в обязанность воевод, но тем не менее направлялись наказаниями правительства. Почти все известные нам за 2-ю половину XVII в. указы воеводам, как назначаемым в центральные уезды, так и на окраины — в города Белгородского и Севского полков, в Сибирь и другие места, — в той или иной мере касались побегов крестьян и холопов.

Сошлемся лишь на отдельные примеры. В наказе 1676 г. Ф. Волконскому, назначенному воеводой в Переяславль, указывалось, что если в отношении беглых людей и крестьян, прибывших в Переяславльский уезд, будут челобитные, а «измены и другого воровства за ними не будет», то беглых следует сыскивать и отдавать по крепостям челобитчикам. Если же о беглых челобитчиков нет, то крестьян после допроса надлежит отсылать в уезды, откуда они бежали, и сообщать об этом воеводам.¹⁸⁶

Наказ 1698 г. ярославскому воеводе С. Траханиотову запрещал принимать беглых служилых и тяглых людей, а также держать их в холопах, крестьянах, дворниках, и в подсоседниках. Те, кто таких лиц имели, обязаны были привести их в приказную палату. После допроса беглых с приставами или со служилыми людьми следовало отправлять к воеводам в уезды, откуда они

¹⁸⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 943, лл. 1—56.

¹⁸¹ Там же, ф. Поместного приказа, стлб. 33047, лл. 59—63.

¹⁸² ПСЗ, II, № 768.

¹⁸³ Там же, III, № 1369.

¹⁸⁴ Там же, № 1396.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. Палаты об Уложении 1700 г., № 6, ч II, л. 56—об.

¹⁸⁶ ААЭ, IV, № 211.

бежали,¹⁸⁷ Особое и весьма важное место вопрос о беглых крестьянах занимал в наказах и грамотах сибирским воеводам.¹⁸⁸

Деятельность воевод по сыску беглых крестьян не прекращалась и в том случае, когда в уезде действовал присланный из центра сыщик, но тогда функции воеводы сводились главным образом к обеспечению необходимых условий для деятельности сыщика и его аппарата. К числу таких условий, которые предписывались воеводам в послушных грамотах из приказов, относились обеспечение сыщиков съезжими и постоянными дворами, бумагой, чернилами, но наиболее важной статьей, разумеется, было предоставление сыщику стрельцов, приборных и даже служилых людей для поимки и привода беглых крестьян. Нежелание воевод выпускать сыск беглых из своих рук и их контакты с местными землевладельцами приводили к резким конфликтам между воеводами и сыщиками. Воеводы отказывали сыщикам в военной силе и чинили всякие помехи. Например, вступив в распрю с сыщиком А. С. Заболоцким, воевода г. Сапожка говорил: «... у сыщика де государев указ, а у меня тот же государев указ».¹⁸⁹ Столкновение сыщика Д. И. Плещеева с воеводой Новосилья П. А. Неплюевым привело к тому, что воевода не дал сыщику подьячих, стрельцов и казаков. А когда Плещеев поехал в Новосиль для объяснения с Неплюевым, тот запер город, бил в сполошный колокол, избил людей сыщика и заточил их в тюрьму.¹⁹⁰ В свою очередь и сыщики, злоупотребляя своим положением и ведя себя заносчиво по отношению к воеводам и местным землевладельцам, допускали резкие выпады по их адресу. Сыщик Д. Плещеев, находясь в Печерском Нижегородском монастыре, «при многих людях» говорил архимандриту Иосифу: «Я де сморкаю не только на тебя, архимандрита, и на пестрых властей».¹⁹¹ Причины и обстоятельства столкновений воевод с сыщиками на большом конкретном материале показаны в неоднократно использованных нами работах А. А. Новосельского и И. А. Булыгина, к которым мы и отсылаем читателя.¹⁹² С своей стороны лишь добавим, что столкновения воевод с сыщиками по отдельным уездам имели место вплоть до конца XVII столетия. В начале 90-х годов сыщики доносили в приказы, что воеводы «чинятся ослушны» и без послушных грамот не дают ни подьячих, ни служилых людей, ни дров, ни чернил.¹⁹³ Попытка правитель-

ства сделать сыщиков в известной мере независимыми от воевод путем предоставления им стрельцов из Москвы по указу 23 марта 1698 г. имела лишь частичный успех, поскольку привезенных из Москвы сил не хватало и сыщики были вынуждены возмещать нехватку в уезде.

Однако коллизия между сыщиками и воеводами нередко получала гораздо более глубокие проявления. В ряде уездов на стороне своих воевод стояли местные землевладельцы. Были периоды, когда в приказы поступало значительное количество челобитных от дворян с просьбой поручить сыск беглых воеводе и не присылать в уезд сыщика. В 1683 г. брянские помещики обратились с просьбой поручить межевое и сыскное дело воеводе Ф. Давыдову, который «живет бескорыстно», чтобы «от нарочных присыльщиков лишняя тягости не было». Просьба челобитчиков была удовлетворена.¹⁹⁴ Таким же образом по челобитью помещиков и вотчинников был поручен сыск беглых в Калужском уезде воеводе Б. Яковлеву,¹⁹⁵ в Угличском уезде воеводе М. Супоневу,¹⁹⁶ в Тульском уезде воеводе Г. Супоневу,¹⁹⁷ в Рязанском уезде воеводе М. Селиванову,¹⁹⁸ в Кромском уезде воеводе И. Волконскому.¹⁹⁹ Зато торопецким помещикам в их просьбе поручить сыск беглых местному воеводе было отказано, поскольку «у челобитной рук мало, писано восемь рук, а по городу Торопцу много дворян».²⁰⁰ Было отказано и помещикам Пошехонского уезда, и туда для межевания поместных и вотчинных земель и для сыска и отдачи беглых крестьян был послан стольник И. Болховский.²⁰¹ Встречаются случаи частичного изъятия функций сыска беглых у сыщиков с передачей их воеводам. Грамотой 22 марта 1667 г. предписывалось Д. И. Плещееву сыском дворцовых крестьян не ведать, невершенные дела по их сыску передать Балахнинскому воеводе И. Хитрову, которому и вести в дальнейшем сыск дворцовых крестьян в Балахне.²⁰² Замены сыщиков воеводами по челобитьям дворян 1683 г. прошли во многих городах и вызвали общий указ 27 октября 1683 г. об отзывании сыщиков из городов в Москву, с передачей сыска беглых воеводам.²⁰³

На практику замены сыщиков воеводами в 80-е годы обратил внимание А. А. Новосельский. Он же отметил в связи с этим тот важный факт, что «просьбы о посылке особых сыщиков исходят от служилых людей центральных уездов и направлены главным

¹⁸⁷ ПСЗ, III, стр. 488.

¹⁸⁸ Там же, II, № 1030; III, стр. 373, 390; ДАИ, VI, № 19; АИ, V, № 108, 113.

¹⁸⁹ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 134.

¹⁹⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 975, лл. 32—48.

¹⁹¹ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов..., стр. 348.

¹⁹² Подробнее этот вопрос освещен нами на примерах южных пограничных уездов (см. ниже стр. 155—157).

¹⁹³ ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, № 129, л. 1.

¹⁹⁴ ЦГАДА, Поместный приказ, стлб. Вотчинной записки 18911/81, л. 79.

¹⁹⁵ Там же, лл. 91—92.

¹⁹⁶ Там же, лл. 63—64.

¹⁹⁷ Там же, записная книга указам 4708, л. 136 об.—137.

¹⁹⁸ Там же, л. 138.

¹⁹⁹ Там же, л. 137, об.—138.

²⁰⁰ Там же, стлб. Вотчинной записки 18911/81, лл. 80 об.—82.

²⁰¹ Там же, записная книга указам 4708, л. 138 об.

²⁰² Там же, стлб. по Нижнему Новгороду 20876, л. 144.

²⁰³ Там же, записная книга указам 4712, л. 38 об.

образом против воевод южных городов». ²⁰⁴ «С другой стороны, — замечал А. А. Новосельский, — большинство известных нам челобитных о поручении сыска беглых воеводам исходит как раз от служилых людей южных городов. Из 14 челобитных только 3 относятся к центральным уездам (владимирцев, шуян, угличан), остальные 10 исходят от помещиков и вотчинников калужских, медыньских, алексинских, рязанских, брянских, тульских, соловских, дедиловских, епифанских, венеvских, одоевских, донковских, кромских, старооскольских, землянских, черновских. Хлопоча о производстве сыска воеводами, служилые люди южных уездов, куда именно шел приток беглых, старались таким путем оборониться до некоторой степени от натиска своей же более чиновной и более сильной близостью к центру братья». ²⁰⁵

Бесспорно верные наблюдения А. А. Новосельского в отношении периода 80-х годов, быть может, требуют некоторых корректив в отношении следующего десятилетия. Среди немногих известных нам случаев передачи функций сыска беглых от сыщиков воеводам по просьбе дворян отдельных уездов в 90-е годы XVII в. центральные уезды занимают видное место. В январе 1694 г. в городах Романове, Угличе, Пошехонье было указано сыскные дела «чинить в Ярославле ближнему стольнику и воеводе В. Яковкину. А сыщиков из тех городов взять к Москве». ²⁰⁶ В октябре 1697 г. сыскное дело по г. Вязьме было поручено воеводе П. Румянцеву потому, что сыщик И. Лодыженский, «по многим посылкам к сыскному делу не явился». ²⁰⁷

По ноябрьскому указу 1698 г. сыск беглых в Болхове от сыщика Н. Юшкова передавался воеводе А. Коровину. ²⁰⁸ А в январском указе 1699 г., поручившим сыск в Тульском уезде воеводе Н. Усову, указывалось: «... в которых городех сыскные дела велено ведать воеводам, и в тех городех сыщиком быть не велено». ²⁰⁹ К такого рода городам по февральскому указу 1699 г. отнесен и Владимир, воевода которого И. Свиный должен был принять дела у сыщика И. Чаадаева, а сыщик отзывался в Москву. ²¹⁰ Во всех подобного рода случаях воеводам присылался сыскной Наказ 2 марта 1683 г., а затем и дополнение к нему от 23 марта 1698 г.

Для 2-й половины XVII в. характерно стремление органов государственной власти возложить определенные функции по

²⁰⁴ А. А. Новосельский. Побегн крестьян и холопов... стр. 351.

²⁰⁵ Там же, стр. 351.

²⁰⁶ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 4714, л. 126 об.

²⁰⁷ Там же, л. 241.

²⁰⁸ Там же, л. 245.

²⁰⁹ Там же, лл. 250 об. — 251.

²¹⁰ Там же, л. 253.

борьбе с побегами крестьян и по сыску беглых на низшие выборные звенья административного аппарата — земских старост, целовальников, пятидесятских, десятских и тому подобных лиц.

В. Г. Гейман, описывая деятельность сотских и пятидесятских в Белоозерском уезде в XVII в., установил, что в круг обязанностей названных лиц входило следить за пришлыми людьми на подведомственной им территории. Существующий порядок требовал каждого пришлого жильца приводить в съезжую избу к «записке». За нарушение этого порядка перед воеводой отвечал пятидесятский. Когда в 1674 г. производился сыск дачных людей, приставы, посланные воеводой, обнаружили в одной из волостей «пришлого человека Самутку». В ответе оказался пятидесятский Е. Яковлев: «И октября в 29 день по приказу воеводы И. Ф. Чаплина пятидесятскому Евтюшке Яковлеву учинено наказание, перед съезжею избою бит батоги за то, что он о пришлом человеке Самутке на Белоозере в съезжей избе не известил, а жил в его пятидесятне и з дороги он Евтюшка ночью спел». ²¹¹

Обязанности местных выборных административных чинов в части борьбы с побегами крестьян получили яркое отражение в наказе 1670 г. верхотурского воеводы Ф. Хрущева о должности приказчика в Чусовой слободе: «... для бережения крестьян... в старосты и в целовальники и в десятники велеть крестьяном выбирать добрых крестьян» и «выборным старостам... над крестьяны смотреть и беречь и от всякого воровства и от побегу унимать». Если старосты узнают про побег и воровство, должны немедленно сообщать приказчику, а «он бы про то сыскивал накрепко и чинил тем крестьянам по сыску за то воровство и за побег жестокое наказание». ²¹²

Существенным звеном в системе сыска беглых крестьян и холопов была деятельность в этом направлении самих вотчинников и помещиков. Дворяне, разумеется, не ждали, сложа руки, мероприятий воевод и приказов, а активно вмешивались в этот процесс — стремились установить место пребывания беглых, подавали челобитные об их сыске, сами ездили или посылали своих людей за беглыми и т. п.

Уже в коллективных челобитных дворян 50-х, 60-х годов указывалось на то, что помещики сами ездят в погоню за беглыми или посылают своих людей, но при этом наталкиваются на сопротивление воевод и самих беглых. Правительство не связывало частную инициативу сыска, ограничивая ее лишь в тех случаях, когда служилые люди стремились заняться сыском беглых в ущерб своим служебным обязанностям. Этим, надо полагать, была вызвана норма указа 18 сентября 1663 г., который воспрещал от-

²¹¹ В. Г. Гейман. Очерк из истории местного управления Русского государства XVII века. Рукопись, стр. 44—46.

²¹² ДАИ, VI, № 7.

срочки явок на государеву службу по причине сыска беглых крестьян, возлагая его на сыщиков.²¹³ До этого указа практика подобных отсрочек существовала. Например в 1661 г. возникло дело по челобитью суздальца А. Ашанина, просившего отпустить его в Нижний Новгород для сыска своих крестьян, которые бежали, «завалив женщину мою и детишек в избе», в то время как он был в отъезде по делам службы. По челобитью произвели сыск — допросили 29 суздальских помещиков, которые подтвердили бегство крестьян и разорение Ашанина. В июне 1661 г. от имени царя Ашанина отпустили в Нижний для сыска беглых крестьян, после которого он был обязан вновь явиться на службу «с городом с суздальцы».²¹⁴ Но тот, кто в данный момент не был связан со службой, мог искать своих беглых крестьян, не спрашивая разрешения на отлучку либо санкции властей на сыск.

За оказанием содействия в предпринимаемом сыске своих крестьян к царю обращались в 50-е и 60-е годы только некоторые из представителей крупного церковного или боярского землевладения. В июле 1660 г. бил челом митрополит Казанский и Свияжский Лаврентий о бегстве из его домовых вотчин «многих крестьян и бобылей» с семьями и имуществом в Позимовы города. Для их сыска митрополит посылал своих детей боярских со списком из писцовых и переписных книг и просил царя о грамоте воеводам. Такая грамота по «городам до Астрахани» обязывала воевод и приказных людей «давать суд» митрополиту по искам о возврате его крестьян, а списки отданных беглых прислать в Москву.²¹⁵ Рядовая же масса дворянства разыскивала своих крестьян в порядке частной инициативы, не обращаясь к царю с индивидуальными челобитными. Но если беглые скрывались в вотчинах именитых землевладельцев, то без челобитной не обходилось, но подавали ее не в приказ, а непосредственно владельцу вотчины. Такого рода челобитные, дающие яркие черты эпохи, сохранились по вотчине Б. И. Морозова. В январе 1660 г. Б. И. Морозову подал челобитную Луховский помещик Н. Шепелев, просивший вернуть ему беглых крестьян, поселившихся в вотчине всесильного боярина. К челобитной была приложена выписка из писцовых книг. Б. И. Морозов направил грамоту приказчику села Лысково, обязав его допросить беглых крестьян «накрепко», они ли прямые крестьяне Шепелева и значатся ли в писцовых книгах. Если все подтвердится, то беглых следовало отдать Шепелеву и взять отпись «впредь для спору».²¹⁶

Аналогичные меры были приняты по челобитным Т. Перского, Кайсарова и А. Селунского. В последнем случае ситуация была осложнена тем, что Селунский обязался сыскать и вернуть в опре-

деленный срок беглых крестьян Волконского, живших у Селунского и в свою очередь бежавших от него. Люди Селунского обнаружили крестьян у Б. И. Морозова. Селунский стоял на правее же в беглых крестьянах, когда приказчик Морозова завершал расследование дела.²¹⁷

Царский «дядька» и фактический глава правительства не оспаривал беглых крестьян, когда дело доходило до иска на очевидных и законных основаниях. Но в то же время в переписке Б. И. Морозова с приказчиками вотчин имеется много наказов крестьянам, чтобы они спокойно жили на своих участках и не боялись выдачи хозяевам, так как о многих из них челобитий не поступало.

Итак, в 60-е годы дворяне, в случае самостоятельно предпринимаемого сыска беглых крестьян, действовали без государевых грамот. Вскоре, однако, практика показала, как это видно из коллективных челобитных дворян, что сами организовать сыск они «не в мочь», так как постоянно наталкивались на сопротивление воевод, укрывавших беглых, в особенности в южных уездах, и на сопротивление самих крестьян, которые «на дороге их грабят и до смерти людей их побивают, чтоб они, убоясь, впредь за ними не ездили».²¹⁸

На этой почве к 80-м годам намечаются существенные перемены. Суть их состояла в том, что элементы государственно организованного сыска начинают проникать в стихию частного сыска. Правительство как бы брало под опеку частную инициативу и усилия помещиков, направленные на сыск беглых крестьян, и давало им официальную санкцию в форме погонных, сыскных «с прочетом» послушных и другого рода грамот. Эти грамоты выдавались обычно по челобитьям заинтересованных лиц. В феврале 1682 г. по челобитью новгородца М. Чеглокова из Судного приказа была выдана погонная грамота на беглых людей, предписывавшая воеводе Белоозера Н. С. Румянцеву дать Чеглокову стрельцов, пушкарей, и затынщиков для поимки беглых крестьян, допросить беглых в приказной избе и о возврате их направить отписку в Судный приказ.²¹⁹ В данном случае частный сыск сливался с сыском государственным.

То же самое наблюдается в другом случае выдачи в 1686 г. по челобитью З. Злобина сыскной грамоты из Московского судного приказа. Грамота обязывала пойманных беглых крестьян допрашивать в съезжих избах, а в случае возникновения спора о них — судить по крепостям. Если же рассудить на месте невозможно, выслать дело в Москву.²²⁰

Когда помещик И. Мещеринов надумал послать своего человека Г. Степанова для сыска крестьян, бежавших в Казань, Свияжск,

²¹³ ПСЗ, I, № 350.

²¹⁴ Акты Московского государства, т. 3, № 427.

²¹⁵ ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 3669.

²¹⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. II. М.—Л., стр. 100—102.

²¹⁷ Там же, стр. 107—108, 115—117.

²¹⁸ ААЭ, IV, № 279.

²¹⁹ АЮБ, I, № 51.

²²⁰ К. Победоносцев, ук. соч., стр. 184—187.

Симбирск, Чебоксары, Алатырь и Саранск, он заручился царской грамотой к воеводам этих городов. Грамота 1688 г. обязывала воевод предоставить посланному приставов, пушкарей и служилых людей. В отношении сысканных беглых предписывалось дать указ по Уложению и новоуказным статьям.²²¹ Кроме царской грамоты, И. Мещеринов дал Г. Степанову свою наказную память. Она полна столь живых подробностей, что заслуживает специального внимания. Мещеринов предписывал Степанову взять с собой нескольких крестьян и отправиться в Галицкую вотчину. Часть крестьян было указано оставить на постоялом дворе Алатыря, а двух из них послать в вотчину боярина П. Матюшкина, «будто милостины прошать», проводивать беглых крестьян. Проведав, один из крестьян должен ехать домой на лошади, а другой идти пешком на Алатырь. После этого Степанову следовало изловить беглых крестьян и отвести в Саранск к воеводе, а имущество переписать и оставить по две бабы для корма скота.

Когда воевода отдаст беглых, то человека четыре из них следует посадить в тюрьму, пока не перевезут жен, детей и имущество. Семьи беглых и их имущество надлежит перевести в село Никольское. Если же слуги Матюшкина беглых спрячут, Степанову предписывалось бить челом воеводе о вызове слуг Матюшкина в город и предъявить царскую грамоту о высылке их в Москву к ответу. Затем он должен был бы ехать в Казань и просить у воеводы приставов для поимки беглых крестьян. Наказная память требовала от Степанова сыскать «всех мужиков по росписи и сверх росписи». За успешный исход дела барин обещал своему слуге пожалование. Память скреплялась печатью И. Мещеринова.²²²

В 1689 г. самарский воевода В. Полуехтов получил грамоту об оказании помощи в сыске беглых крестьян стольников и полковников московских стрельцов Д. Жукова и Б. Дементьева. О предпринятых мерах он должен был подать отписку в Приказ Казанского дворца.²²³

В 1690 г. помещик М. Волженский просил выдать ему наказную память и дать пристава для привода беглого крестьянина в приказную избу г. Унжи.²²⁴

Наконец, в 1695 г. из Разряда по челобитью Б. Максимова была выдана грамота о сыске беглых в городах Хотмышке, Вольном, Мирополье и Красном. Б. Максимов объяснял назначение просимой грамоты тем, чтоб «тех своих беглых крестьян поимать».²²⁵

²²¹ М. И. Семевский. Историко-юридические акты. Чтения Моск. общ. ист. и древн., 1869, кн. 4, стр. 35.

²²² Там же, стр. 79—82.

²²³ Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 28. 1911, стр. 4—5.

²²⁴ Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII, стр. 272—273.

²²⁵ ЦГАДА, ф. Разряда. Московский стол, стлб. 989, л. 41.

Список случаев подобного рода можно легко увеличить, но и приведенных достаточно для уяснения того, что в последнюю четверть XVII в. частная инициатива дворян в ходе сыска беглых крестьян и холопов получала официальную санкцию правительства, материальную и военную поддержку и органически входила в общую систему сыска. Частный сыск становился одним из звеньев общегосударственного сыска беглых. Элементы сращивания частного сыска с государственным наметились еще в ходе деятельности сыщиков в 60-е годы. Многие дворяне или их люди сопровождали сыщиков в разъездах по уездам и осуществляли сыск своих беглых крестьян в качестве добровольной агентуры сыщиков.

Так на почве борьбы с побегами крестьян во 2-й половине XVII в. складывался своеобразный единый фронт от помещика до царя. Сыск во всех его звеньях стал настолько реальным фактом, что о нем приходилось упоминать и в отпусках, которые давали помещики своим крестьянам. Например, в отпусковой 1670 г., выданной помещицей М. Челюскиной крестьянину Ф. Клементьеву, содержалась специальная оговорка: «. . . и нет до него дела на городех воеводам и сыщикам, и в селах приказным людям, и на станах за него не вьзатца».²²⁶

Естественно, что усиление режима сыска, связанное с общим ростом крепостного права, вызывало сопротивление беглых крестьян. В советской исторической литературе отмечены формы этого сопротивления. Историки, приводя ряд случаев такого рода, констатируют, что формами сопротивления беглых крестьян сыску были бегство беглых из районов сыска, избивание приставов, приказчиков и других лиц, присланных за ними.²²⁷

К примерам бегства крестьян из районов сыска, приведенным в литературе, следует добавить еще один, весьма любопытный.

В 1669 г. из Болховских вотчин кн. Кольцова-Моссальского бежало 50 человек крестьян с женами и детьми. В следующем году беглецы поселились на землях помещика Кобелева. Прожив 36 лет в его владениях, крестьяне вновь бежали в 1706 г., узнав, что их место пребывания известно их прежнему владельцу.²²⁸

Что касается сопротивления беглых приставам и другим посыльным, то следует указать, что в значительном числе случаев беглые оказывали открытое, часто вооруженное сопротивление сыщикам и их агентам не в одиночку, а при активной поддержке местных крестьян, среди которых они поселились в бегах.

²²⁶ Там же, ф. Новгородской приказной палаты, записная книга 82, л. 74.

²²⁷ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 139—140; А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых. . . , стр. 143; И. М. Скляр. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье. . . , стр. 171—176.

²²⁸ В. Кашин. Триста лет накопления земельных богатств родом князей Юсуповых. Сб. «Труд в России», кн. 2—3, Л., 1925, стр. 244—245.

В 1662 г. крестьяне Вениарской волости сыщиков, стрельцов и старосту «били до великого увечья» и не пустили в село для сыска беглых.²²⁹

Аналогичное явление наблюдалось в 1670 г. под Воронежем, когда по грамоте из Приказа воронежский воевода В. Уваров направил стрельцов для взыскания наддоточных крестьян у помещика Ф. Рукина за беглых крестьян окольного В. Волинского. Стрельцы сообщали в доездной памяти, что крестьяне по велению Рукина вышли против них с пищалями, рогатками и бердышами и оказали сопротивление.²³⁰

В начале 80-х годов было заведено дело о нападении крестьян «большим собранием с боем» на добренского воеводу Ф. Павлова, писца Т. Камышина и стольника И. Ляпунова, посланных для межевания земель и сыска беглых в Лебединском уезде.²³¹

В мае 1699 г. по грамоте из Разряда и по наказной памяти Я. К. Зыбина были посланы в Чернский уезд для сыска беглых крестьян сыщик И. Акинфов и подьячий А. Федоров со стрельцами, казаками и пушкарями. К приезду сыщиков в деревню крестьяне собрались «великим собранием» и произвели нападение на сыщиков, вынудив их отступить.²³²

Подобного рода факты активного сопротивления крестьян сыску перемежались с попытками беглых замести свои следы путем перемены имен себе и своим отцам с тем, чтоб имена не сходились с теми, под которыми они значились в переписных книгах и других крепостных актах. Так, в 1663 г. сбежавший от помещика Мещерикова крестьянин Стенька Кириллов выдал себя за государева крестьянина и назвал Стенькой Васильевым. Когда он был уличен, то показал, что сделал это с целью избежать крепостной зависимости от Мещерикова.²³³

В истории классовой борьбы крестьянства побег не только влек за собою те или иные формы сопротивления сыску, но и органически сливался с общим ходом борьбы крестьян против феодалов. Побег как бы начинал собою тот или иной акт классовой мести крестьян помещикам (разорение имущества, убийство господ и членов их семей и т. п.) и в то же самое время завершал и прикрывал крестьянское выступление. Примеров подобного рода можно привести значительное количество. В ноябре 1649 г. был убит своими крестьянами помещик Каширского уезда Т. Павлов. Убившие трое крестьян с женами и детьми сбежали в разные

украинные города.²³⁴ Вдова Т. Есипова доносила в челобитной, что в 1650 г. «умысля и сговорясь воровски», убили ее сына Игнатия люди и крестьяне его Рязанского поместья. После этого крестьяне с женами, детьми и имуществом сбежали неизвестно куда. Четыре года спустя беглецы пришли в то же рязанское село, уничтожили господское имущество, сожгли крестьянские дворы, а крестьян вывезли всех до единого. Поместье Красное превратилось в пустошь. Есипова проведала, что вывезенные крестьяне живут в Козлове, Усмани и Воронеже. В Козлов к воеводе была послана царская грамота о сыске.²³⁵

В июле 1655 г. была послана в Воронеж грамота о розыске крестьян белевского помещика Л. Вельяминова, пришедших из бегов и убивших его одиннадцатилетнего сына.²³⁶

В 1660 г. два брата Пешольшины из Брянска, не явившиеся к сроку в полк, объясняли в челобитной, что они находились в Польском приказе по делу о сыске беглых крестьян, которые их дядю «с женою и с людьми и с животы заперли в хоромех, сожгли».²³⁷

В наиболее ярком виде взаимодействие побегов с другими формами выступления крестьян вскрывает дело 1682 г. по челобитной помещика Переяславля Залесского И. Дурново. Летом этого года на двор И. Дурново неоднократно приходили его крестьяне и под угрозой убийства просили отпускных на волю. Дурново, перетрусив, бежал из поместья. Крестьяне в его отсутствие разграбили «многие животы» и покинули имение. Затем они появились в Москве и, «видя смутное время», били челом на помещика. Дурново с своей стороны просил «их воровскому составному челобитью не верить». В ответ на обе челобитные последовала царская грамота И. А. Хованскому: крестьян сыскать, наказывать их по указу и Уложению и вернуть помещику. Некоторая часть крестьян (во главе с Сенькой Михайловым) обратилась в приказ с жалобой на воеводу Л. Рудакова, который не произвел надлежащего розыска по делу, бросил челобитчиков в тюрьму, а сам «стакався с Дурново, учинил погром крестьян на селе». На обороте челобитной помечено августом 1682 г.: «... указ учинить в Разряде». К делу приложена челобитная Рудакова с отчетом о поездке в Переяславский уезд для расследования бунта крестьян. Крестьяне, не послушавшись его указа, в Переяславль не поехали, а переяславских рассыльщиков избили. За этим следовал «домосмотр» избитых рассыльщиков и пристава, привезенных в Переяславль к съезжей избе. Все материалы вошли в докладную выписку, составленную в Разряде. Из состава законов, использован-

²²⁹ Р. Б. М ю л л е р. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 134.

²³⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказной стол, стлб. 409, лл. 236—237.

²³¹ Там же, столбцы разных столов, № 138, л. 135.

²³² Там же, Белгородский стол, стлб. 1685, л. 31—49. Яркие случаи вооруженного сопротивления крестьян сыску беглых см.: И. М. С к л я р. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье. . . , стр. 175—177.

²³³ М. С е м е в с к и й. Историко-юридические акты . . . , стр. 38.

²³⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказной стол, стлб. 272, л. 636.

²³⁵ Там же, стлб. 548, л. 198—201.

²³⁶ Воронежские акты, кн. 2. Воронеж, 1852, стр. 142—143.

²³⁷ Описание документов и бумаг архива Министерства юстиции, т. 18, стр. 213.

ных в деле Дурново, наиболее показательное применение ст. 20 гл. II Уложения, которая подразумевала повторение санкции предыдущей, ст. 19 — смертной казни — в случае приступа «самовольством, скопом и заговором к царскому величеству, и на его государевых бояр и окольных и думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод, и на приказных людей». ²³⁸

За этим следовала ст. 142 гл. X, предусматривавшая битье кнутом за избиение пристава и посылных людей, и ст. 8 гл. XXII Уложения, определявшая отсечение руки тому, кто «помыслит смертное убийство на того, кому он служит, или против его вымет какое оружие, хотя его убить». ²³⁹

На основе этих законодательных норм 14 августа 1682 г. был принят указ: «Крестьяном Переяславль-Залесского уезда села Годунова Сенке Михайлову с товарищи за их воровство. . . сказать им вину в торговый день при многих людях». «Из них пушного заводчика» С. Михайлова повесить, «К. Макарьева с товарищи» (3 человека) «бить кнутом на козле в проводку» и сослать с семьями на вечное поселение в Сибирь. Остальным крестьянам — «учинить наказание смотря по вине». Для исполнения приговора был послан стольник В. Тютчев. Однако к моменту прибытия Тютчева многие крестьяне села Годунова разбежались по лесам. «Пушного заводчики» Михайлов и Макарьев с товарищами бежали в дальние края. Часть оставшихся крестьян Тютчев бил кнутом «на козле в проводку». ²⁴⁰ Побег крестьян в переяславском деле выступают в первом случае как прикрытие классовой мести помещику и во втором — как стремление избежать суровой расправы властей. Пускаясь в побег, чтоб избежать неволи у данного помещика, крестьянин уходил от своего господина не с добрым чувством к нему и, естественно, не упускал случая нанести ему ущерб.

Все это дает нам полное основание верить многочисленным и настойчивым коллективным жалобам дворян царю на беглых крестьян и холопов, которые, по словам челобитчиков, «домишки наши разграбили, животы и пожитки наши побрали и сами от нас, холопей твоих, разбежались, и, побегав, дома свои пожгли. . . хотя за нами пусто учинить всё». ²⁴¹ Побег крестьян подрывали экономическую силу господствующего класса и наносили существенный урон его политическому единству. Не случайно, что крупнейшим выступлениям народа против эксплуататоров предшествовали и сопутствовали массовые побеги крестьян.

²³⁸ Уложение, II, 20.

²³⁹ Там же, XXII, 8.

²⁴⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 591, лл. 1—43.

²⁴¹ Там же, Московский стол, стлб. 310/4, лл. 1—7 об.; стлб. 310/2, лл. 1—6; стлб. 310/3, лл. 1—10; ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки 18911/81, лл. 29—32.

В литературе есть небольшая попытка дать оценку крестьянским побегам в период, предшествующий крестьянской войне под предводительством С. Разина. ²⁴² Массовые побеги крестьян от помещиков Подмосковья были связаны с движением отрядов В. Уса под Москву в 1666 г. И уходя из-под Москвы, В. Ус увел с собой большие отряды беглых крестьян и холопов. ²⁴³

В какой мере побеги крестьян питали движение С. Разина и сопутствующие ему выступления отдельных отрядов, имеется возможность судить на основе больших документальных материалов, ставших доступными читателю в связи с выходом в свет обширной публикации «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». ²⁴⁴

Массовые побеги крестьян вызвали усиленную законодательную деятельность правительства Алексея Михайловича, имевшего целью подавить крестьянское движение. Однако давление законодательного пресса на народные массы и явилось одной из причин, подготовивших выступления крестьян под предводительством С. Разина.

Когда крестьянская война под предводительством С. Разина была жестоко подавлена, широкое распространение в народе получило движение раскольников. Побег крестьян усиленно питали и это движение, в составе которого мистическое, религиозное направление хотя и занимало преобладающее место, но не было единственным. Раскольники-крестьяне выступали и как активная борющаяся, карающая сила. Случаев вооруженных выступлений раскольников, подобных тому, которое отмечено в грамотах 1687—1689 гг. митрополиту Новгородскому Корнилию и олонецким воеводам В. Долгорукову и И. Ловчикову, было немало. В указанные годы имело место нападение отряда раскольников на Палостровский монастырь. «Вор и церковный раскольник новечанин Омелка Иванов с товарищи своими. . . человек с полтора, с ружьем, с пицалми и с бердыши и с саблями и с копы. . .» забрали монастырскую казну, жалованные грамоты, данные и письменные крепости новгородских посадников. В окружающих монастырь лесах крестьян-раскольников собралось свыше

²⁴² Т. П. Смирнова, ук. соч., стр. 129—131.

²⁴³ Е. В. Чистикова. Крестьянское движение в Подмосковье и поход В. Уса (1666 г.). *Вопр. ист.*, 1953, № 8, стр. 128—133; см. также: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, т. I, М., 1954, докум. №№ 10, 17, 23, 28.

²⁴⁴ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, т. II, ч. 1 (Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях), М., 1957; т. II, ч. II (Восстание на юге и волнения в других областях русского государства) М., 1959, разделы 1 и 3. Отзвуки разинского восстания сказывались и много лет спустя. В 1699—1700 гг. крестьянами села Рождественского Чернского уезда было оказано сопротивление служилым людям, посланным взять крестьянина Т. Новикова по извету на него в воровстве с С. Разиним (ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы разных столов, № 114, лл. 641—642).

пятисот человек. Монастырь был в руках восставших в течение 3 дней.²⁴⁵ Вершиной этой линии развития раскола явилось Соловецкое восстание 1668—1676 гг. За стенами Соловецкого монастыря скрывалось немалое число беглых крестьян.²⁴⁶

Проанализировав законодательство о сыске беглых крестьян и холопов, мы пришли к заключению о создании во 2-й половине XVII в. своеобразного кодекса сыска беглых, который стал правовой основой системы государственно организованного сыска беглых крестьян на практике.

Существенной стороной сыска беглых было широкое использование следствия о побегах с применением всех важнейших новых форм дознания и суда, выработанных феодальной судебной практикой. К числу таких форм следует отнести прежде всего элементы разыскного инквизиционного суда («сыска»), все более и более вытеснявшие собою в делах о сыске беглых приемы прежнего состязательного процесса. Важнейшим элементом нового следствия и судопроизводства по делам о беглых была пытка, имевшая целью добиться личного признания виновного. Уложение 1649 г. не определяло наказания крестьянину за побег. Но уже в 50-е годы законодательство ввело такое наказание в виде битья кнутом или батогами, а к 80-м годам окончательно сложилась квалификация побега как политического преступления, обозначенного в указах термином «воровать». На практике ни сыщики, ни воеводы, ни тем более сами вотчинники и помещики не стеснялись применением кнута и батога в отношении беглых крестьян. В сысных книгах 1685 г. донковского воеводы С. Кропотова содержится запись о наказании в съезжей избе пойманных крестьян Новоспасского монастыря: «И им, Якушке и Ровке, и Савке и Омельке за побег учинено наказание, биты, вместо кнута, батоги и пошлыны взяты».²⁴⁷ Когда в 1698 г. Е. Архаров привел в Каширскую приказную избу своего крестьянина А. Тиханова, уличенного в подговоре к побегу крестьян и холопов, то по указанию воеводы крестьянин был подвергнут пытке и допросу.²⁴⁸ Аналогичным образом, не менее сурово и беспощадно, поступали воеводы в отношении беглых черносотенных крестьян. В 1661 г. якутский воевода Голенищев-Кутузов трех бежавших деловых людей «указал бить кнутом нещадно», а затем отрезать у них по правому уху. Одному из них было дано 150 ударов на козле и 50 ударов «в проводку», другому — 100 ударов на козле и 50 «в проводку», а третьему на козле — 80 ударов и «в проводку» 30. Всем были «резаны уши».²⁴⁹

²⁴⁵ АИ, V, № 151.

²⁴⁶ Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание. Петрозаводск, 1954, стр. 20—21, 49.

²⁴⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказной стол, стлб. 924, л. 24.

²⁴⁸ Д. Я. Самоквасов, ук. соч., стр. 599—600.

²⁴⁹ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 380.

Таким же образом избивали, пытали и сажали в тюрьму беглых крестьян в бассейнах Лены и Илима. Пойманные в 1694 г. три беглых крестьянина Верхне-Илимской волости были биты кнутом на козле, и на их спинах было выжжено «илимское пятно». В случае непоимки беглых ответственность возлагалась на поручителей; на них переводилась десятинная пашня беглых.²⁵⁰

В том же духе в отношении своих беглых крестьян действовали вотчинники и помещики. В 1660 г. Б. И. Морозов предписывал приказчику села Кузьмин Усад К. Суровцеву сыскать 6 беглых крестьянских семей, после чего наказать их кнутом «нещадно» и передать «на крепкие поруки».²⁵¹

Чинили расправу и били возвращенных крестьян батогами и вощине стольника А. Безобразова.²⁵² Словом, во 2-й половине XVII в. широко применялся на практике санкционированный законом режим наказания беглых крестьян. Этот режим носил в отношении крепостного населения открыто террористический характер; целью его было устрашение крестьянско-холопской массы и удержание ее в повиновении господствующему классу.

Другой существенной особенностью системы сыска беглых во 2-й половине XVII в. было увеличение материальной и иной ответственности за прием и укрывательство беглых крестьян. Материальное взыскание налагалось в виде зажильных денег и надточных крестьян. Взыскание за держание беглых квалифицировалось в Уложении и в первое десятилетие после него как возмещение материального ущерба, причиненного помещику и государству в силу выхода крестьянина из сферы официально фиксированного (в писцовых и переписных книгах) места его эксплуатации. Указ 13 сентября 1661 г. определял денежное взыскание за держание беглых как «владенье за зажилые годы по его государеву указу». Даже указ 31 августа 1681 г. прямым образом подтверждал это положение, требуя по Уложению взыскания с виновных 10 руб. в год за каждого беглого крестьянина.

Положение изменялось указом 3 января 1683 г., который вводил единицы для всех держателей беглых зажилые деньги в двойном в сравнении с Уложением размере — 20 руб. на год за каждого беглого крестьянина. Наказ сыщикам 2 марта 1683 г. распространил эту норму на держателей холостых и одиноких беглых крестьян. Указ 23 марта 1698 г. соединил установления Указа и Наказа 1683 г.

Таким образом, если зажилые деньги до 80-х годов XVII в. носили характер компенсации за ущерб причиненный побегом

²⁵⁰ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956, стр. 107—108.

²⁵¹ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. II. М.—Л., 1945, стр. 150—151.

²⁵² А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 168.

крестьянина, то с 1683 г. они обрели характер определенной материальной санкции в отношении держателя беглых.

Обращение к документам показывает, что установления закона о сборе зажилых денег применялись на практике.

При сыске с 1651 по 1654 г. беглых государственных сошлых крестьян Заонежских и Лооских погостов было возвращено на прежние места 580 крестьянских семей, за которых с помещиков взыскали зажилых денег 8680 руб. 6 алтын 1 деньгу.²⁵³

В делопроизводстве сыщика А. Заболоцкого сохранилась отдельная книга записей зажилых денег за беглых крестьян, сысканных в Рязанском уезде.²⁵⁴

В 1669 г. по царской грамоте Юрьево-Польскому воеводе П. Мертвому посадские люди г. Шуи были освобождены по бедности от уплаты зажилых денег за государевых крестьян села Душилова, проживавших на посаде по 5—6 лет, в размере 950 руб.²⁵⁵ По челобитью окольного И. Волынского в ноябре 1682 г. было возбуждено дело против воронежца Ф. Струкова в зажилых деньгах и наддоточных крестьянах.²⁵⁶

В практике были случаи, когда помещики в результате полюбовных сделок покрывали иски в зажилых деньгах своими крепостными крестьянами. Такая сделка состоялась в 1682 г. между помещиками Асановыми и Останковыми. Асановы за две беглые крестьянские семьи, за зажилые деньги и наддоточных крестьян полюбовно уступили своих старинных крестьян Казанского уезда Левку Савельева с женой, дочерью и племянником, одного крестьянского сына и две крестьянские семьи с детьми, находившиеся в бегах. Полюбовная сделка была зарегистрирована в приказной Палате г. Казани в присутствии воеводы Ю. Урусова.²⁵⁷

Еще один пример. В 1690 г. Л. Ременникова дала П. Загорскому поступную запись на свою крепостную девушку взамен находившейся у нее, но сбежавшей крестьянки П. Загорского. Сделка погасила и зажилые деньги.²⁵⁸

В счет расплаты за зажилые деньги шла также поместная земля. В 1669 г. из болховских вотчин кн. Кольцова-Масальского бежало 50 крестьянских семей, которые поселились на землях помещика Кобелева. По истечении 36 лет, в 1706 г., беглые были обнаружены и Кобелев в качестве уплаты за покинутое без суда поступился Кольцову-Масальскому 1290 четвертями в каждом из трех полей.²⁵⁹ Каких больших сумм могли достигать зажилые деньги, показывает дело об иске К. Ф. Нарышкина к стольнику

А. Я. Хилкову в зажилых деньгах за беглых крестьян с 1671/72 г. по январь 1691 г. в сумме 1573 руб. 10 алтын 2 деньги, по 20 руб. за каждого крестьянина в год. Зажилые деньги устанавливались в данном случае в удвоенном в сравнении с Уложением размере и для периода до указа 3 января 1681 г., который впервые определил именно такой размер зажилых денег. Нарышкин, следовательно, использовал норму ст. 5 Наказа сыщикам 2 марта 1683 г., которая зажилые деньги в размере 20 руб. устанавливала для прошлого времени, начиная с указа 13 сентября 1661 г. Дело Нарышкина—Хилкова заслуживает внимания со стороны некоторых других правовых норм. Обстоятельства дела таковы. А. Я. Хилков женился на вдове князя И. М. Голицына, в вотчине которого в Пошехонском уезде жили беглые крестьяне Нарышкина. Хилков, получивший вотчину в приданое, опротестовал иск Нарышкина, ссылаясь на указ из Поместного приказа, по которому было указано не взимать за таких беглых крестьян с новых владельцев вотчин зажилые деньги. Нет сомнений, что Хилков имел в виду ту норму, которая вошла в состав указа 13 сентября 1661 г., а затем получила отражение в ст. 11 Наказа сыщикам 1683 г.: «А которые помещики и вотчинники чужих беглых крестьян принимали, а сами померли, и те их поместья и вотчины даны иным в поместья или в вотчины, и на тех новых помещиках и вотчинниках за жилые годы денег править не велеть». Указ 14 апреля 1692 г. отклонил доводы Хилкова на том основании, что пошехонская вотчина ему досталась в приданое, «а не по посторонней какой иной даче». Этим самым указ подводил дело Хилкова под норму, составившую содержание ст. 19 Наказа сыщикам 1683 г. и первоначально представленную в указе 10 мая 1665 г.: «А после которых умерших даны поместья и вотчины женам их и детям и братьям родным, которые жили с братьями вместе, а не в разделе, и на них зажилые деньги имать по государеву указу и по Уложению». Согласно данной статье, вдова И. Голицына была юридически ответственным лицом, и потому спор о зажилых деньгах был решен в пользу К. Ф. Нарышкина.²⁶⁰

Практика взыскания зажилых денег создавала иногда новые казусы, не предусмотренные законодательством. Возьмем такой случай. В 1698 г. умер Иван Нарбеков. После его смерти бездетная его жена и братья разделили его поместья и вотчины полюбовно. Братьям досталось три жеребья, вдове — четвертый жеребей. После раздела по челобитью солдата Семеновского полка Петра Муханова в жеребье одного из братьев умершего был «сыскан поступной беглый крестьянин», которого принял еще Иван Нарбеков. За этого беглого крестьянина причиталось взыскать зажилых денег за 17 лет по 20 руб. на год, всего 340 руб. С кого и в каком размере взыскать деньги? В деле были использованы

²⁵³ ДАИ, III, № 82.

²⁵⁴ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 133.

²⁵⁵ ДАИ, V, № 84.

²⁵⁶ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 819, лл. 123—124.

²⁵⁷ Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 26. Саратов, 1910.

²⁵⁸ Архив сельца Зиновьева. СПб., 1913, стр. 1.

²⁵⁹ В. К а ш и н, ук. соч.

²⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. Полаты об Уложении, № 6, ч. II, лл. 30—31.

ст. 245 гл. X Уложения, допускавшая взыскание долгов с наследников умершего, и ст. 19 Наказа сыщикам 1683 г., санкционировавшая взыскание с наследников зажилых денег. Таким образом, прошлое законодательство принципиально давало ответ на поставленный в деле вопрос. Затруднение состояло в определении того, какая доля ответственности должна падать на каждого из наследников, поскольку раздел наследства был неравный. В прошлом не было указа, подходящего к данному случаю. Поэтому Петр I указом 28 августа 1700 г. предписал Петру Муханову взять зажилые деньги с жены и братьев Ивана Нарбекова пропорционально доле полученного ими наследства — $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$.²⁶¹

В какой мере могли быть разорительны для помещиков иски в зажилых деньгах, показывает правевная выпись 1699 г. приставу А. Солову. По иску братьев Станкеевых надлежало взыскать зажилые деньги с Г. Бухвостова за одного беглого крестьянина за 7 лет 4 месяца 148 руб. 11 алтын 4 деньги, с И. Зубатого ту же сумму, с Е. Зубатого — за двух крестьян в общей сложности 60 руб. И. Зубатый уже стоял на правее, а по иску не расплачивался. Тогда Станкеевы подали челобитную, прося удовлетворить иск за счет поместий ответчиков. Приговор ближнего кравчего и воеводы К. А. Нарышкина предписывал для погашения иска Станкеевых и пошлин в пользу казны у ответчиков «оценить дворы и животы их». И далее: если имущества не хватит, то дополнительно оценить их поместные пустоши, а если и пустошей «не достанет», то «оценить и жилые их деревни со крестьяны прямою настоящею ценою».²⁶² Нередко были случаи, когда в качестве оплаты зажилых денег на поток и разграбление шли села и деревни с крестьянским населением. И это, как мы знаем, было санкционировано в Наказе сыщикам 1683 г.: «имать пожилые деньги на помещицех и на вотчинникех и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили».²⁶³ Та же норма дословно была повторена в указе 23 марта 1698 г.²⁶⁴ Таким образом, материальное взыскание за прием беглых не ложилось полностью и исключительно только на феодалов. Последние получали легальную возможность переложить значительную долю материальной ответственности на своих крестьян.

Еще более ощутимым наказанием для держателей беглых было взыскание наддаточных крестьян.

Введение наддаточных указом 13 сентября 1661 г. явилось крупным поворотом в сторону усиления ответственности за прием беглых крестьян. Особенно грозен был для землевладельцев размер взыскания наддаточных, установленный указом 1661 г. на будущее время (четыре наддаточных крестьянина за каждого беглеца).

²⁶¹ Там же, л. 31.

²⁶² Д. Я. Самоковцов, ук. соч., стр. 618—620.

²⁶³ ПСЗ, II, № 938, стлб. 5.

²⁶⁴ ПСЗ, III, № 1625.

Скажем прямо, нам не удалось обнаружить ни одного документа из которого следовало удовлетворение иска в четырех наддаточных крестьянах. Вообще практика взыскания наддаточных крестьян была беднее практики взыскания зажилых денег, она как-то растворялась в последней и зачастую принимала паллиативные формы. В ряде случаев совершенно неясно, доведено ли дело до конца и удовлетворен ли иск в наддаточных крестьянах. В других случаях иски о наддаточных натыкались на чьи-либо противодействия и удовлетворялись в уменьшенных размерах. Но чаще всего спор о наддаточных крестьянах разрешался полюбовным путем. Поступных записей, возникших на основе такого рода полюбовных сделок, сохранилось значительное количество, в особенности в записных вотчинных книгах Поместного приказа за 80-е годы.

Приведем примеры исков о наддаточных крестьянах. В 1662 г. воеводе Керенска М. Еропкину была прислана грамота с напоминанием указа о взыскании двух наддаточных крестьян и с предписанием «учинить указ» по иску владимирца Д. Доропонтова в наддаточных крестьянах к местному мурзе Беркитову.²⁶⁵ Об удовлетворении иска сведений нет. Предписание «дать суд» в наддаточных крестьянах по иску окольного В. Волинского к воеводе Ф. Рукину содержится и в царской грамоте 1670 г. воронежскому воеводе. До этого воевода отказал Волинскому в наддаточных крестьянах, велел взыскать с Рукина 20 руб. зажилых денег.²⁶⁶

В том же 1670 г. И. Щенотов взыскал с помещика Курского уезда С. Беседина зажилые деньги и наддаточных, но затем стороны «помирились»: Беседин «уступил» Щенотову своего крестьянина Оску с тремя сестрами, но при оформлении записи «не устоял» и крестьян не дал. В связи с этим воеводе Севска Г. Ромодановскому было указано «дать суд».²⁶⁷

Полюбовные сделки были наиболее частой формой разрешения конфликтов в случаях исков о наддаточных крестьянах.

Ряд таких сделок фиксирован в записной вотчинной книге Поместного приказа за 1680 г. Так, в 1674 г. от Е. Поскочина бегло двое крестьян с женами, детьми и имуществом. Они жили в Кашинском уезде, в вотчине С. Малово, а затем сбежали от него в Казань.

Погонори с Поскочиним «полюбовно», Малово поступил к нему вместо тех беглых крестьян, зажилых денег и наддаточных крестьян двумя семьями своих старинных вотчинных крестьян с их хозяйством, включая строения. Сверх этого передал двух крепостных «девок-невест», «и не слепых и не увечных, и не уродливых», «и им по двадцати одеж новых», с оговоркой, что «тех довок вольно ему, Елисею, отдать за людей своих и за крестьян,

²⁶⁵ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 20802, лл. 55—57.

²⁶⁶ Воронежские акты, кн. 3. Воронеж, 1853, стр. 161—162.

²⁶⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 409, лл. 126—128.

за ково он похочет». Малово обязался перевести крестьян и их имущество в имение Поскочина на Николин день 1679 г.²⁶⁸

В марте 1682 г. помещик Белозерского уезда Е. Дурасов поступился подьячему Поместного приказа Р. Ряховскому за его одного беглого крестьянина двумя своими крестьянами.²⁶⁹ Иногда условие о наддоточных крестьянах участвовало в сделках только как юридическая формула, чаще всего в обязательстве о непредъявлении встречного иска.

В ноябре 1681 г. мценский помещик П. Бородин поступился дякку Т. Литвинову вместо его беглого крестьянина своим крестьянином с женой, детьми и имуществом. Бородин обязался впредь не бить челом о возврате поступленного крестьянина и его имущества, а также о зажилых деньгах и наддоточных крестьянах.

Такую же запись дал на себя Т. Скрипицын из Малого Ярославля, когда поступился С. Афросимову взамен его беглого крестьянина своим поместным крестьянином.²⁷⁰

В 1680 г. братья Каравасовы поступились Непейцину взамен его беглых своими беглыми крестьянами с передачей Непейцину права их сыска и взыскания за них зажилых денег и наддоточных крестьян. Наиболее позднее из числа известных нам полюбовное решение о наддоточных крестьянах относится к декабрю 1682 г. Два брата Асановы дали поступную запись в том, что они поступились казанцам Останковым взамен их двух беглых крестьянских семей двумя своими крестьянскими семьями в Казанском уезде и сверх этого — двумя семьями, которые в бегах с передачей права их сыска. Запись «чтена» перед воеводой Ю. Урусовым и занесена в книгу Казанской приказной палаты.²⁷¹

В последнем случае, как и в большинстве других, нет соблюдения закона о взимании четырех наддоточных крестьян. Но именно полюбовные сделки давали легальную возможность обойти тяжелое требование закона. Дворяне тем охотнее прибегали к такого рода соглашениям, что они давали возможность избежать судебной волокиты и выплаты обременительных судебных пошлин, связанных с решением дел по искам о наддоточных крестьянах. Строго говоря, закон о наддоточных крестьянах был в силе относительно короткое время. Его основное действие падает на двадцатилетие 1661—1681 гг. Восстановление закона на короткий период с 1 декабря 1682 г. по 3 января 1683 г., не имело большого значения. А с января 1683 г. он и вовсе был отменен, причем по Наказу сыщикам 2 марта 1683 г. его действие было упразднено и в отношении прошлого времени. Зажилые деньги стали единственным и «универсальным» средством материального взыскания

ли прием и держание беглых крестьян и холопов. Первоначально зажилые деньги предназначались для вотчин и поместий,²⁷² и затем, согласно требованию дворян и по идее указа 3 января 1683 г., стали применяться и в отношении держателей беглых из числа недворянских элементов общества.

Увеличение взыскания за прием беглых крестьян в денежной форме и распространение его на всех держателей беглых, независимо от их положения, вполне отвечало интересам дворянства в обстановке значительного развития денежного хозяйства 2-й половины XVII в.

Завершая обзор организации сыска беглых крестьян и холопов на 2-ю половину XVII в., необходимо подчеркнуть, что основными звеньями системы сыска были: деятельность сыщиков и их сыскных приказов в уездах; деятельность писцов по составлению переписных книг, в ходе которой регистрация крепостного населения «по писцу» обеспечивала возможность официальной регистрации как убиавших, так и прибывших беглых крестьян; непосредственное участие крупнейших приказов в сыске беглых путем посылки приставов на места и в результате разбора дел о беглых в стенах самих приказов; деятельность воевод в уездах, полицейские функции слезки за пришедшим населением у выборных чинов местной администрации сотских, пятидесятских, целовальников, приказчиков и т. п. Наконец, в общую систему органически входил частный сыск самих феодалов, получавший официальную санкцию органов власти и военно-административную помощь с их стороны.

Сложившаяся во 2-й половине XVII в. система государственного организованного, массового и обезличенного сыска беглых крестьян и холопов явилась итогом закрепленного в Уложении 1649 г. принципа вечной крепостной зависимости крестьян с потомством вместе по писцовым, переписным книгам и другим крепостным актам; в то же время она была следствием грандиозной классовой борьбы крестьянства в XVII в., борьбы, которая по своим масштабам и формам оставила далеко позади весь предшествующий этап развития крепостного права в России. Естественно поэтому, что законодательной разработке системы сыска беглых и ее организации должно быть уделено пристальное внимание. Ведь ни в одной акции русского феодального государства не раскрывается с такой полнотой его крепостнический характер, как именно в сыске бежавших от крепостной неволи крестьян и холопов.



²⁷² В некоторых случаях именно так расценивало назначение зажилых денег в 60-е годы само правительство. В приведенном выше примере освобождения посадских людей г. Шуи от платежа зажилых денег за государевых беглых крестьян одним из мотивов такого решения было: «... для того, что великого государя указ учинен с помещики и вотчинники» (ДАИ, V, № 84).

²⁶⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей на вотчины 2801, лл. 7 об.—9 об.

²⁶⁹ Там же, 2802/7, лл. 549 об.—551.

²⁷⁰ Там же, лл. 556—557 об.

²⁷¹ Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 26, стр. 11—13.



Глава вторая

ПРИКРЕПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН И СЫСК БЕГЛЫХ НА ОКРАИНАХ ГОСУДАРСТВА

Уложение 1649 г., отменяя урочные годы сыска беглых крестьян и холопов и тем самым устанавливая принцип бессрочного сыска, придавало новой законодательной норме общее значение для всех крестьян, бежавших от своих владельцев после писцовых книг 1626 г. или переписных книг 1646—1647 гг. Исключений из этого правила в Уложении не было предусмотрено. Более того, Уложение особо оговаривало сыск и возвращение помещикам и вотчинникам беглых крестьян, живших «... в стрельцах, или в козаках, или в пушкарях, или в иных каких-нибудь служилых людях в Земосковных и Украинных городех».¹ Этой клаузулой подчеркивался всеобщий характер норм сыска беглых, предусмотренных Уложением. Как увидим ниже, действительность второй половины XVII в. внесла в эти нормы существенные поправки, показав необходимость законодательного ограничения исходного срока сыска беглых в ряде случаев, сообразуясь с государственными интересами либо с запросами отдельных групп землевладельцев. Установление новых исходных сроков сыска было предпринято в отношении крестьян, бежавших в города по черте и в особенности в отношении тех из них, которые находились в полковой и городской службе по охране границ. За этим последовало установление сроков сыска и возврата крестьян, перешедших в посады и занятых там промысловой и торговой деятельностью. Новые срочные годы сыска беглых устанавливались специальными указами для Смоленского уезда и прилегающих к нему западных уездов России. Срок сыска был установлен и в отношении тех беглых крестьян, которые были призваны в стрелецкое войско, участвовали в Чигиринском походе и т. п.

Установление новых сроков сыска беглых в указанных случаях не означало даже частичного отступления от принципа отмены урочных лет. Урочными годами были годы, в течение которых (первоначально пять лет, затем перед 1649 г. — 10 лет) возможна была

подача исковых челобитных о сыске беглых. При этом урочные годы в каждом отдельном случае исчислялись с момента побега крестьян и бобылей. Отмена урочных лет привела к установлению принципа бессрочного сыска, но с учетом общего исходного срока, каковым по Уложению 1649 г. был 1626 г. (писцовые книги), и наряду с ним для времени после Уложения — 1646—1648 гг. (переписные книги). При новых исходных сроках сыска беглых в городах по черте, в посадах и т. д. отмена урочных лет и в данных случаях оставалась в силе, так как никакого ограничительного срока подачи исковых челобитных и сыска беглых с момента их побега не устанавливалось. Это обстоятельство важно оговорить, так как в литературе имеются на наш взгляд неубедительные попытки трактовать установление нового исходного срока сыска для беглых крестьян пограничных городов как восстановление урочных лет в отношении крестьян, бежавших на черту.

Первым высказал такую точку зрения М. А. Дьяконов. Среди примеров, иллюстрирующих, по его мнению, отступления от принципа отмены урочных лет Уложением, им приводятся ссылки на практику сыска и возврата беглых, записавшихся в сторожевую службу по черте, с разбора служилых людей в 1675 г. Завершая перечень подобного рода примеров ссылкой на указ 1685 г. о новом сроке сыска беглых владельческих крестьян в московских дворцовых слободах, М. А. Дьяконов приходит к такому выводу: «Отсюда несомненно, что отдельными указами отменяется правило Уложения о возвращении беглых крестьян по старым писцовым книгам и без урочных лет».² В советской историографии аналогичный взгляд высказан Л. В. Черепниным: «Отмененные Уложением 1649 г. в качестве общей меры, — пишет Л. В. Черепнин, — „Урочные годы“ сохраняют тем не менее свое значение на протяжении всего XVII в. в отношении беглых крестьян, перешедших на „черте“ в разряд служилых людей».³ С подобной постановкой вопроса трудно согласиться. В понятие урочных годов, как только что говорилось, входит не единовременное законодательное установление общего срока сыска беглых, а нечто другое. Безусловно правильнее в подобных случаях говорить об установлении и нового исходного срока сыска, который предусматривался и Уложением. В существе самих крепостных отношений установление нового исходного срока сыска беглых ничего не меняло. Считались ли крестьяне прикрепленными и подлежащими в случае побега сыску по писцовым книгам 1626 г., как в Уложении, или по записям в городовую службу и в посад с 1653 г., или даже с 1675 г., — все они одинаково были несвободны, прикреплены к месту, под-

² М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898, стр. 65.

³ Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. Ист. зап., № 4, 1938, стр. 43. Эта же точка зрения воспроизведена в «Очерках истории СССР XVII в.», М., 1955, стр. 180.

¹ Уложение, XI, 2.

лежали в случае побега сыску и возвращению на прежние места. Гораздо более существенным было то обстоятельство, что в центральных уездах государства, где было развито поместное и вотчинное землевладение, крепостное право и крепостничество в целом получили в XVII в. значительно большее развитие и приняли более острые формы, чем в окраинных районах. Этим и вызван значительный поток беглых крестьян и холопов именно в города по черте и на другие окраины государства. Беглые стремились избежать помещичьей неволи, рекрутировались в служилые люди по прибору, поселялись на посадах, на государевой черной земле; лишь незначительная часть из них попадала в разряд детей боярских.

Все сказанное порождало специфические особенности развития крепостных отношений в пограничной полосе. Изучение этих особенностей составляет неотъемлемую часть работы по изучению крепостного права 2-й половины XVII в. Их знание тем более необходимо, что, как справедливо заметил Л. В. Черепнин, «вопрос о сыске беглых крестьян во второй половине XVII в. (основной вопрос развития крепостного права данного времени, добавим от себя, — А. М.) тесно связан с вопросом о развитии крепостных отношений на юге Московского государства, где скапливались беглые крестьянские массы...».⁴

Побег крестьян и холопов от помещиков и вотчинников центральных уездов в южные пограничные уезды государства и их сыск освещены в нашей литературе, пожалуй, с большей полнотой, чем какой-либо другой вопрос крепостного права после Уложения. Исследователи единодушны в выводах о том, что наиболее массовые потоки беглых направлялись на южные и восточные окраины государства.⁵ К началу 50-х годов было закончено строительство укрепленной Белгородской черты с ее многими новыми городами-крепостями. Завершалось строительство и Симбирской укрепленной полосы. Новая оборонительная черта дала возможность остановить проникновение татар в центральные области государства. Такой результат оказался возможным в силу того, что одновременно с успешным оборонительным строительством 30—50-х годов решался вопрос о заселении новых крепостей. Население этих мест состояло из пришлых вольных людей и в значительной мере — из беглых крепостных крестьян и холопов.

⁴ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 42.

⁵ А. А. Новосельский. 1) Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. Тр. Инст. ист. РАН ИОН, в. 1, М., 1926, стр. 332; 2) Отдаточное книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. Тр. Ист.-арх. инст., т. II, М., 1946, стр. 3—7 (здесь приведен ряд примеров побега крестьян на юг); И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е гг. XVII в. Ист. зап., т. 43, 1953, стр. 131; И. М. Скляр. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина, Уч. зап. Киргизск. заочн. пед. инст., т. III, 1957, стр. 153—179.

Интересы укрепления обороны южных рубежей вынуждали правительство использовать пришлый элемент в качестве служилых людей по прибору и, частично, испомещать в качестве детей боярских. Последнее обстоятельство особенно усиливало тягу крепостных людей из центра в южные уезды. «Но если нужды пограничной обороны, — пишет Л. В. Черепнин, — порождали неразборчивое отношение к социальному составу новоприборных служилых людей, то, с другой стороны, массовые побеги затрагивали интересы землевладельцев центральных областей, обеспокоенных убылью своих крепостных».⁶ Формой протеста и давления на правительство со стороны дворянства были коллективные челобитные, обычно подаваемые в моменты сосредоточения служилых людей на сборных пунктах перед походами. Наиболее ранняя из числа известных во 2-й половине XVII в. коллективных челобитных служилых людей — челобитная «всяких чинов людей» 1653 г. впервые ставила вопрос как раз о возвращении беглых крестьян, живших в городах по черте от крымской и от литовской Украины.⁷ Ответом на челобитные явилось принятие указа 1653 г., установившего новый срок сыска и возвращения крестьян, поселившихся в городах по черте. Однако еще до этих событий феодалы путем посылки своих людей и через подачу индивидуальных челобитных воеводам украинских городов домогались возврата беглых крестьян из украинских и пограничных уездов. Надо полагать, такого рода челобитные приняли массовый характер; иначе трудно объяснить первые шаги правительства, направленные на предотвращение отлива сил, занятых обороной границ. В своем ответе на челобитные дворян правительство утверждало в 1650—1651 гг., что Уложение якобы предписывало рассматривать иски по отношению к служилым людям только в Москве. В действительности такой нормы в Уложении не было. Несмотря на это, в 1650 г. на челобитной, поданной местному воеводе, детей боярских Писаревых о выдаче бежавших от них крестьян сделана пометка о явке челобитчиков в Москву в Разряд. Таким же образом решен вопрос по челобитной о беглых 1651 г. из г. Каменного: «Суд давать на Москве», — на том основании, что в г. Каменном нет писцовых книг и крепостей. Лишение местных воевод права самостоятельно решать дела о беглых и перенос таких дел в Разряд, по замечанию А. А. Новосельского, были мерой защиты южных городов от растаскивания служилых людей. В отношении воевод, нарушавших это установление, применялись репрессии.⁸

Однако «московская волокита» могла лишь замедлить, но не предотвратить, хотя бы частично, возврат беглых с черты, тем

⁶ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 42.

⁷ А. А. Новосельский. Отдаточное книги беглых. . . , стр. 132.

⁸ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 403—408.

более, что само правительство эпизодически организовывало в эти годы сыск беглых по черте. В марте 1650 г., например, в г. Козлов был послан сыщик Б. Линева для сыска беглых дворцовых крестьян Шацкого уезда, проживавших в бегах «за всяких чинов» людьми и записанных в службу в Козлове. Местному воеводе было велено вместо беглых крестьян прибрать на государеву службу «вольных охочих людей». Правда, и в сыске дворцовых крестьян не обошлось без торможения. Когда к думным дьякам Разряда И. Гавреневу и С. Заборовскому была прислана память о посылке грамоты воеводе Козлова с предписанием отдать дворцовых крестьян Б. Линева, то оказалось, что эта «память была в докладе долгое время, ничево по ней не указано».⁹

В еще большей степени тормозили в Разряде сыск по черте частновладельческих крестьян.

Дворянство перешло от индивидуальных прошений о сыске беглых по черте к коллективным челобитным. В коллективной челобитной 1653 г. служилые люди, как видно из докладной выписки по этому делу, писали: «... беглые де их крестьяне и бобыли и их дети и племянники, и зятья, и пасынки живут в государевых украинских городех по черте и в полевых городех, а те де их крестьяне и бобыли и их дети и братья, и племянники, и зятья, и пасынки написаны за ними в писцовых и в переписных книгах» — и просили таких беглых «по крепостям с черты из украинских городов из детей боярских, из стрельцов, ис казаков, ис пушкарей, из затинщиков отдавать».¹⁰ Правительство Алексея Михайловича в ответ на это челобитье приняло указ 5 марта 1653 г. Ввиду того, что указ 1653 г. невелик, а полного текста в печатном виде не имеется, мы приведем его целиком: «И 161 го марта в 5 день сево докладу (о челобитной 1653 г., — А. М.) государь, слушав, указал и бояре приговорили: которые крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники, бегая из-за них и поселилися по черте в украинских городех до Уложения, и тех их беглых крестьян и бобылей с черты из украинских городов не отдавать, потому что б черты не опустошить, а им выдавать за них деньгами, за семьянистого человека по 20 рублей, а которой не семьянистой, и за тех по десяти рублей. А которые бежали из-за них после Уложения, и тех по писцовым и по переписным книгам отдавать судом и впредь не принимать».¹¹

В указе 1653 г. за исходный срок сыска беглых по черте был взят год принятия Уложения, чем подчеркивалась связь нового указа с Уложением.

Наконец, указ 1653 г. исходил из тех же оснований крестьянской крепости — писцовые и переписные книги, что было [указо-

⁹ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 265, лл. 57—58.

¹⁰ А. А. Новосельский. Отданные книги беглых. . . , стр. 132.

¹¹ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 203, лл. 492—493; стлб. 325, л. 240.

нено Уложением. Отличным от Уложения в указе было установление своего исходного срока сыска. Отступление указа 5 марта 1653 г. от Уложения не носило, следовательно, принципиального характера и ничего не меняло в основаниях сыска и прикрепления крепостных крестьян.

Отказав помещикам в возврате крестьян, поселившихся на черте до Уложения, «чтоб черты не опустошить», правительство поспешило принять закон о вознаграждении феодалов за лишение прав на таких крестьян. Сам по себе этот факт, показывает, ценой какого материального напряжения (тем более накануне войны!) правительство собиралось получить согласие дворянства на изменение исходного срока сыска беглых крестьян, закрепленного Уложением. Никаких следов применения этого указа не обнаружено. Вероятно, в обстановке начавшейся войны с Польшей указ не был использован, тем более, что всего три года спустя появился новый указ 20 марта 1656 г. Этому указу суждено было сыграть видную роль в практическом осуществлении сыска беглых крестьян в украинских городах и в городах по черте.

Указ 20 марта 1656 г., в отличие от предшествующего ему указа 1653 г., отодвигал начальный срок сыска беглых крестьян в украинских городах и в городах по черте до 1653 г. Тем самым он покрывал собою предыдущий указ.

Указ 20 марта 1656 г. гласил: «Великий государь указал и бояре приговорили: беглых людей и крестьян из украинских городов и с черты отдавать служилым людям из за кого бежали со 161 году тем, за кем написаны в писцовых и переписных книгах».¹²

¹² Там же, стлб. 759, л. 241. Точно такой же текст указа содержит выписка из дел Разряда, составленная по памяти царя для Приказа Казанского дворца (там же, стлб. 412, лл. 261—262). В указах 1653 и 1656 гг. устанавливались сроки сыска для всех крестьян, бежавших в украинные города и на черту, без выделений тех из них, которые устроились по черте в служилых людях. И это понятно. В период до 1653 г., когда завершалось строительство Белгородской черты, остро стоял вопрос о заселении новых городов по черте. Выделение собственно служилых людей под защиту закона всплыло позднее — частично в грамотах воеводам 1675/76 г. и в полной мере в указе 8 февраля 1683 г. (см. ниже, стр. 136). Конечно, практически указ 1656 г. имел значение главным образом для служилых людей по прибору, поскольку беглые крестьяне по черте в подавляющем большинстве случаев попадали в служилые люди городов и полковой службы. Юридически же этот указ имел равную силу для всех беглых крестьян по черте. Эти обстоятельства важно подчеркнуть, так как имеются неточные изложения указов 1653 и 1656 гг., которым приписана защита от посягательства феодалов беглых крестьян, «записавшихся в службу до 1649 г.» или «зарегистрированных в службе до 1653 г.» (Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 43). Совершенно произвольный текст указа 1656 г. дан у Н. Новомбергского. В цитации Новомбергского указ 1656 г. выглядит так: «Из городов Севского и Белгородского полка. . . беглых людей и крестьян по писцовым и переписным книгам отдавать в холодство и во крестьянство прежним помещикам и вотчинникам, про которых по суду и сыску объявится, что они в те города пришли и в службу и в тягло написаны после 161 года» (Н. Новомбергский. Вымученные кабалы

А. А. Новосельский, изучавший деятельность сыщика А. П. Еропкина в Тамбовском уезде, пришел к выводу, что Еропкин строго придерживался указа 1656 г. Об этом же говорят и цифры, приведенные А. А. Новосельским. Из 500 семей беглых крестьян, записавшихся в службу или тягло в Тамбовском уезде до Уложения, прежним владельцам было возвращено всего 5—6 семей. Несколько больше беглых семей возвращено за 1649—1653 гг., но и из них подавляющая масса была оставлена на месте.¹³ Следуя дальше за наблюдениями А. А. Новосельского, увидим весьма любопытную картину. Оказывается, подавляющее большинство беглых пришло в Тамбовский уезд в период 1653—1664 гг., и все они подлежали возврату прежним владельцам. Общее число беглых, возвращенных Еропкиным из Тамбовского уезда, определяется не менее чем в 3284 человека.¹⁴ Тот же А. П. Еропкин, по данным И. А. Булыгина, сыскал в Козловском уезде 1205 человек беглых крестьян.¹⁵

По данным тех же исследователей, наиболее крупная волна побегов крестьян в период после Уложения приходится на 2-ю половину 50-х годов и на 60-е годы, т. е. на время после 1653 г. Первое большое мероприятие по сыску беглых, в том числе в южных уездах, падает на то же самое время. Начало сыска относится к концу 50-х годов. Из сказанного видно, что по указу 1656 г. феодалам было возвращено подавляющее большинство крестьян и холопов, бежавших в украинные города и в города по черте. Лишь заметное меньшинство бежавших на черту, именно те, которые бежали до 1653 г. и были устроены там в сторожевую службу и в тягло, оставлено на месте.

Подходя с этой точки зрения к оценке указов 1653 и 1656 гг. как акций внутренней политики правительства Алексея Михайловича, легко заметить, что определяющими в данном случае были интересы феодалов. Правительство делало лишь небольшие шаги в сторону ущемления интересов дворянства во имя государственных задач охраны южных границ.¹⁶

в Московской Руси XVII столетия. ЖМЮ, 1915, № 6, стр. 299). В 1656 г. не было еще ни Белгородского, ни тем более Севского полков, которые образованы на 7—9 лет позже. В данном виде текст, приведенный Н. Новомбергским, представляет собою, видимо, позднейшее изложение указа 20 марта 1656 г. через призму указа 8 февраля 1683 г.

¹³ А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых. . . , стр. 141. Здесь приведен ряд примеров. Это же положение подтверждено И. А. Булыгиным (ук. соч., стр. 135).

¹⁴ А. А. Новосельский. Отдаточные книги беглых. . . , стр. 141, 145.

¹⁵ И. А. Булыгин, ук. соч., стр. 132.

¹⁶ В свете сказанного трудно согласиться с вновь высказанным утверждением И. М. Скляр, что указ 1653 г. «учитывал в первую голову интересы государства», а указ 1656 г. «отдавал предпочтение интересам государства» (И. М. Скляр. Из истории политики правительства Алексея Михайловича по крестьянскому вопросу накануне восстания Степана Разина. Уч. зап. Кир-

Архивные материалы Разряда содержат большое количество дел, дающих представление о конкретных случаях сыска беглых и решения спорных дел по указу 20 марта 1656 г. За 60-е годы убедительные примеры тому приведены у А. А. Новосельского и И. А. Булыгина. В деле 1668 г. по иску митрополита Сарского Павла о его бывшем крестьянине Н. Мануйлове, который служил в стрельцах в Дедилове, приводятся выписки из нескольких першених дел о беглых в городах по черте. Выписки показывают, что указ 1656 г. применялся на практике.¹⁷

В 1674 г. вторично возник спор о принадлежности к крестьянам детей боярских Козловского уезда Паньки и Ермошки Петрищевых. До этого Петрищевы бежали от ельчанина А. Рослякова, но сыщик Еропкин в 1665 г. вернул их Росляковым по указу 1656 г. А. Росляков дал им отпускную, а позднее его сын Д. Росляков на тех же крестьян дал поступную запись Л. Выставкину. В 1673 г. Выставкин разграбил поместье Петрищевых, порвал отпускную и предъявил иск о крестьянах Петрищевых по поступной записи. Так как один из Петрищевых был записан в стрелецкой книге г. Козлова в 1662 г., а другой в 1670 г., воевода Пашков, используя указ 1656 г., приговорил передать Петрищевых в крестьяне Выставкину по его поступной записи.

Можно привести пример с обратным исходом дела. В 1672—1675 гг. по челобитью капитана солдатского строя А. Г. Желтухина репался спор о возвращении в крестьянство бежавших от него крестьян Алексея и Кузьмы Сазыкиных, записанных в Козлове в полковые казаки. Сазыкины были оставлены в службе, так как записались в нее до 1653 г.¹⁸

Наряду с организацией сыска беглых в городах по черте в 60-е и 70-е годы правительство стремилось бороться с широко распространенной практикой приема беглых крестьян воеводами украинных и пограничных городов. В царских грамотах воеводам отмечалось, что в городах Белгородского полка воеводы и приказные люди принимают беглых посадских людей, крестьян и холопов, бегущих из рязанских, украинских, заюжских и замосковских

гизск. гос. заочн. пед. инст., т. IV, 1959, стр. 87). Слишком легкое употребление в нашей литературе понятия компромисс применительно к указам 1653 и 1656 гг. упускает из виду, что компромисс предполагает хотя бы частичные, но все же принципиальные взаимные уступки сторон. Если бы указы 1653 и 1656 гг. действительно восстанавливали действие урочных лет в городах по черте, то разговор о компромиссе имел бы под собой полное основание. Но так как этого не было, то и компромисса по существу тоже не было. Дворянство шло на небольшую уступку, жертвуя меньшей частью своих беглых крестьян в интересах укрепления границ государства, необходимость которого в своих собственных интересах дворянами несомненно осознавалась, но при условии, что подавляющее большинство бежавших на черту по указу 1656 г. ему возвращалось. Так оно и было в действительности. Этим объясняется весьма лояльное отношение дворян к указам 1653 и 1656 гг.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 647, лл. 1—64.

¹⁸ Там же, стлб. 862, лл. 1—36.

городов, и без царского указа принимают их в службу и в тягло. В дальнейшем без грамот из Разряда и без отписок Г. Г. Ромодановского принимать пришлых людей в службу и в тягло не разрешалось. Аналогичные запреты вписывались в наказы воеводам, вновь назначаемых в города Белгородского полка.¹⁹

Ввиду угрозы войны с Турцией русское правительство провело ряд мер к укреплению боеспособности южных границ. Одной из них был разбор служилых людей городов Белгородского полка в 1675 г. В результате разбора служилые люди, в том числе большое число беглых крестьян, были занесены в «разборные книги». Так как челобитные помещиков о сыске беглых продолжали поступать, воевода Г. Ромодановский в декабре 1675 г. запросил царя челобитной. Челобитная подчеркивала, что до настоящего времени в городах Белгородского полка действует указ 20 марта 1656 г. Однако неясно, как быть, спрашивал Ромодановский, с исками о крестьянстве в отношении тех, которые записаны в службу в разборные книги 1675 г.

Из Разряда Ромодановскому прислали ответ, в котором обязывали его сообщить, имеют ли ранения и были ли в плену служилые люди, о возврате которых как беглых крестьян поданы челобитные. Разряд указывал при этом, что тех, кто ранен на государственной службе или был в плену, без государева указа в крестьянство не отдавать, так как такие люди «копейному и рейтарскому и драгунскому и солдатскому строю и к нынешней службе и к походу надобны».²⁰

Грамота из Разряда воеводе Г. Г. Ромодановскому ограничивала, таким образом, действие указа 20 марта 1656 г. лишь в отношении служилых людей, имевших ранения или бывших в плену, т. е. в отношении той группы, которая прошла боевое крещение. Естественно, что здесь прежде всего могли иметься в виду кадры старых служилых людей, участвовавших в русско-польской войне 1654—1667 гг. Именно эти опытные кадры правительство хотело сохранить в возможной неприкосновенности ввиду надвигавшейся войны с Турцией. Что же касается приборных служилых людей, не участвовавших в боях или пришедших в города по черте после русско-польской войны и записанных в разборные книги 1675 г., то грамота Ромодановскому вовсе не ограничивала в отношении их действие указа 1656 г.²¹

¹⁹ Материалы для истории Воронежской и соседней губерний, кн. 1. Воронеж, 1861, стр. 29—31 (грамота 1672 г. орловскому воеводе И. С. Зыдину). А также: грамота воеводе г. Салшева Е. Гриневу (ЦГАДА, ф. Разряда. Белгородский стол, стлб. 772, лл. 12—13); наказ Ф. Волконскому 1675 г., ААЭ, IV, стр. 275.

²⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 759, лл. 241—243.

²¹ Среди этих служилых людей могли быть тоже раненые в результате пограничных столкновений и вернувшиеся из плена, которые тем самым также попадали под действие грамоты Г. Г. Ромодановскому.

Декабрьская грамота 1675 г. не была единственной. Известны, например, октябрьские грамоты 1676 г. В них предписывалось прекратить отдачу служилых людей городов Белгородского полка на челобитным в крестьянство и холопство без грамот из Разряда, а помещикам было указано бить челом о беглых только в Разряде.²²

Но и эти грамоты не приостанавливали действия указа 1656 г., а лишь выражали тенденцию правительства взять под контроль деятельность пограничных воевод по искам о беглых, в особенности в период войны с Турцией.

Случай такого вмешательства Разряда в дело о беглом, решенное воеводой, имел место в 1678 г. Воронежский воевода Г. Х. Волков в 1676 г. решил в пользу воронежского Успенского монастыря его спор о беглом крестьянине Д. Селезневе, принявшем в бегах имя Лопырева. Селезнев бежал от монастыря в 1668 г. и жил в Воронежском уезде в новоприборных стрельцах. За монастырем он значился в переписных книгах 1646—1648 гг. Лопырев подал челобитную, указав, что отец его изстари служил в стрельцах. В 1678 г. новому воронежскому воеводе М. Карташову было предписано освободить Лопыревых с семьями от крестьянства и перевести в стрельцы.²³ На исход этого дела могла наложить отпечаток военная обстановка 1677—1681 гг.

Запись беглых крестьян в городах Белгородского полка в разряд служилых людей по прибору усилила побег крестьян на юг. (Обеспокоенные этим, помещики и вотчинники центральных уездов подали в 1676 г. челобитную, настаивая на сыске и возврате своих беглых крестьян и холопов. В то же время в Разряд поступила от Г. Ромодановского роспись челобитчиков о беглых и роспись беглых, о которых били челом. Правительству не оставалось ничего другого, как подтвердить действие указа 1656 г. Это было сделано в указе и боярском приговоре 2 июля 1676 г.: «По челобитью московских чинов людей и городовых дворян и детей боярских беглых людей и крестьян из украинских городов и с черты отдавать по крепостям им, помещикам и вотчинникам, по прежнему указу. . . 164 году».²⁴ Таким образом, запись в разборные книги 1675 г. не освобождала по указу 1676 г. беглых крестьян от сыска и возврата прежним владельцам.

Действие указов 1656 и 1676 гг. не прекращалось и в период войны с Турцией 1677—1681 гг. В ноябре 1676 г. в Московский судный приказ был приведен задержанный в Москве беглый крестьянин окольничего Б. Г. Юшкова. При допросе задержанный назвался Лучкой Очкасовым (на самом деле Степанов). Его бабка попала в плен «в панцину», а освободившись из плена, жила у П. Юшкова, дяди Б. Г. Юшкова. П. Юшков насильно выдал

²² Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, стр. 54—55.

²³ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 450, лл. 1—31.

²⁴ Там же, стлб. 759, л. 243.

ее замуж за своего крестьянина, а отца Лучки Степана женил на дворовой девке Палашке, ставшей матерью Лучки. Сам Лучка был женат на крестьянке Юшкова. В 1675 г. отец с сыном «сошли» в Елец к своим родичам. В Ельце «бил челом в дети боярские», и ему указано было «служить в Ельце», где он женился на вдове Дуньке Титовской. При розыске беглых в Ельце сыщик С. Карцев отдал жену Лучки Дуньку с сыном Гришкой Б. Г. Юшкову, к которому по отказным книгам перешла Белевская вотчина П. Юшкова. Беглые крестьяне в отказных книгах были написаны «пустыми дворами», в результате чего к Б. Юшкову перешло право сыска беглых. Жена Лучки Дунька была челом царю на разоренье, учиненное ей сыщиком. За это ее семь лет держали на тюремном дворе при Разбойном приказе. После допроса в Московском судном приказе Лучка Степанов был отдан до указа «за решетку к дневальному приставу». В феврале 1677 г. дело Лучки Очкасова было передано из Московского судного приказа в Разряд, поскольку Лучка служил в детях боярских в Ельце, а Елец был подчинен Разряду. По справке из Разряда отец Лучки Степан в служилых людях не значился. О самом Лучке в елецких списках сказано: «... со 172 г. по нынешний 185 г. написан в верстаных новик, оклад ему 100 чети». Законодательные материалы, использованные в деле Лучки Очкасова, завершает указ 20 марта 1656 г. Основываясь на этих материалах, приговор 27 августа 1677 г. вернул Лучку Очкасова Б. Г. Юшкову в крестьянство, на том основании, что «он, Лучка, на Украину сбежал и написался в дети боярские после указного году во 170-м году», т. е. после указа 1656 г.

Сошлемся еще на одно дело того же 1677 г. Стольник С. Е. Алмазов привел в Разряд двух своих беглых крестьян — М. Кононова и Е. Иванова, задержанных им в Москве. Крестьяне показали, что по Короче они числятся детьми боярскими лет 20. Отцы их тоже были в казаках. Наведение справок по писцовым и переписным книгам Белевского уезда и по спискам казаков в Стрелецком приказе не подтвердило этих показаний. Сами беглые были записаны в разборных книгах 1675 г. Поместья дано им по 25 четвертей. Используя указы 1656 и 1676 гг., думные дьяки В. Семенов, П. Кавелин, Ф. Шакловитый и Л. Домнин приговорили передать беглых крестьян М. Кононова и Е. Иванова Алмазову на том основании, что они были записаны в сторожевую службу по черте после указного 1653 г.²⁵

Можно привести случай обратного решения дел о беглых по черте на основании того же указа 1656 г.

В 1683 г. М. Золотарев предъявил поступную запись на казаков А. и Т. Потудомских, которые отданы были ему в 1682 г. ельчанином И. Вороновым. Потудомские указывали на то, что

²⁵ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 450, лл. 240—246.

помещик Воронов в 1647 г. дал отпускную их отцу, который с 1649 г. служил в казаках по Лебедянскому уезду. Это обстоятельство послужило основанием решения дела в Разряде в пользу крестьян. Они были оставлены на службе.²⁶ В более общей форме официальное подтверждение силы указа 1656 г. связано с челобитной московских служилых людей и городских чинов 1682 г. За подписями 273 человек челобитная указывала на массовое бегство крестьян и холопов в низовые, малороссийские города и в города по черте. По словам челобитья, воеводы и помещики украинских городов, проведав об отмене закона о наддоточных крестьянах, беглых крестьян «принимают и держат бестрашно». Челобитчики просили о посылке сыщиков в украинные и низовые города.

Вопрос о посылке сыщиков осенью 1682 г. правительство обошло молчанием (он был решен несколько позднее, одновременно с принятием в марте 1683 г. Наказа сыщикам). Ответом на челобитную было решение поручить сыск беглых писцам, которых намечалось послать из Поместного приказа. Помета на челобитной, датированная 18 ноября 1682 г., предписывала «в тех же городех беглых холопей и крестьян сыскывать и суды с ними по крепостям давать, а с суда отдавать им по крепостям ис которых городов без урочных лет, а из украинных городов и с черты, которые из-за них бежали после 161 году, писцом, которые в те города посланы будут ис Поместного приказу».²⁷

В помете под другой челобитной 1683 г. использована выписка из указа 2 июня 1676 г. с подтверждением опять-таки указа 1656 г.²⁸

Выше было отмечено, что первоначально под действие указа 1656 г. попадали все беглые крестьяне в городах по черте, а не только из числа служилых людей по прибору. Однако со временем, к концу 70-х—началу 80-х годов, по мере распространения по черте вотчинного и поместного землевладения указ 1656 г. стали применять только в специальном смысле закона о сыске беглых крестьян, поверставшихся в военную службу или обложенных государевым тяглом (на посадах и т. п.). Сыск крестьян, осевших по черте за местными помещиками, стал производиться независимо от ограничений, предусмотренных указом 1656 г.

В 1681 г., например, происходил сыск группы крестьян, бежавших из Рязанской вотчины Л. Денисова. Крестьяне поселились у помещиков Елецкого уезда. Елецкий воевода присудил крестьян Денисову на том основании, что они ни в службу, ни в тягло не были записаны и значились по переписным книгам за Денисовым.²⁹

²⁶ Там же, л. 1115.

²⁷ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. Вотчинной записки 18911/81, лл. 33—36.

²⁸ Там же, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1027, дл. 149—156.

²⁹ Там же, Приказный стол, стлб. 538, лл. 1—10.

Приведенные нами и многие другие материалы Разряда дают возможность признать, что в течение долгого времени и довольно устойчиво правительство придерживалось указа 20 марта 1656 г. Несомненно, что заняв такую позицию, правительство отказывало себе казалось бы в легкой и эффективной возможности значительно пополнять кадры служилых людей по прибору в пограничных городах за счет беглых крестьян. Перед дворянским правительством как более насущная стояла задача противоположного свойства, продиктованная классовыми интересами, — ограничить поток частновладельческих крестьян в города по черте.

Н. Новомбергский был прав, когда подчеркивал продворянский характер указов 1656 и 1676 гг.: «Вскоре опыт показал, что государство взяло на себя невыгодное обязательство охранять по указам 1656 и 1676 годов будущие интересы помещиков и вотчинников».³⁰ Н. Новомбергский исходил из взгляда на государство как падклассовую силу, а потому и представил дело таким образом, что правительство 2-й половины XVII в. попало впросак. На самом деле крепостническое государство решительно стояло на страже классовых интересов дворянства. Причина этого крылась не столько в многочисленных и серьезных по тону челобитных дворян центральных уездов о сыске бежавших от них крестьян (хотя и эти челобитные имели большое значение в определении политики правительства), сколько в реальных формах самого крестьянского движения. Крестьяне пользовались любой лазейкой, малейшим шагом правительства, дающим возможность легально обосноваться в пограничных городах. Историкам предстоит еще интересная работа по изучению крестьянских побегов на юг, в особенности в 80-е и 90-е годы XVII в.³¹ Именно в эту пору побегии приняли массовый и в известной мере организованный и сплоченный характер. Чего стоит, например, движение 1681 г.! О нем говорили в своей челобитной царю дворяне и дети боярские г. Новосилия. Под влиянием слухов, будто бы царь разрешил уходить от помещиков в пограничные города,³² крестьяне Новосильского уезда направлялись в украинные города целыми отрядами, человек по сто и более. Беглецы утверждали,

³⁰ Н. Новомбергский, ук. соч., стр. 229.

³¹ Этой теме, включая побегии крестьян на Дон и движение 1682 г. на Дону, в той или иной мере посвящены следующие работы: Л. В. Черепнин, ук. соч., В. П. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. Уч. зап. Моск. гос. заочн. пединст., т. I, 1958, стр. 115—196; А. П. Пронштейн. Характер и особенности заселения Донского края в XVIII в. Научные доклады высшей школы. Истор. науки, № 1, 1960, стр. 86—103.

³² ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 983, лл. 2—3. Из показаний крестьян на допросах. Те же сведения содержатся в отписке воронежского воеводы И. Шаховского, который передал содержание царской грамоты, присланной к нему 18 июня 1681 г. (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, кн. 1, стр. 393—394).

что «во все города присланы царские грамоты, велено им, крестьяном, дать всем свобода и выходить им из-за помещиков своих и вотчинников сентября до 1 числа 190 году. А которые до этого числа не выдут, и тем во крестьянстве быть по-прежнему». По словам крестьян, воеводы этих грамот не объявляют, «стакався с помещиками».³³

Возникновение нелепых слухов о дарованной царем крестьянской свободе стало возможно на почве горячего желания уйти от помещичьей неволи. Царистская психология крестьян сказалась в данном случае особенно ярко. Крестьяне уходили из Новосильского уезда большими обозами и с оружием. Попытка местного воеводы стольника Д. Рагозина и помещиков устроить погоню и захватить беглецов привела к вооруженной схватке, в которой крестьяне закололи Рагозина копьем, убили двух помещиков и отиравились своим путем, «построясь обозом».³⁴ Правительство спешно приняло указ о посылке воевод с отрядами для поимки и наказания беглецов. В грамоте 15 июня 1681 г. П. И. Хованскому предписывалось для поимки новосильских и иных беглецов послать полковников с солдатами, поймать всех, из каждого «табора» «пущих заводчиков» повесить, а остальных бить кнутом. В случае вооруженного сопротивления надлежало «промышлять боем», но в дальние места не пропускать. По черте следовало поставить заставы и крепкие сторожи, чтобы «воров» через Белгородскую черту не пропустить в Поле. Хованскому предписывалось прислать в Разряд росписи казенных и наказанных.

В июне 1681 г. из Москвы в город Мценск, Белев, Болхов, Орел и другие был послан стольник Ф. Л. Волконский. Его целью было переловить крестьян, которые, разоря своих помещиков, пошли в новопостроенный город Платов и в малороссийские города. Наказ Волконскому предписывал по два «пущих заводчика» из каждого табора «казнить смертью, на тех же дорогах повесить», а остальных бить кнутом и отослать с приставами в города, откуда бежали, и отдать воеводам и приказным людям с респисками. Роспись казенных и наказанных приказано было выслать в Разряд.

Месяц спустя, в июле 1681 г., Волконскому было предписано выехать из Мценска в село Лучки Белевского уезда, крестьяне которого «взворовались и побежали». С помощью военной силы Волконскому удалось задержать крестьян. Допросы показали, что в Белевском уезде ходил слух о царском указе, якобы разрешавшем крестьянам идти в Платов и быть в детях боярских. Крестьяне, бежавшие из села Лучки, были возвращены помещикам. Подобное же мусирование слухов о государевом указе, освобождающем крестьян от помещиков, лежит в основе крупного

³³ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 983, л. 6.

³⁴ Там же, л. 5.

крестьянского волнения в вотчине митрополита Белгородского и Обоянского Мисаила в 1682 г. Село Заячье с деревнями, государева посопная волость, было пожаловано в начале 70-х годов XVII в. в вотчину белгородским митрополитам. Рост повинностей и усиление гнета, связанные с переходом в зависимость от митрополита, вынудили крестьян искать путей возвращения в прежнее состояние государевых черных крестьян. Под влиянием слухов о царском указе «писать в свою государеву вотчину крестьян, которые были за ними, великими государи, в тягле», и вестей о майском выступлении стрельцов в Москве крестьяне направили челобитчиков в Москву и Курск к окольниковому П. В. Шереметеву. Попытка митрополита Мисаила и белгородского воеводы И. Скуратова помешать движению привела к волнению крестьян, подавленному в результате специального розыска воеводы П. В. Шереметева. Двое из участников волнения были повешены, а 21 крестьянин по наказанию кнутом отданы митрополиту.³⁵

Опасаясь повторения крестьянской войны в результате нового обострения классово-борьбы и массовых передвижений крестьян в города по черте и далее на Дон, правительство приняло специальные меры к охране южных и восточных границ государства не от внешнего врага, а от внутреннего — крепостного крестьянства. В марте 1686 г. в города Белгородского полка были разосланы грамоты воеводам. Грамоты предписывали выслеживать беглых людей около застав и сторожей по лесам и по займищам. От застав в дальние места было указано посылать за беглыми вооруженные отряды. В случае появления на заставах беглых холопов и крестьян повелевалось задерживать их, а при сопротивлении — идти на них боем, но за черту на Дон не пропускать. Пойманных было приказано допрашивать и пытаться, а показания, данные на допросах, — присылать в Разряд. Указ 25 июня 1686 г. в г. Коротояк и другие города по черте обязывал заставных голов и служилых людей на заставах ловить и не пропускать за черту беглых крестьян. Пойманных «жен и девок» «бить батоги, сняв рубахи, нещадно» и «отсылать в те города, откуда бежали». Задержанных следовало допрашивать на месте, а «пущих воров пытаться».³⁶

Такая обстановка в стране и в южных пограничных районах вынуждала правительство проводить весьма гибкую политику в вопросе сыска беглых крестьян в городах по черте. Правовое обеспечение неприкосновенности охраны границ, покоящееся до 1683 г. на указе 20 марта 1656 г., не снимало вопроса о сыске беглых по черте. Сыск беглых был непрерывным и интенсивным, принимая в отдельные периоды характер мероприятий большего государст-

венного значения.³⁷ И все же правительство не могло игнорировать нужды обороны границ, в особенности от турецко-татарской опасности. Допуская сыск всех частновладельческих крестьян, бежавших в пограничные города с 1653 г., правительство, как мы видели по грамоте 1675 г. Г. Г. Ромодановскому, стремилось обеспечить неприкосновенность служилых людей с опытом боевой службы. Ту же цель преследовало законодательное ограничение некоторых норм крепостного права. Отдельные из действовавших норм крепостного права специфически преломлялись в условиях пограничных уездов, а иногда радикально меняли свой смысл. В этом отношении весьма показательны указы 4 и 11 сентября 1676 г. Указы меняли обычную норму, по которой крестьянин, женившийся на крепостной женщине, переходил вместе с женой в распоряжение владельца жены. Служилых людей украинских городов, женившихся на беглых крестьянских вдовах и дочерях, указы 1676 г. запрещали отдавать в крестьянство по женам. Кроме того, указы 1676 г. отменяли в подобной ситуации взимание выданных денег.³⁸

Эти и подобные им частичные ограничения прав феодалов на их беглых крестьян в городах по черте в обстановке широко поставленного сыска беглых, активности и предприимчивости самих помещиков и коррупции воевод и сыщиков не могли предотвратить заметного опустошения рядов служилых людей. Все чаще встречаются в документах сетования правительства о том, что воеводы и сыщики отдают служилых людей в крестьянство «мимо их великих государей указу, по свойству и по дружбе». В результате служилые люди стали разбегаться из городов.³⁹ Да и время, протекшее с указа 1656 г., частые войны, тяготы пограничной жизни значительно подорвали ряды служилых людей, пришедших на черту до 1653 г. и закрепленных за нею по указу 20 марта 1656 г. Война с Турцией, предстоящие походы на Крым остро ставили вопрос о формировании гарнизонов в городах Белгородского полка. Важнейшим мероприятием на этом пути был разбор служилых людей 1675 г. Однако в ответ на челобитные испуганных этим мероприятием помещиков правительство официально подтвердило указ 1656 г. Беглые крестьяне, записанные в разборные книги 1675 г., подлежали сыску и возврату своим владельцам. Такое положение сохранялось в течение восьми лет. Оно изменилось лишь с принятием нового указа 8 февраля 1683 г. Указу 8 февраля 1683 г. принадлежит видное место в ряду законодательных мероприятий правительства 2-й половины XVII в. Тем более значительна роль указа в выявлении правительственной политики в крестьянском вопросе южных пограничных областей.

³⁷ Об этом свидетельствуют материалы, имеющиеся в литературе. См. также выше, таблицу на стр. 84—89.

³⁸ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, слб. 1232, лл. 325—326.

³⁹ Там же, Приказный стол, слб. 845, л. 108.

³⁵ Подробности о волнении крестьян 1682 г. см.: Красный архив, 1936, № 6 (79), стр. 150—174; Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 53—61.

³⁶ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, слб. 1199, лл. 192—198.

Полного печатного текста указа мы до сих пор не имеем. В литературе, однако, указ известен. Наиболее обстоятельное, хотя и неполное изложение указа дает Н. Новомбергский, что говорит за то, что Н. Новомбергский имел перед собой полный и, вероятно, точный его текст. Н. Новомбергскому же принадлежит попытка проследить дальнейшую судьбу указа 8 февраля 1683 г. Он установил позднейшие добавления к указу и использование его в Наказе сыщикам 4 мая 1692 г.⁴⁰ Содержание указа 8 февраля 1683 г. сводится к следующему:

«Из городов Севского и Белгородского полков, которые в черте, и по черте и за чертою, а ведомы в Разряде...» беглых дворцовых и частновладельческих крестьян, в отношении которых будет установлено на основании записей в строельных, записных и разборных книгах и в смотренных списках, что они пришли на черту и записались в полковую, городовую, копейную, рейтарскую и солдатскую службу после разбора служивших людей 1675 г., отдавать в холопство и крестьянство прежним помещикам и вотчинникам по суду, крепостям и по писцовым и переписным книгам.

2. Выданное им для службы денежное и хлебное жалованье и оружие, если оно ими не заслужено, изъять в казну.

3. Беглых крестьян, записанных в государеву полковую и городовую службы, в копейщики, рейтары, в солдаты до разбора и в разбор 1675 г., в крестьяне и холопы не отдавать. Быть им в городской службе, в рейтарах и в солдатах по-прежнему, «потому что служили они многие годы и были в полку и иные ранены», а от тех людей, из-за кого они бежали «челобитья на них не было многие годы».

4. Беглых крестьян, которые в городах Белгородского и Севского полков записаны в посадах или в тягле или живут у кого-нибудь в захребетниках, а в городовую и полковую службы по разбору 1675 г. не записаны, отдавать помещикам и вотчинникам с 1653 г. по прежнему указу 1656 г.

5. Беглых крестьян, которые осели в тех же городах за помещиками и вотчинниками в крестьянах, бобылях и холопах, возвращать прежним владельцам по крепостям «бессрочно по Уложению».

6. Осуществленные с 1653 г. отдачи беглых крестьян и холопов их прежним владельцам остаются в силе.

7. Воеводам и приказным людям «учинить заказ крепкой под жестоким страхом» впредь в городах Белгородского и Севского

⁴⁰ Н. Новомбергский, ук. соч., стр. 231—232. Частичное изложение указа см.: А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов, стр. 343; Л. В. Черепнин. ук. соч., стр. 44—47. М. Дьяконов также передал основные нормы указа 8 февраля 1683 г., однако вовсе не упомянув даты указа, а использовал указ из приказа Большого двора валовым писцом, передающий указ 8 февраля 1683 г. и напечатанный в ПСЗ ошибочно под 1682 г. — ПСЗ, II, № 982 (М. Дьяконов, ук. соч., стр. 65).

полков беглых холопов и крестьян не принимать, в службу и тягло не писать. В случае нарушения этого запрета виновным воеводам и приказным людям «чинить наказание смотря по чело- веку», «да на них же имать пени, поскольку с кого великий государь укажет» и, наконец, взыскать с них зажилые деньги в пользу вотчинников и помещиков.

8. Холопам и крестьянам при отдаче учинить за побег «жестокое наказание бить кнутом нещадно, чтоб впредь и иным неповадно было воровать и от помещиков и от вотчинников бегать».

9. За прием беглых впредь на помещиках городов по черте «править зажилые деньги по указу. Да им же чинить за то наказание, чтоб на то смотря впредь никто в тех городех беглых холопов и крестьян и пришлых людей не принимали».

10. «Впредь боярам и воеводам Севского и Белгородского полку городов... без его в. г. грамот из Разряда челобитчиком ни кому тех городов на служивших и на всяких чинов людех в холопстве и по крестьянстве суда не давать и отдачи не чинить, чтоб от того тех городов людем никому напрасные волокиты и продажи не было».⁴¹

Значение указа 1683 г. будет яснее, если его сопоставить с указом 1656 г. Такое сопоставление указов даст представление о некоторых сдвигах в крепостном законодательстве XVII в., как в общем его значении, так и применительно к территории пограничных уездов.

Различна прежде всего территория, на которую распространялось действие того и другого указа.

Указ 1656 г. имел в виду украинные города и города по черте. Под чертой подразумевалась Белгородская черта, строительство которой к началу 50-х годов было уже завершено. Новые города по черте, возникшие в 30—40-е годы, были уже заселены. Указ по черте, возникшие в 30—40-е годы, были уже заселены. Указ и сообщал иммунитетные права тем, кто поселился в них до 1653 г. Под украинными городами, как показывает практика применения указа, подразумевался весь комплекс городов, который имел тогда такое наименование и был расположен на юг от первой Тульско-Рязанской засечной черты. В делах Разряда по указу 1656 г. встречаются украинные города — Орел, Болхов, Одоев, Дедилов, Пронск и другие, которых нет в числе городов Белгородского и Севского полков.⁴²

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении 1700 г., № 6, ч. II, лл. 65—66 об.

⁴² Следует отметить, что понятие украинских городов не было устойчивым. В 60-х и 70-х годах сами приказные дельцы не имели твердого представления о том, к какому разряду относить некоторые из городов. Так, например, когда митрополит Сарский и Подонский Павел предъявил иск относительно дедиловского стрельца Н. Мануйлова и при этом в 1671 г. произвольно отнес Дедилов к замосковным городам, хотя в Разряде Дедилов значился среди украинских городов, правительство приняло точку зрения митрополита и приговорило отдать Мануйлова из стрельцов в крестьяне (Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 44—45). Образование Белгородского и Севского

В указе 8 февраля 1683 г. украинные города не упомянуты. В нем говорится о городах «Севского и Белгородского полков, которые в черте и по черте и за чертою».⁴³ Если проследить расположение этих городов на карте, то легко заметить, что они неширокой полосой с севера и юга примыкают к черте.

Гораздо существеннее другое различие между указами 1656 и 1683 гг. По формуле первого из них имелись в виду все беглые крестьяне, пришедшие на черту и в украинные города до и после 1653 г., независимо от рода занятий и положения в новом месте жительства. На том отрезке времени (до 1653 г.) стоял вопрос о заселении новых городов по черте. Даже подтверждение указа 1656 г. в указе 2 июля 1676 г. дано в той же обобщенной редакции, которая была принята двадцать лет назад. Однако частичные и временные ограничения применения указа 1656 г. в отношении служилых людей по черте, содержащиеся в грамотах воеводам в 70-е годы XVII в., привели к тому, что указ 1656 г. стал рассматриваться в специальном смысле указа только по отношению к служилым людям по черте. Отсюда стали возникать дела о возвращении беглых крестьян, не попавших в городскую и полковую службу и осевших по черте за помещиками в качестве крестьян. Подобные дела встречаются лишь в последние годы перед принятием указа 1683 г., т. е. в ту пору, когда само правительство в политике возврата беглецов с черты стало клониться в сторону принципов, положенных позднее в основание указа 1683 г.

По указу 8 февраля 1683 г. крестьяне, бежавшие в города Белгородского и Севского полков, делятся на четыре категории. К первой отнесены крестьяне, которые записаны в городскую или

пограничных военных округов (полков) с определенным комплексом городов бесспорно должно было сказаться на практике решения дел о беглых по указу 1656 г. и тем самым подготовить нормы указа 1683 г.

⁴³ Города Белгородской черты делились на три категории.

1. Города в черте: Донков, Елец, Епифань, Ефремов, Землянк, Курск, Лебедянь, Ливны, Мценск, Новосиль, Обоянь, Оскол, Суджа, Сумы, Талецкой, Черновской, Чернь.

2. Города по черте: на запад от Белгорода — Болхов, Карпов, Хотмышский, Вольный, Алешня, Ахтырский; на восток от Белгорода — Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенок, Усерд, Ольшанск, Острогояжск, Коротожк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Козлов, Белоколодск, Сокольск, Доброе, Бельской, (см.: Д. И. Багаляй. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 197 и 200).

3. Города за чертою — те, которые расположены южнее Белгородской черты и возникли главным образом в результате прилива в эти края населения из Украины в начале 50-х годов, в период борьбы украинского народа за присоединение к России (города Слободской Украины; из московских украинских городов — только г. Валуйки). Города Севского полка примыкали к Белгородским городам с запада. Их целью была защита границы со стороны Польши и Крыма. Сюда относились Севск, Путивль, Новгород Северский и другие города, в том числе некоторые из заочких и украинских городов — Лихвня, Белев и др.

полковую службу после разбора служилых людей в 1675 г. Ко второй — крестьяне, записанные в городскую и полковую службу до разбора и в разбор 1675 г. К третьей — крестьяне, поселившиеся на посадах и несущие государственное тягло. Сюда же отнесены захребетники. Наконец, четвертую категорию образуют крестьяне, которые поселились у местных помещиков в качестве холопов, крестьян и бобылей. В отношении каждой из этих категорий указ устанавливал свою санкцию сыска. Крестьяне первой категории подлежали сыску и возвращению своим прежним владельцам. Вторая категория, наоборот, была оставлена в положении служилых людей и от крестьянства освобождена. Указ мотивировал эту санкцию долголетней службой и боевыми заслугами служилых людей, попавших в разбор 1675 г. Нетрудно увидеть здесь знакомый мотив, впервые выдвинутый правительством в декабрьской грамоте 1675 г. воеводе Г. Г. Ромодановскому. Но если грамота 1675 г. могла иметь в виду боевые кадры служилых людей, прошедших русско-польскую войну 1654—1667 гг., то указ 1683 г. брал под защиту служилых людей разбора 1675 г., прошедших войну с Турцией 1677—1681 гг.

Другим оправдательным мотивом санкции отказа феодалам в их правах на беглых крестьян, записанных в служилые люди до разбора и в разбор 1675 г., была ссылка на факт неподачи челобитных о беглых «многие годы». Опять-таки это не было новым. Подобную ссылку на давность отсутствия исков мы встречаем во многих законодательных актах, начиная от самого Уложения. Подобный аргумент использован почти в каждом указе 80-х годов о прикреплении крестьян к посадам.⁴⁴ Однако в данном случае это не было только обычной формулой. С момента разбора служилых людей в 1675 г. до указа 1683 г. прошло восемь лет. Указ 2 июля 1676 г. подтверждал указ 1656 г. и тем самым давал знать, что все претензии к зарегистрированным в разбор 1675 г. подлежат удовлетворению. Практически, следовательно, указ 1683 г. отказывал тем, кто не успел или не смог воспользоваться предоставленными правами в восьмилетний срок.

Что касается состоявшихся уже с 1653 г. отдач беглых с черты их прежним владельцам на основании ранее действовавших законодательных положений, то важно подчеркнуть, что указ 1683 г. содержал клаузулу, оставляющую в силе все прежние решения о крестьянах, в том числе и относительно тех, которые записаны были в служилые люди до разбора и в разбор 1675 г.

В отношении беглых крестьян и холопов, попавших на территории Белгородского и Севского полков в положение посадских и тяглых людей, указ 1683 г. оставлял в силе норму указа 1656 г. — сыск и возврат прежним владельцам тех из них, которые бежали на черту после 1653 г.

⁴⁴ См. ниже, стр. 248.

Наконец, указ 1683 г. восстанавливал правило Уложения относительно сыска и возврата прежним владельцам беглых крестьян, которые осели в городах Белгородского и Севского полков за помещиками и вотчинниками в качестве крестьян, быблей и холопов.

Значение этой последней нормы Указа 1683 г. выясняется в свете процесса проникновения в южные районы и распространения там крепостнического землевладения. До конца 40-х годов XVII в. правительство охраняло территорию южных уездов от распространения землевладения вотчинников и помещиков центральных уездов. Отступления от этой политики наметились в 50-е и 60-е годы, когда в ряде южных уездов стало возникать крупное землевладение. Во 2-й половине 70-х годов охранительная система окончательно рухнула. По указам 1676 и 1677 гг. были отменены «заказные» города и была санкционирована раздача «диких полей для хлебного пополнения».⁴⁶ К моменту принятия указа 1683 г. среднее и крупное частное землевладение получило на территории уездов в черте и по черте заметное распространение, что усиливало приток беглых крестьян центра и увеличивало возможности устройства их на новых местах в качестве крестьян и холопов. Санкционировав перевод собственных крестьян помещиков и вотчинников в южные районы на вновь создаваемые здесь вотчинные и помещичьи хозяйства, правительство запрещало землевладельцам принимать беглых крестьян и устанавливало их сыск по нормам Уложения с целью охраны интересов среднего и мелкого служилого землевладения центральных уездов. Указ 1683 г. предписывал за прием беглых взимать с помещиков Белгородского и Севского полков зажилые деньги и сверх того налагать на них наказание. Еще более крепкие санкции предусматривались в отношении воевод и приказных людей. «Под жестоком страхом» им было запрещено принимать беглых крестьян в службу и тягло. В случае нарушения этой заповеди на виновных налагалось наказание «смотря по человеку», пени по указанию царя и взыскание зажилых денег. Наконец, отдельная клаузула указа предусматривала «жестокое наказание» за побег самим крестьянам и холопам — нещадное битье кнутом. Здесь, как и в ряде других случаев, в мотивировочной части санкции против крестьян употреблено слово «воровать», чем подчеркивалось, что побег на черту был отнесен к разряду политических преступлений.

Вся эта запретительная часть указа 8 февраля 1683 г. и кары за нарушение указа отражали общую тенденцию законодательства 2-й половины XVII в. к усилению ответственности за прием беглых крестьян, а равно к усилению репрессий в отношении

крестьян-беглецов. С другой стороны, отступив от указа 1656 г. и значительно приблизив срок сыска беглых крестьян из числа служилых людей, но при этом далеко не всех, а лишь тех, которые зарегистрированы до разбора и в разбор 1675 г., правительство теми же самыми санкциями, предусмотренными указом 1683 г. за прием беглых воеводами и помещиками, имело в виду успокоить средних и мелких вотчинников и помещиков центра, неустанно добивавшихся расширения прав сыска беглых по черте. Не чуждым, как компенсацией за ограничение прав сыска беглых из числа служилых людей был возврат указа 1683 г. к норме Уложения в отношении сыска бежавших на черту и осевших там в крестьянах до 1653 г., которые ранее были под защитой закона 1656 г.⁴⁶

Таким образом, указ 8 февраля 1683 г., хотя и делал шаг в сторону ущемления интересов дворян в области сыска беглых среди некоторой части служилых людей, в целом представлял собою законодательный акт, знаменующий дальнейшее наступление крепостного права в интересах тех же феодалов.

Указ 1683 г. имел в виду города по черте, которые «ведомы в Разряде». Но вскоре норма указа 1683 г. в форме указа валовым писцам из приказа Большого дворца была распространена на дворцовые уезды по черте.⁴⁷ Когда в 1683 г. из приказа Большого дворца были посланы сыщики на черту для сыска дворцовых крестьян, им было приказано ориентироваться на указ 8 февраля 1683 г.

Разрядом также были приняты меры для распространения указа 1683 г. В 1684 г. в грамотах воеводам предписывалось оповестить по городам, что записанные в службу по 1675 г. остаются на службе. В инструкциях воеводам и сыщикам строго регламентировалась процедура расследования дел о беглых по указу 1683 г. На воевод городов Белгородского и Севского полков возлагался контроль за деятельностью сыщиков. Воеводам было велено «смотреть накрепко, что б таким служилым людем от сыщиков и от помещиков утеснения и продажи не было... и не сослался б с воеводами памятьми, беглых людей и крестьян собою никого сыщики не имали и в холопство и во крестьянство их по свойству и по знакомству и для взятков своих никому никого, не сослался о том с воеводами памятьми, не отдавали».

В случае челобитий о беглых сыщики посылали о том памяти воеводам, а воеводы по памятям наводили справки в съезжих

⁴⁶ ПСЗ, I, №№ 632, 637, 690. Подробно см.: А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. Ист. зап., № 4, 1938, стр. 21—40.

⁴⁶ Рауумеется, ввиду наличия по черте до 50-х годов только мелкого сибиренного землевладения число беглых крестьян, оставшихся и в новом месте крестьянами, было невелико. Поэтому норма указа 1683 г. в отношении прошлого времени имела больше политическое, чем практическое значение.

⁴⁷ ПСЗ, II, № 982. В ПСЗ указ из приказа Большого дворца помещен ошибочно под 1682 г. На самом деле он издан не ранее февраля 1683 г.

избах в записных строельных и разборных книгах и устанавливали время записи беглых крестьян в службу или в тягло.⁴⁸

Контроль за исполнением указа 1683 г. был включен, таким образом, в компетенцию пограничных воевод.

Такая коллизия между сыщиками и воеводами находит в данном случае объяснение в том, что обычно посылаемые по челобитью дворян сыщики стремились осуществить сыск беглых в интересах дворянства как можно полнее, не останавливаясь перед нарушением неприкосновенности служилых людей, в то время как на обязанности воевод как представителей государственной власти в пограничных районах лежало прежде всего комплектование отрядов служилых людей и охрана их неприкосновенности.

В действительности же были случаи, когда и воеводы, «ставкая» с помещиками, отдавали им служилых людей вопреки указу 1683 г. Ряд таких случаев приведен в статье Л. В. Черепнина. Но тот же автор приводит случай, когда на воронежского воеводу Д. Полонского, отдавшего в 1698 г. вопреки указу 8 февраля 1683 г. в крестьянство стольнику С. А. Языкову коротояцкого солдата М. П. Гончарова, была по приговору Разряда 1699 г. наложена пеня в 10 рублей за то, что он «Михаила з женою и з детьми и свойственники Семену Языкову отдал в крестьянство, не справясь о том подлинно с ево, великого государя, указом, каков состоялся об отдаче беглых людей и крестьян во 191-м году, не выписав об них из разборных книг и не разыскивая ничем». Учитывая подобные обстоятельства, правительство стремилось в свою очередь взять под контроль деятельность пограничных воевод по отдаче беглых крестьян из служилых людей.⁴⁹

Широкая и разнообразная практика применения указа 8 февраля 1683 г. включала различные аспекты использования указа.

В Разряд поступила челобитная И. Сухотина о побеге четырех крестьянских семей из его имения в Орловском уезде. Беглецы под вымышленными прозвищами жили в Хотмышском уезде. Челобитчик просил об их возврате, так как в разбор 1675 г. они не записаны. В Разряде навели справку в разборных книгах 1675. Беглых крестьян там не оказалось. При дальнейшем расследовании выяснилось, что сухотинские крестьяне были записаны в государственную службу в Хотмышке после 1675 г., а в тягло — после 1653 г. На этом основании грамотой на имя хотмышского воеводы было предписано вернуть беглых крестьян Сухотину.⁵⁰

В 1692 г. из Разряда были назначены в Усмань и Демшинский городок сыщик М. Турчев и подьячий К. Карачаров. Из Демшинска был прислан в Разряд список отданных в крестьянство

в результате сыска по указу 1683 г. Оказалось, что солдат полковой службы было отдано 13 человек, из городской службы — 32 человека, да ввиду сыска бежало из полковой и городской службы 34 человека. В Демшинском остались только служилые люди разбора 1675 г., в силу чего, по словам челобитной, в Демшинском стало малоллюдно.⁵¹

Любопытный казус в связи с указом 1683 г. вскрывает уже известное дело по иску митрополита Сарского и Подонского Варсонофия относительно новосильского стрельца Н. Мануйлова. По Приговору 26 октября 1684 г. думного дьяка В. Г. Семенова «с товарищи» Н. Мануйлов был отдан митрополиту в крестьянство на том основании, что он уже однажды в 1672 г. был отдан в митрополичий Духов монастырь в крестьяне, а по указу 18 февраля 1683 г. полагалось «беглых холопов и крестьян, отданных до сего в. г. указу со 161 году по крепостям помещикам и вотчинникам, оставлять за теми помещиками и вотчинниками».⁵²

Аналогичные случаи приводит Л. В. Черепнин. Когда в 1683 г. в Разряде было решено дело об освобождении из крестьянства мирнопольского солдата Т. Рязанова, несшего службу с 1675 г., то курский воевода Шенп внес в этот приговор «поправку», указав в ответной отписке в Разряд, что в 1678 г. Рязановы были отданы помещику Картамышову, а потому по указу 1683 г. они не могут быть освобождены от крестьянства. В 1687 г. ливенский казак В. Босев был возвращен в крестьянство Троице-Сергиеву монастырю на том основании, что его отец хотя и значился в служилой десятне 1633 г., в 1666 г. был отдан монастырю и записан за ним в переписных книгах 1678 г.⁵³

Опираясь на тот же указ 1683 г., правительство ограждало служилых людей разбора 1675 г. от посягательства феодалов.

В 1685 г. по челобитью С. Головина производился сыск беглых крестьян в г. Добром. В местной приказной избе были навелены справки в строельных и разборных книгах и в служилых списках. По справкам оказалось, что беглые крестьяне С. Головина были записаны в службу в г. Добром до разбора и в разбор 1675 г. На этом основании приговором думного дьяка В. Семенова от 22 июля 1685 г. С. Головину было отказано в иске, а крестьяне оставлены на службе.⁵⁴

⁵¹ Там же, Белгородский стол, стлб. 1375, лл. 9—12. Лишнее свидетельство того, что число зарегистрированных в разбор 1675 г. ко времени указа 1683 г. относительно общего числа служилых людей оставалось невелико.

⁵² Там же, Приказный стол, стлб. 647, лл. 75—77.

⁵³ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 46. Следует подчеркнуть, что в деле о В. Босеве нет отступления от норм указа 1683 г. Оно решено в соответствии с той статьей указа, которая оставила в силе прежние (до 1683 г.) постановления о передаче служилых людей в крестьянство, независимо от их юридической состоятельности. В данном случае особенностью служило лишь то, что В. Босев был отдан в крестьянство по отцу, а не по своей службе.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 838, л. 107.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 845, лл. 107—111.

⁴⁹ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 48—49.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 903, лл. 1—43.

Когда в 1691 г. некий Кудрин, приехав в Ольшанск, привлек к следствию как своих крестьян А. и П. Тикиных, упрятав их родственников в тюрьму, было установлено, что А. Тикин числился в детях боярских в 1673 г., а его братья — в солдатах в 1675 г. Поэтому грамота ольшанскому воеводе, ссылаясь на указ 1683 г., предписывала отказать Кудрину в иске и впредь подобные дела вершить по указу.⁵⁵

В сыске беглых холопов и крестьян в Коротояке по челобитьям многих помещиков неуклонно применялся указ 1683 г., в результате чего большая группа приборных и тяглых людей Коротояка была освобождена от крестьянства.⁵⁶ Но когда сыск касался крестьян, осевших по черте у помещиков и вотчинников, сыщики неуклонно применяли норму указа 1683 г., по которой беглых надлежало сыскивать «бессрочно по Уложению».

В сыскных книгах донковского воеводы С. Кропотова 1685 г. есть запись о сыске в Донкове крестьян Новоспасского монастыря — Якушки, Равки, Омельки и Савки Микляевых которые значатся за монастырем в переписных книгах 1646 г. В марте 1685 г. крестьяне были допрошены в донковской съезжей избе. На допросе они показали, что находились в Донковском уезде у разных лиц в казачьей службе. Крестьяне были отданы монастырю и по тому же указу 1683 г. «им, Якушке и Равке и Савке и Омельке за побег учинено наказание, биты вместо кнута батоги, и пошлины взяты».⁵⁷

Однако практика применения указа, в особенности в части охраны служилых людей, иногда выходила за рамки прямого следования его нормам и давала новые казусы, расширяющие смысл норм указа. В Ельце возникло дело о некоем Семене «с товарищи». Они были записаны в городскую службу в разбор 1680 г. и, таким образом, по указу 8 февраля 1683 г. подлежали возврату в крестьянство. Между тем было установлено, что отцы спорных крестьян записаны в службу с 1653 г., а брат Семена записан в разбор 1675 г. В силу этих обстоятельств указом 12 мая 1683 г. было постановлено Семена «с товарищи» оставить в службе и в крестьянство не отдавать.⁵⁸

Указ 12 мая 1683 г. послужил прецедентом для последующих дел подобного рода.

В феврале 1688 г. аналогичным образом решена участь Емельяна Венедиктова из Малого Ярославца, который дал на себя служилую кабалу, но по отцу был освобожден от холопства в службу.⁵⁹ Такие же случаи освобождения детей от крестьянства по службе их отцов имели место в г. Ливны, а по Курску за-

фиксирован случай решения дела об оставлении на службе по деду.⁶⁰

Некий А. Сергеев указывал в челобитной, что его дед служил в драгунах в г. Добром. Отец от скудости ушел из Доброго и умер, переходя с места на место. Его самого малолетним взял к себе во двор ельчанин П. Милюгин и женил насильно, продержав за собою 15 лет. А. Сергеев просил определить его в драгунскую службу на место деда и освободить от крестьянства. По челобитью Сергеева были запрошены выписки из добренских смотренных книг 1650—1660 гг. и переписных книг 1648 г., подтверждавших драгунскую службу деда. В августе 1688 г. грамотой из Разряда в Добрый было предписано зачислить А. Сергеева в драгунскую службу.⁶¹

И. В. Черепнин приводит примеры нарушений указа 1683 г., вызванных политической охранный неприкосновенности служилого сословия пограничных городов. В мае 1683 г. по делу освобождения из холопства от кн. Г. Ф. Чертенского сына козловского казика Е. Демидова был вынесен приговор, который не распространял указ 1683 г. на ранее решенное дело: «... а хотя бы они в холопство и отданы были, и та отдача... по нынешнему их, великих государей, указу отставить, потому Еремкин отец Федька Демидов с женою и с детьми указными годами... и по сему их, великих государей, указу свободы».⁶²

Отклонением от указа 8 февраля 1683 г. был отказ в 1690 г. П. Обезьянинову в иске относительно крестьян И. Тимофеева и С. Мишина. Указ по этому делу 1 декабря 1690 г., кроме частного определения по делу П. Обезьянинова, содержал общее решение, которое предписывало, помимо записанных в службу до разбора и в разбор 1675 г., оставлять на местах нового поселения и их детей.⁶³

П. Новомбергский отметил по этому поводу, что распространение иммунитета записанных в службу до и в 1675 г. на их потомство получило окончательное выражение в принятом в Разряде Пиказе сыщикам 1692 г.⁶⁴

Все последующие после 1675 г. разборы служилых людей городов по черте (например, разбор 1680 г. и др.), сопровождавшиеся занесением в разборные книги вновь прибывших беглых крестьян, были очевидным отклонением от указа 1683 г. Более того, это не было делом только практики, а получило определенную санкцию правительства. Например, в Статьях о разборе ратных людей городов Севского полка 1686 г. предписывалось

⁵⁵ Там же, лл. 179—180, 189.

⁵⁶ Там же, стлб. 944, лл. 21—26.

⁵⁷ И. В. Черепнин, ук. соч., стр. 47.

⁵⁸ Цитирую по: Н. Новомбергский, ук. соч., стр. 231; ср.: И. В. Черепнин, ук. соч., стр. 47.

⁵⁹ Н. Новомбергский, ук. соч. О наказе 1692 г. см. ниже.

писать в солдатскую службу вновь прибывших гулящих людей, беглых холопов и крестьян, если относительно их нет челобитья и живут они своими домами на пустых или оброчных землях или в дворниках и захребетниках. Чтобы никто не избежал солдатской службы, городским людям было запрещено «тайть» у себя гулящих людей. Но в той же статье было запрещено «принимать в службу» крестьян и холопов местных землевладельцев.

В той же связи уместно вспомнить другой указ, датированный также 8 февраля 1683 г. По этому указу беглые крестьяне и холопы, приписанные к московским стрелецким полкам после Чигиринского похода и Бахчисарайского мира с Турцией 3 мая 1681 г., подлежали возврату вотчинникам и помещикам по сыску, суду и крепостным актам. Наоборот, ставшие стрельцами до 3 мая 1681 г. освобождались от крестьянства и холопства с оставлением в стрельцах. В данном случае мы имеем дело с попыткой установить новый исходный срок сыска беглых крестьян (3 мая 1681 г.) в отношении одной из категорий приборных служилых людей. При этом указ опирался на уже знакомый мотив: прошедшие войну с Турцией стрельцы служили многие годы и были в плену, а иные ранены, «и то они заслужили ранами своими и кровми». ⁶⁵ Разумеется, дело здесь вовсе не в морально-этических мотивах. Подобные шаги правительства определялись реальной потребностью поддержания военных сил прежде всего на окраинах государства. Как справедливо отметил Л. В. Черепнин, все подобные мероприятия правительства, «содержали в себе противоречивые тенденции, являясь попыткой примирения запросов центрального служилого дворянства, предъявлявшего спрос на рабочие руки, с потребностью в заселении юга государства военным элементом. В зависимости от остроты в данный момент последнего задания допускались те или иные нюансы в толковании проводимых норм и в их практическом применении». ⁶⁶

Тенденции расширения и изменения отдельных норм указа 8 февраля 1683 г., определившиеся в процессе практики сыска беглых крестьян в городах Белгородского и Севского полков, получили закрепление и оформление в виде новых законодательных норм частично в Статьях сыщикам 1692 г. и в более полной форме — в Наказе сыщикам 4 мая 1692 г.

В 1692 г. было положено начало одному из наиболее массовых сысков беглых крестьян и холопов. Сыщики были посланы почти во все замосковные города. По отдельному указу того же 1692 г. большая партия сыщиков была направлена в города Белгородского и Севского полков. Сыщики рекрутировались из стольников и дворян московских чинов. Им были даны специально для

того выработанные Статьи, Наказ 4 мая 1692 г. из Разряда и Наказ 2 марта 1683 г. из Поместного приказа. ⁶⁷ Статьи сыщикам 1692 г. (за исключением ст. 1) содержали для справок случаи решения дел по искам в крестьянстве к служилым людям в городах по черте.

Содержание ст. 1 составил указ 8 февраля 1683 г. с добавлением, которое в виде общей нормы формулировало приговор указа 1 декабря 1690 г. по делу П. Обезьянинова. В этом добавлении было сказано, что если сами беглые крестьяне и холопы в разбор или до разбора 1675 г. в службе не записаны, но записаны их деды, отцы или братья, то им надлежит оставаться в службе в тех городах, где записаны их деды, отцы и братья, а в крестьянство и холопство их отдавать не следует. ⁶⁸ Надо подчеркнуть, что приведенная здесь норма не только повторяла норму указа 1 декабря 1690 г., но и расширяла ее действие. Если указ 1690 г. говорил о передаче служебного иммунитета только от отцов к детям, то ст. 1 из Статей сыщикам 1692 г. включала сюда и передачу иммунитета от дедов и братьев. Последующие статьи, со 2-й по 7-ю, представляли собою иллюстрации к этой новой норме: ст. 2 давала пример оставления беглого в службе по деду, а статьи с 3-й по 7-ю содержали решения дел об оставлении в службе по отцу и братьям.

Собственно не чем иным, как юридическим обобщением подобного рода практики и было добавление к указу 1683 г., сообщенное сыщикам в 1692 г. Особое назначение имела последняя статья, ст. 8 Она содержала инструкции о сыске беглых комарицких писемных солдат и некоторые материалы их сыска в 1681 г.

Одним из средств укрепления государственной обороны были практикуемые крепостническим государством 2-й половины XVII в. обращения крестьян пограничных уездов в служилых людей. Крепостнический характер организации и системы обеспечения таких поселений очевиден. Военные поселения в 50-е годы были в Олонецких погостах. Такая же организация военной службы имела место в Белгородских и Кароченских посполных волостях, а также в Комарицкой волости Севского уезда. Крестьяне местных сел и деревень, волею государственной власти обращенные в солдат, отбывали военную службу, не порывая с деревней. Вместе с ними жили их братья, свойственники и принятые во дворы складчики и половинщики, которые своим трудом на полях должны были обеспечить возможность несения военной службы. Основным видом службы военных поселян была пограничная служба. Дальние и продолжительные военные походы отрывали крестьян от их хозяйств и подрывали их материальное обеспечение. Именно

⁶⁵ ПСЗ, II, № 991.

⁶⁶ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 48.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородской стол, стлб. 1368, л. 171. О Наказе 2 марта 1683 г. см. выше, стр. 60—73.

⁶⁸ Там же, л. 178.

усиление служебных тягот в русско-турецкую войну 1677—1681 гг. и попытка правительства использовать «комарицких письменных солдат» в дальних военных походах вызвали массовое бегство военных поселян из Комарицкой волости.

В 1681 г. В. В. Голицын писал царю из Севска, что в прошлых годах «комарицкие письменные солдаты» и их свойственники, отбывая службы, бежали и живут в разных городах в крестьянах за монастырями, помещиками и вотчинниками. Для учета беглецов В. В. Голицын направил дворян в Комарицкую волость. Оказалось в бегах солдат 1456 человек, детей и свойственников 1530 человек, а всего 2986 человек.⁶⁹

Рассмотрев эти данные 31 июля 1681 г., боярская дума приговорила осуществить сыск беглых комарицких солдат и за каждую семью беглого солдата брать у помещиков и вотчинников по четыре крестьянина и переводить в солдаты в Комарицкую волость.

Любопытно отметить, что организация сыска и санкция за держание беглых мыслились боярской думой в рамках общих действующих норм крепостного права. Санкция о взыскании четырех наддаточных крестьян была определена в соответствии с действовавшим тогда указом 13 сентября 1661 г.

Царь Федор Алексеевич, рассмотрев приговор бояр, «пожаловал» помещиков и вотчинников «за их службы» — наддаточных крестьян указал заменить пенями в 10 руб. за каждую беглую семью комарицкого солдата.⁷⁰ Такое «пожалование» не было случайным. В ту пору в правительстве вырабатывался закон об отмене наддаточных крестьян, который вскоре получил оформление в указе 31 августа 1681 г. Последний заменил наддаточных крестьян взысканием по Уложению 10 руб. за каждого беглого крестьянина «за государевы подати и за помещиковы и вотчинниковы доходы».⁷¹

Таким образом, указ 31 июля 1681 г., установивший десятирублевые пени за держание каждого беглого комарицкого солдата, явился своеобразным прецедентом для указа 31 августа 1681 г. Позднее в связи с продолжением сыска комарицких беглых солдат был принят еще один указ, касавшийся вдов и дочерей комарицких солдат. Указ 27 июня 1690 г. предписывал комарицких вдов, вышедших в бегах замуж за помещиковых и вотчинниковых крестьян, брать вместе с мужьями и имуществом от помещиков и вотчинников и переводить в Комарицкую волость на жеребей и службу прежнего мужа. Что касалось дочерей комарицких солдат, то указ предписывал давать за них вывод в размере

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, лл. 102—103.

⁷⁰ Там же, лл. 104—105.

⁷¹ ПСЗ, II, № 892.

10 руб. и оставлять по месту мужа.⁷² И в данном случае были использованы общие нормы крепостного права, фиксированные еще в Уложении 1649 г.

Таким образом, к 1692 г. наряду с сыском беглых крестьян производился и сыск беглых комарицких солдат.⁷³

Помимо статей, сыщикам городов Белгородского полка был вручен специальный наказ, принятый в Разряде 4 мая 1692 г. Наконец, сыщикам 1692 г. был сообщен и наказ, принятый в Поместном приказе 2 марта 1683 г. Вручение обоих наказов говорило о том, что один из них, именно Наказ 1692 г., затрагивал лишь узкий и специальный круг вопросов, имевших отношение к сыску беглых крестьян в городах Белгородского полка. В остальной части правил сыска для данного района был в силе общий Наказ сыщикам 1683 г.

Наказ 4 мая 1692 г. не получил отражения в литературе, если не считать кратких и глухих упоминаний о нем у А. А. Новосельского и И. В. Черепнина и более пространный, но далеко не полный, включающий цитирование одной лишь ст. 3, изложения у П. Новомбергского.⁷⁴ А между тем без уяснения содержания этого документа не может быть создана полная картина развития крепостного права на южных окраинах Русского государства. Наказ 1692 г. состоял из 7 статей. Статья 1 содержала указания, касавшиеся приступа к сыску и организации его.

Приехав в назначенные им города, сыщики должны были получить у воевод из приказной избы подъячих и площадных дьячков для письма и служилых людей для рассылки. Не мешкая, следовало послать служилых людей в посады, слободы и уезды и через бирючей оповестить в городах, селах и деревнях, чтобы все служилые, стрелецкие и приказные люди, приказчики поместий и вотчин, старосты, целовальники и крестьяне, как дворцовых, так и частных владений, приводили беглых людей и крестьян, живших у них, к сыщикам «для записки и распросу».

Во всем этом нет ничего нового. Такой же порядок начальной стадии сыска практиковался сыщиками во всех городах страны.⁷⁵

Важно подчеркнуть, что в первом пункте Ст. 1 Наказа 1692 г. речь шла о беглых крестьянах, не попавших в разряд служилых

⁷² ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, л. 164.

⁷³ В новейшей работе А. А. Новосельского «Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во 2-й половине XVII в.» вскрыт крепостнический характер военных поселений комарицких солдат-крестьян. Автор приходит к важному выводу, что резкие изменения в положении крестьян дворцовой Комарицкой волости были одним из проявлений усиления крепостнического государства во второй половине XVII в.» Статью А. А. Новосельского см. в сб.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1961, с. 65—80.

⁷⁴ Н. Новомбергский, ук. соч., стр. 232.

⁷⁵ Ср. Наказ 2 марта 1683 г., ст. 32 (ПСЗ, II, № 998).

людей городов Белгородского полка, а осевших там же в поместьях, вотчинах и дворцовых владениях. Собственно служилых людей касался второй пункт ст. 1. В статье говорилось, что если жильцы городов Белгородского полка пришли и в службу записаны после разбора 1675 г., то об этом следует подавать сказки. В сказках надлежит указать, когда и откуда прибыли, в каких чинах и на какой службе они были ранее, в каких городах и в каких чинах были их отцы, причины перехода в города по черте, не беглые ли они люди и крестьяне, сколько у них в дачах поместья, санных покосов, копен и по какому указу или по каким грамотам из Разряда или из Поместного приказа они владели своими поместьями.

Сказки со всеми этими сведениями должны были быть подписаны самими подателями. Наказ требовал от служилых людей правдивых ответов на вопросы. За лживые ответы им грозило наказание. Как видим, программа проверки служилых людей была довольно широкой, собственно говоря, это была поголовная проверка.

Показания сказок подвергались документальной проверке. Статья обязывала сыщиков в случае получения ими сведений о беглых крестьянах в службе или в тягле в посаде посылать об этом воеводам и приказным людям памяти «за своими руками». Воеводы должны были подтвердить сказки выписками из строельных, записных и разборных книг или из смотренных списков, а затем «справитца накрепко в приказах» и «по тем приказным справкам о тех беглых людех и о крестьянех чинить по указу великих государей и по Наказу и по Статьям».

Указ, упомянутый здесь, и есть указ 8 февраля 1683 г. Он составил содержание ст. 2 Наказа 1692 г. Что касается системы проверки сказок служилых людей (сверка с данными книг на местах, в Разряде и Поместном приказе), то она не только обеспечивала точность сведений о служилых людях из беглых, но и ставила под контроль правительства деятельность воевод и сыщиков в части сыска беглых в городах по черте.

Итак, ст. 2 Наказа сыщикам 1692 г. включала указ 8 февраля 1683 г.

Статьи 3 и 4 того же Наказа закрепляли и развивали законодательные положения, которые были уже введены в дополнение и в изъятие некоторых норм указа 1683 г. и получили оформление еще до Наказа 1692 г.

Статья 3, источником которой служил указ 1 декабря 1690 г. по делу П. Обезьянинова и дополнение к указу 8 февраля 1683 г. в статьях сыщикам, предусматривала положение, когда «всяких чинов люди» городов Севского и Белгородского полков будут бить челом о том, что их деды и отцы были в полковой и городской службах, а они, будучи малолетними после смерти отцов или в результате бедности покинули свои поместья, бродили «меж двор» и попали в крестьяне и бобыли к помещикам, были записаны за

ними в книгах 1678 г. и в службу не попали. В таком случае — предписывала ст. 3 Наказа — следует рассматривать иски этих челобитчиков. И если по суду и по розыску будет установлено, что их деды и отцы были записаны в городскую службу до разбора и в разбор 1675 г., то таких лиц следовало освобождать от крепостного и записывать в службы по дедам и отцам. Статья 3, таким образом, имела в виду не беглых крестьян, а выходцев из такой среды, которые, по тем или иным причинам порвав с нею, попали в ряды частновладельческих крестьян. Их предки, состоявшие в службе до разбора и в разбор 1675 г., могли быть беглыми крестьянами, но могли и не быть ими. Отсюда ясно, что предметом забот ст. 3 Наказа 1692 г. была охрана целостности рядов корпорации служилых людей, прежде всего защита их от посягательств вотчинников и помещиков.

Статья 4 Наказа 1692 г. предусматривала более частный случай применения той же нормы. В статье речь шла о лицах, в отношении которых по приказным справкам и суду будет установлено, что они записаны в службу в разбор 1680 г., а до этого в службе не были, но значились за помещиками и вотчинниками по переписным книгам 1678 г. В то же время их дети и отцы были записаны в полковую и городскую службы до разбора и в разбор 1675 г. Статья 4 предписывала таких беглых крестьян оставлять «в прежних службах по разбору 1680 г.». Помещикам и вотчинникам в исках на них отказывалось.

Таким образом ст. ст. 3 и 4 Наказа сыщикам 1692 г. распространяли служебный иммунитет дедов и отцов, записанных в службу до разбора и в разбор 1675 г., на внуков и детей. Отмечая эту особенность Наказа, Н. Новомбергский справедливо заметил, что «иммунитет служилых предков распространялся на потомство, находящееся уже в фактической кабале»,⁷⁶ и вызволял его из этой кабалы. Важнейшим следствием передачи служебного иммунитета от одного поколения приборных людей к другому явилось начало процесса образования института наследственной службы в низших ее звеньях, который до сих пор был достоянием лишь господствующего класса, т. е. служилых людей по отечеству. И хотя этот институт наследственной службы приборных людей возник из обычных норм крепостного права (крепостных людей возник из обычных норм крепостного права (крепостных людей возник из обычных норм крепостного права (крепостных людей возник из обычных норм крепостного права), он все же создавал потенциальную возможность перехода некоторой части приборных людей в ряды феодального класса. Учитывая эту возможность, правительство пыталось принять меры, препятствующие переходу служилых людей по прибору и беглых крестьян по черте в ряды низших слоев господствующего класса — детей боярских. Такой переход крестьян, бежавших на черту, в дети боярские, не был большой редкостью в предшествующее

⁷⁶ Н. Новомбергский, ук. соч., стр. 232.

время, но уже в конце 70-х годов в статьях о смотре и разборе детей боярских было запрещено писать крестьян детьми боярскими: «... и холопей боярских и стрелецких и казачьих и не служилых никаких чинов и пашенных мужиков отнюдь никого детьми боярскими у верстанья не называли и поместными и денежными оклады их не верстать».⁷⁷ Это не значит, конечно, что в практике не было отклонений от этого запрета и что крестьяне в 70—80-е годы вовсе не попадали в дети боярские. Но само стремление правительства поставить тому официальные преграды, разумеется, говорит об очень многом.

Существенное значение имела ст. 5 Наказа сыщикам 1692 г. Она отменяла все ранее осуществленные на основании Указа 20 марта 1656 г. возвраты помещикам и вотчинникам в крестьянство служилых и жилецких людей Белгородского полка, если эти возвращенные лица сами или их деды и отцы были записаны в службу до разбора или в разбор 1675 г. «И те отдачи отставить, — говорится в статье, — и от помещиков и вотчинников ис крестьянства тех людей з женами и з детьми свободить и быть им в прежних службах». Освобождению от крестьянства и переходу в службу подлежали и дети этих служилых людей, если они в свое время «за малыми леты» не могли быть записаны в службу до разбора или в разбор 1675 г. Отдельная клаузула статьи оговаривала оставление за феодалами вышедших замуж за их крестьян дочерей переданных по указу 1656 г. служилых людей.

Под норму ст. 5 Наказа 1692 г. попадали и те беглые крестьяне, которые были записаны в разбор 1675 г., но переданы владельцам в промежуток времени между разбором 1675 г. и принятием указа 8 февраля 1683 г. В целом же ст. 5 отменяла относительно служилых людей весьма существенную для феодалов норму указа 1683 г., согласно которой оставались в силе все ранее осуществленные отдачи беглых людей с 1653 г.

Наконец, последние две статьи Наказа 1692 г. касались сыска в городах Белгородского полка беглых комарицких солдат и членов их семей. Такая локализация сыска комарицких беглецов с очевидностью обнаруживает одно из важнейших направлений побега солдат Комарицкой волости.

Статья 6 предписывала беглых комарицких солдат, их собственников, складчиков и половинщиков, которые записаны в службу в городах Белгородского полка, «из тех городов не сводить, а писать кто в каком городе живет и в какой службе написан». Тех же комарицких солдат, которые живут, укрываясь от службы, надлежало «писать в службу от семей»; живущих же у помещиков и вотчинников — переселять в Комарицкую волость, а с помещиков за держание беглых брать за каждую семью по

10 руб. Размер взыскания в данном случае определялся в соответствии с указом 31 июля 1681 г.

Статья 7 Наказа регламентировала правовые последствия, вытекающие из выхода замуж беглых жен, вдов и дочерей комарицких солдат за помещичьих и вотчинных крестьян. Если замуж вышли беглые вдовы, то их мужей «по тем вдовам» с женами и с детьми и со всем имуществом предписывалось выводить в Комарицкую волость и сажать на жеребья прежних мужей. Что касается девок, то за них указывалось брать вывод по 10 руб. В данном случае имело место полное воспроизведение указа 27 июня 1690 г.

На этом Наказ сыщикам 1692 г. заканчивался.⁷⁸ Как видим, он существенно изменил и дополнил указ 8 февраля 1683 г. Наказ освобождал от крестьянства и холопства и закреплял за службой всех, кто был записан в полковую и городскую службы по 1675 год исключительно, распространяя в то же время действие этого принципа на сыновей, внуков и братьев этих лиц. В данном отношении Наказ существенно дополнил указ 1683 г.

Распространяя ту же норму на беглых крестьян, записанных в службу до и в разбор 1675 г., в отношении которых ранее был уже применен указ 1656 г. об отдаче их прежним владельцам в период с 1653 по 1683 г. и на которых действие указа 1683 г. не распространилось, Наказ 1692 г. значительно и **изменял** указ 1683 г.

Обе эти особенности Наказа 1692 г. заметно меняли и расширяли функции сыщиков. У сыщиков 1692 г. наряду с сыском крестьян, бежавших от помещиков и вотчинников, важной функцией становился сыск служилых людей, иначе говоря — ограждение статута корпорации служилых людей по разбору 1675 г. и их потомства. Именно эту новую функцию сыщиков определял Наказ 1692 г. Что же касается сыска беглых крестьян, не попавших в разряд служилых людей до 1675 г., а также бежавших в города по черте после 1675 г. и не имевших предков среди служилых людей, то их сыск производился и в 1692 г. по указу 1683 г., который был сообщен сыщикам в том же Наказе в составе его второй статьи.

Из сказанного ясно, что Наказ сыщикам **1692 г.** не был простой сводкой ранее действовавших законодательных норм в отношении сыска беглых крестьян в городах по черте, а явился самостоятельным мероприятием в законодательном решении вопросов крепостного права в пограничных уездах во 2-й половине XVII в.

Объяснению скрытых нами изменений в политике правительства и области сыска и прикрепления беглых крестьян в городах

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Раирида, Белгородский стол, стлб. 1368, лл. 204—224. Тот же манускрипт: там же, Приказный стол, стлб. 1732, лл. 8—14; Белгородский стол, стлб. 1379, л. 20 и сл.

⁷⁸ ПСЗ, I, № 615; ПСЗ, II, стр. 192.

Белгородского полка кроется в некоторых обстоятельствах внутреннего и внешнего положения России в начале 90-х годов XVII в.

Определяющим фактором внутреннего положения служило распространение в 70—90-е годы крупного и среднего крепостнического землевладения в южных районах государства. Вопрос о защите этих районов от крымско-турецких вторжений сводился теперь к непосредственной охране помещико-вотчинного землевладения. Многие из южных уездов перестали быть кордоном перед землевладельческими районами центра. А сколь велика была опасность вражеского вторжения, показывал факт появления в 1692 г. на Украине 12-тысячного татарского войска. Татары выжгли предместья г. Немирова и увели с собой множество пленных. Именно эти обстоятельства ведут нас ко второй, внешнеполитической, стороне вопроса. После Крымских походов 1687 и 1689 гг. Россия продолжала быть в состоянии войны с Турцией и Крымом. Правительство Петра I исподволь готовилось к новой борьбе с Крымом и Турцией за выход к Азовскому и Черному морям и за безопасность южных границ государства. Частичная в 1683 г. и полная, включая прямых и боковых родственников, в 1692 г. консолидация служилых людей городов Белгородского и Севского полков разбора 1675 г. и законодательное ограждение их неприкосновенности были одним из звеньев подготовки именно этой борьбы за выход в Черное море. В этих условиях правительство Петра I в гораздо более решительной форме, чем когда-либо прежде, потеснило интересы помещиков и вотчинников в вопросе сыска и прикрепления беглых крестьян в городах по черте. Вместе с тем, подтверждая срок сыска беглых с 1675 г. почти двадцать лет спустя после этой даты, правительство обнаруживало тем самым свое нежелание укреплять в дальнейшем безопасность границ государства силами беглых крестьян и холопов. Необходимость в этом отпала в особенности после того, как специально подготовленные войска сокрушили турецкую крепость Азов и отодвинули границу к берегам Черного моря. В подобной коллизии получила отражение крепостническая сущность политики московского правительства. Сыск беглых крестьян в городах Белгородского полка оставался и в этот период важнейшей задачей. Это следует прежде всего из целевой установки Наказа 1692 г., сформулированной в его вступительной части: «... великие государи указали сыщикам, которых велено послать из Разряда Белгородского полку в города для сыску помещиковых и вотчинниковых беглых людей и крестьян...».⁷⁹

Сыск беглых в городах Белгородского полка проходил интенсивно на протяжении всех 90-х годов XVII в., но в наибольшей степени — в 1692—1694 и 1698—1700 гг. В 1698 г. во многие города страны из Поместного приказа и Разряда была послана

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, лл. 204—224.

новая партия сыщиков. Им был вручен Наказ 2 марта 1683 г. со значительными добавлениями, составившими содержание указа 23 марта 1698 г., а для сыщиков Белгородского полка сверх наказов из Поместного приказа дополнительно предназначались Статьи 1698 г. Они полностью повторяли все семь статей Наказа 4 мая 1692 г.⁸⁰

В 1694 г. в Белев, Мценск и Кромы были посланы для сыска беглых крестьян и холопов сыщик Н. Юшков и подьячий И. Юшин. Сыщики доносили, что белевский воевода Р. Быков, держа сторону посадских людей, чинил препятствия сыску, на посаде же беглых людей «многое число».

В 1693 г. из Поместного приказа в г. Рыльск были направлены сыщики В. Бахметов и В. Есинов. Рыльский воевода И. Тургенев не подчинился царской послушной грамоте, стрельцов, которых сыщики использовали для посылок, избил и запретил им поинноваться сыщикам. Глядя на воеводу, и местные помещики перестали давать сказки о беглых. Тургеневу была послана грамота с категорическим предложением выполнять требования сыщиков.⁸¹

О таком же непослушании воеводы и помещиков доносил в сентябре 1692 г. сыщик Яким Ржевский из Острогожска. Из Разряда воеводе Острогожска Н. Дурову пригрозили лишением воеводства. Воеводе Старого Оскола за то же угрожали денежной пеней.⁸²

В марте 1693 г. было поручено новому ливенскому воеводе В. Савичеву по отписке сыщика И. Селиванова допросить воеводу И. Фуникова о причинах его помех в работе сыщика. Фуников был снят за это с поста воеводы в Ливнах и переведен в Старый Оскол.⁸³

В Ольшанске столкновением между воеводой и сыщиками воспользовались беглые крестьяне и сбежали в другие уезды.⁸⁴ В делах того же Белгородского стола Разряда содержатся челобитные сыщиков с жалобами на воевод из Воронежа, Лебедяни, Рязьска, Усмани, Старого Оскола и ряда других городов. Воевода Воронежа, например, даже не пустил сыщика в город, и тот стоял под городом, выжидая указа.

Число подобных примеров легко увеличить. Но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что практически дело сыска беглых крестьян наткнулось на острые противоречия между полномоченными правительства сыщиками и представителями того же правительства на местах — воеводами. Такое положение

⁸⁰ ПСЗ, III, № 1645. Во вступительной части эти статьи названы «прибылыми статьями», данными сыщикам «сверх наказов, каковы даны их братье из Поместного приказу».

⁸¹ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, лл. 300—303.

⁸² Там же, лл. 600—601, 710.

⁸³ Там же, л. 875.

⁸⁴ Там же, л. 606.

в 90-е годы было характерно в той или иной мере для всей России и вызывало, как мы видели, в ряде случаев передачу сыска беглых в руки воевод, поддерживаемых местными феодалами, с отозванием сыщиков из уездов. В южных городах столкновение интересов воевод и сыщиков приняло, пожалуй, наиболее острый характер. В этом сказались прежде всего причины общие — возросшее значение воевод, полнота их власти и нежелание в связи с этим опускать из рук видное в политическом отношении и многосулящее в смысле обогащения дело сыска беглых крестьян и холопов. Но были причины и особенные. Распространение помещичьего и вотчинного землевладения в южных уездах привело к образованию местных кругов господствующего класса, которые стремились в лице воевод иметь блюстителей своих интересов. Местные помещики, разумеется, не были заинтересованы в активном проведении сыска беглых крестьян в своих уездах и тем более в передаче сыска в руки присланных правительством чиновников, представлявших интересы феодалов центральных уездов, а предпочитали решать эти дела сами и с помощью своих воевод.

Такими мотивами и была вызвана, например, челобитная воронежцев «всяких чинов» и посадских людей, которые указывали, что до последнего времени сыском беглых по грамотам из Разряда ведали воеводы и просили сыщика из Воронежа отозвать, а сыск беглых передать воеводе М. Леонтьеву.⁸⁵

В ответ на челобитную 10 сентября 1692 г. был принят указ, который обязывал сыщиков, посланных в города Белгородского полка, оставаться в тех городах, а воевод — предоставлять сыщикам съезжие и постоянные дворы, служилых людей и прочее обеспечение. Разряду было вменено в обязанность послать воеводам новые послушные грамоты. Особые полномочия сыщиков подчеркивались в указе предупреждением, что если в города Белгородского полка будут посланцы «для иных дел» из других приказов, а послушных грамот при них не будет, то таким постоянных и съезжих дворов не давать. В том же указе содержалось дополнение к наказу сыщикам. От сыска и передачи в крестьянство освобождались до возвращения из похода те беглые крестьяне, которые находились в полках Б. П. Шереметева, вышедших на границы.⁸⁶

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1368, л. 733.

⁸⁶ С теми же военными мероприятиями 1692 г. связано временное освобождение по указу 6 июня 1692 г. от сыска беглых крестьян поместий и вотчин московских дворян, приписанных службой к городам Белгородского и Севского полков, городских дворян, детей боярских, копейщиков, рейтар и солдат полковой службы: «... покамест они с службы отпущены будут по домам, отсрочить для того, что их велено нынче на службу выслать безсрочно» (ПСЗ, III, № 1439). Практика отсрочки исков к служилым людям о беглых крестьянах на время занятости военной службой имела место и в центральных уездах государства.

Указ 10 сентября 1692 г. продемонстрировал, таким образом, нежелание правительства ущемлять интересы феодалов центральных уездов, которые были заинтересованы в деятельности сыщиков, посланных из центра. Свою позицию правительство подтвердило энергичными пресечениями попыток воевод белгородских городов противопоставить себя сыщикам, вплоть до лишения воеводских постов. И это в то время, когда из ряда центральных уездов по просьбе местных дворян сыщики были отозваны, а функции сыска беглых крестьян переданы воеводам.

Наряду с сыском частновладельческих крестьян в те же 90-е годы на южных окраинах производился сыск беглых дворцовых крестьян. В 1691—1692 годы приказчик дворцовых сел Козельского уезда А. Кормилицын сыскавал беглых дворцовых крестьян в Севском, Карачевском, Брянском, Козельском, Болховском, Орловском, Белевском и Рыльском уездах.⁸⁷

В 1694 г. по царскому указу из приказа Большого дворца был послан А. Палицын для сыска беглых дворцовых крестьян в Севском, Путивльском и Рыльском уездах. А из Разряда воеводам этих городов были отпущены непослушные грамоты. Это обстоятельство само по себе служит любопытным примером взаимодействия органов государственного аппарата в процессе сыска беглых крестьян.⁸⁸

Такие же непослушные грамоты были направлены воеводам Орла, Ефремова, Ельца и Новосиля в связи с посылкой туда И. В. Золотарева для сыска дворцовых крестьян.⁸⁹

Сыск дворцовых крестьян в уездах Белгородской черты, как и сыск беглых в пределах дворцовых украинских волостей, производился на основании указа 8 февраля 1683 г. Положения этого указа были распространены на украинные дворцовые волости указом из Приказа Большого дворца, вписанным в наказ валовым писцам. Приказ Большого дворца обязывал сыщиков возвращать из дворцовых сел по сыску и крепостям только тех беглых крестьян, «о которых будут челобиться, и при условии, если они подходят под соответствующую норму указа 1683 г. При сыске и отдаче таких беглых крестьян вместе с сыщиками участвовали воеводы дворцовых городов и сел. Воеводы осуществляли контроль за тем, чтобы в сыском деле дворцовым крестьянам не было напрасного разорения.⁹⁰

Наконец, норма указа 8 февраля 1683 г. об оставлении на службе беглых крестьян, записанных в службу до 1675 г., была распространена указом 30 апреля 1688 г. на дворцовые волости

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Севский стол, стлб. 420, лл. 211—215.

⁸⁸ Там же, Московский стол, стлб. 989, л. 333—334.

⁸⁹ Там же, Севский стол, стлб. 430, лл. 112—117.

⁹⁰ ПСЗ, II, № 982.

низовых городов.⁹¹ В отношении крестьян, попавших в тех же волостях в тягло, а не в службу, указ 1688 г. устанавливал свой срок сыска — с переписных книг 1674 г. Записанные в тягло в 1674 г., а в службу в 1675 г. сыску и возврату к прежним владельцам не подлежали. И в данном случае сыск беглых крестьян производился сыщиками приказа Большого дворца с ведома и с участием местных воевод, представлявших интерес дворцового хозяйства.

Но оказывается, что еще до указа 8 февраля 1683 г. в Приказ Казанского дворца по памяти царя был направлен из Разряда указ 20 марта 1656 г. А затем указ 1656 г. был сообщен сибирским воеводам в наказах из приказа Казанского дворца в ведении которого находились сибирские города до образования самостоятельного Сибирского приказа.

Таким образом, указы 20 марта 1656 г. и 8 февраля 1683 г. имели распространение не только на территории городов по черте, для которых они собственно и были предназначены, но также и в окранных поволжских и сибирских городах.

Установление нового исходного срока сыска беглых крестьян и холопов в украинских городах и в городах по черте по указу 20 марта 1656 г. и в городах Белгородского и Севского полков по указу 8 февраля 1683 г., дополненному в Наказе сыщикам 4 мая 1692 г., не было единственным случаем подобного рода в законодательной практике 2-й половины XVII в.

Другой случай установления своего срока сыска беглых связан с группой западных уездов — Смоленским, Дорогобужским, Рославльским, Бельским и другими, которые перешли к России по Андрусовскому перемирию 1667 г.

В тяжелую и длительную войну России с Речью Посполитой за воссоединение Украины и Белоруссии Смоленский и прилегающие к нему уезды стали объектом борьбы и ареной военных действий. В результате успешного наступления русских войск освобождение этих уездов было завершено в короткий срок, к концу сентября 1654 г. Но уже в ходе военных действий правительство Алексея Михайловича приняло меры, направленные на ограждение интересов местной шляхты от попыток захвата крестьян воинскими людьми в качестве пленных.

Указ 30 июля 1654 г., объявленный из Разряда Приказу княжества Смоленского, запрещал служилым людям под страхом наказания «белорусцов Бельского и Дорогобужского и Смоленского уездов и крестьянских жен и детей имать и к Москве и в деревни ссылать...». Воеводе Вязьмы И. Хованскому и дьяку Г. Лаврову была послана грамота об учреждении застав в Вязем-

ском уезде по дороге из Смоленска. Все провозимые служилыми людьми пленные должны были быть подвергнуты на заставах допросу. Если же среди них окажутся пахотные крестьяне Смоленского и прилегающих уездов, то таких крестьян надлежало иместе с теми, кто их вез, «с приставы прислать к великому государю».⁹²

Смысл и значение этого мероприятия особенно оттеняется тем обстоятельством, что тот же указ не ставил никаких преград к провозу служилыми людьми в свои подмосковные поместья и вотчины пленных из литовских и польских зарубежных городов.

В другом случае по челобитью властей оршенских монастырей была дана «оберегательная грамота», направленная в полки воеводам и приказным людям, об охране крестьян оршенских монастырских деревень от притеснений со стороны ратных людей.⁹³ Охрана на местах военных действий русского и белорусского крестьянства от грабежа, захвата и закабаления служилыми людьми, осуществляемая в интересах местных феодалов, отвечала запросам и самого крестьянства, которое оказывало решительную поддержку русской армии.⁹⁴

Наиболее четко классовая сущность политики царского правительства по отношению к шляхте и крестьянам на присоединенной территории Белоруссии в период войны видна из опубликованного А. П. Малыцким Наказа царя Алексея Михайловича князю Г. А. Коаловскому, посланному для подавления движения белорусских крестьян осенью 1658 г. Суть этой политики сводилась к защите имущественных и классовых интересов шляхты, выражавшихся прежде всего в сохранении и упрочении крепостного права.⁹⁵

В ходе военных действий не мог, однако, быть поставлен существенный вопрос крепостного права — вопрос о сыске беглых крестьян и холопов. Но как только был завершен первый этап войны с Польшей, шляхта присоединенных к России западно-русских городов обратилась к царю с челобитной о сыске беглых крестьян. В челобитной говорилось, что помещичьи беглые крестьяне Смоленского и других уездов живут в дворцовых волостях, в поместьях и вотчинах центральных уездов, что «всяких чинов люди» подговаривают крестьян к побегу или насильно уводят с собой. Просьба челобитчиков сводилась к тому, чтобы о беглых «давать суд».

В ответ на челобитную «всей смоленской шляхты» в феврале 1657 г. в Смоленск была послана царская грамота, предписавшая

⁹¹ ПСЗ, I, № 135.

⁹² Там же, № 136.

⁹³ А. А. С а в и ч. Борьба за Белоруссию и Украину в 1657—1667 годы. Уч. зап. МГПИ, 1947, т. 2, в. 2, стр. 79—139.

⁹⁴ Исторический архив, 1958, № 2, стр. 215—219.

⁹¹ ПСЗ, II, № 1296. К низовым городам относились города: Терки, Астрахань, Царицын, Самара, Казань, Тетюши, Курмыш, Алатырь, Касимов, Кадома, Темников.

«давать суд о беглых крестьянах, а с суда сыскивать и указчинить по Уложению».⁹⁶

Практически такой шаг правительства был не более как декларацией, имевшей целью заверить смоленскую шляхту в его готовности оказать поддержку в вопросе о беглых крестьянах. На самом деле использование в западнорусских уездах норм сыска беглых, фиксированных в Уложении, было крайне затруднено, тем более, что всего год спустя война с Речью Посполитой возобновилась.

Для постановки вопроса о сыске беглых крестьян перерывом в военных действиях воспользовалась не только шляхта Смоленского и прилегающих уездов. Тот же шаг предприняли помещики пограничных Луцкого, Холмского и Торопецкого уездов. Челобитчики указывали, что в прошлых годах бежали за рубеж в Бельский, Велижский и Невельский уезды, «старинные наши людишки и крестьяне з женами и з детьми и со всеми животы, разоря нас до конца». Приходя из-за рубежа, беглые крестьяне поджигали имения помещиков, грабили имущество, подговаривали остальных крестьян к побегу. По словам челобитчиков, от тех «воров» «Луцкий и Торопецкий уезды запустили». О том же сообщали воеводы в Посольский приказ. Теперь, когда в ходе войны «литовские города» перешли к России, дворяне просили сыскать беглых крестьян и вернуть их «по старине и по писцовым книгам».

Ответом на это челобитье была грамота на Белую воеводе О. М. Беклемишеву. Грамота обязывала воеводу сыскивать беглых по челобитьям лучан и торопчан и допрашивать их в приказной избе: «И в рожей и в приметы кабальных людей против кабал досматривать, и которые кабальные люди по твоему досмотру в приметах сойдутся, их отдать, а крестьян по выписям из писцовых и переписных книг с женами и с детьми. . .». «А по женкам и девкам Бельского уезду крестьян и иных никаких людей никому в холопство и во крестьянство не отдавать и велеть им жить в Бельском уезде».

Отдельно встал вопрос о сыске беглых, попавших в полковую или городовую службу в тех же городах. Когда из Невеля, ссылаясь на грамоту Беклемишеву, запросили о сыске беглых крестьян, записавшихся в службу, из центра было разъяснено, что в каждом отдельном случае воеводы должны отписывать, что за дворяне и дети боярские и по каким крепостям бьют челом о холопстве и крестьянстве служилых и посадских людей.⁹⁷ Решение вопроса о прикреплении крестьян в западно-русских уездах и, следовательно, о сыске беглых крестьян стало возможным только по окончании войны с Польшей. Придерживаясь политики безусловной поддержки шляхты в коренном для нее вопросе сохранения и упро-

чения крепостного права, русское правительство не могло вместе с тем не учитывать и ряда других факторов. Прежде всего следует назвать нежелание помещиков центральных и северо-западных русских уездов, куда в период войны бежало крестьянство из восточной Белоруссии, возвращать беглых смоленской шляхте. Противоречия интересов различных групп дворянства наложили безусловный отпечаток на ход решения вопроса о прикреплении крестьян в новых пограничных уездах. В наименьшей степени давало знать о себе состояние борьбы крестьян против крепостнического гнета. Восстания крестьян в районах военных действий с большей силой разгорелись в 1656—1658 гг., распространившись на восточные районы Белоруссии.⁹⁸

Наконец, большие перемены в распределении населения в крае внесла сама война. Поэтому, как только война закончилась, правительство предприняло шаги к описанию земель присоединенных к России уездов.

В 1668 г. в Смоленский, Дорогобужский и Рославльский уезды был послан переписчик Данило Чернцов «с товарищи».⁹⁹

Переписные книги 1668 г. дали в руки правительства официальный источник сведений о состоянии и распределении тяглого крепостного населения в новых уездах.

И когда в том же 1668 г. последовало новое челобитье «всей смоленской шляхты» об указе относительно беглых крестьян, которые «от них сошли и живут в розных городех и в уездах», то по царскому указу на челобитье шляхты было отвечено: «крестьяном их быть за ними крепким по переписным книгам 176 году, которой за кем написан будет в тех переписных книгах».¹⁰⁰ Тем самым правительство Алексея Михайловича снимало вопрос о сыске крестьян, бежавших из Смоленского и соседних уездов до 1668 г. Наоборот, для последующего времени 1668 г. был принят как новый исходный срок сыска беглых, а переписные книги 1668 г. как основание приращения и возврата беглых крестьян их владельцам.

Однако окончательное не только практическое, но и юридическое решение вопроса в указанном смысле потребовало еще немало времени и было достигнуто в итоге ряда последующих событий. Устанавливая новый срок сыска беглых крестьян, бежавших от смоленской шляхты, правительство одновременно предпринимало меры к прекращению побегов крестьян в обратном направлении — из подмосковных уездов в смоленскую землю. Одной из мер такого рода было распространение запрета приема беглых крестьян на территорию западных уездов.

⁹⁶ А. П. Ильинков. Восстание Дениса Мурашки. Изв. Акад. наук СССР, Минск, 1949, № 1, стр. 43—50; Наказ царя Алексея Михайловича ин. Г. А. Коваловскому. Ист. архив, 1958, № 2, стр. 215—219.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. 2, л. 118, севтв. 4.

¹⁰⁰ Там же.

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. 2, л. 118, стлб. 3.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Новгородский стол, стлб. 107.

В марте 1670 г. по указу царя, принятому в ответ на челобитную подмосковных помещиков, и по помете на челобитной думного дьяка Г. Дохтурова была послана грамота смоленскому воеводе И. Хованскому. Грамота обязывала воеводу объявить «шляхте и всяких чинов людям и иноземцам», «чтоб они беглых крестьян ничьих не принимали и за собою не держали, и будет кто так учинит, и на тех челобитчику доправлено будет за пожилые годы и за крестьян против замосковных городов». ¹⁰¹ Угроза применения санкций, действовавших в 60-е годы в замосковных городах, т. е. взыскания зажиточных денег и четырех наддаточных крестьян за каждого принятого беглого крестьянина, означала, что правительство уравнивало смоленскую шляхту с дворянами центральных уездов в отношении ответственности за прием беглых, но одновременно стремилось поставить ее в менее выгодное положение в смысле сроков сыска собственных беглых крестьян. Такой односторонний подход особенно подчеркивался одним практическим шагом, когда в том же 1670 г. в ответ на челобитные помещиков Вяземского уезда в Смоленск была послана еще одна грамота, предписывавшая удовлетворять иски вяземских помещиков относительно их крестьян, бежавших в Дорогобужский уезд. ¹⁰²

Естественно, что все эти шаги вызвали новые челобитные смоленской шляхты (под таким общим наименованием понималось дворянство не только Смоленского, но и Бельского, Рославльского и Дорогобужского уездов). Шляхта просила для себя равных прав с подмосковными помещиками: «На беглых их крестьян, где они сыщут, давать суд и сыскивать крепостями и всякими сыски накрепко и указ чинить по Уложению». Правительство отступило от ранее принятого решения и пошло навстречу настоятельным требованиям шляхты. С 1670 г. по 1672 г. были посланы грамоты воеводам и приказным людям ряда городов с предписанием вернуть сыск беглых крестьян смоленской шляхты по Уложению, но отдавать владельцам «без зажитых лет». ¹⁰³ Никакой речи, как видим о новых сроках сыска беглых здесь нет. В таком виде положение оставалось в течение 70-х годов. За это время продолжалось искомещение служилых людей и рейтар из подмосковных городов в Смоленском уезде. Имел место и перевод части шляхты из Смоленщины в подмосковные уезды. Осуществлялось наделение новых поселенцев крестьянскими дворами. Еще по ноябрьскому указу 1667 г. в оклад русских служилых людей, поселенных в Смоленской земле «на вечном житье», было определено «по двадцати и по тридцати и больше», а для рейтар —

по пяти крестьянских дворов. ¹⁰⁴ Однако вскоре сверх этого оклада определились у значительной группы рейтар излишки, что и вынудило правительство с целью наделения крестьянскими дворами беспоместных рейтар предпринять перепись таких крестьянских дворов в Смоленском уезде. По указу 1670 г. перепись была поручена голове смоленских стрельцов Даниле Чернцову. ¹⁰⁵ Кроме «лишних дворов», выявленных в результате переписи, источником искомещения и наделения крепостным крестьянским населением мелких служилых людей и рейтар были, как и в других уездах, дворцовые земли. В конце 1682 г. по челобитью беспоместной и малопоместной шляхты и рейтар было роздано, включая Бельский и Рославльский уезды, из дворцовых волостей Дорогобужского уезда 233 двора, а Бельского уезда — 112 дворов. ¹⁰⁶

Таким образом, рост поместного землевладения в Смоленщине все острее ставил вопрос о сыске и прикреплении крестьян. Правительство всячески поощряло на этом поприще инициативу и деятельность самой шляхты, предоставляя ей отпуски со службы для сыска беглых и обеспечивая необходимую поддержку властей. Когда в 1676 г. четверо шляхтичей просили отпустить их в малороссийские города для сыска беглых крестьян, им был предоставлен отпуск со службы на три недели. ¹⁰⁷

Точно так же на три недели был дан отпуск для сыска беглых по челобитью И. Краевского, а к гетману И. Самойловичу была послана отписка о выдаче Краевскому его беглых крестьян. И. Самойлович в свою очередь направил «листы» в села и деревни «к начальным и приказным людям». Краевский сыскал беглых по листам Самойловича в Конотопе. ¹⁰⁸

В другом случае по приказу В. В. Голицына было предписано смоленскому воеводе учинить розыск по челобитью белевских шляхтичей И. Шугалея, Г. Быковского и М. Клепацкас в связи с нападениями беглых на их имения. ¹⁰⁹

Развязывая инициативу помещиков, правительство и со своей стороны предприняло шаги к практическому решению вопроса о сыске беглых крестьян смоленской шляхты. С этой целью в 1683 г. в ответ на челобитную смоленской шляхты и генерал-майора В. Швыковского и по помете на челобитной думного дьяка Е. И. Украинцева был послан сыщик Потап Дурной. В сферу его деятельности входили как города центральных уездов (Вязьма, Можайск, Ржева-Володимирова, Тверь, Торжок, Мосальск), так и города южной засечной полосы (Калуга, Воротынский, Алексин, Переяславль, Тула, Белев, Болхов, Брянск, Орел и Кромь).

¹⁰⁴ ПСЗ, I, № 417.

¹⁰⁵ Там же, № 486.

¹⁰⁶ Там же, II, № 962.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Новгородский стол, стлб. 275, л. 17 об.

¹⁰⁸ Там же, лл. 36—37.

¹⁰⁹ Там же, л. 329.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. 2, л. 118, сстав. 4.

¹⁰² Там же, сстав 5.

¹⁰³ Там же.

Потапу Дурному было велено сыскывать крестьян Смоленской шляхты и отдавать по крепостям с 1654 г., а зажилые деньги брать «по наказу из Поместного приказа», т. е. по нормам, действующим в центральных уездах.¹¹⁰

Установление срока сыска беглых с 1654 г., т. е. с начала русско-польской войны означало несомненный успех требований смоленской шляхты, хотя одновременно было отступлением от ранее обещанных принципов сыска «по Уложению». Охват же значительного числа городов не только центральных, но и южных уездов говорил о масштабах предпринятого в 1683 г. сыска. Однако, спустя короткое время, в августе того же 1683 г., положение со сроком сыска беглых изменилось. Потапу Дурному по приказу князя В. В. Голицына, который в ту пору занимал пост главы Посольского и ряда других приказов, была послана грамота с предписанием «беглых крестьян и бобылей сыскывать и отдавать шляхте и всяких чинов людям по переписным книгам Даниила Черцова 176-го году, а до тех книг ни по каким крепостям отдачи чинить не велено».¹¹¹

Такой поспешный поворот событий мог указывать лишь на то, до какой степени вопрос о сыске беглых крестьян смоленской шляхты не был еще подготовлен в правительстве. Неопределенность положения могла быть следствием возможного расхождения взглядов на данный вопрос среди правящих лиц. Во всяком случае на следующий год после распоряжения Голицына о сыске беглых смоленских крестьян с 1668 г., а именно в 1684 г. мы снова сталкиваемся с предписанием думного дьяка Е. Украинцева о сыске беглых крестьян Дорогобужского уезда с 1654 г.¹¹² В данном случае имелся в виду сыск беглых дорогобужских крестьян, принадлежавших боярину Ф. Салтыкову. Можно предполагать, что перед нами случай частной привилегии, предоставленной по личной просьбе боярина, но возможно и другое. Ведь срок сыска крестьян Ф. Салтыкова установил тот же думный дьяк Е. Украинцев, от которого всего год назад исходил точно такой же акт общего значения.¹¹³ Что в действительности здесь имел место не случай предоставления частной привилегии, а была налицо общая

линия решения вопроса о сыске беглых крестьян Смоленского и прилегающих уездов, подтверждается дальнейшим указом 25 августа 1698 г., который отменял прежние распоряжения о сыске беглых с 1654 г., изложенные, как в наказе Потапу Дурному 1683 г., так и по делу Ф. Салтыкова в 1684 г.

Указ по делу Ф. П. Салтыкова, исходящий из Приказа княжества Смоленского, был последней попыткой установить срок сыска беглых крестьян смоленской шляхты с 1654 г.

В ноябре 1685 г., в ответ на челобитную помещиков и вотчинников, помещенных в замосковных городах «из Смоленского уезду с пригороды», по приказу В. В. Голицына и за скрепой дьяка П. Возницына была послана в Смоленск грамота о сыске в Смоленском, Дорогобужском, Бельском и Рославльском уездах только тех крестьян, которые бежали от переведенных в подмосковные уезды помещиков после переписных книг Даниила Черцова 1668 г. Этой грамотой сыск крестьян, бежавших до 1668 г., категорически воспрещался.¹¹⁴

Переписные книги 1668 г. стали признаваться как основание прикрепления крестьян и при различного рода сделках относительно крестьян между помещиками. В одной из купчих 1690 г., фиксировавшей продажу А. О. Ингильдеевым пяти своих беглых вотчинных крестьян Смоленского уезда К. Н. Денкову, указано, что проданные крестьяне принадлежат Ингильдееву по книгам Даниила Черцова 1668 г. и по переписным книгам 1678 г., что и должно было служить основанием их сыска новым хозяином — Денковым.

Однако нельзя признать, чтобы ноябрьская акция 1685 г. полностью решала вопрос о сыске беглых крестьян Смоленского и смежных уездов. Оставался ряд неясных положений. Если на основании уже имевшихся в прошлом установлений и самой практики сыска можно было составить представление о сроке сыска крестьян, бежавших из этих уездов, а также бежавших в эти уезды от феодалов, переселенных в районы Замосковья, то о сроке сыска крестьян, бежавших в те же уезды от помещиков и вотчинников центральных уездов, сказать было трудно. Неясен был и порядок изыскания зажилых денег за держание беглых. А между тем вопрос о изыскании зажилых денег занимал одно из важных мест в законодательстве о сыске и прикреплении крестьян. Острота его и в данном случае подтверждается памятью, посланной 14 октября 1697 г. из Поместного приказа в Приказ Княжества Смоленского: «Смоленской шляхте на помещиках и на вотчинниках, так же и на смоленской шляхте помещиком и вотчинником за беглых людей и крестьян и бобылей за зажилые лета деньги иметь велено ль, и буде велено которых годов и по какому указу».¹¹⁵

¹¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 5; ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1028, лл. 12—15.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 6. В. В. Голицын с 1682 г. по 1690 г., как влиятельнейший член правительства Софьи, возглавлял Посольский, Владимирский, Галицкий, Малороссийский, Новгородский, Смоленский и Устюжский приказы (С. К. Богоявленский. Приказные суды XVII в. М., 1947, стр. 246).

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 6.

¹¹³ Е. И. Украинцев был думным дьяком Посольского и Малороссийского приказов с 1675 г. по 1699 г. и одновременно с 1681 г. по 1699 г. стоял во главе Смоленского и Устюжского приказов. Смоленский приказ с 1680 г. по 1699—1700 гг. был соединен с Посольским приказом, т. е. подчинен ему. Во главе Посольского приказа с 1682 г. стоял боярин — князь В. В. Голицын (С. К. Богоявленский, ук. соч., стр. 246, 304).

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 7.

¹¹⁵ Там же, л. 100.

Из приказа Княжества Смоленского ответили на этот запрос не вдруг. Мало того, ответ в виде приговора думного дьяка Е. И. Украинцева последовал более года спустя, 18 ноября 1698 г. Затяжка с ответом была вызвана, очевидно, тем, что к тому времени не был еще окончательно решен основной вопрос о сыске беглых крестьян.

И лишь с появлением указа 25 августа 1698 г. о прикреплении крестьян смоленского шляхетства по книгам 1668 г. этот вопрос можно считать окончательно решенным.

Указ 1698 г. предписывал крестьянам Смоленского, Дорогобужского, Бельского и Рославльского уездов числиться за своими владельцами по переписным книгам Даниила Чернцова 1668 г.¹¹⁶ Бежавших из этих уездов до 1668 г. предписывалось прежним владельцам ни по каким крепостям не возвращать. Точно так же не подлежали возврату крестьяне, бежавшие от помещиков замосковных уездов в смоленские уезды и записанные там в книгах 1668 г.

Такое решение указ мотивировал ценной для нас справкой о том, что за время русско-польской войны с 1654 г. по 1667 г. многие крестьяне из западнорусских уездов «выходили в Замосковные города, а из замосковных городов в Смоленской, в Дорогобужской и в Бельской и в Рославльской уезды и жили за помещики и вотчинники». Закрепляя таких беглых крестьян за новыми хозяевами «по наезду Даниила Чернцова», фиксированному в книгах 1668 г., указ 25 августа 1698 г. одновременно отменял прежнее установление о сыске таких крестьян с 1654 г., данное в наказе сыщику Потапу Дурному в 1683 г., и по челобитью боярина Ф. П. Салтыкова в 1684 г.¹¹⁷

За указом 1698 г., как мы видели, последовал ответ на запрос из Поместного приказа в Приказ княжества Смоленского о порядке взаимных сборов зажилых денег за беглых между смоленской шляхтой и замосковными помещиками. Приговор думного дьяка Е. И. Украинцева «с товарищи» в соответствии с характером решения вопроса о сыске беглых крестьян в указе 1698 г. отменял сбор зажилых денег за прошлые годы до 25 августа 1698 г., мотивируя свое решение, однако, ссылкой на грамоты 1670—1672 гг., отменявшие взимание зажилых денег за беглых крестьян смоленской шляхты. Сбор зажилых денег по приговору Е. И. Украинцева устанавливался с указа 25 августа 1698 г.¹¹⁸

Таким образом, лишь к самому концу XVII столетия был окончательно установлен и законодательно закреплен для территории западнорусских уездов, переданных России по Андрусовскому перемирию 1667 г., определенный режим прикрепления крестьян и сыска беглых крестьян и холопов.

¹¹⁶ В ПСЗ «Данила Чернцов».

¹¹⁷ ПСЗ, III, № 1640.

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 100.

Режим этот отвечал классовым интересам дворян и шляхты Смоленского и прилегающих уездов, не ущемляя одновременно интересов феодалов центральных уездов государства, в имениях которых осело значительное число крестьян, бежавших с территории смоленских уездов в 1654—1667 гг. Здесь, следовательно, мы видим компромиссное решение, получившее выражение в попытке правительства примирить интересы различных групп господствующего класса в наиболее остром для них вопросе крепостного права. Определяющими в данном компромиссе были интересы феодалов центральных уездов государства.

Неприменным вопросом Статей, пожалованных царским правительством украинским гетманам после воссоединения Левобережной Украины с Россией, был вопрос о сыске и возврате крестьян и холопов, бежавших из русских уездов на Украину. Наиболее полное и определенное выражение эта сторона отношений с украинскими гетманами получила в «поставленных статьях» 1695 году, каковы даны Войска Запорожского обеих сторон Днепра гетману И. С. Мазепе, генеральной старшине, полковникам и «всему войску Запорожскому и народу малороссийскому». В них сказано, что беглецов — служилых людей, солдат, драгун, а также людей боярских и крестьян, «которые не похотят великому государю его царскому пресветлому величеству служить, а люди боярские и крестьяне, своровав и учиня убийство, или разбой, или иное что своровав или не похотя дать оброку Господам своим, богачут на своевольство в его великого государя малороссийские города, и тех беглецов и всяких чинов людей не принимать и у себя их не держать и из малороссийских городов отдавать безо всякого задержания, понеже от тех беглецов многие ссоры приходят и от того многая смута бывает. А на прежних радах в пунктах то укреплено и утверждено, что тех беглецов не принимать, а которые объявятца и тех отдавать».¹¹⁹

Требую возврата с Украины беглых русских крестьян, правительством вместе с тем шло на частичные уступки верхушке казачества, старшине и украинским помещикам в вопросе об украинцах, попавших в плен в прошлые войны и превращенных в крепостных крестьян и холопов русских помещиков.

В глуховских статьях 1672 г. при избрании гетмана И. Самойловича, как и в статьях 1687 г. при избрании гетмана И. Мазепы, — всюду оговаривалось, что пленные из украинцев остаются в России, но если «который уйдет в малороссийские города собою к сродичам своим или кто где жил в прежние свои места, не учиня никакова воровства, и тем жить в старых своих местех по преж-

¹¹⁹ Там же, л. 118, сстав 13.

нему, где кто жил. А буде те збежат, своровав, и тех, сыскав, отдавать».¹²⁰

Этими основными мероприятиями исчерпывалась правительственная политика 2-й половины XVII в. в области сыска и прикрепления крестьян на юго-западной и западной окраинах государства.

На востоке России наше внимание должна привлечь Сибирь, которая была одним из крупных районов, куда устремлялись потоки беглых крестьян, главным образом из Поморских уездов и частью из Заонежья, Олонца, Поволжья, Прикамья и Уфимского района.

Степень изученности этих сюжетов в литературе и главным образом в работах В. И. Шункова исключает необходимость останавливать внимание на них повторно. Считаю нужным лишь подчеркнуть, что в Сибири в связи с развитием феодально-крепостнических отношений наблюдались принципиально те же явления правительственной политики в отношении сыска и прикрепления крестьян, которые нам пришлось наблюдать на южных и западных окраинах государства.

Вынуждаемое необходимостью освоения и заселения восточных окраин, царское правительство до середины XVII в. смотрело сквозь пальцы на бегство тяглых людей в Сибирь. Производился лишь частичный возврат владельческих крестьян по челобитьям вотчинников и помещиков. Беглые же черносошные крестьяне выводились из монастырских вотчин, но поселялись на государственной десятинной пашне в той же Сибири.

Вторая половина XVII в. внесла в правительственную политику существенные перемены. И вовсе не потому, что заселение Сибири стало менее насущной задачей, но, как это в недавнее время отметил А. А. Преображенский, общая политика усиления крепостного режима поставила в программу дня вопрос о правительственном сыске беглых крестьян и холопов в Сибири.¹²¹ Проведению такого сыска предшествовали мероприятия по запрещению приема беглых в Сибири без памятей из русских городов.¹²² Все настойчивее ставится вопрос о возврате беглых крестьян из Сибири в места, откуда они бежали.

Указ и боярский приговор октября 1669 г. предписывал: «... всех поморских городов беглых крестьян сыскав выслать в русские города по-прежнему... И впредь никаких беглых людей и крестьян не принимать». Этот закон распространялся на частновладельческих крестьян, но для крестьян, осевших на государственной земле и записанных в службу, было сделано исключение: их

¹²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, охваты 11 и 14.

¹²¹ А. А. Преображенский. Сыск беглых на Урале в 1671 г. Из истории Урала. Сборник статей. Свердловск, 1961, стр. 89—90.

¹²² В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946, стр. 54.

истели переписать и росписи выслать в Сибирский приказ.¹²³ Верховотурскому воеводе Ф. Хрущеву было послано предписание «уцнить казаки и заставы крепкие, чтоб впредь из русских городов и уездов в сибирские города беглых крестьян однолично не пропускать». Кроме того, Ф. Хрущев в начале 1674 г. получил предписание от разрядного воеводы Тобольска И. Репнина действовать в духе правительственного указа о высылке беглых крестьян из Сибири обратно в Поморье.

Так возник сыск 1671 г., одно из виднейших правительственных мероприятий на пути укрепления крепостного режима.

На территории Верховотурского уезда была произведена перепись новопришедцев за 178—179 гг. Переписные книги составлялись и на приехавших людей 170—177 гг., но возвращению на прежние места они не подлежали. Сыск распространился только на выехавших из Поморских уездов. Сыщиками были определены тобольские дети боярские, посланные воеводой И. Репниным. Приказчики слобод и выборные мирские власти от сыска были отстранены, как сторона, заинтересованная в оставлении крестьян на месте.

Итак, сыск беглых в Сибири, подобно сыску на других окраинах страны, принял определенные организационные формы и имел свой исходный срок, каковым стал 1678 г. (сентябрь 1669—август 1670 г.).

Масштабы сыска, как показывают статистические данные А. А. Преображенского, были значительны, но конечные результаты его, если иметь в виду отправку сысканных крестьян на прежние места, невелики. Сыск уперся в сопротивление самих крестьян, в многочисленные просьбы с их стороны об отсрочке их отправки за скудостью, за невыполненностью полевых работ, за дальностью расстояния до места отправки и т. п.

На 1671 г. мероприятия по сыску беглых крестьян в Сибири не приостанавливались. В последующие годы, вплоть до конца XVII в., распоряжения правительства о недопущении беглых крестьян в Сибирь и о сыске беглых неизменно входили во все указы сибирским воеводам.¹²⁴ В 1683 и 1700 гг. в Сибири были проведены очередные сыски беглых крестьян.

Особое место в развитии крепостного права занимал вопрос о побегах крестьян и холопов на Дон. Поскольку территория Дона и его притоков — рек Хопра, Медведицы и других до последних лет XVII в. не входила в состав Русского государства, московское правительство не могло непосредственно осуществлять сыск

¹²³ В. И. Шунков, ук. соч., стр. 54; А. А. Преображенский, ук. соч., стр. 90.

¹²⁴ Грамота 1683 г. в Пермь, Чердынь и Соликамск воеводе Барятинскому о недопущении в Сибирь беглых крестьян (ПСЗ, II, 1030); грамоты 1685 г. верховотурскому и чердынскому воеводам о том же (АИ, V, №№ 108, 113); наказ верховотурским воеводам 1 сентября 1687 г. (ПСЗ, III, стр. 390).

беглых на территории Дона. Однако, используя зависимое от России положение Войска Донского и прежде всего — домовитого низового казачества, царское правительство направляло казачьим атаманам грамоты с предписанием не принимать беглых на Дон и возвращать их обратно. Эти грамоты обычно не имели реальных последствий, поскольку на «вольном» Доне действовало правило: «С Дону выдачи не бывает». С другой стороны, правительство принимало меры к устройству застав и сторож на южных границах государства, в обязанности которых входило задерживать беглых и не пропускать их на Дон. Когда в 60-х годах XVII в. значительно возросли побеги крестьян, правительство разослало воеводам украинских городов указы о недопущении беглых на Дон и Волгу. Указы получили и воеводы весьма далеких от границ городов, не входивших в состав Белгородского и Севского полков — Тулы, Ельца и др.¹²⁵ Таким образом, заградительные устройства, учреждаемые на пути движения беглых к южной границе, занимали весьма внушительную территорию. Но воспрепятствовать проникновению беглых на юг, в частности на Дон, эти полицейские меры не могли. Из литературы известно, что приток беглых крестьян, холопов, приборных служилых людей на Дон происходил непрерывно в 60-е и 70-е годы XVII в. Особенно остро вопрос о побегах крестьян на Дон встал в период движения отрядов В. Уса под Москву в 1666 г. В обстоятельно документированной статье Е. В. Чистяковой, посвященной этому вопросу, выяснено, что движение отрядов с Дона послужило мощным толчком к массовым побегам крестьян из вотчин и поместий Подмоскovie в казацкие станы В. Уса.¹²⁶ И уходя из-под Москвы, В. Ус увел с собой большие отряды беглых крестьян и холопов. Царское правительство предъявило Донскому войску требования о возврате беглых. Из Посольского приказа в Черкасск были направлены грамоты, в которых предлагалось выдать беглых служилых людей по городам, а холопов и крестьян вернуть «по крепостям». При этом речь шла о возврате беглых с 1661 г. с обязательным осуществлением переписи беглых крестьян на Дону. Однако в обстановке нараставшей крестьянской войны 1670—1671 гг. такой отдачи беглых с Дона не было осуществлено.¹²⁷

Особенностью экономики Дона было отсутствие земледелия до 70-х годов XVII в. Пришлое беглое население размещалось главным образом по верховьям Дона и его притоков — Хопра, Медведицы и других рек, занимаясь рыбной ловлей, промыслами и участвуя в разбойных походах казаков против крымцев и турок. Военные походы казаков в Крым и на Черное море были важней-

шим источником существования войска. И когда после турецкой войны 1676—1681 гг. русское правительство осуществило крутой поворот к миру с Турцией и стало требовать от казаков прекращения грабительских набегов на берега Черного моря, экономическое положение донского казачества сильно осложнилось. В апреле 1682 г. царичинский воевода Глебов писал царю: «... в казачьих городках у казаков, конечно, безхлебно и в реке Дону учало быть безрыбно и кормиться казакам стало нечем, и в войсковом де Черкасском городке у казаков почали быть круги частые и на атаманов де и на старшин кричат казаки и говорят, что им почало быть голодно, а добычь получить негде, потому что по твоему, великого государя, указу на Крым и под Озов, и на калмыцкие улусы войною им, козакам, ходити не велено; если, государь, впредь донские казаки на Крым и под Азов и на калмыцкие улусы войною ходити не учнут, и им на Дону кормити будет нечем...».¹²⁸

Временная перемена курса внешней политики русского правительства после 1681 г. имела для Дона существенные последствия, ярко описанные царичинским воеводой. Хозяйственное оскудение и угрозы голода усилили имущественное расслоение среди казачества и привели к новому мощному движению «голытьбы», одна из вылинившихся в 1682 г. в повторение крестьянской войны 1670—1671 гг.¹²⁹ Другой, не менее существенный результат тех же обстоятельств привнес крупный перемены в хозяйственном облике края. На Дону, прежде всего по берегам притоков Хопра и Медведицы, стало возникать нашенное земледелие, основной фигурой которого становился русский беглый крестьянин. Изменение форм колонизации Донской земли с 70-х годов XVII в. отмечает в своей недавно вышедшей статье А. П. Пронштейн. Суть изменений состояла в том, что переселенцы стали проникать на Дон большими группами, с семьями и с хозяйственным инвентарем. Причину новых форм заселения Дона А. П. Пронштейн видит в распространении крепостнического землевладения в южных уездах, которое вплотную подошло к землям казачества. К концу XVII в. была заселена и Слободская Украина. Украинские земли также подошли вплотную к донским казачьим владениям. В то же время в верховьях Дона стало безопаснее от набегов крымцев и кочевых народов Заволжья. Этому способствовали успехи внешней политики Русского государства, утвердившегося в Приазовье в конце XVII в. Именно в такой обстановке,

¹²⁸ В. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, стр. 17, прим. 50.

¹²⁹ Движение на Дону 1682 г. описано в работах: Л. В. Черепнин, ук. соч.; В. П. Глаголев, ук. соч. В. П. Глаголев устанавливает наличие большого числа беглых крестьян, холопов, стрельцов и других приборных людей в составе движения на Дону летом 1682 г. (В. П. Глаголев, ук. соч., стр. 127 и сл.).

¹²⁵ Описание документов и бумаг б. Архива Министерства юстиции, т. 18, стр. 268, 270.

¹²⁶ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскovie и поход В. Уса (1666 г.). Вопр. ист., 1953, № 8, стр. 128—133.

¹²⁷ Там же, стр. 133.

по замечанию А. П. Пронштейна, на смену старому казаку приходил новый казак, стремившийся иметь здесь пашню.¹³⁰

Верные наблюдения и выводы А. П. Пронштейна строятся, однако, на учете только одних следствий внутренней и внешней политики Русского правительства 70—90-х годов XVII в., не учитывая ряда других следствий этой политики для Донского края. Одним из серьезных для Дона следствий успеха России в борьбе с Турцией был подрыв источников существования донского казачества, связанный с прекращением его грабительских походов к туркам, персам и калмыкам. По крайней мере часть казачества оказалась вынужденной, дабы иметь средства к существованию, изменить прежний взгляд на земледелие и под воздействием все возраставшей массы беглых крестьян из России и Украины взяться за возделывание земли.¹³¹

В интересующем нас плане важно отметить, что начало хлебопашества на Дону послужило новым мощным стимулом к побегам на Дон крепостных крестьян центра России. Массовые, большими группами, передвижения беглых крестьян к Дону в середине и 2-й половине 80-х годов XVII в. были связаны именно с фактом наличия там хлебопашества. Беглецов ожидали тучные плодородные земли «вольного» Дона и его притоков.

Определенную заинтересованность в пришлых людях стало проявлять и местное казачество, в новом пашенном хозяйстве которого умелые крестьянские руки стали крайне необходимы. Естественно, что потоки беглых крестьян на юг не могли не вызвать тревоги у крепостнического правительства и очередных предупредительных мер и репрессий с его стороны в отношении беглецов.

В указе В. В. Голицыну от 28 сентября 1685 г. отмечалось, что мимо Тамбова многие жители городов и беглые крестьяне идут на поселение к казакам по рекам Хопру и Медведице. До недавнего времени по этим рекам пашни не было. «Ныне в тех городках, — говорится в указе, — они, казаки, завели пашню»; «и слыша то, что они, казаки, пашню пашут и хлеб сеют, двор-

¹³⁰ А. П. Пронштейн, ук. соч., стр. 86—94.

Некоторыми историками распросные речи войскового атамана Фрола Минаева о том, что казаки в нынешнем во 198 г. послали по всем городам войсковой свой приговор, чтобы никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, и того бить до смерти и грабить. . . » используются как доказательство того, что земледелия у казаков не было (В. Г. Дружинин и др., ук. соч., стр. 16). В действительности речи Ф. Минаева говорят лишь об отрицательном отношении к земледелию среди правящей верхушки казачества, отношении, возможно, поддерживаемом в угоду царскому правительству, требовавшему от Войска Донского не допускать земледелия на Дону, а не о том, было или не было земледелие на Дону в 80-е годы XVII в.

¹³¹ Когда настоящая работа находилась в печати, появилась книга А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке» (Ростов-на-Дону, 1961), в которой автор всесторонне прослеживает процесс появления пашенного земледелия на Дону в последней четверти XVII в.

цонно и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бабыли и боярские холопы к ним, казакам, бегают». Указ предписывал учинить в пограничных местах заставы и сторожи, ловить беглых, бить их кнутом и казнить за побег на Дон.¹³²

В марте 1686 г. те же предписания были направлены в грамотах воеводам городов Белгородского полка. Правительство требовало от воевод самых решительных мер по задержанию беглых, вплоть до посылки вслед им отрядов ратных людей. В указах, разосланных в пограничные города в апреле 1686 г., предписывалось заставным головам и служилым людям беглых ловить и не пропускать, а «пущих воров» пытаться и распросные речи высылать в Разряд.¹³³ Меры задержания и наказания беглых имели лишь частичный успех. Приток беглых в район Дона рос с каждым годом. Но в малой мере этому способствовали крымские походы 1686 и 1687 гг. Дворянство центральных и южных уездов было крайне обеспокоено ростом побегов крестьян на Дон и требовало от правительства принятия решительных мер. Одна из челобитных стольников, стряпчих, московских и городских дворян, являвшихся и шацких и рязанских жильцов, конейщиков, рейтар, муры и солдат была подана царю в начале 1690 г. По этой челобитной правительство предприняло розыск, одним из элементов которого был допрос войскового атамана Фрола Минаева о положении дел на Дону и его притоках. На основе розыска по царскому указу 9 марта 1690 г. на Дон к атаманам и казакам была послана царская грамота: «. . . на Дону и на Хопре и на Медведице реках по всем городкам учинить заказ крепкой под жестоком их великих государей указом и под смертною казнию, чтоб они из великоросских городов беглых дворянских волостей и помещиковых и вотчинниковых людей и крестьян и жен их и детей на Дон к себе отнюдь не принимали и пристанища им и селить у себя а иным на реках на Хопре и на Медведице не давали и для пашни и всякой черной работы у себя их не держали. А которые люди и крестьяне до того их, великих государей, указу из городов к ним на Дон бежали и на реках на Хопре и на Медведице поселились дворами и пашут пашню, и тех людей и крестьян всех с тех селищ збить и выслать по прежнему в города на старье их жилища, хто отколе пришел. И впредь им и иным таким на Дону и в иных местах нигде жить не давали».

Далее грамота предписывала казакам сыскать и выслать в Коротояк или Воронеж бежавших на Дон крестьян Елеску Кондратьева «з братьями и с товарищи», убивших сына помещика А. Мосолова.

На основании того же челобитья дворян и допроса донского атамана Фрола Минаева были посланы грамоты воеводам городов

¹³² ДАИ, XII, стр. 124—126.

¹³³ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 1199, лл. 192—198.

по черте, которые ведомы в Разряде и в Приказе Большого двorca. Грамоты требовали от воевод не пропускать на Дон, Хопер и Медведицу беглых людей и крестьян: «... в пристойных местех учинити заставы и велели смотреть всякими мерами накрепко, чтоб конечно за черту никаким людем проходу не было».¹³⁴

Тон цитированной нами грамоты к донским казакам был значительно решительнее, чем то имело место в прошлых грамотах. Царское правительство в случае неисполнения его предписаний о неприеме беглых крестьян угрожало смертной казнью. Однако и в данном случае пришлось ограничиться дипломатическими каналами и не доводить дело до непосредственного вмешательства и посылки сыщиков на Дон. Между тем Дон, пристанище крестьян, бежавших от крепостной неволи, в особенности в 80-е годы XVII в. все более и более становился причиной раздражения русских дворян и крепостнического правительства.

Положение изменилось в результате Азовских походов Петра. В этом смысле значение Азовских походов не ограничивалось только выходом России к морю. Походы усилили волну побегов крестьян на Дон. По данным Н. С. Чаева, за 1698 г. насчитывается 422 случая побегов к Дону. В 1699 г. только по Воронежскому уезду имелось 330 побегов в Донские степи.¹³⁵ С другой стороны, Азовские походы привели к распространению непосредственного влияния московского правительства на южные земли, в том числе на территорию Войска Донского. Правительство получило возможность прямого вмешательства в дела «вольного» Дона, прежде всего в отношении сыска беглых крестьян. Одним из проявлений этого был принятый по челобитной «всяких чинов людей» боярский приговор 1698 г. о посылке сыщиков в Донские, Хоперские, Бузулукские и по Медведице городки для сыска беглых крестьян и холопов.¹³⁶

На основании памяти из Поместного приказа сыщики на Дон были посланы Посольским приказом, в ведении которого продолжали находиться приазовские земли. По тому же боярскому приговору сыщики были обязаны осуществлять сыск и возврат беглых крестьян на основании Наказа сыщикам 2 марта 1683 г. и дополнительных статей к нему из указа 23 марта 1698 г.¹³⁷

¹³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 58—об.

¹³⁵ Н. С. Чаев. Булавиновское восстание. М.—Л., 1934, стр. 17.

¹³⁶ В ПСЗ (т. III, № 1644) боярский приговор датирован августом 1698 г. В записной книге указам Поместного приказа (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 4714, лл. 223 об.—224) этот приговор датирован 23 марта 1698 г., т. е. тем же числом, каким датирован указ и боярский приговор о посылке сыщиков во все города (ПСЗ, III, № 1625).

¹³⁷ ПСЗ, III, № 1625. В ПСЗ, очевидно, ошибочно, указаны статьи 194 г., тогда как в списке того же приговора в фонде Поместного приказа стоит «по статьям 191 г.», что указывает на то, что боярский приговор 1698 г. имел в виду статьи Наказа сыщикам 1683 г. Никаких статей сыщикам 194 (1685/86) г. неизвестно.

Таким образом, чисто крепостнические нормы сыска и прикрепления крестьян, действовавшие на основной территории Русского государства, без каких-либо ограничений были распространены с 1698 г. на территорию «вольного» Дона. Это обстоятельство не могло не нанести существенный удар по остаткам «вольности» Дона, не подорвать опасный для крепостничества принцип: «С Дону выдачи не бывает». Естественно, что такой поворот политики русского правительства и последующие сыски беглых на Дону сыграли свою роль в подготовке восстания казачьей гольтубы под предводительством Кондратия Булавина.

Подводя итоги сказанному о развитии крепостного права на окраинах Русского государства 2-й половины XVII в., следует прежде всего отметить одну из его особенностей — установление новых в сравнении с Уложением 1649 г. исходных сроков сыска бежавших из центра на окраины крестьян и холопов. Тесно связанным с этим явлением, представляя как бы его оборотную сторону, было распространение норм крепостного права (прикрепления и сыска в случае побега) на приборных и тяглых людей, поселившихся по черте до определенного срока.

Первоначально новый срок сыска был установлен в отношении бежавших в украинные города и в города по Белгородской укрепленной черте, строительство которой заканчивалось в первой половине 60-х годов.

Такой шаг правительства был продиктован необходимостью выведения городов-крепостей и комплектования гарнизонов пограничной черты. На этом пути пришлось несколько потеснить интересы дворян, требовавших от правительства сыска бежавших в города по черте крестьян и холопов. В ответ на челобитную дворян правительство приняло указ 5 марта 1653 г., который подчеркивал основные принципы сыска и прикрепления крестьян, содержащиеся в Уложении 1649 г., но вводил при этом одно отступление от Уложения — новый исходный срок сыска бежавших в украинные города и на черту, беря за этот срок 1649 г.; при этом он устанавливал высокое денежное вознаграждение крепостникам за крестьян, поселившихся на черте до 1649 г. и в возврате которых им было отказано. Другой указ, 20 марта 1656 г., принятый в обстановке русско-польской войны, отодвигал начальный срок сыска беглых в украинных городах по черте до 1653 г. Использование указа 1656 г. сыщиками беглых крестьян в конце 50-х и в 60-е годы показало, что феодалам было возвращено подавляющее число бежавших в украинные города и на черту, так как наиболее массовый характер побегу крестьян приняли с 1654 г. и лишь незначительное меньшинство из беглых, попавших на черту в период до 1653 г., было оставлено на месте. Таким образом, указ 1656 г. в значительно большей мере отвечал интересам феодалов, чем запросам государства по укреплению охраны

границ. И тем не менее правительство придерживалось этого указа длительное время, вплоть до начала 1683 г., когда указ 1656 г. был заменен новым указом, 8 февраля 1683 г. За это время с указом 20 марта 1656 г. произошли следующие изменения. Из указа общего значения, имевшего первоначально отношение ко всем бежавшим на черту до 1653 г., независимо от их положения в новом месте жительства, указ стал применяться в более специальном смысле указа, относящегося к сыску беглых крестьян и холопов среди служилых людей по прибору и посадских тяглецов. К 1675 г. относится попытка правительства ограничить действие указа в части опытных в военном отношении кадров служилых людей, имевших ранения или бывших в плену, в сохранении которых правительство стало проявлять заинтересованность ввиду возможной войны с Турцией. В условиях подготовки к той же войне был проведен в 1675 г. разбор служилых людей Белгородского полка. В разборные книги 1675 г. попали и беглые крестьяне. В ответ на челобитную обеспокоенных этим помещиков и вотчинников центральных уездов правительство издало указ 2 июля 1676 г., подтвердивший действие указа 1656 г. Сыску, таким образом, подлежали и крестьяне, записанные в разборные книги 1675 г. Следующее подтверждение указа 1656 г. связано с челобитной московских служилых людей и городских чинов 1682 г. Придерживаться указа 1656 г. даже в ущерб охране южных границ вынуждали правительство не столько челобитные феодалов, хотя и они имели известное значение, сколько реальные формы самого крестьянского движения. Побег крестьян на юг, включая область Дона, начиная с 70-х годов, приняли массовый и в известной мере организованный характер. В таких условиях сыск беглых был непрерывным и интенсивным, принимая в отдельные периоды характер мероприятий большого государственного значения. В обстановке ослабления гарнизонов по черте в результате войн и сыска беглых правительство приняло новый указ 8 февраля 1683 г. Его значение двойное. С одной стороны, указ освобождал от крестьянства и холопства тех, кто записан в военную службу в городах Белгородского полка до разбора и в разбор служилых людей 1675 г. (спустя восемь лет, в течение которых сыск таких лиц разрешался), мотивируя это боевыми заслугами и ранами этих людей. С другой стороны, указ узаконивал сыск беглых, поступивших в службу после 1675 г., а среди посадских и других тяглых людей с 1653 г. и среди крестьян в вотчинах и поместьях пограничных уездов «бессрочно по Уложению». Последнее мероприятие указа имело значение ввиду распространения к 80-м годам в южных уездах крепостнического землевладения. Осуществленные ранее отдачи беглых крестьян, включая записавшихся в службу в 1675 г., по указу 1683 г. оставались в силе. Воеводам и помещикам городов по черте указ запрещал впредь принимать беглых в службу и в крестьяне под страхом наказания, взыскания

пени и зажилых денег. Самых беглых крестьян при отдаче прежним владельцам предписывалось подвергать жестокому наказанию — бить нещадно кнутом. В таком своем виде указ 8 февраля 1683 г. в значительной большей мере отвечал чаяниям и запросам дворян центральных уездов, чем удовлетворял государственные нужды в правовом обеспечении неприкосновенности охраны границ. Указ явился прямым ответом на возросшие к началу 80-х годов побои крестьян на юг и, в частности, на Дон, знаменуя дальнейшее наступление крепостного права.

В ходе обширной практики использования указа 1683 г. определилось дальнейшее расширение некоторых его норм — расширение иммунитета записанных в службу по 1675 г. включительно на их потомство (на детей, братьев и внуков). Эти новшества получили закрепление частично в Статьях сыщикам 1692 г. и в наиболее полном виде — в Наказе сыщикам 4 мая 1692 г. Таким образом, из обычных норм крепостного права (крепость отцов и дедов распространялась на детей и внуков) в среде приобитных людей стал складываться институт наследственной службы. Не менее важной была другая норма Наказа сыщикам 1692 г., отменявшая все ранее осуществленные на основании указа 20 марта 1656 г. и принятые указом 8 февраля 1683 г. отдачи помещикам и вотчинникам в крестьянство служилых и жилацких людей Белгородского полка, если эти возвращенные лица сами или их деды и отцы были записаны в службу до разбора или в разбор 1675 г. Ранее 1692 г. брал, таким образом, под защиту правовой статус тех инкорпорации служилых людей разбора 1675 г., включен и их потомство.

В таком своем виде Наказ сыщикам 1692 г. заметно изменял и дополнял указ 8 февраля 1683 г. Однако в отношении сыска крестьян, не записанных в службу по 1675 г. включительно и не имеющих предков в числе служилых людей, нормы указа 1683 г. оставались в силе в 90-е годы (по этой причине указ 1683 г. был отменен в Наказе 1692 г.). Наказ сыщикам 1692 г. из числа рассмотренных нами законодательных актов 2-й половины XVII в. явился, пожалуй, наиболее сильным наступлением на интересы дворянства. Но и в данном случае этого не следует преувеличивать. Попытка консолидации служилых людей разбора почти двадцатилетней давности после войны с Турцией 1677—1681 гг. и крымских походов 1687 и 1689 гг. при полной поддержке со стороны правительства в деле сыска крестьян, бежавших после 1675 г., не слишком пугала дворянство. Его вполне устраивало то обстоятельство, что, подтверждая в 1692 г. срок сыска беглых в городах Белгородского полка с 1675 г., правительство тем самым обнаруживало желания переносить этот срок по опыту прошлых лет на более близкое время и, следовательно, укреплять в дальнейшем безопасность границ государства силами беглых крестьян и холопов. Сыск беглых крестьян в городах Белгородского полка

оставался и в этот период важнейшей задачей внутренней политики правительства. Нормы указа 8 февраля 1683 г. были распространены на дворцовые волости городов Белгородского полка и низовых городов.

Другой исходный срок сыска беглых крестьян был установлен для группы западных уездов — Смоленского, Дорогобужского, Рославльского, Бельского и других, которые перешли к России по Андрусовскому перемирию 1667 г. Основанием прикрепления и сыска крестьян дворян этих уездов были признаны переписные книги Данилы Чернцова 1668 г. Таким образом, 1668 год был принят за исходный срок сыска крестьян, как бежавших из смоленских уездов в замосковные и западные уезды, так и обратно — из замосковных и западных уездов в смоленские уезды. Такое решение окончательно было закреплено в указе 25 августа 1698 г., которому предшествовал длительный период колебаний в правящих кругах и поисков решения вопроса, связанных с необходимостью примирить интересы смоленской шляхты и дворян замосковных уездов в вопросе взаимных претензий о беглых крестьянах.

Наконец, своеобразным итогом развития классовой борьбы и крепостнических отношений на юге России к концу XVII в. было распространение на территорию Дона норм сыска и прикрепления беглых крестьян, фиксированных в Наказе сыщикам 2 марта 1683 г. и в дополнительных статьях к нему в указе 23 марта 1698 г., имевших хождение в центральных уездах государства.

Предпринятое в самые последние годы XVII в. в ряде законодательных актов правительства Петра I закрепление сроков сыска и прикрепления беглых крестьян на окраинах государства, установленных лет за 20—30 до того, без малейших попыток изменить и приблизить эти сроки, служило ярким проявлением в развитии крепостного права тенденции в сторону унификации норм сыска и прикрепления различных групп крестьян на всей территории государства.



Глава третья

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНОГО АКТА

Довольно общим местом дореволюционной историографии было признание факта отмены урочных лет Уложением 1649 г. как основного события в судьбе русских крестьян, связанного с крупнейшим законодательным памятником XVII в. В оценке последствий отмены урочных лет мнения историков расходились (см., например, И. Д. Беляева и В. О. Ключевского),¹ но то или иное значение самого факта отмены ни у кого не вызывало сомнения. В наиболее категорической форме такой взгляд на Уложение высказал в свое время Ю. В. Готье. Он утверждал, что Уложение не ставило целью определить отношение крестьян к государству и землевладельцу и их положение среди других сословий. Глава XI Уложения, по словам Ю. В. Готье, «содержит лишь категорическую отмену урочных лет» и регламентирует последствия этой отмены — «сын беглых крестьян и бобылей. По мнению ученого, она эти главы есть устав о беглых». «Это была задача Уложения, и она им выполнена». «Никаких других целей касательно крестьянства оно себе не ставило». В значительной мере к этому же сводится мнение С. В. Рождественского: основными мероприятиями гл. XI Уложения он считал отмену урочных лет и назначение десятирублевого штрафа за держание беглых, а остальное рассматривал как нормировку последствий этих мероприятий.²

В связи с общей концепцией крепостного права как юридического выражения производственных отношений феодального общества советские историки связывают с Уложением 1649 г. новую ступень в развитии законодательства о крестьянах на пути окончательного закрепощения основных производителей

¹ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1903, стр. 131; В. О. Ключевский, Сочинения, т. III, М., 1957, стр. 177.

² Великая реформа, т. I, М., 1911, стр. 31.

³ Вместе с тем в той же работе С. В. Рождественский отошел от первого толка мнения Ю. В. Готье об Уложении и указал одну из существенных сторон памятника. Он писал, что Уложение подошло к крестьянскому вопросу преимущественно со стороны запутанной борьбы землевладельцами за обладание крестьянским трудом (Три века. Исторический сборник, т. I, М., 1912, стр. 171).

(материальных благ) Однако и в советской историографии отмена урочных лет сыска беглых выдвигается обычно на первый план, как основная по значению норма Уложения.

В подтверждение сказанному приведем цитату из академических очерков Истории СССР. Справедливо увязывая появление Уложения с грозными событиями 1648 г. в Москве и других городах, авторы так определяют суть Уложения: «Уложение 1649 г. отменило „урочные годы“, признало крестьян и бобылей „с племенем вместе“ вечно крепкими их владельцам по писцовым и переписным книгам».⁴

Здесь все правильно. И все же нам представляется, что порядок вещей в действительности был иной.

Новое и основное, что имеется в гл. XI Уложения — узаконение вечного и неограниченного прикрепления крестьян и бобылей с «родом и племенем вместе» по писцовым книгам 1626—1627 гг., переписным книгам 1646—1648 гг. и по другим крепостным актам. Отмена урочных лет как института, регламентировавшего прикрепление крестьян в предшествующее время, явилась необходимым следствием (и условием) принятия основного принципа вечной и неограниченной крестьянской крепости.⁵

Б. Д. Греков был прав, когда говорил, что «в Уложении мы не найдем закона, который бы формулировал лишение крестьян права выхода», поскольку крестьянство было лишено такого права еще задолго до Уложения, а Уложение молчаливо исходило из признания отмены Юрьева дня.⁶ Он прав и в том отношении, что 1-я половина XVII в. дала много нового в развитии крепостных отношений — как в плане юридическом, так и в плане реальных отношений, выработанных самой практикой. Уложение молчаливо признало и эти итоги развития. Однако Б. Д. Греков по существу рассматривал ликвидацию права крестьянских переходов и последующие закрепостительные мероприятия до Уложения как полное закрепощение крестьян.⁷ А между тем это не так. Вслед за введением заповедных лет, как известно, последовало составление писцовых книг, назначение которых сводилось к юридическому оформлению крестьянской крепости. Но как только описание земель было завершено, в первой половине 90-х годов XVI в. последовал указ о запрещении крестьянского выхода и о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе,⁸ а затем и указ об урочных

⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. Под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова. М., 1955, стр. 179.

⁵ Сам по себе факт отмены урочных лет имел крупное значение в решении проблемы сыска беглых крестьян, о чем сказано в 1-й главе настоящей работы.

⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2. М., 1954, стр. 374 и 390.

⁷ Там же, стр. 388—390.

⁸ В. И. Корещик. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. Ист. СССР, 1957, № 1, стр. 170—175, 182.

годах сыска беглых крестьян 24 ноября 1597 г. Таким образом, и конце XVI в. был узаконен принцип крестьянской крепости по писцовым книгам, но крепости не полной и окончательной, а ограниченной. Институтом, ограничивающим действие крестьянской крепости, были урочные годы.

Попытка царя В. Шуйского указом 9 марта 1607 г. значительно удлинить срок подачи исковых челобитных о беглых и ввести штраф за их прием не дала сколько-либо реальных результатов, ибо новый указ «потерял свое значение закона вместе с низложением его автора».⁹

Между тем в первой половине XVII в. значение писцовых книг и других актов как основания крестьянской крепости заметно нарастало. Наряду с этим по-прежнему продолжал действовать указ об урочных годах. Удлинение срока их действия, предпринятое правительством в ответ на требование дворян о полной ликвидации урочных лет, не снимало своеобразного противоречия, как и в основе самого крепостного закона, так и в практике его применения. Суть этого противоречия весьма удачно показана А. А. Новосельским: «... окончание урочных лет погашало крепостную зависимость беглого от его прежнего владельца и взамен этого создавало такую же зависимость от нового владельца. Неприглядное значение, которое было присвоено указам об урочных годах, очевидно, находилось в противоречии с давно уже установившимся признанием писцовых книг — решающим документом в делах о крепостной зависимости крестьян. Указы об урочных годах как бы снижали значение писцовых книг. Эта черта двойственной противоречивости характеризует практику судебных дел о „крестьянстве“».¹⁰

Данное противоречие и было снято Уложением 1649 г. Уложение признало новоявленной и постоянной крепостную зависимость по писцовым и переписным книгам и в силу этого отменило урочные годы.

Именно это ясно с очевидностью следует из самих формулировок гл. XI Уложения.

Статьи 1, 2, 9 и 10 предписывали возвращать беглых крестьян по писцовым и переписным книгам (ст. 2 добавляла отдельные и отменные книги) без урочных лет. Смысл этих формулировок ясен: крестьяне крепки своим владельцам по писцовым и переписным книгам без каких-либо ограничений сроков исков и возврата и случаев их побегов. Именно этого и добивались дворяне и дети боярские большинства центральных уездов страны в своих челобитных царю.

⁹ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 376.

¹⁰ А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. См.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову на день семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952, стр. 182.

В челобитной 1637 г. они требовали возвращать беглых крестьян «по писцовым и по отдельным книгам и по выписям и по . . . крепостям».¹¹ В челобитной 1641 г. находим то же самое: в прошлом «крепки им крестьяне были по поместным дачам и по писцовым книгам и по выписям».¹² Челобитчики понимали, что на пути их требований стояли урочные годы. Поэтому требование неограниченной крепости крестьян сопровождалось требованием ликвидации урочных лет. А что они ссылались при этом на якобы удобные им порядки прошлых времен, то это особая статья. Обычно историки считают, что, ссылаясь на старые порядки в части крепостного права, челобитчики имели в виду время до 1597 г. Допустим, что это так, но в таком случае необходимо добавить, что время, на которое ссылались челобитчики, в ретроспективном плане должно быть ограничено началом 80-х годов, на которое приходится введение заповедных лет, ибо трудно допустить мысль, что дворяне могли сожалеть о времени до законодательной отмены Юрьева дня, когда по закону крестьяне имели право выхода, хотя бы и ограниченного двухнедельными рамками времени и затрудненного практически выплатой пожилого. Но мы теперь знаем, в чем состояла суть закрепощения крестьян в последние два десятилетия XVI в. и что этот процесс завершился принятием указов 90-х годов о пятилетнем сроке исков относительно беглых и вывезенных крестьян. Это был тот самый порядок, который был восстановлен после интервенции и крестьянской войны начала XVII в. и против которого дружно выступило значительное большинство дворянства в своих челобитных 30-х и 40-х годов XVII в.

Поэтому в действительности не сожаление о прошлом, а пути развития крепостного права в настоящем и будущем волновали авторов челобитных. Этим и объясняется, что дворяне желаемое выдавали за действительное.

Итак, Уложение 1649 г., удовлетворяя требование дворянства, провозгласило вечное и наследственное крепостное состояние крестьян по писцовым и переписным книгам и другим крепостным актам без ограничения срока сыска в случае побега крепостных. Однако значение писцовых и переписных книг как юридического основания прикрепления крестьян было далеко не одинаковым. Переписные книги и в силу своего прямого назначения, и в силу особенностей своего состава играли значительно большую роль и по закону, и практически, как основание крепостной неволи.

Первые восемь статей гл. XI Уложения касаются оснований и условий возврата крестьян, бежавших до Уложения и собственно до переписных книг 1646—1648 гг. Основанием возврата таких крестьян Уложение признало запись их самих или их отцов

¹¹ Е. Сташевский. К истории дворянских челобитных. М., 1915. стр. 7, 21.

¹² П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех годов в первой половине XVII в. Чтения ОИДР, 1915, кн. III, стр. 42.

и писцовых книгах 1626 г., отказных, отдельных книгах или в актах, фиксировавших полюбовные сделки о крестьянах между помещиками.

Отдельной нормой Уложение устанавливало возврат крестьян, записанных в переписные книги 1646—1648 гг. и бежавших после переписных книг и тех, которые «впредь учнут бегать». Основанием сыска и возврата таких крестьян на будущее время становились переписные книги, 1646—1648 гг.

Более того, в случае возникновения спора о беглых крестьянах, которые сами или их отцы не попали в писцовые книги, а значились в переписных книгах за ответчиком, последний выигрывал дело, и крестьяне оставались за ним.¹³ Но из этого же следует, что за писцовыми книгами 1626 г. оставалась и на будущее время роль основания крестьянской крепости в тех случаях, когда беглые крестьяне или их отцы значились за истцом в писцовых книгах. Такое значение писцовых книг подтверждается и нормой о возврате беглой крестьянской вдовы владельцу ее бывшего мужа, если последний записан за ним в писцовых или в переписных книгах или в иных крепостных актах.¹⁴

Переписные книги 1646—1648 гг. в сравнении с писцовыми книгами второго десятилетия отличались не только особенностями своего состава, но и значительно большей полнотой охвата крепостного населения. Все эти преимущества переписных книг вытекали из целовой установки, которую преследовало правительство, приступив к их составлению. Нам предстоит оглянуться назад и кратко остановиться на Наказе переписчикам 1646 г., несмотря на то, что он хорошо известен из литературы.

Этот Наказ имеется в списке, который был дан переписчикам, направленным описывать Московский уезд. Первая часть его налагает текст общего Наказа, а вторая обращена к переписчикам Московского уезда и повторяет положения общей части применительно к видам данного описания.

Повылка переписчиков поставлена в Наказе в связи с челобитной дворян и детей боярских всех городов 1645 г. Челобитчики жаловались на то, что их люди и крестьяне уходят от них «за сильных людей» бояр, окольных, ближних людей и в монастыри, а они, будучи заняты службой, не в состоянии в законные десяти урочных лет обнаружить своих беглых крестьян и тем самым торгуют права на них. Дворяне просили упразднить урочные лета и отдавать беглых крестьян по писцовым книгам и по выписям.

За переписком челобитной в Наказе дана короткая справка относительно указов об урочных летах, заканчивающаяся ссылкой на указ 19 октября 1645 г., которым подтверждался десяти-

¹³ Уложение, XI, 11.

¹⁴ Там же, 15.

летний срок подачи исковых челобитных о беглых крестьянах, установленный указом 1641 г. Ныне, сообщалось в Наказе, по новому указу посланы писцы — велено им описать у всех категорий землевладельцев людей, бобылей, крестьян, «их детей и братью, и племянников по именам с отцы и с прозвищи», а также следить, чтобы помещики «чужих бы крестьян и бобылей ничьих заочно за собою не писали и крестьян своими людьми не называли». В отношении крепостных крестьян писцы обязаны были досматривать крепости или расспрашивать про старину. Беглых крестьян указывалось записывать за их владельцами только в случае, если с момента побега прошло не более десяти лет, и записывать их с детьми, братьями, племянниками, с отцами по именам и прозвищам.

«А как крестьян и бобылей и двory их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет». Беглых крестьян после переписи принимать запрещалось, а принятых надлежало искать и возвращать по переписным книгам. Вольных людей со стороны держать нельзя было без оформления их зависимости в Поместном приказе или в приказных палатах крупнейших городов.¹⁵

С. Б. Веселовский, придя на основе изучения имеющихся списков Наказа 1646 г., предназначенных для определенных уездов, к выводу о том, что существовал общий наказ переписчикам 1646 г., таким образом истолковал его задачи: «Перепись не преследовала финансовых целей». Ее цель и цель «последующей записки вольных людей состояла в переписке и прикреплении людей к тяглу». Однако, несмотря на цели, не имеющие ничего общего с обложением, правительство сразу же стало пользоваться переписью для сбора чрезвычайных подворных налогов.¹⁶

Правильно обратив внимание на то, что перепись 1646—1648 гг. не ставила финансовых целей, С. Б. Веселовский тем не менее объяснил ее цель прикреплением людей к тяглу, т. е. фискальными интересами государства, отождествив их в известной мере с запросами дворянства. Ближе, на наш взгляд, тот же автор к определению действительных целей переписи в другой своей работе: «Но подворные переписи 1646 и 1678 гг. имели в виду главным образом вопросы не обложения, а прикреплении, закрепощения тяглых людей, посадских и уездных».¹⁷

В самом деле, все материалы Наказа 1646 г., изложение челобитной и формулировка самой задачи переписи с очевидностью говорят о том, что целью переписи было создать документ, могущий

стать юридическим основанием окончательного закрепощения крестьян за землевладельцами — феодалами. Так оно и было в действительности. Прежде чем переписные книги 1646—1648 гг. сыграли роль (притом частичную) в обложении населения новыми чрезвычайными налогами (основные налоги по-прежнему собирались по сошному письму писцовых книг 20-х годов), они были в весьма короткий срок узаконены Уложением 1649 г. как основание крестьянской крепости на будущие времена.

В свете этих очевидных обстоятельств нам непонятно сомнение Б. Д. Грекова в серьезности обещаний правительства, изложенных в Наказе 1646 г.¹⁸ То, что дворяне, используя внутриполитическую обстановку 1648 г., еще раз предъявили правительству свои требования и вскоре же получили их удовлетворение, лишь один раз показывает, чьи классовые интересы проводило в жизнь правительство Алексея Михайловича. Нет оснований поэтому видеть в мероприятиях 1648—1649 гг., завершившихся принятием Уложения, уступку правительства дворянству. Уложение 1649 г. несомненно представляло собою определенную уступку самодержавия посадку, уступку, которая повлекла за собой ущемление интересов определенных кругов феодального класса, связанных с посадом, но в целом посадская реформа была проведена под углом зрения интересов дворянства и его государства.¹⁹ Если же в мероприятиях правительства, направленных на усиление крепостного права, видеть вынужденные уступки дворянству, то мы невольно сами сделаем уступку точке зрения дореволюционных историков, многие из которых рассматривали мероприятия правительства как результат столкновения и расхождения его интересов с интересами дворянства.

Значение переписных книг в развитии крепостного права, определенное Уложением, связано вместе с тем с особенностями их состава.

Основную особенность переписных книг образуют наиболее подробные данные о населении. По каждому из дворов перепись охватывала всех лиц мужского пола — взрослых и малолетних, с указанием их отношения к дворовладельцу. Более полными, чем в писцовых книгах, были сведения об именах, отчествах и фамилиях тяглецов. Наряду с тяглыми людьми и членами их семей в перепись попадали и отдельные категории населения, на которые не распространялось государственное тягло (задворные и деловые люди, монастырские детишки и т. п.).

В соответствии с задачей описания переписные книги содержали сведения о беглых крестьянах. В книгах 1646 г. имеются сведения о лицах мужского пола, бежавших со своих мест жительства в течение десяти предшествующих лет.

¹⁵ ААЭ, т. IV, № 14.

¹⁶ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 228—229.

¹⁷ С. Б. Веселовский. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. Ист. арх., т. VII, М., 1951, стр. 303.

¹⁸ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 373.

¹⁹ См. 4-ю главу настоящей работы.

Переписные книги 1678 г. сохраняют те же особенности, но сведения о беглых крестьянах даны независимо от времени побега, поскольку сыск был бессрочным и часто указывалось не только время побега, но и место нахождения в бегах. В книгах 1678 г. содержатся и сведения о поселившихся вновь.²⁰

Указанные особенности состава переписных книг в наибольшей мере отвечали потребностям укрепления крепостного права во второй половине XVII в. и были прежде всего подчинены основной задаче этого процесса — сыску беглых крестьян и холопов. Именно в этом находит объяснение тот факт, что при сыске беглых крестьян и в спорных делах о беглых привлекались главным образом выписи из переписных книг, а затем уже — из писцовых книг и других актов.

Переписные книги служили источником при составлении многих крепостных актов на крестьян и оказали определенное влияние на их формуляр. Раздельные, поступные и купчие на имения с крестьянами, как увидим ниже, содержали подворные описания мужского состава крестьянских дворов отчуждаемого объекта по типу описаний переписных книг. Когда встал вопрос о прикреплении крестьян Смоленского и других западнорусских уездов, перешедших к России по Андрусовскому перемирию 1667 г., были составлены переписные книги 1668 г., которые и стали основанием закрепощения крестьян за местной шляхтой.²¹

Наиболее видную роль в укреплении крепостного строя русской деревни второй половины XVII в. сыграли переписные книги

²⁰ Приведем в качестве примера всего одну выпись из переписных книг переписи Я. Вышеславского и подьячего И. Виляева по Арзамасскому уезду. При описании поместья Г. С. Юсупова в Тешском стане указано: «Да крестьянских и бобыльских дворов: (в) Елисейка Васильев, у него детей: Матюшка, да Терешка, да Ивашка, у Митюшки сын Александрка году; (в) Петрушка Остафьев, у него детей. . . (в) Артюшка Кодратьев, у него детей: Федка, да Петрунька, да Офонька тринадцати лет, да Макарка одиннадцати лет, да Кирюшка осми лет, да Сенька шти лет, да Куземка году. . . (д) пуст беглова крестьянина Микишки Иванова сына Свищенка з детьми: с Якушкою, да с Оношкою, да с Ыгошкою; а бежал он Микитка во 180-м году. Да дворовых мест беглых крестьян: (м) дворовое Ивашки Афонасьева сына Лыкова з детьми, а бежали во 180-м году; (м) дворовое Федки Трофимова з детьми, он, Федка, бегая, ныне живет в Нижегородском уезде, в вотчине боярина князя Я. Н. Одоевского, в селе Ананьине; (м) дворовое Сидорки Дружинина з детьми, а он, Сидорка, бегая, живет в Мерлинском; (м) дворовое Певки Семенова з братьями и з детьми, а он, Певка, бегая, живет в Саранском уезде, в селе Коше, помре за стольником за С. В. Ромодановским. . . (м) дворовое Паньки Логинова з детьми с Микиткою, а бежал во 129-м году, а бегая, живет в Казанском уезде. . . (м) дворовое Кузки Самойлова с сыном с Онтропкою, а бежал он, Кузка, во 171-м году, а сын его, Онтропка, живет на Москве. . .» (Труды Саратовской ученой Архивной комиссии, в. 28. Саратов, 1911, Смесь, стр. 8). Обширную публикацию выдержек из переписных книг 1676—1682 гг. по уездам см. у Е. Е. Замысловского (Летопись занятий Археографической комиссии, в. 8. СПб., 1888).

²¹ См. выше, стр. 158—167.

1678 г. Они отличаются большей полнотой подворного описания и охватывают наибольшую территорию. Введение подворного обложения по этим книгам привело к распространению государственного тягла на все категории задворных и деловых людей (полных, кабальных и добровольных), что в сильной мере способствовало слиянию различных категорий феодально-зависимых людей в одну крепостную массу. Поскольку правительство и после введения подворного обложения не оставляло мысли сохранить сошное обложение, в 80-е годы было приступлено к составлению новых писцовых книг. Писцовые книги старого письма (20-е годы) как и новые писцовые книги наряду с переписными книгами сыграли видную роль в оформлении окончательного закрепощения русского крестьянства в XVII в.

Зависимое состояние русских крестьян определялось и закреплялось, кроме переписных и писцовых книг, некоторой суммой различного рода актов, которые фиксировали изменения в правовом положении и в принадлежности крестьян и холопов тому или иному феодальному владельцу в промежутках времени между описаниями земель и крестьян, т. е. в период от прежних переписных и писцовых книг до составления новых. Последние в свою очередь юридически закрепляли эти изменения. Значительно возросшая во 2-й половине XVII в. практика сделок между землевладельцами, объектом которых были крестьяне, холопы и их имущество, заметно поднимала роль крепостных актов, форма и содержание которых дифференцировались соответственно типу и характеру самих сделок.

Крепостные акты на крестьян и холопов соответственно их назначению можно разделить на две группы. К первой следует отнести те, которые касались наличной массы крепостного населения, проживающего в вотчинах и поместьях. Ко второй группе — те, которые имели отношение к пришлым, временно свободным людям, поряжающимся в крестьяне данной вотчины и поместья.

В свою очередь из числа крепостных актов первой группы по тому же функциональному признаку можно выделить акты, которые передавали помещику и вотчиннику права собственности на землю и крестьян, населяющих ее. Сюда относятся жалованные, отказные, отводные и ввозные грамоты, указы о наделении поместьями и вотчинами, о продаже поместий в вотчины и т. п. С передачей права феодальной собственности на поместья и вотчины передавалось и право неполной собственности на крестьянское население.

Что касается собственно крестьян, проживающих на такого рода жалуемых и отказываемых землях, то с передачей прав владения и власти на них помещику и вотчиннику давались послушные грамоты крестьянам.

Ко второй подгруппе крепостных актов на крестьян следует отнести такие, которые являлись следствием неполной собствен-

ности феодала на работника производства и в свою очередь служили юридической формой реализации внеэкономического принуждения в отношении крепостных крестьян. Здесь назовем раздельные записи, выводные замуж, приданные, жилые записи об отдаче в услужение и в ученики, мировые, поступные и данные, закладные и купчие.

Ко второй группе крепостных актов, связанных с закрепощением пришлых в вотчины и поместья людей со стороны, следует отнести жилые, порядные, ссудные и поручные записи.

Для выяснения изменений в развитии перечисленных актов необходимо рассмотреть каждый из них в отдельности.

Послушные грамоты известны с 1-й половины XVI в.²² По определению И. И. Смирнова, «послушная грамота являлась документом, определявшим отношения между землевладельцами и крестьянами, устанавливая права землевладельца-помещика в отношении крестьян и обязанности последних в отношении владельца земли».²³

Формуляр послушных грамот, отразивший рост эксплуатации крестьянства, сложился также в XVI в.²⁴

Формула послушания крестьян обычно включалась в состав акта более общего значения, с которым была связана передача прав собственности на вотчину или поместье. Когда курмышане Мартын и Андрей Реутовы, придя в возраст, просили царя пожаловать их поместьем отца, им была дана в 1650 г. ввозная грамота. Последняя, ссылаясь на просьбу Реутовых, приводила выписи из писцовых книг 1623—1627 гг. на поместье в Курмышском уезде, содержала санкцию на передачу поместья наследникам Реутова и, наконец, предписывала крестьянам, которые живут в поместье и «вперед учнут жити», чтоб они «курмышен Мартына да Ондрея Леонтьевых детей Реутовых слушали, а пашню на них пахали и доход их помещиков платили».²⁵

²² Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I. М., 1905. Здесь опубликовано свыше 200 послушных грамот за XVI в. по Новгородской земле.

²³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 41.

²⁴ В центральных районах Русского государства формула послушных грамот с указанием барщины на господской пашне встречается в 40—50-е годы XVI в. В грамоте 1555 г. на земли в Вологодском уезде Кирилло-Белозерского монастыря сказано: «И вы бы все крестьяне, которые живут в тех деревнях и в починках, Кириллова монастыря игумена Матфея в братью, или кто по нем иный игумен в том монастыре будет, слушали и пашню на них пахали, где себе они учинят, и оброк им платили, чем вас изоброчат» (П. А. Садыков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 426). То же самое в послушной грамоте 1555 г. крестьянам Иосифо-Волоколамского монастыря в Рузском уезде (АФЗХ, т. II, стр. 260). См. также грамоту 1541 г. В. Баранчеву на поместье в Старицком уезде (Акты Юшкова, ч. I, № 138).

²⁵ Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 26, Саратов, 1910, стр. 45—46.

Аналогичным образом формула послушной грамоты была включена в текст отказной памяти 1657 г. на одно из поместий Костромского уезда: «... крестьяном, которые в тех деревнях живут и ипрעד на тех пустошах и на займищах и на починках поселятца и учнут жить, ево, Микифора, во всем ево слушать и оброк ево боярской ему платить и пашня на него пахать, и всякая работа работать, заделье делать».²⁶

Такая формула послушной записи, будучи наиболее распространенной, не была все же единственной. В отказной 1665 г. недорослю С. Аристову на поместье отца в Костромском уезде формула послушания была несколько иной: «И тем крестьяном на него, Семена, всякие изделия делать и всякие государевы подати платити и ево, Семена, во всем Семена слушат».²⁷

В тексте жалованной грамоты 1692 г. царей Ивана и Петра Воздвиженскому Бизюкову монастырю в Дорогобужском уезде и адрес зависимого населения вотчины братии и слугам и служебником и вотчинным крестьяном у него игумена Варфоломея быть в послушании и почитать, как и в протчих монастырех властей почитают». В случаях непослушания грамота предоставляла игумену и братии право «тех ослушников смирать смотря по вине».²⁸

Вблизи к формуляру послушных записей, исходящих от верховной власти, формуляр записей, даваемых крупным вотчинником при испомещении своих вассалов. Примером может служить жалованная грамота новгородского митрополита Корнилия приказному Софийского дома Т. Тяполкову, получившему в качестве поместья одну из деревень Шелонской пятины. Послушная запись в составе грамоты гласила: «И кто в той деревни Милославском крестьяне и бобыли ныне живут и впрעד учнут жить, и им крестьяном и бобылем Софийского дому и нашего приказного Т. Тяполкова по сей нашей жалованной грамоте чтити и слушати и во всем ому повиноватися и под суд ему ходить и пашню на него пахать и помещицкой его доход хлебной и денежной и всякой мелкой набор платить».²⁹

²⁶ Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII, второй исторической сборник, Кострома, 1919, стр. 241. В другом случае в отказной 1668 г. сказано то же самое: «И вы б, все крестьяне... жильца Микифора Матвеева сына Волженского слушали, пашню на него пахали и доход помещиков ему платили» (там же, стр. 243).

²⁷ Архив сельца Зиновьева. СПб., 1913, стр. 71. Аналогичная запись относится к 1690 г. (там же, стр. 72). Вариантом к этому была формула послушания крестьян в отказной памяти 1657 г.: «Всем крестьяном помещика своего Матвея Волжанского во всем слушать и оброк ему платить» (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII, стр. 240—241).

²⁸ Шукшинский сборник, т. 2. М., 1902, стр. 443—444.

²⁹ АЮБ, I, № 44/II. Год спустя, в 1688 г., те же деревни были пожалованы вдове Тяполкова — Авдотье. Новая жалованная грамота предписывала крестьянам слушать Авдотью Тяполкову и исправно выполнять все повинности (там же, III).

Значение послушных грамот для укрепления власти феодалов над крепостным населением вотчин и поместий и удержания его в узде повиновения лучше всего вскрывается широкой практикой челобитий землевладельцев царю о выдаче послушных грамот на вновь полученные или приобретенные ими вотчины и поместья.

В 1657 г. кн. С. И. Шеховской просил выдать послушную грамоту на вотчину в Ржевском уезде, доставшуюся ему от отца. Такая грамота была дана 28 апреля 1657 г. После указания на челобитную Шеховского и перечисления его новых владений в послушной грамоте говорилось: «И вы б все крестьяне, которые в той вотчине в деревне живут, а на пустошах учнут жити, стольника нашего кн. С. И. Шеховского слушали, пашню на него пахали и доход вотчинников ему платили».³⁰

Точно такой же формуляр записи находим в послушной грамоте 1676 г., выданной от имени царя Федора Алексеевича в ответ на челобитие митрополита Нижегородского и Алатырского Филарета в его село Покровское Козьмодемьянского уезда.³¹

Несколько лет спустя, в 1683 г., митрополит Филарет вновь бил челом о послушной грамоте крестьянам вымененной им в вотчину поместной деревни села Нащекина в Нижегородском уезде. Митрополит указывал, что «на тое вотчину с отказных книг... великих государей послушной грамоты... не дано».

Такая грамота была выдана незамедлительно: «И мы, великие государи указали на тое ево вотчину дать ему... послушную грамоту». «И вы б все крестьяня, которые в том жеребье в деревне Вишенках живут, преосвященного Филарета митрополита нижегородского и алатырского слушали, пашню на него пахали и доход ему вотчинников платили».³²

По челобитью стольника В. Даудова в марте 1691 г. была выдана послушная грамота крестьянам пожалованного ему поместья в Рязанском уезде.

Значительную часть грамоты составляло перечисление заслуг Даудова перед царем на дипломатическом фронте. Восхваление феодала в послушных грамотах вообще не было редкостью, будучи средством воздействия на крестьян с целью поднять в их глазах авторитет господина.³³

³⁰ АЮБ, I, № 60/1. Тут же другой случай выдачи послушной грамоты 26 октября 1678 г. по челобитью стольника А. Самарина в его новую вотчину в Ржевском уезде (там же, II).

³¹ ДАИ, IX, № 111.

³² ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 20784, лл. 7—8. Сошлемся еще на одну послушную грамоту 1686 г., выданную по челобитью стольника И. П. Иванчина-Писарева, получившего вотчину в Рязанском уезде, которая ранее была за Беклемишевым. Формуляр грамоты идентичен только что приведенным нами (Чтения ОИДР, 1847, № 9, Семейные акты Иванчиных, стр. 12).

³³ Н. Н. С е л и ф о н т о в. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия В. А. Даудова. СПб., 1871,

Были моменты, когда необходимость в послушной грамоте как документе, легализующем власть помещика над крестьянами, возникла в ходе тяжб между землевладельцами. Любопытный случай такого рода связан с челобитной недорослей В. и А. Суворовых, к которым перешла вотчина их деда и отца в Кашинском уезде. Вотчиной завладел их дядя Евтифей, который не хотел отдавать ее племянникам и «научал» крестьян не слушаться их. Челобитчики просили царя о послушной грамоте. Царская послушная грамота 22 июля 1682 г. определяла вотчину за недорослями и содержала наставление крестьянам о послушании В. и А. Суворовым.³⁴ Еще ярче вскрывает обстановку, вызвавшую обращение за послушной грамотой, случай с наследниками Петра Пушкина, умершего в 1685 г. Когда в его вотчину в Орловском уезде прибыли родственники, то выяснилось, что «крестьяня тех ино Петровых сродников не слушают и денежных всяких оброков и столовых запасов не платят». В связи с этим царская грамота предписывала воеводе Курска А. Шеину «в вотчину Петра Пушкина... к старосте и крестьяном... послать память, чтоб они Петровым сродником были послушны и оброки всякие подати платили». Но вопреки грамоте, крестьяне не подчинились вдове Пушкина. Узнав, что по указу воеводы Шеина им определено наказание, крестьяне явились на съезжий двор «гилем и наказание учинить не дались», а при повторном приходе ночью избили на съезжем дворе посыльных людей и стрельца. В конце концов крестьяне Пушкина были показаны кнутами и батогами.³⁵

Наши наблюдения над послушными грамотами крестьянам 2-й половины XVII в. дают возможность сделать некоторые заключения. Послушные грамоты имели значительное распространение. В подавляющем большинстве случаев формула послушания крестьянам включалась в акты, определяющие права собственности феодала на вотчины и поместья — жалованные, отказные, отводные грамоты, указы и т. п. Тем самым обретала наглядное юридическое выражение неразрывная связь неполной собственности феодала на работника производства с феодальной собственностью на помло. В виде отдельных актов послушные грамоты встречаются лишь как ответ на челобитья о них со стороны землевладельцев. Такие челобитные среди актов 2-й половины XVII в. не являются редкостью, что само по себе вскрывает очевидную потребность помещиков в послушных грамотах.

Наконец, обращает на себя внимание широкое территориальное распространение послушных грамот. Уже в указанных нами примерах имеются западные, южные, восточные поволжские и в особенности центральные замосковские уезды. В зависимости от

№ 59. Послушная грамота была выдана в 1685 г. и по челобитью отца В. Даудова Ф. Даудова на купленную им вотчину в Серпейском уезде (там же, № 29).

³⁴ АЮБ, I, № 60/III.

³⁵ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 873, лл. 112—170.

господствовавших в том или ином районе видов ренты варьировалась формула послушания и, следовательно, — формуляр записи. Наибольшее распространение, однако, получила формула послушания, имеющая отношение к уездам, где барщина занимала видное место. Поэтому чаще всего встречаемой формулой является следующая: такого то «слушали, пашню на него пахали и доход вотчинников ему платили».

Юридической формой реализации неполной собственности феодала на крестьян служили акты, фиксирующие те или иные виды отчуждения крестьян одними феодалами в пользу других. Причем сам принцип отчуждения и распоряжения крепостными крестьянами носил определенно выраженный вещный характер.

В этом смысле наиболее близкими к традиционным формам имущественных отношений феодального общества были полюбовные раздельные записи. В них, пожалуй, с наибольшей наглядностью, чем где-либо, крепостные крестьяне выступали как «эквивалент» имущества при разделах наследства, выделах сыновей, братьев и т. п.

В последней четверти XVII в. встречаются самостоятельные раздельные записи на крестьян, составленные по типу раздельных записей на поместья, домашнее имущество, холопов и дворовых людей. Причем, есть раздельные записи только на дворовых людей, в составе которых могли быть холопы,³⁶ раздельные записи смешанного состава на дворовых людей и крестьян³⁷ и, наконец, раздельные записи только на крестьян. Примером последнего вида может служить раздельная запись 1682 г., данная Григорием Кологривовым при разделе «прожиточного отцовского жеребья» и крестьян между ним и братом Михаилом. Раздел крестьян оформлен отдельной записью, по которой Григорию досталось три крестьянские семьи.³⁸

К апрелю 1697 г. относится полюбовная запись о разделе большой крестьянской семьи между отцом и двумя сыновьями Аристовыми. Одному из участников раздела достался отец семейства

с пожалованным сыном и дочерью, двум другим — по одной семье женой и сыновей.³⁹

Практика составления раздельных записей на крестьян без явного следствием далеко зашедшего во 2-й половине XVII в. процесса развития крепостного права, когда крестьянин стал крепостным не только по земле и даже не столько по земле, сколько непосредственно и лично самому помещику.⁴⁰

По характеру фиксированных сделок раздельным записям весьма близки рядные сговорные записи, составлявшиеся помещицами при выдаче замуж своих дочерей. В рядных записях указывалось приданое, даваемое за невестой. Выдача замуж помещицей дочери с приданным по существу было актом выдела одного из членов семейного и имущественного комплекса.

В составе приданого наряду с имуществом нередко указывались холопы. Характерной особенностью рядных сговорных записей 2-й половины XVII в. являются встречающиеся в них упоминания наряду с имуществом, скотом, холопами и дворовыми людьми отдельных крестьян и целых крестьянских семей, передаваемых без земли. В рядной записи 1665 г. Ульяны Пузановой и ее сыновей о выдаче замуж дочери Федоры за Никиту Киреевского наряду с предметами одежды в составе приданого указаны дворовый девка Клавдия и семья крестьянина из Кашинского уезда.⁴¹ Точно так же в рядных записях архива помещиков Волжонских наряду с перечислением имущества указаны и крепостные.⁴² В 1690 г. арзамасцы Воронцовы сговорили свою сестру Анну замуж за С. Малахова. В рядной сговорной записи после перечисления движимого имущества стояло: «да приданных людей» — П. Иванов с женой и дочерью, сам в бегах, а жена его и дети и дом «в лицах», вдова Ульяна с сыном и двумя дочерьми, да крестьянин А. Кузьмин с двумя сыновьями, дочерью и имуще-

³⁶ АЮБ, II, № 244.

⁴⁰ Разумеется, во 2-й половине XVII в. имели место и разделы земельных владений — вотчин, поместий совместно с их крестьянским населением. В таких случаях в Раздельной записи вначале указывалась в отношении каждого участника раздела получаемая им доля земли, а затем давалось подробное перечисление крестьянского населения, сидящего на этой земле, с указанием всего мужского и тяглого женского населения, по форме, идентичной записям переписных книг (см., например, Раздельную запись 1688 г. на поместье с крестьянами в Арзамасском уезде. — Материалы исторические и юридические района б. Приказа Казанского дворца, т. I, стр. 202—203). Такого рода раздельные записи на поместья появляются после указа 1684 г., разрешившего дробление поместий между родственниками при дележе наследства.

⁴¹ М. И. Семевский. Исторические и юридические акты XVII и XVIII вв. Чтения ОИДР, 1869, кн. 4, стр. 59—60. В другой рядной 1680 г. в составе приданого указаны три девки и деревня с крестьянами (там же, стр. 62). См. там же рядные 1686 г. на стр. 63—64, 1695 г. на стр. 65—66 и 1694 г. на стр. 70—71.

⁴² Труды Костромского научного общества по изучению местного края, в. XIII, стр. 225.

³⁶ 2 октября 1684 г. Ерофей и Максим Воронцовы дали раздельную запись брату Иеву. Иеву досталось три человека дворовых людей, а Ерофею и Максиму — по одной семье. Братья обязались не бить челом в раздельных людях и в случае неустойки уплатить Иеву 50 руб. Документ скреплен подписями послухов и лиц, давших раздельную запись (Материалы исторические и юридические района б. Приказа Казанского дворца, т. I. Казань, 1882, стр. 198—199).

³⁷ Раздельная запись 15 февраля 1695 г., данная помещиком Симбирского уезда П. Неклюдовым брату Даниле. Они разделились по приказу матери после смерти отца. По данной записи Даниле достались крестьянин М. Степанов с детьми (всего восемь человек), задворный человек С. Константинов с семьей (девять человек), дворовый человек И. Константинов с семьей (трое), дворовая женка Л. Леонтьева с дочерью и внуком (там же, стр. 200—201).

³⁸ Материалы исторические и юридические района б. Приказа Казанского дворца, т. I, стр. 197—198.

ством. Вместо приданого платья, сказано в рядной записи, «даю ему в бегах вдову Дуньку Митрофанову с сыном».⁴³

В данном случае имеет место не только передача холопов и крестьян в составе приданого наряду с имуществом, но и факт «эквивалентной» замены части имущества (одежды) беглой вдовой с сыном. Еще нагляднее положение крестьянина как объекта имущественных сделок выступает в поступной записи 1688 г. Нижегородский помещик И. Зубатов сговорил свою сестру Марину за П. Гетлина, и в рядной записи в качестве приданого указал платья на 15 руб., но затем вместо платья поступился вотчинным крестьянином с семьей и имуществом.⁴⁴

Передача по рядным записям дворовых людей и крестьян скреплялась составлением на них поступных записей, подлежащих регистрации в правительственных учреждениях. Подобные факты можно встретить в начале 80-х годов и в более позднее время.⁴⁵

Поступные и данные записи, в особенности первые из них, получили во 2-й половине XVII в. широкое распространение, поскольку они отражали весьма различные по содержанию сделки на крестьян. Но прежде чем перейти к вопросу о месте поступных записей в истории крепостного права, необходимо остановиться на вопросе различия прав землевладельцев на вотчинных и поместных крестьян. В основе этих различий лежали различия вотчинного и поместного права. Иными словами, в основе прав феодалов на крестьян лежали их права на феодальную земельную собственность. Для понимания истории крепостного права 2-й половины XVII в. затронутый вопрос имеет важное значение, поскольку именно с данным временем связаны существенные сдвиги на пути преодоления различий между двумя основными формами феодальной земельной собственности и, следовательно, стирания граней между поместными и вотчинными крестьянами. А такие грани были помехой на пути дальнейшего развития крепостного права, на пути реализации неполной собственности помещиков на крестьян, вне зависимости от того, поместные они или вотчинные.

⁴³ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. XII, в. 1. Н. Новгород, 1912, стр. 73—75.

⁴⁴ Там же, т. VI, Н. Новгород, 1905, стр. 207.

⁴⁵ В октябре 1684 г. М. Раstopчин дал сестре Екатерине данную на двух вотчинных крестьян с их семьями, которые были записаны «в рядной записи в приданые». Данная оговаривала право Екатерины пожизненно владеть передаваемыми крестьян «записать и укрепить» в Поместном приказе или где «великие государи укажут» (М. Семевский, ук. соч., стр. 63—64). В 1688 г. И. Зубатов дал П. Гетлину поступную на вотчинного крестьянина с семьей и имуществом, которого он передал вместо приданого за своей сестрой (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. VI, 1905, стр. 212). Подробный дипломатический анализ рядных-сговорных записей см.: Г. М. Котляров. Рядные-сговорные записи XVI—XVII вв. Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пгр., 1916, стр. 182—223.

Уложение 1649 г., как известно, закрепило существенные перемены в юридической природе поместья, значительно приблизив его к вотчине. Стало допускаться наследование поместий, разрешалась мена поместий на вотчины, т. е. перевод одного вида владения в другой с обязательной регистрацией сделки в Поместном приказе. Тем самым дворяне получили право наследственного владения поместьями, а поземельная собственность закреплялась по Уложению как привилегия класса феодалов.

Помещики широко пользовались правом мены поместий на вотчины, и мена стала мало чем отличаться от купли-продажи в случаях, когда она осуществлялась «с переходными четвертями», и которые в придачу шли деньги. В 70-е годы появилось разрешение на продажу поместий в вотчины. Такая продажа регистрировалась в книгах Поместного приказа, из которых видно, что помещик, желая продать поместье в вотчину, подавал царю челобитную о разрешении, получал его и в купчей указывал на это. В то же время широко практиковались царские пожалования им поместных окладов в вотчину, в особенности за участие в военных походах, за дипломатическую и иную службу и т. п.⁴⁶

В 1684 г. появился указ, разрешивший дробление поместий между родственниками при наследовании владений.

Параллельно процессу юридического и фактического сближения поместья и вотчины шло сближение юридического положения поместных крестьян с вотчинными крестьянами.

Уложение 1649 г. вводило единые для вотчинных и поместных крестьян основания и принципы прикрепления к земле и к землевладельцам.

Различие касалось второстепенных моментов и вызывалось стремлением предупредить запустение поместных земель. Уложение вводило два ограничения относительно права распоряжения поместными крестьянами. Одно из них касалось перевода крестьян с поместных земель на вотчинные, другое — различий юридической силы отпущенных на вотчинных и поместных крестьян. Уложение запрещало перевод крестьян, записанных в писцовых, отдельных и отказных книгах за поместьями, на вотчинные земли, дабы «поместий не пустошито».⁴⁷ Однако смысл этой нормы может быть понят лишь в свете следующей статьи. В ней говорилось: «А будет которые помещики и вотчинники крестьян своих учнут с поместных своих земель сводить на вотчинные свои земли, а после того поместья их даны будут кому иным помещикам», то крестьяне в таком случае подлежат возврату из вотчин новым владельцам поместий.⁴⁸

⁴⁶ См. о пожалованиях из поместий в вотчину за участие в Чигиринском и Троицком походах (ПСЗ, №№ 1367 и 1371).

⁴⁷ Уложение, XI, 30.

⁴⁸ Там же, 31.

Отсюда ясно, что запрет ст. 30 не имел абсолютного значения. Основное в данной норме состояло в том, что Уложение брало под защиту права возможного нового владельца поместья на крестьян, прикрепленных к поместью по писцовым и иным книгам. В какой мере поставленный Уложением вопрос о перебросках крестьян из поместий в вотчины в пределах одного и того же владения был актуален для 2-й половины XVII в., показывает положение дела в хозяйстве стольника А. И. Безобразова. Стремление Безобразова превратить наиболее ценные и населенные свои поместья в вотчины было типичным для всех феодалов. Но если превращение поместных земель в вотчины требовало санкции государственной власти, то перевод крестьян из поместья в вотчины в значительной мере зависел от усмотрений самого феодала. Это прекрасно подтверждают следующие цифры. В 1689 г. в хозяйстве Безобразова было:

Земли:	
	вотчинной — 1107 чети
	поместной — 1345 чети
Крестьян:	
	вотчинных — 206 дворов
	поместных — 33 двора

Почти все крепостное население Безобразова было сосредоточено на вотчинных землях. В свою очередь поместья в значительной части заселялись и обрабатывались вотчинными крестьянами.⁴⁹ Последнее обстоятельство, широко распространенное на практике, ставило встречный вопрос, не затронутый в Уложении, о переводах вотчинных крестьян на поместные земли.

В 1650 г. возник вопрос о том, переводить ли крестьян, находящихся в поместье наследников Замятни Кандаурова в Рязанском уезде в вотчину Рязского уезда, где они были ранее и за которой значились в писцовых книгах 1628 г. Боярским приговором 21 февраля 1651 г. вопрос был решен положительно. Этим же приговором поместные крестьяне, записанные за поместьем в переписных книгах 1646 г., оставались за поместной землей.⁵⁰ В дальнейшем были предприняты шаги к выработке общей законодательной нормы относительно возврата вотчинных крестьян из поместий при переходе вотчин в другие руки. В Указе 10 марта 1676 г. и в Новоуказных статьях о поместных землях 1677 г. новый закон требовал возвращать крестьян, переведенных из приданных вотчин в поместья, на прежние приданные вотчины, если эти последние перешли к другим лицам «по родству».⁵¹

По частному определению Указа 13 декабря 1680 г. закон о возврате вотчинных крестьян из поместий, примененный первонач-

⁴⁹ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 31—32.

⁵⁰ АЮБ, I, № 72/1.

⁵¹ ПСЗ, II, стр. 130; III, № 1334.

ально к приданным вотчинам, был распространен на родовые унаследованные вотчины М. И. Морозова.⁵² Наконец, Указ 1 февраля 1689 г. распространил правило возврата крестьян из поместий на все вотчинные земли по челобитьям новых владельцев вотчин, если крестьяне значились за вотчинами в писцовых книгах 20-х годов и в переписных книгах 40-х годов.

Однако вскоре после указа 1689 г. выявилось резкое противодействие возврату крестьян, переведенных в поместья, на прежние вотчинные земли. Это противодействие созрело в кругах дворянства, наибольшим образом затронутых процессом обращения поместий в вотчины. Протест уходил своими корнями в такие явления развития феодальной собственности на землю, которые стали ощутимо сказываться к 80-м годам XVII в. Имеем в виду прежде всего активное освоение крепостническим землевладением южных окраин государства и связанные с этим переброски крестьян из центральных вотчин на поместные земли «дикого поля». Одновременно происходившие процессы пожалований, продажи и т. п. поместий в вотчины, перехода вотчин и поместий из одних рук в другие путем продажи, уступок, закладов и наследования в такой мере затронули права владельцев на крестьян, что закон 1689 г. ощутимо затронул интересы значительных групп дворянства. Притом указ 1689 г. мог вызвать нарекание еще с одной стороны — он нарушал вотчинное право. Эти мотивы и были изложены в челобитной дворян царю, содержавшей подписи 175 человек. Наиболее любопытной стороной челобитной была ссылка ее авторов на формулу вотчинного права, получившую отражение в новоуказных статьях о поместных и вотчинных делах: «... всякой вотчинник в своей вотчине продать и заложить и всякую сдодку учинить и крестьян перевозить и поступаться волею».⁵³ В данной формуле речь идет исключительно о вотчинном праве, состоящем из двух частей: 1) из права вотчинника продать, заложить свою вотчину либо учинить любую другую сделку в отношении нее; 2) из права того же вотчинника поступиться крестьянами и перевести их из вотчины на другое земельное владение. Уступка же крестьян нередко, как увидим ниже, была формой их продажи. Таким образом, права вотчинника в отношении вотчины и крестьян, населявших ее, примерно совпадали.

Ответом на челобитную дворян явился указ 7 апреля 1690 г. Его содержание сводилось к трем моментам: 1) отменялся указ 1 февраля 1689 г., поскольку «многим помещиком и вотчинником по поступкам их и менам и продажам и закладам чинятца многое разорение и убытки»;⁵⁴ 2) разрешался перевод крестьян с вотчинных земель на вотчинные и поместные и с поместных на поместные;

⁵² Там же. См. там же другие примеры возврата вотчинных крестьян, переведенных на поместные земли, стр. 13.

⁵³ Там же, № 1370.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, ч. 2, л. 45 об.

двух поместных детей крестьянских вместо беглого вотчинного крестьянина, который бежал к ней от Е. Сухотина, а затем в 1666 г. ушел и от нее.⁶²

В 1682 г. Е. Дурасов поступился подъячему поместного приказа Р. Ряховскому за его беглого вотчинного крестьянина Муромской деревни А. Иванова двумя семьями поместных крестьян Л. Тамаркина и С. Иванова.⁶³

В ноябре 1681 г. по челобитной дьяка Т. Литвинова в Поместном приказе были записаны две поступные, данные Литвинову мценским помещиком П. Бородиным и новосильским Е. Вепринцевым, на крестьян с женами, детьми и имуществом вместо беглых крестьян Литвинова. Бородин поступился семьей поместного крестьянина, а Вепринцев — семьей старинного вотчинного крестьянина, находившейся в бегах. В поступной указывалось местонахождение беглых и передавались Литвинову права на их сыск.⁶⁴ Таким же образом четыре брата Караваевых поступились в 1680 г. И. Непейцыну взамен его беглых крестьян и в свою очередь сбежавших от них своими поместными крестьянами, также находившимися в бегах. Поступная передавала И. Непейцыну право получения пожилых денег и наддочных крестьян, а в случае, если беглые выдали дочерей замуж, — то и право на их мужей.⁶⁵

В январе 1681 г. аналогичная сделка состоялась между помещиком И. Шетневым и властями Воскресенского монастыря. Последние поступились вместо беглого крестьянина Шетнева своим

беглым крестьянином с двумя семейными сыновьями, с неженатыми детьми и со всем имуществом.⁶⁶

(Случаи, когда сделки, в том числе в поступных записях, включались относительно крестьян, находившихся в бегах, не были редкостью во 2-й половине XVII в. Потенциальная юридическая возможность такого рода сделок покоилась на праве бессрочного сыска беглых после отмены урочных лет. Однако прямой санкции закона на оформление сделочных записей на крестьян, находящихся в бегах, не было до начала 80-х годов XVII в.

Уложение 1649 г., ссылаясь на практику предшествующих лет, признавало полюбовные сделки по отношению к беглым между помещиками, но требовало, будь то беглые будут возвращены прежним владельцам по суду или без суда, «записывать в Поместном приказе за теми людьми, кому они будут отданы».⁶⁷ В этих случаях речь шла о беглых крестьянах, которые были налицо и обычно приводились в приказ для записи. Ну, а как быть, если кто-либо поступится крестьянином, находящимся в бегах? Записывать ли его по сделочной записи? Этот вопрос, справедливо поставленный в докладной выписке к указу 25 июля 1682 г., не получил ответа в существующем законодательстве. Не давала ответа на него и память 1675 г. из Приказа Холопьего суда, в котором в записной Холопией книге записывали по поступным записям старинных и полонных людей и вотчинных крестьян. В памяти не было уточнено, записываются ли поступные на людей и крестьян, если последних нет налицо. Ныне же, сообщает докладная выписка 1682 г., бьют челом помещики и вотчинники и просят записать в Поместном приказе сделочные записи на крестьян, находящихся в бегах. В указе 25 июля 1682 г. принято следующее решение вопроса. Если помещики и вотчинники приведут крестьян в Поместный приказ для регистрации по сделочным записям, то таких крестьян в поместном приказе не записывать, а направлять в Приказ Холопьего суда. Если же помещики поступятся беглыми крестьянами «и налицо тех крестьян не явят, то тех крестьян по сделочным записям искать судом, где кто судим».⁶⁸ Отсюда следует, что закон 1682 г. санкционировал поступные записи на крестьян, находящихся в бегах, и передавал права на их сыск по сделочным записям новым владельцам.

⁶² ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2797/2, лл. 48—об.

⁶³ Там же, № 2802/7, лл. 549 об.—551. Уступка по полюбовному соглашению двух и более крестьян вместо одного была формой компенсации за полагавшиеся потерпевшей стороне пожилые деньги и наддочных крестьян (об этом см. выше, стр. 116). Сошлемся еще на ряд примеров поступных записей. В марте 1670 г. была заключена поступная мировая запись на вотчинного крестьянина с семьей, передаваемого взамен беглого кабального человека (АЮБ, III, № 269). Ряд поступных на людей и крестьян за 60-90-е годы XVII в. опубликован в Архиве сельца Зиновьева, стр. 1—5 и др. В январе 1680 г. поступился поместным крестьянином взамен беглого крестьянина помещик Рязанского уезда С. Афросимов и дал на него поступную (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801, лл. 216 об.—218). В 1685 г. игуменья Вознесенского девичья монастыря Варсонофия повзамен беглого крестьянина Лобановой-Ростовской тремя крестьянскими детьми в монастыре и затем сбежал (Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905, № 579). В сентябре 1695 г. В. Даудов подал челобитную о записи в Поместном приказе поступной на двух крестьянских девок, полученных им от И. Уварова и Б. Нечаева взамен сбежавших от него крестьянина и дворового человека (Н. Н. С е л и ф о н т о в, ук. соч., № 84).

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2802/7, лл. 557 об.—559.

⁶⁵ Там же, кн. 2801, лл. 47—51.

⁶⁶ Там же, лл. 335 об.—339 об. Аналогичен случай в поступной 17 декабря 1682 г., по которой братья Асановы передавали казанцам братьям Останковым за две беглые крестьянские семьи одну крестьянскую семью в натуре и две семьи в бегах. Превышение было связано с полюбовным соглашением о наддочных крестьянах (Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 26. Саратов, 1910, стр. 11—13).

⁶⁷ Уложение, XI, 6. О силе полюбовных сделок, заключенных до Уложения, говорит ст. 8. Последующее законодательство, как мы видели это в 1-й главе, точно так же признавало силу полюбовных сделок и, в частности, поступных записей (ПСЗ, I, № 364; II, № 998, ст. ст. 29 и 46).

⁶⁸ ПСЗ, II, № 946.

И здесь мы видим, как правительство быстро отозвалось на запросы дворянства, идя навстречу назревшей его потребности в расширении прав и свободы распоряжения крепостными крестьянами.

С ведома закона объектом сделки становился не сам крестьянин, а право на его сыск с вытекающими последствиями взыскания пожитых денег и наддаточных крестьян. Право на крестьянина пережало, менялось и даже, как увидим ниже, продавалось таким образом, как и сами крестьяне.

Широкое развитие поступных записей на своих крестьян в связи с приемом беглых крестьян другого владельца связано во 2-й половине XVII в. с законодательным введением взысканий за прием и держание беглых.⁶⁹

Во 2-й половине XVII в. получили распространение поступные записи, фиксирующие передачу крестьянских семей и отдельных крестьян из одних рук в другие за долг. Наиболее ранняя из числа известных нам такого рода поступных относится к 1647 г.⁷⁰ Но зато все остальные принадлежат 2-й половине века.

В 1669 г. помещик А. Глятков поступился сотнику московских стрельцов Я. Коровину за свой долг в размере 150 руб. вотчинным крестьянином Нижегородского уезда В. Микитиным с женой, сыном и тремя дочерьми-девками.⁷¹ В другом случае от М. А. Растопчина из Лихвинского уезда в 1661 г. бежало шесть крестьянских семей. В 1684 г. Ростовчин договорился с И. Давыдовым, что тот сыщет беглых, а Ростовчин за сыск и за ранее занятые у Давыдова 50 руб. уступит ему половину крестьян.⁷²

Таким же образом в августе 1688 г. стряпчий Исаев поступился за долг в 50 руб. беглыми вотчинными крестьянами Бориской Недрогиным с братьями и их семьями дьяку Т. Литвинову. Последнему передавалось право сыска, а Исаев впредь отказывался от всех прав на крестьян и давал обязательство «очищать» крестьян в случае исков к ним от третьих лиц.⁷³ Сохранилась память (расписки) некоего П. Бешнякова о получении взамен долга в 600 руб. вотчинного крестьянина с женой и детьми и со всем имуществом.⁷⁴ Аналогичным образом в уплату долга шли дворовые люди и холопы. В 1687 г. по поступке за долг в 10 руб. от сына боярского И. Ладыженского была передана стольнику М. А. Камынину кре-

постная девка Ульяна.⁷⁵ Более сложную систему материальных расчетов, растянувшихся на два поколения, регламентирует поступная запись 1693 г. Рязанский поп Василий занял у попады Марьи 20 р. Марья отдала заемную память своему зятю попу Луке и «недохожее» приданое платье дочери Агафьи. Сын попа Василия дьячок Григорий за эти 20 руб. поступился попу Луке крепостным человеком с женой.⁷⁶

Из приведенных случаев очевидно, что уступка холопов и крестьян за долг была не чем иным, как модифицированной формой их продажи. Не менее ощутимо характер сделки как продажи выстывает в поступных, связанных с передачей крестьянских дочерей и вдов за вывод. В 1684 г. помещик С. Дирин поступился С. Реброву крестьянской женой своего тестя А. Ладыженского, которому ранее поступился ею пусторжевский помещик С. Медвяников. Дирин указал в поступной записи, что за крестьянку он взял с Реброва вывод «весь сполна».⁷⁷

Если крепостной крестьянин, разделяя участь холопа и дворового человека, становился средством расплаты в счет долга, то естественно ожидать, что крестьяне становились и объектом заклада под взятую сумму денег. Известные нам случаи такого рода за 2-ю половину XVII в. по понятной причине связаны с срочной возврата займа, поскольку за этим следовала официальная регистрация крестьян за кредитором, из которой мы и знаем о фактах заклада. Разумеется, как и в других подобных случаях, операциям заклада крестьян без земли с семьями и в одиночку предшествовала практика заклада вотчин с крестьянами.⁷⁸ Заклад

⁶⁹ Описание актов... Уварова, стр. 495. Поступную на вотчинного крестьянина за долг в 10 руб. см.: Н. Селифонтов, ук. соч., № 94.

⁷⁰ К. П. Победоносцев, ук. соч., стр. 275.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Новгородской приказной палаты, записная книга крестьян 82, лл. 31—34. Другой случай такого рода зафиксирован в той же книге под 1685 г. Псковитин М. Сеславин поступился Т. Благово дочерью своего беглого крестьянина. В записи указано, что за поступленную девку Зеловку Сеславин взял выводные деньги сполна (там же, лл. 90—91 об.). В поступной записи 8 августа 1695 г., данной помещиком Ельчаниным помещику Федцову «на старинных своих крепостных крестьянских дочерей», указан размер вывода в 20 руб. и оговорено право Федцова выдать крестьянок замуж по своему усмотрению (К. П. Победоносцев, ук. соч., стр. 276—277). Характерно, что получение вывода не связано в данном случае с реальным фактом выхода поступной крестьянки замуж, при котором обычно вывод брался с того (крестьянина), кто становился мужем крестьянки. В указанных случаях речь идет лишь о праве помещика выдать крестьянок замуж.

⁷² В 1665 г. дьяк Б. Силян заложил вотчинную землю с крестьянами боярину Б. М. Хитрову под сумму 200 руб. Когда заклад был просрочен, закладной жребий был записан за Хитрово в Поместном приказе (П. Мартынов, ук. соч., стр. 19—20). Три года спустя позднее, в 1668 г., помещик К. Нехнев заложил Хитрову вотчинную землю на 40 лет за 200 руб. (там же, стр. 18). В документах Хитрово фиксирована и продажа вотчин с крестьянами. По одному Шацкому уезду имеется пять таких случаев (там же, стр. 25—26). В 1681 г. Т. Греков подал челобитную в Поместный приказ о записи за

⁶⁹ А. А. Шилов, ук. соч., стр. 267—268.

⁷⁰ М. Дьяконов: Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912, стр. 354.

⁷¹ Материалы исторические и юридические района б. Приказа Казанского дворца, т. I, стр. 185.

⁷² АЮБ, III, № 269/III.

⁷³ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801/6, лл. 766—767.

⁷⁴ ЛОИИ, Картон новых поступлений 1693 г.

крестьян без земли появился, видимо, сравнительно поздно. Во всяком случае примеров ранее 80-х годов XVII в. нам не известно. В поступной записи 1690 г., которую «дал на себя» С. Толстой П. Гетлину указывалось, что в 1684 г. некий Г. Зубатов занял у Толстого в кабалу 20 руб. и в тех деньгах заложил своего вотчинного крестьянина Нижегородского уезда К. Ларионова с семьей. Зубатов в срок денег не уплатил и крестьян не выкупил. К. Ларионов был записан в Нижегородской приказной избе за Толстым, но бежал от него и поселился у помещика П. Гетлина. Договорившись между собой, Толстой и Гетлин «полюбовно разделились». Толстой поступился Гетлину крестьянами за свой долг.⁷⁹ Другой пример. В 1690 г. суздальский помещик С. Дмитриев занял у жителя г. Луха П. Курвинского 15 руб. под залог семьи вотчинного крестьянина, дав на себя закладную крепость, в которой передавал Курвинскому все права владения заложенными крестьянами в случае неуплаты долга в срок. Когда срок миновал, в Поместном приказе по закладной записи и по челобитью Курвинского крестьян записали за ним, выдав новому владельцу для вручения воеводе г. Луха отказную грамоту на крестьянина, его детей и братьев.⁸⁰ В данном случае интересно то, что крепостная зависимость крестьян от нового лица, возникающая из акта заклада, распространялась в духе действующей нормы крепостного права на все «племия» крестьянина, включая его боковых родственников, проживающих с ним.

Видимо, теми же отношениями займа и долговыми обязательствами были вызваны поступные записи, мотивы уступки крестьян в которых остаются скрытыми. В январе 1683 г. новгородский помещик И. Кузьминский поступился А. Гордееву своим старинным вотчинным крестьянином А. Семеновым, который, будучи в бегах, женился на крестьянке Гордеева. Мотивы уступки в записи не указаны.⁸¹

ним вотчины Кобыковых, заложенной ему за 220 руб., но просроченной выкупом (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801/6, л. 229 об.).

⁷⁹ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. VI, стр. 218—219. Сумма долга не указана, но, судя по тому, что неустойка в поступной записи обозначена в размере 50 руб., можно предположить (по аналогии с наиболее частыми случаями удвоения суммы неустойки в сравнении с суммой сделки в различного рода других актах), что долг мог составить 25—30 руб.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2815/20, л. 382—383 об.

⁸¹ Там же, ф. Новгородской приказной палаты, записная книга крестьян, 82, лл. 49 об.—53 об. Под мартом 1685 г. в той же книге указан другой случай поступной на вотчинную крестьянку без указания мотива уступки (лл. 94—95).

Предположение, что в подобных случаях уступка крестьян могла быть вызвана материальными отношениями, не получившими огласки, основано, между прочим, на том, что во всех известных нам поступных без указания мотива уступки речь идет о вотчинных крестьянах. Поместных крестьян

Завершая обзор поступных записей на крестьян, нельзя не отметить заметного количественного роста их за вторую половину и в особенности за последние два десятилетия XVII в. Это обстоятельство было указано А. А. Шиловым, располагавшим значительным числом поступных записей на крестьян.⁸² Изучая географическое распределение поступных, А. А. Шилов отметил, что подавляющее большинство из них относится к замосковным городам, и указал на отсутствие псковских, новгородских и северных поступных.⁸³ Относительно новгородских поступных интересные сведения, извлеченные из записных книг Новгородской приказной палаты, сообщила нам Е. И. Каменцева.

Годы	Количество поступных ⁸⁴
1637—1646	2
1647—1656	3
1657—1666	—
1667—1676	4
1677—1686	7
1687—1699	124

А. А. Шилов и Е. И. Каменцева согласно отмечают особенно заметный рост поступных с начала 90-х годов, справедливо усматривая связь этого явления с указом 7 апреля 1690 г., который узаконил поступку крестьянами, включая поместных крестьян: «... всякий помещик и вотчинник в поместьях своих и вотчинах и по крестьянех поступиться и сдать и променить волею».⁸⁵

Следующей ступенью на пути реализации владельческих прав феодалов на крестьян явилась продажа вотчинных крестьян без земли. От уступки крестьян в счет уплаты долга и отношений заклада до продажи крестьян расстояние было весьма небольшое. С другой стороны, практика отчуждения вотчин, включая их продажу, насчитывающая за собой не одно столетие, в своем развитии подготовила объективные условия, благоприятствовавшие переходу к продаже крестьян без земли. Эти новые явления получили заметное отражение в изменениях состава купчих грамот на вотчины 2-й половины XVII в.

Если в XVI в. и вплоть до начала XVII в. формуляр купчих на вотчины включал лишь указания на земельные угодья в четках вертях или в условных межах и перечислял населенные пункты

в счет расплаты за долги и в заклад не писали, так как правительство не регистрировало такие сделки на поместных крестьян.

⁸² А. А. Ш и л о в, ук. соч., стр. 262, 272. А. А. Шиловым изучены поступные записи на крестьян без земли за приемо-держательство беглых. Таких записей у него насчитывается 96; поступных записей за долг и под заклад А. А. Шилов не касается.

⁸³ Там же, стр. 274.

⁸⁴ За эти сведения автор приносит Е. И. Каменцевой глубокую благодарность.

⁸⁵ ПСЗ, III, № 1370.

(села, деревни), а о крестьянах в них не было речи,⁸⁶ то в купчих на вотчины середины и 2-й половины XVII в. крестьяне выступали наряду с землей и строениями в качестве одного из объектов купли-продажи и, следовательно, одним из объектов оценки.

Широко распространенным элементом купчих было подворное перечисление мужского населения сел и деревень, не исключая беглых крестьян, с охватом боковых и прямых родственников и приемшей по форме, повторяющей форму описания переписных книг. Собственно последние, как мы уже подчеркивали, оказали заметное влияние на формуляр купчих грамот и служили источником при их составлении. После перечисления продаваемого с вотчиной крепостного населения в купчей шло условие о передаче новому владельцу всех прав на крестьян, включая право продажи. В одной из купчих 1682 г. на вотчину в Шацком уезде говорилось: «Да в той же вотчине которые дворы прибыли вновь после переписных книг, и тех же дворов и те крестьяне, все что ни есть, ему же Якову. И которые крестьяне из этой вотчины бежали из-за отца моего после отказных книг, а отцу моему в отказных книгах написаны, или после переписных новых и старых писцовых книг, и тех беглецов сыскивать ему, Якову, самому, и крестьян ему ж, Якову. А крепки те крестьяне ему Якову и жене его и детям по писцовым и по переписным книгам и по сей купчей все, что ныне есть с женами и с детьми и с племянники и со внучаты и с пришлыми и з захребетники и которые в бегах сыщутца».⁸⁷

⁸⁶ См. например, АФЗХ, т. II, №№ 321, 358 401.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2803/8, лл. 8—13. Формуляр купчих на вотчины с крестьянами во 2-й половине XVII в. (точнее, с конца 70-х годов) имел обычно следующие элементы:

1. Се яз такой-то (продавец вотчины).
2. Продал такому-то (покупатель вотчины) «его жене и детям», «впрок без выкупу».

3. Вотчину в таком-то уезде (такое-то село, деревня и т. п.).

4. «А в них крестьян». Обычно следует перечисление мужского состава крестьянского населения по дворам на основании переписных книг. Реже встречается общая формула: «А в той моей вотчине (деревня такая-то и т. п.) крестьяне по писцовым, по переписным и по отказным книгам з женами и з детьми, з братьями и с племянники и с их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и с молоченым и з земляным и з дворовым их и со всяким заводом, что у тех крестьян есть».

5. Размер пашни в четвертях и угодья в условных межах по писцовым книгам.

6. «Взял за тую вотчину со крестьяныи и со всеми угодья» такую-то сумму в рублях.

7. В Поместном приказе в вотчинные записные книги записать вотчину с крестьянами за покупателем.

8. Очистительная запись: вотчина с крестьянами до этой купчей никому не продана, не заложена и ни в каких крепостях не укреплена. Если кто вступит, вотчину и крестьян очищать. При неустойке — возмещение убытка, возврат стоимости вотчины. Иногда сумма неустойки указывалась в значительно большем, чем цена вотчины, размере.

Анализ формуляра купчих на вотчины с крестьянами показывает, что все условия продажи крестьян оговорены в них самоотчетливо и независимо от условий продажи самой вотчины. Кроме того, такая купчая представляла собою как бы соединение двух самостоятельных документов — купчей на крестьян и купчей на землю и угодья. Причем условия продажи крестьян разрабатывались в такой купчей значительно подробнее и тщательнее, чем условия продажи самой вотчины, и явно подавляют собою эти последние.

Водораздел, отделяющий крестьян от вотчины, заметен и в формуле определения цены продаваемого объекта, которая, хотя и указывалась общей суммой, но соотносена и к вотчине, и к крестьянам: «Взял за свои вотчины и за крестьян» столько-то.⁸⁸

В части условий, касающихся возможного выкупа проданных вотчин, выкуп вновь поселенных на вотчине крестьян оговорен в самостоятельной клаузуле: «За новопоселенных крестьян взять на всякую весную голову против указу великого государя и Уложения». Наряду с такой формулой в купчих встречается определенное конкретное цены за вновь поселенные «весные головы» — «против государеву указу за всякую весную голову по пятидесяти рублев».⁸⁹

Для нас важно, что в данном случае за крестьян положена самостоятельная цена, независимо от цены земли.

Переходя к рассмотрению продажи крестьян без земли, мы можем с известной уверенностью констатировать, что если основу этого явления составил рост неполной собственности феодалов на крепостных крестьян, то возникновение самого процесса купли-продажи крестьян без земли может быть объяснено тем, что такая продажа представляла собою, с одной стороны, модификацию уступки крестьян за деньги (за долг или по закладу), получившей отражение в поступных записях, а с другой стороны, представляла своеобразное отпочкование от акта продажи вотчин с крестьянами — дальнейшее звено в развитии именно этого института.

Поэтому купчая на крестьян без земли обязана своим происхождением поступной записи на крестьян и купчей на вотчины

9. Впредь покупатель волен распахать в вотчине новые земли, порубить лес и т. п. и поселить новых крестьян.

10. Если найдется на проданную вотчину вотчик и по царскому указу будет выкупать, то на нем взять все деньги сполна, включая стоимость новых хозяйственных вложений и за вновь поселенных крестьян «за всякую весную голову по указу великого государя и по Уложению, или вольно вновь поселенных крестьян вывести в другие вотчины и поместья».

11. Заверительная часть. На обороте — подписи послухов и продавца. (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записные книги крепостей 2797/2, 2828/33, 2829/34, 2802 и др.).

⁸⁸ Там же, кн. 2829/34, лл. 728 об.—731.

⁸⁹ Ряд случаев такого рода см. в книге Поместного приказа 2802, л. 88 и др.

с крестьянами. Ее формуляр в значительной мере совпадает с формуляром купчей на вотчины и многими элементами близок формуляру поступной записи.⁹⁰

Наиболее раннее упоминание купленных крестьян встречено нами в Актах хозяйства Б. И. Морозова за 1659 г. В грамоте приказчику села Бурцева Сафронову Морозов касается обложения купленных им крестьян.⁹¹

Однако, поскольку остается неясным, куплены крестьяне с землей или без земли и каким образом была оформлена эта купля, такие примеры приходится оставлять без внимания. Наконец, Морозову могло быть позволено то, что оставалось недоступным для основной массы землевладельцев.

И все же практика купли-продажи крестьян без земли с оформлением купчих записей не старше 60-х годов XVII в. Наиболее ранняя купчая на крестьян без земли, обнаруженная нами, датируется 25 февраля 1668 г.: «Се аз, Алексей Иванов сын Зиновьев, продал я купленного своего вотчинного крестьянина Галецкого уезду деревни Гридкина Антошка Михайлова з женою свою и з детьми самашеста сотнику московских стрельцов Алексею Матвееву сыну Лужину».⁹² А. Иванов перебрал крестьянина, купленного им еще ранее. Примечательной особенностью самой сделки, а следовательно, и формуляра купчей записи служит условие передать крестьянина в вотчину покупателя его доверенному лицу «при священнике введенском при Петре». Условие о свидетеле передачи купленного крестьянина в лице священника не исключало участия послухов при оформлении самой купчей записи.

Другой особенностью купчей записи 1668 г. является условие о выдаче доверенным от покупателя лицом «отписи» в приеме куп-

⁹⁰ Элементы купчей на крестьян без земли:

1. Се аз такой-то.
2. Продал такому-то и жене его и детям «впрок без выкупу».
3. Своих вотчинных крестьян таких-то (если с семьями, то указывается состав семьи — жена, дети, внучата; если с имуществом, то указывается и имущество: «А те мои крестьяне с женами и з детьми, з братьями и племянниками, а зятьями и со внучатами и с крестьянскими животами»).
4. «Взял на тех крестьянах» столько-то рублей.
5. Очистительная запись: ранее крестьяне никому не проданы, не заложены, не поступлены и не закреплены. В случае предъявления исков крестьян очищать от крепостей и возместить все убытки. В данном пункте возможны варианты. Например: «А что он Федор, впрок проча себе и своей жене и детям даст тем крестьяном ссуды. . . а хто тем крестьяном сыщется вотчич и учнет великому государю бить челом о выкупе, и будет великий государь того вотчича пожалует, велит тех крестьян дать ему на выкуп и ему, Федору, и жене его и детям взять на том выкушнике те свои деньги 200 рублей и ссуду по своей сказке».
6. При неустойке «деньги на мне сполна».
7. Заверительная часть: подписи послухов и продавца.

⁹¹ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, т. II, М.—Л., 1945, стр. 89.

⁹² ЛОИИ, коллекция Лихачева, № 170^а/8.

ленного крестьянина. Такая отпись действительно имеется и дана 25 фев 1668 г. от лица «человека» Алексея Лужина — Лариона Илларионова и крестьянина Осипка Акимова.⁹³

Наконец, третьим условием купчей записи, подтверждающим юридическую силу сделки на будущее, было условие: «А ся купчихи и впрок купчею».

Разумеется, эти или подобные им условия купчих записей не имели всеобщего характера, поскольку они вырабатывались в процессе практики купли-продажи крестьян по частной инициативе контрагентов такого рода сделок. Опубликованная, например, М. А. Дьяконовым купчая от 9 июля 1675 г. на вотчинную крестьянку с детьми Переяславль-Залесского уезда не содержит в себе ни одного из перечисленных выше элементов.⁹⁴ Но она имеет формулу о продаже крестьянки «впрок без выкупа», которой нет в купчей 1668 г., но которая становится непременной для всех купчих записей на крестьян без земли со 2-й половины 70-х годов и до конца XVII столетия.

В истории купчей записи крестьян без земли как акта видное значение имел правительственный закон о регистрации купли-продажи крестьян в Поместном приказе. Регистрация давала купчей грамоте официальную силу крепостного акта, который служил основанием владельческих прав на крестьян для лица, купившего их. Такой закон известен. Как явствует из докладной выписки к указу 25 июля 1682 г., по челобитью приближенного к царю Артамона Матвеева 13 октября 1675 г. был принят указ, разрешивший запись в Поместном приказе крестьян, приобретенных Матвеевым по сделочным записям, включая купчие. Такой акт послужил прецедентом для записи купчих на крестьян и за другими землевладельцами. Официальная регистрация актов сыграла роль в становлении формуляра купчей записи на крестьян без земли. Отпали и более не встречаются, как ненужные, указанные выше элементы купчей записи 1668 г. (условия о свидетеле передачи крестьянина из числа духовенства, о расписке, о неизменной силе купчей в будущем). Зато в отдельных купчих встречается обязательство продающего записать крестьянина за покупателем в Поместном приказе с соблюдением необходимых при этом формальностей.⁹⁵

Есть все основания полагать, что начало правительственной записи купчих на крестьян без земли следует отнести к концу 1675 г. Эту дату, следовательно, надо принять за дату появления

⁹³ Там же, № 170^а/9.

⁹⁴ М. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, в. II. Юрьев, 1897, стр. 115—116.

⁹⁵ Например, в купчей 15 марта 1681 г. сказано: «И тех вышеписанных крестьян записать мне, Василью, в Поместном приказе за ним, Иваном, и к допросу стать и к скаске рука приложить в нынешнем во 189-м году» (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей, 2801, л. 229).

соответствующей купчей записи как официального акта. Наши разыскания купчих на крестьян без земли с пометами о регистрации их в приказе не дали примеров ранее 1678 г., что не противоречит сделанным наблюдениям.

В 1678 г. кн. М. Горчаков продал помещику В. Кондыреву за 100 руб. своего вотчинного крестьянина Рязанского уезда А. Ермакова с женой, детьми, внучатами и со всем крестьянским имуществом, включая стоячий и молочный хлеб. Горчаков оформил сделку купчей и записал ее в Поместном приказе.⁹⁶

В том же 1678 г. подьячий Владимирского судебного приказа М. Гурьев продал за 260 руб. своему коллеге подьячему Г. Михайлову, его жене и детям «впрок без выкупу» несколько семей вотчинных крестьян Переяславль-Залесского уезда. И в данном случае сделка оформлена купчей, записанной в Поместном приказе.⁹⁷

К 1681 г. относится купчая на две семьи вотчинных крестьян Малоярославского уезда, проданных В. Дурново И. Суровцеву за 70 руб.⁹⁸ Ярославед Ельчанинов продал в 1681 г. дьяку И. Протопопову за 50 руб. вотчинного крестьянина Я. Титова с женой и пятью дочерьми-девками.⁹⁹ В другом случае он уже продал четыре семьи вотчинных крестьян «с женами и з детьми, з братьями и племянники, з зятьями и со внучаты и с крестьянскими животами».¹⁰⁰

⁹⁶ Там же, кн. 2801, л. 629—630 об. Продажа крестьян без земли означает продажу крестьян без земли вотчинника или помещика, но при этом не исключается возможность продажи крестьянских наделов, дворов и тем более имущества крестьян совместно с самими крестьянами.

⁹⁷ Там же, лл. 441—443 об.

⁹⁸ Там же, лл. 227—229 об.

⁹⁹ Приведем текст этой купчей полностью: «Се аз, Аврам Дорофеев сын Ельчанинов, продал я, Аврам, дьяку Ивану Иполитову сыну Протопопову и его жене и детям впрок без выкупу вотчинного своего крестьянина Ярославского уезду Грицкой (!) волости деревни Афононой крестьянина Якушку Титова з женою ево Акулиною, да у него ж пять дочерей довок. А взял я, Аврам, у него, дьяка Ивана, за того своего вотчинного крестьянина за Якушку Титова и за жену ево и за детей пятьдесят рублей денег. А тот мой вотчинной крестьянин Якушка з женою и з детьми преж сей купчей иному никому не продан и не заложен и з приданые не отдан, никому не отказан и ни у кого ни в каких крепостях окроме ево, Ивана, не укреплен. А кто у него, дьяка Ивана, в того моего вотчинного крестьянина Якушку и в жену ево и детей учнут вступатца по каким-нибудь крепостям, и мне, Авраму, ото всяких крепостей очищать и убытка ему, Ивану, в неочищенныи своем никакова не учинить. А будет я, Аврам, того своего вотчинного крестьянина Якушку и жену ево Якушкину и детей ото всяких крепостей у него, Ивана, и у жены ево и у детей не очищу и в чем против сей записки не устою, и на мне, Авраме, и на жене моей и на детях взять по сей купчей ему, Ивану, и жене ево и детям за того крестьянина Якушку и за жену ево и за детей и за ево крестьянскую ссуду, что он Иван ему даст, сто рублей денег. А на то послуш: Авдоким Анофреев, Роман Абросимов, Степан Строгальщиков. А купчую писал Ивановские площади подьячий Нестерко Черядин лета 7189-го марта в 10 день». На обороте: «К сей купчей Аврам Ельчанинов руку приложил. Послух Ромашка руку приложил. Послух Евдокимко руку приложил». (Список: ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801, лл. 319—320).

¹⁰⁰ Там же, лл. 317—319.

В марте 1682 г. была занесена в книгу Поместного приказа купчая на вотчинного бобыльского сына Т. Калинина с женой и детьми из Галицкого уезда, проданных Ф. Самариным А. Жданову и Ржеве Володимировой за 27 руб.¹⁰¹ Поскольку за 1682—1688 гг. книг Холопьяго приказа, где в указанные годы производилась регистрация сделочных записей на крестьян, не сохранилось,¹⁰² купчие на крестьян можно привести лишь для периода после 1688 г. И в данном случае ограничимся отдельными примерами. В 1689 г. пятицкий поп Т. Васильев дал отпись К. Якинчеву из Новгород-Северского, что «взял» он 10 руб. за «кредостную крестьянскую девку Е. Моисееву».¹⁰³ В 1690 г. Анна Волынская продала стольнику Ф. Ведеревному три семьи вотчинных крестьян на 100 руб.¹⁰⁴

В апреле следующего года боярин П. Салтыков продал из вотчины, которую незадолго до того купил в Рязанском уезде, шесть крестьянских семей с имуществом боярину М. Татищеву. В купчей оговаривалось, что Татищев волен приобретенных крестьян «продать, заложить и сам владеть».¹⁰⁵

В итоге такой практики к концу XVII столетия начинает складываться определенное понятие цены людей. В одной из купчих читаем: «... цена матери з дочерью и сыну с женою и з детьми 20 рублей». В другой то же самое: «Цена женке з детьми и с выводными деньгами 30 рублей». В третьем случае: «Цена семьи той и с зажилыми деньгами 20 рублей».¹⁰⁶

Как и в случаях со сделками по поступным записям, объектом купли-продажи наряду с различными вотчинными крестьянами становились крестьяне, находившиеся в бегах. В 1680 г. К. Михнев продал Ф. Степанову две семьи беглых вотчинных крестьян Алексинского уезда с передачей ему права их сыска.¹⁰⁷ Такая же

¹⁰¹ Там же, кн. 2803, лл. 334 об.—337.

¹⁰² Об этом см. ниже, стр. 216. Однако свидетельства о продаже крестьян за эти годы тоже можно встретить в некоторых источниках. Например, в списке отказных книг по одной из вотчин Нижегородского уезда 1685 г. есть указание на продажу шести крестьян (Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. VI, стр. 217).

¹⁰³ Известия Курского общества краеведения, № 3. Курск, 1928, стр. 17.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2816, лл. 642—643 об.

¹⁰⁵ К. П. Победоносцев, ук. соч., 279—280.

¹⁰⁶ В. Борисов. Помещичье хозяйство и цена людей в конце XVII в. Чтения ОИДР, кн. 4, 1898, Смесь, стр. 22—24.

¹⁰⁷ Приведем текст купчей полностью:

«Се аз, жилец Кирилло Тимофеев сын Михнев, продал я Федору Васильеву сыну Степанову и жене ево и детям впрок без выкупу вотчинных своих крестьян Алексинского уезду Извольского стану деревни Поповки — Петрушку Ларионова, Микитку Осипова з женами и з детьми и со внучаты по писцовым и по переписным, и по отказным книгам, и по дачем и со всеми их крестьянскими животы и хлебом стоячим и с молочным и земляным, и

сделка состоялась между А. Ингильдеевым и К. Денковым, первый из которых продал второму за 35 руб. пять человек вотчинных крестьян Смоленского уезда, находившихся в бегах. В купчей было оговорено: «А из бегов ему, Козме, сыскивать самому своими проторми и убытки, а что доведется взять за тех крестьян за пожилые годы, и те пожилые годы взять ему, Козме». Сысканные крестьяне должны быть впредь крепки Денкову по переписным книгам Даниила Чернцова 1668 г. и по переписным книгам 1678 г.¹⁰⁸ И в данном случае мы имеем дело с начальным этапом такой стадии развития крепостного права, когда право владения крестьянином само по себе становилось объектом той или иной сделки, включая куплю-продажу.

Все же относительно актов поступки продажа крестьян без земли с оформлением купчей записи была явлением сравнительно редким, что подтверждается записными книгами Поместного приказа и Новгородской приказной палаты.¹⁰⁹ На 2-ю половину XVII в. приходится лишь начало процесса продажи крепостных крестьян без земли, который получил значительное развитие уже в XVIII в.

крестьянские дворы, и всякое дворовое строения, что в той деревне Поповке ни есть. А взял я, Кирила, у него, Федора, за тех своих крестьян и за всякое дворовое строения денег двести рублей. А опричь ево, Федора, те мои крестьяне и крестьянские дворы иному никому не проданы и не заложены, и не в каких крепостях не укреплены. А будет хто в тех моих крестьян и в крестьянские дворы учнет вступатца по каким крепостям ни быть, и мне, Кириле, и жене моей и детям тех крестьян и крестьянские дворы ото всяких крепостей очищать и убытка ево, Федора, в тех крестьянх и в крестьянских дворах никакова не довести. И что ему, Федору, в тех крестьянх и в крестьянских дворах от ково по каким крепостям учинятца какие убытки, и те убытки взять ему, Федору, на мне, Кириле, и на жене моей и на детех по сей купчей все сполна. И тем крестьяном и крестьянским дворам очистка. И в Поместном приказе в вотчинные книги мне, Кириле, за ним, Федором, тех своих вотчинных крестьян и крестьянские дворы записать. А те мои крестьяня в бегах. И сыскивать ему, Федору, из бегов тех крестьян самому. А что он, Федор, впредь, проча себе и своей жене и детям, даст тем крестьяном ссуды денежные и хлебные и животинные, а хто тем крестьяном сыщетца вотчик и учнет великому государю бить челом о выкупе, и будет великий государь того вотчика пожалует, велит тех крестьян дать ему на выкуп, и ему, Федору, и жене ево и детям взять на том выкупщике те свои деньги двести рублей по сей купчей все сполна, а за крестьянскую ссуду по своей скаске. А на то послуши, Яков Алексеев, Семен Кузьмин, Ларион Елизарьев, Никита Ильин. А купчую писал Ивановской площади подъячей Аничка Емельянов лета 7189 году июля в 6 день». На обороте: «К сей купчей Яков Епифанов сын Арсеньев вместо Кирила Михнева по ево веленью руку приложил. Послух Якушка руку приложил. Послух Сенка руку приложил. Послух Ларка руку приложил. Послух Никитка руку приложил».

(Список: ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801, лл. 374—376).

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 2815/20, лл. 483 об.—485. Покупку беглых крестьян практиковал стольник А. Безобразов (А. А. Н. о в с е л ь с к и й. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 47—48).

¹⁰⁹ В Новгородских книгах, по данным, сообщенным Е. И. Каменцовой, имеется всего пять купчих на вотчинных крестьян за 1680—1695 гг.

Тем не менее зарождение этого явления во 2-й половине XVII в. означало, что владельческие права на крестьян уже в это время достигли таких пределов, которые давали дворянству возможность успешнее приспособиться к условиям товарно-денежных отношений, используя крестьян как собственность, подлежащую отчуждению.

Сказанное свидетельствует о дальнейшем использовании растущих товарных отношений в интересах феодального общества, о дальнейшем расширении одной из функций товарного производства — обслуживание им феодализма.

Итак, на основе анализа отдельных, меновных, поступных и купчих актов на крестьян без земли имеется полная возможность установить процесс углубления крепостного права в Русском государстве XVII в. Основу этого процесса в плане социально-экономическом составляло дальнейшее развитие неполной собственности феодалов на работников производства, в плане юридическом — с одной стороны, постепенное слияние права холопского с правом крестьянским в одно крепостное право и, с другой стороны, сближение правовой природы поместья и вотчины, определенные различия между которыми были тормозом на пути развития крепостного права. Тем не менее различия прав феодалов на вотчинных и поместных крестьян полностью не были преодолены в XVII в. Если поместные крестьяне могли быть объектом раздела с отрывом от земли, как в равной степени объектом приданого или сделки, фиксированной в поступной записи по искам о беглых крестьянах, то тех же поместных крестьян мы не найдем в поступных записях, связанных с отдачей крестьян в счет оплаты взятого долга, заклада под денежную сумму либо другую материальную ценность; не найдем их и в купчих 2-й половины XVII века. И в погашение долга, и в качестве заклада и объекта купли или только вотчинные крестьяне. Надо сказать, что в данном отношении, видимо, выдерживался определенный правовой режим, который определялся, с одной стороны, санкцией закона на продажу только вотчинных крестьян,¹¹⁰ а с другой, фактом регистрации сделок в приказах и приказных палатах, которая позволяла властям контролировать соблюдение указанных норм крепостного права. Еще в одном отношении различались права землевладельцев на вотчинных и поместных крестьян. До 90-х годов действовала норма Уложения о различной юридической силе отпусков на крестьян из вотчин и поместий.¹¹¹

¹¹⁰ Указ 30 марта 1688 г. определенно гласит: если «продадут вотчинных крестьян или поступают вместо беглых поместных и вотчинных крестьян» и т. д. (ПСЗ, II, № 1293).

¹¹¹ Уложение, XV, 3. Статья устанавливала, что если помещик или вотчинник отпустит на волю своих вотчинных и поместных крестьян, то в случае опротестования этого акта со стороны новых владельцев вотчин и поместий отпуская на вотчинного крестьянина остается в силе, а поместный

На практике отпуск поместных крестьян на волю существовал. Закон давал лишь право новому владельцу поместья, из которого был отпущен крестьянин его прежним владельцем, требовать этого крестьянина назад. Обращение к судным делам о крестьянах дает возможность найти подтверждения того, что в данном отношении закон соблюдался. В 60-х годах по приговору вологодского воеводы был отдан истцу И. Мишевскому, получившему поместье, отпущенный на волю крестьянин Степанов, как раз на том основании, что по Уложению поместным крестьянам отпускные давать не велено.¹¹²

В связи с тем же законом в 1681 г. разрешен в Приказе Большого двора спор между А. Дуровым и боровским Пафнутьевым монастырем из-за крестьянки Палашки. Еще в 1668 г. мать Дурова Пелагея дала Палашке отпускную, по которой Палашка в 1670 г. дала на себя кабалу М. Мансурову. Два года спустя Мансуров дал свою рукою. С новой отпускной Палашка и отпускную дал своею рукою. С новой отпускной Палашка вышла замуж в вотчину Пафнутьева монастыря за крестьянина Н. Семенова. В 1681 г. А. Дуров предъявил иск на Палашку, назвав ее беглой крестьянкой, женой своего задворного человека Никитки Гурьева. Дуров «крешил» за собой Палашку по ее мужу, Никитке, отец которого, Гурка, написан за Дуровым в писцовых и переписных книгах на поместной земле в селе Ивановском. Поэтому Дуров требовал возврата Палашки на основании ст. 3 гл. XV Уложения.

В результате рассмотрения дела, растянувшегося на пять лет, в 1686 г. из Приказа Большого двора был дан указ, по которому Дурову было отказано в иске, а Палашка оставлена за монастырем на том основании, что «по справке с Поместным приказом тот Гурка и с сыном и тоё женки Палашки с мужем, Никиткою, в писцовых и в переписных книгах за дедом и за отцом ово Аврамовым Дурова написан в задворных людех, а не во крестьянех. А по Уложению людям отпускные давать велено».¹¹³

Однако в законодательстве XVII в. наметился отход от нормы Уложения. По нашим данным, впервые это коснулось боярина И. А. Воротынского, крестьяне которого, взятые во двор из вотчин и поместий, были отпущены на волю после смерти Воротынского по указу 1680 г. с выдачей им отпускных записей Приказа Холопьего суда. Другой указ 1680 г., данный по заручной челобитной боярина Б. М. Хитрово, освобождал «на волю» его поместных и вотчинных крестьян, взятых во двор, с выдачей им

крестьянин подлежит возврату новому помещику, «потому что из поместий помещикам крестьян на волю отпускать не указано».
¹¹² ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 20875, л. 299.
¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, ч. II, лл. 52—53 об.

отпускных из Приказа Холопьего суда.¹¹⁴ И хотя в указе было оговорено, что «впредь никому то не в образец и на пример ни ставить», но лиха беда начало!

7 сентября 1690 г. последовал общий указ о выдаче отпускных из Приказа Холопьего суда дворовым людям из кабальных и из крестьян после смерти их владельцев.

Таким образом, беря во внимание указы 7 апреля¹¹⁵ и 7 сентября 1690 г., мы вправе отметить, что не только на практике, но и юридически за 2-ю половину XVII в. были сделаны определенные шаги в направлении сближения поместных крестьян с вотчинными и уравнивания прав помещиков и вотчинников на тех и других крестьян.

Вопрос о государственной регистрации сделочных записей на крестьян составляет существенную сторону развития крепостного права. Во 2-й половине XVII в. он имеет прежде всего определенное законодательное выражение. Уложение 1649 г. выдвинуло требование записи в Поместном приказе беглых крестьян, отданных законным владельцам как по суду, на основании смысла и переписных книг, так и добровольно «по Уложению».¹¹⁶ В то же время Уложение допускало полюбовные сделки между помещиками в случаях спора о крестьянах.¹¹⁷

Признание юридической силы лишь тех крепостей на крестьян, которые записаны в приказах, связано с законодательством 60-х годов.¹¹⁸

С другой стороны, в докладной выписке к указу 25 июля 1682 г. находим справку о том, что от Уложения по 1675 г. записки крестьян по сделочным записям в Поместном приказе не было.¹¹⁹ Эта же справка повторена в докладной выписке к указу 30 марта 1688 г.¹²⁰ Как примирить эти, казалось бы, противоречивые сведения законов? Однако противоречие здесь скорее видимое, чем действительное. Запись возвращенных владельцам беглых крестьян велась после Уложения, но не в Поместном приказе, а в сыскных приказах сыщиков, действовавших в уездах. В составе делопроизводства у тех же сыщиков в 60-х годах велись специальные книги записей «полюбовных договоров» и «мировых заручных челобитных» помещиков и вотчинников о беглых крестьянах. В дальнейшем все эти материалы сосредоточивались в Поместном приказе. Таким образом, регистрация полюбовных сделок на беглых крестьян до 1675 г. была налицо. Неужели в таком случае официальная справка, дважды повторенная в докладных выписках к ука-

¹¹⁴ ДАИ, VIII, № 108, стр. 344.

¹¹⁵ См. выше, стр. 197.

¹¹⁶ Уложение, XI, 6.

¹¹⁷ Там же, XV, 2.

¹¹⁸ Грамота новгородскому воеводе И. Репнину 1664 г. (см. выше, стр. 48).

¹¹⁹ ПСЗ, II, № 946.

¹²⁰ Там же, № 1293.

зам, грешила против истины? Отнюдь нет. Приведенная нами справка, во-первых, говорила о том, что запись сделок на крестьян не велась непосредственно в Поместном приказе, а во-вторых, и это основное, она имела в виду сделочные записи на крестьян вообще, а не только на беглых. Между тем поступные записи на вотчинных крестьян без земли заносились до 1675 г. в Холопью книгу Приказа Холопьяго суда наряду с актами о полонных и старинных людях.¹²¹ Таким образом, сделки на вотчины и поместья с крестьянами и без крестьян регистрировались в записях вотчинных книг Поместного приказа,¹²² в то время как запись поступных на вотчинных крестьян без земли осуществлялась в Приказе Холопьяго суда.

Положение изменил указ 13 октября 1675 г., который в ответ на челобитье близкого к царю боярина А. С. Матвеева санкционировал регистрацию в Поместном приказе сделочных записей, в том числе купчих на крестьян. С легкой руки Матвеева в Поместном приказе стали записывать сделочные записи на крестьян и другие землевладельцы. Но когда напор челобитных помещиков и вотчинников о записи крестьян в Поместном приказе по сделочным записям заметно возрос, правительство реагировало на это указом 25 июля 1682 г., по которому регистрация сделочных записей на крестьян без земли по-прежнему была отнесена в Приказ Холопьяго суда. То обстоятельство, что записных книг Холопьяго суда не сохранилось, исключает возможность установить характер и тип сделочных записей на крестьян с 1682 по 1688 г., когда запись сделок по новому указу была возвращена в Поместный приказ. И все же на основании некоторых косвенных свидетельств можно заключить, что с 1682 г. в Приказе Холопьяго суда заносились в книги не только поступные записи на вотчинных крестьян, но и купчие на них.¹²³ Однако в 80-е годы регистрация сделок на крестьян без земли не была прерогативой только Приказа Холопьяго суда. Можно встретить за те же годы регистрацию поступных записей на крестьян в записных книгах Московского судного приказа.¹²⁴

В то же самое шестилетие запись сделок на крестьян производилась на периферии в приказных палатах крупных городов. Можно сослаться, например, на регистрацию поступных записей на крестьян в книге крестьянской отдачи Приказной палаты г. Казани.¹²⁵ Крестьянские записные книги велись в Новгородской приказной палате, однако в них значительно преобладали ссудные

и порядные записи.¹²⁶ В истории официальной регистрации сделок на крестьян существенное значение имел указ 30 марта 1688 г. Его основная норма гласила, что в случае продажи вотчинных крестьян или поступки вместо беглых поместьями и вотчинными крестьянами такие сделки по Уложению записывать в Поместном приказе.

Наиболее принципиальное значение указа состояло в том, что он санкционировал все виды сделок на крестьян без земли, включая сделки в отношении крестьян, находящихся в бегах. Однако указ определял границы сделок относительно вотчинных и поместных крестьян. Первые из них могли быть объектом купли-продажи и всяких иных сделок, вторые — только объектом уступки вместо беглых крестьян. Обращение к фактическому положению дела, как мы видели из приведенных примеров, говорит за то, что действительность в данном случае не расходилась с законом.

Указу 30 марта 1688 г. присуща тенденция централизовать в Поместном приказе запись крепостных актов на крестьян, включая и те, которые возникли по судным делам о крестьянах в любом из других приказов. Если, говорилось в указе, возникает суд о крестьянах в других приказах, то тот, кому крестьяне будут присуждены, должен записать их в Поместном приказе, а в Холопьем приказе и в других приказах таких крестьян и бобылей не записывать.¹²⁷

Можно предположить, что эта норма указа проводилась на практике, так как ни одного случая регистрации сделочных записей на крестьян по линии других приказов после 1688 г. не встречается.

Указ 30 марта 1688 г. предписывал «учинить» в Поместном приказе специальные записные книги крепостям на крестьян. Примечательно, что в фонде Поместного приказа записные книги крепостям на крестьян без земли имеются как раз начиная с 1688 г. и за каждый последующий год до конца столетия.¹²⁸ Наряду с ними за те же годы в Поместном приказе велись записные книги крепостям на вотчины с крестьянами, в которых наряду с поступными и купчими на вотчины и поместья с крестьянами встречаются отдельные поступные и купчие на крестьян без земли.¹²⁹ Строгой принадлежности записей актов на крестьян

¹²⁶ Е. И. Каменцева. Условия закрепощения новопорядчиков. Тр. Моск. гос. ист.-арх. инст., в. VII, М., 1954, стр. 130 и др. За 80-е годы поступные записи фиксированы в книге № 82 (ЦГАДА, ф. Новгородской приказной палаты, кн. 82).

¹²⁷ ПСЗ, II, № 1293.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записные книги крепостям на крестьян 2896—2909.

¹²⁹ Там же, книги 2796—2833. За составление краткой описи записных книг крепостям на вотчины с крестьянами и на крестьян автор приносит глубокую благодарность Т. С. Ивановой.

¹²¹ Там же, память из Приказа Холопьяго суда 1675 г.
¹²² См.: Н. А. Рожков. Исторические и социологические очерки, ч. 2. М., 1906, стр. 307—322.

¹²³ См. ответную память из Приказа Холопьяго суда от 26 марта 1688 г. в составе доклада к указу 30 марта 1688 г. (ПСЗ, II, стр. 920).

¹²⁴ Описание актов. . . Уварова, № 579.

¹²⁵ Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 26

к определенному виду книг в Поместном приказе не было, но основная масса такого рода актов была занесена в специальные записные книги крепостям на крестьян. Обращение именно к этого рода книгам дает возможность установить совпадение дат указов о записи сделок на крестьян с хронологией самих актов и их регистрации.

Итак, сделки на крестьян без земли по линии Поместного приказа известны за промежуток времени с 1675 г. по 1682 г. и затем, начиная с 1688 г. Надо подчеркнуть, что регистрация таких сделок в Поместном приказе охватывала географически значительный район, именно район развитого крепостнического землевладения, начиная от северных уездов (Белозеро, Вологда), через Замосковье, Верхнее Поволжье и кончая украинными уездами (Новосиль, Мценск, Белев, Алексин и др.). Что касается новгородской земли и Поволжья, то регистрация сделочных записей на крестьян по этим местам, как и прежде, производилась в приказных палатах Новгорода, Казани и Нижнего Новгорода. Сама процедура записи сделок относительно крестьян в книгах Поместного приказа состояла в следующем. Лицо, к которому переходили права на новых крестьян в результате сделки, подавало в Поместный приказ (и в приказные палаты городов) челобитную с просьбой записать за ним крестьян по поступной, купчей и т. п. актам. К челобитной прилагался сам акт сделки (поступная, купчая), с которого в приказе списывали копию, а подлинник возвращали по принадлежности. Другая сторона, участвующая в сделке, в свою очередь подавала челобитную, подтверждающую факт сделки, с просьбой записать крестьян за новым владельцем. Челобитные другой стороны были, видимо, обязательны при регистрации купчих на крестьян, но они не всегда имеются в случаях оформления поступных на беглых крестьян. Все эти материалы заносились в записные вотчинные книги Поместного приказа в следующем порядке: а) челобитные сторон, участвующих в сделке, б) список поступной или купчей, в) резолюция приказа о занесении сделки в книгу Поместного приказа.¹³⁰

Правительство решительно требовало регистрации сделок в Приказе. Указом 3 июня 1683 г. предписывалось давать списки

¹³⁰ Приведем пометы дьяков на обороте списков поступных и купчих. Помета дьяка Семена Струкова: «11 марта 190 г. по указу великого государя окольничей князь Иван Михайлович Коркодинов, слушав сей выписки, приговорил тех крестьян за Семеном Офросимовым записать в книгу буде спору нет» (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 2802, лл. 537—540). В другом случае: «18 июня 189 г. по указу великого государя окольничей кн. И. М. Коркодинов с товарищи, слушав сей выписки, приговорили тех купленных крестьян по указу записать в книги» (там же, кн. 2801, лл. 227—229 об.). Или: «18 июля 189 г. по указу великого государя окольничей кн. И. М. Коркодинов с товарищи, слушав сей выписки, приговорили по купчей тех крестьян записать в записные вотчинные книги. А о беглых крестьянах послать государеву грамоту по Наказу» (там же, лл. 317—320).

только с тех крепостных актов на земли и крестьян, которые будут записаны в Поместном приказе. Тот же указ определял оформление списков, выдача которых разрешалась только после того, как они будут сличены с подлинными крепостными актами и оформлены приписью дьяка и подписью подьячего.¹³¹

Обязательность регистрации в Поместном приказе сделок на вотчины, поместья и крестьян давала возможность правительству использовать это положение для проведения репрессий против дворян, совершивших различного рода проступки.

Указом 6 марта 1699 г. было запрещено записывать по купчим, вкладным и иного рода актам деревни кн. И. Шелдякова в Нижегородском уезде «для того, что он по оговору явился в воровстве и те деревни отписаны на его, великого государя».¹³²

Лишение права регистрации сделки означало практическую невозможность осуществить такую сделку. И правительство широко использовало это обстоятельство.¹³³

Факт регистрации сделочных записей и других крепостей на крестьян был определяющим при вынесении приговоров по спорным делам о крестьянах, когда стороны представляли формально равные доказательства своих прав на крестьян, но у одной из них акты не имели приказных помет. Ограничимся приведением любопытного в данном отношении приговора боярина А. П. Головина по спорному делу 1685 г. о крестьянах между В. Полтевым и П. Кайсаровым. Не входя в подробности самого дела, ограничимся одним из пунктов приговора, который дает ответ на интересующий нас вопрос: «... которые люди и крестьяне у кого жили по старым крепостям и по данным, а после того сбегли, а те крепости и данные во многие годы на Москве и в городех в Приказах не записаны, и тех людей и крестьян велено отдавать по крепостям, которые крепости в приказе будут записаны. А та запись в приказе нигде не записана и дьячьей пометы на ней нет». Отсюда было вынесено решение истца В. Полтева «обинить», а ответчика Кайсарова «оправить» на том основании, что поступная запись на крестьян в Поместном приказе записана.¹³⁴ Нетрудно заметить,

¹³¹ ПСЗ, II, № 1017.

¹³² ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга указам 13, л. 10.

¹³³ Можно привести еще ряд примеров. По челобитной кн. Ф. Долгому было указано ни за кем не записывать по купчим и вкладным поместья и вотчины И. Четчутова, пока на нем не будет доправлен иск Долгому (указ 29 марта 1699 г. — там же, л. 14). Такой же указ был принят в отношении поместий вотчин и крестьян А. Мякина и И. Сухорукова, задолжавших по искам — первый 100 руб., а второй 500 руб. (там же, л. 12—об.). Запрет оформления сделок на вотчины и крестьян распространялся и на помещиков, подозреваемых в убийстве какого-либо лица — на срок до расследования дела (там же, л. 42—об.).

¹³⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, стлб. 899, лл. 75—92. Аналогичным образом решались споры о холопах. Указом 13 марта 1688 г. спорный холоп Ивашка Татарин был присужден В. Сухотину потому, что дал на себя служилую кабалу. А С. Собянину из гостинной сотни г. Тулы было

что в общей мотивировочной части приговор А. Головина повторял законодательную норму, представленную в Наказе сыщикам 2 марта 1683 г. и впервые сформулированную в грамоте новгородскому воеводе И. Репнину.¹³⁵

Обязательность регистрации сделочных записей на крестьян, закрепляющей права на крестьян за новыми владельцами, естественно привела к широкой практике челобитий дворян о регистрации сделки, которые можно обнаружить в большом количестве в делах Поместного приказа. Чисто крепостнический смысл записи сделок вскрывается многими челобитными.

В 1681 г. С. Атемиров просил записать в Поместном приказе поступную запись на крестьянина, данную в 1680 г. его отцу помещиком М. Шаховским. Челобитчик просил записать поступную запись, «чтоб ему тем крестьянином владеть».¹³⁶

А. П. Доброклонский приводит запись из расходной книги Солотчинского монастыря 1699 г.: «В Поместном приказе подана челобитная против поступной записи стольника И. Н. Вельямина, чтоб тоя запись записать в книги и крестьянина ево, Ивана, Ларку Семенова, которого он, Иван, поступился нам в монастырь в селе Уржи, а к р е п и т ь за нашим Солотчинским монастырем. . . И против того нашего челобитья в том Поместном приказе делали выписки, и та поступная запись в книги записана и крестьянин укреплен за нашим монастырем».¹³⁷

Подобные мотивы объясняют, почему в ряде случаев дворяне обращались в приказ с просьбой о записи сделочных актов много лет спустя после заключения сделки. В Кондырев купил вотчинного крестьянина с семьей в 1678 г., а челобитную о записи купчей в Поместном приказе подал в августе 1681 г.¹³⁸ Тот же срок прошел с момента свершения купчей до ее записи в приказе у подьячего Г. Михайлова.¹³⁹ Можно привести ещё более яркие примеры. Власть Николы Чудотворца Венева монастыря Тульского уезда еще в 1641 г. поступились Окинфию Данилову своим крестьянином вместо его беглого крестьянина, а челобитную о записи поступной в Поместном приказе Данилов подал в 1678 г.¹⁴⁰ Данная 1682 г., по которой О. Рудин передавал своей

отказано на том основании, что купчая на Ивашку Татарина, который бежал от него, не была записана в приказе Холопьего суда (ЦГИАЛ, ф. 1256, № 13, лл. 112—об.). Точно так же в силу регистрации кабал в приказе на двух новокрещенцов выиграл дело о них стольник А. Вельямин (ПСЗ, II, № 1099).

¹³⁵ См. выше, стр. 48.

¹³⁶ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. № 2804/9.

¹³⁷ А. П. Доброклонский й. Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в. М., 1888, стр. 47. Выделено нами, — А. М.

¹³⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, записная книга крепостей 2801, лл. 628—630 об.

¹³⁹ Там же, лл. 441—443 об.

¹⁴⁰ Там же, кн. 2797, лл. 152—153.

дочери права на вотчину и крестьян, была предъявлена в Поместный приказ и записана в вотчинную крепостную книгу в феврале 1700 г.¹⁴¹

Случаев такого разрыва во времени между заключением сделки о крестьянах и записью их в Приказе или в приказных шпалатах немного, но они любопытны в том отношении, что подтверждают значение официальной регистрации сделочных записей на крестьян.

За правильностью и точностью оформления крепостной документации на своих крестьян бдительно следили даже такие крупные феодалы и влиятельные в государстве лица, как Б. И. Морозов. В одной из грамот 1660 г. приказчику села Старого Покровского О. Луину, посланной в связи с получением крестьянина Троице-Сергиева монастыря взамен убитого крестьянина морозовской вотчины, Морозов строго наказывал, чтобы принимаемый крестьянин был записан в книгах за монастырем, а передачу зафиксировать в крепостных книгах Нижнего Новгорода, чтоб впредь монастырский крестьянин был крепок Морозову. Выпись же из монастырских писцовых книг велел хранить непременно.¹⁴²

Для вопроса о роли официальной регистрации крепостных актов характерно занесение сделочных записей на крестьян и актов холопией неволи в одни и те же книги. М. Дьяконов установил, что в 1-й половине XVII в. кабалы и порядные регистрировались в раздельных книгах. Начиная с 60-х годов XVII в. в Псковской приказной избе сделка на крестьян и холопов заносилась в общие книги.¹⁴³ Аналогичные наблюдения о занесении сделок на крестьян во 2-й половине XVII в. наряду с записными книгами на крестьян в записные книги на холопов Новгородской приказной избы сделаны Е. И. Каменцевой.

Такая унификация регистрации актов на крестьян и холопов, протекавшая на местах, частично захватила и центральные органы управления. По указам 80—90-х годов регистрация ссудных записей на крестьян и кабал на холопов проходила в Приказе Холопьего суда.¹⁴⁴ В Приказе же Холопьего суда протекала с 1682 г. по 1688 г. и регистрация всех видов сделочных записей относительно крестьян, не исключая поступных и купчих. В основе всех этих явлений лежит протекавший в XVII в. процесс слияния крестьян и холопов в одну крепостную массу.

Мы рассмотрели крепостные акты, которые фиксировали изменение в состоянии зависимости той части крестьян и холопов, которых касался по тем или иным причинам переход из одних

¹⁴¹ АЮБ, V, № 66/1 и II.

¹⁴² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. II, стр. 162.

¹⁴³ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898, стр. 140.

¹⁴⁴ См. ниже, стр. 230—231.

частных рук в другие. Однако в истории крепостного права 2-й половины XVII в. продолжали играть роль крепостные акты, функция которых сводилась к первоначальному оформлению крепостной зависимости «добровольно» бивших челом в крестьянство «свободных» сторонних людей. Имеем в виду хорошо известные в литературе порядные и ссудные записи, назначение которых было связано с пополнением крепостного населения феодальных хозяйств за счет еще не закрепощенных или временно освободившихся от крепостной зависимости, но лишенных средств к существованию элементов общества. Сюда относились прежде всего отпущенные на волю крестьяне и холопы, выходы из-за рубежа и те «свободные», так называемые «гулящие люди», положеие которых в известной мере было легализовано ст. 20 гл. XI Уложения. На Севере, в Поморье объектом порядка в местечерносошных волостях. Следует сразу оговориться, что порядные и ссудные акты не решали собою всей проблемы пополнения крепостного населения вотчин и поместий. Они даже не представляли ее основного направления, так как в значительно большей части частновладельческие феодальные хозяйства росли и возникали за счет государственного пожалования и отказа в вотчины и поместья дворцовых, черносошных и вновь присоединенных земель.¹⁴⁵ Существенным источником пополнения рядов крепостных в условиях XVII в. были пленныи.

Войны на западе против Польши и Швеции, а частью и на востоке против татар и некоторых кочевых племен, как например калмыков, открывали широкие возможности пополнения рядов крепостных людей за счет пленных литовских, польских крестьян и лиц других национальностей. Служилые люди — помещики отправляли пленных в свои вотчины и поместья. Правительство указами и грамотами санкционировало превращение иноверных пленных в крепостных людей и брало на себя сыск и задержание беглых из их числа.

Первым из этих указов периода войны с Польшей был указ 30 июля 1654 г. Запрещая служилым людям брать в плен «белорусцев пахотных крестьян» Бельского, Дорогобужского и Смоленского уездов и учреждая с целью проверки полона заставы по дороге от Смоленска, указ вместе с тем разрешал «пропускать к Москве» тех пленных, которые «скажутся Мстиславского и иных зарубежных городов литовские люди, католицкие, смяцкие веры, и жиды и мурзы и всякие некрещенные люди».¹⁴⁶ Санкционировав

¹⁴⁵ При Алексее Михайловиче было роздано из дворцовых земель 13 960 крестьянских дворов. При царе Федоре Алексеевиче — 6274 крестьянских двора. С 1682 по 1690 г. было роздано 17 168 дворов, с 1690 по 1699 г. — 7337 дворов (Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в., стр. 149).

¹⁴⁶ ПСЗ, I, № 135. В дальнейшем официально было разрешено закрепощать украинцев, взятых в плен в ходе военных событий 60-х годов. Материалы по этому поводу приводятся нами в другом месте (см. выше, стр. 167).

превращение пленных в крепостных, правительство возложило контроль и регистрацию новых актов крепостной неволи на Приказ Холопьего суда и приказные избы городов. В этом смысле интересен указ 27 февраля 1656 г., известный нам в форме памяти из Разряда в Приказ Холопьего суда: «... которые московские и городовые всяких чинов служилые люди учнут бить челом государю, а в Холопий приказ учнут к записке приводить полоненников, которые взяты в литовском походе в прошлых во 162 и во 163-м и в нынешнем во 164-м году, и тех полоненников спрашивать, где, которого году и кто взял, распросные речи и сказки их в книгу записывать и отдавать тем, кто привел к записке. А из городов прислать в Холопий приказ с теми же записками».¹⁴⁷

В Приказе Холопьего суда действительно велись записные полонные книги. Выписи из этих книг можно встретить среди материалов некоторых вотчин.¹⁴⁸ Полонные книги велись и в приказных избах городов.¹⁴⁹

Специальные указы 80-х и 90-х годов неоднократно требовали от помещиков и вотчинников записывать «полонных людей» в Москве в Приказе Холопьего суда и в городах в приказных избах.¹⁵⁰

Своеобразным итогом правительственной политики в вопросе закрепощения пленных людей и реального хода этого процесса на протяжении 2-й половины XVII в. явилось официально провозглашенное в связи с заключением Вечного мира с Польшей в 1686 г. закрепление прав вотчинников и помещиков на крестьян и холопов из числа пленных: «А что прешедшую же войну нашего царского величества всяких чинов ратные люди польского и литовского народа, шляхты и войсковых всякого чина людей и пашенных крестьян пленом поимали. . . и тому всему вышеупомянутому помочу. . . которые ныне у бояр наших и у окольных, и у думных, и у ближних людей в поместьях и в вотчинах поселены во

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Белгородский стол, стлб. 346, л. 161.

¹⁴⁸ См., например, выписи из Московской полонной книги в материалах вотчины Даудова (Н. Н. Се ли ф о н т о в, ук. соч., № 25).

¹⁴⁹ В апреле 1694 г. П. Загорский подал челобитную о выдаче ему владной выписи из полонных книг на беглого полонного человека ввиду утраты прежней выписи при пожаре. Выпись Загорскому была выдана из полонных книг приказной избы Костромы (Архив сельца Зиновьева, стр. 197).

¹⁵⁰ Ниже излагаем указ 20 апреля 1681 г.: Если у всяких чинов людей есть литовские и немецкие полоняники, а взяты в плен и крещены, и если есть литовские люди и немцы и татары купленные, или есть такие люди по поступным, данным, сделочным и по жилым записям, то таких людей приводить к записке в Москве в Приказ Холопьего суда, а в городах — в съезжие избы. Без записи таких людей не держать. Если в Москве таких людей не запишут с 20 апреля 1681 г. по 20 апреля 1682 г., а в городах — в течение года с момента получения грамоты, то владельцы теряют права на своих людей при их побеге и в случае записи за другим лицом (ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы разных столов, № 28, лл. 36—38).

крестьянех и в задворные люди и во дворах в холопстве, сим вечным мирным договором постановлено остаться. . . при тех же помянутых чинех вечно ж». ¹⁵¹

Изложенное показывает, что царское правительство 2-й половины XVII в. поднимало вопрос о пополнении рядов крепостных людей за счет военнопленных и иноверцев до уровня общегосударственной задачи.

Немаловажным источником пополнения крепостного населения вотчин и поместий были широко распространенные акты насильственного похолопствования и окрестьянивания мелких служилых людей, черносошных крестьян, однодворцев, выходцев из-за рубежа и ряда других лиц, временно стоявших за чертой крепостных отношений. Помещики и вотчинники нередко прибегали к подобного рода насилиям, пользуясь безнаказанностью и поддержкой со стороны местных властей — воевод, приказных людей и сыщиков. Самое грубое насилие, то, что составляет так называемое внеэкономическое принуждение, всегда стояло у колыбели крепостного права и сопутствовало ему на протяжении всего пути его исторического развития. Убедительные факты подобного рода собраны в большой работе Н. Новомбергского «Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия». ¹⁵²

Все указанные нами пути роста крепостничества вширь и вглубь, средства и пути закрепощения трудового населения страны необходимо иметь в виду, чтобы уяснить удельный вес порядных и ссудных записей в общем процессе пополнения крепостного населения вотчин и поместий.

Нетрудно понять, что значение ссудных и порядных записей в указанном отношении отодвигается далеко на второй план. А между тем именно порядным и ссудным актам в литературе уделено наибольшее внимание. Сугубое внимание значительной части дореволюционных историков к новопорядчикам, а равно к порядным и ссудным грамотам было связано, как известно, с тем, что они теснейшим образом увязывали с явлениями порядка крестьян саму проблему происхождения крепостного права. В. О. Ключевский прямо писал: «Эта безвыходность стала общим заключительным условием ссудных записей: она и составила крестьянскую крепость или вечность крестьянскую, как говорили в XVII в.». ¹⁵³

В советской историографии из всех проблем развития крепостного права 2-й половины XVII в. наряду с вопросом о сыске беглых крестьян наибольшее внимание, очевидно как некоторая дань историографической традиции, уделено именно порядным и

ссудным актам. За последние пятнадцать лет появились статьи М. В. Ключкова ¹⁵⁴ и Е. И. Каменцевой, ¹⁵⁵ глава о новопорядчиках в монографии Л. С. Прокофьевой ¹⁵⁶ и публикации Г. Н. Образцова порядных записей Антонинову-Сийскому монастырю, сопоставленная обширным анализом монастырских грамот. ¹⁵⁷ Ценные наблюдения над институтом порядка в Сибири содержатся в монографии В. И. Шункова ¹⁵⁸ и частично в монографии Ф. Г. Сафронова. ¹⁵⁹ Все перечисленные работы строят свои выводы на том или ином локальном материале. Если к ним добавить материалы записных книг по Пскову, использованные М. А. Дьяконовым, его же публикацию актов, ссудные записи боярину В. Ф. Одоевскому по Арзамасскому уезду за 80-е годы XVII в., опубликованные А. К. Кабановым, ¹⁶⁰ и некоторые единичные порядные и ссудные акты, то все вместе взятое представляет вполне достаточным основанием для построения наблюдений. Прежде всего необходимо отметить значительные особенности крестьянского порядка на севере, в районах черносопного землевладения. Наблюдения М. В. Ключкова над порядными грамотами Ухтоостровской волости вблизи Холмогор и публикация Г. Н. Образцова порядных грамот главным образом по Двинскому уезду устанавливает прежде всего тот факт, что порядные грамоты оставались на севере на протяжении всего XVII в. и даже переходили в XVIII в.

Такая устойчивость института порядка и порядной записи, возникшей в XVI в. и исчезнувшей в районах развитого крепостнического землевладения в 50—60-е годы XVII в., объясняется особенностями развития феодального землевладения на севере, где преобладающими оставались черносопные земли, крестьяне которых находились в феодальной зависимости от государства, а частное феодальное землевладение не получило большого развития. Тем не менее и здесь, как показывают наблюдения Г. Н. Образцова, рост монастырского землевладения за счет черносопных земель влек за собой определенные изменения в составе порядной записи, отражающие усиление элементов крепостного права. Заметные новшества были связаны с Уложением 1649 г.,

¹⁵⁴ М. В. Ключков. Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам. Уч. Зап. Ростовского-на-Дону гос. ун-ва., т. VI, в. 3, 1945, стр. 46—90.

¹⁵⁵ Е. И. Каменцева, ук. соч.

¹⁵⁶ Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, стр. 145—177.

¹⁵⁷ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные грамоты Антониново-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. Ист. арх., т. VIII, 1953, стр. 80—197.

¹⁵⁸ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 378—400.

¹⁵⁹ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейна Лены и Пилма в XVII в. Якутск, 1956.

¹⁶⁰ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. X. Н. Новгород, 1912, стр. 1—44.

¹⁵¹ Из жалованной грамоты думному дьяку Е. Украинцеву в связи с заключением вечного мира 1687 г. (Чтения ОИДР, 1874, кн. I, стр. 1—8).

¹⁵² ЖМЮ, 1915, т. 5, стр. 288—338; т. 6, стр. 192—247.

¹⁵³ В. О. Ключевский, Сочинения, т. III, стр. 171.

которое оказало влияние на изменение условий выхода с поряжаемого участка.

Обычным для порядных до 1646 г. было условие: «... а не доживем до того сроку и пойдем вон...»; во 2-й половине XVII в. такое условие исчезает и заменяется клаузулой о выплате неустойки в случае невыполнения условий по эксплуатации участков или обязательств по отбыванию повинностей.¹⁶¹

Другая особенность была связана с тем, что при сохранении порядка на срок практика перепорядка одних и тех же крестьян и их наследников приводила к тому, что порядные записи на срок превращались фактически в бессрочные.¹⁶² Запись таких крестьян за монастырем в переписных книгах 1678 г. превращала их в крепостных крестьян вотчины. Третья черта развития порядка на Севере по 2-й половине XVII в. состояла в сокращении количества порядных записей, включающих в качестве одного из условий порядка льготу крестьянину.¹⁶³

Заметно также стремление монастырских властей отразить в порядной записи формулу подчинения порядчика определенному правовому режиму, нарушение которого влекло за собой материальную, а в некоторых случаях — не только материальную санкцию: «И дурна никакова мне, живучи в их монастырской вотчине, не чинить, корчмы и зерни не держать и воровских людей никаких не присваивать. А будет я в ту 10 лет дворы на тое земли не построю, в чем жить, и около двора пахотной земли по силе не розпашу и учну жити у них, игумена с братиею, не в послушании и платежех платить и зделья делать монастырского не учну, или учну жити дурно, и на мне, Петре, за дворовую непростройку, и за непослушание, и за нерозплату, и за дурость монастырская пеня. А пеня отец игумен с братиею укажет и монастырское смирение».¹⁶⁴

Наконец, в качестве последней особенности порядка в вотчине Антониева-Сийского монастыря следует отметить заключение порядных записей (19 случаев) с собственными монастырскими крестьянами. Такие записи составлялись в случаях перевода крестьян с одного участка на другой или при получении дополнительных участков. В данном случае характерно, и именно для второй половины века, использование порядной записи в качестве дополнительного средства прикрепления крестьянина при перемещении им местожительства в пределах вотчины.¹⁶⁵

Аналогичным образом прикрепляли крестьян монастыри Сибири. Прикрепление крестьянина к земле и к монастырю, пишет В. И. Шунков, «оформлялось крестьянской записью или внесе-

нием крестьянина в переписные книги за монастырем. Запись «порядившегося во крестьяне» хранилась в монастырской казне как доказательство прав монастыря на порядчика». Как и в центральных уездах, существенную роль в процессе закрепощения крестьян играла необходимость возврата подмоги и выплаты «заряда» в случае досрочного ухода крестьянина от владельца. «В этих условиях определение лет порядка в жилой записи становилось простою формальностью». Поэтому в порядных записях появляется условие «жить за монастырем без выходу». Нередки были случаи порядных, в которых проживание поряжающегося на монастырем предусматривалось «до смерти» или указание на срок порядка отсутствовало совсем. В некоторых порядных записях эти обязательства распространялись и на потомство поряжающегося. Крестьяне, попавшие таким образом в крепостную зависимость, окончательно закреплялись за монастырями переписными книгами. Одна из переписных книг по Сибири относится к 1662 г.¹⁶⁶

Порядные записи наряду с поручными фиксировали зависимость государственных крестьян Сибири от хозяина земли — государства. На поселенца десятинной пашни — крестьянина порядная запись возлагала обязанность «двором поселитца и займа на себя пашню распахать и всяким крестьянским заводом завестись», «быти в пашенных крестьянах... пашня государева пахать... и поделки делати», «никаким воровством не воровать, зернью и карты не играть и не бражничать». Почти без исключений порядные предусматривали условие: «... никуда не збежать». В. И. Шунков справедливо усматривает в этом обстоятельстве норму личного прикрепления «порядившегося к владельцу, в данном случае к государству по месту жительства». К концу XVII столетия норма прикрепления с самих крестьян распространяется на членов их семей.¹⁶⁷

Свой анализ «социальной природы» сибирских государевых крестьян, составлявших в XVII в. большинство сельского населения Сибири, В. И. Шунков завершает двумя принципиально важными положениями.

Государство как феодальный собственник земли «прикрепляло крестьянина к отведенному ему участку земли и лишало его права «покинуть» этот участок. Внеэкономическое принуждение сказывалось как в стремлении лишить крестьянина права перехода, так и в принудительном его переселении на новые участки в новые районы».

Однако, говорит далее историк сибирской деревни XVII в., «своеобразие условий, заключавшихся в основном в слабом развитии частного землевладения, приводило к тому, что феодальный

¹⁶¹ Г. Н. Образцов, ук. соч., стр. 88.

¹⁶² Там же, стр. 90.

¹⁶³ Там же, стр. 88.

¹⁶⁴ Там же, стр. 139, порядная от 26 марта 1666 г. См. также №№ 37, 39, 40, 44—46, 51, 89.

¹⁶⁵ Там же, стр. 82.

¹⁶⁶ В. И. Шунков, ук. соч., стр. 386—389.

¹⁶⁷ Там же, стр. 399—400.

характер положения непосредственных производителей материальных благ не достиг в Сибири тех форм крепостничества, которые были характерны для центральной Руси. В Сибири, например, в связи со слабым развитием частного землевладения не получила распространения одна из грубейших форм крепостничества — торговля крестьянами.¹⁶⁸

Действительно, в центральных, западных и южных уездах страны продажа крестьян, по крайней мере вотчинных, была возведена в норму закона, став тем самым нормой крепостного права. Но те же «успехи» развития крепостного права в указанных районах наложили свой отпечаток на направление развития института порядка, приведя к замене порядной записи ссудной записью.

Новейший исследователь новгородских порядных и ссудных записей крестьян в XVII в. Е. И. Каменцева, на основе анализа более чем ста записных книг на крестьян Новгородской приказной палаты, содержащих за период с 1637 г. по конец XVII в. 790 порядных и ссудных записей, пришла к ряду важных наблюдений. Первое из них касается существенного элемента порядной записи — льготы порядку в уплате государственных и владельческих податей в течение ряда лет. Е. И. Каменцева установила, что поряды со льготой встречаются только за период 1637—1663 гг., причем число их постепенно идет на убыль и составляет за данный период времени всего около 38% общего числа порядов. После 1663 г. поряды со льготой не встречаются.¹⁶⁹

Сходные наблюдения относительно льготы сделаны Л. С. Прокофьевой на материале поручно-порядных записей крестьян вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Упоминание льготы здесь исчезает к 1648 г.¹⁷⁰ Если добавить к этому отмеченные нами наблюдения Г. Н. Образцова о сокращении числа порядных записей со льготой после Уложения 1649 г., то на основании этих исследований напрашивается вывод, что процесс исчезновения важнейшего условия порядной записи-льготы новопорядчику, начавшийся еще в первой половине XVII в., завершился в районах развитого крепостнического землевладения вскоре после Уложения. Е. И. Каменцева бесспорно права, когда связывает окончательное исчезновение порядов со льготой с Уложением 1649 г. и последующим процессом усиления крепостного режима. Последнее обстоятельство гарантировало феодалу закрепление за ним вновь прибывшего крестьянина и без участия льготы. Уложение вместе с тем аннулировало значение льготы, как средства смиривания крестьян из других владений.¹⁷¹

Б. Д. Греков отметил временный характер положения новопорядчика, определявшийся как раз наличием льготных лет.

¹⁶⁸ Там же, стр. 411—412.

¹⁶⁹ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 133.

¹⁷⁰ Л. С. Прокофьева, ук. соч., стр. 165.

¹⁷¹ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 134, 154.

По истечении последних новопорядчик становился крестьянином-старожильцем.¹⁷²

Другим существенным элементом порядных записей было указание на подмогу новопорядчику как на источник наделения его средствами производства. Подмога обычно предоставлялась в натуральной форме — зерно, скот, но встречается и в денежной; денежная подмога чаще всего именовалась ссудой. М. А. Дьяконов отметил, что крестьянские записи употребляют оба термина в значительной мере безразлично, и пришел к выводу, что подмога и ссуда всего лишь «два разных термина для обозначения одного и того же явления». Вместе с тем М. А. Дьяконов устанавливает факт постепенной замены одного термина другим, в результате чего ссудная запись стала господствующим названием.¹⁷³

Если говорить о терминологической стороне дела, то к тем же выводам пришла и Е. И. Каменцева. Она установила, что термин «подмога» как преобладающий встречается в порядных записях «с 1637 г. и в основном по 1672 г.». С 70-х годов XVII в. термин «ссудная запись» «прочно входит в юридическую практику». Наоборот, термин «подмога» после 1672 г. «становится случайным».¹⁷⁴ Несомненно, что в данном вопросе, помимо терминологической стороны дела, необходимо отличать экономическую функцию субсидии, будь то подмога или ссуда, и юридическое значение самого акта — порядной и ссудной записей. Е. И. Каменцева права, подходя к оценке значения подмоги и ссуды исторически. Если в первой половине века подмога должна была привлечь и удержать новопорядчика, то после Уложения, сделавшего крестьянскую крепость постоянной, функция «удержания» отпала, хотя функция «приманки» за подмогой, как и за ссудой, осталась. Справедливо и то, что экономическое назначение подмоги и ссуды было одно и то же — создание необходимого комплекса средств производства для поряжающегося крестьянина. Постепенная же замена натуральной субсидии денежной субсидией отражала развитие товарно-денежных отношений в стране.¹⁷⁵

Что касается юридической стороны дела, то следует подчеркнуть, что эволюция порядной записи и ее модификация в ссудную запись отражали общий рост крепостного права на протяжении XVII в. Впервые условие о невыходе новопорядчика от землевладельца появилось в порядных записях первой половины века. Крестьяне стали поряжаться «вечно» или «безвыходно».¹⁷⁶ Но до Уложения 1649 г. условие о невыходе было ограничено урочными

¹⁷² Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 172.

¹⁷³ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения... стр. 111, 117, 124.

¹⁷⁴ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 135, 138.

¹⁷⁵ Там же, стр. 138, 139.

¹⁷⁶ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения... стр. 96—100; Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 133.

годами, которые вступали в силу в случае побега новопорядчика. Это же обстоятельство ограничивало возможности взыскания неустойки и заряда.

Положение существенно менялось с принятием Уложения 1649 г. Уложение официально признавало только ссудную запись,¹⁷⁷ которая в практике крестьянского порядка возникла еще в 1-й половине XVII в.

Последующее законодательство настойчиво требовало оформления на крестьян, приходящих в поместья и вотчины с отпусковыми, только ссудных записей и регистрации их в Приказе Холопьего суда и в приказных избах городов.

Первый из числа известных нам указов такого рода датирован 23 мая 1677 г. Указ предписывал в случае челобитий людей и крестьян с отпусковыми «по тем отпусковым брать на людях служилые кабалы, а на крестьянах ссудные записи».¹⁷⁸

Четыре года спустя новый указ 1681 г. повторял те же требования, но устанавливал срок записи служилых кабал и ссудных записей — в Приказе Холопьего суда и в приказных избах в течение двух лет с 4 мая 1681 г., а в городах — со дня получения грамоты. Указ определял санкцию в отношении лиц, не выполнивших этого требования: в случае неоформления отпусковых в срок, «по тем отпусковым тем людям велено отказывать».¹⁷⁹ Новый указ 22 апреля 1684 г. пояснял, что прежний указ не был доведен до городов, будучи уничтожен в мятежное время 15 мая 1682 г. и потому, подтверждая его основную норму, устанавливал новый срок для оформления по отпусковым служилых кабал и ссудных записей в течение двух лет с 22 апреля 1684 г., а в городах — в тот же срок со дня поступления грамот. Указ 1682 г. вводил и новое требование: предъявлять явочные челобитные со списками отпусковых тех крестьян и холопов, которые жили у помещиков без оформления отпусковых и бежали от них до указа.¹⁸⁰ В дальнейшем периодичность такого рода указов значительно участилась. Каждый новый указ определял переотсрочку оформления служилых кабал и ссудных записей по отпусковым холопов и крестьян. Указ 2 мая 1685 г. определял этот срок от времени появления его до 1 марта 1688 г.¹⁸¹

Указ 24 мая 1687 г. вновь напоминал о необходимости оформления ссудных записей и подтверждал срок прежнего указа.¹⁸² Однако указ 23 февраля 1688 г., принятый еще до истечения назна-

ченного срока, продлил его еще на один год, по 1 марта 1689 г., объяснив это отвлечением значительной части дворян в Крымский поход.¹⁸³ Несмотря на определение Указа «впредь не пересрочивать», сроки оформления служилых кабал и ссудных записей отодвигались в дальнейшем по крайней мере дважды по указам 14 марта и 31 октября 1694 г. Последний срок доходил до 3 марта 1695 года.¹⁸⁴

Несомненно, что под влиянием активно действовавшего законодательного пресса происходил постепенный, но не во всех районах одинаково протекавший процесс вытеснения порядной записи ссудной записью. Если местами сила обычая длительное время удерживала прежнюю форму порядной записи, как например в Пскове¹⁸⁵ или на Тихвинском посаде,¹⁸⁶ то в Новгороде с 70-х годов «ссудная запись» прочно входит в практику.¹⁸⁷ И хотя в Новгороде в 80-е и последующие годы не всегда выдерживалась правильность терминологии акта и ссудная запись иногда именовалась порядной записью, ссудной порядной и т. п., то это ни в какой мере не меняло существа самого акта и его формуляра. В таких случаях и порядная запись была ссудной записью, так как выдерживала все ее условия.

Временем окончательного становления ссудной записи в районах наиболее развитых крепостнических отношений следует признавать 70—80-е годы XVII в. Во всяком случае большая группа ссудных записей за 80-е годы по Арзамасскому уезду и значительное число такого рода актов по центральным уездам из публикации М. А. Дьяконова¹⁸⁸ имеют вполне определенный устойчивый формуляр, который характерен и для новгородских ссудных записей 80—90-х годов XVII в.

Среди опубликованных актов имеется сорок ссудных записей в крестьяне вотчины боярина В. Ф. Одоевского в Арзамасском уезде за 1681—1686 гг.¹⁸⁹

Первые 28 записей за 1681—1682 гг., совершенно идентичные по формуляру, касаются поряжения «вольных государевых лю-

¹⁷⁷ Там же, № 1278.

¹⁷⁸ Там же, III, № 1490; ЦГИАЛ, ф. 1256, № 12, л. 137. Все эти указы давались из Приказа Холопьего суда. Но есть один указ, 17 марта 1694 г., о том же, данный из Московского судного приказа (та же, № 24, л. 239 об.).

¹⁸⁵ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения... стр. 133. Однако наряду с этим в Пскове стали появляться и ссудные записи (там же).

¹⁸⁶ К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории Русского города. М.—Л., 1951, стр. 65.

¹⁸⁷ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 138.

¹⁸⁸ М. Дьяконов. Акты... в. 1, стр. 49—78.

¹⁸⁹ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, т. X, стр. 1—44. Начиная с № 2 даты ссудных записей определены их публикатором А. К. Кабановым с превышением на один год против действительного. Мы указываем даты записей с необходимой поправкой.

¹⁷⁷ Уложение, XI, 23, 32; XVIII, 40.

¹⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1256, № 24, л. 237 об.—238. Вполне возможно, что это было не первое законодательное распоряжение такого рода (см.: Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 138).

¹⁷⁹ ДАИ, VIII, № 108, стр. 344.

¹⁸⁰ ПСЗ, II, № 1073.

¹⁸¹ Там же, стр. 858—859.

¹⁸² Там же, № 1246.

дей» и «шояков» с семьями, включающими не только жен и детей, но и внуков, братьев в крестьяне деревни Неркуше Арзамасского уезда. Поряжающиеся получали от Одоевского ссуду «на лошади и на коровы и на всякую животину и на всякой семенной хлеб и на дворовое строение десять рублей денег», обязуясь: «. . . с тою ссудой жить нам за государем своим за боярином за князем Васильем Федоровичем» в деревне Неркуше, доход платить «с своею братею в ряд», «ни за кого не выйти и не заложитца и не збежать и ссуду государя своего не снести». В случае нарушения этих условий поражающиеся оговаривали: «. . . государю нашему и жене его и детям взять на нас та своя ссуда вся сполна, а крестьянство и впредь во крестьянство». Арзамасские ссудные записи, как обычно, завершала заверительная часть, включающая помету о записи ссудных в книги Арзамасской приказной избы.

Ссудная запись от 13 января 1683 г., единственная из всех записей, была занесена в книгу Приказа Холопьяго суда. В ее формуляре трудовые обязанности поряжающегося определены более подробно: «. . . пашня пахать и сена косить и всякие изделия делать и подати всякие давать против своей братии крестьян». При оговоре условия взыскания ссуды за побег и за нарушение других обязательств порядка сказано: «. . . на мне, Иване, и на жене моей и на сыне моем та своя ссуда вся сполна, а крестьянство и впредь крестьянство».¹⁹⁰

Начиная с ссудной записи 3 мая 1686 г. (№ 30), место поселения не оговаривается: «И с тою ссудой жить нам . . . во крестьянстве в поместье или в вотчине ево, где он, государь, нам укажет». Взыскание ссуды, как санкция за неустойку, остается правом господина и того, «кому он, государь наш, прикажет», «а крестьянство и впредь во крестьянство».

Перенесясь из Арзамасского уезда далеко на северо-запад в Новгородский уезд, мы видим ту же картину. В ссудной записи (сам документ называет себя «ссудная порядная запись») от 24 октября 1684 г. размер ссуды тот же — 10 руб. и взята она для той же цели: «. . . на семена и на емена и на лошади и на коровы и на всякую мелкую животину». И условие ссудной записи то же самое: «И с тою ссудой жить мне, Семену, и з детьми своими . . . за государем преосвященным Корнилием . . . во крестьянех в Новгородском уезде в Софийской домово́й вотчины . . . и домовая пашня пахать и всякая работа работать» и доход платить «чем меня преосвященный митрополит изоброчит». И обязательство то же самое: никуда не сбежать, ни за кого не заложиться, «ссудных денег не снести и скотину не свести». Наконец, санкция за нарушение обязательств тоже аналогична: «И на мне и на детях моих» взыскание ссуды и возмещение убытков (сноса), «а запись впредь в запись и

крестьянство в крестьянство». Далее идет заверительная часть и помета о занесении записи в книгу.¹⁹¹

Нет необходимости приводить другие примеры ссудных записей 80-х годов, которые тождественны уже приведенным нами. Из арзамасских и новгородских ссудных записей, как и записей других уездов по Актам М. А. Дьяконова следует, что ссуда давалась поряжающемуся бессрочно и возврату не подлежала. Ее целью было привлечь порядчика, а назначение сводилось к созданию «крестьянского завода». Само же прикрепление крестьянина к земле и к владельцу не было связано с получением ссуды, а вытекало из факта оформления записи на себя. Взыскание ссуды, допускавшееся только как санкция главным образом за побег крестьянина, не меняло его зависимого положения — «запись и впредь в запись и крестьянство в крестьянство» оставались неизменными на будущее время.

Об отсутствии причинной связи между ссудой и крепостной зависимостью можно судить и на основе ряда других формулировок ссудных записей: «. . . взял ссуду и жити мне во крестьянах, где господи укажет».¹⁹² Или аналогичная для арзамасских и новгородских записей: «И с тою ссудой жить мне. . .». А в ссудной записи 22 января 1685 г., которая сама себя называет порядной крестьянской записью, условие о поряжении в крестьянство и безвыходности из него, если так можно выразиться, вынесено за скобки и ни в какой связи с фактом получения ссуды не стоит: «Я, Гаврилка Яковлев, государев вольной работный человек польского повету, порядился есми во крестьянство за Никифора Андреевича Ожогина . . . на его поместную землю на крестьянской участок. И жить мне, Гаврилке, за ним, Н. А. Ожогиним, во крестьянстве с женою и детьми безвыходно. А ссуды взял на хлеб и на емена . . . денег 10 рублей». Как и в остальных ссудных, оговорено обязательство не сбежать и не заложиться, а в случае неустойки — возврат ссуды и сносного живота, а «запись впредь в запись и крестьянство в крестьянство безвыходно».¹⁹³ На таком условии ссудных записей о безвыходности крестьянского состояния заострил внимание В. О. Ключевский, который писал, что «это условие впервые сообщало ссудной записи значение настоящей крепости, утверждавшей личную зависимость без права зависимого лица прекратить ее».¹⁹⁴

Принимая это частное и конкретное наблюдение В. О. Ключевского, необходимо, разумеется, подчеркнуть, что его общий взгляд на ссудную запись как на единственный документ, опреде-

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. Новгородской приказной палаты, записная книга крестьян 82, лл. 19—21. Аналогичные ссудные записи в той же книге на других листах.

¹⁹² Там же, лл. 21 об.—23, 29—32, 38—43.

¹⁹³ Там же, лл. 54—57.

¹⁹⁴ В. О. Ключевский, Сочинения, т. VII, М., 1959, стр. 298.

¹⁹⁰ Там же, № 29

ливший потерю независимости крестьян, взгляд, вытекавший из его концепции происхождения крепостного права, не может быть принят, как не отвечающий действительному положению дела.

Вместе с тем невозможно принять и взгляд М. А. Дьяконова на ссудную запись, по которой крестьянство якобы возникает из займа, а крестьянин выступает в роли заемщика. «Поселение во крестьянство здесь вовсе не первый предмет сделки, а лишь следствие сделки о займе».¹⁹⁵ В наше время близкий к этому взгляд высказан Е. И. Каменцевой, которая определяет ссуду как «долговое обязательство, следствием которого являлось поселение новопорядчика на земле феодала».¹⁹⁶ В действительности ссуда не была ни займом, ни долговым обязательством. Юридически из ссуды не вытекало также никаких последствий в смысле поселения и прикрепления крестьянина к земле феодала и к нему лично. Но господская ссуда, будучи материальной основой «крестьянского завода», становилась тем самым источником ограничения имущественных прав крестьянина, усиливая его экономическую зависимость от феодала. Последний предоставлял крестьянину не только основное средство производства — землю, но и обеспечивал обзаведение инвентарем. В такой форме получало воплощение второе условие барщинной системы хозяйства: «... необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землей в частности...».¹⁹⁷

Таким образом, ссудная запись являет частный случай того, как внеэкономическое принуждение, рождаемое самой записью, усиливало экономическую власть феодала и создавало для него благоприятные условия.

Вступая в некоторое противоречие со своими утверждениями о тождестве порядных и ссудных записей, как по существу, так и по форме, Е. И. Каменцева справедливо замечает, что «в ссудных записях по сравнению с порядными наблюдается определенный сдвиг в сторону усиления закрепощения». Этот сдвиг исследователь видит в том, что в ссудных записях местожительство порядчика стало определяться общей фразой: «... на его поместной и вотчинной земли, где он мене жить прикажет» — и появилось обязательство порядчика не сбежать. Кроме того, «в ссудных записях не только перестали вспоминать об урочных годах, но и вообще о выходе. Всякая перемена местожительства рассматривалась как бегство, преследуемое законом». И, наконец, «новым в ссудных записях является условие не красть имущества землевладельца: „... и живучи за ним (В. Ф. Плешковым, — Е. И.) во крестьянстве, не збежать и ничего не покрасть, и лошади, и коров, и иного скота не свести“».¹⁹⁸

Все перечисленные явления несомненно имели место, но не они составляли основную черту ссудной записи. В лице последней, как она сложилась к 70—80-м годам XVII в., завершилось становление одного из крепостных актов, по которому крепостная зависимость наступала в силу заключения самой записи, получавшей официальную санкцию правительства. Такое положение дела вполне отвечало уровню развития крепостного права и состоянию законодательства, начиная от Уложения 1649 г. Ссудная запись со-общала феодалу наследственные права на крепостного крестьянина и распространяла зависимость на потомство последнего. Ссудная запись не знала никаких промежуточных состояний

в положении порядчика, подобных тем, какое знала порядная запись при наличии льготных лет. Порядчик сразу же попадал в положение, равное положению других крепостных крестьян феодала, включая старинных его крестьян, и на него распространялись все права господина вплоть до права отчуждения — уступки, мены, заклада и продажи другому лицу. Эти обстоятельства обычно не оговаривались в ссудных записях, так как разумелись сами собой на основе существующих норм права и крепостнической практики. Но можно привести случай, сам по себе представляющий некоторое исключение, но вполне подтверждающий общее правило, когда рачительный помещик потребовал от своего порядчика оговорки в ссудной записи указанных выше условий.

В ссудной записи 15 декабря 1690 г. вслед за обычной оговоркой возврата ссуды в случае нарушения условий порядка и побега крестьянина стояло: «... а крестьянство и впредь крестьянство. И вольно ему, государю моему, меня продать и заложить и самому владеть».¹⁹⁹

Изложенные наблюдения приводят нас к мысли о том, что ссудная запись, как она сложилась к 80-м годам XVII в., не только по своей принципиальной сущности, но и формально многими своими элементами примыкала к ранее рассмотренным нами крепостным актам — меновным, поступным и купчим записям. Один из существенных элементов общности состоял в том, что условие о сохранении крепостительной силы акта, несмотря на нарушение обязательств и применение в связи с этим санкций (возврат ссуды, выплата неустойки), было свойственно и поступным записям. В поступной, зарегистрированной в Новгороде под 3 января 1685 г., нарушение условий сделки влекло взыскание неустойки в размере 20 руб., но, несмотря на это, имелась оговорка: «... а за-

¹⁹⁵ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения... стр. 132, 134.

¹⁹⁶ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 154.

¹⁹⁷ В. И. Лепин, Соч., изд. 5-е, т. 3, стр. 184.

¹⁹⁸ Е. И. Каменцева, ук. соч., стр. 148—149.

¹⁹⁹ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изданный Н. Калачовым, кн. I. СПб., 1858, стр. 83.

пись в запись и поступная в поступную». ²⁰⁰ Общность безвыходности крестьянской в значительной мере сближала указанные акты, несмотря на то, что объектом поступных и купчих записей были крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости, а объектом ссудных записей — временно свободные и вступающие в крепостную зависимость. С другой стороны, ссудная запись все более сближается со служилой кабалой и это сближение, вопреки мнению М. А. Дьяконова, ни в какой мере не прекращается после 1680 г., когда господствующей формой служилой кабалы становится такая, в которой указание заемной суммы отсутствует. ²⁰¹ «Вольного» человека, ставшего холопом, делал таковым сам факт оформления служилой кабалы. Но то же самое происходило с крестьянином, вступающим в зависимость через ссудную запись. Наконец, надо отметить, что по мере развития крепостничества во 2-й половине XVII в. удельный вес и значение порядных и ссудных записей в кругу других актов крепостной неволи неизменно падали. По крайней мере количественно их все более забивали поступные и купчие записи. Это можно проиллюстрировать на примере новгородских записных книг. ²⁰²

Годы	Поступные записи	Порядно-ссудные записи
1673—1690	16	691
1691—1699	124	99

Объяснение отмеченному явлению можно дать двоякое. Сокращались источники пополнения крепостных за счет вольных людей. «Свободных» гулящих людей становилось все меньше, падало и число выходцев из-за рубежа, что для таких уездов, как Новгородский и Псковский, имело существенное значение. С другой стороны, по мере роста владельческих прав феодалов на крестьян число актов отчуждения крестьян из одних рук в другие росло абсолютно и относительно.

На долю ссудной записи все более выпадала роль уловителя крестьян и холопов с отпусковыми. Здесь уместно еще раз вспомнить значительный поток царских указов 70—90-х годов об обязательности оформления по отпусковым на крестьян ссудных записей, а на людей — служилых кабал. ²⁰³

Эти указы отражали по крайней мере два реально существовавших явления. Одно из них состояло в том, что многие феодалы длительное время держали крестьян и холопов по отпусковым, не

²⁰⁰ ЦГАДА, ф. Новгородской приказной палаты, записная книга крестьян 82, лл. 31—34.

²⁰¹ М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения. . . , стр. 134—135.

²⁰² За сообщение этих сведений автор приносит Е. И. Каменцевой глубокую благодарность.

²⁰³ См. выше, стр. 230—231.

«оформляя на них ссудных записей и служилых кабал. Виною тому могло быть скорее нежелание самих крестьян и холопов снова набрасывать на себя петлю неволи, их стремление продлить «вольное» положение, связанное с отпусковой, нежели стремление землевладельцев избежать уплаты пошлин при оформлении ссудных записей и служилых кабал. Помещики в большинстве своем, наоборот, проявляли, как правило, заинтересованность в оформлении крепостных актов, поскольку с этим было связано официальное укрепление их прав на крепостное население вотчин и поместий.

Стремление же крестьян жить «добровольно», без оформления крепостной записи, давно отмеченное в литературе, ²⁰⁴ было своеобразным актом классовой борьбы против закрепощения. Итак, ссудная запись в известной мере стала противостоять отпусковой записи. Причем через ссудную запись вступали в крестьянство не только вольноотпущенные крестьяне, но и бывшие холопы и дворовые люди с отпусковыми. ²⁰⁵ В силу этого ссудная запись становилась одним из каналов слияния холопства с крестьянством. Но сам этот факт должен быть воспринят и как комментарий к отмеченным указам 70—90-х годов XVII в. Требуя оформления ссудных записей при вступлении в крестьянство, указы не ставили преград переходу бывших холопов и дворовых людей в крестьяне.

Своеобразным «компаньоном» оформления крепостной зависимости на «вольных» людей у порядных и ссудных записей были поручные записи. Однако при известной общности их функций между порядными и ссудными, с одной стороны, и поручными записями, с другой стороны, были и серьезные различия, требующие хотя бы краткого освещения.

Порука была древнейшим институтом феодального права. Представленная в виде поручных записей, порука являлась формой закрепления и гарантией имущественных и иных сделок между отдельными представителями господствующего класса. В то же время феодалы и феодальное государство использовали институт поруки для внеэкономического принуждения крестьян, добиваясь с его помощью прикращения работника и исправного поступления ренты. Наибольшего размаха достигла круговая порука на черносошных землях, собственником которых являлось феодальное государство. Общинно-корпоративная организация черносошного крестьянства благоприятствовала развитию поручительства. Помимо политического значения, связанного с закреплением работника, порука имела для феодала и определенный экономический

²⁰⁴ См., например: М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения. . . , стр. 106—109. Такие же случаи указаны в Новгородской записной книге № 82.

²⁰⁵ Ряд случаев заключения ссудных записей по отпусковым холопами и дворовыми людьми см. в записной книге № 82 ф. Новгородской приказной палаты.

смысл — в случае невыполнения обязательств лицом, ставшим объектом поруки, ущерб феодалу возмещали поручители.

Все эти политические, юридические и экономические черты поруки оставались и в XVII в., когда порука получила весьма широкое распространение. Новым в практике использования поруки во 2-й половине XVII в. было применение ее в системе сыска беглых крестьян как средства, гарантирующего своевременную подачку спорных крестьян к суду и правильность определения принадлежности беглых какому-либо помещику при отсутствии или недостаточности прямых и официальных доказательств этой принадлежности. Отличительной чертой использования поруки в сыске беглых было то, что нормы ее применения были разработаны и санкционированы законодательством. Правительство возводило поруку в законодательную норму не только в отношении сыска беглых крестьян, но и шире — как одно из средств борьбы с побегами крестьян и холопов и одновременно с бродяжничеством и разбоями гулящих людей.

Первое законодательное требование оформления поруки на пришлых людей — дворников включено в Новоуказные статьи 1669 г. о татевных, разбойных и убийственных делах.²⁰⁶

Решительнее и настойчивее эти требования представлены в указах 80-х и 90-х годов. Указ 8 апреля 1684 г. запрещал «всяких чинов людям» держать в Москве в дворах и торговых заведениях дворцовых и помещичьих крестьян и гулящих людей без поручных записей. Если поручных записей «за скудостью взять будет нечем», то таких пришлых людей следовало записывать в Земском приказе, а из приказа брать на руки выписку о регистрации. Указ устанавливал срок для оформления поручных и их регистрации — 1 мая 1684 г. За невыполнение указа была установлена торговая казнь, а пришлым людям — наказание в соответствии с виной. Если среди них оказывались помещичьи крестьяне, то их с расписками надлежало отправлять к владельцам. Особой клаузулой указ 1684 г. регламентировал положение помещичьих и вотчинных крестьян и холопов, которые придут в Москву, «для найму работы с Красной площади». Было указано таких людей присылать для записи в Земский приказ, причем завести для этих целей особую книгу.²⁰⁷

Указ 19 марта 1686 г. подтверждал требование указа 1684 г. об оформлении поручных на пришлых людей и регистрации их в Земском приказе, угрожая за нарушение взысканием пени с держателей пришлых людей: первый раз 25 руб., второй — 50 руб., а третий — 100 руб. за человека. При невозможности уплаты

²⁰⁶ «А дворников никому у себя, не записав в Земском приказе и без поручных записей, не держать, а в городах дворников записывать у воевод или у сыщиков и по тому ж их держать с поруками» (ПСЗ, I, № 441, ст. 39).

²⁰⁷ ПСЗ, II, № 1071.

пени виновных предписывалось «сылать в Сибирские и в Низовые города на вечное житье».²⁰⁸

Указы 1684 и 1686 гг. были повторены в Статьях обьезжим головам и в виде памятей разосланы в Разряд, Патриарший приказ и в Стрелецкие слободы. В 1686 г. в Стрелецком приказе гулящие люди, жившие в Москве без поручных записей, были биты кнутом, а часть из них выслана в Сибирские, Украинские и Низовые города.²⁰⁹

Ввиду продолжавшейся практики приема пришлых людей без поручных записей указ 23 апреля 1691 г. вводил поголовную перепись пришлых гулящих людей в Москве с оформлением на них поручных записей, зарегистрированных в приказах. При отсутствии поруки пришлых людей высылали из Москвы. Указ 1691 г. возлагал контроль за составлением поручных на пришлых людей, в отличие от недавнего прошлого времени, когда это было функцией одного Земского приказа, на целую группу приказов.²¹⁰

В том же 1691 г. вышло еще два указа, обращенных специально к старостам, сотским и тяглым людям московских слобод с запрещением держать пришлых людей без поручных записей под угрозой взыскания пенных денег и исцовых исков.²¹¹

На первый взгляд приведенные здесь указы носят характер чисто полицейских мероприятий, направленных на обеспечение порядка в столице. В действительности значение их несравненно глубже. Они были одним из проявлений крепостнической политики правительства и принадлежали к числу мероприятий, направленных на борьбу с побегами крестьян и холопов. И здесь мы сталкиваемся с попыткой лишить беглых убежища. В данной связи следует обратить внимание на одну весьма важную сторону вопроса. Эти же указы вносили значительно более жесткую регламентацию в условия феодального найма пришлых людей. Непременным условием найма становились или оформление поручной записи с регистрацией ее в приказе, или поартельная запись пришлых людей в тех же приказах.

Феодально-крепостническая природа вольного найма в XVII в. убедительно вскрыта в работах советских историков. И. В. Степанов в ряде своих работ на основе изучения большого фактического материала о найме «гулящих людей» на промыслах Нижнего Поволжья отметил, что «сам характер найма носил многие присущие феодально-крепостническому строю черты». Это находит выражение прежде всего в том, что «форма поручно-порядной записи о найме, определявшая отношения между наймитом и хозяином, весьма схожа с такими типично феодальными записями,

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, Рассуждения о разбойниках, лл. 25 об.—26.

²⁰⁹ ПСЗ, II, № 1181.

²¹⁰ Там же, III, № 1403.

²¹¹ Там же, №№ 1420—1421.

какими были наемно-заемные, порядно-ссудные, наемно-жилые и т. п.». «На срок найма, подписывая поручно-рядную запись, наймит отдавал себя под неограниченную власть хозяина, и положение его в этом отношении ничем не отличалось от крепостного».²¹²

Феодално-крепостнический характер вольного найма в XVII в. отмечен и А. М. Панкратовой: «Договор „наймита“ нередко переходил в другого рода договоры; например, наемные-заемные, наемные-жилые, наемные-поручные, порядные-ссудные и т. п. записи фактически лишали реального значения этот договор личного найма». Подчеркивая усиление феодальных черт найма в связи с общим ростом крепостничества во 2-й половине XVII в., А. М. Панкратова справедливо замечает, что «к концу XVII в. обстановка в стране настолько изменилась, что дальнейшее существование „наймита“ без „крепости“ было весьма затруднительно и в экономическом и в правовом отношении». Справедлив и общий вывод А. М. Панкратовой о том, что «крепостнический жернов в XVII в. сокрушал и перемалывал все те зачатки наемного труда, которые существовали в недрах феодального общества».²¹³

Мы помним, как челобитные дворян в начале 80-х годов сигнализировали правительству, что наем становится формой укрытия беглых крестьян, в особенности одиноких или бежавших без семьи. Поручная запись должна была исключить наем беглого крестьянина. Отсюда ясна определенная связь между законодательными мероприятиями правительства о регламентации найма пришлых людей и коллективными челобитными дворянства.

Сами дворяне широко использовали поруку как средство укрепления и принуждения крестьян выполнять те или иные поручения. Иногда поручные записи выступали в вотчинах и поместьях в качестве своеобразного дублера порядных грамот при иоружении крестьян из числа пришлых людей. Видную роль в этом смысле играли поручные записи в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря.²¹⁴ Но наиболее часто, однако, поручные записи в частновладельческих хозяйствах применялись в качестве средства закрепления «непрощно сидящих», ненадежных крестьян с целью предупредить их побег или нежелательное для феодала поведение. В июле 1651 г. крестьяне Покровского монастыря дали приставу съезжей избы Г. Ширину поручную за одного крестьянина в том, что жить ему в вотчине Покровского монастыря в крестьянах, не воровать и убытков не причинять.²¹⁵ В грамоте Б. И. Морозова приказчикам нижегородских вотчин говорилось о розыске беглых даточных,

на которых были оформлены поручные записи. В случае непоимки даточных Морозов предписывал взять с поручителей других даточных.²¹⁶ Князь Н. И. Одоевский однажды обязал взять поручные записи на трех крестьян-плотников, направленных по его указу в подмосковную вотчину.²¹⁷

К. Н. Сербина, изучив порядные и поручные записи вотчины Тихвинского монастыря, установила существенное различие между ними: «... „порядная“ увеличивала ряды зависимого от монастыря населения, а „поручная“ обеспечивала монастырю бесперебойность выполнения монастырских работ и уплаты денежных оброков в монастырскую же казну». Поэтому поручная запись «являлась документом, предназначенным для внутреннего употребления».²¹⁸ Другая особенность поручной записи состояла в том, что в отличие от рассмотренных нами закрепостительных актов, в которых обычно выступали два контрагента — феодал, или заменяющий его представитель власти, и крестьянин, поручная запись была более сложным актом, фиксирующим определенные отношения трех сторон — феодала (или власти), крестьянина и поручителя. Поручители отвечали перед феодалом за крестьянина, ставшего объектом поруки.

Разберем эту ситуацию на одном примере. В феврале 1664 г. Ф. Горсткий подал челобитную о побеге от него крестьянина М. Васильева, за которого ручался поп из Пошехонского уезда И. Васильев. Когда воевода Наумов послал за ним пристава, поп оказал сопротивление, но после второй посылки был приведен на съезжий двор и допрошен. В деле фигурирует список с поручной записи.²¹⁹ Любопытна ситуация, вызвавшая поручную.

²¹⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, т. II, стр. 80.

²¹⁷ Ю. Арсеньев. Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский и его переписка с глицкой вотчиной. М., 1902, № 6. Другой случай такого рода см. там же, № 9.

²¹⁸ К. Н. Сербина, ук. соч., стр. 65—66.

²¹⁹ «Съ аз, вгорьенский поп Иван Васильев, прозвищем Масло, Пошехонского уезду поручился осьмаю Федору Яковлеву сыну Горсткому по крестьянину сво Мишке Васильеве, что отдан по беглой крестьянской дочери Федорице на Невежина поместья Самарина ему, Федору. И ему, Михайлу, и на нем, Федором Горстким, жить во крестьянах и з женою, и не збегать и никаким воровством не воровать и не промышлять и убытка помещику своему Федору Горсткому не довести. Где он, Федор Горсткий, велит ему жить в своих поместьях, тут ему, Мишке, и жить за моею порукою. А буде он, Мишка, с своею женою за моею порукою не учнет за ним, Федором Горстким, во крестьянстве жить и из-за него, Федора, збежит или учнет каким воровством воровать, и в том ему, Федору Горсткому, какой убыток учинится, и на мне поручике, на попе Иване Васильеве, взять ему, Федору Горсткому, по сей записи за избег того крестьянина Мишки взять сто рублей денег и ево крестьянские Мишкины сносные животы. А на то послуши; Елизарей Сергиев, Семен Головков, Иван Якимов. Сю запась писал Волоцкой площадью подъячей Марчко Корнилов лета 1710 генваря в 23 день». На обороте — подписи попа И. Васильева и послушков (ЦГАДА, ф. Поместного приказа, стлб. по Нижнему Новгороду 21148, лл. 204—214).

²¹² И. В. Степанов. Работные люди Поволжья в XVII в. (К вопросу о характере найма). См.: Вопросы генезиса капитализма в России. Сборник статей. Л., 1960, стр. 102, 105.

²¹³ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. См.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову. Сборник статей. М., 1952, стр. 206, 211.

²¹⁴ Л. С. Прокофьева, ук. соч., стр. 145—177.

²¹⁵ Описание актов... Уварова, № 214.

Ф. Горсткин получил крестьянина взамен бежавшей от него крестьянки. Такая передача несомненно была оформлена поступной записью, как это обычно делалось в подобных случаях. И тем не менее Горсткин дополнительно оформил поручную запись, желая гарантировать себе возмещение ущерба в случае побега крестьянина. Расчеты его оправдались. Приговор воеводы Наумова обязал попа И. Васильева выплатить по поручной за 100 руб. — 33 руб. 11 алтын серебром, поскольку с сентября по февраль 1662 г. за 1 рубль серебром давали 3 руб., и за снос имущества — 5 руб.²²⁰

Более существенную роль играли поручные записи на государственных черных землях, будучи разновидностью порядных грамот. В. И. Шунков, давший яркую картину феодального строя сибирской деревни в XVII в., констатировал, что зависимость суда сибирского крестьянина от собственника земли — феодального государства «четко фиксировалась сначала в порядных и поручных записях, а позднее в переписных и дозорных книгах».²²¹

В поручных записях, как и в порядных, оговаривались условия «быти в пашенных крестьянах. . . пашня государева пахать. . . и поделки делати», «никаким воровством не воровать, зёрню и карты не играть и не бражничать», «в государева пашне радеть» и, наконец, «никуда не збежать». Изучение актов такого рода позволило В. И. Шункову прийти к важному выводу, что «общая идея крестьянской крепости, выраженная словами поручных и порядных „никуда не збежать“ стремится подчинить себе порядок жизни сибирской деревни XVII в.».²²²

К аналогичным выводам относительно роли поручных записей в закреплении крестьян на государственных землях пришел Ф. Г. Сафронов, изучивший деревню XVII в. в бассейнах Лены и Илима. Приведенные им факты подтверждают, что поручительство предназначалось главным образом для предотвращения побегов крестьян с пашни. В случае побега поручители отвечали своими «поручиковы головы», на них переводилась десятинная пашня беглых.²²³

Большая роль поручных записей на черных землях, чем в хозяйствах частновладельческих, объяснялась тем, что государство как феодальный собственник земли имело возможность широко использовать круговую поруку черносошных крестьян, среди которых общинные порядки были сильнее, чем на частновладельческих землях. Усиление закрепостительного характера поручных записей на черных землях свидетельствовало о росте неполной собственности феодального государства на черносошных крестьян.

²²⁰ Там же.

²²¹ В. И. Шунков, ук. соч., стр. 399.

²²² Там же, стр. 399—400.

²²³ Ф. Г. Сафронов. 1) Крестьянская колонизация бассейна Лены и Илима в XVII в., стр. 107; 2) Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX вв.). Якутск, 1961, стр. 448—453.

На основе обширного материала источников, главным образом таких фундаментальных комплексов актового материала, как записные книги крепостям на вотчины и на крестьян, представленные в фондах Поместного приказа и Повгородской приказной палаты, а также на основе многочисленных опубликованных законодательных и иных материалов, наши наблюдения о составе и значении крепостных актов 2-й половины XVII в. можно свести к следующим основным положениям.

Одной из важных сторон развития крепостного права 2-й половины XVII в. было возросшее значение крепостного акта как юридического основания закрепощения крестьян.

В XVII в., в середине его и во 2-й половине, возник ряд новых крепостных актов, отразивших в своем развитии процесс углубления крепостного права.

Из потребности решить вопрос о беглых крестьянах были созданы переписные книги 1646—1648 гг., которые Уложение 1649 г. узаконило как важнейшее основание окончательного закрепощения крестьян за землевладельцами. Только на основе переписных книг в силу особенностей их состава могло быть достигнуто полностью (с родом и племенем) закрепощение крестьян. Наиболее важную роль в оформлении крепостного строя русской деревни сыграли переписные книги 1678 г. Они отличаются наибольшей полнотой подворного описания и охватом наибольшей территории. Введение подворного обложения по этим книгам способствовало слиянию различных категорий феодально-зависимых людей в одну крепостную массу. Переписные книги служили источником при составлении многих крепостных актов на крестьян — поступных, меновных, кучих и других записей.

Наряду с переписными книгами Уложение 1649 г. закрепило значение основания крестьянской крепости и за писцовыми книгами 20-х годов XVII в.

В промислутках между составлением переписных и писцовых книг имелось и правовое положение и в принадлежности крестьян и холопов тому или иному феодальному владельцу юридически закреплялись различного рода актами. Если за основу классификации крепостных актов взять их функциональный признак в сочетании с признаком хронологическим, то намечается такая картина их состояния во 2-й половине XVII в.

К первой группе следует отнести акты, имевшие отношение к наличной массе крепостного населения, — послушные грамоты, раделъные, выводные замуж, приданные, мировые, данные, поступные и кучие записи. Вторую группу образуют акты, связанные с закрепощением пришлых в вотчины и поместья людей со стороны, — жилые, порядные, ссудные и поручные записи.

Формула послушания крестьян во 2-й половине XVII в. в подавляющем большинстве случаев встречается в составе актов,

исходивших от верховной власти и определявших права собственности феодала на вотчины и поместья, — в жалованных, отказных, отводных грамотах, указах и т. п. Тем самым обретала наглядное юридическое выражение неразрывная связь неполной собственности феодала на работника производства с феодальной собственностью на землю. В виде отдельных актов послушные грамоты встречаются лишь как ответ на челобитья о них со стороны землевладельцев. Сам факт наличия таких челобитий свидетельствует о заинтересованности дворян в получении послушных грамот крестьянам.

Из числа актов, связанных с отчуждением крепостных крестьян из одних рук в другие, наиболее древними по происхождению были полюбовные раздельные записи, рядные сговорные записи и т. п. И в раздельных, и в рядных сговорных записях крепостные крестьяне выступали как «эквивалент» имущества при разделе наследства, выделе сыновей, братьев, выдаче дочерей и сестер замуж и т. п.

На судьбу ряда крепостных актов оказал влияние проходивший во 2-й половине XVII в. процесс юридического и фактического сближения поместья с вотчиной и соответственно — сближения юридического положения поместных крестьян с положением крестьян вотчинных. Наиболее важное значение в этом смысле имели указы 30 марта 1688 г. и 7 апреля 1690 г., которые санкционировали право «поступки» и «мены» как в отношении вотчин и поместий, так и в отношении крестьян. За вотчинником оставалось право продажи и залога вотчин и вотчинных крестьян, а также перевода крестьян с вотчинных земель на поместные, в то время как помещик располагал лишь правом перевода крестьян с поместной земли на поместную.

Под углом зрения законодательных формул указов 1688 и 1690 гг. следует рассматривать сложившуюся в последние десятилетия XVII в. практику распоряжения поместными и вотчинными крестьянами, получившую отражение в поступных и купчих актах на крестьян без земли.

Поступные записи, возникшие в первой половине XVII в., получили наибольшее распространение в сфере сделок помещиков и вотчинников относительно беглых крестьян, как одна из юридических форм разрешения взаимных претензий о беглых крестьянах.

Во 2-й половине XVII в. не были редкостью поступные записи на крестьян, находившихся в бегах. Юридическая возможность такого рода сделок покоилась на праве бессрочного сыска беглых после отмены урочных лет и на прямой санкции указов 25 июля 1682 г. и 30 марта 1688 г. Право на крестьянина стало передаваться, меняться и даже продаваться таким же образом, как и сами крестьяне. Во 2-й половине века получили распространение поступные записи на крестьян без земли за долг и в качестве залога под взятую сумму денег. Имел место заметный количествен-

ный рост всех видов поступных записей на крестьян, особенно на последние два десятилетия XVII в.

В середине и во 2-й половине столетия в купчих на вотчины и поместья крестьяне стали выступать наряду с землей и строениями в качестве одного из объектов купли-продажи. Наконец, следующей ступенью реализации владельческих прав феодалов на крестьян явилась продажа вотчинных крестьян без земли. В истории купчей на крестьян без земли важное значение имели правительственные указы 13 октября 1675 г. и 30 марта 1688 г.; первый из которых разрешил, а второй окончательно закрепил регистрацию купли-продажи вотчинных крестьян без земли в Поместном приказе. Относительно актов поступки продажа крестьян без земли с оформлением купчей записи была явлением сравнительно редким. На 2-ю половину XVII в. приходится лишь начало процесса продажи крепостных крестьян без земли, который получил значительное развитие уже в XVIII в.

На основе анализа раздельных, меновных, поступных и купчих актов на крестьян без земли, если их рассматривать в хронологическом плане, с несомненностью устанавливается процесс развития крепостного права во 2-й половине XVII в. Если основу этого процесса в плане социально-экономическом составляло дальнейшее развитие феодальной собственности на землю (слияние поместья с вотчиной), то в плане юридическом, с одной стороны, — слияние холопского права с правом крестьянским в одно крепостное право и, с другой стороны, — сближение правовой природы поместных и вотчинных крестьян. Однако различия прав феодалов на вотчинных и поместных крестьян полностью еще не были преодолены. Если поместные крестьяне могли быть объектом раздела с отрывом от земли или объектом сделки, фиксированной в поступной записи по искам в отношении беглых крестьян, то в погашение долга и в качестве залога и объекта купли-продажи шли только вотчинные крестьяне.

Существенную сторону развития крепостного права составил вопрос о государственной регистрации сделочных записей на крестьян. Регистрация сообщала сделочным записям официальную силу крепостного акта. Наиболее существенное значение в этом отношении имел указ 30 марта 1688 г. Он санкционировал все виды сделок на крестьян без земли, включая сделки в отношении крестьян, находившихся в бегах, но с сохранением различия прав распоряжения вотчинными и поместными крестьянами, которые указаны выше. Этот же указ централизовал запись крепостных актов на крестьян в Поместном приказе. Находящиеся в фонде Поместного приказа записные книги крепостям на крестьян без земли берут начало как раз с 1688 г.

Проблема пополнения крепостного населения вотчин и поместий во 2-й половине XVII в. решалась главным образом за счет царского пожалования помещикам и вотчинникам дворцовых, черно-

сошных и вновь присоединенных земель, за счет захвата пленных и насильственного похолопливания и окрестьянивания мелких служилых людей, черносошных крестьян, однодворцов и т. п.

Значение порядных и ссудных записей в указанном отношении отодвигается далеко на второй план.

В северных районах Поморья и Сибири порядные грамоты оставались на протяжении всего XVII в.

В районах развитого частновладельческого крепостнического хозяйства порядная запись эволюционировала в ссудную запись (к 70—80-м годам XVII в.), по которой крепостная зависимость наступала в силу заключения самой записи, получавшей официальную санкцию правительства, вне связи (в юридическом смысле) с фактом получения ссуды. Такое положение дела вполне отвечало уровню развития крепостного права и состоянию законодательства, начиная от Уложения 1649 г.

Порядчик сразу же попадал в положение, равное положению других крепостных крестьян феодала, включая старинных его крестьян, и на него распространялись все права господина вплоть до права отчуждения — уступки, мены, заклада и продажи другому лицу.

По мере развития крепостничества значение порядных и ссудных записей по сравнению с другими актами крепостной неволи заметно падало. Тщательнее их все более забывали поступные и купчие записи. Эволюция порядной записи в ссудную запись, связанная с отмиранием таких типичных атрибутов порядной записи, как льгота и подмога, свидетельствует об изживании в XVII в. института новопорядчиков. Начиная с Уложения 1649 г. общая система крепостного права становится настолько развитой, что необходимость использования экономических факторов в качестве средства привлечения незакрепощенного населения отпадает.

Во 2-й половине XVII в. широкое распространение получила порука. Правительство возвело поруку в законодательную норму не только в отношении сыска беглых крестьян, но и шире — как одно из средств борьбы с побегами крестьян и холопов и одновременно с бродяжничеством и разбоями гулящих людей.

Поручная запись сыграла видную роль в усилении феодального характера вольного найма. И по закону, и на практике неизменным условием найма становилось оформление поручных записей.

Более существенную роль поручные записи играли на государевых землях, будучи разновидностью порядных грамот. В них фиксировалась личная зависимость государевых крестьян Сибири и Поморья от феодального собственника земли — государства.

Один из общих выводов данной главы должен состоять в том, что институт старожильства для XVII в., тем более для 2-й его

половины, не является характерным. М. А. Дьяконов подходит к «старине», как к объективно существующей. На самом деле «старина» существовала постольку, поскольку она отражена в переписных и писцовых книгах и других крепостных актах. При таких обстоятельствах «новизна» нередко становилась «старинной», будучи закреплена документально. Установление в ряде случаев новых сроков прикрепления крестьян и сыска беглых наносило дополнительный удар «старине» и старожильству. «Старина» все более становилась рудиментом, пережитком, сохранялась лишь только терминологически, теряя значение основания крестьянской крепости и поглощаясь законом и крепостным актом.





Глава четвертая

ПРИКРЕПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН К ПОСАДАМ

За последнее время в советской исторической литературе появились исследования и отдельные высказывания по истории русского города феодальной эпохи, авторы которых дают ответ на вопрос о сущности правительственной политики по отношению к городу и вскрывают характер правового положения горожан (посадских людей). А. М. Сахаров в итоге изучения городов северо-восточной Руси XIV—XV вв. пришел к такому общему заключению: «Подчинив себе города, задушив все проявления борьбы за городские вольности, не дав горожанам никаких привилегий, централизованная великокняжеская власть все более распространяла на города крепостнические порядки. Развитие крепостничества в России в период формирования централизованного государства не могло не привести к созданию новых трудностей для роста городов, хотя объединение страны и обеспечение ее внешней безопасности имели немалое положительное значение для городов. Образование централизованного государства на феодальной основе не разрешило, а еще более углубило и обострило противоречия социально-экономического развития русских городов, скованных все более укреплявшейся феодальной системой».¹

Далеко отстоящий от средневекового периода в истории русского города привлек внимание П. Г. Рындзюнского. Подвергнув обстоятельному изучению развитие городов России в конце XVIII и в 1-й половине XIX в., т. е. в период разложения феодально-крепостнического строя и роста капиталистических отношений, П. Г. Рындзюнский дал такую оценку правового положения горожан: как «часть сельского населения — государственные крестьяне — не принадлежала отдельным помещикам, однако их зависимость от государства строилась по феодальному образцу», «того же типа зависимость от государства связывала и городские сословия, в особенности наиболее многочисленные из них — мещанство и цеховых, на которых также распространялась система „государственного феодализма“, но которые «не находились в лич-

ной зависимости от отдельных представителей класса феодалов, как помещичьи крестьяне».²

С этим связан еще один важный вывод того же автора: «Мещане и государственные крестьяне несли натуральные повинности, отбывали рекрутчину и платили такие подати государству, которые по существу равнялись феодальной ренте крепостных крестьян, они же были связаны круговой порукой, — все это, как и многие другие обстоятельства, исключало возможность свободного отхода и свободного найма».³

Но если воздействие растущего крепостничества на положение городского населения можно проследить в XIV—XV вв., а в XVIII и в 1-й половине XIX в. оно еще цепко держит город в своих, хотя и слабеющих, объятиях, то спрашивается, что же можно сказать о городе 2-й половины XVII в.? К сожалению, почти ничего! Каких-либо работ на эту тему нет совершенно. В новейших исследованиях можно встретить лишь отдельные высказывания о положении русского города XVII в. Приведем одно из них: «Между тем в России XVII века делаются попытки к водворению крепостничества в городах путем прикрепления посадских людей к их промысловым занятиям (Соборное Уложение 1649 г. запретило межгородскую миграцию населения. Продавать на сторону дворы и лавки запрещалось, в городское тягло предписывалось вернуть посадских людей, ушедших в слободы или в деревни».⁴

Верное в своей основе замечание Ф. Я. Полянского можно принять лишь с одной поправкой — попытки водворения крепостничества в городах, как это следует из работы А. М. Сахарова, следует отнести не к середине XVII в., а к гораздо более раннему времени. Уложение 1649 г. явилось новым законодательным актом на пути укрепления крепостного режима в городе.

Именно в таком духе характеризует правовое положение посада Л. В. Черешин: «Само освобождение „закладчиков“ от путочно-владельческого вотчинного режима и возвращение их в города производились в крепостнических формах путем прикрепления к посадскому тяглу, лишения свободы передвижения, что в свою очередь не могло не сказаться отрицательно на городской экономике, не могло не консервировать феодального строя русских городов».⁵

Связь прикрепления посадских людей к тяглу и безвыходности посадского состояния с гл. XIX Уложения отмечена в русской буржуазной литературе в начале XX столетия. Прежде всего имеем в виду известную монографию А. А. Кизеветтера, в которой

² П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 40.

³ Там же, стр. 431.

⁴ Ф. Я. Полянский. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960, стр. 51.

⁵ ПРП, вып. V, стр. 13.

¹ А. М. Сахаров. Города северо-восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, стр. 234.

подчеркнут тяглый характер посадской общины по Уложению 1649 г.⁶ В том же духе дана оценка гл. XIX Уложения у М. А. Дьяконова.⁷ Оба автора, придерживаясь милюковской схемы, рассматривали русский город XVII в. преимущественно как тяглую общину. Прикрепление посадских людей трактуется у них как прикрепление к тяглу исключительно в фискальных целях правительства. Закрепостительная политика на посаде не ставится в связь с общим ростом крепостного права в стране; игнорировалось классовое содержание посадской политики царского правительства. Далее попытки определить положение посада в XVII в. в свете Уложения 1649 г. дореволюционная историография не пошла. Вторая половина XVII в. в истории русского города совершенно не освещена. Не восполнен этот пробел и до настоящего времени.⁸ Наши представления по истории города-посада за период до начала 50-х годов XVII в. значительно пополнились благодаря капитальному исследованию П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.».⁹

Труд П. П. Смирнова, не имеющий в этой области исследований себе равного по широте затронутых вопросов и объему фактического материала, содержит тем не менее методологические ошибки и неточности в оценках ряда явлений восстания 1648 г. в Москве, борьбы посадских людей за Уложение и общей роли посадского строения 1649—1652 гг. Эти ошибки были указаны критикой одновременно с изданием труда П. П. Смирнова, в послесловии от редактора ко II тому книги.¹⁰ Автор послесловия С. В. Бахрушин сосредоточил внимание на критике позиции П. П. Смирнова в оценке восстания 1648 г. П. П. Смирнов ошибочно отводил одинаковую роль дворянству и посадским людям и не вскрыл борьбы низов посада против гостей и «лучших» посадских людей.¹¹ С. В. Бахрушин отметил еще одну особенность работы П. П. Смирнова — преувеличенное представление о прогрессивном характере посадского строения как решающего этапа в развитии буржуазных отношений в русском городе.¹² К сожалению, С. В. Бахрушин не указал того обстоятельства, что очевидное преувеличение роли посадского строения связано у П. П. Смир-

нова с его односторонним подходом к посадской реформе, с подчеркиванием только прогрессивной ее стороны, без учета крепостнического характера как самой гл. XIX Уложения, так и путей ее реализации. Правда, выступая против допущенной П. П. Смирновым идеализации деятельности Б. И. Морозова как поборника интересов посада, С. В. Бахрушин подчеркнул, что «политика Морозова и Траханиотова в отношении посадов была продолжением и расширением того сыска закладчиков, который был начат еще в 1638 г., задолго до вступления в управление Морозова».¹³ А сыск закладчиков, иначе говоря беглых посадских людей, составляющий существенный элемент посадского строения, был не чем иным, как частным случаем реализации крепостного права. Сыск закладчиков ни по сути, ни по приемам своим ничем не отличался от сыска беглых крестьян. В дальнейшем, во 2-й половине века, и тот и другой сыск проводились одновременно и зачастую одними и теми же лицами — сыщиками.

Справедливость требует сказать, что приведенный П. П. Смирновым материал из истории посада первой половины XVII в. показывает, что крепостническое законодательство о сыске и прикреплении посадских людей опережало законодательство о сыске и прикреплении частновладельческих крестьян. В 1619 г., например, был установлен десятилетний срок сыска посадских тяглецов, в то время как срок сыска беглых крестьян был пятилетний. Когда в посадское строение 1637—1638 гг. срок сыска черных тяглецов довели до 25 лет, срок сыска беглых крестьян увеличили с 1641 г. всего до 10 лет (при сыске в 15 лет для свезенных крестьян). В таком положении дел П. П. Смирнов справедливо усматривал преимущество интереса «государевой вотчины».¹⁴

Другой важной стороной посадского строения было отчуждение в посад частновладельческих слобод, вотчинных и посадских сел, расположенных в черте города или находящихся «в ряд с посады» и «около посадов». Население этих слобод и сел, занимающееся торговлей и ремеслом, происходившее не из посадских людей, но и не связанное с сельским хозяйством, включалось в посадское тягло и прикреплялось к посадам.

Совершенно очевидно, что прикрепление к посадам было также частным случаем приложения крепостного права.

Если подойти с этих точек зрения к анализу гл. XIX Уложения, то нетрудно увидеть, что ее содержание, за исключением небольшого числа статей, сводится в основном именно к этим двум моментам — отчуждению частновладельческих слобод и вотчин и пользе посада с прикреплением к посаду их торгово-промышленного населения и к сыску беглых посадских людей — закладчиков.

¹³ Там же, стр. 731—732.

¹⁴ Там же, стр. 240.

⁶ А. А. Кизеветтер. Посадская община России XVIII ст. М., 1903, стр. 1—3.

⁷ М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912, стр. 295—303.

⁸ Любопытно, что в прекрасно выполненных «Очерках истории СССР. Период феодализма, XVII в.» (М., 1955), представляющих итог достижений советской историографии в изучении России в XVII в., история посада обрывается на середине XVII в.

⁹ Том I, М.—Л., 1947; т. II, М.—Л., 1948.

¹⁰ С. В. Бахрушин. От редактора. См.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, стр. 725—736.

¹¹ Там же, стр. 733—734.

¹² Там же, стр. 731.

В самом деле, сыску и принудительному возвращению на посад, согласно гл. XIX, подлежали бывшие посадские люди и их дети, которые проживали в черте города, в непосредственной близости от него или даже в вотчинах и поместьях в качестве закладчиков,¹⁵ крестьян и холопов,¹⁶ кабальных людей¹⁷ и служилых людей по прибору: стрельцов,¹⁸ пушкарей, затинщиков, воротников,¹⁹ новых казаков,²⁰ солдат,²¹ ямщиков²² и псарей.²³ Исключения в этом смысле предусматривались весьма небольшие. Не подлежали возврату в посад казаки верстания прошлых лет, получающие государево жалование,²⁴ лица, вышедшие из плена,²⁵ третьи сыновья стрельцов.²⁶ В каждом отдельном случае по указу государя решался вопрос в отношении тяглых мастеровых людей, перешедших в Оружейную палату и другие приказы в Москве.

Все бывшие посадские люди возвращались в посады «безлетно» и «безповоротно». Это выражение следует понимать не только в смысле отмены существовавших до Уложения урочных лет сыска посадских людей, но и в смысле отсутствия каких-либо ограничений сыска исходными сроками. Такие начальные сроки сыска беглых крестьян по Уложению устанавливались писцовыми книгами 1626 г. или переписными книгами 1646—1647 гг.

Глава XIX содержит категорическое запрещение всем возвращенным в посад людям покидать в будущем свое посадское положение, «ни за ково в закладчики не записыватися и ни чьими крестьяны и людьми не называтися». Нарушение данной крепостной заповеди влекло наказание кнутом «по торгам» и ссылку в посады предусмотрена и санкция против тех, кто примет в будущем беглых посадских людей: «... быти от государя в великой опале, и земли, где за ними те закладчики учнут жити, имати на государя».²⁷ Для уяснения степени крепостнического характера этих санкций, в особенности первой из них, необходимо вспомнить, что Уложение 1649 г. не предусматривало никакой кары крестьянину за сам факт побега и не устанавливало никаких конфискаций владений феодалов за прием беглых крестьян.

¹⁵ Уложение, XIX, 9, 13, 20.

¹⁶ Там же, 13.

¹⁷ Там же, 1.

¹⁸ Там же, 26, 27.

¹⁹ Там же, 28.

²⁰ Там же, 30.

²¹ Там же, 31.

²² Там же, 32.

²³ Там же, 25.

²⁴ Там же, 29.

²⁵ Там же, 33.

²⁶ Там же, 26, 27.

²⁷ Там же, 13.

В интересах посада решался в гл. XIX Уложения вопрос о «полнении» рядов посадских тяглых людей. Принятый в этом случае принцип включения в тягло и прикрепления к посаду «по торгам и промыслам» был использован довольно разносторонне, что позволило применить его, хотя и в различном плане, к довольно широкому кругу лиц. В правовом отношении вопрос о прикреплении к посадам решался двояко. Безоговорочно включались в тягло с прикреплением к посаду на общих основаниях с остальными посадскими людьми торговые и ремесленные люди частновладельческих слобод, отписанных к посадам,²⁸ а также поповы дети, церковные дьячки, пономари, вольные люди, проживающие в городах на церковных землях и занятые торговлей и промыслами.²⁹ Сюда же следует отнести вольных людей, поженившихся на тяглых посадских вдовах и тем самым принявших на себя тягло,³⁰ зятей посадских людей, которые приняли их в свои дома «по их живот их кормити»³¹ и, наконец, кабальных людей или крестьян, за которых вышли замуж находящиеся в бегах дочери посадских людей.³² Именно эти, перечисленные нами категории лиц, в силу своего прикрепления к посаду лишались права покинуть тягло и уйти с посада.³³

Именно на них распространялась санкция ст. 13, запрещающей «впредь тем всем людям, которые взяты будут за государя, ни за ково в закладчики не записыватися и ничьими крестьяны и людьми не называтися. А будет они впредь учнут за ково закладыватися и называтися чьими крестьяны и людьми, и им за то чинити жестокое наказание, бити их кнутом по торгом и сылати их в Сибирь, на житье на Лену».³⁴

Гарантия посадской крепости скреплялась, кроме того, запретом продажи и заклада тяглых дворов и дворовых мест нетяглым людям.³⁵

Охрана крепостной неприкосновенности посадских людей выражена в законодательной норме о государевой опале и о конфискации земельных владений у лиц, принявших закладчиков или посада. Закон запрещал беглых посадских людей, так же как и беглых крестьян, кабалить, кропить заемными долгами и ссудами, отдавая в исках по таким крепостям.³⁶

Существенно иным было правовое положение другой категории лиц на посаду. К ним относятся занятые торгами и промыслами

²⁸ Там же, 1, 5, 7, 8, 9.

²⁹ Там же, 3.

³⁰ Там же, 22.

³¹ Там же, 23.

³² Там же, 38.

³³ Там же, 2.

³⁴ Там же, 13.

³⁵ Там же, 39.

³⁶ Там же, 18. Ср. о крестьянах: Уложение, XI, 23.

служилые люди по прибору и городовые торговые люди. Их отношение к тяглу и к посаду определялось Уложением на основе того же принципа «по торгам и промыслам», но с существенными иными правовыми последствиями. В общей форме положение торговых приборных людей определено следующим образом: «А которые всяких чинов люди на Москве емлют государево денежное и хлебное жалованье и лавки за собою держат, и наймуют, и всякими промыслами промышленяют, опричь стрельцов и тем людям быти по прежнему в своих чипех, и служити государевы службы с государева жалованья. А с торговых со всяких промыслов быти им в тягле в сотнях и в слободах и в ряд с черными людьми подати давати, а службы никакой тяглою не служить». ³⁷

Эта общая норма конкретизируется путем уточнения некоторых особенностей в отношении отдельных групп служилых людей. Стрельцы, казаки, драгуны, занятые торговлей и промыслами, пользовались наибольшими привилегиями — они освобождались от тягла и от тяглых служб, но были обязаны платить таможенные пошлины, а с лавок — оброк. ³⁸

Пушкари, затинщики, воротники, казенные плотники и кузнецы, если они имели торги и промыслы на посаде, наоборот, облагались тяглом, государевыми податями и службами наряду с посадскими людьми, а с торговых промыслов обязаны были платить таможенные пошлины. ³⁹

Однако у всех этих служилых людей по прибору была одна общая существенная особенность, отличавшая их от торговых и промышленных людей, прикрепленных к посаду. Эта особенность состояла в том, что включение их в тягло по торгам и промыслам не влекло за собой прикрепления к тяглу и к посаду. Они могли освободиться от тягла по собственной воле при условии продажи в посад своих лавок и промысловых заведений: «А кто в тягле быти не похочет, и тем людям лавки свои продать государевым тяглым людям». ⁴⁰

Служилые люди по прибору к середине XVII в. в социальном отношении занимали промежуточное положение между крестьянами и низшими разрядами служилых людей по отечеству. В то же время в правовом отношении они занимали промежуточное положение между крепостными и свободными людьми. Это сказалось в их отношении к посаду.

Такое же право избавиться от тягла путем продажи в посад своих торговых и ремесленных заведений имели городовые торговые люди, записанные в гостиную и суконную сотни. ⁴¹

Однако определяющим для посада и для понимания существа политики феодально-крепостнического государства на посаде было положение не служилых людей по прибору, и тем более не торговых людей, а положение основной численно преобладающей (по крайней мере для центральных уездов) массы торгово-ремесленного населения — посадских людей, включая сюда и пополнение, прибывшее в посады в результате посадского строения 30—50-х годов XVII в. Они были прикреплены к посаду и не имели права покидать его.

Посад и в период до Уложения 1649 г. был особой сферой приложения крепостного права. Уложение послужило в этом смысле новым и весьма существенным этапом. Оно в еще большей степени вводило развитие городов в рамки крепостнических отношений и подчиняло это развитие интересам феодального государства. Закон о прикреплении посадских людей к посаду, с запрещением покидать посад и уходить на сторону, получил в Уложении законченное и полное выражение. Законодательство 2-й половины XVII в., как увидим ниже, не внесло существенных дополнений и изменений к этой основной норме Уложения и лишь служило ее развитию и практическому воплощению.

Для понимания существа феодальных отношений на посаде небесполезно ознакомиться с положением посадских людей в частновладельческих посадах. Примером может служить Тихвинский посад, хорошо известный нам благодаря исследованию К. П. Сербиной. Основная особенность положения тихвинских посадских людей в XVII в. состояла в том, что, будучи фактически посадскими людьми, юридически они находились в той же зависимости от монастыря, которая распространялась на крепостных крестьян вотчины. ⁴²

Подобную ситуацию нетрудно усмотреть и в положении посадских людей государевых городов-посадов. Посадские люди не были в личной зависимости от отдельных феодалов, как частновладельческие крестьяне, но на них распространялись определенные формы зависимости от феодального государства, близкие к тем, которые были характерны для черносошных крестьян.

Если П. Г. Рындаковский справедливо усмотрел, что на основную массу горожан конца XVIII—1-й половины XIX в. распространялась система «государственного феодализма», которая, как еще ранее установлено Н. М. Дружининым, определяла собою феодально-зависимое положение черносошных, а затем и государственных крестьян, то с тем большим основанием все это можно и следует отнести к посаду 2-й половины XVII в.

Несомненно, что феодальная собственность на землю, как основа феодальной зависимости, играла свою роль и на посаде, хотя

⁴² К. П. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л. 1951, стр. 62—63.

³⁷ Там же. XIX, 4.

³⁸ Там же, 11.

³⁹ Там же, 12.

⁴⁰ Там же, 4, 12.

⁴¹ Там же, 34.

в меньших размерах, чем на селе. Торговое огородничество, садоводство и даже земледелие, которые были широко распространены в русских городах XVII в., и, наконец, различного рода промыслы (солеварение и т. п.) в силу низкой техники производства требовали больших участков земли, собственником которой, как и на черносошных землях, было феодальное государство.⁴³ Право распоряжения земельными участками и дворами на посадах, как мы только что видели по Уложению 1649 г., было ограничено. Отчуждение их допускалось только в пределах посада и только между посадскими тяглыми людьми. Все это вполне отвечало феодальному строю черносошной деревни.

Наконец, характер тягла и других повинностей посадских людей и черносошных крестьян в принципе также был однороден. Эти повинности «по существу равнялись феодальной ренте крепостных крестьян». Кроме того, посадские люди, как и черносошные крестьяне, «были связаны круговой порукой», — все это, как и многие другие обстоятельства, исключало возможность свободного отхода и свободного найма.⁴⁴

Переход частновладельческих крестьян в посад означал освобождение их от крайних и наиболее грубых форм крепостнического гнета, связанного с личной зависимостью от феодала. Но переход в посад не означал полного освобождения от феодальной и даже крепостной зависимости и, разумеется, не делал крестьянина свободным. Крестьянин, ставший посадским человеком, попадал в феодальную зависимость от государства и на него, как и на черносошного крестьянина, распространялась одна из норм крепостного права — прикрепление к месту, к посаду.

Тем не менее все сказанное не означает, что Уложение и посадское строение не имели большого положительного значения для развития русского города. Сама по себе ликвидация на посадах частновладельческих слобод как своеобразного пережитка феодальной раздробленности была продолжением исторического пути превращения частновладельческого города в государев город — посад, отражала общую линию развития и укрепления русского централизованного государства и способствовала укреплению городов как центров ремесла и торговли. Указанные процессы проходили все же в рамках феодально-крепостнических отношений, ничего не меняя в их основе, но результатом этого был рост городов, в недрах которых стали зарождаться и крепнуть новые буржуазные отношения, подорвавшие в конечном итоге устой феодализма.

Нельзя игнорировать того факта, что посадское строение проводило дворянское самодержавное правительство, которое хотя и делало большое и важное дело, но делало его в соответ-

ствии со своей природой, применяя средства, заимствованные из арсенала крепостнического государства. Объединив территорию посадов под своей властью, феодальное государство получало большую возможность для нажима на посадских людей в интересах фиска и с целью удержания их в повиновении.

Таким образом, посадское строение, хотя и создавало условия для развития буржуазных отношений, но в то же самое время тормозило развитие этих отношений. Поэтому никак нельзя без необходимых оговорок согласиться с заключением П. П. Смирнова, что «главной задачей городской реформы была задача окончательного раскрепощения городского населения по земле и тяглу от феодальной зависимости».⁴⁵ Не меньше преувеличение заключено в следующих словах историка: «Зависимые от монастырей, владычных вотчин и боярщин, домовые ремесленники обращались в свободных горожан, работавших на рынки, или скупщиков из посадских же людей».⁴⁶ Устранив зависимость торгового населения городов от крупных феодалов, правительство обложило его тяжелым государственным тяглом и поставило в прямую феодальную зависимость от государства. И не всегда и не для всех посадских людей такая перемена была к лучшему. Иначе не было бы многочисленных побегов тяглых людей с посадов, стремления вновь заложиться за феодалов, избежать посадского тягла; иначе незачем было бы правительству законодательно запрещать уход с посадов под страхом наказания кнутом и ссылки на Лену.

Наконец, для успешного развития буржуазных отношений в городе необходимо было систематическое пополнение рядов его населения извне, прежде всего, разумеется, из деревни, из числа, с одной стороны, разбогатевшей и, с другой стороны, обедневшей части крестьянства. Уложение же категорически запрещало поселение крестьян на посадах. Оно накладывало крепостнические узы на развитие связей города и деревни, консервировало крепостнические перегородки между ними. Посад замыкался в сословные рамки, неприкосновенность которых гарантировалась законом. Обретенная посадскими людьми привилегия монопольного владения на посаде торгами и промыслами была одновременно их обязанностью, обусловленной несением тягла и выполнением различных служб в пользу феодального государства. В этой связи нельзя обойти молчанием одну весьма существенную сторону гл. XIX Уложения — ее отношения к крепостному крестьянству. Суть вопроса состоит в том, что в Уложении нет никакого упоминания о включении занятых торгами и промыслами крестьян в посадское тягло и о прикреплении их к посадам. Более того, ряд статей содержит запрет перевода крестьян в посады, обяза-

⁴³ Ср.: П. Г. Рындзюнский, ук. соч., стр. 41.

⁴⁴ Там же, стр. 430—431.

⁴⁵ П. П. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 721.

⁴⁶ Там же.

вая вотчинников выводить своих крестьян из посадов при условии продажи в посад торговых и ремесленных заведений, находящихся в собственности крестьян. При отчуждении частновладельческих слобод в посады в отношении крестьян было предписано: «А пашенных крестьян, будет которые объявятся по распросу их поместей и вотчин старинные крестьяне, а привезены на те земли, и с тех слобод велети тем людям, у кого те слободы будут взяты, свести в свои вотчины и в поместья. А будет у тех пашенных крестьян на Москве и в городех есть лавки и погребы и соляные варницы, и им те лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людем, а впредь лавок, и погребов и варниц, oprичь государевых тяглых людей, никому не держати». ⁴⁷ Равным образом и в том случае, если крестьяне покупали или брали в заклад тяглые дворы, лавки и амбары на посадах, они обязаны были продать их посадским людем. В случае покупки крестьянами в будущем тяглых дворов, лавок и амбаров Уложение устанавливало безденежное отчуждение объекта купли в пользу государя и торговую казнь для нарушителя закона. ⁴⁸ Что касается срочного заклада посадского имущества, то он допускался, но при условии, что крестьяне или другие, не связанные с посадом лица, принявшие такой заклад, в случае его просрочки должны продать имущество посадским тяглым людем. Нарушение этого правила влекло за собой безденежное отчуждение объекта заклада. ⁴⁹

Уложение, таким образом, пыталось предусмотреть возможные пути проникновения частновладельческих крестьян в посад и нейтрализовать их. Даже женитьба беглых крестьян на дочерях посадских людей и на тяглых вдовах не влекла за собой прикрепления их к посадскому тяглу. ⁵⁰ Это тем более любопытно, что по тому же Уложению женитьба на тяглой посадской вдове вольного человека прикрепляла последнего к посаду. ⁵¹ Несколько особое решение судьбы крестьян, связанных с городом, предусмотрено при отчуждении в посад вотчинных и поместных сел и деревень, находящихся «в ряд с посады, и которые около посадов». В таком случае «указал государь» пашенных крестьян «описать себе статьею». Здесь опять-таки нет прямого закона о переводе крестьян в посад. На таких крестьян составляли особые списки для решения вопроса о них в каждом отдельном случае. ⁵² Но если торговые крестьяне, имеющие в городах лавки и промыслы, проживали в вотчинных и поместных слободах, селах и деревнях «от посадов не близко» и «напередь сего в посадских людах не бывали и тягла не платили», то их следовало, по Уложению, дать «на крепкие

поруки, что им впредь в лавках и погребях не сидети и не торговати и варниц и кабаков не откупати, а те лавки и погребы и варницы продати тяглым людем». ⁵³

Глава XIX содержит единственный казус, с которым связан перевод владельческого крестьянина в посад. Выход замуж беглой или подговоренной дочери посадского человека за кабального человека, крестьянина или бобыля влекло за собой возвращение «той посадской девки или вдовы» с мужем и с детьми в посад «жити в тягле». ⁵⁴

Смысл этой нормы будет понятен, если ее сопоставить с двумя другими нормами той же главы Уложения. Одна из них не связывала замужество дочери (девки) посадского человека, выданной с согласия ее родителей за вольного человека, с обязательством перехода ее мужа в посад. ⁵⁵ Другая норма предписывала крестьян и бобылей, бежавших в город и женившихся там на посадских девках или на вдовах, возвращать помещикам и вотчинникам с женами и с детьми по писцовым книгам. ⁵⁶

Таким образом, только брак при нахождении в бегах влек за собой возвращение дочерей (девок) посадских людей с их мужьями в посад. Следовательно, норму ст. 38 гл. XIX Уложения следует понимать не более как санкцию за прием беглой дочери посадского человека. Принявший такую беглую и выдавший ее замуж помещик или вотчинник лишался своего крестьянина или бобыля. Препятствуя переходу владельческих крестьян в посад, Уложение не возбраняло все же крестьянской торговли на посадах, поскольку такая торговля была в интересах феодалов, но ставило условием крестьянам торговать «повольным торгом безпенно на гостине дворе с возов и стругов, а в рядах лавок не покупати и не наймовати». ⁵⁷

Отбирая в интересах посада и государственного фиска у бояр и церкви слободы, поместья и вотчины в городах с их торгово-промышленным населением, Уложение одновременно в интересах феодалов запрещало переход крестьян и кабальных людей, занятых торговлей и промыслами, в разряд посадских людей. ⁵⁸

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, 38.

⁴⁹ Там же, 21.

⁵⁰ Там же, 37.

⁵¹ Там же, 17.

⁵² В ходе посадского строения 1649—1652 г. практически и в результате некоторых наказов приписка отдельных групп владельческих крестьян и посадкам производилась по признаку владения ими на посаде тяглыми дворами. Объяснялось это в значительной мере тем, что практически было не просто отделить промышленно-торговых людей в слободах от крестьян, проживавших в тех же слободах и промышлявших на посадах. Для одних, посадских людей, они были ремесленными и торговыми людем, для других, феодалов, они выступали как крестьяне. Подобную ситуацию, например, дает случай с посадом Зубцова, приведенный М. А. Дьяконовым. В 1649 г. власти Чудова монастыря жаловались на сыщика Дружину Рыкунова, ко-

⁴⁷ Уложение, XIX, 5.

⁴⁸ Там же, 15.

⁴⁹ Там же, 16.

⁵⁰ Там же, 37.

⁵¹ Там же, 22.

⁵² Там же, 9.

К гл. XIX Уложения, следовательно, надо подходить не только, как к документу, дающему правовые основы собственно посадского строения, но и как к чрезвычайно важной попытке в духе общей крепостнической политики приостановить законодательным путем проникновение крестьян и феодалов в посад с целью оградить сословные привилегии имущей верхушки посада и в интересах закрепления крестьян за феодалами.

Но как раз в этой части посадской политики русскому самодержавию под влиянием экономического и политического роста городов в обстановке нового периода русской истории, начавшегося примерно с XVII в., пришлось наиболее существенно отступить от курса, принятого в Уложении 1649 г.

Кое-какие изменения указанных норм впервые наметились уже в ходе посадского строения 1649—1652 гг., когда правительству из чисто практических соображений приходилось учитывать конкретную обстановку в отдельных городах.

В нашу задачу не входит повторять хотя бы в общих чертах основной ход событий посадского строения. В этом нет никакой необходимости ввиду наличия детального исследования П. П. Смирнова, тем более, что, строго говоря, тема нашей работы не нуждается в таком повторении. Но нам все же трудно будет обойтись без краткого упоминания некоторых документов, исходивших от правительства и содержавших важные для нашей темы правовые нормы, связанные с реализацией на посадах гл. XIX Уложения.

После принятия Уложения 1649 г. с целью дальнейшего посадского строения на основе законодательных норм гл. XIX в города обычно посылались специальные лица, облеченные правительством особыми полномочиями. Компетенция нарочных лиц определялась наказными памятями. Примером такого вида документов может служить наказная память И. В. Кольчеву, направленному в феврале 1649 г. в Ярославль, Переяславль и Суздаль. В строгом соответствии с основными требованиями гл. XIX Уложения наказная память предписывала Кольчеву отписать «на государя» частновладельческие слободы в названных городах и около городов, вывести из них пашенных крестьян в имения их владельцев, обязав крестьян продать свои торговые и промысловые заведения на посадах тяглым посадским людям.⁵⁹ В тех случаях, когда деятельность уполномоченных лиц вызывала жалобы посадского населения или вотчинников, из приказов направляли грамоты местным воеводам, предписывая положение дела на посаде привести торный «по челобитию и по ложной росписи зубчан посацких людей вотчины чудотворца Алексея... Терешковы слободы с деревнями старинных крестьян... написал в Зубцов в посад...» (М. Дьяконов, *Очерки из истории сельского населения в Московском государстве*. СПб., 1898, стр. 37—38).

⁵⁹ ААЭ, IV, № 36. Об источниках и составе наказа И. В. Кольчеву см.: П. П. Смирнов, *ук. соч.*, стр. 308—309.

и соответствии с требованиями Уложения. Именно о таком случае идет речь в грамоте 15 сентября 1649 г. воеводе Галича С. А. Голчелову. Грамота была послана в ответ на челобитную посадских людей Галича, содержащую жалобу на Никифора Жедринского. Жедринский, посланный строить Галичский посад, по словам челобитчиков «боярским и монастырским и всяких чинов людям и крестьяном, норовя им, с посацкия с черные земли дворов им лавок и амбаров продавать не велел и земли им в посад не очистил». Грамота предписывала воеводе осуществить эту крестьянскую часть реформы на посаде.⁶⁰

В другом случае, в мае 1650 г., была послана грамота воеводе Бежецкого верха Непейцыну в ответ на челобитную властей Троице-Сергиева монастыря, которые оспаривали свое право на Макарьеву пустыньку и ряд деревень, непосредственно примыкавших к территории посада г. Городецка и на этом основании отписанных к Городецку посланным туда стольником Ф. Шаховским.⁶¹ Эта грамота интересна как хронологически первое известие о борьбе посада с феодалом после Уложения 1649 г., непосредственно связанной с реализацией требований его XIX главы. Привелигированный вотчинник, Троице-Сергиевский монастырь, отстаивая свои права на пустынь (слободку) и деревни, опирался на прошлые жалованные грамоты, последней из которых была грамота 1625 г. Правительство не решилось ущемить интересы монастыря. Вопреки ст. ст. 8 и 9 гл. XIX только что принятого Уложения, оно предписало воеводе компромиссное решение: слободку и деревни, примыкающие к посаду, со всем крестьянским населением оставить за монастырем на основании жалованных грамот; крестьянам слободки продать свои лавки и амбары на посаде посадским людям; людей же и крестьян монастыря, проживающих в самом городке и приписанных Ф. Шаховским к посаду, оставить за посадом.

Для характеристики мероприятий правительства в области посадской крепости тотчас же после Уложения несомненный интерес представляет наказ владимирскому стрелецкому Василию Кольчеву, написанный в феврале—апреле 1649 г.⁶² Наказ содержит иногда дословное, иногда суммарное изложение большинства статей гл. XIX Уложения. Наряду с этим в нем нетрудно обнаружить очевидные отступления от некоторых статей гл. XIX, касающихся существенных вопросов посадской крепости. Возьмем ст. 15. Она предписывала владельческим людям и крестьянам, которые спинали тяглые дворы и лавки и амбары и погребы

⁶⁰ ААЭ, IV, № 39.

⁶¹ ПСЗ, I, № 35.

⁶² АИ, IV, № 29. Отсутствующее в издании имя стрелецки и дата наказания установлены П. П. Смирновым. Им же установлено, что наказ В. Кольчеву является стереотипным наказом (П. П. Смирнов, *ук. соч.*, стр. 308—309, 317).

Таким образом, указу 1685 г. официально было придано значение указа, в компетенцию которого в части прикрепления крестьян к посадам входили все города по крайней мере центральных уездов государства.

Как указ 1685 г., так и указ 1686 г. устанавливали свои сроки прикрепления крестьян к посадам — 7 августа 1685 г. и 8 июля 1686 г. Прием пришлых крестьян как с отпусковыми, так и без отпусковых после указных сроков категорически запрещался (напомним, что вопрос ставился в указах не только о беглых крестьянах, но о крестьянах вообще). Земские старосты и посадские люди предупреждались об ответственности в случае нарушения запрета принимать крестьян в посады. При этом указ 1685 г., угрожая наказанием, не устанавливал определенной санкции за прием беглых, в то время как указ 1686 г. определял наказание кнутом и пени в размере 50 руб. за каждого принятого на посад человека. Такая санкция, по крайней мере в части пятидесятирублевых пеней, не была осуществлена практически, но она имела определенное политическое значение. Ее целью было успокоить дворянство, встревоженное новыми указами и не желавшее отдавать своих крепостных посаду. С другой стороны, повышение меры наказания отражало общую тенденцию законодательства к усилению ответственности за прием беглых крестьян и бобылей. Основу запретительной части указов 1685 и 1686 гг. составило стремление правительства оградить интересы дворянства.

Законодатели пытались предусмотреть все возможные пути проникновения крестьян в посады: побег и явка без отпусковых и с отпусковыми, женитьба на вдовах и дочерях посадских людей, покупка и прием под заклад тяглых посадских дворов, отвод и продажа под дворы посадской земли.

С запретом отдавать тяглые дворы на посаде под заклад впервые мы встретились в Наказе 1649 г. во Владимир. Но то, что тогда выглядело как частное исключение из правила ст. 16 гл. XIX Уложения, разрешавшей заклад на посаде при условии продажи посадским людям невыкупленного имущества по истечении срока заклада, теперь становилось законодательной нормой общего значения. Другой нормой общего значения стало зачисление в посад частновладельческих крестьян по их женитьбе на вдовах и дочерях посадских людей. Наконец, касаясь усиления запретительной части указов 1685 и 1686 гг., необходимо подчеркнуть клаузулу о наказании самих крестьян за переход в посад после указанного срока. С наказанием крестьян за побег от помещиков и вотчинников мы столкнулись впервые в наказах сыщикам 1658 г. и в грамотах воеводам 60-х годов XVII в.

Теперь эта кара в случае самовольного перехода беглого крестьянина в посад во вне указное время дополнялась новой карой за сам факт поселения на посаде; причем это последнее наказание в соответствии со смыслом всего указа имело отношение

не только к беглым, но и ко всем тем из крестьян, которые, стремясь избежать своего крестьянского состояния, поселялись в городах на посадах. Именно в силу этого обстоятельство указ квалифицировал самовольный переход крестьян в посад как проступок, носящий политический характер, что нашло выражение в употреблении в этой связи слова «воровать»: «... чтобы на то смотря иным так неповадно было воровать, в городех в посады инсатца».

Таким образом, в процессе прикрепления крестьян к посадам к середине 80-х годов сложилось положение, при котором узаконение перехода крестьян в посады не было связано с определенным сроком, единым для всех городов и посадских общин. Разные города и различные категории городского населения имели свои сроки прикрепления пришлых крестьян, притом непостоянные даже в отношении одних и тех же городов и общин. Такое положение крайне осложняло решение спорных дел между посадом и феодалами и вызывало большое неудовольствие той и другой стороны. Естественным выходом из создавшегося положения была попытка установления единого срока прикрепления крестьян к посадам. Первый шаг в этом направлении был связан с указом 19 октября 1688 г.: «... пришлым ярославского и иных городов и уездов помещиковым и вотчинниковым и всяких чинов крестьяном и бобылям и закладчиком и захребетником и их братьям и свойственником, которые пришли в Ярославль после Уложения 157 году и живут в посадах и в слободах по указу отца нашего в. г. блаженные памяти в. г. ц. и в. кн. Алексея Михайловича (т.). . . прошлого 163 году и по нашим великих государей указом, каковы состоялись в прошлом во 193-м году декабря в 17-м да августа в 7-м числах по торговым и по рукодельным промыслам и по женитьбам, которые женились на посацких тяглых вдовах и на дошках и по посацким тяглым дворам и по грацкому житью и которые написаны в переписных книгах 186 года и которые в тех переписных книгах не написаны для отъездов торговых и ремесленных промыслов, а иные пришли в Ярославль после тех переписных книг 186-го году, и тем всем пришлым людям, которые пришли в Ярославль до нашего в. г. указу 193-го году декабря по 17 число по прежним и по сему нашему в. г. указом жить в Ярославле в посаде бесповоротно и тягло всякое им платить и службю служить с посацкими людьми вряд, а помещиком и вотчинником и всяческих чинов людям их во крестьянство и в холопство не отдавать».¹¹⁵

Новый указ 19 октября 1688 г. в своих определениях опирался на предшествующие указы 1655, 1684 и 1685 гг. и, таким образом, не отменял их, а включал в себя их основные положения. Вместе

стоящего большого сыска беглых крестьян и холопов и использован при составлении наказов сыщикам конца 50—60 годов, а позднее — и в Наказе сыщикам 1683 г.⁶⁹ Стремление избежать нелегкого посадского тягла и вернуться в более легкое положение закладчика толкало переведенных в посады людей и крестьян к бегству из городов к прежним или к другим владельцам. Можно сослаться на грамоту 9 декабря 1657 г. устюжскому воеводе Н. Д. Горчакову. Она решала спор о закладчиках, принадлежавших монастырю, возникший между посадом Устюга и Троицким Глединским монастырем. Воеводе было предписано «монастырских новых закладчиков Мишку Бобровского, Сенку Шаламова, Федку Мезенца с товарищи из-за монастыря. . . взять на Устюге в посад в тягло».⁷⁰ В наиболее общей форме процесс возврата в посады бежавших из городов после Уложения впервые фиксирован в указе 30 июля 1665 г. Указ предписывал закладчиков и крестьян, которые в 1649—1950 гг. были «отписаны и устроены на Москве в черные сотни и слободы в тягло, а в городех в посад», а затем «ис черных сотен и слобод, а в городех ис посадов, не хотя тягла и податей платить, вышли за тех же, за кем они прежде жили, а иные вновь поселились за иных помещиков и вотчинников», сыскивать и возвращать в города в тягло — «по прежним отписным книгам 157 и 158 гг.». Указ распространял требование возврата в посады и на детей, братьев и племянников основных посадских тяглецов, если они, эти родственники, были также отписаны в свое время из закладчиков в посадские тяглецы. С какой решительностью правительство было склонно пресечь побег посадских тяглецов и обеспечить успех сыска бежавших, свидетельствует определение в указе 1665 г. новой, гораздо более суровой кары в отношении помещиков и вотчинников, замешанных в приеме и укрывательстве беглых посадских людей. Указ 1665 г. предписывал поместья и вотчины таких лиц отписывать на государя.⁷¹

Закон о конфискации у держателей беглых с посада всех земельных владений значительно расширял меру наказания, установленную Уложением, согласно которому за прием беглых посадских тяглецов предусматривалось отобрание у виновных лишь той земли, на которой будут поселены беглые.⁷²

В тех же материалах Палаты об Уложении, откуда мы заимствуем указ 1665 г., отмечено, что во все города были посланы грамоты с изложением этого указа. К числу таких грамот бесспорно следует отнести грамоту в Свияжск 12 сентября 1667 г.

⁶⁹ Наказы сыщику Плещееву 1658 и 1661 гг. — ДАИ, IV, № 48; грамота новгородскому воеводе И. Решнину 1664 г. — ПСЗ, I, № 364; Наказ сыщикам 1683 г. — там же, II, № 998.

⁷⁰ РИБ, XII, стр. 302—313.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении 1700 г., № 6, ч. I, л. 74.

⁷² Уложение, XIX, 13.

Она дословно повторяла указ 30 июля 1665 г.⁷³ Судя по этой грамоте, городские воеводы были обязаны отписать в приказы (в данном случае в Приказ Казанского дворца) о принятых мерах по указу. Следствием указа 1665 г. и грамот воеводам, последовавших за указом, явился сыск бежавших с посадов тяглецов, который растянулся на ряд последующих лет. Сыск проходил обычно одновременно с сыском беглых крестьян и осуществлялся теми же сыщиками и воеводами. К сожалению, в имеющихся немногих исследованиях о сыске беглых сыску посадских людей не уделено специального внимания. А между тем, если судить по актам, относящимся к сыску беглых в Олонецком уезде, сыск посадских людей вменялся в обязанность воеводам особой статьей и составлял специальный предмет их забот.⁷⁴

Вскоре же после Уложения, в особенности в годы войны с Польшей, перед правительством наряду с сыском бежавших с посадов тяглецов остро встал вопрос о заполнении в городах выморочных тяглых мест. Пришлось отступить от Уложения, запрещавшего перевод тяглых людей из города в город,⁷⁵ и разрешить его в части переселения посадских тяглецов в московские черные слободы. Такой шаг получил отражение в указе 28 февраля 1655 г. Указ разрешал переход «тяглых людей из городов» в Москву «в черные сотни и слободы в тягло ж на выморочные места». При этом вовсе не ставилось условием оставление вместо себя тяглеца на покинутом тяглом участке. Указ содержал лишь оговорку, что в случае, если у посадских людей, переехавших в Москву, в покинутом ими городе «на тягле останутца в их место братья и дядья и их племянники и дети, которые в возрасте внучаты, а жили с ними не в розделе, вместе, и тем жить в тех городех и в тягле быть по прежнему».⁷⁶ Закон препятствовал, следовательно, переезду в Москву городских посадских людей с родом и племенем, руководствуясь интересами замещения тяглов на тяглых участках.

Указ 1655 г. был действующим указом. В материалах Земского приказа на одной из челобитных, датированной 31 июля 1665 г., имеется помета думного дьяка Алмаза Иванова: «. . . которые (люди, — А. М.) после 162 году пришли из городов в черные сотни и в слободы в тягло . . . и тем велено жить на Москве в сотнях и в слободах по прежнему его в. г. указу».⁷⁷

⁷³ ААЭ, IV, № 158.

⁷⁴ ДАИ, VI, № 56, стр. 225.

⁷⁵ Уложение, XIX, 19. Что запрет Уложения переводить тяглых людей из города в город определенное время был в действии, показывает помета сыщика беглых И. Кобыльского на одной из челобитных 1652 г.: «Послать государю грамоту к сыщику. В государеве указе в Соборном уложении написано: кто где за государем в которых городех живет, тем тут и жить, а из города в город не переводить. . .» (ДАИ, III, № 82).

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 13 об.—14.

⁷⁷ Там же, ф. 1255, № 7, л. 75.

В челобитных посадских людей Ярославля, Старой Руссы и других городов относительно тягбы с монастырями из-за крестьян неизменно присутствовала ссылка на указ 1655 г. На указ 1655 г. неоднократно ссылались и царские грамоты воеводам в 70-е и 80-е годы XVII в.⁷⁸ Оказывается, однако, что к 1655 г. относится еще один указ, касавшийся посадской крепости. Этот указ был дан из Земского приказа 1 апреля 1655 г. Он известен нам в выписке из дел того же приказа: «Которые дворяня московские и стольники и стряпчие и жильцы и дьяки и подьячие и слуги боярские учнут женитца гостиной и суконной и черных сотен на вдовах и на девках, и их государь указал по женам имать в сотни в тягло и давать их на поруки и з записьми, что им жить и тягло тянуть в тех сотнях, кто ис которой сотни возмет».⁷⁹

Формально указ 1 апреля 1655 г. служил прямым развитием и практическим преломлением той нормы Уложения, которая требовала «вольных людей», поженившихся на вдовах тяглых посадских людей, «имати на посад для того, что они поженилися на тяглых жонках и шли к ним в дома».⁸⁰

Но только формально. По существу между нормой Уложения и указом 1 апреля 1655 г. имеются существенные различия. Прежде всего ст. 22 гл. XIX Уложения предусматривала прикрепление к посадскому тяглу вольных людей, женившихся на вдовах посадских людей, записанных в писцовых книгах за посадом. Что же касается женитбы «вольных людей» на дочерях-девках с посада, то по этому поводу ст. 21 гл. XIX Уложения давала определенный ответ: «... тех вольных людей по женам их в черные слободы не имати».

Указ 1 апреля 1655 г. не делал, как мы видим, никаких различий между тем и другим видом брака. Таким образом, то, что в Уложении диктовалось интересами замены выбывших с посада тяглецов, в законе 1655 г. определялось более широкими целями увеличения численности посадского населения. Для выполнения этой задачи был мобилизован крепостной закон. Однако между нормой Уложения и указом 1655 г. есть гораздо более существенная разница. Различны субъекты этих законов, и, следовательно, различно их социальное содержание. Под вольными людьми, как мы видели, Уложение понимало еще довольно распространенные в ту пору группы свободных от крепостной зависимости людей сел и городов, которые занимали промежуточное положение между крестьянами и холопами, с одной стороны, и служилыми людьми-дворянами, с другой стороны. В отличие от этого субъектом указа 1 апреля 1655 г. являются представители господствующего класса — московские дворяне, стольники, стряпчие и т. п. Такой

ситуации Уложение 1649 г. еще не знало. Указ 1 апреля 1655 г. отражал, следовательно, возросший процесс сближения дворянства с верхами посада. Нередко представителя среднего служилого слоя, не говоря уже о захудалой и обедневшей служилой мелкоте, могла прельщать перспектива породниться с посадским толстосумом. Любопытно, что правительство шло навстречу этим устремлениям и использовало их для расширения численности тяглых людей московского посада даже ценою потери некоторой части служилого класса.

Приведенные материалы достаточно характеризуют ту линию в законодательстве, которая связана с сыском и прикреплением к посадам посадских тяглецов. Как видим, в довольно короткий срок после Уложения 1649 г. в данной области возник ряд важных отступлений от Уложения, вызванных потребностями социально-экономического развития городов во 2-й половине XVII в.

Значительно большие изменения норм Уложения внесло развитие другой линии законодательства о посадской крепости, для которой первоначально был характерен запрет принимать владельческих крестьян на посады.

Запрет принимать владельческих крестьян на посады с ссылкой на статьи Уложения образует, как мы видели, одну из важнейших частей наказных памятей и грамот, последовавших за принятием Уложения 1649 г. Однако процесс перехода крестьян на посады реально проходил и после Уложения. Размеры бегства крестьян в посады неизменно вызвали большую тревогу в рядах дворянства. Обеспокоенные побегами крестьян, возросшими уже в первые годы русско-польской войны, дворяне и дети боярские разных городов в челобитной царю в декабре 1657 г. выделили бегство крестьян в города в отдельный пункт. По словам челобитчиков, беглые живут в городах на посадах «в тягле и у посадских людей в наймех», иные «поженились у посадских людей на вдовах и на девках, а они, посадские люди, полня свои дома... нам... в тех наших людех и крестьянех отказывают».⁸¹ Такое давление дворян в обстановке войны вынуждало правительство

⁸¹ ЦГАДА, ф. Разряда, Московский стол, стлб. 310/3, лл. 1—10. Настойчивые требования борьбы с побегами крестьян на посады содержатся и в коллективных челобитных дворян 70—80-х годов XVII в. (см. выше, стр. 53—56). Однако следует оговориться, что размеры побегов крестьян в города относительно размера побегов к другим землевладельцам были крайне невелики. Например, к числу бежавших из вотчин Троице-Сергиева монастыря в 1605—1614 гг. крестьяне, осевшие в посаде, составили 4%, а к числу бежавших в 1649—1650 гг. — 1.5% (А. Г. М а н ь к о в. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 1-й четверти XVII века. Уч. зап. ЛГУ, № 80, 1940, стр. 58; С. М. К а ш т а н о в. Отдаточное книги Троице-Сергиева монастыря 1649—1650 гг. Ист. архив, т. VIII, 1953, стр. 198. Объясняется это малочисленностью городов, их слабым удельным весом в хозяйстве страны и, разумеется, тем, что попадание крестьян в посад было крайне затруднено. Подавляющая часть крестьян несомненно не имела ни малейшего представления о городе и не могла стремиться к нему.

⁷⁸ См. ниже, стр. 305.

⁷⁹ Там же, № 6, ч. I, лл. 34 об.—35.

⁸⁰ Уложение, XIX, 22.

неоднократно адресоваться к воеводам и земским старостам с новыми запретами приема крестьян в посады. Примечательно, что вскоре же после декабрьской челобитной 8 февраля 1658 г. был принят указ о рассылке грамот в города, которые подведомственны Приказу Большого дворца, с запретом приема беглых крестьян в посады. Известна одна из таких окружных грамот, направленная в Углич 25 февраля 1658 г. В ней старостам, целовальникам и посадским людям Углича предписывалось беглых людей и крестьян без отпусковых грамот в посад не принимать, самим на крестьянках не жениться и дочерей и вдов замуж за крестьян, не имеющих отпусковых, не выдавать. В определении санкции, следующей за нарушение этих запретов, законодатели прибегли к крайней мере — смертной казни.⁸² Трудно прокомментировать столь высокую меру наказания. Ни ранее, ни в последующее время в течение XVII в. при общей тенденции законодательства к повышению ответственности за прием беглых смертная казнь в подобных случаях все же не назначалась. Грамоту в Углич наряду с грамотой того же 1658 г. нижегородскому воеводе Г. Бутурлину о сыске беглых людей и крестьян⁸³ следует отнести к числу заповедных грамот 1658 г., на которые ссылается указ 13 сентября 1661 г.⁸⁴ Этот указ, как уже отмечалось, интересен тем, что был принят перед новой отправкой сыщиков в города для сыска беглых крестьян и людей в 60-е годы и лег в основание наказов сыщикам не только в 60-е годы, но и в последующее время. Указ 13 сентября 1661 г. распространял запрет приема беглых и на посады, вводя общую меру наказания кнутом для приказчиков и земских старост за прием беглых после заповедных грамот 1658 г., в том числе и для посадских людей. Указом 31 марта 1663 г. норма указа 1661 г. была подтверждена, а санкция дополнена тюремным заключением.⁸⁵

Эти указы получили практическое претворение в наказах сыщикам и воеводам.⁸⁶

Однако никакие запреты и правительственные меры по сыску беглецов в посадах после Уложения 1649 г. не могли приостановить процесса проникновения в посад крестьян и других групп населения, занятых промыслом и торговлей. Рост общественного разделения труда и товарно-денежных отношений привел к выделению в деревне зажиточной верхушки крестьянства, которая стремилась перейти в посад. Занятие торговлей и промыслами в городах могло сулить таким крестьянам наибольшие

выгоды. Этим же объясняется заинтересованность феодалов в промыслово-торговой деятельности их крестьян и бобылей на посадах, при условии, разумеется, сохранения крепостной зависимости и выплаты повышенного оброка.

Посадская община в свою очередь была заинтересована во включении пришлых на посады крестьян и других лиц в посадское тягло и в прикреплении их к посаду. Увеличение числа тяглецов влекло за собой облегчение податного бремени каждого члена общины. На этой почве и обострилось во 2-й половине XVII в. противоречие между посадом и феодалами, которые были против приписки их крестьян к посадскому тяглу. В обстановке роста всероссийского рынка заметный подъем экономического и политического значения городов превращал их в крупную общественную силу. Все более росли контакты представителей правящих верхов с верхами города — гостями, торговыми людьми суконной и гостинной сотни. В то же самое время укрепление тягლოსпособности посадов как плательщиков прямых налогов было в интересах государственной казны.

В свете указанных коллизий и следует рассматривать законодательство о посадской крепости 2-й половины XVII в. В борьбе посадов с феодалами за крестьян-тяглецов правительство занимало двойственную позицию. Оно стремилось оградить интересы дворянства и других феодалов, запрещая переход крестьян в посады. Но в то же время интересам роста городов отвечали в законодательстве тенденции противоположного свойства. Отсюда — компромиссный характер законодательства о посадской крепости во 2-й половине XVII в.

С наибольшей силой компромиссный характер законов о сыске беглых крестьян на посадах выступает в 70-е и 80-е годы XVII в. Ведущей тенденцией в этом компромиссе были медленно, но непрерывно растущие уступки посаду в интересах развития и укрепления городов. Запретив в Уложении дальнейший переход крестьян в посады, правительство вскоре же встало на путь исключений из этого закона. В первую голову исключение коснулось дворцовых крестьян. Особое положение дворцовых крестьян, которые были заняты торговлей и промыслами на владимирском посаде, оговорено, как мы видели, в наказе 1649 г. во Владимир. Таких крестьян велено было оставлять на посаде.⁸⁷ В более общей форме особое положение дворцовых крестьян в отношении посада оговорено в Указе 13 сентября 1661 г. Указ предписывал оставлять на посаде тех из них, которые «тягла свои сдали иным государевым крестьяном».⁸⁸

Такое же правило, как и в указе 1661 г., относительно дворцовых крестьян, пришедших в черные сотни и слободы Москвы,

⁸² ААЭ, IV, № 101.

⁸³ ПСЗ, I, № 220.

⁸⁴ Там же, № 307 (с двумя пропусками). Исправный текст указа 1661 г. в книге Поместного приказа — РО ГИБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53, лл. 34—48 об.

⁸⁵ ПСЗ, I, № 333.

⁸⁶ ДАИ, IV, № 48; ПСЗ, I, № 364: II, № 998.

⁸⁷ АИ, IV, № 29.

⁸⁸ ПСЗ, I, № 307.

подтверждено в помете думного дьяка Алмаза Иванова на одной из челобитных, поданной в июле 1665 г. в Земский приказ.⁸⁹

В отношении тех дворцовых крестьян, которые, покинув свои тягла, поселились в городах, правительство придерживалось сыска и возвращения их на прежние жеребьи. Так, в январской грамоте 1664 г. воеводе Шуи Т. Б. Койсарову предписывалось передать с посада в село Дунилово беглых дворцовых крестьян, непашенных же бобылей брать с посада воспрещалось.⁹⁰

Позднее в законодательстве уже не встречается этого требования — при переходе дворцовых крестьян в посад замещать тяглые участки другими тяглецами. Во всяком случае, мартовский указ 1667 г. предписывал беглых людей и крестьян, пришедших в посады «из иных государевых дворцовых сел и волостей» оставлять в городах «за поруками» «до указа великого государя» при условии, если о них не будет челобитчиков из посадов и волостей, откуда они бежали.⁹¹

То же решение об оставлении на месте до нового указа дворцовых крестьян, проживавших в службе и тягле в городах, находим в наказах сыщикам и писцам 1683 г.⁹²

Начало 80-х годов, следовательно, является переходным периодом в законодательном решении вопроса о посадской крепости дворцовых крестьян, бежавших в города после Уложения. Этот вопрос нашел разрешение в указе из Земского приказа 28 августа 1683 г. Указ предписывал оставлять в городах посадских людей и крестьян, а также татар и мордву, пришедших «в дворцовые города и села из иных дворцовых же городов и сел из приказа Казанского дворца и из иных приказов» в период до новой переписи 1674 г. и попавших в писцовые книги по новому местожительству. Тех же дворцовых крестьян, которые пришли в города после писцовых книг 1674 г., надлежало «свозить на прежние их жеребьи, откуда кто пришел».⁹³ Характер указа 28 августа 1683 г. будет ясен, если учесть, что он стоит в ряду указов 8 сентября 1665 г. и 5 марта 1677 г., установивших свои сроки прикрепления частновладельческих крестьян к посадам.⁹⁴ Прецедент установления нового исходного срока сыска беглых для указа 1683 г. таким образом был налицо. Но установление срока по указу 28 августа 1683 г. вытекало из составления новых переписных книг, которые и призваны были юридически разрешить назревший вопрос о посадской крепости дворцовых крестьян, перешедших в города после Уложения.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 7, л. 75.

⁹⁰ Д. Г о р е л и н. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М., 1853, стр. 170—172.

⁹¹ РО ГПБ. Собрание поступлений 1956 г., № 53, л. 76 об. — 77 об.

⁹² ПСЗ, II, №№ 981 и 998, ст. 50.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, л. 33 об. Этот указ имеется в ПСЗ, II, № 980, но ошибочно датирован 1682 г.

⁹⁴ См. ниже, стр. 271, 274.

Затронутая выше помета думного дьяка Алмаза Иванова на одной челобитной 1665 г. представляет интерес еще в двух отношениях. Прежде всего помета особым образом трактует вопрос о тяглых людях «государевых волостей», вовсе не требуя замещения их прежних тяглых участков другими тяглецами: «А которые тяглые люди пришли из государевых волостей, и тех переписать в Земском приказе и до его в. г. указу не отдавать». Что же касается частновладельческих людей (надо полагать, и крестьян), сбежавших от своих феодалов в те же московские слободы, то, согласно помете дьяка А. Иванова, их следовало безоговорочно «отдавать по прежнему его в. г. указу и по Уложению и по крепостям кому они крепки». Невзирая на это, частновладельческие люди наряду с дворцовыми и чернососными должны были быть, согласно требованию пометы, переписаны, а все материалы переписи — переданы думному дворянину П. К. Елизарову.⁹⁵ Таким образом, до середины 60-х годов XVII в. в законодательстве строго выдерживалась лишь одна линия запрета относительно перехода крестьян в посады — запрет принимать в посады частновладельческих крестьян и холопов.

Однако перепись всего пришлого на московский посад населения, в том числе частновладельческих крестьян, и ожидание какого-то государственного указа говорят о том, что совершалась трудная подготовительная работа к переменам в законодательстве и относительно прикрепления частновладельческих крестьян и холопов к посадам. Эти перемены не заставили себя ждать. Несколько месяцев спустя после июльской пометы дьяка А. Иванова, 8 сентября 1665 г. из Дворцового судного приказа был дан указ, пробивший первую брешь в законодательном запрещении приема частновладельческих крестьян на посады. В указе говорилось: «Которые люди пришли к Москве до 174 году сентября до 1 числа и учили жить в дворцовых слободах, и на тех людех всяких чинов людем, помещиком и вотчинником, в холопстве и во крестьянстве суда давать и челобитником приставных памятей по них подписывать по велеть до нашего великого государя указу».⁹⁶

Указ 8 сентября 1665 г. интересен в ряде отношений. Из него следует, что вопрос о прикреплении к посадам вотчинных и помещичьих крестьян, поселившихся на посадах после Уложения 1649 г. и занятых промышленной и торговой деятельностью, впервые встал применительно к дворцовым слободам Москвы. В интересах промышленного и торгового развития дворцовых слобод правительство частично ущемляло интересы дворянства, но делало это крайне робко и осторожно. Введенная указом мера с целью успокоить общественное мнение феодалов представлена как мера ограниченного действия и при этом временная. Указ говорил

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 7, л. 75.

⁹⁶ Там же, № 6, ч. I, л. 5 об.

о прикреплении к слободам лишь тех крестьян и холопов, которые поселились в Москве до 1 сентября 1665 г. После указанного срока прием крестьян и холопов в слободы категорически воспрещался: «А дворцовых слобод старостам и тяглецом учинить заказ крепкой, чтоб они впредь отнюдь беглых людей и крестьян в слободы к себе не принимали». В случае нарушения этой заповеди указ грозил виновным наказанием кнутом и взиманием пени в размере пятидесяти рублей за каждого принятого беглого человека.⁹⁷ Столь тяжелая мера наказания имела тот же смысл — предупредить возможное неудовольствие дворянства и продемонстрировать перед ним решимость правительства бороться против перехода крестьян в посады.

Ограниченность действия новой нормы сказывалась и в том, что она была распространена только на дворцовые слободы, не касаясь черных слобод Москвы и тем более других посадов. Наконец, представляя новый закон как явление временное, правительство предписало суда и «приставных памятей» о беглых крестьянах и холопах не давать до нового указа. Обещание нового указа и распоряжение отказывать по челобитным о крестьянах, бежавших в дворцовые слободы до 1 сентября 1665 г., но «по тем челобитным тех беглых людей и крестьян писать на роспись», должно было породить иллюзии о том, что правительство намерено вернуться в недалеком будущем к пересмотру сделанного шага. На самом деле произошло обратное. Есть основания полагать, что новый указ о дворцовых слободах Москвы был действительно принят в скором же времени после указа 8 сентября 1665 г., а именно в марте 1666 г. Почти двадцать лет спустя состоялся еще один указ, 24 декабря 1685 г., который запрещал возврат помещикам и вотчинникам крестьян и холопов, поселившихся в московских дворцовых слободах «до 174 года марта по 14 число» «по указу того же 174 года». «А которые такие вышеписанные крестьяне, и бобыли, — говорится далее в указе 1685 г., — в те слободы пришли жить после указу. . . 174 году марта до 14 числа, и тех с суда по Уложению и по крепостям истцом отдавать во крестьяне и бобыли по-прежнему».⁹⁸

Указ 14 марта 1666 г. нам неизвестен. Но что он был принят и был действующим указом, с очевидностью следует из справки, заимствованной нами в указе 1685 г. Несомненно, что указ 1666 г. продлил срок прикрепления крестьян и холопов, бежавших в дворцовые слободы Москвы до 14 марта 1666 г., распространяя действие Уложения лишь на тех крестьян, которые пришли в слободы после указанного срока. Дальнейшие продления этого срока, как увидим ниже, превратили установление о временном прикреплении частновладельческих крестьян к дворцовым сло-

бодам в длительно действующий закон. Допустив, таким образом, и в отношении дворцовых слобод первое исключение из запрета о прикреплении частновладельческих крестьян к посадам, правительство продолжало в этот период придерживаться Уложения и указов 1661 и 1663 г. в вопросе перехода частновладельческих крестьян и холопов в посады других городов и в черные слободы Москвы. Такая позиция правительства получила выражение и в указе, принятом в марте 1667 г. Один из его пунктов оставлял в силе норму Уложения в делах о женитьбе беглых крестьян и холопов «на дворцовых и на тяглых вдовах».⁹⁹

Одновременно в наказах сыщикам вменялось в обязанность искать беглых крестьян на посадах и возвращать их вотчинникам и помещикам по писцовым книгам и крепостям. Челобитные московского и городского дворянства с настоятельными просьбами обеспечения эффективного сыска беглых крестьян и бобылей производили на правительство заметное давление. Но, с другой стороны, возросшая к 70-м годам активность посадских людей, писавших челобитные с жалобой на припавших в города крестьян, которые, не будучи обложены посадским тяглом, занимались промыслами и торговлей и тем самым чинили убытки посадским людям, и фискальный интерес казны, заинтересованной в расширении числа посадских тяглецов, толкали правительство на путь сложного маневрирования, на поиски новых форм компромиссного решения вопроса. В данном отношении привлекает внимание грамота 25 июня 1669 г. костромскому воеводе В. С. Корсакову. Грамота вызвана челобитной земского старосты и посадских людей Костромы с жалобой на монастырских и помещичьих крестьян, торговавших и промышленявших в Костроме без тягла. Кострома принадлежала к числу крупнейших промышленных и торговых городов страны. В дальнейшем мы столкнемся с новыми челобитными посадских людей Костромы относительно приписки к посаду припавших крестьян. Такие челобитные служили толчком для принятия новых весьма существенных указов. В данном же случае, в грамоте 1669 г., воеводе Корсакову было предписано обложить торговых и промысловых крестьян Костромы оброком в пользу казны, но оставить их за монастырями и помещиками.¹⁰⁰ Едва ли, однако, такое решение вопроса могло удовлетворить обе заинтересованные стороны. Видимо, этим следует объяснить, что в известных нам документах не сохранилось другого подобного случая решения спора между посадом и феодалами. Скорее можно привести примеры обратного свойства. В мае 1685 г. отдельным указом было запрещено давать крестьянам дворцового села Покровского Московского уезда, «и иных сел и деревень крестьяном»

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ПСЗ, II, № 1147

⁹⁹ РО ГПБ, книга Поместного приказа, Собрание поступлений 1956 г., № 53, л. 57 об.

¹⁰⁰ ЛАЭ, IV, № 169.

по их просьбе под оброк свободные лавочные места в Китае, Белом и Земляном городе и по большим проезжим улицам Москвы. А купленные и взятые под заклад лавки и другие оброчные места было указано не записывать за теми же крестьянами в записные книги Приказа Большой казны. Все свободные торговые и промысловые места в Москве предписывалось отдавать московским торговым посадским людям, стрельцам и пушкарям.¹⁰¹ Любопытно и то, что в том же 1685 г. было предписано правительством высылать из городов торговых людей, записавшихся в число оброчных крестьян села Покровского с целью избежать выплаты посадского тягла.¹⁰² Оброчное держание, следовательно, было меньшим злом лишь для самих крестьян, но отнюдь не устраивало ни посад, ни феодалов. В этом состоял экономический смысл отказа от оброчного обложения крестьян на посадах. Юридически же все мероприятия в отношении крестьян села Покровского были прямым следствием указа 28 августа 1683 г.¹⁰³

Заметного обострения борьба посада с феодалами за крестьян-тяглецов достигла к 70-м годам XVII в. Одним из первых проявлений этой борьбы была приписка к посаду Галича торговых и ремесленных крестьян загородного двора Б. И. и И. Г. Морозовых в 1673 г. Не решаясь, видимо, поднимать вопроса при жизни Б. И. Морозова, земский староста и посадские люди Галича после его смерти подали челобитную о том, что земля, которой владели Морозовы возле Галича, истари посадская. Так как имущество Морозова, оставшееся без наследников, было отписано на царя, правительство легко пошло на уступку посаду. К галицкому посаду «по указу великого государя и по Соборному уложению и по их промыслу» было приписано 27 человек крестьян.¹⁰⁴

К середине 70-х годов большой остроты достиг вопрос о пришлых крестьянах на посаде Ярославля, в особенности о крестьянах Спасского монастыря.

В ответ на челобитные ярославцев и властей Спасского монастыря, оспаривавших законность предпринятой в Ярославле переписи крестьян и бобылей, поселившихся на посаде после Уложения, 5 марта 1677 г. состоялся царский указ и боярский приговор: «Спасского монастыря крестьяном и бобылям и служебником, которые после Уложения пришед. . . жили в Ярославле на посаде дворами и жив промыслы всякими промышляли и в лавках сидели, а иные и женились ярославских посадских людей на женах и дочерях и завладели дворами их и лавками. . . по Соборному уложению и по особому его в. г. указу 163 году быть в Ярославле в посаде безповоротно и тягло тянуть и подати платить и службы

служить с ними ярославцы, посацкими людьми, врьд». За этим и указе следовал запрет принимать и держать в будущем в монастырских слободах «промышленных и рукодельных крестьян».¹⁰⁵

Итак, указ 5 марта 1677 г. передавал крестьян Спасского монастыря ярославскому посаду на основаниях: 1) фактического проживания на посаде и владения недвижимой собственностью в пределах посада; 2) занятия торгами и промыслами; 3) родства с посадскими людьми.

В первых двух из перечисленных оснований принципиально нового как будто бы ничего нет. Здесь те же основы посадского строения (по торгам и промыслам), которые были выработаны еще правительством Б. Ф. Годунова и легли в основу гл. XIX Уложения 1649 г. Есть все же одно но. По Уложению такие крестьяне должны свои дворы, лавки и промысловые заведения на посадах продать посадским тяглым людям, а сами покинуть посад. Таким образом, указ 5 марта 1677 г. нарушал требование Уложения в отношении запрета приписки частновладельческих крестьян к посадам после 1649 г. Правда, это отступление от ранее принятого Закона касалось крестьян пока одного лишь посада Ярославля и при том только тех из них, которые были на посаде к моменту принятия указа. Но и в таком своем виде, как увидим ниже, указ 5 марта 1677 г. сыграл роль важного прецедента при решении подобного рода вопросов в других городах и занял видное место в законодательной практике царского правительства по вопросам прикрепления владельческих крестьян, перешедших в посады после Уложения. Если уж искать в прошлом акт, более или менее близкий к Указу 5 марта 1677 г., то таким актом можно считать наказ 1649 г. владимирскому строичику В. Кольчеву. Наказ прикреплял к посаду крестьян, владевших тяглыми посадскими дворами, выделяя одновременно тех крестьян, которые, не имея дворов, содержали лавки, амбары и варницы. Указ 1677 г., в отличие от наказа, не подразделял крестьян на группы, прикрепляя к посаду всех крестьян на основе общей совокупности этих признаков. Что касается третьего основания передачи крестьян Спасского монастыря посаду Ярославля по указу 5 марта 1677 г. — женитьбы на вдовах и дочерях посадских людей, — то и это основание было в явном противоречии с требованием Уложения: «А будет чьи-нибудь старинные или кабальные люди или крестьяне и бобыли, которые за кем написаны в писцовых книгах, бегачи у кого женятся на Москве и в городех у посадских людей на дочерях на донках или на вдовах, и таких беглых людей по крепостям, а крестьян по писцовым книгам с посадов отдавати

¹⁰¹ ПСЗ, II, № 1123.

¹⁰² Там же, № 1138.

¹⁰³ См. выше, стр. 270.

¹⁰⁴ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I, М.—Л., 1940, стр. 84—85.

¹⁰⁵ Уложению указу 1677 г. имеется в грамоте 30 июля 1686 г. в Ярославль (см.: И. А. Вяхряев. Княжьи и царские грамоты Ярославской губернии. М., 1881, стр. 17).

с женами их и с детьми тем людем, из-за кого они сбежат, а в посад их в тягло по женам их не имати».¹⁰⁶

Итак, если по Уложению крестьянин, женившийся на посаде, передавался помещику вместе с женой, то указ 5 марта 1677 г. предусматривал акт обратного значения: передачу крестьянина посаду по жене, при этом независимо от того, была ли жена до брака с крестьянином вдовой, несущей посадское тягло, или девицей. Именно для обоснования этого решения в указе 1677 г. привлечен «особый указ 163 г.», под которым разумеется указ 1 апреля 1655 г. Как мы уже знаем, указ 1 апреля 1655 г. предписывал закреплять за посадом Москвы тех из дворян, стольников, стряпчих и других служилых чинов, включая боярских слуг, которые женятся на вдовах или дочерях торговых и ремесленных людей гостинной, суконной и черной сотен. Никакого отношения к крестьянам указ 1 апреля 1655 г. не имел. Его социальное содержание было весьма далеко от тех процессов, которыми занят указ 5 марта 1677 г. Распространение указа 1 апреля 1655 г. на случай женитьбы крестьян на посадских вдовах и дочерях означало не что иное, как произвольное расширение его смысла.¹⁰⁷ В этом новом, более широком значении указ 1 апреля 1655 г. будет неоднократно использован в дальнейших указах о посадской крепости. Таким образом, первым шагом на пути прикрепления частновладельческих крестьян к посаду явился указ 8 сентября 1665 г. о прикреплении крестьян к дворцовым слободам Москвы. Вторым шагом на том же пути был указ 5 марта 1677 г. о прикреплении крестьян Спасского монастыря к посаду Ярославля. Наконец, в том же направлении третий шаг делал указ 17 декабря 1684 г.

В развитии вопроса о прикреплении крестьян к посаду указу 17 декабря 1684 г. принадлежит видное место. Сам по себе этот указ, как и многие другие, имел специальное и ограниченное значение. Он говорил о включении в тягло и о приписке к черным сотням и слободам Москвы поместных и вотчинных крестьян на основании указа «прошлого 163 году и по отпусным, и по торговым промыслом, и по поручным записям». Действие указа распространялось только на вотчинных и поместных крестьян, поселившихся в черных сотнях и слободах Москвы до даты указа, т. е. до 17 декабря 1684 г. «А буде после того нашего в. г. указу 193-го году, — говорится далее в указе, — учнут такие ж поместные крестьяня приходить к Москве с отпусными или без отпусных

¹⁰⁶ Уложение, XIX, 37.

¹⁰⁷ Любопытно, что в изложении указа 1655 г., которое приведено в жалаванной грамоте Ярославлю 1686 г., вслед за перечислением служилых чинов вставлены слова «и иных чинов люды» (И. А. Вахрамеев, ук. соч., стр. 29), которых нет в первоначальном тексте указа. Эта интерполяция в текст указа 1 апреля 1655 г. сделана произвольно для того, чтобы подвести под норму закона наряду с дворянами и крестьян.

и черные ж сотни и слободы в тягло, и таких поместных крестьян не принимать и тяглецом дочерей своих, девок и вдов, за них замуж не давать». Указ требовал поместных и вотчинных крестьян, пришедших в Москву после 17 декабря 1684 г. «по прежним их, государевым, указом и по Уложению отдавать помещиком по крепостям по-прежнему».¹⁰⁸ Под указом 163 г., как следует из приведенной цитаты о женитьбах крестьян на посадских вдовах и дочерях, подразумевался указ 1 апреля 1655 г., опять-таки в том более широком его понимании, с которым мы встретились уже в указе 5 марта 1677 г. Сближает оба указа и выдвинутое в них другое общее основание прикрепления крестьян к посаду — «по торговым промыслом».

Указ 17 декабря 1684 г. представлял собою, таким образом, соединение двух до того существовавших отдельно линий в законодательстве о посадской крепости: линии пополнения новыми тяглецами московских черных сотен и слобод, что, как мы видели, получило первое воплощение в указах 1655 г., продолжением которых в этом смысле и явился указ 1684 г., и линии прикрепления к посадкам частновладельческих крестьян и холопов, получившей первоначальное законодательное выражение применительно к дворцовым слободам Москвы в указе 8 сентября 1665 г., а затем и в обстоятельно мотивированном указе 5 марта 1677 г. о посаде Ярославля. Указ 1684 г. опирался, следовательно, на сложившуюся к тому времени довольно большую законодательную традицию в области посадской крепости. Основной особенностью этой традиции было признание *de jure* фактически существовавшего перехода значительных групп крестьян в посады после Уложения и вопреки Уложению и установление сроков, до которых переход крестьян в посады признавался законным. В отношении перехода крестьян в посады после вновь установленных сроков указы неизменно вставали на позицию Уложения, подтверждая действие его запретительной нормы. Сроки в каждом отдельном случае были свои и притом непостоянные. Указ 1684 г. отличался, скажем, от предшествующего ему указа 1677 г. тем, что устанавливал свой срок приписки крестьян к черным сотням и слободам Москвы. За такой срок была взята дата указа — 17 декабря 1684 г.

Указ 1684 г. интересен еще в одном отношении. Он регламентировал приток в черные слободы Москвы не только беглых крестьян, но и тех, которые приходили с отпусными своих помещиков. Причем юридически никакой разницы между теми и другими указ не устанавливал, ставя их в общие рамки и времени, и условий прикрепления к городскому тяглу. После установлен-

¹⁰⁸ ЦГАЛЛ, ф. 1255, № 6, ч. 1, лл. 1 об.—2. Поскольку указ 17 декабря 1684 г. касался московских черных слобод, он исходил от Земского приказа и вошел в его указную книгу. В Поместный и другие приказы были посланы памяти.

ного указом срока прием в черные слободы Москвы крестьян с отпусчными возбуждался в такой же мере, как и беглых крестьян. Указ 1684 г. решал, следовательно, проблему пополнения населения города за счет крестьянства в целом, не сводя ее только к вопросу о беглых крестьянах. Эти черты законодательства о прикреплении крестьян к посадам остались и на будущее время.

В дальнейшем новые шаги в области законодательства о прикреплении частновладельческих крестьян к посадам предпринимались в связи с конкретным положением дел в отдельных, преимущественно крупнейших посадах страны. Роль инициатора за исключением Москвы, играли посады Ярославля, Костромы и несколько позднее — Вологды.

Получив поддержку правительства в борьбе со Спасским монастырем за крестьян и бобылей-тяглецов, что получило выражение в указе 5 марта 1677 г., посадские люди Ярославля не остановились на этом, хотя и крупном, но все же частного порядка успехе. На посаде Ярославля было занято промыслами, торговлей и владело тяглыми посадскими дворами немалое число крестьян, бобылей и захребетников не только Спасского монастыря, но и многих других вотчинников и помещиков.

В таком случае естественно должны были последовать новые апелляции посадских людей к правительству. Как раз в ответ на новое челобитье посадских людей Ярославля был принят указ 7 августа 1685 г., которому принадлежит видное место в законодательстве о посадской крепости. Значение указа 1685 г., однако, не только в том, что он представлял собою определенный этап в развитии самого законодательства о прикреплении крестьян к посадам, но и в значительной большей степени в том, что он сильнее, чем предшествующие указы, отражал собою новые явления в развитии посада и его взаимоотношений с феодалами, сложившиеся к 80-м годам XVII в. Ввиду этого позволим себе привести указ 7 августа 1685 г. почти полностью. Указ предписывал «пришлым людям Ярославского и иных городов и уездов помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылям изакладчиком и захребетником и их братьям и свойственником, которые, пришед в Ярославль после Уложения 157 году, живут на посадах и в слободах, в посацких дворах и всякими торговыми и рукодельными промыслами промышляют и торгуют, и которые женились посацких людей на женах и на дочерях, вдовах и на девках, и тех посацких людей дворами и животами владеют и торговыми и рукодельными промыслами их, которыми они промышляли и ныне промышляют, и в переписных книгах 186 году написаны с посацкими людьми, по указу отца нашего великого государя блаженные памяти в. г. ц. и в. к. Алексея Михайловича (т.) прошлого 163 году и по нашему великих государей указу, каков учинен по докладной выписке в Земском приказе в нынешнем во 193-м году декабря в 17 день, по торговым и рукодельным промыслам

и по женитьбе и по посацким тяглым дворам и по грацкому житью быть в Ярославле в посаде бесповоротно и тягло всякое им платить и службы служить с посацкими людьми в ряд. А помещиком и вотчинником, всяких чинов людям, их во крестьянство отдавать не велели для того, что они, ведая про них, нам, великим государем, не били челом многие годы».¹⁰⁹

Здесь много нового. Прежде всего в сравнении с предыдущими указами значительно более развернута характеристика признаков, которые определяли собою юридическую природу в прошлом крестьянина, а ныне посадского человека. В составе этих признаков ведущее место занимают экономические факторы — занятие промыслами и торговлей на посаде и владение тяглыми посадскими дворами. Существенную роль, однако, играют и признаки юридические. Состояние в браке с вдовами и дочерьми посадских людей, обложение посадским тяглом и, главное, запись в переписных книгах 1678 г. за посадом наряду с посадскими людьми. Если признаки экономические в том виде, как мы перечислили, имеются уже в указе 5 марта 1677 г., то с двумя юридическими признаками (обложение тяглом и запись в книги 1678 г.) мы встречаемся впервые. Тем самым посадским переписным книгам 1678 г. указом 7 августа 1685 г. была сообщена в правовом отношении такая закрепостительная сила, которой в ту пору не было у вотчинных и поместных переписных книг 1678 г. Последние не поглощали в крепостном отношении писцовые и переписные книги предшествующих лет.

Таким образом, указ 1685 г., в отличие от прошлых указов, говорил о принципиально новой группе лиц на посаде — крестьянах, бобылях, закладчиках и захребетниках, которые не только фактически, но и юридически (они были записаны за посадом в книгах 1678 г.) были уже посадскими людьми.¹¹⁰ Соответственно этому новому положению крестьян на посаде и в отличие от указов 5 марта 1677 г. и 17 декабря 1684 г., которые ставили вопрос прежде всего о включении пришлых крестьян в посадское тягло, указ 7 августа 1685 г. выдвигал на первое место требование окончательного прикрепления к посаду тех крестьян, которые фактически и юридически были уже включены в посадское тягло. Чем же вызван такой шаг в развитии законодательства о посадской крепости?

Дело в том, что в Уложении и в последующем законодательстве, а также в практике сыска и споров о принадлежности беглых

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 2 об.—3 об.

¹¹⁰ Примечательно, что в документах того времени такого рода люди на посадах именовались посадскими людьми. Подробно описывая имущество посадского человека, грамота 1689 г. заканчивала эту характеристику словами: «... и живут в слободах и в посадах в посацких людех» (ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, № 14, лл. 7—8. Выделено нами, — А. М.).

крестьян большое значение имела старина («та крепость правее, которая старее»). Соответственно признавались действительными записи крестьян в более древних писцовых и переписных книгах. Поэтому запись беглых крестьян в книгах 1678 г. при наличии записи их самих или их отцов в книгах 20-х и 40-х годов XVII в. не давала прав на них новому владельцу, в данном случае посаду. Вотчинников и помещиков не пугало то обстоятельство, что их крестьяне попадали в посадские переписные книги 1678 г. На основании записи тех же крестьян в книгах или в жалованных грамотах более ранних лет феодал мог в любое время предъявить свои права на них. Что такие притязания со стороны феодалов имели место, показывает длительный спор о принадлежности крестьян между посадом Старой Руссы и Иверским монастырем.¹¹¹

Встав на путь правового обеспечения интересов посадских людей в отношении прикрепления к посадкам крестьян, поселившихся в городах, правительство было вынуждено пожертвовать в данном случае важным принципом крепостного права — принципом старины крестьянской крепости. При этом жертва приносилась во имя того же крепостного закона, который на этот раз обеспечивал интересы городов и должен был ограждать их от притязаний феодалов.

Первую брешь принципу старины крестьянской крепости нанесло установление сроков прикрепления пришлых крестьян к отдельным городам. Признание закрепостительной силы за переписными посадскими книгами 1678 г. придавало новой законодательной норме всеобщий характер.

В свете изложенного представляется, что употребление термина «включение в посадское тягло», который имеет хождение в нашей литературе, недостаточно для характеристики явлений, имевших место на посаде во 2-й половине XVII в. Уже Уложение 1649 г., как мы видели, отличало обложение посадским тяглом от прикрепления к тяглу и к посаду, устанавливая определенные правовые различия между этими двумя состояниями. Последующее законодательство точно так же полагало определенную границу между тем и другим явлениями, но его ведущей тенденцией была разработка правовых норм прикрепления к посадкам частновладельческих крестьян. К 80-м годам XVII в. вопрос о прикреплении крестьян к посадкам приобрел большое практическое значение. В самом деле, если обратиться к борьбе старорусского посада с Иверским монастырем,¹¹² то видно, что посад отставивал в борьбе с монастырем свое право на крестьян, которые жили на посаде лет 20—30, давно были включены в посадское тягло и значились за посадом в книгах 1678 г. Следовательно, они не только фактически, но и юридически были посадскими людьми.

¹¹¹ См. ниже, стр. 299—312.

¹¹² См. там же.

Однако потребовалось новое вмешательство закона, чтобы прикрепить этих людей к посаду Старой Руссы. Неслучайно поэтому указы 2-й половины 80-х годов регламентировали прикрепление к посадкам такой группы крестьян, которая значилась в книгах 1678 г. за посадом и, следовательно, была обложена посадским тяглом. Словом, речь шла не только о включении крестьян в посадское тягло (это имело место своим чередом), но и о прикреплении крестьян к посадкам. На этом основании одновременное употребление понятий «включение в посадское тягло» и «прикрепление к посадкам», как характеризующих разные состояния, нам представляется вполне правомерным.

Являясь откликом непосредственно на челобитые посада Ярославля, указ 7 августа 1685 г. имел, однако, в виду поместных и вотчинных крестьян не только Ярославля, но и в иных городах и уездах. Само по себе такое обобщение, впервые употребленное в законодательстве о посадской крепости после Уложения, не есть только юридическая формула, сложившаяся в результате длительной законодательной практики. Такое обобщение явилось следствием реальной потребности в законодательном прикреплении промышленных и торговых крестьян не только к отдельным, наиболее крупным посадкам, но и уже к значительному числу городов. Так законодательство о посадской крепости во 2-й половине XVII в., начавшись с установления исключений из общего правила в отношении крупнейших городов (Москва, Ярославль, Владимир) и в отношении отдельных категорий городского населения (дворцовые слободы, черные слободы), отражая реальный процесс развития городов, пришло к установлению новой общей нормы, исключившей действие прежнего правила. И практически указу 1685 г. было придано общее значение.

Когда почти год спустя последовало челобитие земского старосты П. Папкратьева и посадских людей Костромы о пришлых крестьянах на посаде, правительство ответило на него указом 8 июля 1686 г. Новый указ полностью повторял указ 7 августа 1685 г., отличаясь от него лишь вступительной и заключительной частями.¹¹³ Иным был и срок прикрепления крестьян к костромскому посаду, за который, как и в предыдущем случае, была взята дата указа — 8 июля 1686 г. И этот указ был адресован не только посаду Костромы, но и посадкам «иных городов». В скором времени правительство предприняло более решительный шаг. Указом 30 января 1688 г. предписывалось послать из Приказа Костромской чети «в те ж приказы, в которых ведомы посады, для ведома памяти, чтоб в тех приказах о посадских людех наш в. г. указ был тот же, каков писан» 7 августа 1685 г.¹¹⁴

¹¹³ ЦГАИД, ф. 1255, № 6, ч. I, л. 4 об. В тексте указа «Ярославль» в скоду был изменен «Костромой», а «ярославцы» «костромичами».

¹¹⁴ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, № 14.

каменные и соляные варницы», продать это имущество посадским тяглым людям и впредь ни дворов, ни лавок на посаде не покупать.⁶³ Наказ В. Колычеву, касаясь того же вопроса применительно к Владимиру, различает две группы владельческих крестьян на посаде: к первой отнесены те из крестьян, которые «в Володимере покупили себе и в заклад поимали тяглые двory и лавки и амбары и погребы и соленые варницы, и торгуют всякими товарами и живут в тех тяглых дворах или на каких-нибудь местех в посаде»; ко второй группе — те, у которых «купленных дворов на посаде нет и на посаде не живут, а торгуют в лавках и всякими промыслами промышленяют наездом из деревень».⁶⁴ Исходя из этой дифференциации групп крестьянства на посаде, наказ решал вопрос о крестьянской крепости. В отношении первой группы, явно расходясь с Уложением, наказ предписывал Колычеву «тех всех по тому ж, по тяглым двором и по торгом и по промыслом, велел би еси имать в Володимер на посад, в тягло». В отношении второй группы лиц указано «сыскать», прибегая к допросу и крепостям. Тех из них, которые окажутся в прошлом посадскими людьми или дворцовыми крестьянами, «имать в посад, со всеми их торговыми промыслами». Тех же, которые по сыску окажутся старинными владельческими крестьянами, отдавать владельцам по крепостям, предварительно обязав продать посадским людям промысла, лавки и амбары. В дальнейшем таким крестьянам воспрещалось не только покупать, но и брать под заклад двory и промысла на владимирском посаде.⁶⁵ Запрет заклада был тоже новшеством. Уложение разрешало сторонним крестьянам брать посадские тяглые двory и лавки под заклад, но при условии продажи их посадским же людям в случае просрочки заклада.⁶⁶ Новым в наказе Колычеву был закон о прикреплении к посаду Владимира определенной группы владельческих крестьян. За существенный признак прикреплении к посаду владимирский наказ брал наличие у крестьян тяглых дворов на посаде. В этом смысле ст. 15, гл. XIX Уложения в значительной мере была продворянской, в то время как отмеченную часть наказа во Владимир трудно расценить иначе, как пропосадскую. Но являлись ли отхода владимирского наказа признаком начавшегося отхода правительства от требований Уложения? Говорить в общей форме об этом преждевременно. Бесспорно, однако, что в данном наказе в зародышевой форме заложено то, что станет определяющей тенденцией законодательства в области включения в тягло и прикреплении промышленных и торговых крестьян к посадам

⁶³ Уложение, XIX, 15.

⁶⁴ АИ, IV, № 29, стр. 63.

⁶⁵ Ср. анализ наказа В. Колычеву у П. П. Смирнова (ук. соч., стр. 309—313).

⁶⁶ Уложение, XIX, 16.

и 70-е и 80-е годы XVII в.⁶⁷ Пока же мы вправе расценить грамоту 1649 г. как пример гибкой политики правительства в вопросе посадской крепости, как пример приспособления посадской главы Уложения к условиям крупного торгово-промышленного города, каким в данном случае был Владимир.

На примере грамоты воеводе Бежецкого Верха и наказа во Владимир видно, как первые шаги правительства на путях посадского строения отличались колебаниями, отражая сложный переплет социальных отношений 2-й половины XVII в.

В развитии законодательства в области посадской крепости на протяжении третьей четверти XVII в. наблюдаются две как бы параллельные линии. Одна из них касается сыска и водворения на посад бежавших посадских тяглецов, другая характеризуется запрещением приема беглых крестьян на посады. В своей основе обе линии были продолжением и закреплением законодательных положений; образующих гл. XIX Уложения.

Субъективно правительство стремилось в вопросе посадской крепости отстаивать status quo по отношению к нормам Уложения 1649 г. Объективно действительность вносила в законодательный процесс поправки и дополнения.

Проследим каждую из этих линий в законодательстве о посадской крепости. В первые годы после Уложения в ходе посадского строения шел процесс включения в посадское тягло и прикрепления к посадам бывших посадских людей-закладчиков, а также части торгово-промышленных крестьян, проживавших в городах и в непосредственной близости от посадов. В сущности, этот процесс вышел за хронологические рамки деятельности Приказа сыскных дел князя Ю. А. Долгорукова и продолжался после 1652 г. в форме поручения сыска дела воеводам или специальным лицам. Юридически итоги посадского строения получили закрепление в указе 1658 г. Людей и крестьян, переведенных согласно Уложению в посад, хотя бы они и были записаны в писцовых и переписных книгах за дворцовыми и черными землями или за вотчинами и поместьями, указано было «с посаду не отдавать, а быть тем людям по указу в г. в посадах».⁶⁸ Указ 1658 г. имел большое практическое значение. Он был принят ввиду пред-

⁶⁷ Об этом см. ниже, стр. 274. П. П. Смирнов, отмечая новшества наказа В. Колычеву в сравнении с Уложением, склонен объяснять их влиянием актов прошлого посадского строения П. Т. Траханиотова (ук. соч., стр. 311—312). Нам представляется более правильным не оглядываться назад, а объяснить новые тенденции в свете тех перспектив, к которым шло законодательство о посаде во 2-й половине XVII в.

⁶⁸ РГБ, Собрание поступлений 1956 г., № 53, л. 32—34. Так как указ 1658 г. использован в первом наказе сыщику Д. И. Плещеву, данным ему в марте 1658 г., его следует датировать не позднее марта 1658 г. За равную дату можно принять самое начало 1658 г., поскольку указ был принят в связи с предостановой посылкой по городам сыска для сыска беглых крестьян в 1658 г.

с тем в сравнении с ними он расширил круг крестьян, прикрепляемых к посадам после Уложения, включив и таких, которые, проживая на посаде, по тем или иным причинам не попали в посадские переписные книги 1678 г. или даже пришли на посад после составления книг, но до 17 декабря 1684 г. Тем самым указ 19 октября 1688 г. заполнял лауну, образованную указом 1685 г., оставлявшим неясным вопрос о прикреплении крестьян, не попавших в переписные книги 1678 г., но пришедших на посад до указного срока. Что касается срока, до которого прикрепление крестьян к посадам стало обязательным, именно 17 декабря 1684 г., то данный срок, взятый из указа под этой датой о приписке пришлых людей и крестьян к московским черным сотням и слободам, стал рассматриваться теперь как единый срок прикрепления крестьян к посадам после Уложения.

Таким образом, в результате законодательной практики была выработана общая формула прикрепления крестьян, бобылей, закладчиков и захребетников к посадам, а указ 19 октября 1688 г. стал указом наиболее общего значения.

В ходе практического решения споров между посадами и феодалами о пришлых людях приказы рассылали городам, находящимся в их ведении, грамоты с предписанием руководствоваться указами 1685 и 1688 гг. Посадские люди тех городов, в которые грамоты почему-либо не были посланы, сами добивались таких грамот, запрашивая их в челобитных. Такой случай известен по Новгороду. В ответ на челобитье гостей Новгорода С. Гаврилова и И. Семенова и посадских людей с просьбой прислать грамоту по примеру других городов о прикреплении к посаду пришлых людей и крестьян по указам 80-х и 90-х годов такая грамота была прислана в 1693 г. новгородскому воеводе Б. И. Прозоровскому.¹¹⁶ По челобитью старорушан в этом же году подобная грамота была прислана старорусскому воеводе М. Дирину.¹¹⁷ Такая же грамота в июле 1692 г. пришла в Нижний Новгород «по челобитью нижегородцов посацких людей». «Стольнику и воеводам Павлу Леонтьеву с товарищи» было велено о таких пришлых людях чинить по вышесказанному их, великих государей, именным указом и по боярским приговором.¹¹⁸

Стремясь реализовать указ 19 октября 1688 г., правительство предприняло шаги к организации переписи пришедших на посады до 17 декабря 1684 г. Указом 24 июня 1693 г. предписывалось составить в Москве и в иных городах переписные книги «всем посадским и пришлым людям и поручным их записям» в период от Уложения до 17 декабря 1684 г. Отдельно указ предписывал составить погодные книги на тяглых и пришлых людей, пришед-

ших в московские слободы и города от 17 декабря 1684 г. до 1693 г. По смыслу указа описание 1685 г., и последующих лет не распространялось на новых пришлых частновладельческих крестьян. Их, как и прежде, запрещалось принимать в посады и записывать в городское тягло после 17 декабря 1684 г.¹¹⁹

Месяц спустя указом 29 июля 1693 г. распоряжение о составлении посадских переписных книг было дано московским слободам, находившимся в ведении Оружейной палаты. Переписные книги «за руками» слободских старост подлежали передаче в Оружейную палату, где скреплялись «дьячими руками». Другой экземпляр тех же книг «за руками» старост хранился в слободах «впредь для спору».¹²⁰ Тем самым указы 24 июня и 29 июля 1693 г. распространяли на все городские тяглые общины, в том числе и на дворцовые слободы Москвы, единый срок прикрепления к посадам пришлых частновладельческих крестьян — 17 декабря 1684 г.

Переписные посадские книги 90-х годов XVII в. мыслились как крупное мероприятие посадского строения. Они должны были реализовать указ 19 октября 1688 г. и служить основанием прикрепления к посадам крестьян, поселившихся в городах до 17 декабря 1684 г. За неизученностью вопроса трудно сказать, какие города были охвачены таким описанием и какую практически роль сыграли книги 90-х годов в процессе прикрепления крестьян к посадам. Во всяком случае в ряде городов они были составлены. В челобитной новгородцев указано, что книги по Новгороду были составлены после получения грамоты от 4 августа 1693 г.¹²¹ М. А. Дьяконов указывает книгу по Пскову, в которой дана именная перепись крестьян, бобылей, закладчиков, и захребетников, поселившихся во Пскове от Уложения до 1684 г.¹²² Такая же книга была составлена на посаде Старой Руссы и привлекалась посадскими людьми при разрешении спора из-за крестьян с Иверским монастырем.¹²³

В связь с этими мероприятиями следует поставить и царскую грамоту 1694 г. астраханскому воеводе П. И. Хованскому о ссылке в Астрахань жильца И. Секерина для переписи гулящих людей.¹²⁴ Точно так же в царской грамоте 12 июня 1694 г. в далекий Кунгур воеводе С. Сухотину содержалась ссылка на указ из Стрелецкого приказа о составлении переписных книг пришедших на посад людей и крестьян до 17 декабря 1684 г. В грамоте напоминалось, что подобное распоряжение, согласно этому указу,

¹¹⁹ ПСЗ, III, № 1471.

¹²⁰ ПГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 7 об.—8.

¹²¹ АИ, V, № 226.

¹²² М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения... стр. 66, сноска.

¹²³ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 87, № 65, л. 3.

¹²⁴ Там же, ф. Астраханской приказной палаты, карт. 93, № 108.

¹¹⁶ АИ, V, № 226.

¹¹⁷ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, №№ 14 и 133.

¹¹⁸ Н. Новгород в XVII веке. Сборник статей. Горьковское книжное издательство [1961], стр. 265.

было уже однажды послано в Кунгур.¹²⁵ Следовательно, грамота от 12 июня 1694 г. была вторичным напоминанием воеводе, что говорит о настойчивости правительства в деле составления на посадах переписных книг пришлых людей. Грамота в Кунгур с несомненностью свидетельствует о том, что составлением переписных книг были охвачены и сибирские города. Составление переписных книг пришлых людей завершало собою важный этап в развитии посадской крепости и, следовательно, в дальнейшем развитии посадского строения. Этап этот связан преимущественно с законодательством о посаде в 80-е годы XVII в.

Следует подчеркнуть, что указам 80-х годов о прикреплении крестьян к посадам не слишком повезло в ученой литературе. Единственное упоминание одного из этих указов, именно указа 17 декабря 1684 г., имеется у М. А. Дьяконова.¹²⁶ М. А. Дьяконов пользовался при этом не текстом самого указа, а упомянутой нами челобитной новгородцев 1693 г., в которой указы 80-х годов изложены суммарно. Поэтому указу 17 декабря 1684 г., здесь ошибочно приписывается то, что на самом деле принадлежало указу 19 октября 1688 г.¹²⁷ Кроме того, М. А. Дьяконов не дает толкования указа в связи с его прямым смыслом, а использует его для доказательства своей мысли, что «урочные годы не исчезли из практики и после отмены их Уложением 1649 года».¹²⁸ С этой целью он приводит то место из заключительной части указа 19 октября 1688 г. (приписывая его, как уже говорилось указу 17 декабря 1684 г.), которое мы еще не цитировали. А потому позволим себе вслед за М. Дьяконовым привести эту цитату, однако не из челобитной новгородцев, где допущена некоторая неточность в изложении указа, а непосредственно из указа 19 октября 1688 г. Предписав всем пришедшим в посады до 17 декабря 1684 г. крестьянам числиться за посадами, указ говорит: «А помещиком и вотчинником и всяких чинов людям их во крестьянство и в холопство не отдавать. И для того им отказано, что они нам, великим государем, не били челом многие годы. И суда на тех всех пришлых людей во крестьянстве и в холопстве и в побеге и в сносных животах на них не давать и по зазывным грамотам и по наказом к Москве их не высылать и волокит и убытков им не чинить».¹²⁹

Внимание М. А. Дьяконова привлекла мотивировка отказа помещикам в исках о возвращении крестьян на том основании, что «они . . . великим государем не били челом многие годы».

¹²⁵ В. Ш и ш о н к о. Пермская летопись. Пятый период, ч. I. Пермь, 1885, стр. 675—679.

¹²⁶ М. Дьяконов. 1) Очерки из истории сельского населения. . . , стр. 66; 2) Очерки общественного и государственного строя. . . , стр. 341.

¹²⁷ Вслед за М. А. Дьяконовым эту ошибку повторил Б. Д. Греков (Крестьяне на Руси, кн. 2, М.—Л., 1954, стр. 379).

¹²⁸ М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения. . . , стр. 66.

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, л. 7.

Именно в этом М. А. Дьяконов усмотрел своеобразную форму воскрешения урочных лет, отмененных Уложением.

Мы имели уже случай показать, что установление указами 2-й половины XVII в. новых исходных сроков сыска в отношении отдельных категорий беглых крестьян ни в какой мере не являлось восстановлением урочных лет сыска беглых. Точно так же ни в массовом восстановлении урочных лет сыска беглых. Точно так же ни в какой мере не говорит о восстановлении урочных лет мотивировка отказа помещикам и вотчинникам в их исках о возвращении крестьян, перешедших в посады после Уложения, содержащая ссылку на то, что помещики многие годы не били челом о таких крестьянах.

История законодательства о прикреплении к посадам с очевидностью показывает, под воздействием каких социально-экономических условий царское правительство было вынуждено пойти навстречу интересам торговых людей, промысловой посадской верхушки и даже широких кругов населения посада в вопросе прикреплении к городам пришлых торговых и промышленных крестьян и тем самым ущемить интересы землевладельцев. Ссылка на давность в качестве мотивировки отказа в исках о возвращении крестьян с посадов была не чем иным, как использованием принципа старинности и исковой давности, широко применявшихся в феодальном праве, но на этот раз направленных против землевладельцев с целью ограждения интереса городов.¹³⁰

Рассматривать указы о посаде как свидетельство восстановления урочных лет — это значит уходить далеко в сторону от их действительного исторического значения. Перед нами группа указов, начиная от указа 5 марта 1677 г. и кончая указом 19 октября 1688 г. которые последовательно развивали тему прикреплении к посадам частновладельческих промысловых и торговых крестьян, поселившихся в городах после Уложения 1649 г. Каждый новый указ этой группы, опираясь на предшествующие указы, дополнял и развивал их, расширяя круг крестьян, подлежащих прикреплению к посаду и умножая число признаков, на основе

¹³⁰ Сама по себе мотивировка отказа в исках о возвращении беглых на том основании, что землевладельцы «не били челом многие годы», не была новостью. Она встречается в прошлом законодательстве, не исключая Уложения. Она предусматривает возможность исков о возвращении крестьян, которые в писцовых книгах значатся беглыми, Уложение предписывало «по тем пустым дворам и по дворовым пустым местам в тех крестьянех и бобылях том пустым дворам и по дворовым пустым местам в тех крестьянех и бобылях суда не давать для того, что они (вотчинники и помещики, — А. М.) во многие годы о тех своих крестьянех ни на кого государю не бивали челом» (Уложение ст. 5 гл. XI Уложения как противоречащей провозглашенной этой нормы ст. 5 гл. XI Уложения в отношении беглых, М. Ф. Владимирский-Буданов справедливо видел в ст. 5 меру единовременную и относительную к прошлому, «а не установление вновь давности на будущее время». В этом существенное отличие ст. 5 от ст. 2 гл. XI Уложения (М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 4 е, СПб., 1905, стр. 310).

которых такое прикрепление в рамках установленного срока становилось обязательным по закону. В таком своем виде указы 80-х годов отражали новую ступень экономического и социального сращения известной части крестьян с посадом. Этот процесс влек за собой определенные правовые последствия.

На основе указов 80-х годов с большой конкретностью и определенностью рисуется социально-экономический и правовой облик крестьянина на посаде, фактически уже посадского человека, который в юридическом отношении должен быть «навечно» превращен в посадского человека. Это превращение в обстановке 2-й половины XVII в. могло быть осуществлено лишь с помощью крепостного закона. Указы 80-х годов представляли собою новый этап в развитии законодательства о посадской крепости, отразивший дальнейшее экономическое и политическое развитие посада и приспособление этого развития к потребностям феодально-крепостнического государства. В самом деле, если Уложение, узаконивая крупную реформу посадского строения, ликвидировало частные слободы в городах, приписав их вместе с промысловыми и торговыми людьми, населявшими их, к посадкам, то в отношении частновладельческих крестьян, имевших в собственности промысловые и торговые объекты на посаде, Уложение, как мы видели, поступало с большей осторожностью, скорее соблюдая в этом вопросе интересы землевладельцев, нежели посада. Сличая гл. XIX Уложения с указами 80-х годов XVII в., мы хорошо видим, в каком направлении и какие именно наметились сдвиги. В указах 80-х годов нет ни малейших намеков на возвращение феодалам их крестьян с посадов при обязательном условии ликвидации крестьянской собственности на посаде. Наоборот, наличие этой собственности санкционировано законом, как условие обязательного включения таких крестьян в посадское тягло с последующим прикреплением их к посадкам. Не меньшие изменения произошли в юридической природе другого основания прикрепления крестьян к посадкам — их брачных связей с посадскими людьми. В отличие от Уложения, указы 80-х годов рассматривали брачные связи как непременное условие прикрепления крестьян к посадкам. Наконец, указы 80-х годов выдвинули еще два новых, весьма существенных правовых основания посадской крепости: запись крестьян за посадом в переписных книгах 1678 г. и переселение в посад до 17 декабря 1684 г. Последнее обстоятельство делало посадскими людьми и тех крестьян, которые перешли в посад после составления книг, но до указанного срока. Составление в 90-х годах собственно посадских переписных книг пришлых людей и крестьян означало попытку объединения обоих предыдущих оснований посадской крепости в одном основании — в новых переписных книгах 90-х годов XVII в.

Исходя из факта возросшего перехода помещичьих и вотчинных крестьян и бобылей на посады после Уложения и post factum

узаконивая этот переход, указы 80-х годов тем самым отменяли ширет гл. XIX Уложения в отношении дальнейшего перехода крестьян на посады и, следовательно, молчаливо признавали, что меры правительства по сыску и водворению на прежние места людей, перешедших на посады после Уложения, не имели успеха.

Прикрепление частновладельческих крестьян к посадкам по указам 80-х годов ограничивалось, однако, рамками определенных сроков, наиболее общее значение из которых приобрел срок 17 декабря 1684 г. В факте установления сроков прикрепления к посадкам крестьян, пришедших в города после Уложения, наиболее ярко сказался компромиссный характер законодательства о посадской крепости во 2-й половине XVII в. Идя навстречу требованиям посадских общин и преследуя собственный фискальный интерес, самодержавие узаконило включение пришлых крестьян в посадское тягло и прикрепление к посадкам, но ограничило действие этого закона определенным сроком, и только в отношении прошлого времени, тем самым продемонстрировав свое стремление в возможно меньшей мере ущемить интересы господствующего класса феодалов.

Эти новые явления, в законодательстве о посадской крепости возникли не вдруг, а были подготовлены в ходе развития экономики и социальных отношений в Русском государстве 2-й половины XVII в. Определяющим в данном процессе было экономическое и политическое развитие городов и непрерывная борьба посадских общин против феодалов за свои имущественные и социальные интересы не только на посаде, но и за его пределами.

Одна из особенностей рассмотренных нами указов как раз и состоит в том, что они отражали возросшую к 70-м годам XVII в. борьбу посадов с феодалами за крестьян-тяглецов.

В каких конкретных формах протекала эта борьба, к каким результатам она приводила и какой в свою очередь накладывала отпечаток на законодательную деятельность правительства в области дальнейшего закрепощения крестьян за посадом, можно проследить на примерах значительной группы городов — Ярославля, Суздаля, Луха, Вологды, Пскова, Старой Руссы и других в отношении которых мы располагаем некоторыми материалами. В более раннее время отдельные случаи тяжб посадов с феодалами ни-за крестьян решались на местах воеводами и наиболее часто — сыщиками беглых, преимущественно на основании гл. XIX Уложения 1649 г. Так, например, в апреле 1664 г. сыщик по Вологде Ю. Наумов после длительного расследования и повального обыска вынес решение отказать смоленскому помещику Макшесву в иске к вологодскому посадку в отношении его крестьян Кирьяновых и их матери-старуице, живших на посаде с 1640 г. и записанных в писцовых книгах за посадом.¹³¹

¹³¹ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, слоб. по Нижнему Новгороду 20875, л. 159.

Начиная с 70-х годов XVII в. борьба посадов с феодалами за крестьян требует все более широкий размах, чем и вызвана была необходимостью выработки нового законодательства, отразившего политику правительства в данном вопросе. Первыми сыграли роль в этом отношении события в Ярославле.

Указ о приписке к посаду частновладельческих слобод Ярославля был принят еще 5 апреля 1647 г. Он был результатом борьбы посада с феодалами за землю и крестьян в 1-й половине XVII в.¹³² Тогда же воеводой С. Бутурлиным были составлены переписные книги переданных посаду дворов. Год спустя, 30 апреля 1648 г., по переписным книгам С. Бутурлина ярославскому посаду дана была царская жалованная грамота, приписывавшая к посаду в тягло 335 дворов «торговых и ремесленных и работных и бедных людей и вдов и нищих», которые принадлежали различным церквям и монастырям.¹³³ Подавляющую часть переданных посаду крестьян составляли крестьяне и члены их семей, принадлежащие Спасскому монастырю, которых, согласно челобитной монастыря, было 1079 человек.¹³⁴

Вопрос о новых пришедших людях встал более двадцати пяти лет спустя после Уложения. В 1675 г. в ответ на челобитие ярославцев из Приказа Костромской чети последовал указ воеводе Ивану Аничкову и дьяку Якову Поздышеву переписать крестьян и бобылей Спасского монастыря, поселившихся на посаде после переписи и отдачи С. Бутурлина. Переписчики установили, что монастырские люди поселились на посадской земле между посадскими дворами. Так, «меж Мелничною и Доиловою слободками построены вновь служилых тридцать три двора», «да позади Доиловы слободки . . . одиннадцать дворов», и т. д.¹³⁵ Власти Спасского монастыря оспорили законность переписи И. Аничкова и Я. Поздышева. 5 марта 1677 г. состоялся уже известный нам указ царя о передаче посаду крестьян Спасского монастыря, поселившихся на посаде после Уложения.¹³⁶

По указу 5 марта 1677 г. Ярославский воевода Н. М. Боборыкин составил переписные книги крестьян и бобылей, переданных посаду. Было «приведено к вере и отдано в посад промышленных и рукодельных сто восемьдесят один человек, у них детей и братий двести человек, всего триста восемьдесят один человек».¹³⁷ Не удовлетворившись этим, посадские люди подали дополнительную роспись промышленных и торговых крестьян монастыря. По этой

росписи сверх переписных книг Боборыкина был сыскан 41 человек, и с ними 25 человек «детей и братьев», всего — 66 человек.¹³⁸ Таким образом, по указу 5 марта 1677 г. ярославскому посаду было передано 447 крестьян Спасского монастыря и членов их семей.

Будучи вынужденными признать передачу промышленных и торговых крестьян посаду, монастырские власти «учинились непоговыми» указу и воеводской памяти в части передачи посаду спорных земель. Обе стороны вновь подали челобитные, каждая оспаривала свое право на эти земли. На челобитные последовал 19 сентября 1678 г. указ и боярский приговор, подтверждающий прежний указ: «Спасского монастыря властям теми землями и сениными покосы и никакими угодьи, которые написаны к Ярославлю к посаду в переписных книгах и в сотной грамоте, к монастырю владеть не велено».¹³⁹

2 апреля 1680 г. по царскому указу в ярославский посад был передан крестьянин Спасского монастыря Сережка Савельев с семьей. Савельев, живя в Ярославле, «в лавках сидел и торговыми и отъезжими всякими промыслами промыслял и женат был в Ярославле на двух посадских дочерях и владел тремя посадскими дворами».¹⁴⁰

В том же году из Ярославля в Москву поступили межевые книги, составленные по царской грамоте писцом А. Долговым-Сабуровым и подьячим Д. Небогатовым. Книжки размежевывали земли посада и Спасского монастыря. Власти последнего в новой челобитной оспаривали межевание, называя его «неправым». Общую потерю своих крестьян, отписанных к посадам, монастырь исчислял в этой челобитной в 1600 человек. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в число потерянных им крестьян монастырь включил и тех, которые были приписаны к посадам в Москве и Переяславле Залесском. Таких насчитывается 78 человек.¹⁴¹

Челобитие монастыря вызвало контрчелобитие посада. Ярославля просили не верить предъявленной монастырем старой писцовой книге и прежним грамотам, которые были отклонены еще ранее. Что касается старых слободок Меленки и Доилово, то они, по мнению челобитчиков, должны были принадлежать посаду, поскольку «посадские люди в тех слободах промышляют и кормятца кожаным юфотным промыслом, и с того юфотного промысла все посадские люди платят в Ярославле . . . великие пошлины и сошные большие платежи и поборы и служат многие службы».¹⁴²

Интересно, таким образом, основания прикрепления слобод и посаду, посадские люди раскрывают их в той самой общей при-

¹³² Об этом см.: Е. М. Т а л ь м а н. Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. Истор. зап., т. 20, 1946, стр. 96—129; П. П. С м и р н о в, ук. соч., т. I, стр. 265—266.

¹³³ И. А. В а х р а м е е в, ук. соч., стр. 15.

¹³⁴ Там же, стр. 26.

¹³⁵ Там же, стр. 16.

¹³⁶ См. выше, стр. 274.

¹³⁷ И. А. В а х р а м е е в, ук. соч., стр. 21.

¹³⁸ Там же, стр. 22.

¹³⁹ Там же, стр. 23.

¹⁴⁰ Там же, стр. 23.

¹⁴¹ Там же, стр. 26—27.

¹⁴² Там же, стр. 28.

ципальной форме — по промыслу, и по тяглу, которая и легла в основание законодательства о прикреплении крестьян к посадам. Именно этими основаниями оправдывается в челобитной приписка к посаду крестьян, которые, по словам челобитчиков, «остави в деревнях на своих жребьях братьей и детей и племянников, пришли в Ярославль в посад жить и промыслять и рукодельничать и жинитца у посадских людей с повеления властей своих». ¹⁴³ Здесь в немногих словах раскрывается характер политики феодала-вотчинника в отношении посада. Феодал охотно допускал (более того — принуждал к этому) промыслово-торговую деятельность крестьян на посаде при условии сохранения ими крепостной зависимости и выплаты оброка. В обстановке развития товарного производства промыслово-торговая деятельность крестьян на посаде была существенным источником повышения доходов феодала. С другой стороны, землевладельцы использовали крестьян, промышлявших в городах, для захвата и расширения своих владений на посаде. Но и крестьянство, в первую голову имущая часть его, получало определенные выгоды от запятия ремеслом и торговлей на посаде в обстановке либо полной свободы от несения тягла, либо при условии, когда «сошный оклад на них при посадских торговых людях положен малый». ¹⁴⁴

По челобитью посадских людей были сделаны выписки из царских указов 29 ноября 1646 г., 18 декабря 1648 г., 15 января 1649 г., 1655 г., из ст. ст. 7 и 8 гл. XIX Уложения, говорящих о приписке к посадам промышленных, рукодельных и торговых крестьян, проживающих на посадах, и частновладельческих слобод и владений, которые «сошлись с посады».

По челобитью посада и по докладной выписке в 1684 г. был дан новый указ, подтвердивший права ярославского посада на все приписанные к нему земли и крестьян по книгам 1647, 1675 и 1680 гг.

Указ выделял две группы монастырского населения на посаде: слуг и служебников, с одной стороны, крестьян и бобылей, с другой.

Дворы слуг и служебников, как значившихся в переписи С. Бутурлина 1647 г., так и поселившихся на посаде после этой переписи, указ предписывал снести на иные монастырские земли или продать «повольною ценою» посаду, мельницы со всем их заводом — оценить и заплатить за них монастырю по оценке.

Указ запрещал впредь монастырским служебникам и крестьянам селиться, заниматься промыслово-торговой деятельностью, покупать и брать под заклад дворы на тяглой посадской земле.

Монастырским крестьянам, имевшим в торговых рядах и на Гостином дворе лавки, амбары и погреба, предписывалось продать свои владения посадским людям «повольною ценою». «И буде они, Спасского монастыря крестьяна, учнут в Ярославле в лавках и погребах сидеть и таможни и кабаки откупать, и они за то по нашему великих государей указу и по Уложению взяты будут по тому торговому промыслу в посад». ¹⁴⁵

Эта угроза приписки крестьян к посаду была обращена исключительно к монастырским властям. Другой санкцией против них, логически вытекающей из смысла всего указа, был запрет бить челом «о повороте» в монастырь отобранных у него слобод и крестьян — «и челобитен о том у них не принимать». ¹⁴⁶

Исполнение указа было подкреплено описными и мерными книгами служных монастырских земель и дворов на посаде, составленными в октябре 1684 г. специально посланным для того в Ярославль стольником Андреем Самариним. В описных и мерных книгах слуг и служебников Спасского монастыря, «которые живут в Ярославле дворами своими меж дворов посадских людей по посаду и в слободах и во всех сотнях», насчитывается 68 дворов. Отдельно были описаны служные дворы в слободах Меленки и Доилово. В них учтено 53 двора, которые были в соответствии с указом снесены на монастырские земли, а земля отдана в посад. ¹⁴⁷

По докладу о мерных и описных книгах в августе 1685 г. последовали два указа об освобождении посадской земли от дворов монастырских слуг и служебников. Дворы предлагалось перевести на монастырскую землю или продать посаду.

В Ярославль воеводе Федору Боркову были посланы грамоты, а от воеводы — памяти властям Спасского монастыря. В ответ на память архимандрит Арсений уведомил воеводу, что служки и служебники продали дворы посаду «повольною ценою». Монастырская роспись была отправлена в Москву. ¹⁴⁸

Желая закрепить свою победу, посадские люди били челом о выдаче им жалованной правой грамоты «за государевой отворчитою печатью» на все земли и людей Спасского монастыря, приписанных по указам к посаду. Такая грамота из Стрелецкого приказа за подписью думного дьяка Федора Шакловитого, повторяющая основные положения указа 1684 г., была выдана им 30 июля 1686 г. ¹⁴⁹

Именно эта грамота и послужила нам источником для освещения только что изложенных событий в Ярославле.

¹⁴⁵ Там же, стр. 33.

¹⁴⁶ Там же, стр. 33.

¹⁴⁷ Там же, стр. 35—36.

¹⁴⁸ Там же, стр. 36—37.

¹⁴⁹ В издании И. А. Вахрамеева ошибочно указан 1669 г. (там же, стр. 39).

¹⁴³ Там же, стр. 28 (выделено нами, — А. М.). То же самое делал Иверский монастырь со своими крестьянами в отношении старорусского посада (см. ниже, стр. 301).

¹⁴⁴ Там же, стр. 28.

В те же 70-е годы XVII в. имел место аналогичный случай борьбы за тяглецов между посадом г. Суздаля и властями Спасо-Ефимьева монастыря.

В 1673 г. власти Спасо-Ефимьева монастыря в челобитной на имя царя указывали, что монастырские бобыли слободки Скучалово и села Коровникова кормятся на суздальском посаде портновским делом и черной работой. На этом основании земские старосты Суздаля обложили монастырских бобылей оброком. Архимандрит и братия монастыря просили пошлин и оброков с бобылей не брать. Суздальский воевода Т. Ф. Савелов, основываясь на полученной им в ответ на челобитье монастыря грамоте, направил в земскую избу память, запрещающую брать оброк с промышленных людей Спасо-Ефимьева монастыря на том основании, что у них нет якобы лавок и амбаров, расположенных на посадской тяглою земле.

Земский староста Ивашко Мамин и суздальские посадские люди в своей челобитной опровергли эти утверждения монастырских властей и воеводы, показав, что бобыли и крестьяне Спасо-Ефимьева монастыря на самом деле имели лавочные амбарные места на посадской тяглою земле. По челобитью посадских людей лавки и амбары монастырских крестьян были запечатаны, а товары описаны.

По новому челобитью монастырских властей воевода распечатал лавки и амбары, а товары отдал монастырским крестьянам и бобылям. Бобыли и крестьяне, как и прежде, стали торговать на посадской тяглою земле и в лавках сидеть «насильством». Посадские люди вновь обратились к царю с челобитной. Они просили не нарушать Уложения и выдать грамоту с прочетом, чтоб им в конце не разориться и не разойтись. В челобитной посадских имеется ссылка на стрелецкие книги 1647 г. по г. Суздаля, в которых содержится царская грамота с обещанием оберегать суздальский посад от обид, владения посада очистить, а посадских беглецов сыскивать.

В ответ на челобитную суздальцев воеводе Савелову была прислана грамота 4 апреля 1674 г. Грамота предписывала крестьян и бобылей Спасо-Ефимьева монастыря, имеющих в Суздале лавки, амбары и торговые промыслы, «взять в Суздаль в посад и собрать по ним поручные в уплате тягла».¹⁵⁰

Позиция государственной власти в отношении спора суздальского посада с монастырем, хотя и отражает некоторые колебания правительства и местных властей в вопросе прикрепления промышленных крестьян к посаду, свидетельствует все же о победе посада, получившего официальную поддержку правительства.

Не меньший интерес для понимания обстановки на посаде в 70-е годы XVII в. в интересующем нас отношении представляют

события в г. Лухе. В 1677 г. в Лух к воеводе М. М. Щетинину по челобитью князя И. А. Голицына была прислана грамота с предписанием направить в Москву «к ответу во крестьянстве, в побеге» луховских посадских людей Максимка, Савинка и Стеньку Поповых. В грамоте указывалось, что из вотчины И. А. Голицына в Суздальском уезде сбежал крепостной крестьянин Оксенко Исаков с детьми — Максимкой, Савинкой и Стенькою. Будучи в беггах, Оксенка был поставлен в попы в Лухе. Земские старосты З. Алексеев, Я. Михайлов и посадские люди Луха выступили с ответным челобитьем, в котором утверждали, что Оксен был поставлен в попы еще в голицынском селе Парском. Затем ему была дана патриархом Иосифом по челобитью посада Луха переходная грамота в одну из церквей посада. Когда поп умер, дети на посаде остались «малы», выросли в городе, там же пережились на дочерях посадских людей и давно тянут посадское тягло. Сам Оксенка с детьми записан в переписных книгах 1646 г. в Лухе. Челобитчики просят по Уложению и по новым статьям учинить указ об оставлении спорных крестьян на посаде.

На обороте челобитной имеется помета: «... великий государь велел указ учинить боярину И. М. Милославскому». К сожалению, никакого указа о решении спора в деле не сохранилось.¹⁵¹ Однако сличение обстоятельств этого дела с предшествующими делами Ярославля и Суздаля, не дает оснований к сомнению в том, что лухское дело вероятнее всего решено в пользу посада.

Борьба посада с феодалами за крестьян-тяглецов в 80-е и 90-е годы XVII в. характеризуется использованием в решении спорных дел новых указов 70—80-х годов. Примером могут служить события в Пскове, Новгороде, Вологде, Нижнем Новгороде и в ряде других городов.

В 1686 г. по грамоте, по Уложению и по торговому уставу были «отданы в посад в тягло» г. Пскова «приходские церкви Богоявления деревенские бобыли и городские жители Мишка Федоров с братьями». Ссылаясь на этот прецедент, псковский земский староста К. Ильин «во всех пскович посацких людей место» просил в 1688 г. приписать к посаду бобылей той же вотчины Сеньку Харлампиева с братом Минкою, которые женились на дочерях посадских людей, живут в Пскове на тяглых местах и ведут большую торговлю за рубежом. Против челобитной посада в Новгородском приказе была сделана выписка из ст. ст. 4, 11 и 12 гл. XIX Уложения и из указов 7 августа 1685 г. и 30 января 1688 г.¹⁵² В выписку попали и аналогичные случаи решения спорных дел псковского посада с феодалами. Так, в ноябре 1680 г. по указу и по помете дьяка И. Шапкина на челобитной посада была послана гра-

¹⁵¹ Там же, ф. Приказные дела старых лет, № 7, лл. 1—2.

¹⁵² См. выше, стр. 278. Неясно, из каких соображений в Новгородском приказе были сделаны выписки из ст. ст. 4, 11 и 12 Уложения, которые никакого отношения к данной ситуации не имели.

мота псковскому воеводе М. А. Голицыну о приписке к посаду бобыля Никитки «по житью по промыслу».

Аналогичным образом решена в июле 1685 г. судьба Якушки Павлова, который из стрельцов попал в тяглые люди посада. Эту же участь разделил в октябре 1686 г. псковский стрелец И. Ануфриев, прикрепленный к посаду «по его торговому промыслу».¹⁵³ В выписке, наконец, содержится дело о приписке к посаду трех бобылей Федотовых, послужившее посаду прецедентом для челобитья о бобылях Харлампиевых. На основании этого челобитья и выписки Новгородского приказа псковскому воеводе М. В. Собакину была прислана грамота, предписывающая братьев Харлампиевых, если они торгуют и владеют дворами и лавками на посадской земле, оставить на посаде и собрать поручные записи.¹⁵⁴

Псковское дело является первым по времени из числа известных нам дел, в которых используются новые указы 80-х годов о прикреплении крестьян к посаду.

Однако использование указа 7 августа 1685 г. можно предположить еще в одном, несколько более раннем спорном деле на посаде Углича. 29 мая 1686 г. по указу в ответ на челобитье старосты и посадских людей Углича было велено оставить на посаде двух посадских людей и не отдавать их в крестьянство в Ростовский уезд помещику Б. Т. Юшкову на том основании, что они пришли в посад «в давних годах», а в переписных книгах Углича записаны в 1678 г. Подобное значение книг 1678 г. в отношении посада установлено впервые как раз указом 7 августа 1685 г.¹⁵⁵

Несколькими годами позднее, в 1689 г., на основании тех же указов 80-х годов разрешено спорное дело о крестьянах между посадскими людьми Вологды и властями Инокентиева монастыря. Поводом к делу послужило челобитье земского старосты и посадских людей Вологды, которые писали о посягательстве некоторых монастырей и помещиков на крестьян, пришедших в посад после Уложения и «приверстаных к посаду» по промыслу, женитьбе и тяглу.

Посадские люди просили оставить таких бывших крестьян за посадом по указам 1677 г., 1685 г., 30 января 1688 г. Этим крестьян оспаривал у посада игумен Инокентиева монастыря Павел. 5 марта 1689 г. игумен подал челобитную, прося вернуть с посада монастырских крестьян Якушку, Ивашку и Стеньку Федотовых «по отцу и по крепостям». Ответом послужила грамота 11 июня 1689 г., посланная в Вологду «по указу великого государя и по приговору

¹⁵³ Включение стрельцов в посадское тягло противоречило ст. 11 гл. XIX Уложения и говорит о том, что в ходе практики прикрепления разного рода лиц к посадкам принцип такого прикрепления «по торгам и промыслам» завоевывал все большее признание.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 187.

¹⁵⁵ Там же, ф. Поместного приказа, стлб. 33051, лл. 202—203.

книзей В. и А. Голицыных». Вологодская грамота интересна в том отношении, что она четко делится на две части — общую и частную. В первой части содержится общее предписание на основании указов и боярских приговоров 1655 г., 1685 г. и 30 января 1688 г. помещиковым, вотчинниковым, монастырским и иным крестьянам, бобылям, закладчикам, захребетникам, которые пришли на Вологду после Уложения 1649 г. и «живут в слободах и в посадах и посадских людех», имеют торги, промыслы, поженились на посадских вдовах и дочерях «и дворами их и животами владеют» и в книгах 1678 г. записаны с посадскими людьми, быть на посаде «ныне и впредь» и помещикам, вотчинникам и монастырским властям в крестьянство их не отдавать.

Вторая часть грамоты представляет собою приложение раскрытых в первой части законодательных норм к конкретному случаю тяжбы посада с Инокентиевым монастырем. Монастырю было отказано.¹⁵⁶

Наличие в первой части грамоты не только ссылки на указы о посадской крепости после Уложения, но и изложения этих указов дает возможность установить, что указ 19 октября 1688 г., принятый месяца за четыре до того, как возникло вологодское дело, в мотивировочной части приговора отсутствует; его нет и в перечне указов. Он не подразумевается и в аннотации, суммирующей содержание указов. В противном случае в число признаков, по которым следует прикреплять крестьян к посадкам, входило бы условие приписки к посадкам крестьян, пришедших в города до 17 декабря 1684 г. Этот срок как общий и обязательный для всех городов вводился лишь указом 19 октября 1688 г. Однако этого срока нет в резолютивной части грамоты.

Использование указа 19 октября 1688 г. в решениях спорных дел на посадах относится к более позднему времени, именно к началу 90-х годов XVII в. С таким случаем мы сталкиваемся в царской грамоте 1693 г. новгородскому воеводе Б. И. Прозоровскому.¹⁵⁷ Грамота послана в Новгород в ответ на челобитье гостей Семена Гаврилова и Ивана Семенова и посадских людей Новгорода. Челобитчики сообщали, что «в прошлых годах» пришло в Новгород большое число вотчинных и поместных крестьян и бобылей из разных уездов. Живя на посаде и около посада в деревнях, приплые люди «промышляют всякими их посадскими промыслами, торгуют, и в лавках сидят и всякими рукодельными и отъезжими промыслами промышляют», а тягла не платят и «городовых служб не служат». Челобитчики, ссылаясь на указы 1677, 1685 и 1688 гг., сообщали, что по этим «указам в Ярославль и в иные города»

¹⁵⁶ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, № 14.

¹⁵⁷ До этого указа 1688 г., видимо, не был еще официально распространен по городам. Посадские люди Вологды, упоминающие этот указ в своей челобитной начала 1689 г., видимо, знали о нем не из официальных источников. АИ, V, № 226.

были посланы царские грамоты, но в Новгород такой грамоты не дано. Рассматриваемая грамота и есть та самая «грамота с прочетом», которую просили новгородцы. Она содержала изложение уже известных нам указов 70—80-х годов о посадской крепости. Грамота требовала от новгородского воеводы Прозоровского включения в посадское тягло и прикрепления к посадам всех поместных и вотчинных крестьян, поселившихся в Новгороде с 1649 г. по 7 декабря 1684 г. и занятых торгово-промышленной деятельностью на посаде, а тех крестьян, которые пришли на посад после 17 декабря 1684 г. — искать судом. Наряду с этим грамота требовала от воеводы присылки в Новгородский приказ переписных книг тяглых и пришлых людей, составление которых предписывалось грамотой 4 августа 1693 г.

Указы 80-х годов служили очень важным средством борьбы в руках посадских людей за свои имущественные и податные права и сословные привилегии. Многие посады энергично использовали их не только в борьбе против феодалов, но и против неправых, идущих в нарушение этих законов, действий представителей власти на местах. Показательна в данном отношении решительность, с которой выступили посадские люди ряда городов против ущемлявших интересы посада действий сыщиков, посланных в начале 90-х годов во многие города для сыска беглых крестьян.

26 сентября 1692 г. общее челобитье такого рода было подано земскими старостами и посадскими людьми Нижнего Новгорода и Вологды. Челобитчики жаловались на действия сыщиков, которые крестьян, пришедших «в прошлых годах» на посады Нижнего Новгорода и Вологды, отдают помещикам и вотчинникам и тем посадских людей «убытчат», а в промыслах чинят «остановку и разоренье». Свое челобитье нижегородцы и вологжане закончили просьбой запретить сыщикам «волочить в крестьянстве новопришлых людей, которые пришли в Нижний и на Вологду и посадских людей на дочерях, на вдовах и на девках, поженились и живут в посадских дворах и торгуют и всякими промыслами промышляют».

Несмотря на то, что здесь нет прямой ссылки на указы 80-х годов, состав и формулировка признаков посадских людей из крестьян напоминают формулировки указов. Несомненно, что авторы челобитья хорошо знали указы и именно на них основывали свои требования.

Подтверждением служит и то обстоятельство, что грамоты, присланные в ответ на челобитье в адрес воевод и сыщиков Нижнего Новгорода и Вологды, мотивируют свой запрет отдавать с посада пришлых людей, «которые. . . на их, посадских, вдовах и девках поженились», ссылкой на «их, великих государей, именные указы и боярские приговоры».¹⁵⁸

Точно так же в ответ на челобитье нижегородского земского старосты Михаила Кузьмина «с товарищи» в октябре 1692 г. была дана из Новгородского приказа в Поместный приказ память о посылке послушной грамоты сыщику Г. С. Титову с предписанием исполнять правительственные указы о порядке возвращения помещикам бывших их крестьян, приписанных к нижегородскому посаду. Память перечисляет все указы о прикреплении крестьян к посадам, начиная с указа 1655 г. и кончая указом 19 октября 1698 г.¹⁵⁹

Очевидно, в ответ на такого рода сигналы с мест о незаконных действиях сыщиков-дворян в отношении сыска беглых на посадах был принят приговор думного дьяка Е. И. Украинцева: «А буде сыщики в сыском деле посадским людям будут чинить не по указом», то об этом бить челом царям.¹⁶⁰ В другом случае из Кунгура поступило челобитье земского старосты О. Кашиева и посадских людей на кунгурского воеводу Д. Бахметьева. В прошлых 1690—1692 гг., говорилось в челобитье, Д. Бахметьев брал себе и раздавал помещикам и вотчинникам в крестьяне кунгурских пришлых людей, которые записаны за посадом в книгах 1678 г. и поженились на вдовах и девках тяглых посадских людей. Такая деятельность воеводы квалифицируется посадскими людьми, как противоречащая указу 19 октября 1688 г. В подтверждение этого челобитчики приводят пространную выдержку из указа. Вскрыты в челобитной и последствия нарушения указа: многие посадские люди разбежались и посад запустел, а между тем Кунгур стоит в степи, часты набеги татар, калмыков и башкир и посадским людям приходится участвовать в строительстве укреплений города. В ответ на челобитье царская грамота предписывала новому воеводе Кунгура С. О. Сухотину не отдавать помещикам крестьян, пришедших в Кунгур до 17 декабря 1684 г.¹⁶¹

Все приведенные нами материалы о прикреплении к посадам крестьян, перешедших в города в промежуток времени между началом 1649 г. и концом 1684 г., и о связанной с этим борьбе между посадом и феодалами дают представление лишь о внешней стороне событий и сообщают их общие результаты. Между тем в нашем распоряжении имеются материалы, дающие возможность вскрыть внутреннюю сторону такой борьбы, показать ее участников, поведение имущих групп посада и роль в ней широких кругов населения.

В составе фонда Иверского монастыря имеется большая группа документов, в которых получила отражение борьба посада Старой Руссы с феодалами за крестьян-тяглецов во 2-й половине XVII в.

Естественно, что в названном фонде отложились прежде всего материалы, связанные с борьбой посада за иверских крестьян,

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 129, лл. 1—9.

¹⁵⁹ Н. Новгород в XVII веке, стр. 264.

¹⁶⁰ ЦГАДА, ф. Приказные дела старых лет, № 129, лл. 9—10.

¹⁶¹ В. Ш и п е н к о, ук. соч., стр. 675—679.

перешедших на посад после Уложения 1649 г. и ставших владельцами дворов, лавок и промыслов на посадской земле. Есть, однако, в Иверском фонде и некоторая часть таких документов, из которых следует, что на старорусский посад после Уложения 1649 г. в немалом количестве проникали крестьяне и бобыли не только Иверского монастыря, но и других феодалов.

Да и сами посадские люди Старой Руссы в своих челобитных на имя царей не сводят вопрос только к борьбе против домогательств Иверского монастыря и его крестьян, хотя этот монастырь был непосредственным соседом посада и сильнейшим его противником, а говорят о проникновении на посад во 2-й половине XVII в. многих людей, прибывавших из различных мест и в большинстве своем принадлежавших разным владельцам.

Так, в челобитной, содержание которой излагается в царской грамоте 1693 г. старорусскому воеводе М. К. Дирину, новгородский гость С. Гаврилов, имевший торги и соляные промыслы в Старой Руссе, и «все старорусшана посадские люди» указывают, что «в прошлых де годах пришли в Старую Руссу из разных городов и из уездов и из сел и из деревень, также из Старорусского уезду разных чинов из вотчин крестьяня и бобыли и всяких чинов гулящие вольные люди. И пришед живут... на посадских тяглых и на оброчных и на белых, и на монастырских и на церковных местех и в посадских же дворах з жёнами и з детми. А иные поженились бывших посадских людей на жёнах и на посадских дочерях и всякими пожитками бывших посадских людей владеют».¹⁶²

Указания на приход в старорусский посад сторонних крестьян содержатся в челобитной посадских людей 1696 г. и в ряде других документов.¹⁶³

Боязню конкуренции со стороны крестьян и, главное, стремление снизить падающую на них долю тягла и других повинностей составляли экономическую подоплеку объединения всех слоев посада в их борьбе за включение в число посадских тяглецов крестьян, промышлявших и торговавших на посаде.

Для имущих верхов посада такой переход сторонних крестьян в разряд посадских людей означал, кроме того, расширение социальной базы для эксплуатации и усиления их промыслово-торговой деятельности. Всем этим и объясняется, что вопрос о материальном ущербе, который причиняла экономическим интересам посадских людей торгово-промысловая деятельность сторонних лиц на посаде, составляет основной мотив челобитных. В той же челобитной 1693 г. это обстоятельство изложено следующим образом: «И живучи те всякие люди в Старой Русе и около Старой Русы в Старорусском уезде и в посадах меж посадов промышляют

¹⁶² ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 84, № 14, 1693 г. (в дальнейшем: 84—14—1693).

¹⁶³ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, карт. 91, № 12, 1696 г. (в дальнейшем: 91—12—1696).

всякими их посадскими промыслами, торгуют и варничным соляным и дровяным промыслом промышляют. А с тех своих торговых и всяких промыслов в Старой Русе в Земскую избу во всякие... подати и во всякие гратские платежи тягла не платят и городовых и отъездных служб не служат. И от тех пришлых и иногородных и уездных людей во всяких торговых и посадских и рукодельных и варничных и дровяных промыслах посадским людям и во всяких ремеслах чинитца помешка и безпромыслица великая и во всем утесняют».

Подобного рода жалоб старорусских посадских людей можно было бы привести несколько. Примером того, в какой мере сталкивались интересы посадских людей и феодалов в вопросе о крестьянах, промышлявших и торговавших на посаде, может служить длительная борьба посада Старой Руссы с Иверским монастырем за крестьян, перешедших в посад из монастырских вотчин в Старорусском уезде. Как видно из челобитных обеих спорящих сторон, передача в 1654 г. Иверскому монастырю 11 дворцовых погостов в Старорусском уезде послужила толчком к массовому бегству крестьян из переданных сел и деревень, причем многие крестьяне и бобыли бежали в старорусский посад.¹⁶⁴ В этом нельзя не видеть проявления классового протеста крестьян против передачи их в крепостную зависимость от вотчинника.

С другой стороны, Иверский монастырь, стремясь завладеть в Старой Руссе соляными варницами и посадской землей, охотно допускал промыслово-торговую деятельность определенной части своих крестьян на посаде при условии сохранения ими крепостной зависимости от монастыря и выплаты ему оброка. Часть монастырских крестьян, ссужая деньгами разорившихся посадских людей под заклад дворов, соляных варничных мест, а также через брачные связи с посадскими семьями, становилась владельцем тяглой посадской земли. Для монастыря это расчищало путь к расширению владений на посаде.

Со своей стороны крестьяне, становясь посадскими людьми не только фактически, но и юридически (их облагали посадскими тяглом и записали в переписные книги за посадом) считали себя независимыми от монастыря и противились всяким его попыткам вернуть их в прежнее крестьянское состояние.

Проникновение монастырских крестьян на посад шло непрерывно на протяжении всей второй половины XVII в. В итоге к 80-м годам XVII в. в Старой Руссе сложилась обстановка во многих чертах схожая с той, которая была в городах до 1649 г.

Именно в 80-е годы возникает спорное дело старорусского посада с Иверским монастырем из-за крестьян, покинувших тяглые участки в монастырской вотчине и живущих на посаде.

¹⁶⁴ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 84—133—1694. Спорное дело Иверского монастыря со Старорусским посадом, сстав 2.

Монастырские власти подали в 1685 г. четыре челобитные (17 мая, 2 июня, 25 августа и 4 ноября), прося указа о возвращении крестьян в монастырь на основании жалованных грамот 1654—1655 гг., отказных книг 1655 г. и Изложения вселенских и московских патриархов 1667 г.¹⁶⁵

В ходе разбора дела спорные крестьяне были дважды допрошены в Старорусской приказной избе. Материалы допроса дают представление о продолжительности и характере их связи с посадом.

У Мартынки Бычатины отец умер на посаде более двадцати лет назад. Был ли отец отказан монастырю, Мартынка не помнит. Сам он, хотя и родился в деревне, на посаде с малых лет, владеет варницей, двором, занят торговлей и обложен посадским тяглом; в переписных книгах 1678 г. он, его мать и два брата значатся за посадом; женат на посадской. Его братья — Лазарка (30 лет) и Артюшка родились на посаде.¹⁶⁶ Следовательно, семья Бычатиных переехала в посад тотчас же после отказа старорусских погостов монастырю, в 1654—1655 гг., а отец семейства, возможно, и ранее, т. е. до отказа.

Еще любопытнее история семьи Норковых. Допрошенные Ларка и Ивашка Норковы показали, что их дед Лучка и отец Артюшка исстари жили в Старой Руссе; дед записан в писцовых старорусских книгах 1625 г., а отец значится в приходных, оброчных и окладных книгах старорусской земской избы. Сами же они уроженцы посада. Однако в деле фигурирует выписка из отказных книг 1654 г. о том, что в деревне Кочетилове жил крестьянин Артюшка Лукин. «И тот Артюшка отец ли их — про то они не ведают».¹⁶⁷

В данном случае, если исключить возможность подлога, монастырь мог настаивать на принадлежности ему братьев Норковых на основании лишь совпадения имени их отца с именем монастырского крестьянина.

Лучка Максимов показал, что живет он на посаде свыше 30 лет, торгует рыбой, тянет государево тягло и мирские повинности, женат «на посадской дочери». Поселился, он в Старой Руссе в семье брата-стрельца после смерти родителей, которые умерли, видимо, еще до отказа земель монастырю. Тем не менее родители попали в отказные книги. Сам Лучка считает себя «бобыльцем» Иверского монастыря на том основании, что в прошлом ему уже «была отдача» из посада в Иверский монастырь.¹⁶⁸

¹⁶⁵ Жалованные грамоты монастырю см.: РИБ, т. V, столбцы 127, 132, 134, 148, 840. Церковный собор 1667 г. восстановил Иверский монастырь, закрытый несколькими годами ранее в связи с делом Никона, и закрепил за ним права на его прежние вотчины и крестьян.

¹⁶⁶ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 84—133—1694 сставы 3, 15.

¹⁶⁷ Там же, сстав 4.

¹⁶⁸ Там же, сставы 4, 5, 14.

Мосейко Тарасьев, сапожник, показал, что прибыл из Каргополя в Старорусский уезд лет 40 назад, поселился в деревне Зиболотье у «свойственных людей навремя». Отказчик записал его в книги за Иверский монастырь «не спрося подлинно». Пожив некоторое время в крестьянах после отказа, Мосейко с сыном перешел на посад. «Торговым промыслом промышленяет», «подати платит» «и службы служит с посацкими людьми вместе».¹⁶⁹

Мишка Остафьев родился на посаде, «кормитца работою», «женат на посацкой девке». Родители его жили на посаде не менее 40 лет. Мать из посадской семьи. В переписных книгах 1678 г. он значится за посадом. Бобылем Иверского монастыря считает себя потому, что ему уже «была отдача» за монастырь. Из всей семьи лишь отец записан в отказные книги. Его братья — Трифашка и Митюшка «сказали те же речи».¹⁷⁰

Ефремка Бычатин, его дед, отец и двое дядей значатся в отказных книгах за монастырем. С какого времени на посаде — неизвестно.

Мать Сазонки Иванова Васса, будучи в деревне, вышла замуж за посадского человека год спустя после отказа. На посаде, следовательно, она лет 30.¹⁷¹

Арефка Овдокимов, его отец и брат, значатся в отказных книгах. Сам Арефка на посаде с давних лет, обложен тяглом, женат на «посадской дочери».¹⁷²

Этим список спорных крестьян не исчерпывается.

В челобитной Иверских властей от 5 августа 1694 г. сообщалось, что земский староста старорусского посада «с товарищи» приглашают монастырского крестьянина Филатку Помплиева с сыновьями к себе в посад. Между тем, отмечают челобитчики, Помплиев в отказных книгах 1654 г. и в переписных книгах 1678 г. значится за монастырем, женат не на «посадской девке», на посаде не живет, а в Старую Руссу ходит время от времени для торговых дел. Дворами же на посаде владеет «закладными просрочными», которые отданы ему «из приказной избы за кабальные долги».¹⁷³

Иначе охарактеризовано отношение Помплиева к посаду в выписке из переписной книги пришлых людей 1694 г.: Помплиев родился на посаде. В Старой Руссе им построен свой двор на посадской земле «для соляного варничного промыслу», которым занимается уже 30 лет. Записан в посадское тягло, но числится «во крестьянстве за Иверским монастырем». Один из его сыновей, Сенка Филатов, занят варничным делом 25 лет, записан в тягло.¹⁷⁴

¹⁶⁹ Там же, сставы 5, 14.

¹⁷⁰ Там же, сставы 7, 15.

¹⁷¹ Там же, сстав 5.

¹⁷² Там же, сстав 6.

¹⁷³ Там же, сставы 22—23.

¹⁷⁴ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 87—65—1694. Список со спорного дела о крестьянах, сставы 3—4; ср. 84—133—1694, сстав 21.

Монастырь оспаривал у посада, таким образом, 15 человек крестьян.

Разумеется, эту группу лиц нельзя смешивать с той многочисленной категорией крестьян разных владельцев, в том числе и Иверского монастыря, которая проникла в старорусский посад для промыслово-торговой деятельности и для найма на работу и которая формально никакого отношения к посаду не имела.¹⁷⁵

Перед нами группа посадских людей, лишь небольшая часть которой лично, при этом в далеком прошлом была связана с крестьянством. Каждый из них живет на посаде не менее 20—30 лет, имеет свои дворы, занят промыслово-торговой деятельностью, обложен посадским тяглом, в книгах 1678 г. приписан к посаду и состоит в родстве с коренными посадскими семьями. А семеро из них принадлежат посаду по рождению.

Словом, налицо были все признаки, по которым царские указы 1685 и 1688 гг.¹⁷⁶ и грамоты 2-й половины XVII в. прикрепляли крестьян к посадам. Тем не менее дело возникло и приняло острый и затяжной характер.

В состав этой группы крестьян (как мы их условно будем называть) входили лица, имевшие достаточно высокое имущественное положение. Приведенные выше сведения можно дополнить материалами описи их имущества, составленной в феврале 1695 г. подьячим новгородской приказной палаты по распоряжению новгородского воеводы Б. И. Прозоровского.

Мартышко Бычатын имел соляную варницу со всем оборудованием, большой двор с различными хозяйственными постройками и фруктовый сад. Филатка Помплиев владел варницей, соляным амбаром, двумя дворами в разных местах посада, в составе которых было две горницы, три избы, ряд хозяйственных и бытовых строений и большой яблоневый сад (около 100 деревьев). Иванка Норков имел новый двор из двух изб, со многими постройками и «порозжее» место на посаде. Мосейко Тарасьев, занимаясь сапожным ремеслом, был хозяином вполне исправного и хорошо обстроенного двора. Неясен род занятий Мишки Остафьева, который «кормитца работою», но и он является обладателем двора на посаде, состоящего из двух изб (одна «на подзавалье», другая — «поземная»), клетки, хлева и бани. Другие лица также были домовладельцами, а часть из них занималась торговлей.¹⁷⁷

В ответ на челобитные монастыря новгородскому воеводе П. В. Шереметеву из Приказа Большого дворца, в ведении которого с 1682 г. находился Иверский монастырь, была прислана царская грамота от 30 ноября 1686 г. о правах монастыря на вла-

¹⁷⁵ На примере ярославского посада видно, что число таких крестьян могло достигать нескольких сотен человек (см. выше, стр. 290).

¹⁷⁶ См. выше, стр. 281—284.

¹⁷⁷ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 87—163—1695. Списание с переписной росписи, сказы 2—5.

днее крестьянами на основании прежних жалованных грамот и определения московского собора 1667 г.¹⁷⁸ Вслед за этим старорусский воевода В. Шаховской вынес приговор о передаче крестьян¹⁷⁹ монастырю на том основании, что «деды и отцы, а иные сами в отчужденных книгах за Иверским монастырем паписаны».¹⁸⁰

В новой челобитной 15 января 1694 г. монастырские власти сообщили, что «после отдачи» крестьяне якобы жили в монастырских деревнях до января 1694 г., когда в ответ на челобитные старорушан была прислана царская грамота, предписавшая крестьян, пришедших на посад с 1678 г. по 1694 г., селить в Старой Руссе «безповоротно». Однако, как выясняется из последующих материалов, прежде всего из челобитной 23 января 1694 г. гостей Семена и Ивана Гавриловых, земского старосты Климуса Бабухина и посадских людей, переданные монастырю крестьяне по указу воеводы В. Шаховского распоряжению его не подчинились и продолжали жить на посаде. В той же челобитной посадские люди подчеркивали, что воевода Шаховской, норовя монастырским властям, игнорировал при решении дела переписные книги 1678 г. и указы 1684 и 1688 гг., закреплявшие крестьян за посадом «по промыслу и по земле».¹⁸¹

В ответ на челобитную посада старорусскому воеводе М. Дирину в 1694 г. пришла грамота, предписавшая в общей форме вернуть дела о «пришлых людях» на основании именных указов и боярских приговоров 1655, 1684, 1688 и 1689 гг.

Посадские люди подали роспись жильцов, поселившихся в Старой Руссе с 1649 г. по 1684 г., в которую попали и имена спорных крестьян. После того как по этой росписи крестьяне вновь были допрошены, воевода М. Дирин, основываясь на царской грамоте 1694 г. и на материалах допроса, приговорил: «... по Уложению и по новоуказным статьям и по грамотам и по переписным книгам 186 г.» крестьянам жить в Старой Руссе на посаде «безповоротно»; властям Иверского монастыря в ходатайстве о крестьянах отказать, а решение воеводы Шаховского 1684 г. о передаче крестьян монастырю отменить, как не опирающееся на соответствующие положения о «пришлых людях» в Уложении и в указах 1655, 1684, 1688 и

¹⁷⁸ РИБ, V, стлб. 876.

¹⁷⁹ За исключением Филатки Помплиева с сыновьями, спор о которых возник позднее.

¹⁸⁰ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 84—133—1694, сстав 8. В 1690 г. в ответ на челобитную иверских властей состоялся приговор боярина По местного приказа П. В. Шереметева о передаче монастырю крестьян Сеньки и Гаврилки (Помплиевых), но при условии продажи ими своих варниц посадским людям «по Уложению». Приговор сопровождается оговоркой, что если «архимаандрит с братьею похотят их, крестьян, отпустить промышлять если градские посадские люди их в тот промысел примут, и по них взять в монастырь поручную запись, что им от крестьянства не отбыть» (ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 71—169—1690).

¹⁸¹ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 84—133—1694, сстав 11.

1689 г.; по переданным на посад крестьянам собрать поручные записи.¹⁸²

Благоприятное для посада решение воеводы послужило поводом для новой просьбы посадских о передаче посаду иверского крестьянина Филата Помплиева с сыном Гаврилкой. Монастырские власти тотчас же подали свою челобитную, оспаривая права посада на Помплиевых. 9 августа 1694 г. воевода М. Дириин на тех же основаниях, что и в первом случае, отказал монастырю и приговорил Помплиевым быть на посаде.¹⁸³ Желая усилить позиции Бычатиных и Помплиевых на посаде, старорущане выбрали их целовальниками таможенных и кабацких сборов.

12 ноября 1694 г. монастырские власти оспорили приговоры воеводы Дириина, настаивая на том, что Бычатины, Помплиевы и другие крепки Иверскому монастырю по жалованным грамотам 1654 и 1668 гг., отказным книгам 1655 г. и по решению церковного собора 1667 г. Оспаривая юридическую доказательность доводов посадских людей, опиравшихся в своих требованиях на общие указы о прикреплении людей к посаду, монастырь ссылался на то, что в грамоте от 8 января 1694 г., а равно и в указах 1684 и 1688 гг. владельцам крестьян, перешедших на посады в период от Уложения до 17 декабря 1684 г., отказано в возврате их крепостных на том основании, что они «не били челом многие годы». Между тем, указывали монастырские власти, Иверский монастырь получил вотчины после Уложения, а монастырские челобитные о спорных крестьянах были поданы до 17 декабря 1684 г. Оба эти обстоятельства исключают, по мысли монастырских властей, возможность применения указов 1684 и 1688 гг. и грамоты 1694 г. к тяжбе монастыря с посадом.

Рассмотрением дела занялся новгородский воевода Б. И. Прозоровский. В октябре 1694 г. он направил воеводе Дириину память с требованием выдать крестьян монастырю. Дириин, по словам наместника новгородского иверского подворья, «забыв монастырскую хлеб-соль», выдал лишь одного крестьянина — Лазаря Бычатины, а в выдаче остальных Бычатиных и Филатовых отказал, поскольку они «стали великого государя в службе на кружечном дворе в целовальниках».

Тогда Прозоровский потребовал выслать дело о крестьянах в Новгород, а на кружечный и таможенный сборы выбрать новых целовальников.¹⁸⁴

8 декабря 1694 г. состоялся приговор Прозоровского, решительно повернувший дело в интересах монастыря.

Приговор обязывал спорных крестьян, «у которых деды и отцы, а иные и сами написаны в отказных книгах 163 г.», передать

¹⁸² Там же, сставы 17—20.

¹⁸³ Там же, сстав 23.

¹⁸⁴ Там же, 89—143—1694. Отписка наместника новгородского монастырского подворья властям Иверского монастыря.

из посада в монастырь на основании жалованных грамот и решения церковного собора 1667 г.

Царская грамота 8 января 1694 г. была истолкована в приговоре, как не подходящая к случаю, поскольку вотчины Иверскому монастырю были даны после Уложения, а челобитные монастыря о беглых крестьянах было до 17 декабря 1684 г.

Прозоровский, таким образом, полностью воспроизвел аргументацию челобитной монастырских властей 12 ноября 1694 г., а его приговор в целом повторил приговор воеводы Шаховского. Однако в заключительной части приговора Прозоровского содержалась весьма существенная оговорка, заключавшаяся в том, что иным крестьянам, которые записались в посад до 17 декабря 1684 г. «та отдача не в образец».¹⁸⁵

Перед нами попытка рассматривать данное дело как особый случай, выходящий за рамки обычных условий прикрепления крестьян к посадкам, предусмотренных в ряде указов местного и общегосударственного значения.

Такой подход к решению вопроса имел свое принципиальное основание. Приговор по существу рассматривал право Иверского монастыря на крестьян, как особую привилегию крупного феодала-вотчинника, предоставленную ему государем.

Прозоровский не был самостоятелен и тем более оригинален, когда встал на защиту прав Иверского монастыря. Как мы видели выше, двойственный притворчивый подход в вопросе прикрепления старорусских промышленных и торговых людей к посаду обнаружило само правительство. Наряду с грамотой, определяющей право Иверского монастыря на крестьян как привилегию, дарованную царем, в Старую Руссу была прислана грамота, расширявшая общую формулу указов о прикреплении крестьян к посадкам на старорусский посад. Если первая из этих грамот послужила основанием приговора Прозоровского, то еще за четыре года до второй правительство ответило решительным отказом на челобитную новгородского Спасского монастыря о возврате крестьян со старорусского посада.¹⁸⁶ Точно так же в 1691 г. на основании новоуказных статей «от дворянина отбился» посадский человек Ларка Кириллов.¹⁸⁷ 30 дворовых мест с людьми было отписано в Старую Руссу от Вяжицкого монастыря, которому взамен в 1692 г. была дана безбродная рыбная ловля на оз. Ильмень.¹⁸⁸

Иную позицию заняло правительство в споре посада с Иверским монастырем. Последний имел исключительные привилегии, восстановленные и вновь закрепленные за ним в 1667—1668 гг. царскими грамотами и постановлением церковного собора. Поднимало

¹⁸⁵ Там же, 87—13—1694; ср. 86—119—1694. Список с приговора

И. И. Прозоровского.

¹⁸⁶ Там же, 87—65—1694. Список с дела о спорных крестьянах.

¹⁸⁷ Там же, 76—137—1691. Отписка Старорусского вкладного двора.

¹⁸⁸ ЮШИИ. Акты Новгородской казенной палаты, № 608.

значение Иверского монастыря и то обстоятельство, что в 80-х годах наблюдалось благоволение к памяти его основателя — патриарха Никона. Все это лишний раз подчеркивает, что борьба посада с монастырем представляла собою своеобразный поединок двух диаметрально противоположных правовых оснований, за которыми стояли противоречивые явления начинающегося «нового периода» в русской истории.

Если посадские челобитчики опирались на царские указы и боярские приговоры общегосударственного значения, как относящиеся к подобному рода делам по ряду других городов, так и имеющие общее для всех городов значение (указы 1684 и 1688 гг.), то Иверский монастырь основывал свои притязания лишь на пожалованных ему грамотах и решениях церковного собора, фиксировавших его привилегии как крупного вотчинника. Посадские люди при этом не столько просили, сколько настаивали на своих законных правах, ссылаясь на официальный характер установлений о посаде. Во многих их челобитных неизменно присутствует формула прикрепления спорных крестьян к посаду: «... по имянным указам и по боярским приговорам прошлых 163, 193, 196 и 197 годов, каковы состоялись по докладным выпискам за пометами думных дьяков».¹⁸⁹

Право феодальной привилегии распространялось и на подсудность Иверского монастыря, крестьяне которого не подлежали суду местных старорусских и новгородских властей, а были с 80-х годов ведомы в Москве в Приказе Большого двора, а затем в Поместном приказе.¹⁹⁰ Это создавало дополнительные трудности для посадских людей, поскольку каждый приговор воевод по спорным делам становился односторонним актом, обязательным лишь для посада. Между тем практика применения несудимых грамот, освобождающих крупного феодала от суда местных властей по делам о беглых крестьянах, была в явном противоречии с законодательной нормой, фиксированной в Наказе сыщикам 2 марта 1683 г.: «А которые будут присланы великого государя несудимыя грамоты в беглых людех и в крестьянех разных приказов по челобитью разных челобитчиков и по тем государевым несудимым грамотам тем челобитчикам отказывать, а чинить о беглых людех и крестьянех по государеву указу и по Соборному уложению».¹⁹¹

Наличие пожалованных несудимых грамот облегчало спорящим сторонам использование сложной и путаной системы управления и суда в своих интересах путем противопоставления грамот и указов одних приказов грамотам и указам других. Отголосок этого виден в одной из челобитных посада: «А ныне де помещики и вотчинники и монастырские власти, утая же их, великих государей, имянные указы, привозят в Великий Новгород и Старую Русу

их великих государей грамоты из разных приказов мимо Новгородского приказа».¹⁹²

Имущей верхушке посада был совершенно ясен и экономический смысл домогательств монастыря. Она расценивала их как стремление захватить вместе с крестьянами варницы и иное имущество этих крестьян, точно так же, как монастырские старцы «завладевали за указами великих государей и за вершеными делами мочью своею и насильством в Старой Русе на посаде и за посадом многими посадскими старинными тяглыми землями и дворовыми местами и угодьями».¹⁹³

Приговор новгородского воеводы Б. И. Прозоровского не привел к завершению дела. Более того, именно 1694—1695 гг. явились временем наибольшего обострения борьбы посада с монастырем, борьбы, которая вышла далеко за пределы апелляции сторон к верховным властям. Если материалы о борьбе ярославского посада со Спасским монастырем не содержат никаких сведений о поведении самих крестьян, из-за которых идет спор, то в материалах Иверского фонда немало данных такого рода.

Узнав о приговоре, спорные крестьяне покинули свои дворы, укрылись у посадских людей. Некоторые из них переводили свое имущество (варницы, дровяные кладбища) на имя посадских людей путем заключения фиктивных сделок аренды или, как сказано в одной из грамот по этому делу, «писали крепости чужими именами по дружбе и по родству».¹⁹⁴ Бычатины, Филатовы и другие подавали челобитные царю с просьбой оставить их на посаде. С этой целью они дважды ездили в Москву, в 1695 и 1700 гг.¹⁹⁵ Они же предприняли попытку подкупить воеводу Прозоровского, которому «посулили 500 рублей».¹⁹⁶ Очевидное нежелание этих крестьян быть за монастырем отражено и в монастырской челобитной: «... многие годы монастырским властям чинились ослушны и от крестьянства отбивались».¹⁹⁷

В ходе борьбы за тягловцев та и другая стороны нередко прибегали к насильственным захватам крестьян. В конце 1694 г., например, монастырские старцы схватили Ивана Норкова и держали у себя на подворье, «коковав в железа».¹⁹⁸ Красноречивее всего с этой точки зрения обещания старца московского подворья поймать крестьян, прибывших в Москву с челобитьем, отвести их в Помест-

¹⁸⁹ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 87—65—1694.

¹⁹⁰ Там же, 87—29—1694. Список со сказки посадских людей Старой Руссы.

¹⁹¹ Там же, 87—129—1695. Список с грамоты воеводе Б. И. Прозоровскому; ср. 87—73—1694. Допрос иверского стряпчего.

¹⁹² Там же, 88—2—1695. Отписка из старорусского иверского подворья. Ср. 107—26—1701. Список с челобитной Иверского монастыря.

¹⁹³ Там же, 86—159—1694. Отписка из Старой Руссы на московское подворье монастыря.

¹⁹⁴ Там же, 87—129—1695.

¹⁹⁵ Там же, 87—29—1694.

¹⁸⁹ ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, 87—65—1694.

¹⁹⁰ РИБ, V, стлб. 858.

¹⁹¹ ПСЗ, II, № 998, ст. 51.

дело о спорных крестьянах.²⁰⁵ К сожалению, каких-либо приговоров по данному делу в фонде Иверского монастыря обнаружить пока не удалось. Однако исход дела достаточно ясен из сохранившегося в фонде черновика монастырской памяти в московское подворье. В ней говорится, что по челобитью «Мартинка Бычатина с братьями» и по «неправому розыску старорусских бурмистров», на чьих землях дворы и промыслы спорных крестьян, последние привезли в марте 1701 г. из московской Ратуши память, «что быть им в Старой Русы в посаде». «И ныне оне, Мартинко Бычатин с братьями, хотят бить челом о прежних своих о дворах и о варнице, и о иных своих угодьях». Вслед за этим сообщением в памяти идет строгий выговор строителю и стряпчему московского подворья за проигранное дело о крестьянах: «А от вас по их, Мартинка с братьями, и по неправому старорусских бурмистров розыскам спору никакова не явилось. И знатно, что вы не за монастырскими делами ходите и против наших указов не радуете и во всем чините оплошку. И за чем вы ходите, про то нам не ведомо».²⁰⁶ Поскольку Бычатин с братьями принесли память об оставлении их на посаде из Ратуши, эту память, видимо, следует ставить в связь с приговором Ратуши о взятии крестьян в посады, состоявшемся 11 марта 1700 г. Но приговор Ратуши характерен как раз для новой ступени в развитии законодательства о посадской крепости.

Необходимо остановиться на этом заключительном для XVII в. и начальном для XVIII в. этапе законодательства в области прикрепления крестьян к посадам.

Уже в начале своей деятельности правительство Петра I, отвечая потребностям развития производительных сил и внутреннего рынка, преследуя цели укрепления городов как центров промышленности и торговли и усиления притока прямых налогов в казну, предоставило промыслово-торговой верхушке крестьянства более широкие возможности перехода в посады. Этой общей цели была подчинена реформа городского управления 1699—1700 гг. Указами 30 января и 16 марта 1700 г. гости, торговые и все посадские люди городов были переданы от воевод в ведение бурмистров, избравшихся среди местных торговых и промышленных кругов.²⁰⁷ Во главе бурмистерских палат стояла еще ранее учрежденная в Москве Ратуша. В ходе этой реформы и в тесной связи с нею был принят ряд указов о прикреплении торгово-промышленных крестьян к посадам.

1 января 1699 г. состоялся боярский приговор, по которому государевы, церковные и помещичьи крестьяне, если «похотят жить для торговых промыслов на Москве», то «им велено по купечеству записываться в слободы, где кто похочет» при непременно

условии «государевы подати платить и службы служить; также ии слободы в слободу не закладываться».²⁰⁸ О свободном переходе гулящих людей в те же московские слободы для торгов и промыслов говорилось в другом январском указе, видимо, того же 1699 г. Этот указ интересен тем, что он ставил непременным условием юридическое оформление посадской крепости пришедших в Москву людей путем получения о них «поручных жилых записей в черные сотки и слободы в тягло» с обязательным занесением сотскими и старостами этих записей в Сотскую книгу и с объявлением их в Земском приказе.²⁰⁹

С точки зрения нашей темы наибольший интерес представляют указы, посланные из Ратуши в конце 1699 г., а именно 27 октября, 17 ноября и 24 ноября. Эти указы, насколько можно судить по памяти из Разряда боярину Т. Н. Стрешневу 4 марта 1700 г., дающей их обобщенное изложение, видимо, говорили об одном и том же, повторяя друг друга.²¹⁰ Нам известен полный текст последнего из них, указа 24 ноября 1699 г., на котором мы и остановимся.

Указ 24 ноября 1699 г. предписывал звонарей, ямских охотников, пушкарей, воротников, мастеровых людей и крестьян разных владельцев, которые «в Казани и в иных городех» торгуют в лавках и «отъезжими торгами и в домех», имеют кожевенные и иные промыслы «и тем у посацких людей отымают, и тех всех взять в посады». В том случае, если крестьяне не захотят идти в посады, их обязать оставаться за своими помещиками, но в городах никаких торгов и промыслов не иметь и лавок не держать. К этой основной части указа 24 ноября 1699 г. дана приписка, обязывающая (очевидно, Ратушу) разослать по городам указы бурмистрам о присылке именных списков лиц, которые по ноябрьскому указу «в посады пристойны». Бурмистры категорически предупреждались, что без присылки ими в Ратушу именных росписей и без ответных приговоров Ратуши ничьих крестьян в посады не принимать. В случае принятия крестьян в посады без специальных на то приговоров Ратуши бурмистрам определялось наказание с наложением на них пени «за всякого человека по пяти рублей и убытка тому, над кем они учинят неправду». Тем не менее указ не запрещал крестьянской торговли в городах. Как видно из приписки к указу, крестьянская торговля «привозными товарами» допускалась на гостинных дворах при условии продажи товара оптом с возов и стругов, а не из лавок и не в розницу. Крестьян, торгующих таким образом, было указано «в посады не приписывать».²¹¹ Имеются свидетельства, что указы 1699 г. были в действии.

²⁰⁵ ПСЗ, III, № 1666.

²⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, ч. I, лл. 8 об.—9.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, № 2606, лл. 1—2.

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, ч. 1, лл. 9—10. Сходный текст указа опубликован в ПСЗ, III, № 1723, но в нем нет упоминания Казани, а приписка к указу дана лишь частично и слитно с текстом указа.

²⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении, № 6, ч. 1, лл. 9—10. Сходный текст указа опубликован в ПСЗ, III, № 1723, но в нем нет упоминания Казани, а приписка к указу дана лишь частично и слитно с текстом указа.

²⁰⁵ Там же, 107—85—1700. Отписка из московского иверского подворья, ср. 107—86—1700. Челобитье монастырских властей.

²⁰⁶ Там же, 109—2—1701.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, № 2606, л. 100.

Например, в ответ на отписки бурмистров и сказки торговых людей г. Мценска в январе 1700 г. из Ратуши последовали приговоры: «... быть во Мценску в посаде ж по торговым промыслам и по лавочному сиденью розных помещиков крестьяном девяти человеком».²¹²

В связи с теми же указами большое количество шунгских крестьян «отступило» от Тихвинского монастыря и «отписался в посад к Олонцу».²¹³

Процесс приписки крестьян к посадкам по торгам и промыслам в результате деятельности на этом поприще бурмистров, осуществлявших интересы торгово-промышленной верхушки посадов, принял, видимо, довольно широкие размеры. В таких условиях потребовались неоднократные напоминания со стороны Ратуши, испытывавшей в этом отношении давление правительства, о строгой обязательности отписок из городов в каждом отдельном случае и о приписке к посадкам только по приговорам Ратуши. На южных окраинах государства приписка к посадкам коснулась главным образом приборных людей, масштабы перехода которых в посады встревожили правительство. Оно пыталось установить здесь свой контроль. 8 мая 1700 г. указом Петра I и по выписке за пометою думного советника П. Возницына запрещалось без указа из Разряда писать в посады городов Белгородского и Севского полков служилых людей, которые «промышляют торговыми промыслами на Москве и в городех». В мотивировке к указу объяснялось, что «многие написались в посад, за которыми промыслов нет, и из списка из службы многие убыли».²¹⁴ Не меняя общей линии ноябрьского указа 1699 г. правительство Петра I ставило под свой контроль его осуществление, добиваясь в части прикрепления крестьян к посадкам наиболее точного претворения принципа по торгам и промыслам. Та же задача ставилась перед Ратушей, которая своими приговорами направляла и контролировала деятельность городских бурмистров. Один из таких приговоров Ратуши, именно приговор 11 марта 1700 г., известен нам по изданию его в ПСЗ.²¹⁵ Приговор представляет несомненный интерес. Он прежде всего подводит некоторые итоги деятельности бурмистров в части реализации указа 24 ноября 1699 г. Напомнив, что вслед за ноябрьским указом по городам были разосланы предписания бурмистрам о «пристойных в посады чинах» присылать «имянные» росписи и без указания Ратуши никого в посады не записывать, приговор отмечал, что бурмистры фактически нарушали эти установления, в силу чего «ныне во многих городех то явилось, что не писав и таких росписей не прислав, имают в посады многих крестьян». За самовольные действия в обход закона приговор накладывал

²¹² ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, № 2606, лл. 1—2.

²¹³ К. Н. С е р б и н а, ук. соч., стр. 57.

²¹⁴ ЦГАДА, ф. Разряда, Приказный стол, № 2606, л. 21.

²¹⁵ ПСЗ, IV, № 1775.

на бурмистров пени в размере 5 руб. за каждого принятого ими и посад крестьянина, а крестьян, принятых без росписей и указов и не имеющих в городах торговых и промысловых заведений, предписано было отдавать вотчинникам и помещикам, которым они принадлежат. В основной своей части приговор Ратуши от 11 марта 1700 г. представлял собою превосходный комментарий к ноябрьскому указу 1699 г., который отличается некоторой неопределенностью и неясностью изложения. Приговор, ссылаясь на прежний указ великого государя, предписывал дворцовых, архиерейских, монастырских, помещиковых и вотчинниковых крестьян, которые «живут в городех на тяглых землях и торгуют всякими торги и тягло платят, взять в посады». «А которые... крестьяне, — говорилось далее в приговоре, — в посады не похотят, и им в городех на тяглых землях не жить и не торговать, и лавок и кожевных промыслов и откупов не держать, а продавать им лавки и кожевные и иные заводы по Уложению тяглым людям, а самим им не владеть». Приговор подтверждал правомерность крестьянской торговли в городах «привозными товарами», но при условии продажи товара оптом, а не в розницу и не из лавок.

А. Л. Шапиро, оценивая в одной из своих работ указы 1699—1700 гг., отметил, что они оставляют «много неясностей». Какие же именно? «В них ничего не говорилось об обязательной санкции помещика на запись его крестьянина в посад или слободу, но не было сказано и о том, что запись может осуществляться вопреки воле помещика. В них ничего не говорилось о взаимоотношениях вотчинника и крестьянина после его записи в посад». Наконец, в указах не было «оговорено, как давно и какими товарами должны были торговать крестьяне, чтобы иметь возможность воспользоваться указами 1699 и 1700 гг.».²¹⁶ Нам представляется, что если указы 1699—1700 гг. рассматривать не сами по себе, а как звено в общей цепи законодательства в связи с прикреплением крестьян к посадкам во 2-й половине XVII в. и прежде всего в связи с законодательством 80-х годов, то разрешение этих недоумений не представит особого труда. Приговор Ратуши 11 марта 1700 г. предписывал «взять в посады» крестьян, которые живут на тяглой посадской земле, имеют на ней торговые и промысловые заведения и платят посадское тягло. Следовательно, приговор давал те же основные экономические и юридические признаки положения крестьян на посаде, которые имели место в указах 80-х годов и, в частности, в указе 19 октября 1688 г. И точно так же, как указы 80-х годов, указы 1699—1700 гг. санкционировали окончательное превращение таких бывших крестьян в посадских людей, в жителей городов. Указы 80-х годов делали это вопреки воле помещиков, предписывая отказывать им в исках о возвращении таких крестьян. То же

²¹⁶ А. Л. Ш а п и р о. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. Ист. зап., т. 27, 1948, стр. 231.

самое в свете не только указов прошлого, но и самой практики прикрепления крестьян к посадам следует сказать о рассматриваемых нами законодательных актах конца XVII в. При таком превращении бывших крестьян в посадских людей в результате прикрепления их к посадам землевладельцы полностью теряли на них свои права. Но бывали, как мы видели на примере 70—80-х годов, промежуточные состояния, при которых крестьяне, имея торговые и промысловые заведения на тяглой посадской земле и неся посадское тягло, одновременно платили оброк своим помещикам и вотчинникам, не порывая с ними. Если же такие крестьяне прекращали платить оброк, то землевладельцы предъявляли на них свои права. При всем большом сходстве указов 80-х и 1699—1700 гг. между ними есть все же одно существенное различие. Указы 1699—1700 гг., вопреки указам 80-х годов, не говорили ни о сроках переселения крестьян в посады, ни о давности пребывания их там. Сама по себе давность объективно, конечно, существовала. Ведь в подавляющем большинстве случаев перешедшему на посад крестьянину удавалось обзавестись торговыми и промыслами в результате какого-то, нередко длительного, проживания в городе. Более того, давность учитывалась Ратушей при решении вопроса о зачислении крестьян в посад. В том же приговоре 11 марта 1700 г. Ратуша требовала от бурмистров брать у промышленных и торговых крестьян на посадах «сказки за руками», в которых наряду со сведениями о торгах и промыслах должно быть указано, сколь давно крестьяне торгуют на посадах. Таким образом, продолжая существовать фактически, срок пребывания крестьян на посаде прекратил существование как юридическая категория. Приговор Ратуши, исходя из правительственных указов 1699 г., узаконял принцип прикрепления крестьян к посадам по торгам и промыслам, не ограничивая его действия, в отличие от указов 80-х годов, ни временными, ни какими-либо другими условиями. Социально-экономической основой этого процесса было то, что под влиянием развития товарного производства, внутреннего рынка и роста городов принцип прикрепления к посадам по торгам и промыслам в отношении крепостных крестьян все более и более пробивал себе дорогу сквозь путы крепостнических отношений. В юридическом плане этот же процесс может быть выражен в виде следующей схемы: полное запрещение переселения крестьян в посады по Уложению 1649 г. — частичное разрешение переселения в определенные сроки, которые не были постоянными и менялись для различных категорий крестьян и посадских общин, пока не был установлен единый срок, в 70—80 годы — полная отмена ограничительных сроков прикрепления крестьян к посадам по торгам и промыслам на рубеже XVII и XVIII вв.

Тем самым царские указы и приговоры Ратуши 1699 гг. как бы подводили черту законодательному развитию вопроса о прикреплении крестьян к посадам за 2-ю половину XVII в. и одновременно

шлились шагом вперед в развитии законодательства о посадской крепости.

Заключившая главу о прикреплении крестьян к посадам во 2-й половине XVII в., нам хотелось бы подчеркнуть, что зависимое положение посадского человека не определялось только прикреплением его к посаду и к тяглу, т. е. к податным обязанностям в отношении феодального государства, а было прежде всего прикреплением в производственном отношении. Тем самым крепостное положение посадского человека нельзя сужать до значения нормы феодального права, последствия которой сказывались лишь в случае побега посадского человека или в случае отказа его выполнять свои податные обязанности. Прикрепление определяло собою положение посадского человека в процессе его производственной деятельности. Именно из прикрепления выросла определенная комплекс черт приниженного и зависимого положения посадского человека. К сожалению, эта сторона жизни русского города XVII в. слишком мало изучена. Нам мало известны пределы власти воевод, земских старост, а позднее бурмистров как органов управления на местах в отношении посадских людей и прежде всего в отношении ремесленного и рабочего люда городов. А между тем в очень немногих исследованиях встречается ряд любопытных и ценных в данном отношении наблюдений. Возьмем к примеру работу В. Н. Кашина о Тульской оружейной слободе в XVII в. Автор отметил, что широко применявшиеся в оружейной слободе батоги в 60—70-е годы «регулюровались воеводой». «В 90-х гг. их применение делается обязанностью старосты. В 60-х гг. они применялись перед съезжей избой, административным центром управления городом. В 90-х гг. порют в самой слободе». На основе таких наблюдений автор резюмирует, что «бытовое сходство с вотчиной любого московского крепостника все усиливается». В. Н. Кашин констатирует процесс закрепощения тульского оружейного производства во 2-й половине XVII в.²¹⁷

Подведем основные итоги. Прикрепление посадских людей к посадам было составной частью общего вопроса о крепостном праве. Уже в пору до Уложения 1649 г. посад был особой сферой приложения крепостного права. Уложение в еще большей степени инвело развитие городов в рамки крепостнических отношений и подчинило это развитие интересам феодального государства. Закон о прикреплении посадских людей к посаду с запретом покидать посад и уходить на сторону под страхом наказания получил в Уложении законченное и полное выражение.

²¹⁷ В. Н. К а ш и н. Тульская оружейная слобода в XVII в. Пробл. ист. докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, стр. 75—86.

ления и факт записи крестьян и бобылей за посадом в переписных книгах 1678 г. Указ устанавливал свой срок прикрепления крестьян к посаду — 7 августа 1685 г., после которого прием пришлых крестьян, включая и тех, которые принесли отпускные, воспрещался под страхом наказания не только принявших, но и самих пришлых крестьян. Таким образом, указ 1685 г. в отличие от прошлых указов говорил о принципиально новой группе лиц на посадах — крестьянах, бобылях, закладчиках и захребетниках, которые не только фактически, но и юридически (они значились за посадом в книгах 1678 г.), были уже посадскими людьми. Указ признал основанием посадской крепости посадские переписные книги 1678 г. и тем самым аннулировал значение всех прошлых крепостных актов в отношении крестьян, осевших в посадах. Отсюда ясно, что в законодательстве 80-х годов XVII в. остро стоял вопрос не только о включении крестьян в посадское тягло, но и о прикреплении их к посадам.

Будучи вынуждено идти на уступки посаду, а также в интересах государственного фиска, правительство признало *post factum* переход крестьян в посады, но ограничило этот переход определенными сроками. В то же время, стремясь оградить интересы феодалов, правительство разработало со значительно большей полнотой, чем то было в прошлых законах, ту часть указов 80-х годов, которая устанавливала запрет приема крестьян в посады после законченных сроков. Законодатели стремились предусмотреть и запретить в будущем все возможные пути проникновения крестьян в посады: побег и явка без отпускных и с отпускными, женитьба на вдовах и дочерях посадских людей, покупка и прием под заклад тяглых посадских дворов, отвод и продажа под дворы посадской земли.

Нарушение заповеди приема крестьян в посады после указных сроков влекло наказание виновных, включая пени в 50 руб. за каждого принятого на посад человека (по указу 8 июля 1684 г.). Наказание за переход в посад определялось и для самих крестьян и бобылей.

В законодательстве о прикреплении крестьян к посадам к середине 80-х годов сложилось положение, при котором узаконение перехода крестьян в посады не было связано с определенным сроком, единым для всех городов и посадских общин. Попытка введения единого срока была предпринята позднее и связана с указом 19 октября 1688 г. Опираясь на указы 1684 и 1685 гг., указ 1688 г. расширял круг крестьян, прикрепляемых к посадам после Уложения, включая и таких, которые, проживая на посаде, по тем или иным причинам не попали в посадские переписные книги 1678 г. или пришли на посад после составления книг, но до 17 декабря 1684 г. Этот срок, взятый из указа о прикреплении пришлых людей и крестьян к московским черным сотням и слободам, стал рассматриваться как единый срок прикрепления крепостных кре-

стьян, бобылей и захребетников к посадам после Уложения. Крестьян, которые пришли на посады после 17 декабря 1684 г., было велено «искать судом». Так в результате законодательной практики было выработана наиболее общая формула прикрепления крестьян, бобылей и захребетников к посадам, а указ 19 октября 1688 г. стал указом наиболее общего значения. В 90-е годы была предпринята перепись на посадах людей и крестьян, пришедших до 17 декабря 1684 г. Новые переписные посадские книги мыслились как крупное мероприятие посадского строения. Они должны были реализовать указ 19 октября 1688 г. и служить основанием прикрепления к посадам крестьян и бобылей, поселившихся в городах до 17 декабря 1684 г. На основе указов 80-х годов рисуется социально-экономический и правовой облик крестьянина на посаде, фактически уже посадского человека, который и в юридическом отношении должен быть «навечно» превращен в посадского человека. Это превращение в условиях феодально-крепостнической самодержавной России могло быть осуществлено лишь с помощью крепостного закона.

В таком виде указы 80-х годов представляли собою определенный этап в развитии законодательства о прикреплении к посадам, отразивший новую ступень экономического и социального сращивания определенных групп крестьян с посадом и приспособления этого процесса к потребностям феодально-крепостнического государства. Другая особенность указов 80-х годов состояла в том, что они отражали возросшую к 70-м годам XVII в. борьбу посадов с феодалами за крестьян-тяглецов. Указы и возникали как раз в ходе этой борьбы и оказывали на нее большое воздействие. Это видно на примере значительной группы городов — Суздаля, Луха, Вологды, Пскова и других, но наиболее ярко, в силу характера сохранившегося материала, роль указов 80-х годов проступает в борьбе посада Ярославля со Спасским монастырем и особенно посада Старой Руссы с Иверским монастырем. Крупные влиятельные феодалы, вроде Иверского монастыря, опираясь на дарованные им привилегии и жалованные грамоты, длительное время оспаривали свои права на крестьян, подвизавшихся на посаде. Но в конце концов победу в такой борьбе одерживал посад.

В самом конце XVII в. законодательство о прикреплении крестьян к городам несколько меняется. Правительство Петра I, отвечая потребностям развития производительных сил и внутреннего рынка и способствуя росту городов, предоставило промышленно-торговой верхушке крестьянства более широкие возможности перехода в посады.

Указы 1699 г. и приговор Ратуши 1700 г. узаконяли принцип прикрепления крестьян к посадам по торгам и промыслам, не ограничивая его действия в отличие от указов 80-х годов ни временными, ни какими-либо другими условиями.

Примененный при посадском строении еще в конце XVI в. и затем получивший воплощение в Уложении 1649 г. и в указах 70—80-годов, но с ограничениями в отношении частновладельческих крестьян, принцип прикрепления к посадам по торгам и промыслам нашел наиболее полное и последовательное, не связанное ни с какими ограничениями, законодательное выражение на рубеже XVII и XVIII вв. В итоге интересы феодальной вотчинной системы были потеснены интересами укрепления городов и государственного фиска, настоятельно продиктованными потребностями развития производительных сил и государственного строя России и прежде всего потребностями экономического и политического развития городов.



Глава пятая

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПАЛАТЕ ОБ УЛОЖЕНИИ 1700 г.

За 2-ю половину XVII в. по отдельным приказам накопилось значительное количество указов, приговоров, наказов и грамот, которые в ряде отношений значительно развивали и дополняли Уложение 1649 г. Разбросанность законодательного материала по фондам многих учреждений XVII в. безусловно затрудняет его изучение в настоящее время, тем большие затруднения создавала такая распыленность указов по многим приказам для практического использования законов в XVII в.

Остается только примкнуть к мнению историков, изучавших деятельность Палаты об Уложении 1700 г., которые в неупорядоченном состоянии и распыленности законодательного материала во 2-й половине XVII в. видели причину составления нового Уложения.¹

Однако, как ни справедливо это мнение, его одного недостаточно для понимания действительных причин, побудивших правительство Петра I приступить в 1700 г. к составлению нового Уложения. Сами члены Палаты в объяснение причин возложенного на них поручения ссылались прежде всего на новые явления общественной жизни. В проекте манифеста, который должен был возвестить о принятии нового Уложения и который Палата составила в разгар своей кодификационной и законодательной деятельности в июле или августе 1701 г., говорилось, что великому государю из совещаний с боярской думой и освященным собором и из челобитий «священнаго и мирскаго всяких чинов людей» стало известно о возросшей дерзости раскольников, о неправде и судах, о возросшем числе преступлений: «... в людех между себя умножалась нелюбовь и ссоры и немилосердия, и обиды и драки великие, и бои, разбои, татбы и кражи».² Нетрудно увидеть, что за этой официальной оценкой положения дел, не лишенной

¹ М. М. Богословский. Петр I, т. IV. [М.], 1948, стр. 192—193; Д. П. Колонов. Материалы для истории русского законодательства, в. 1. Палата об Уложении. СПб., 1865, стр. 1.

² Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 30—33.

религиозно-этической окраски, скрываются большие общественно-политические события. Усилившаяся во 2-й половине XVII в. классовая борьба крестьян и посадских людей обрела весьма разнообразные формы — начиная с массовых побегов от помещиков и вотчинников, нередко сопровождавшихся разгромом имуществ и убийствами феодалов, через локальные восстания в уездах и городах³ до крупнейшей крестьянской войны под руководством С. Разина. Подавление восстания Разина привело к усилению социального протеста низов против феодального гнета, что вылилось в движение раскола, выразившегося в отходе значительной части посадских людей и крестьян от официальной церкви и в борьбе с нею.

Указанные события делали недостаточным в глазах правительства существующее законодательство. Распыленность указов и других законодательных актов лишала возможности быстро и оперативно использовать закон в интересах господствующего класса. С другой стороны, в усложнившейся обстановке общественной жизни существующее законодательство, хотя оно и не стояло на месте, отвечало все же не на все запросы жизни. Со всей суммой указанных обстоятельств и была связана необходимость выработки нового Уложения.

Указом Петра I от 18 февраля 1700 г. была учреждена так называемая Палата об Уложении. «Великий государь указал, — сказано в указе, — с прежнего Уложенья 157 году и с новоуказных статей и с своих великого государя новосостоятельных указов, которые после того Уложенья прибыли, сделать Уложенье и у того дела быть бояром, и окольным, и думным человеком, и стольником, и дворяном, и дьяком, которых имена ниже сего. И сидеть им за тем Уложеньем в Ответной палате. И для того к ним из Розряду и изо всех приказов с новоуказных статей и с новосостоятельных указов отослать списки», а также отослать из приказов в Палату списки с боярских приговоров «по вершенным делам», о «которых ничего нет ни в Уложении, ни в новоуказных статьях». Указ требовал привести эти материалы в связь с Уложением и составить на такой основе «новоуложенную книгу». К указу приложен список лиц, включенных в состав Палаты.⁴ Таким образом, указ от 18 февраля 1700 г., учреждая Палату об Уложении, ставил перед нею задачу, указывал пути ее выполнения, называл источники новоуложенной книги и определял штат и личный состав Палаты.

Д. В. Поленов и М. М. Богословский начало кодификационной работы при Петре связывали с более ранним указом,

³ В том числе и стрелецкие восстания 80—90-х годов, к которым неизбежно примыкали широкие слои посадских людей и холопов.

⁴ Н. В. К а л а ч о в. Материалы для сводного Уложения 1701 года. Сб.: Архив исторических и практических сведений, кн. 5. СПб., 1863, стр. 45—46.

В июне 1695 г.⁵ Этот указ предписывал всем приказам в случае недостаточности Уложения и новоуказных статей для вершения поставленных в приказы дел составлять новые статьи сообразно характеру новых дел, применяясь к Уложению и новоуказным статьям. Приказам вменялось в обязанность из вновь принятых статей сделать выписки, которые хранить в делах до нового указа. К сожалению, никаких следов этой законодательной деятельности приказов пока не обнаружено.

М. М. Богословский отметил, что по составу членов Палата об Уложении не походила ни на Боярскую думу, ни тем более на небольшую предварительную комиссию, подготовившую проект Уложения 1649 г. Историк Палаты об Уложении сближает ее с действовавшей в 1681—1694 гг. при Боярской думе Расправной палатой, высшей инстанцией по судебным делам, которые рассматривались в приказах и съезжих избах, но были обжалованы одной из тяжущихся сторон. Обе Палаты бесспорно сближает состав думных чинов и даже некоторые персональные моменты: бояре — князя И. Б. Троекуров и М. Г. Ромодановский и окольные — князя Ф. И. Шаховской и Д. Н. Щербатов, назначенные в Палату об Уложении, ранее были в составе Расправной палаты. Некоторую общность обеих палат можно усмотреть и по месту их заседаний. Палата об Уложении начала собираться в Расправной Палате, что перед Золотые сени, а в Ответную палату, в которой она должна была заседать по указу 18 февраля 1700 г., перешла только в феврале 1702 г.⁶ Такие поиски предистории Палаты об Уложении весьма полезны и должны быть продолжены. Они показывают, что Палата создана не вдруг и не на пустом месте.

Организация работы и личный состав Палаты изучены в трудах Д. В. Поленова и в особенности М. М. Богословского.⁷ Нет необходимости, ввиду ограниченной задачи нашего исследования, приводить здесь все, что имеется в литературе. Уделим внимание лишь некоторым вопросам личного состава и организации работы Палаты, которые могут иметь отношение к разрешению поставленной перед нами задачи.

Всего, не считая канцелярского аппарата, в Палату входило до 65 человек: 12 думных чинов (трое бояр, трое окольных, трое думных дворян и трое думных дьяков), 50 стольников, 3 дворянина. Канцелярский аппарат состоял из 6 дьяков, 45 прикомандированных к Палате приказных подьячих, из которых старших подьячих было 17 и младших — 28 человек.⁸

⁵ Д. В. Поленов, ук. соч., стр. 1; М. М. Богословский, ук. соч., стр. 193.

⁶ М. М. Богословский, там же, стр. 194—195.

⁷ Д. В. Поленов, ук. соч., стр. 3—58; М. М. Богословский, ук. соч., стр. 195—218.

⁸ М. М. Богословский, там же.

Во главе Палаты были поставлены трое бояр из думных чинов — князя И. Б. Троекуров, М. Г. Ромодановский и М. Н. Львов, имевшие в прошлом близкое отношение к законодательной и судебной деятельности по поместно-вотчинным и крестьянским делам. Первоприсутствующим, иначе говоря председателем на заседаниях Палаты, был Троекуров. В ту пору он занимал пост начальника Стрелецкого приказа. В связи с ликвидацией стрелецкого войска в 1699 г. и закрытием в том же году Земского приказа в Стрелецком приказе сосредоточивалось все полицейское управление столицей. В 1701 г. соответственно своему новому назначению Стрелецкий приказ был переименован в приказ Земских дел.

Назначение Троекурова председателем Комиссии, которая ввиду отъезда Петра I в Воронеж была оставлена им в Москве «на своем государеве дворе быть и дела ведать, какие прилучатся», показывает, что ему давались наиболее ответственные государственные поручения.⁹

Карьеру приказного судьи И. Б. Троекуров начал в 70-е годы XVII в. в Иноземском и Рейтарском приказах. В 1678—1679 гг. он был судьей Московского судного приказа, а затем с мая 1682 г. по 1689 г. стоял во главе Поместного приказа в качестве его судьи.¹⁰

Именно Троекурову «с товарищи», как мы видели выше, было поручено составление статей к Наказу сыщикам 2 марта 1683 г.: «И марта во 2 же день . . . великим государем. . . боярин князь Иван Борисович Троекуров указыные статьи о беглых людех и крестьянех, каковы были даны прежним сыщиком, вносил».¹¹ В качестве главы Поместного приказа Троекуров был составителем Писцового наказа 1684 г. и дополнительных статей к нему в 1686 г.¹²

В те же 80-е годы И. Б. Троекуров входил в число членов Расправной палаты. Таким образом в течение длительного времени он был активным участником законодательной и судебной деятельности, притом в наиболее важных ее областях — поместно-вотчинной и крестьянской.

Другой член Палаты об Уложении — боярин М. Н. Львов с 1690 г. стоял во главе Земского приказа, с которым связано немало указов о приписке крестьян к посадам и сыске беглых в городах.

Третий боярин М. Г. Ромодановский в 1683 г. был судьей Разбойного приказа, в 1689 г. — судьей Владимирского судного приказа, в 80-е же годы состоял членом Расправной палаты, а незадолго до назначения в Палату об Уложении командовал корпусом,

⁹ Там же, стр. 199.

¹⁰ С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 125, 126, 187.

¹¹ ПСЗ, II, № 998.

¹² Там же, №№ 1169 и 1178.

отправленным на Литовской границе, а затем участвовал в стрелецком розыске в качестве одного из следователей.¹³

Что касается остальных думных чинов, участвовавших в Палате (окольничих, думных дворян и думных дьяков), то следует подчеркнуть, что каждый из них вкладывал свой опыт административной, судебной и приказной деятельности в разработку соответствующей их опыту отрасли законодательного творчества в Палате.¹⁴

Состав не думных членов Палаты не был постоянным. Еще Д. В. Поленов подметил, что список стольников и дворян, приложенный к учредительному указу 18 февраля 1700 г., в дальнейшем значительно изменился. Уже на первом заседании Палаты из десяти присутствовавших стольников только шестеро принадлежало к числу поименованных в Указе. Остальные четверо были сюда вновь назначены Разрядом. М. М. Богословский подчеркивал эти наблюдения ссылкой на дела Разрядного приказа среди которых находится несколько списков стольников, назначенных для участия в заседаниях Палаты. В каждом отдельном заседании, как показывает имеющийся в фонде Палаты список стольников по заседаниям, участвовало от нескольких до 10—12 человек. Всего, одновременно, в заседаниях Палаты приняло участие 50 стольников. Стольники имели административный и судебный опыт, почерпнутый ими за время работы в приказах, восводных и других должностных местах.¹⁵ Их участие в работе Палаты имело, надо думать совещательный и консультативный характер.

Стольники и дворяне, назначенные в Палату, были представителями московского столичного дворянства. Через них осуществлялась связь Палаты с наиболее влиятельными кругами господствующего класса, а эти последние через своих представителей получали возможность контроля и воздействия на деятельность Палаты в нужном для них направлении.

Палата об Уложении состояла, таким образом, из бояр и дворян, т. е. из представителей крупного вотчинного землевладения, игравших руководящую роль в Палате, и из представителей среднего вотчинного и поместного землевладения преимущественно центральных уездов государства и самой столицы.

Однако в числе думных дьяков, входивших в Палату, был думный дьяк А. А. Вinius. Он происходил из семьи обрусевшего иноземца, одного из первых владельцев железоделательных машинофактур в России. Во время работы Палаты об Уложении Вinius стоял во главе Сибирского приказа. Он развил активную деятельность по строительству железоделательных заводов на

¹³ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 195—196.

¹⁴ Данные о прохождении ими службы см.: там же, стр. 196—201.

¹⁵ Там же, стр. 202—203.

Урале, а в 1702 г. выступил с проектом постройки «великих» заводов, которые смогли бы увеличить выплавку металла почти в десять раз. Все это позволяет видеть в лице Виниуса представителя деловых кругов, близких к нарождающейся буржуазии. Его влияние на составление нового Уложения было, видимо, значительным. Во всяком случае Виниус был автором проекта манифеста, который должен был возвестить о принятии Уложения. Его авторству следует приписать появление в манифесте оценок внутреннего положения страны, отражающих интересы растущего купечества: «в торгах чинится бесторжица» и «убытки великие» от «откупщиков», взимающих на дорогах, перевозах и реках «лишние» пошлины.¹⁶

Однако Виниус был едва ли не единственным представителем в Палате об Уложении тех новых общественных элементов, на которые делал ставку абсолютизм петровского времени в борьбе за укрепление экономического и политического могущества государства дворян и нарождающегося купечества. Почти безраздельное господство в Палате имели бояре и дворяне, представители господствующего класса феодалов.

Такой состав и деятельность Палаты об Уложении являлись вполне закономерным этапом в развитии социально-экономического строя и государственной власти России в XVII в.

Проект Уложения 1649 г., как известно, был подготовлен боярской комиссией из пяти лиц, после чего поступил на утверждение представительного органа — Земского собора.

Проект нового Уложения готовился в Палате бояр и дворян, а утвердить его должен был государь совместно с освященным собором и боярской думой.

В подобной процедуре создания проекта нового Уложения нетрудно обнаружить черты переходного этапа от XVII в. к XVIII в., черты перерастания сословно-представительной монархии в чиновничье-дворянскую монархию, в абсолютизм.

Все сказанное о составе Палаты об Уложении и условиях ее деятельности определило направление и характер решения ею крестьянского вопроса.

Заседания Палаты об Уложении начались на девятый день после издания указа о ее утверждении, т. е. 27 февраля 1700 г. В первые же дни своей деятельности Палата вступила в сношение с 32 приказами, откуда в течение марта—сентября 1700 г. получила значительное количество тетрадей со списками указов за период от Уложения 1649 г. до конца столетия.¹⁷ В каком объеме законодательный материал поступал из приказов, видно из сохранившихся записей о поступлении тетрадей от 17 приказов, в число которых входили наиболее крупные указы. Так, например,

¹⁶ Н. А. Воскресенский, ук. соч., стр. 30—33.

¹⁷ Список приказов и взаимоотношения Палаты с ними см.: Д. Поленов, ук. соч., стр. 18—43.

из Поместного приказа поступило 149 тетрадей, из Московского судного — 13, Холопьяго — 14, из Патриаршего — 31, из Разрядного — тоже 31 тетрадь, и т. п. Всего по этой записи от семнадцати приказов поступило в Палату свыше 330 тетрадей с новоуказными статьями. Но наши данные охватывают всего лишь немногим более половины числа приказов, из которых Палата получила законодательные материалы, и не исчерпывают всего, что было получено ею до конца 1700 г. К сожалению, огромный архив Палаты об Уложении сохранился до настоящего времени лишь в весьма незначительной части, причем в отрывочном и разрозненном состоянии.¹⁸

Тетради с текстами указов и приговоров сохранились только некоторые, из Разрядного, Поместного, Посольского, Сибирского, Судного, Каменного, Стрелецкого приказов, из Приказа Казанского дворца, из Ратуши и из Ижорской канцелярии.¹⁹

Все законодательные материалы, поступавшие в Палату из приказов, Палата распределила между старшими подьячими. Подьячим было вменено в обязанность разнести указы из тетрадей по главам и статьям Уложения и таким путем подготовить материалы для рассмотрения их в Палате. В качестве писцов к старшим подьячим был придан персонал младших подьячих. Распределение производилось с учетом служебной специальности и опыта подьячих. Старшим подьячим Приказа Большой казны Дмитрию Севрину и Фоме Оловеникову было поручено подобрать указы к главам V («о денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги»), IX («о мытах и о перевозах и о мостах»), XIX («о посадских людях»), XXV («указ о корчмах») и сверх Уложения — о мещанах и беломестцах. Включение гл. XIX в эту группу связано с тем, что до учреждения Ратуши сборы с посадов были в ведении Приказа Большой казны. Подьячим Поместного приказа Саве Рогачову и Федору Максиму были даны главы XVI («о поместных землях») и XVII («о вотчинах»). Подьячому Приказа Холопьяго суда Кузьме Борисову была соответственно поручена гл. XX о холопах.

Подготовка гл. XI Уложения наряду с главами X («о суде»), XIV («о крестном целовании») и XV («о вершеных делах») была возложена на старших подьячих Ивана Страхова из Московского судного и Леонтия Вацкого из Дворцового судного приказов.²⁰

Непосредственное руководство работой подьячих осуществляли дьяки, прикомандированные к Палате из приказов. Роль дьяков и подьячих определялась решением Палаты в заседании 1 марта 1700 г. Дьяку Патриаршего разряда Василию Нестерову было поручено «выписать и взнести в Палату к слушанью» указы к гл. I

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, Палата об Уложении 1700 г.

¹⁹ Там же, №№ 3 и 4.

²⁰ Там же, № 1д.

Уложения. «А из Уложения ж 157 году, — говорилось далее в том же решении Палаты, — достальные двадцать четыре главы делать в Палате ж дьяком и подьячим ис тех приказов, ис которых о чем по делом надлежит».²¹

Работу по выработке нового Уложения Палата начала с 1 марта 1700 г. Слушание и обсуждение материалов в основном шло в порядке глав Уложения, однако имели место частичные отступления от этого правила.

Как можно судить на основании записей первого и второго чтений материалов XI и некоторых других глав, работа заседаний Палаты протекала следующим образом. Статьи Уложения и отнесенные к ним новоуказные материалы докладывал Палате, вероятно, дьяк. Каждая статья или указ зачитывались в отдельности, после чего шел процесс «говорения». В «говорении» принимали участие, надо полагать, все думные чины, присутствовавшие на заседании, а в совещательной и консультативной роли привлекались стольники и дворяне, состав которых, как отмечалось выше, не был постоянным. Однако последнее решающее слово принадлежало боярам. От их имени выносились приговоры по статьям и указам. Так, например, в отношении новых статей в проекте гл. I готовившегося в Палате Уложения находим такие пометы: «... ся статья положена по боярскому приговору сверх Уложения и новых статей» или «по боярскому приговору пополнена».²²

Эти приговоры бояр, выносимые от лица Палаты, были тройного рода: одни из них утверждали, либо наоборот, отклоняли статьи Уложения и новоуказные материалы; другие существенно дополняли и развивали их; третьи представляли собою новые и самостоятельные статьи, целиком принадлежащие творчеству Палаты. Словом, Палата не ограничилась только кодификационной ролью, которая предусмотрена была указом 18 февраля 1700 г., а в значительной мере занялась самостоятельным законодательным творчеством.

В подневных записях заседаний Палаты находим такую запись: «... мая в 1 день в Полате бояре о Уложенье сидели и слушали из Уложенья из десятой главы вышеписанные ж прежнего своего слушанья 10 да в прибавку с 11 по 21, итого 10 же, всего 20 статей с новоуказными статьями, да своего боярского слушанья с приговоры, каковы подписаны под теми ж первыми десятью статьями и были переправлены по их, боярскому, приговору в другоряд и, слушав, велели переправить же».²³

Эта запись любопытна в двух отношениях. Она, с одной стороны, вскрывает определяющее значение боярской группы в ра-

боте Палаты, с другой стороны, показывает процесс работы Палаты и прежде всего факт повторных обсуждений одних и тех же материалов.

В самом деле, поденные записи заседаний Палаты дают возможность установить, что главы с I по XI включительно Палата успела рассмотреть трижды.²⁴ Восемь глав Уложения были рассмотрены дважды, а шесть глав, в том числе такие, как XVI о поместных землях и XVII о вотчинах, — по одному разу. В первом чтении материалы рассматривались в том первоначальном виде, как они были представлены из приказов и расписаны подьячими по главам и статьям Уложения. В процессе самого рассмотрения и обсуждения никакой правки не производилось. Выносились только суждения и решения Палаты, которые служили основанием для последующих редакционных правок текста, осуществляемых дьяками при ближайшем участии старших подьячих. Что в редакционной правке и подготовке материалов к новому чтению видную роль играли старшие подьячие, видно из приговора Палаты по материалам ст. 1 гл. XI в первом чтении: «В Полате говорили быть по Уложенью и по новоуказным статьям. Выписать подьячим которые статьи к чему годятца».²⁵ О том же говорят многочисленные решения Палаты по статьям других глав: «И слушав прежние свои приговоры о тех статьях, пополняя, велели переправить» или «велели к слушанию переправить», и т. д. Редакционная работа в соответствии с приговорами Палаты и запись самих приговоров, образующих и новые законы, производилась дьяками. Наблюдения над почерком редакционных правок и новых записей в черновых материалах фонда Палаты показывают, что подобные записи по главам I, X, XI, XIV, XV и XIX сделаны одним почерком и, следовательно, принадлежат одному лицу. Кто мог быть этим лицом? Никаких определенных указаний относительно этого обнаружить не удалось. Однако, если принять во внимание, что в решении Палаты 1 марта 1700 г., только что приведенном нами, из всех дьяков упомянут по имени только дьяк Патриаршего разряда Василий Нестеров, которому поручена гл. I, то совпадение почерков редакционной работы первой и ряда других глав, в том числе гл. XI, позволяет предположить, что таким лицом мог быть как раз В. Нестеров. Но кто бы ни был этим лицом, бесспорным представляется тот факт, что редакционная работа и формулирование новых законов, включенных в проекты глав нового Уложения, если уж не по всем главам (ввиду плохой сохранности материалов об этом трудно судить), то во всяком случае по значительной группе глав (наш перечень может быть тоже неполным) производилась одним лицом. К редакционной работе

²¹ Там же, № 1-с, л. 6 об.

²² Там же, № 6 (13), «Рассуждения бояр при слушании в 1700 г. статей Уложения о богоульниках и церковных мятежниках».

²³ Там же, № 1е.

²⁴ Глава X в третий раз рассмотрена по ст. 121, но зато первые три статьи той же главы рассматривались Палатой пять раз, а ст. ст. 4—10 — четыре раза.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 62 об.

по одним и тем же статьям приходилось прибегать неоднократно. Выше приведенная запись от 1 мая 1700 г. о слушании двадцати статей гл. X находит свое продолжение в записи от 3 мая: «... слушали десятой главы прежнего своего слушанья 20 статей для того, что тех же статей с новоуказными статьями и с своими боярскими приговоры, каковы подписаны мая в 1 числе и были переправлены сего числа, велели переправить же».²⁶ Правленный текст младшие подьячие переписывали набело для нового чтения в Палате. Так, от одного чтения к другому в результате редакционной правки законодательных материалов 2-й половины века и приговоров Палаты выработывались статьи для глав нового Уложения.

Остается невыясненным вопрос, удалось ли Палате завершить работу по составлению Новоуложенной книги или эта работа была неожиданно прервана на каком-то близком к ее завершению этапе. Наиболее определенный и мотивированный ответ на поставленный нами вопрос дает М. М. Богословский. Он делит все заседания Палаты на три чтения глав Уложения 1649 г. и отнесенных к ним новоуказных статей и устанавливает, что наиболее продолжительным было первое чтение, протекавшее с 1 марта 1700 г. по 13 октября 1701 г. и занявшее 128 заседаний. Менее продолжительным было второе чтение, «когда перед Палатой был уже проект, подразделенный на главы и статьи». Оно длилось год с большими перерывами и заняло 58 заседаний. Наиболее быстро проходило третье чтение — в течение трех недель в пяти заседаниях Палата рассмотрела первые десять глав (десятую главу неполностью). «Из той быстроты, — пишет М. М. Богословский, — с которой проходило третье чтение, можно заключать, что перед Палатой в этом чтении был уже совсем готовый проект нового Уложения, и вся задача третьего чтения заключалась в том, чтобы на изготовленный проект наложить, так сказать, редакционный лоск. Тем самым решается, как будто, вопрос о результатах работы Палаты, о том, было ли ею исполнено данное ей поручение, было ли новое Уложение составлено? На этот вопрос можно ответить положительно: уложение было составлено».²⁷ М. М. Богословский допускал явную передержку, когда одно из доказательств в пользу своего мнения о завершении работы по составлению новоуложенной книги видел в том, что «мы имеем ясное свидетельство журнальных записей о рассмотрении всех 25 глав Уложения и притом о трехкратном их рассмотрении».²⁸ Как раз таблица заседаний, составленная самим М. М. Богословским на основании журнальных записей работы Палаты, показывает, что только десять глав

Уложения прошло трехкратное чтение, девять глав — двухкратное, а шесть глав было рассмотрено всего по одному разу.²⁹

Имея в виду приемы и характер работы Палаты, трудно предположить, что окончательные проекты новых глав могли возникнуть в результате только одного чтения (тем более по таким ответственным главам, как XVI и XVII, которые рассмотрены по одному разу). Скорее эти данные должны подсказать нам обратный вывод: работа Палаты не была завершена и самое большее, что она успела составить, — это, видимо, разной завершенности проекты по ряду глав. В ныне известном нам фонде Палаты, который, однако, составляет всего лишь небольшую сохранившуюся часть ее архива, имеются чернового характера проекты I, II, VII, X (полностью) и XI глав. Доказательством того, что работа Палаты была прервана, могут служить и следующие обстоятельства. Бросается в глаза близость даты последней записи в дневнике Палаты (14 ноября 1703 г.) ко дню смерти И. Б. Троекурова — 25 ноября 1703 г.³⁰ Возможно, что болезнь, а затем и смерть фактического главы Палаты прервали работу над составлением новоуложенной книги, которая так и осталась незавершенной.

Словом, на вопрос, поставленный М. М. Богословским, «было ли новое Уложение составлено?», мы в такой же мере определенно, в какой он отвечал положительно, склонны дать отрицательный ответ. Палата не завершила работы по составлению нового Уложения, прерванной со смертью И. Б. Троекурова.³¹

Куда сложнее другой вопрос: почему функции первого председателя Палаты не были переданы другому лицу и само дело Палаты не доведено до конца?

Ответ на этот вопрос весьма затруднен тем обстоятельством, что о причинах прекращения деятельности Палаты и об отношении к ней правительства Петра нет никаких документальных свидетельств. Палата как в воду канула. Даже в архивных материалах образованной в 1720 г. новой Комиссии о сочинении Уложения нет ни малейших сведений о предшественнице.³² Комиссию 1720 г. никак нельзя считать преемницей Палаты об Уложении. Она заново собирала законодательные материалы, не только русские, но эстляндские и шведские, и принципы составления Уложения у нее были другими. Однако и эта Комиссия оказалась не более результативной, чем первая. Сочиненный ею проект Уложения так и остался достоянием архива.³³

²⁹ Там же, стр. 214—218.

³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II. СПб., 1899, стр. 700.

³¹ С. Н. Валк также допускает возможность того, что Уложение Палатой не было завершено (С. Н. Валк. «Суд о крестьянех» в палате об Уложении 1700 г. см.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952, стр. 234.

³² ЦГИАЛ, ф. 1256, Комиссия Уложения 1720 г., №№ 11, 12, 13, 29, 30.

³³ Там же, № 33.

²⁶ Там же, № 1е.

²⁷ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 240, 241. Д. Поленов также полагал, что Палата «выполнила порученное ей дело» (Д. Поленов, ук. соч., стр. 58).

²⁸ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 241.

На поставленный нами вопрос относительно Палаты 1700 г., вероятно, удастся дать положительный ответ после того, как будут тщательно изучены все сохранившиеся от нее материалы. Изучение же одной гл. XI дает лишь весьма скромные данные о том, что были вопросы, по которым мнение дворянско-боярской Палаты расходилось с официальным курсом правительства. Одним из таких пунктов был, например, вопрос о приписке владельческих крестьян к посадам.³⁴

Главу XI Уложения и разнесенные по ее статьям новоуказанные материалы Палата обсуждала трижды. Первый раз — в трех заседаниях в 1700 г.: 13 августа были обсуждены две первые статьи и «из Дворцового и Поместного приказов наказы», 11 сентября — со ст. 3 по ст. 10 гл. XI и 16 сентября — со ст. 11 до конца главы. Второй раз гл. XI была рассмотрена в семи заседаниях в том же 1700 г.: 9 октября — со ст. 1 по ст. 9, 11 октября — со ст. 10 по ст. 12, 18 октября — со ст. 11 по ст. 20, 28 октября — со ст. 21 по ст. 34, 6 ноября повторно рассмотрены статьи с 30 по 34; 15 ноября Палата вновь вернулась к последней статье, 34-й, но это заседание в основном было посвящено новоуказным статьям из разных приказов, отнесенным к гл. XI, и указу 198 г. из Поместного приказа; 22 ноября Палата заслушала «к XI главе разные статьи и из Писцового наказа и из разных приказов указы». В третий раз гл. XI обсуждена в четырех заседаниях в 1702 г.: 17 августа — со ст. 1 по ст. 10, 12 октября повторно обсуждены первые четыре статьи, 14 октября — со ст. 5 по ст. 20 и 16 октября — со ст. 20 до конца главы.³⁵

Материалы по гл. XI в составе архивного фонда Палаты сохранились в сравнении с материалами других глав, пожалуй, в наиболее полном виде.³⁶ Однако и здесь имеются большие и весьма существенные пробелы, которые легко обнаружить с помощью первоначальной нумерации листов.

Еще в середине XIX столетия, вероятно, Д. В. Поленовым большая часть материалов гл. XI была собрана в одной папке.³⁷ Но Д. В. Поленов расположил их в порядке нумерации листов, нанесенной, видимо, до него и в ту пору, когда сохранность материалов гл. XI была значительно большей если не полной. В старой нумерации имеются существенные провалы. Дело № 6, ч. II начинается с листа 151, затем не хватает следующих листов: 199—278, 288—438, 454—555. Однако нет полной возможности утверждать, что здесь отсутствуют листы, имевшие материалы того

³⁴ См. ниже, стр. 354.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 1. По периодизации чтений глав Уложения в Палате, содержащейся у М. М. Богословского, первое и второе чтения гл. XI отнесены к первому чтению, а третье — ко второму чтению. Третье чтение заканчивается на ст. 121 гл. X (М. М. Богословский, ук. соч., стр. 214—218).

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, № 7, лл. 9—27.

³⁷ Ныне шифр № 6, ч. II.

же содержания, что и на сохранившихся листах. Вероятно, что когда-то все материалы Палаты были собраны без соблюдения их действительной последовательности и пронумерованы в общем порядке. Нарушение старой нумерацией последовательности материалов видно из того, что в деле № 6, ч. II материалы первого чтения гл. XI следуют за материалами второго чтения.³⁸

Итоги первого чтения сохранились по двадцати статьям, итоги второго чтения — по тридцать одной статье. На отдельных листах находятся тексты ст. ст. 32, 33 и 34. Судя по тому, что решения Палаты к ним написаны тем же почерком, каким писаны решения в первом чтении, ст. ст. 32, 33 и 34 вероятнее всего отнести к первому обсуждению гл. XI Уложения. Но как бы то ни было, в общей сложности мы имеем результаты обсуждения всех 34 статей гл. XI Уложения 1649 г.

Материалы первого и второго обсуждения с внешней стороны тождественны. После статей гл. XI Уложения 1649 г. обычно идут отнесенные к ним статьи из наказов и указы, принятые после Уложения. Вслед за статьями гл. XI и многими материалами, сопровождающими их, идут приговоры Палаты. В первом чтении дополнения к статьям были представлены далеко не в том объеме, как это имело место во втором чтении. Этим, вероятно, и вызвано вторичное обсуждение главы, когда число новоуказных статей было значительно пополнено. Менее чем через месяц после первого чтения Палата начала второе чтение гл. XI, значительно раньше срока окончания первого чтения всех 25 глав Уложения. Это обстоятельство дало повод М. М. Богословскому подчеркнуть особое внимание Палаты именно к гл. XI, принадлежащей к числу важнейших глав Уложения.³⁹

Итак, архивные материалы по гл. XI в фонде Палаты об Уложении разбиваются на две группы, каждая из которых образует самостоятельный комплекс материалов, представляющих собою результат двух различных чтений гл. XI в Палате. Сравнительный постатейный анализ той и другой группы подтверждает, что перед нами две последовательные ступени обработки одного и того же материала. А наличие указаний на время обсуждения в Палате, совпадающее с датами дневника заседаний, служит подтверждением того, что перед нами результаты первого и второго чтений гл. XI в Палате об Уложении. Однако в дневнике заседаний Палаты имеется запись о третьем чтении материалов гл. XI

³⁸ Итоги первого обсуждения ст. ст. 1—7 имеются на лл. 60—70 (старая нумерация 439—453), ст. ст. 8—10 и 12—20 — на лл. 102—112 об. (старая нумерация 558, 593—601, 559). Часть материалов ст. 10 и ст. 11 находятся на лл. 99—100 об. (старая нумерация 586—587). Итоги второго обсуждения ст. ст. 1—31 — на лл. 1—50 (старая нумерация 151—198), ст. 32 находится на л. 51 (178), ст. ст. 33 и 34 — на л. 118 (656). На остальных листах помещены два списка Наказа сыщикам 1683 г., указы и другие разрозненные материалы Палаты.

³⁹ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 210.

в августе и октябре 1702 г. Оказывается, и в составе фонда Палаты в деле под № 7 находится третья редакция материалов гл. XI — на этот раз уже вполне оформленный целостный текст новой гл. XI, составленный Палатой для новоуложенной книги. Новая гл. XI получила и свой характерный заголовок: «Глава 11. По допросом против крепостей росправа о крестьянех, а в ней 48 статей».

Казалось бы, вопрос решается очень просто. Записям о трех чтениях гл. XI в Палате соответствуют три группы (редакции) материалов этой главы. Однако, если нет никаких сомнений в том, что две первые группы материалов относятся к первому и второму чтениям, то рассматривать проект новой главы как текст третьего чтения 1702 г. не представляется возможным.

В дальнейшем новый проект свода законов о крестьянах мы будем для краткости и удобства именовать условно Расправой, поскольку речь в новой гл. XI идет о расправе (суде) о крестьянах.⁴⁰

Расправа представляет собою чистовой экземпляр, написанный одним почерком. Такой вид она могла приобрести лишь в результате перебеления какого-то предшествующего ей текста. Быть может, результат второго чтения и есть текст, предшествующий Расправе? Их сличение не позволяет, однако, прийти к такому заключению. С одной стороны, Расправа действительно включает в себя очень многие тексты из указов и приговоров Палаты со всеми поправками, которые содержатся во втором чтении. Начать хотя бы с заглавия, которое в том виде, как оно дано в Расправе, сложилось уже при втором чтении.⁴¹

Однако вывод о соотношении рассматриваемых текстов следует строить не на сходствах между ними, а на различиях. Попробуем выявить основные текстологические отличия Расправы от второго чтения.

Первое, что бросается в глаза, это иной порядок расположения составных частей текста в первых статьях Расправы. В ст. 3, например, вслед за вступительной частью к ней, заимствованной из ст. 4 (2) Наказа сыщикам,⁴² идет часть текста указа 8 февраля 1683 г., которая во втором чтении находится много позднее, среди

⁴⁰ Текст Расправы см.: А. Г. Маньков. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII вв. Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, стр. 359—373. В дальнейшем все цитаты из Расправы и ссылки на ее статьи будут даны по этому изданию.

⁴¹ Кроме того, во втором чтении и в Расправе имеются следующие общие места: первая часть ст. 4 Расправы и соответствующая часть второго чтения; приговор Палаты в ст. 13 Расправы и приговор по ст. 7 гл. XI во втором чтении; приговор в ст. 16 и приговор по указу 19 октября 1688 г.; ст. 19 дана с редакционной правкой второго чтения; ст. 23 Расправы и приговор Палаты — по указу 28 августа 1700 г., и др.

⁴² Здесь и в дальнейшем применена двойная нумерация статей Наказа сыщикам 1683 г. Первая цифра номера дается по списку Наказа, использованному Палатой (ЦГАИД, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 72—96 об.) вторая (в скобках) — по списку Наказа, изданному в ПСЗ, II, № 998.

материалов ст. 2 гл. XI. Там же находятся приписка к указу 8 февраля 1683 г. и приговор Палаты к нему, которые в ст. 3 Расправы расположены в обратном порядке, и т. д. Словом, если мы части текста второго чтения, вошедшие в Расправу, обозначим цифрами от единицы и далее в порядке их расположения во втором чтении, то в Расправе этот же ряд цифр примет следующий вид: 1, 2, 3, 4, 17, 19, 18, 16, 12, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 14, 11, 20, 21, 22 и т. д. в порядке номеров.

Как видим, порядок текста в первых статьях Расправы (по ст. 6 включительно) был существенно изменен. Наблюдения над первыми двумя чтениями, в которых все переносы текста осуществлялись только рукой правщика, подсказывают нам, что столь значительная перестройка текста Расправы не могла быть осуществлена в процессе переписывания текста второго чтения гл. XI Уложения.

Однако наиболее сильным доказательством того, что текст второго чтения не мог непосредственно предшествовать Расправе, служат существенные отличия, которые можно установить в результате сличения ряда приговоров Палаты, включенных в Расправу, с приговорами второго чтения.

Приговор Палаты, помещенный в ст. 8 Расправы, воспроизводит приговор, принятый во втором чтении вслед за ст. 28 (25) Наказа сыщикам. Приговор касается замены беглых, отданных в даточные, крестьянами тех вотчин и поместий, из которых беглые отданы в даточные. В Расправе этот приговор имеет дополнение, которого нет во втором чтении: «Да на них же по отдачу тех их крестьян тем челобитчиком за тех беглых людей и крестьян, которые отданы будут в даточные, указывать зажилые годы по указу. А беглым даточным по отдаче их велеть быть в даточных».

Другой случай. Во втором чтении правщик изменил редакционно приговор первого чтения по ст. 6 гл. XI, вписав требование собирать с держателей беглых «за всякие государевы подати» «против указу вдвое». В ст. 12 Расправы эта часть приговора выглядит так: «... за всякие государевы подати править против указу с переписных книг 184-го и 186-го годов». Такая замена, разумеется, не могла быть произведена в процессе составления белого текста Расправы. Еще пример. Во втором чтении вслед за ст. 9 гл. XI приговор Палаты дан в такой редакции: «В Полате говорили быть по сей статье и 186-го году по переписным книгам и за пожилые лета и за подати указывать деньги по Уложению сей главы против шестой и седьмой статей».

Этот же приговор в составе ст. 15 Расправы имеет существенно отличную редакцию: «А за пожилые лета и за подати указывать деньги по Уложению сей главы против шестой статьи. А будет теж крестьяня и дети их и внучата написаны за иными помещики и вотчинники в переписных книгах 186-го и 187-го годов и тех кре-

стьян з женами их и з детьми отдавать по старым 154-го и по новым переписным книгам 184-го году. А по переписным же новым книгам 186-го и 187 годов не отдавать». Такая редакция приговора несомненно была выработана прежде, чем она пошла в беловой экземпляр Расправы.

Во втором чтении отсутствует вся вторая часть приговора Палаты в составе ст. 18 Расправы, определяющая взимание пожилых денег⁴³ с приказчиков или, в случае отсутствия денег, наказание кнутом, если приказчики принимали беглых крестьян, а распоряжений о том своих помещиков и вотчинников не предъявляли или, если и предъявляли, то без подписей. Вина с приказчиков по указу снималась только в том случае, если предъявленные ими письма о приеме беглых были полностью оформлены. Приговор думного дьяка Емельяна Украинцева 18 ноября 1698 г. и указ 25 августа 1698 г. во втором чтении перечеркнуты. Тем не менее они включены в состав ст. 20 Расправы, причем с некоторой редакционной правкой и сокращениями. В составе той же ст. 20 имеется приговор Палаты об уравнивании смоленской пляхты с замосковными помещиками в сборе пожилых денег, которого нет во втором чтении.

Следующая ст. 21 Расправы передает ст. 11 гл. XI Уложения с фиксированной во втором чтении добавкой относительно переписных книг 1678—1679 гг. Однако следующий за этим приговор Палаты, предусматривающий случай ограничения действия книг 1678—1679 гг. как юридического основания возврата беглых крестьян их владельцам, во втором чтении отсутствует. Отсутствует во втором чтении и часть ст. 22 Расправы, говорящая о долях платежа пожилых денег бездетной вдовой и другими родственниками умершего, принятая Палатой на основании указа 28 августа 1700 г. по спорному делу о беглом крестьянине. Но этому указу во втором чтении имеется только приговор, составивший содержание ст. 23 Расправы. Приговору предшествует не вошедшая в ст. 23 Расправы помета правщика: «В Полате говорили вынять в ту ж 11 статью, что довелось». Эта работа, очевидно, и привела к выработке законодательной нормы о долях платежа пожилых денег за беглого соответственно долям наследования недвижимого имущества. Первая часть ст. 22 Расправы восходит к ст. 23 (19) Наказа сыщикам и к указу 14 апреля 1692 г.,⁴⁴ однако имеет редакцию, отличную от той, которая была выработана во втором чтении в результате правки ст. 23 (19) Наказа.

В конце ст. 33 Расправы, повторяющей часть ст. 37 Наказа сыщикам, содержится фраза, которой нет во втором чтении: «А по роспросным речам, буде от кого спору не будет, отдавать их кому доведетца по крепостям. А буде спор учинитца, и им в том

подитца допросом». Впрочем, это неслучайно. Во втором чтении Палата ограничилась лишь общим указанием об использовании ст. 37 Наказа, предписав «выбрать из сей статьи в 20-ю что прилично». Эта работа и была проведена в связи с третьим чтением. Полное повествование имеется и в ст. 36 Расправы. В ее состав входит приговор по ст. 24 гл. XI Уложения: «А у которых вотчинников же и помещиков крестьян же их братья и дети и племянники написаны и в новых в переписных же книгах 186-го году, и после переписи отделились же дворами ж, и тех дворов в утайку не ставить же и лишними не называть».

Такого приговора во втором чтении нет. В отношении ст. 24 во втором чтении содержится лишь ее утверждение с добавлением: «... и по переписным книгам 186-го году». Довольно существенные добавления имеются в ст. 42 Расправы в сравнении с текстом приговора второго чтения относительно указов 2-й половины XVII в. о переводе крестьян с вотчинных земель на поместные. В приговоре второго чтения отсутствуют слова, имеющиеся в Расправе: «... и в Помесном приказе расписывать о том подлинно. А которые крестьяне и бобыли переведены до сего Уложенья, и тем так и быть...».⁴⁵

Из рассмотренных материалов видно, что текст второго чтения гл. XI не мог непосредственно предшествовать Расправе. Однако путем наложения текста Расправы на текст второго чтения представляется возможным выявить основные особенности третьего чтения гл. XI в Палате, которое не сохранилось. Расправа была составлена на основе текста именно третьего чтения, которое, согласно дневника заседаний Палаты, проходило в августе и в октябре 1702 г. Переписчик брал лишь то, что было принято Палатой. В результате появился цельный органически спаянный текст, на полях которого была нанесена новая сетка статей в количестве 48⁴⁶ и на полях же проставлены в общей форме указания на источники, из которых заимствована та или иная часть Расправы: «Из Уложенья», «Из наказа», «Новоуказные», «В Полате». При этом уточнений никаких нет: какая статья из гл. XI Уложения, какой наказ — сыщикам или писцовый и какая статья из наказа, какой указ из числа новоуказных статей. Установившаяся во втором чтении формула, открывающая приговоры Палаты: «В Полате говорили...» в Расправе заменена лаконичным обозначением: «В Полате». Эти, хотя и глухие отсылки на источники могли быть нужны при дальнейшей работе над текстом Расправы в составе Новоуложенной книги вплоть до утверждения ее верховной властью.

Если материалы первого, второго и, надо полагать, третьего чтений представляли собою механическое соединение статей гл. XI Уложения и различных указов, в котором принятое Пала-

⁴³ В актах 2-ой половины XVII в. преобладает термин «зажилые деньги», а в материалах Палаты об Уложении — «пожилые деньги».

⁴⁴ См. ниже, стр. 361.

⁴⁵ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 371.

⁴⁶ До этого Палата исходила из прежнего деления гл. XI на 34 статьи.

той чередовалось с отвергнутым ею, то Расправа является единым, цельным произведением, имеющим свой заголовок и сплоченные на статьи.

Текст Расправы имеет следы небольшой редакционной правки. Произведена замена отсылок на новые номера статей, устаревшие ко времени составления Расправы слова и выражения заменены новыми (например, «по суду» заменено словами «по допросу») и т. п.⁴⁷ Характер редакционных правок говорит за то, что они имели в виду внести последние уточнения в текст Расправы и придать ей окончательный вид.

На какой же стадии остановилась выработка в Палате новой гл. XI Новоуложенной книги?

М. М. Богословский установил три чтения Уложения 1649 г. в Палате. Третье чтение шло в очень быстром темпе, что говорит, по справедливому замечанию исследователя, за то, что в Палате были уже готовые проекты некоторых глав Новоуложенной книги. За один день 24 октября 1703 г. Палата прослушала первые шесть глав, 1 ноября — гл. VII, 3 ноября главы VIII и IX, а 10 и 14 ноября — гл. X по ст. 121. На этом заседании Палаты оборвались. По нашему счету, только в отношении гл. XI заседания оборвались как раз перед ее последним четвертым чтением. Поэтому текст Расправы следует рассматривать как текст, подготовленный к последнему окончательному чтению его в Палате. В последнем чтении, по замечанию М. М. Богословского, на готовый проект глав наносился лишь редакционный лоск. Если допустить, что проект гл. XI ожидали в окончательном чтении какие-то несущественные редакционные поправки (хотя предварительно проведенная правка, носящая окончательный характер и отличающаяся доскональностью — вплоть до мелочей, как будто бы исключает возможность дополнительных правок), то и в этом случае мы вправе видеть в Расправе окончательный или, если угодно, близкий к окончательному проект гл. XI, предназначенный для включения в состав Новоуложенной книги.

Проследив процесс выработки в Палате об Уложении новой редакции гл. XI, легко подметить особенности приемов составления Расправы. Составители не останавливались перед изменением текста источников, если это вызывалось необходимостью приспособления их к условиям времени составления Расправы или соображениями упрощения и уточнения редакции.

Случаи приспособления источников к условиям времени особенно ярко проступают на примерах ст. 3, где к тексту из указа 8 февраля 1683 г. добавлено упоминание о бурмистрах; ст. 5,

⁴⁷ См. сноски к тексту Расправы. Обращает внимание то обстоятельство, что никаких перечеркиваний слов и выражений и подписывания вместо них новых в тексте нет. Изъяты слова тщательно выскоблены, и на их место вписаны новые, а надписывание над строкой произведено только в случаях дополнения текста. Это указывает на беловой характер экземпляра.

где в текст ст. 40 (34) Наказа сыщикам 1683 г. сделана та же вставка и бурмистрах; ст. 6, в тексте ст. 2 гл. XI произведена замена слов «в стрельцах» словами «в солдатах»; ст. 9, излагающей ст. 4 гл. XI, и которой часть текста о площадных подьячих заменена требованием оформления отписей крепостных дел подьячими на гербовой бумаге; ст. 17, где требование ст. 10 гл. XI о взимании десятирублевых пеней за держание беглого отнесено только к периоду до конца 1661 г., а для периода с конца 1661 г. пени определены в двойном размере, в соответствии с указом 1683 г.; ст. 21, содержащей ст. 11 гл. XI с добавлением ссылки на переписные книги 1678 и 1679 гг. Во многих случаях обновление текста сказилось и замене термина «суд» термином «допрос», в соответствии с указом 21 февраля 1697 г.⁴⁸

Наиболее яркими примерами второго рода редакционных изменений (упрощение и сокращение редакции) могут служить начало ст. 4 и ст. ст. 19, 20 и 48.

Статья 4 Расправы представляет собою компиляцию из отрывков ст. ст. 5 (3) и 6 (4) Наказа сыщикам 1683 г.

Текст ст. 5 (3) был подвергнут на разных стадиях работы сложной редакционной правке. Приведем этот пример:

Ст. 5 (3) Наказа сыщикам 1683 г.

Текст, выработанный на основе Ст. 5 (3) Наказа в результате второго чтения.

А будет которые беглые люди и крестьяне из-за кого в государевы города бежали за черту до 161 года, а после черты пришли в те города и уезды, и тех крестьян челобитчикам не отдавать, а отсылать их с женами и детьми с их животы на поруками в государевы города на черту с стрельцами, где кто шаперед сего живали по черте, на тех же подводах, за кем те беглые люди и крестьяне сыщутца.

ПСЗ, II, № 998.

Которые люди и крестьяне из-за кого бежали в государевы города на черту до 161 года, и тех крестьян и людей челобитчиком не отдавать. А буде люди и крестьяне бежали с черты на прежние свои жеребьи после 161 году в те города и уезды, ис которых они пришли на черту до 161 году, а сыщутца о том подлинно, и их с женами и з детьми и з животы велеть отвозить на черту, где они по 161 году жили, и тех людей на подводах, за кем они сыщутца.

Ф. 1255, № 6, ч. II, л. 10.

Окончательная редакция того же текста в составе ст. 4 Расправы

А которые люди и крестьяне с черты бежали на прежние свои жеребьи после 161 году в те города и уезды, ис которых они до 161 году пришли на черту, и их, сыскивая, з женами и з детьми и з животы велеть отвозить на черту, где они по 161 год жили, тех людей на подводах, за ком они сыщутся.

Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 360.

⁴⁸ ПСЗ, III, № 1572.

Характерно в том же отношении изменение редакции у одной из частей указа 23 марта 1698 г., послужившей источником ст. 19 Расправы. Наиболее радикальная перестройка текста этой части указа произведена в результате второго чтения. В третьем чтении вставлены лишь немногие пояснительные слова, которые вошли в текст ст. 19 Расправы (выделены нами):

В указе 23 марта 1698 г.

А буде те помещики и вотчинники и их люди и крестьяне учинятся сильны, беглых людей и крестьян по трем присылкам от сыщиков присыльным и служилым людям не отдадут, и им за то по розыску чинить наказанье, бить кнутом; а буде помещики и вотчинники и люди их и крестьяне и по одной посылке учинятся в том сильны, для поминки беглых людей и крестьян в села свои и в деревни посылных и служилых людей не пустят и села и деревни запрут и посылных и служилых людей учнут бить, и тех людей по розыску за такие силы и за бой бить кнутом.

ПСЗ, III, № 1623

Помимо общей перестройки текста, в ст. 19 произведена замена сыщика, как лица, временно облеченного полномочиями, центральным правительственным учреждением — приказом.

Заслуживает внимания в том же плане случай редакционной правки указа 25 августа 1698 г.

Исходным текстом для выработки ст. 20 Расправы служила выписка из дел Малороссийского приказа, излагающая приговор думного дьяка Емельяна Украинцева 18 ноября 1698 г. в ответ на письмо 14 октября 1697 г. из Поместного приказа в Приказ княжества Смоленского о порядке сбора пожилых денег со смоленской шляхты.⁴⁹ Приговор Украинцева начинается с изложения указа 25 августа 1698 г.⁵⁰

Во втором чтении начало выписки из указа, содержащее ссылку на память и приговор, было вычеркнуто. В остальной части приговора произведена редакционная правка с частичным вычеркиванием текста. В третьем чтении, текст которого попал в ст. 20 Расправы, была оставлена лишь небольшая часть текста выписки.

⁴⁹ См. выше, стр. 165.

⁵⁰ ПСЗ, III, № 1640.

Сравним текст второго чтения с текстом ст. 20 Расправы:

Ст. 20 Расправы

Текст выписки из Малороссийского приказа после правки во втором чтении

(Смоленского, Дорогобужского, Бельского, Рославского уездов на шляхтою за рейторы и за всяких чинов тех городов за помещики и вотчинники крестьяном и бобылям и задворным людем быть крепкими по переписным книгам Данила Черишова 176 году, кто за кем в тех книгах написан. А буде кто замосковных городов и которые города смежны с Смоленским и Дорогобужским с Бельским, с Рославским уезды тех городов помещики и вотчинники учнут бить челом о беглых крестьянех, и по их челобитью тех людей и крестьян и бобылей отдавать по крепостям после переписных книг 176 году. А сыскивая Смоленского уезду и пригородов в замосковных городах и которые города смежны с Смоленским, с Дорогобужским, с Бельским, с Рославским уезды, так же и в Смоленском, в Дорогобужском, в Бельском в Рославском уездах беглых людей и крестьян и бобылей отдавать по тому ж вышесказанному указу. И с отдачи пошлинные поголовные деньги иметь по Уложению. А пожилые деньги за людей и крестьян и бобылей на смоленской шляхте и на рейтарех и всяких чинов Смоленского уезду с пригороды на помещиках и вотчинниках замосковных городов помещиком и вотчинником также и на них, замосковных городов помещиках и вотчинниках, смоленской шляхте и смоленским рейтаром и всяких чинов помещиком и вотчинником иметь, каков о том указ состоялся в Приказе княжества Смоленского. А за прошлые годы Смоленского уезду и пригородов шляхте и всяких чинов тех городов помещиком и вотчинником до 206 году августа до 25 числа, также и замосковных городов помещиком и вотчинником на них шляхте и на рейтарех и всяких чинов Смоленского, Дорогобужского, Бельского, Рославского уездов на помещиках и на вотчинниках пожилых денег не править.

Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 366.

мещиках и вотчинниках пожилые деньги не править. (Далее сказано о посылке в 178—180-м г. г. царских грамот в города относительно сыска беглых крестьян и людей Смоленской шляхты без зажилых лет).

ЦИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118.

Наконец, яркий пример большой редакционной правки даст ст. 48 Расправы. Она представляет собою итог редакционной переработки указа 19 июля 1694 г., которому придан общий характер.⁵¹

Прием упрощения и сокращения редакции текстов используемых источников применен в Расправе довольно широко, хотя в большинстве случаев далеко не в такой сильной форме, как это имело место в четырех приведенных случаях. С большим умением осуществлено составление текста Расправы. Ее содержание можно препарировать на 94 составные части, что говорит о большой мозаичности состава Расправы. Многие ее статьи включают в себя от двух до шести составных частей. Текст ст. 3, например, членится по источникам на шесть частей. Открывается она вступительной частью ст. 2 Наказа сыщикам, переходящей в текст из указа 8 февраля 1683 г. За последним следует приговор Палаты. Статью завершает отрывок из того же указа 8 февраля 1683 г. о жестоком наказании крестьян кнутом за побег и приписка к нему, сделанная во втором чтении рукой правщика.

Статья 4 Расправы представляет собою монтаж более или менее редакционно измененных отрывков из ст. ст. 5 (3) и 6 (4) Наказа сыщикам и из статей о беглых, внесенных в указы писцам.⁵² Статья 5 составлена из отрывков трех статей Наказа сыщикам — 7 (4), 38 (33), 40 (34). Статья 6 включает в себя ст. 2 гл. XI Уложения, три отрывка из Наказа сыщикам и отрывок из указа 23 марта 1698 г.

В таких соединениях каждый последующий кусок текста в смысловом отношении увязан с предшествующим, дополняет или развивает его. В целом получается связное, спаянное, логически последовательное изложение каждой статьи. В этом отношении Расправа, как и другие проекты глав, выработанные Палатой, принципиально отличается от многих списков сводных Уложений, в которых вслед за каждой статьей Уложения 1649 г. следуют механически присоединенные к ним новоуказные статьи. Меньше последовательности в общем порядке статей Расправы. Объяс-

⁵¹ ПСЗ, III, № 1495. В Фонде Палаты находится в неупорядоченном виде текст указа 1700 г., который совпадает с указом 19 июля 1694 г. и, вероятно, служил материалом для выработки ст. 48 (№ 6, ч. II, л. 56). К сожалению, отсутствие промежуточных текстов не позволяет установить процесс редакционной работы над статьей.

⁵² ПСЗ, II, № 931.

няется это тем, что Расправа повторяет порядок статей гл. XI Уложения 1649 г.

В силу этого анализ содержания Расправы целесообразно строить не постатейно, а в виде некоторой системы, сгруппировав статьи вокруг наиболее крупных вопросов.

До последнего времени Расправа не была известна исследователям и потому не могла быть предметом исторического анализа. В недавнем прошлом появилась небольшая статья С. Н. Валка, в которой автор подверг исследованию основные вопросы обсуждения в Палате гл. XI Уложения 1649 г.⁵³ Статья С. Н. Валка, единственная в литературе по этому вопросу, содержит ряд ценных и очень важных наблюдений, необходимых для уяснения хода обсуждения крестьянского вопроса в Палате. С. Н. Валк, однако, сосредоточил внимание лишь на материалах первого и второго обсуждений главы, не затронув готового проекта главы — самой Расправы.

В основу Расправы Палата положила прежде всего важнейшие законодательные нормы Уложения 1649 г., хотя и подвергла его гл. XI значительным поправкам и дополнениям. Включение ст. ст. 1, 2, 9 и 11 гл. XI Уложения 1649 г. в ст. ст. 1, 6, 15 и 21 Расправы означало сохранение и закрепление принципа бессрочного сыска беглых крестьян и бобылей.

Основную часть ст. 1 Расправы составляет ст. 1 гл. XI Уложения 1649 г. Последняя отменяла урочные годы в отношении сыска крестьян, которые, будучи записаны за дворцом и черными волостями в писцовых книгах 1626 г., бежали из дворцовых сел и чернососных земель до Уложения 1649 г. Включение в Расправу этой статьи, как и аналогичной ей ст. 2 гл. XI 1649 г., в которой говорится о сыске беглых поместных и вотчинных крестьян, резко меняло хронологические рамки, на которые распространялось действие этих статей. Отныне под их действие должны были попасть крестьяне, занесенные в книги 1626 г. и бежавшие от своих владельцев вплоть до конца XVII в.

Вслед за Уложением вопрос о сыске «государевых» дворцовых и чернососных крестьян Расправа ставит на первое место. Однако, если в гл. XI 1649 г. сыску государевых крестьян посвящена полностью лишь одна, первая статья, а в некоторых последующих статьях государевы крестьяне упоминаются наряду с частновладельческими, то в Расправе прикреплению, сыску и возврату беглых государевых крестьян посвящено полностью уже пять статей. Само по себе это обстоятельство говорит о заметных изменениях в правовом положении чернососных и дворцовых крестьян за 2-ю половину XVII в. Мы не ошибемся, если в усилении внимания к государственным крестьянам усмотрим и заметное возвышение феодального государства, которое выступает в роли первого кре-

⁵³ С. Н. В а л к, ук. соч., стр. 232—240.

постника в стране, озабоченного ограждением прежде всего своих прав на крестьян. Но так как существенных отличий в нормах сыска беглых государственных и частновладельческих крестьян в Расправе не наблюдается, в дальнейшем мы откажемся от раздельного изложения вопроса по каждой из двух групп крепостного крестьянства, выделяя, однако, некоторые правовые особенности черносошных и дворцовых крестьян в той мере, в какой позволят нам сделать это материалы Палаты об Уложении.

К тексту ст. 1 гл. XI 1649 г. в Расправе даю добавление: «Также и по переписным старым и новым книгам дворцовых крестьян и бобылей сыскивать и из-за помещиков и из-за вотчинников вывозить на старые их жеребьи». Его источником служила одна из статей о беглых в писцовом Наказе 1682 г.⁵⁴ Такое дополнение, сделанное Палатой, закрепляло значение юридического основания сыска и возврата беглых по аналогии с писцовыми книгами 1626 г. за последующими (после Уложения 1649 г.) описаниями земель, включая переписные книги 1678 г. Вместе с тем такое добавление перебрасывало мостик от ст. 1 Расправы к ст. ст. 6, 15 и 21, которые содержат упоминания писцовых, переписных, отдельных и отказных книг как основания прикреплении крестьян и возвращения беглецов, связывая эти статьи в один комплекс, закрепляющий бессрочный сыск беглых крестьян и холопов.

Статья 6 Расправы открывается ст. 2 гл. XI Уложения, которая касается сыска поместно-вотчинных крестьян, записанных в писцовые книги 1626 г. и бежавших до Уложения.

Статья 15 Расправы предусматривает возврат без урочных лет тех беглых крестьян, которые записаны за владельцами не в писцовых, а в переписных книгах 1646—1647 гг. Эта норма заимствована из ст. 9 гл. XI Уложения 1649 г. К ст. 9 добавлен приговор Палаты. Приговор предусматривает довольно частый в практике случай, когда беглые крестьяне, значащиеся за кем-нибудь в переписных книгах 1646—1647 гг., будучи в бегах, попали в переписные книги 1678—1679 гг. по новому местожительству («написаны за иными помещиками и вотчинниками в переписных книгах 186-го и 187-го годов»). В таком случае беглые подлежат возврату тем владельцам, за которыми они значатся в книгах 1646—1647 гг. Аналогичным образом подлежат возврату прежним владельцам те беглые, которые числятся за ними в книгах 1676 г., хотя и занесены, будучи в бегах, в книги 1678—1679 гг. Таким образом, Палата сохранила принцип старины крестьянской крепости.

⁵⁴ «Дворцовых крестьян и бобылей и посацких людей по писцовым и по переписным книгам сыскивать и из-за помещиков и вотчинников вывозить против государева указу и Соборного уложения» (ПСЗ, II, № 981, стр. 418).

О сыске беглых крестьян и бобылей без урочных лет упоминают и ст. 17 Расправы, хотя основным предметом ст. 17 является регламентация сбора пожилых денег за держание беглых. Но в той части, в какой ст. 17 воспроизводит текст ст. 10 гл. XI Уложения о сыске беглых без урочных лет, она дополняет ст. ст. 1 и 6 Расправы. Если ст. ст. 1 и 6 говорят о сыске и возврате крестьян и бобылей, бежавших до нового Уложения, то ст. 17 устанавливает ту же норму на будущее — в отношении крестьян, бежавших после «пынешнего Уложения».⁵⁵

Статья 21 во многих отношениях смыкается со ст. 15. Она включает в себя ст. 11 гл. XI Уложения, устанавливающую возврат беглых по переписным книгам 1646—1647 гг. К тексту ст. 11 Палатой добавлено указание на книги 1678—1679 гг., как на основание возврата беглых наряду «со старыми» книгами 1646—1647 гг. Приговор Палаты, составляющий вторую часть ст. 21, повторяет приговор ст. 15, утверждая, как и ст. 15, принцип старины крестьянской крепости. И все же ст. 21 имеет большее самостоятельное принципиальное значение. Она служит как бы синтезом всех предшествующих статей (1, 6 и 15), утверждающих принцип бессрочного сыска беглых и юридические основания их возврата — запись за владельцами в писцовых и переписных книгах на протяжении почти всего столетия. При этом каждый из видов и форм описаний сохраняет свою юридическую силу и самостоятельное значение как основание крестьянской крепости. Никакого поглощения в правовом смысле предшествующих описаний последующими не наблюдается.

Палата юридически закрепила и это обстоятельство, объявив вслед за соответствующими указами 70—80-х годов крестьян, попавших в переписные книги 1676—1678 гг., крепкими своим владельцам.

Итак, Расправа закрепила один из важных принципов Уложения 1649 г. — бессрочный сыск беглых крестьян и бобылей. Само по себе это обстоятельство как будто бы не вносило ничего нового. Однако ко времени работы Палаты исторический и юридический смысл этой нормы заметно изменился. Принцип бессрочного сыска беглых крестьян приобретал к началу XVIII в. абсолютное значение, поскольку со времени писцовых книг 1626 г., служивших хронологически первым основанием сыска и возврата крестьян и бобылей, прошло три четверти столетия и, следовательно, те крестьяне, которые бежали до книг 1626 г. и не подлежали сыску, утратили для феодалов реальное значение. То же значение имело сохранение юридического основания сыска беглых и за переписными книгами 1646—

⁵⁵ Палата заменяла слова «с сего государева Уложения» словами «с пынешнего Уложения».

1647 г. Тем самым крепостные крестьяне в значительном большинстве искони и павечно становились крепкими своим владельцам.

Вместе с тем Расправа, опирающаяся не только на Уложение 1649 г., но и на законодательную практику 2-й половины XVII в., знает установление новых исходных сроков сыска беглых крестьян и бобылей, введенных повоказными статьями. В этом отношении привлекает внимание прежде всего ее ст. 3. По содержанию она распадается на две части. В первой устанавливается срок сыска беглых людей и крестьян, записавшихся в «полковую и в копейную и в рейтарскую и в солдатскую и в городскую службу» в городах по черте. В соответствии с указом 8 февраля 1683 г. срок сыска устанавливается здесь с разбора служилых людей в 1675 г. Беглые, записавшиеся в службу до разбора и в разбор 1675 г., сыску и возврату в холопство и в крестьянство не подлежали. Устанавливая срок сыска беглых крестьян и бобылей по черте с 1675 г., Палата особо выделяет запрет приема беглых «впредь с нынешнего Уложения».

Вторая часть ст. 3 посвящена взысканиям за прием беглых и наказаниям за побег как раз в период после нового Уложения.

Источником ст. 3 служит прежде всего ст. 4 (2) Наказа сыщикам 1683 г.

Основу последующей части текста составляет данный из Разряда указ 8 февраля 1683 г. об оставлении в городах Белгородского и Севского полков беглых крестьян, которые прибыли туда и записаны в городскую службу «по прибору» до разбора и в разбор служилых людей в 1675 г., и о сыске и возврате помещикам и вотчинникам тех крестьян, которые прибыли в Белгородские и Севские города и записаны в службу после 1675 г. За этим следует редакционно измененная часть того же Указа 1683 г., которая определяет санкции за прием беглых. Сюда же входит приговор Палаты о старублевых пенях на бурмистров и воевод за прием беглых и клаузула о наказании крестьян за побег. В конце статьи помещена приписка к указу 1683 г., принятая во втором чтении.

О побеге крестьян с черты и на черту говорит также следующая ст. 4 Расправы, представляющая собою редакционно переработанную 5 (3) статью Наказа сыщикам, источником которой служил указ 1658 г. Здесь речь идет о возврате на черту тех крестьян, которые поселились в городах и уездах по черте до 1653 г., но бежали с черты на прежние свои жеребьи после 1653 г.

Таким образом, Расправа закрепляла исходные сроки сыска беглых на южной границе, установившиеся в прошлом законодательстве.

Вынуждаемое государственной потребностью охраны южных границ от набегов крымских татар, русское правительство неод-

кратно отодвигало сроки сыска беглых по черте, не решившись, однако, полностью отменить сыск беглых крестьян и холопов в пограничных городах, что нанесло бы урон интересам дворянства в центральных уездах. В самом конце столетия в результате Азовских походов границы государства были отодвинуты далеко на юг, до берегов Черного моря. В силу этого обстоятельства составители Расправы не видели более необходимости укреплять границы силами беглых крестьян и холопов. Оставив неизменными прежние сроки сыска крестьян на окраинах, они тем самым сделали шаг в сторону усиления крепостнического режима в интересах подавляющей массы дворян центральных уездов.

Другой областью, где было предпринято во 2-й половине XVII в. установление своего срока сыска беглых крестьян, был их сыск в Смоленском, Дорогобужском, Бельском и Рославльском уездах.⁵⁶ В обстановке войны России с Польшей многие крепостные крестьяне Смоленского и соседних уездов бежали в центральные и северо-западные районы России.

Имел место и обратный процесс передвижения беглых из замосковских уездов в Смоленскую землю. Возможность применения в таких условиях общих норм сыска беглых, фиксированных в Уложении, была исключена.

Установлению срока крепости и сыска беглых крестьян в западных уездах посвящена ст. 20 Расправы. Источником ее служил приговор думного дьяка Е. И. Украинцева 18 ноября 1698 г., принятый в ответ на память из Поместного приказа относительно порядка и сроков взимания пожилых денег со смоленской шляхты. Приговор Украинцева начинается с сокращенной и редакционно измененной передачи указа 25 августа 1698 г. о прикреплении крестьян смоленского шляхетства по книгам 1668 г.⁵⁷ Та часть указа, которая закрепляет крестьян Смоленского и других уездов за местной шляхтой, рейтарами, помещиками и вотчинниками по переписным книгам 1668 г. и устанавливает срок сыска и отдачи беглых с 1668 г., воспроизведена в ст. 20 с теми небольшими редакционными поправками, которые были приняты по тексту приговора Украинцева во втором и, видимо, третьем чтениях приговора в Палате. Вторая часть ст. 20, которая касается уплаты пожилых денег за держание беглых смоленской шляхтой, воспроизводит соответствующую часть собственно приговора Украинцева. Третью часть ст. 20 составляет приговор Палаты, меняющий порядок сбора пожилых денег со смоленской шляхты, ст. 20 Расправы после «нынешнего Уложения». Таким образом, ст. 20 Расправы признает крестьян и бобылей Смоленского, Дорогобужского, Бельского и Рославльского уездов закрепленными за шляхтой,

⁵⁶ См. выше, стр. 158—167.

⁵⁷ ПСЗ, III, № 1640.

рейтарами, помещиками и вотчинниками тех же уездов по переписным книгам 1668 г. Соответственно устанавливается в статье и срок сыска беглых крестьян в западных уездах — «после переписных книг 176 году». Взимание же пожилых денег за держание беглых с дворян «Смоленского уезду с пригороды» в пользу помещиков и вотчинников замосковских городов и наоборот — с помещиков центральных уездов в пользу смоленской шляхты устанавливается с 1698 г. За прошлые годы, начиная с переписных книг 1668 г. и до 1698 г., сбор пожилых денег, предусмотренный приговором Украинцева («по указу»), постановляла на будущее: «А с нынешнего Уложения на шляхте пожилые деньги указывать против замосковских помещиков и вотчинников». Приговор Палаты, таким образом, должен был прекратить в будущем особые права смоленских дворян в уплате пожилых денег и уравнять их в этом отношении с помещиками и вотчинниками замосковских уездов.

Так решался в Расправе вопрос относительно сыска крестьян, бежавших из западных уездов в соседние либо в центральные уезды страны.

А как должно было обстоять дело относительно тех крестьян, которые бежали из пограничных уездов за рубеж? Разумеется, никакого сыска беглецов за пределами рубежа не могло быть. Однако в практике часты были случаи, когда такие крестьяне возвращались на русскую землю. Тогда-то и вступал в силу закон о сыске.

Таким беглым крестьянам, выходцам из-за рубежа, в Расправе посвящено две статьи — 44 и 45. Первая из них воспроизводит ст. 33 гл. XI Уложения 1649 г., предписывающую беглых — выходцев из-за рубежа, которые не захотят вернуться к своим помещикам и вотчинникам и будут просить воли, подвергнуть допросу и вернуть прежним владельцам, от которых они бежали за рубеж.

Пребывание за рубежом, таким образом, не делало крестьянина свободным, и, возвращаясь обратно (надо полагать, тоже не от хорошей доли), крестьянин попадал в прежние пути крепостничества. Палата сохраняла здесь пору Уложения 1649 г.

Статья 45 в неизменном виде повторяет ст. 34 гл. XI Уложения. Норма ст. 34 принята Палатой как относящаяся к периоду до Новоуложенной книги. Что касается времени после Новоуложенной книги («а впредь с сего Уложения»), то Палата дополняла и развивала норму ст. 34 своим приговором, который тоже вошел в состав ст. 45 Расправы. Приговор увеличивал размер платы за жеребья в сравнении с размером ее в ст. 34 вдвое — 10 руб. вместо 5 за каждого крестьянина. В остальной части приговор Палаты отвлекается от частного случая, предусмотренного ст. 34,

когда жеребьевкой решался спор среди помещиков и вотчинников и отношении беглых крестьян, поженившихся за рубежом на беглых же девках и вдовах других владельцев и вернувшихся к старым своим помещикам и вотчинникам, и рассматривает подобную ситуацию в более общем плане. Приговор имеет в виду случай, когда какой-нибудь помещик или вотчинник поженит между собой проживающих у него крестьянина и крестьянку, бежавших от разных помещиков и вотчинников. Тогда спор между претендентами на беглых при условии расторжения брака должен решаться жеребьевкой, а с державшего беглых взимаются пожилые деньги.

Роль порубежных связей в развитии крепостного права не исчерпывалась вопросом о побегах крепостных за рубеж и их возвращением на русскую землю, но имела другую, не менее важную сторону. Из-за рубежа шло пополнение рядов крепостного крестьянства главным образом в виде пленных, поступавших в ходе войн. Вслед за законодательством 2-й половины XVII в. Палата не обошла и этот вопрос. Ему посвящены две статьи Расправы — 46 и 47.

Статья 46 трактует вопрос о сыске польских крестьян, которые попали в плен или «давались сами с воли», затем были закрепощены под суду и корм, по после того бежали. Статья предписывает таких беглых «имать» и «сажать в тюрьму до указа».

Рассматриваемая статья разбивается на две части. Первая часть ее заимствована из грамот, посланных 21 апреля 1658 г. «во все города княжества Литовского».⁵⁸

Палата, исходя из установлений, касающихся пленников русско-польской войны, придавала им общее значение. В приговоре речь идет о «положенниках всех государств». Кроме того, приговор требует вмешательства органов государственной власти (приказов) в процесс распределения пленных и оформления их зависимости: «А впредь с сего Уложения на Москве и в городех таких полонников всех государств записывать в приказе со взятия их ис приказу к Москве и в городы в месяц». В совершенно обязательном порядке должны были регистрировать пленных помещики и вотчинники, находившиеся в разъездах по делам службы. Запись пленных и «вольных» из-за рубежа производилась ими по возвращении со службы. По предписанию Палаты вопрос о крепостной неволе и сыске беглецов из числа пленных решался в зависимости от вероисповедания крестьянина («указ о таких беглых чинить по крещению»).

Статья 47 Расправы по основной своей направленности примыкает к предшествующей статье. Однако она имеет лишь частное значение, предусматривая совершенно определенный и конкретный случай попадания в круг крепостных людей путем брачных

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, состав 3.

связей с русскими крепостными пленными, взятых во время военных действий русских войск на Украине в 1668 г. против отрядов изменившего России гетмана Левобережной Украины И. М. Брюховецкого. Источником ст. 47 служили статьи Малороссийского приказа 1670 г.⁵⁹ Палата оставила таких пленников украинцев за теми помещиками и вотчинниками, в имени которых они попали в результате подавления восстания Брюховецкого.

Третьей важной областью, где развитие крепостных отношений имело ряд особенностей и прежде всего было связано с установлением новых сроков сыска беглых крестьян и бобылей, был посад 2-й половины XVII в.

В борьбе посадов с феодалами за крестьян-тягловцев во второй половине XVII в. правительство занимало двойственную позицию.⁶⁰ Этим объясняется компромиссный характер указов о приписке крестьян к посадкам. Указы 60—80-х годов XVII в. признавали *de facto* и вопреки Уложению переход крестьян в посады, но лишь до определенного срока, после которого переход в посады считался незаконным и крестьяне подлежали возврату к своим владельцам. Срок приписки крестьян к посаду неоднократно менялся от указа к указу и даже не был единым в отношении разных городов и разных посадских общин. У Ярославля был один срок, у Костромы — другой и т. д. Дворцовые слободы Москвы имели свой срок приписки и тоже непостоянный, тяглые посадские общины — свой. Наконец, в результате законодательной практики была выработана общая формула приписки крестьян и бобылей к посадкам, получившая воплощение в указе 19 октября 1688 г.⁶¹ Таким образом, указ 19 октября 1688 г. становился актом наиболее общего значения. Этим объясняется его использование Палатой об Уложении.

Если ст. 2 Расправы, повторяя почти дословно ст. 3 (1) Наказа сыщикам, закрепляет результаты посадской реформы по Уложению 1649 г., предписывая государевых и владельческих крестьян, взятых в 1649 г. по ремеслу в посады, «с посаду не отдавать и велеть им жить в тех городах на посадах по-прежнему», то ст. 3, касающаяся пограничных городов, и ст. 16, говорящая о прочих городах-посадах, отражают последующий этап посадской и городской политики правительства в данном вопросе. В этом смысле ст. ст. 3 и 16 Расправы объединены известной общностью, хотя каждая из них имеет свой особый предмет: ст. 3 касается вопроса охраны границ, а ст. 16 занята вопросом посадского строения.

Статья 16 содержит основную часть указа 19 октября 1688 г., который логически завершает группу указов 60—80-х годов

XVII в., последовательно развивавших тему включения в посадское тягло и приписки к посадкам вотчинных и поместных крестьян, поселившихся на посадах после Уложения 1649 г. и занятых промысловой и торговой деятельностью. Статья 16 предписывает всем поместным и вотчинным крестьянам, бобылям, записным людям, захребетникам, их братьям и родственникам, которые живут в посадах и слободах по указам 1 апреля 1655 г. и 17 декабря 1684 г.,⁶² имеют на посаде торги, промыслы, владеют помещичьими тяглыми дворами, женаты на вдовах и дочерях посадских людей и записаны в переписных книгах 1678 г. за посадом, и тем, которые в книгах не записаны из-за отъезда по торговым и ремесленным промыслам или приехали в посады в период от 1649 г. до 17 декабря 1684 г., жить в городах по-прежнему, а помещикам и вотчинникам в холодство и в крестьянство их не отдавать.

Вторую часть ст. 16 составляет приговор Палаты. Приговор запрещал прием крестьян и бобылей в посады после 17 декабря 1684 г., определяя санкции против нарушителей этого требования. Такой закон в полной мере отвечал интересам помещиков и вотчинников преимущественно центральных и западных уездов государства. Если бы Расправа в составе готовившейся в Палате Новоуложечной книги обрела силу закона, то практическим следствием ст. 16 явился бы массовый сыск крестьян и бобылей, перешедших на посады с 1685 г. Именно это время было временем перехода значительного числа крестьян в посады. Правительство пыталось законодательно ограничить этот процесс, в связи с чем и были приняты указы 80-х годов XVI в. Но уже десятилетие спустя, на рубеже XVII и XVIII столетий, законодательство по вопросу перехода крестьян в посады несколько меняется.

Отсюда видно, сколь далеко расходились позиции Палаты, отражавшей интересы крепостников, и новых органов городского управления — Ратуши и бурмистров, представлявших интересы торгово-ремесленной верхушки города и пользовавшихся поддержкой правительства. Правительство Петра I, проведя посадскую реформу 1699 г., предоставило промышленно-торговой верхушке крестьянства широкие возможности перехода в посады, преследуя цели укрепления городов как центров промышленности и торговли и усиления притока прямых налогов в казну.

⁵⁹ Там же, сстав 10.
⁶⁰ См. 4-ю главу настоящей работы.
⁶¹ См. выше, стр. 283—258.
⁶² Указ 1 апреля 1655 г. предписывал «по женам имать в сотни в тягло» тех стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов, дьяков, подьячих, которые «учнут женитца гостинные и суковные и черных сотен на вдовах и на девах» (см. выше, стр. 266). Указ 17 декабря 1684 г. разрешал приписку к черным сотням и слободам Москвы крестьян, пришедших в Москву с 1649 г. и до даты указа (см. выше, стр. 276).

Все эти процессы, видимо, не встретили понимания и поддержки со стороны Палаты. Характерно, что ни один из указов и приговоров Ратуши 1699—1701 гг. относительно приписки крестьян к посадам не получил отражения в новой гл. XI.⁶³ В какой мере Ратуша оберегала интересы торгово-промышленной верхушки города, а Палата — помещиков и вотчинников, покажет еще один пример. После указа 1699/700 г. (см. выше) Ратуша разослала по городам приговор, который между прочим обязывал крестьян, торгующих в городах привозными сельскохозяйственными товарами, «товары продавать им на гостиных дворах оптом с возов и с стругов, а не врозь и не из наемных лавок».

Рассмотрев этот приговор, Палата вынесла решение: «Вслет бурмистрам быть в Полату и говорить с ними, для чего они в города указы послали крестьяном продавать всякие товары оптом, а не порознь. И тем бедным людям чинитца теснота, а пожиточным людям пожитки, для того товары купят оптом дешевою ценою, а врозь продают ставаясь с своею братьею, скупщиками, дорогою ценою. А на Москве на Гостином дворе и по торгом продают врозь с возов».⁶⁴

Боря под защиту бедных городских людей, которых ставили в тяжелое положение оптовые скупщики крестьянских товаров, набивавшие на них цены, Палата в конечном итоге отстаивала интересы помещиков и вотчинников. И те и другие были заинтересованы в обогащении своих крепостных крестьян в результате торговых операций в городе, что давало возможность увеличивать оброки.

Ревниво и порою, видимо, слишком прямолинейно отстаивая интересы крепостников, что не могло, разумеется, не ущемить интересы нарождающегося купечества, Палата неизбежно должна была войти в противоречие с некоторыми особенностями политики правительства Петра, начавшими проявляться уже в первые годы его царствования.

Итак, Палата об Уложении закрепила принципы бессрочного сыска беглых крестьян и бобылей, узаконив одновременно в соответствии с обстановкой и законодательной практикой прошлого ряд отступлений от единого исходного срока сыска, отступлений, сказавшихся в закреплении новых сроков сыска беглых в пограничных городах, посадах и Смоленской земле. Но если в прошлом сроки сыска не были устойчивыми и неоднократно передвигались, то попытку Палаты окончательно закрепить последние из них, отстоящие от времени составления нового свода законов (1700—1703 гг.) лет на 12—30, нельзя расценить иначе, как

очевидную тенденцию к унификации норм сыска беглых крестьян и бобылей в государстве. В самом деле, с течением времени, по мере удаления пачала срока сыска, различие между теми крестьянами, в отношении которых был в силе первоначальный исходный срок сыска, и теми из них, в отношении которых устанавливались новые сроки сыска, практически должно было все более и более ступеневываться. А если принять во внимание весьма многочисленную группу крестьян, впервые закрепленных за теми или иными владельцами по переписным книгам 1678 г. и которые в случае их побега подлежали возврату на основании книг 1678 г. и именно с этого года, то видеть какую-либо разницу между ними и беглыми крестьянами пограничных городов и Смоленской земли совершенно невозможно.

Следует добавить к этому, что подлежал ли беглый крестьянин бессрочному сыску или срок сыска укладывался в обозримые рамки времени в пределах одной человеческой жизни, юридическая природа как того и другого сысков, так и самих крестьян оставалась одной и той же. Это хорошо прослеживается на остальном материале Расправы.

В соответствии с ходом развития классовой борьбы во 2-й половине XVII в. основной задачей правительства была борьба с побегами крестьян и урегулирование отношений в лагере крепостников как раз в вопросе о принадлежности беглых крестьян и бобылей, отношений, крайне обостренных борьбой феодалов за рабочие руки. Этим объясняется, что основным предметом Расправы является вопрос о побегах крестьян и урегулирование взаимных споров феодалов в области их прав на владение крепостными крестьянами прежде всего в связи с побегами последних. Не представляется случайным, что из 48 статей Расправы беглым крестьянам посвящено 39 статей (81%). Правда, удельный вес тех же статей в гл. XI Уложения 1649 г. немногим ниже и составляет 76%. Но не только это, хотя бы и незначительное возрастание удельного веса статей о беглых крестьянах привлекает наше внимание. Рост в полтора раза количества тех же статей в Расправе в сравнении с количеством их в гл. XI Уложения (39 против 26) еще в большей степени свидетельствует о крупных сдвигах к концу XVII в. на путях усиления режима крепостного права. Существо процесса не исчерпывается только этими формальными статистическими показателями. Куда более значительные изменения произошли в характере и объеме правовых норм, которые не поддаются никакому статистическому учету и могут быть выявлены лишь в ходе сравнительного анализа.

Будучи озабочены укреплением режима владельческих прав крепостников и борьбой с побегами крестьян, составители Расправы считали первоочередной задачей разработать систему санкций, с одной стороны, против тех, кто нарушал эти права,

⁶³ Кое-какие материалы Ратуши фигурировали во втором чтении гл. XI Уложения, но были отклонены Палатой.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 23 об.

принимая и укрывая беглых, с другой стороны — против тех, кто совершал побеги, т. е. против самих крестьян и бобылей.

Следует отметить одно любопытное обстоятельство, которое на первый взгляд может показаться парадоксальным, а между тем имеет реальное основание, именно то, что статей, содержащих санкции против феодалов, нарушающих правила владения крепостными крестьянами и приема их в вотчины и поместья, в Расправе значительно больше, чем статей, имеющих санкции против самих беглых. Объективный классовый смысл этого состоит в том, что урегулирование правовых отношений в вопросе о беглых крестьянах способствовало укреплению крепостного права, что в свою очередь открывало новые возможности усиления гнета над крестьянами в интересах класса феодалов в целом.

Вопрос о повышении ответственности за прием беглых крестьян и бобылей и о санкциях против тех, кто принимал и укрывал беглых, разработан Палатой с большой тщательностью и полнотой. Он решается прежде всего дифференцированно, в зависимости от социальной принадлежности и служебного положения лица, нарушившего закон и принявшего беглого. Принципиально Палата не вносила здесь ничего нового; она шла по тому пути, который намечился в предшествующем законодательстве, по заметно продвинулось по нему вперед.

В Расправе предусмотрена значительно большая дифференциация санкций прежде всего материального свойства, введена уголовная мера — смертная казнь для помещиков и вотчинников за ложное крестоцелование при допросе о беглых, усилены и поновому обоснованы наказания крестьян за побег.

В Расправе выделены следующие группы лиц, в отношении которых Палата предусматривает меры взыскания за держание беглых: 1) помещики и вотчинники; 2) чины администрации — воеводы, бурмистры; 3) приказчики дворцовых земель, поместий и вотчин, выборные люди, старосты посадов и черных волостей; 4) отдельные крестьяне или крестьянские миры (деревни, волости).

Первые две группы, как принадлежащие к господствующему классу, были свободны от телесного наказания, и основной мерой воздействия против тех из представителей этих групп, которые принимали и укрывали беглых, была материальная ответственность. На представителей этих же групп распространялась высшая мера наказания — смертная казнь за ложное крестоцелование в допросе о беглых. Впрочем, последняя мера наказания была общей, направленной против всех клятвопреступников. Приказчики, выборные люди и крестьяне при определенных обстоятельствах, оговоренных законом, подлежали за прием и «предержительство» беглых наказанию кнутом.

Наиболее распространенной санкцией, предназначенной главным образом для помещиков и вотчинников, было взимание пожилых денег, или денег за «жилые годы». Вопрос о размере и принципе сбора пожилых денег решался в зависимости от времени, на которое падал прием беглых. В данном случае, как и в ряде других подобных случаев, Палата выделяет два основных периода времени: прошлое — до составления нового Уложения и будущее — после нового Уложения.

В отношении прошлого времени Палата, исходя из основной своей задачи — составления сводного уложения и соблюдения принципа, по которому закон не имеет обратной силы, придерживалась исторической преемственности правовых норм.

В части сбора пожилых денег с помещиков и вотчинников за прием и «придержительство» беглых основой является ст. 17 Расправы. Она начинается с текста ст. 10 гл. XI Уложения 1649 г. о смысле бежавших после Уложения, но без ее окопчания, в котором содержится требование взимать по 10 руб. в год за каждого беглого крестьянина «за государевы подати и помещиковы доходы». ⁶⁵ (опущенная часть ст. 10 гл. XI Уложения заменена в ст. 17 Расправы ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа сыщикам 1683 г., которые отражают положение в вопросе взимания пожилых денег не только за период до 1683 г., когда был составлен Наказ, но и за все последующее время до конца столетия. Статьи 8 и 9 (5) Наказа в свою очередь передают содержание указа 3 января 1683 г., который отменил указы 13 сентября 1661 г. и 1 декабря 1682 г. о взимании надаточных крестьян за держание беглых и установил вместо этого размер пожилого против ст. 10 Уложения вдвое — 20 руб. в год за беглого крестьянина или бобыля. ⁶⁶ Следующий указ, 23 марта 1698 г., подтверждал взимание пожилых денег в размере 20 руб. ⁶⁷

Правило 1698 г. оставалось действующим ко времени обсуждения вопроса в Палате. В соответствии со ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа 1683 г. ст. 17 Расправы говорит о сборе пожилых денег по 10 руб. в год за каждого беглого, принятого до 1661 г., и по 20 руб. в год — за принятых после 1661 г. Отличие ст. 17 Расправы от ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа сыщикам 1683 г. состоит в том, что в Расправе, помимо помещиков, вотчинников и деревень как субъектов, виновных в держании беглых, упоминают духовный чин. Включением авторами Расправы в этот перечень духовенства отражало тенденцию к уравниванию в смысле подсудности духовенства с дворянством после ликвидации патриаршего Разряда в 1700 г.

Резко меняла Палата принцип сбора пожилых денег и их общую сумму в отношении периода времени после нового Уложе-

⁶⁵ Уложение, XI, 10.

⁶⁶ ПСЗ, II, № 985.

⁶⁷ Там же, III, № 1625.

ния. В ее приговоре, вошедшем в состав ст. 17, сказано «А с нынешнего Уложения за кем чьи беглые люди и крестьяне и бобыли станут жить, и на таких за пожилые годы иметь деньги за всякого человека мужеска и женска полу, за мала и за велика, по десяти рублей на год».⁶⁸

Такое же исчисление пожилых денег содержится в ст. ст. 37 и 45 Расправы.

Сохранив, таким образом, в отношении прошлого правило сбора пожилых денег, фиксированное в ст. ст. 8 и 9 (5) Наказу сыщикам 1683 г., Палата приговорила в будущем вести, по выражению С. Н. Валка, «исчисление пени за каждого члена семьи беглого, что должно было весьма усилить размеры пени именно в отношении тех, кто успел обжиться за новым помещиком и обзавестись там семьей».⁶⁹

Новый способ исчисления пожилых денег должен был вместе с тем компенсировать несравненно большие потери тех помещиков и вотчинников, от которых бежали крестьяне с семьями, а не одинокие.

Статья 17 Расправы вскрывает перед нами стремление Палаты увеличить материальную ответственность крепостников за прием чужих беглых.⁷⁰

Пожилые деньги «по указу» предусматриваются с помещиков и вотчинников городов по черте за прием беглых «впредь с нынешнего Уложения» (ст. 3). Поскольку речь идет о приеме беглых в будущем, после нового Уложения, то выражение «пожилые деньги „по указу“» следует понимать как требование сбора денег по новому исчислению за каждого члена семьи по 10 руб. в год. Помимо пожилых денег, согласно ст. 3, «на приемщиков» беглых в городах по черте должно быть положено «наказание», «чтоб на то смотря вперед в тех городах и уездах никто ничьих беглых людей и крестьян не принимали и за собою не держали».⁷¹ Характер наказания в статье, однако, не определен. Но поскольку речь идет здесь о помещиках, вотчинниках, то следует предположить, что под наказанием могут подразумеваться пени сверх пожилых денег, как это предусмотрено в ряде других статей Расправы.

Пожилые деньги определены и для «смоленской шляхты» в пользу помещиков замосковных уездов и для замосковных помещиков в пользу «смоленской шляхты» с 1698 г. «А вперед

с нынешнего Уложения» шляхта уравнивалась в уплате пожилых денег с помещиками и вотчинниками замосковных уездов.

Палата повышала ответственность помещиков и вотчинников на прием беглых крестьян даже в том случае, если прием беглых осуществлялся без их непосредственного участия. В Расправе ставится вопрос о конкретном виновнике и непосредственной и опосредованной ответственности. В данном отношении любопытна ст. 18. Ее первая часть заимствована из указа 23 марта 1698 г. В ней предусмотрен случай, когда приказчики припяли беглых крестьян в вотчину или поместье по письму «людей их помещиков», т. е. каких-то третьих лиц, которые в допросе могут дать двойные показания: либо, что они писали письма приказчикам «собою без ведома бояр своих», и в таком случае «им за то чинить наказание, бить кнутом», либо письма писаны ими «по приказу бояр своих», и в таком случае они свободны от наказания, а вина ложится на вотчинников и помещиков. В отличие от указа 23 марта 1698 г. новым в данной части ст. 18 Расправы является то, что вместо требования указа в случае, если обнаружится, что письма о приеме беглых писаны приказчикам «по приказу бояр и окольных и думных и ближних людей», «докладывать о том великого государя», Палата вписала: «... на таких помещиках и вотчинниках за пожилые годы деньги править же». Такая интерполяция в текст указа 1698 г. существенно меняла его смысл. В указе речь шла о высшем разряде феодалов — боярах и других думных чинах, обладавших значительными по размерам вотчинами и поместьями, ведением дел в которых они непосредственно не занимались. Эти обязанности возлагались на приказчиков и других слуг — управителей, «людей», решавших зачастую многие вопросы, в том числе вопросы о приеме беглых крестьян, самостоятельно, «не докладывая бояр своих». Закон конца XVII в. ставил бояр и другие думные чины в привилегированное положение даже в том случае, если письма о приеме беглых писаны приказчикам по их собственному приказу, ограничивая санкцию докладом государю. Глубокий смысл поправки Палаты состоял в том, что она устраняла привилегию думных чинов, распространяя на них единую для всех феодалов санкцию за прием беглых — уплату пожилых денег. Сказанное в значительной мере подтверждается и конкретизируется пространным приговором Палаты, представлявшим вторую часть ст. 18 Расправы. Приговор предписывает взимать деньги за пожилые годы с помещиков и вотчинников, с их людей и с крестьян в двойном размере в тех случаях, когда беглые крестьяне и бобыли припаяты по письменному приказу, исходящему непосредственно от самих помещиков и вотчинников. Так как эта норма, говорящая о помещиках и вотчинниках в общей форме, следует непосредственно за той частью текста статьи, где сказано об устранении привилегии

⁶⁸ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 364.

⁶⁹ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 238.

⁷⁰ О двадцатирублевом сборе пожилых денег за каждого беглого крестьянина мужского пола говорится в ст. 6. Расправы.

⁷¹ Все эти требования содержатся в заключительной части ст. 3 Расправы, источником которой служит приписка к указу 8 февраля 1683 г. принятая в результате второго чтения указа в Палате и перепесенная без изменений в ст. 3.

думных чинов, надо понимать, что она является общей для всех разрядов господствующего класса.

В целом ст. 18 служит прямым дополнением к ст. 17, в силу которой она помещена, видимо, неслучайно. Если ст. 17 определяет размер пожилых денег в зависимости от времени, когда совершена прием беглых крестьян, то ст. 18 регламентирует сбор пожилых денег в зависимости от обстоятельств приема беглых и степени участия в нем виновных лиц.

Статья 18 интересна в ряде отношений, и мы вернемся к ней еще раз позднее. Сейчас же, в связи с вопросом об уравнивании ответственности различных групп феодалов за прием беглых крестьян, обратим внимание на упоминание в ней лиц духовного звания: «Да и на поцах и на черицах и на дьяконах и на слушках монастырских и на крестьянх за прием таких беглых за пожилые годы деньги править против того ж, как указано править на помещиках и на вотчинниках, и на людех их, и на крестьянх».⁷² Вспомним, что указ 3 января 1683 г. отменял наддоточных крестьян и устанавливал единые для всех пожилые деньги в размере 20 руб. в год, мотивируя тем, что «за попами и за дьяконами крестьян и бобылей нет, и наддоточных крестьян и бобылей у них иметь некого, чтобы их великих государей указ был всем равен».⁷³

По указу 23 марта 1698 г. дела о приеме беглых духовными лицами подлежали передаче на рассмотрение Патриаршего двора.⁷⁴ В связи с предпринятой в 1700 г. реорганизацией церковного управления и, в частности, упразднением Патриаршего разряда, Палата вновь уравнивала ответственность светских и духовных феодалов за прием беглых крестьян и бобылей, тем самым восстанавливая принцип указа 3 января 1683 г., однако на иной основе, в соответствии с новыми собственными установлениями.

Вопрос о беглых крестьянах и о выплате пожилых денег затронут в Расправе в различных аспектах. Один из них касается беглых крестьян, обнаруженных в купленных вотчинах («после писцов и в купчих те крестьяне. . . написаны»). В таком случае беглые крестьяне подлежали возврату их владельцу, а вместо них купившие вотчину имели право получить с продавших ее «таких же крестьян со всеми животы и с хлебом стоячим и с молочным из иных их вотчин». Таково содержание ст. 7 гл. XI Уложения, вошедшей в состав ст. 13 Расправы. Текст ст. 7 дополнен приговором Палаты: «Да за тех же беглых отдоточных (отданных из купленных вотчин, — А. М.) крестьян указывать за государевы подати и за помещиковы доходы и за зажилые лета деньги на про-

данных против того ж, как указано по 8 статье за даточных чюжих беглых».⁷⁵ Статья 8 в свою очередь требует «за беглых людей и крестьян, которые отданы будут в даточные, указывать зажилые годы по указу», т. е. в соответствии с нормами Расправы. Таким образом, ст. 13 в вопросе о пожилых деньгах не дает чего-либо нового. Другое дело — встречающееся в ней упоминание государевых податей и помещиковых доходов не дает чего-либо нового. Но этот сюжет требует дополнительных наблюдений. Он будет еще затронут позднее.

Паряду с вопросом о беглых в купленных вотчинах в Расправе поставлен вопрос об ответственности за беглых, обнаруженных в унаследованных и проданных вотчинах и поместьях. Статья 22, воспроизводя ст. 23 (19) Наказа сыщикам 1683 г., выдвигает требование брать пожилые деньги с наследников по нынешнему Уложению, т. е. в соответствии с нормами Расправы.⁷⁶ Палата сделала к этому тексту добавление, которое регламентирует размер пожилых с бездетной вдовы: «А на бездетной жепе четвертой жеребой, а последние на сродниках и на свойственников, что кому после того умершего достанетца поместий и вотчин и животов».⁷⁷

Юридический смысл ст. 22 в ее первой, общей части нуждается в некотором комментарии.

Формулируя ст. 22, Палата, помимо ст. 23(19) Наказа сыщикам, опиралась на указ 14 апреля 1692 г., которым был удовлетворен иск К. Ф. Нарышкина к стольнику А. Я. Хилкову в пожилых деньгах за беглых крестьян с 1671/72 г. по 1690/91 г. в сумме свыше 1573 руб.⁷⁸

Что касается текста той же статьи о долях платежа пожилого бездетной женой пропорционально доле наследовавших ею вотчин или поместий, то вместе с приговором Палаты, составившим содержание ст. 23 Расправы, эта часть ст. 22 опирается на указ из Семеновского приказа 28 августа 1700 г. о взыскании зажилых денег с наследников пропорционально доле полученного ими наследства.⁷⁹

Статья 23 Расправы расширяет толкование указа 28 августа 1700 г., предусматривая положение, когда беглые могут оказаться в вотчинах или поместьях, выделенных в качестве приданого при выдаче замуж девки или вдовы. В таком случае с приданных вотчин и поместий статья воспрещает «править денег за пожилые годы», предписывая отнести их на счет наследников, «кто останетца

⁷² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 363.

⁷³ Там же, стр. 366.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 30, 31. Обстоятельства дела см. выше,

стр. 115.

⁷⁶ См. выше, стр. 116.

⁷² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 365.

⁷³ ПСЗ, II, № 985.

⁷⁴ Там же, III, № 1625.

в достальных поместьях и вотчинах и в животах». Но если говорится далее в статье, вдовы или девки выйдут замуж «сами с прожитки и с вотчины, и на таких за пожилые годы деньги привить».⁸⁰ Юридическое основание такого решения вопроса крылось в том, что выдаваемая замуж девка или вдова не была наследницей и, следовательно, правопреемницей, а потому ответственности за прием беглых она не несла. Вышеприведенное спорное дело Хилкова как раз подходило под тот случай, когда вдова «сама» выходила замуж «с прожитки и с вотчины».

Сложнее регламентирует выплату пожилых денег приговор Палаты, вошедший в состав ст. 45 Расправы. Приговор касается случая, когда помещик или вотчинник поженит между собой проживающих у него беглых крестьянина и крестьянку, бежавших от разных владельцев. Тогда спор между претендентами на беглых должен решаться жеребьевкой. Что касается пожилых денег, то они взимаются хотя и в предусмотренных Палатой размерах, но на особых основаниях. Критерием в данном случае служит не время приема беглых, а время их женитьбы. Если помещик поженит беглых до нового Уложения, он обязан заплатить по 20 руб. за семью в год, если женит после нового Уложения, пожилые деньги взимаются в размере 10 руб. с каждого члена семьи в год, начиная со времени прихода беглого в вотчину или поместье. В первом случае время прихода и женитьбы беглых приходится на период до нового Уложения. Во втором случае такого совпадения может не быть: беглые могли прийти до Уложения, а пожениться после него. В отношении выплаты пожилых денег ст. 45 устанавливает такой порядок: независимо от того, кто получает по жеребью поженившихся беглых, тот ли, кому в прошлом принадлежал крестьянин, или тот, кому принадлежала крестьянка, пожилые деньги выплачиваются владельцу мужской части семьи. Практически, таким образом, возможна ситуация, при которой крестьянина по жеребью получит один феодал, тот, которому принадлежала крестьянка, а пожилые деньги получит другой, как владелец крестьянина. Пожилые деньги за детей, родившихся у тех беглых, устанавливаются в размере 10 руб. с ребенка и принадлежат тому, кто лишится крестьян в результате жеребьевки.

В плане рассмотрения вопроса о беглых Палата коснулась имевшихся в практике случаев, когда феодалы отдавали беглых, находящихся у них, в счет даточных, причитавшихся с их вотчин и поместий. Статья 8 Расправы, состоящая из приговора Палаты, принятого при втором чтении ст. 16(12) Наказа сыщикам 1683 г. и пополненного в третьем чтении, отменяет правило, установленное указом 31 марта 1663 г. и повторенное в ст. 16(12) Наказа

сыщикам: беглые крестьяне, отданные в даточные, по челобитью их владельцев подлежали возврату из полков, но при условии замены их другими даточными из крестьян тех помещиков и вотчинников, которые приняли беглых и направили их в полки.⁸¹ Замена даточных в полках, видимо, наносила ущерб боевым качествам армии, и Палата отменила ее. Статья 8 устанавливает, что взятые взамен беглых «крепостные добрые крестьяне» с семьями и имуществом должны идти в возмещение ущерба, причиненного владельцам беглых. А беглые, отданные в даточные, остаются в полках. Решение Палаты, в соответствии с линией на усиление материальной ответственности за прием беглых крестьян, помимо отдачи «крепостных добрых крестьян», требует от лиц, отдавших беглых в даточные, выплаты за них пожилых денег.

Иначе Палата ставит вопрос о пожилых деньгах применительно к дворцовым крестьянам.

В ст. 4 Расправы повторяется норма о беглых, внесенная в указы писцам: «А пожилых денег на прошлые годы за дворцовых беглых крестьян на помещиках и вотчинниках так же и на дворцовых крестьянх помещиком и вотчинником за их беглых крестьян не иметь».⁸²

Что понимается здесь под прошлыми годами, вскрывает ст. 5 Расправы: «А будет впредь с сего Уложения беглых людей и крестьян и бобылей прикащики и старосты в дворцовую волость примут, и за тех людей и за крестьян зажилые деньги иметь на прикащиках и на старостах и на выборных крестьянх».⁸³ Таким образом, за прием беглых помещичьих крестьян в дворцовые волости и, наоборот, дворцовых крестьян в поместья и вотчины в период до нового Уложения пожилые деньги не взимаются ни с той, ни с другой стороны. Правило о пожилых деньгах вступает в силу лишь со времени принятия нового Уложения.

Вышеприведенная цитата из ст. 5 Расправы воспроизводит текст ст. 7(4) Наказа сыщикам 1683 г. Эта статья запрещала сбор «наддаточных денег» за беглых крестьян с приказчиков, старост и крестьян дворцовых волостей за прошлое время, санкционируя эти сборы «впредь с сего великих государей указу», т. е. с 1683 г. Палата, воспроизведя эту норму, заменила слова «с его великих государей указу» словами «с сего Уложения» и тем самым распространила действие закона на иной период. Принятие нового Уложения внесло бы, следовательно, существенные изменения в порядок сбора пожилых денег в период времени с 1683 г.

⁸⁰ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 366.

⁸¹ ПСЗ, I, № 333.

⁸² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 360.

⁸³ Там же.

Статьи 4 и 5 Расправы следует сопоставить с ее ст. 17, которая устанавливает взаимные расплаты помещиков и вотчинников за прием беглых крестьян не только после нового Уложения, но и в случае принятия беглых в прошлом. Так как поток беглых крестьян из поместий и вотчин в дворцовые и черносошные волости превышал обратный поток — из дворцовых и черносошных крестьян в поместья и вотчины, нормы ст. 4 Расправы следует рассматривать как попытку Палаты поставить дворцовые и черносошные земли в более выгодные условия.

Пожилые деньги за держание беглых не служат в Расправе единственной санкцией материального порядка. Расправа знает систему штрафов или пени, которые налагаются при определенных условиях не только на помещиков и вотчинников, но и на других лиц.

В наиболее общей форме закон о материальных санкциях за держание беглых сформулирован в ст. 12, источником которой служил приговор Палаты, принятый при обсуждении ст. 6 гл. XI Уложения 1649 г. Сама же ст. 6 гл. XI составила содержание предшествующей ст. 11 Расправы. Таким образом, смысл ст. 12 может быть выяснен лишь в сопоставлении со ст. 11. Статья 11, как мы указывали, воспроизводит ст. 6 гл. XI Уложения, а ст. 6 принадлежит к числу тех первых статей гл. XI Уложения 1649 г., которые имеют в виду бегство крестьян в период до Уложения 1649 г. Все эти статьи Уложения не накладывают каких-либо материальных взысканий на лиц, припавших беглых крестьян до Уложения. В том числе ст. 6 гл. XI Уложения в интересующем нас отношении освобождает держателя беглых от уплаты «государевых поборов» по переписным книгам, перелагая поборы на тех вотчинников и помещиков, кому беглые будут возвращены.

Палата, воспроизведя ст. 6 гл. XI Уложения, отнесла ее также к прошлому времени, по уже, естественно, к другому периоду, к периоду до нового Уложения. А это меняло ее смысл. Ведь, согласно ст. ст. 6 и 17 Расправы, пожилые деньги за держание беглых налагались и за прошлое время: если беглые припавшие до 1661 г. — по 10 руб., за крестьянина или бобыля в год, а если приняты после 1661 г. до нового Уложения — по 20 руб. в год. Как понимать в таком случае требование ст. 11 Расправы не брать «государевых поборов» с помещиков и вотчинников, припавших беглых, условно говоря, до 1700 г.? На наш взгляд, только так. в Расправе в состав пожилых денег «государевы поборы» не входят. Ниже мы подкрепим нашу мысль другими наблюдениями. Но и теперь это станет в значительной мере бесспорным, если сопоставить ст. 11 со следующей за ней ст. 12, представляющей собою своеобразную аптитезу ст. 11. В ст. 12 указано: «А буди кто чужих беглых учтет за собою держать, и на них сверх указных зажилых лет и помещиковых доходов за всякие государевы подати

привить против указу с переписных книг 184-го и 186-го годов для того: не держи за собою чужих беглых».⁸⁴ Палата в отношении будущего времени вводила, следовательно, новую норму: править государевы подати с держателей беглых сверх пожилых денег, притом по переписным книгам 1676 и 1678 гг., исчисление по которым было наибольшим. Мотивировка санкции «не держи за собою чужих беглых» показывает, что эта мера мыслилась как мера наказания за прием беглых.

В следующей ст. 13 точно так же государевы подати за беглых крестьян, отдаваемых в дачные, упоминаются наряду с пожилыми деньгами и помещичьими доходами.

Одним из средств, употребляемых феодалами с целью закрепить беглых крестьян и холопов, была выдача беглым ссуд под ссудные записи и служилые кабалы. Такие попытки закрепить беглых решительно пресекаются в Расправе ст. 35. Повторяя ст. 23 гл. XI Уложения, указавшая статья предписывает отказывать таким помещикам и вотчинникам в исках «по ссудным кабалам и по всяким крепостям» после изъятия у них беглых и возвращения их на прежние места. Мотивировка закона обща: «. . . не принимай чужих крестьян и бобылей и не давай им ссуды».⁸⁵ Такое определение Палаты было не более как разновидностью материальных санкций, направленных против попыток закабаления беглых крестьян. Что же касается значительно распространенной практики закабаления крестьянства путем выдачи ссуд под заемные кабалы, то в этом случае Палата не только не ограничивала широкого аппетита феодалов, но предприняла шаги для обеспечения им неограниченных правовых возможностей укрепления крепостной неволи путем выдачи денежных ссуд под заемные кабалы. В данном отношении ярким примером может служить результат обсуждения в Палате ст. 256 гл. X Уложения 1649 г., которая устанавливала 15-летний срок исков по заемным кабалам: «А давати по заемным кабалам суд в пятнадцать лет, а сверх пятнадцати лет в заемных деньгах по кабалам суда не давати». Палата отклонила эту статью, заменив ее своим приговором: «В Полате говорили: сю статью отставить, а быти заемным кабалам и крепостям без урочных лет для того, что в займах по крепостям во многие годы многие сроки проходят от заимщика же неплатежу и от скудости и ото многова их же в тех сроках прошения».⁸⁶

Попытка отмены урочных лет для исковых челобитных о невозврате ссуд по заемным кабалам была попыткой крупной реформы в интересах господствующего класса. И хотя значение этого мероприятия несколько шире только крестьянской стороны

⁸⁴ Там же, стр. 362—363.

⁸⁵ Там же, стр. 369.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, «Протокол о слушании в Палате Уложения гл. 10», л. 18 об. Сведения о составе материалов по гл. X Уложения в фонде Палаты см. ниже, на стр. 379, сноска.

дела, тем не менее антикрестьянский, крепостнический характер подобного рода попытки совершенно очевиден и не требует доказательств. Закон оказался повернутым против кабальных должников, каковыми в подавляющем большинстве в отношении землевладельцев были крестьяне, бобыли и захребетники. Устранение срока исков по делам о заемных деньгах сделало бы кабальную неволю в условиях невозможности выплаты денег, как указано в приговоре — за «скудостью» должника, пожизненной, до смерти кредитора или самого должника.

Особый случай наложения взыскания предусматривает приговор Палаты, вошедший в состав ст. 37 Расправы. Здесь наказание следует за «запирательство» в допросе о беглых, в то время как беглые будут обнаружены у привлеченного к допросу лица. В таком случае с него следуют пожилые деньги по 10 руб. за «всякую голову, за мала и за велика», «да за государевы подати, что за них платежу сойдет, вдвое». Здесь государевы подати, в двойном размере, определены опять-таки сверх пожилых денег. Но этого законодателю показалось мало: «А за то, что они, ответчики, о таких беглых запирались, сверх того на них же, ответчиках, иметь на великого государя пени по пятидесяти рублей. А тех беглых крестьян отдавать истцам по крепостям».⁸⁷

Итак, за запирательство в держании беглых Палата определяла дополнительно высокие пени в пользу государства. Данный приговор наиболее ярко отражает линию Палаты на резкое усиление материальной ответственности за прием беглых крестьян и бобылей. Так обстояло дело в случае ложных показаний на допросе о беглых. Ну, а если при судебном споре дошло «до веры», т. е. до крестоцелования, и оно будет ложным? В таком случае Палата признавала недостаточными санкции материального порядка. Впрочем, и Уложение 1649 г., предусматривая подобную ситуацию, определяло в ст. 27 гл. XI за ложное крестоцелование в допросе о беглых не штраф, а торговую казнь, битье кнутом «по торгом по три дни» и тюремное заключение на год.

Палата отклонила ст. 27 гл. XI, а вместо нее под ст. 39 включила в Расправу указ из Разряда 27 февраля 1697 г. о смертной казни за ложное крестоцелование.⁸⁸ Распространение санкции указа 1697 г. на случай показаний под клятвой о беглых крестьянах показывает, какое политическое значение вслед за правительством придавала Палата попыткам нарушения крестьянской крепости на рубеже XVII и XVIII вв. Более того, в одном из толкований указа 27 февраля 1697 г. применительно к случаям ложных показаний о беглых крестьянах Палата вложила в него более широкий смысл, выходящий за рамки «святоотеческого»

нарушения клятвы, данной под крестоцелованием. При рассмотрении ст. 25(21 и 22) Наказа сыщикам, требующей «чинить указ по Уложению, как указано чинить за лживые обыски» в отношении тех, кто «даст сказку, что беглых людей и крестьян за ним нет, а после тех сказок беглые люди и крестьяне за ним сыщутся», была использована справка из ст. 162 гл. X Уложения: «... за лживые обыски велено иметь пени с стольников и стряпчих и дворян московских и жильцов и з городских дворян и детей боярских по 30 рублей с человека». Палата отставила эту справку, мотивировав тем, что «за лживые сказки не токмо что кто, держав за собою крестьян, утаит и скажет ложно, и в свидетельстве кто скажет ложно, положена по указу 205 году смерть».⁸⁹ Здесь смертная казнь определена не за ложное крестоцелование, а за ложное показание при допросе как со стороны ответчика, так и со стороны свидетеля.

Большая ответственность за прием и держание беглых крестьян и бобылей возлагается Палатой на местное управление — воевод, приказных людей и бурмистров. Статья 3, регламентирующая, как отмечалось выше, сыск беглых в городах по черте, категорически воспрещает прием беглых «впредь с нынешнего Уложения» не только по черте, но и в городах вообще, возлагая ответственность на воевод, приказных людей и бурмистров. В случае нарушения этой заповеди статьей определены в отношении указанных лиц следующие санкции: 1) наказание, 2) «... да на них же иметь пени по сту рублей», 3) «... да на них же за прием беглов... указывать зажилые деньги по указу».⁹⁰

Указ 8 февраля 1683 г., служивший основным источником ст. 3 Расправы, как и его повторение в статьях сыщикам 1698 г., не определяет размера пени с воевод и приказных людей за прием беглых: «... иметь пени по скольку с кого великий государь укажет». Максимальные пени были установлены указом 8 сентября 1665 г. в размере 50 руб. за прием беглых в дворцовые слободы Москвы после 1 сентября 1665 г. и повторены в указе 8 июля 1686 г. о приеме беглых на посад Костромы.⁹¹ Однако к 1700 г. действующим было правило взимания денег «за пожилые годы» в размере 20 руб. в год за каждого семейного и одинокого беглого крестьянина. Новый размер пени в 100 руб. впервые определен приговором Палаты.

Следует подчеркнуть, что пени с воевод, приказных людей и бурмистров устанавливались Палатой сверх сбора пожилых денег, которые в свою очередь были повышены. Запрет принимать беглых «впредь с нынешнего Уложения» и наложение повышенного взыскания за его нарушение устанавливаются ст. 3 как

⁸⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370.

⁸⁸ ПСЗ, III, № 1572.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 47 об.

⁹⁰ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 359.

⁹¹ См. выше, стр. 281.

мера общая в отношении всех городов, не только пограничных. В этом убеждает не только характер формулировки соответствующей клаузулы ст. 3, но и приговор Палаты, вошедший в состав ст. 16 Расправы. Приговор Палаты гласит: «А после того указу 193-го году (указ 17 декабря 1684 г., — А. М.) и за прием беглых людей и крестьян старостам и выборным людям чинить тож, что велено чинить воеводам и приказным людям по четвертой статье. А буде на старостах взять будет нечего, и то править по выбору на тех людех, кто их в старосты выбирали».⁹²

В данном приговоре непонятна ссылка на «четвертую статью». В ст. 4 говорится о наказании кнутом приказных людей дворцовых сел, земских старост и посадских людей городов за прием беглых людей и крестьян после заповедных грамот 1658 г. Воеводы в ст. 4 не упомянуты. С другой стороны, приговор Палаты явно имеет в виду санкцию материального порядка: «А буде на старостах взять будет нечего — и то править» и т. д. Словом, нам представляется, что ссылка на ст. 4 в данном случае является опиской. Составители бесспорно имели в виду ст. 3, где как раз говорится о воеводах и приказных людях и о денежном штрафе. Подтверждением нашей мысли может служить еще одно обстоятельство. Ссылка на ст. 4 вписана в текст ст. 16 Расправы на место стертого слова. Стертого слова не разобрать, но так как в данном месте ст. 16 воспроизведен приговор Палаты, принятый во втором чтении, то обращение к материалам второго чтения дает возможность установить, что первоначально было указано «по второй статье». Действительно, под ст. 2 гл. XI Уложения Палатой были рассмотрены как интересующие нас материалы, вошедшие в состав ст. 3 Расправы, в том числе приговор о сторублевых пенях с воевод и приказных людей, так и вышеприведенные материалы ст. 4. Последние, однако, не являются установлением самой Палаты, а принадлежат ст. 6(4) Наказа сыщикам 1683 г. Если бы Палата имела в виду именно ст. 6 Наказа, а не свой приговор о сторублевых пенях, то отсылка носила бы иной характер. «Старостам и выборным людям чинить тож, что велено чинить воеводам и приказным людям» — такая клаузула едва ли может вызвать сомнение в том, что имеется в виду решение самой Палаты, которое и выражено в приговоре о сторублевых пенях.

Словом, если наше предположение, что в ст. 16 следует иметь в виду отсылку на ст. 3 вместо указанной там ст. 4 справедливо, то отсюда следуют два вывода. Палата расширяла круг лиц и числа местной администрации, на которых распространялось ее решение о сторублевых пенях за прием беглых крестьян и бобылей. К воеводам, приказным людям и бурмистрам добавлялись земские старосты и выборные люди посадков. Второй вывод сводится к тому, что Палата придавала своему приговору обратную силу,

распространяя его действие на прошлое время, т. е. на время после 1684 г. Попытка возложить столь высокую материальную ответственность на посадские власти за прием крестьян в посадки после 1684 г. подчеркивает непримиримость позиции авторов Расправы в отстаивании интересов крепостников. Приговор о сторублевых пенях имеет, таким образом, широкое значение. Но не следует ограничивать рамки борьбы только с бегством крестьян на черту. Однако нахождение его в составе именно ст. 3, регламентирующей сыск беглых в городах по черте, может говорить лишь о том, что Палата имела в виду использовать новый шаг прежде всего в борьбе против бегства крестьян в южные пограничные районы и тем самым решительно воспрепятствовать отливу крепостного населения из центральных уездов. Это обстоятельство особо оттеняет высказанную мысль об отходе Палаты от политики компромисса в вопросе закрепления беглых крестьян на пограничными городами.

Итак, мы полагаем, что ссылка на ст. 4 в тексте ст. 16 Расправы есть описка. Тем не менее ст. 4 имеет также отношение к рассматриваемому здесь вопросу. Воспроизводя ст. 6(4) Наказ сыщикам, ст. 4 устанавливает для приказных людей дворцовых сел и черных волостей, земских старост и посадских людей городов и для старост ямских слобод наказание кнутом за прием беглых людей и крестьян после заповедных грамот 1658 г.⁹³ Из лиц, на которых правило ст. ст. 3 и 16 распространяло взимание сторублевых пеней, в ст. 4 упомянуты только приказные люди и земские старосты, т. е. низшие разряды выборных и назначаемых для управления людей. Но как раз упоминание земских старост, как и посадских людей, осталось в ст. 4, видимо, по недосмотру редакторов Расправы, так как подобная ситуация явно противоречит ст. 16 Расправы, устанавливающей наказание за прием крестьян в посадки только после 1684 г. Упоминание в Наказе сыщикам 1683 г. посадских людей наряду с ямскими старостами и дворцовыми приказчиками было вполне правомерным, так как в 1683 г. еще не было указов, выделявших приписку крестьян к посадкам после 1649 г. в самостоятельный правовой вопрос. Иначе следует подходить к Расправе. Она опирается на указ 19 октября 1688 г., который явился синтезом предшествующего законодательства о прикреплении крестьян к посадкам. Поэтому ст. 6(4) Наказа, помещенную в Расправу в таком непрепарированном виде, следует рассматривать или как свидетельство противоречивости законодательства XVII в., или как результат недосмотра составителей Расправы.

Другое дело — приказные люди (приказчики) дворцовых и черных земель и старосты ямских слобод. Правило ст. 6(4) Наказа сыщикам в отношении их могло оставаться в силе, так как ничего

⁹² Археологический ежегодник за 1958 г., стр. 364.

⁹³ Там же, стр. 360.

нового в законодательстве до конца XVII в. не появилось. Сюда же следует присоединить приказчиков частновладельческих поместий и вотчин. Основной санкцией против этой категории лиц в случаях их виновности в приеме беглых было телесное наказание. Ст. 6 Расправы, воспроизводя норму указа 23 марта 1698 г., предписывает: «А за прием беглых людей и крестьян дворцовых волостей и патриарших и митрополичьих и архиепископских и епископских и монастырских вотчин и бояр и окольничих и думных и ближних людей приказником чинить наказание ж, бить кнутом».⁹⁴ Эта общая норма уточняется ст. 4 в отношении приказчиков дворцовых волостей: бить кнутом только в случае приема беглых после заповедных грамот 1658 г.

Определение телесного наказания приказчикам не снимало вопроса о материальных взысканиях с них, так как важнейшим предметом забот Палаты было возмещение материального ущерба, нанесенного бегством крестьян как феодалу, так и государственной казне. Интересы последней ставились обычно на первое место. Мы знаем, что та же ст. 4 Расправы отменяет сбор пожилых денег за прием дворцовых крестьян с помещиков и за прием помещичьих крестьян с дворцовых крестьян в период до нового Уложения. Особая оговорка ст. 4 касается приказчиков дворцовых волостей: за крестьян, принятых в дворцовую волость до 1683 г., «наддаточных денег не имать».⁹⁵ Эта часть ст. 4 Расправы воспроизводит часть ст. 7(4) Наказа сыщикам 1683 г., которая в свою очередь передает указ 1683 г. Зато ст. 5 Расправы, воспроизводя вторую часть ст. 7(4) Наказа сыщикам, предписывает взимать пожилые деньги с приказчиков дворцовых волостей в случае приема беглых «впредь с сего Уложения». Определяя санкции в отношении частновладельческих приказчиков, Палата исходила из их подчиненного положения. Она учитывала возможность приема ими беглых по приказанию господина. В данном отношении большой интерес представляет ст. 18 Расправы.⁹⁶ Она пытается разобраться, при каких обстоятельствах приказчики принимают беглых крестьян и бобылей. В зависимости от этого определяется степень их вины и мера наказания. Статья предусматривает ситуацию, когда приказчики при допросе «положат» письма, полученные ими либо от «людей их вотчинников», либо от самих вотчинников. В случае, если предъявленные письма будут подписаны помещиками и вотчинниками или в результате сыска подтвердится, что они «принимали беглых крестьян по приказу помещиков своих», пожилые деньги следует взыскивать с помещиков, а приказчи-

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Наддаточные деньги то же, что и пожилые, но в удвоенном размере, установленном после отмены взимания наддаточных крестьян по указу 3 января 1683 г. Следующая статья, 5-я, в том же смысле вместо «наддаточные деньги» употребляет термин «зажилые деньги».

⁹⁶ Анализ ст. 18 см. выше, стр. 359.

кам «наказанья не чинить».⁹⁷ Но возможно иное положение: приказчики станут утверждать, что «тех крестьян принимали они по приказу помещиков своих», но «писем от тех помещиков своих они не положат» или предъявят письма, но недействительные: «без рук тех их помещиков». Тогда по приговору Палаты с приказчиков должны быть взысканы пожилые деньги «против указа». Если же окажется, что «взять на них нечего, и тем приказником чинить наказанье, бить кнутом». Статья 18, таким образом, телесное наказание приказчиков за прием беглых ставит в зависимость от имущественного достатка самих приказчиков. Легко заметить, что в данном вопросе ст. 18 никак не вяжется с безоговорочным требованием ст. 6 о наказании приказчиков кнутом. Нам представляется, что снять это противоречие можно только при рассмотрении вопроса в аспекте прошлого и будущего времени. Статья 6 говорит о прошлом, т. е. о периоде до нового Уложения. Статья 18 в части приговоров Палаты имеет в виду будущее время, т. е. период после нового Уложения. Оставляя обычно для периода до нового Уложения нормы существующих указов в неизменном виде, Палата нередко дополняла и меняла их в тех случаях, когда нарушение законов предполагалось в будущем, т. е. после принятия нового Уложения. Это же самое следует видеть в данном случае. Смысл изменения характера санкций против приказчиков за прием в будущем беглых без приказа господина сводится к попытке замены телесного наказания материальной ответственностью. Реальным основанием такой перемены могут служить мотивы экономического и классового характера. Значительное возрастание роли денежного хозяйства к началу XVIII в., все более втягивавшего в свое русло поместья и вотчины, приводило к усилению заинтересованности помещиков в возмещении причиненных им убытков побегами крестьян именно в материальной, и прежде всего денежной, форме.

С другой стороны, с развитием поместного и вотчинного землевладения часть приказчиков вотчин крупных феодалов экономически и идеологически все более смыкалась с господствующим классом, превращаясь в помещиков и мелких вотчинников. Ограждение классовых привилегий нарождающейся прослойки феодалов, естественно, входило в сферу внимания крепостнического законодательства. Лишь в отношении приказчиков, еще не успевших обзавестись имуществом в надлежащем размере, Палата сохраняла телесное наказание, которое без каких-либо исключений осталось уделом крепостных крестьян.

Так, спускаясь по социальной лестнице при рассмотрении вопроса о наказании за прием и «продержательство» беглых людей и крестьян, мы подошли к ее низшей ступени — крестьянству. Положение здесь коренным образом менялось. Крестьянин вы-

⁹⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 364, 365.

ступал перед законом в двух ипостасях — он был ответствен за совершение побега и он же (о чем речь будет ниже) отвечал за прием беглых собратьев по классу. Выше было обращено внимание на то, что помещик предпочитал получить с принимавшего беглых приказчика возмещение убытка в материальной форме, нежели исполосовать его спину кнутом. Иначе ставился вопрос о крестьянстве. Отношение к крестьянину диктовалось классовыми соображениями. Имущество крепостного крестьянина номинально принадлежало помещику и вотчиннику. Беглого крестьянина всегда возвращали на прежнее место с его имуществом. Экономической заинтересованности феодала в присвоении имущества крестьянина, как правило, не существовало. Другое дело — рабочими руками крестьянина. Эксплуатация крестьянского труда приносила неизмеримо больший экономический эффект, чем могли дать все пожитки крестьянина. Но эксплуатация крестьянского труда возможна была только при условии обеспечения крестьянина земельным наделом и необходимым инвентарем. Такая неразрывность крестьянина с его хозяйством была необходимой предпосылкой для законодательства XVII в., в том числе и для Расправы. Поэтому в феодальном обществе во всех случаях, в том числе в области борьбы с крестьянскими побегам, на первое место выдвигалось не экономическое воздействие на крестьян, а внеэкономическое принуждение.

Все сказанное нашло не только отражение, но и значительное развитие в указах 2-й половины XVII в. и получило свое логическое продолжение в Расправе.

Важнейшим вопросом законодательства 2-й половины XVII в. был вопрос о наказании крестьянина за побег. Позднейшую формулировку наказания крестьянина за побег давал указ 8 февраля 1683 г.: «А беглых холопей и крестьян велено отдавать по крепостям помещиком и вотчинником, учиня им за тот побег жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, чтоб впредь и иным неповадно было воровать и от помещиков и от вотчинников бегать».⁹⁸

Указ 1683 г. квалифицирует побег крестьянина как преступление, носящее политический характер, что нашло отражение в употреблении в данной связи термина «воровать». Палата восприняла и закрепила указанную квалификацию побега крестьянина, полностью повторив в ст. 3 Расправы формулировку указа 1683 г. о жестокое наказании кнутом за побег.⁹⁹ Однако только этим Палата не ограничилась. Она пошла дальше, по-новому поставив вопрос о наказании крестьянина за побег. С классовых позиций крепостников Палата значительно заострила квалификацию преступления беглых крестьян. В ст. 18 содержится такое требование: «А беглым людям и крестьяном и бобылям за побег и за то, что они меж поме-

щиков и вотчинников чинили ссоры и разорения, у отдачи чинить наказанье, бить кнутом нещадно».¹⁰⁰ Палата не ограничилась однократным определением этой санкции в ст. 18 и повторила ее еще раз в ст. 35.¹⁰¹ Комментируя этот приговор Палаты, принятый ею при чтении ст. ст. 10 и 23 гл. XI Уложения 1649 г., С. Н. Валк справедливо отметил, что «крестьянину здесь приходилось расплачиваться за ту внутриклассовую борьбу, которая шла между помещиками и вотчинниками в их стремлении заполнить рабочие руки».¹⁰²

Приглядимся пристальнее к редакции приговора Палаты. Наказание определяется в нем прежде всего за факт побега, который сам по себе уже был нарушением заповеди крепостного права. Побег был не только нарушением основного принципа права о прикреплении крестьян, но имел еще два весьма крупных последствия — одно политического, другого экономического свойства. Последствие политического характера состояло в том, что побег крестьян вызывали внутренние распри в лагере феодалов, усиливали противоречия между отдельными его группами, прежде всего между крупными землевладельцами — боярством и мелким служилым как московским, так и городским дворянством. В конечном итоге такое противоречие наносило урон политическому единству господствующего класса, ослабляло его силу. Последствие экономического свойства связано с тем, о чем шла речь выше — с потерей возможности эксплуатации бежавшего крестьянина. В Расправе это квалифицируется как «разорение». Экономические последствия побегов крестьян были наиболее оутимыми среди мелкопоместных дворян.

Наибольшее значение Палата придавала политическим последствиям побегов. Они касались класса феодалов в целом, а не отдельных его групп и не отдельных представителей. Политические последствия в рассматриваемой нами формуле ст. 18 поставлены прежде последствий экономических: «... за побег и за то, что они меж помещиков и вотчинников чинили ссоры и разорения». А в ст. 35, содержащей повторение санкции, указано только политическое последствие: «А за побег и за то, что тот крестьянин или бобыль меж помещики и вотчинники учинил ссору, учинить ему наказанье, бить кнутом».¹⁰³ Указания на разорение здесь нет.

Наконец, бросается в глаза, что клаузула о наказании крестьян и бобылей за побег и за его последствия вовсе не связана непосредственно с предметом ст. 18 Расправы, которая посвящена установлению норм взыскания за прием беглых. Таким же образом аналогичное решение Палаты не имеет никакого отношения к пред-

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 66.

⁹⁹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 359.

¹⁰⁰ Там же, стр. 365.

¹⁰¹ Там же, стр. 369.

¹⁰² С. Н. Валк, ук. соч., стр. 237.

¹⁰³ Выделено нами, — А. М.

мету ст. 35, говорящей о незаконных действиях тех лиц, которые, пытаясь закрепить за собой беглых, «возьмут на них кабалы или записи во многой ссуде». Палата тем не менее и здесь сочла необходимым дать приговор, карающий крестьянина как за факт побега, так и за то, что его побег вызвал внутренние распри в лагере феодалов. Само по себе это обстоятельство весьма характерно. Отражая общий рост закрепостительных тенденций в конце XVII в., оно лишний раз показывает, каким тяжелым гнетом легли бы на плечи крестьянства постановления Палаты.

Побег крестьян обычно сопровождался стремлением бежавших укрыться от сыска. Наиболее распространенными приемами в таких случаях были составление фиктивных отпускных грамот, перемена имен беглецов и записательства последних при допросах, сводящиеся главным образом к утайке «прямых своих помещиков и вотчинников». Все эти обстоятельства, с которыми приходилось сталкиваться сыщикам беглых крестьян, были уже предусмотрены законодательством 2-й половины XVII в. и содержались в ст. ст. 22(18) и 48(42) Наказа сыщикам 1683 г. Обе статьи Наказа включены Палатой в Расправу, в ст. ст. 32 и 34. Первая из них за составление «воровской отпускной» определяет виновному лицу наказание кнутом. Если подложную отпускную составит тот, кто принял беглого, то сверх наказания кнутом на него налагаются пожилые деньги. Оставив прошлые определения в неизменном виде, Палата расширила действие статьи, предусмотрев в ней причастность к составлению фиктивных отпускных третьих лиц и наложив на них аналогичное взыскание. К ст. 32 примыкает ст. 34, которая предусматривает тот же случай перемены беглыми имен себе и отцам, в результате чего имена не сходятся с теми, под которыми беглые значатся в писцовых и переписных книгах. Статья 34 оставляет в данном случае неизменным требование Наказа сыщикам — применить розыск и допрос, а «буде сыскать нечим, и их в том воровстве пытати». К этой части Палата сделала от себя существенное добавление, значительно расширившее объем розыска: «А пытати их, розыскивая отцы и матери и сродники».¹⁰⁴ С практикой фиктивных отпускных, составляемых самими беглыми крестьянами, связано их стремление выдать себя за свободных людей и этим облегчить переход в то же крепостное либо холопское состояние в поисках лучшей доли у другого хозяина. Однако всякая попытка крепостных крестьян и кабалных людей, в каком бы виде она не предпринималась, выдать себя за вольных людей решительно пресекалась приговором Палаты.

Отрицанием крестьянской и бобыльской свободы проникнуты все статьи Расправы, предусматривающие лишь одно зависимое крепостное состояние. С предельной ясностью это выражено предис-

слого в самом заглавии новой гл. XI: «По допросом против крепостей Росправа (о крестьянех)». Из названия следует, что все крестьянство мыслилось находившимся в крепостном состоянии. В то время как гл. XI Уложения 1649 г., имевшая название «Суд о крестьянех», была еще обращена одной своей стороной к миру, находившемуся за чертой крепостных отношений (ст. 20 и 21 этой главы признавали наличие вольных людей и крестьян), в Расправе никакой отдушины уже нет, и круг окончательно замкнулся. В ней признается только крепостное состояние. Во всей Расправе есть только один пункт в составе ст. 6, заимствованной Палатой из ст. 7(4) Наказа сыщикам, которым допускается прием помещиками крестьян и бобылей по отпускным грамотам: «А которые люди и крестьяне и бобыли придут от помещиков и отчинников с отпускными, и тех людей и крестьян и бобылей принимать и записывать в книги, и писать об них в те приказы, где надлежат».¹⁰⁵

Смысл этого установления ясен. Палата признавала выдачу отпускных крестьянам, бобылям и холопам, но рассматривала отпускные лишь как необходимое документальное основание для оформления новой неволи, как свидетельство того, что вступающий в зависимость от нового хозяина крепостной или холопской не узурпировали свою свободу, а получили ее «законно». В таком случае сама свобода крестьянина и холопа понималась Палатой как явление сугубо временное и переходное. Чисто юридический и служебный характер отпускных ясен из частного случая их применения, предусмотренного ст. 31 Расправы. Повторяя ст. 19 гл. XI Уложения 1649 г., ст. 31 предписывает в случае выдачи девок или вдов замуж на сторону «давать отпускные за своими или за отцов своих духовных руками впредь для спору».

Наиболее ярко отрицание крестьянской свободы проявилось в отношении Палаты к упомянутым выше ст. ст. 20 и 21 гл. XI Уложения 1649 г.

Статья 20 говорила о приеме людей, которые, придя в чью-либо вотчину или поместье, «скажутся, что они вольные, и похотят те люди за ними жити во крестьянех или в бобылях». Статья 21 предусматривала случай, когда такой пришлый человек, сказавшись вольным, окажется «чужим крестьянином и бобылем». Статья 20 была отклонена Палатой уже в первом чтении: «В Палате говорили: сию статью отставить, а быть по нынешнему государеву указу и по Уложению». Как показывают материалы фонда Палаты, при выработке новой гл. XI Палата далеко не во всех случаях могла определить свое отношение к законодательному материалу прошлого уже в первом его чтении. Не вызывающий никаких сомнений в своей определенности отвод ст. 20 показывает, что Палате с первого взгляда была очевидна непригодность

¹⁰⁴ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 368.

¹⁰⁵ Там же, стр. 361.

нормы ст. 20 в условиях новой крепостнической политики при вительства. При втором чтении приговор по ст. 20 оставлен в прежнем виде, но к нему добавлена мотивировка. Она-то как раз и представляет исключительный интерес: «В Полате говорили сию статью отставить, а быть по нынешнему государеву указу и по Уложению для того, что после первого Уложения таких свободных опричь церковников никого нет». ¹⁰⁶ На тех же основаниях отклонена рассмотренная вслед за ст. 20 ст. 13(8 и 9) Наказа сыщикам 1683 г. Статья Наказа допускала прием в крестьяне и бобыли тех пришлых людей, которые скажутся «вольными», если их вольное состояние будет доказано в результате допроса и сыска. ¹⁰⁷

Статья 21 гл. XI. Уложения 1649 г. отклонена Палатой с аналогичной же мотивировкой: «В Полате говорили: сию статью отставить для того, что опричь церковников вольных ныне нет. А кто таких держав, себя приведет к записке, и на таких за государевы подати и за помещиковы доходы и за пожилые годы о деньгах чинить указ по нынешнему Уложению». ¹⁰⁸ Смысл санкции, следующей за мотивировкой отвода ст. 21, ясен: прием лица, выдавшего себя за вольного, но оказавшегося (а Палата допускает только этот вариант) чьим-либо крепостным, карается в той же мере, в какой карается прием беглого крепостного. С. Н. Валк справедливо заметил по поводу мотивов отклонения ст. 20 гл. XI Уложения, что «такое утверждение Палаты исторически совсем не соответствовало точному смыслу ею же отвергаемой статьи Уложения, согласно которой вольные люди не только существовали, но Уложением именно и устанавливались те условия, при которых было возможно их превращение в чьих-либо крестьян и бобылей». ¹⁰⁹ В самом деле, немалое число не связанных крепостным законом гулящих людей бродило по бескрайним просторам русской земли. Их существование предусматривалось законом, и не только Уложением. Статья 13(8 и 9) Наказа сыщикам 1683 г. совершенно в духе Уложения допускала прием на службу и на работу выдававших себя за вольных людей после проверки их юридической свободы. Чем же в таком случае было вызвано исторически неверное толкование прошлого? Не подлежит никакому сомнению, что в «утверждении Палаты истолкование прошлого отражало политику настоящего». ¹¹⁰ С. Н. Валк в этой связи обратил внимание на то, что в то же самое время, когда начала функционировать Палата, т. е. в феврале 1700 г., был принят указ, по которому отпускаемых на волю людей и крестьян надлежало направлять с отпускными в Приказ Холопьего суда.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 35.

¹⁰⁷ ПСЗ, II, № 998, ст. ст. 8 и 9.

¹⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 40.

¹⁰⁹ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 236.

¹¹⁰ Там же.

В Приказе тех, «которые годятся в службу», брали в солдаты, и негодным к солдатской службе указ предписывал «давать из Приказу холопья суда на кабальных людей кабалы, а на крестьян ссудные записи, к кому они идти похотят». ¹¹¹ Деятельность Палаты отражала, следовательно, линию правительства на полное закрепощение крестьянства и других беднейших слоев населения. Именно в этом крылась причина того, что Палата желаемое выдавала за действительное.

Однако практическим следствием политической доктрины отсутствия свободных крестьян и бобылей явились приговоры Палаты о наказании холопов и крестьян за попытку выдать себя вольными людьми.

Статья 6 гл. XX Уложения 1649 г. предписывает возвращать к прежним владельцам крестьян и бобылей, давших на себя в бегах служилые кабалы. При этом никакого наказания за выдачу себя вольными людьми с целью оформления кабальной зависимости для таких беглых крестьян в статье не положено. Рассмотрев эту статью, Палата радикально изменила положение дела: «В Полате говорили: которые крестьянские и бобыльские дети назовутца вольными, и за то им чинить наказанье, бить кнутом и отдавать помещиком по крепостям». ¹¹² Другим следствием той же доктрины отсутствия свободных крестьян и бобылей явилось стремление Палаты ограничить передвижение крепостного населения деревни. Эта тенденция получила отражение в законодательном ограничении возможности найма крепостных людей путем введения более жестких условий оформления найма и резкого сокращения срока службы. При выработке ст. 43 Расправы Палата сохранила в отношении прошлого времени норму ст. 32 гл. XI Уложения, предоставлявшей «всяких чинов людям» свободное право найма на работы владельческих крестьян и бобылей «по записям и без записей», но при условии «жилых и ссудных записей и служилых кабал на их не имать и ничем их себе не крепить». Зато приговор Палаты, образующий вторую часть ст. 43 Расправы, в духе усиления крепостнических отношений значительно ограничивал возможность найма крепостных крестьян в будущем: «А впредь с сего Уложения не только чьих беглых людей и крестьян и бобылей в работу к себе принимать и за собою держать, и в пастушню и в работу принимать только на одно лето или на зиму с поручными записями или и без записей, с ручными добрыми поруками, при свидетелях. А буде похочет его нанять и на другой год, и ево потому ж нанимать с поручными записями или с ручными добрыми ж поруками и свидетели. А буде кто таких пастухов из дальних мест учнет у себя держать болши одного лета по составным каким письмам, а про то сыщетья,

¹¹¹ ПСЗ, IV, № 1747.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 1255, № 3, л. 244 об.

и за такие письма, кто их составит, тем людям чинить тот же укол, как писано по 32-ю статью». ¹¹³

Как видим, приговор Палаты, вопреки ст. 32 гл. XI Уложения, выдвигал категорическое требование оформлять найм частных дельческих крестьян и бобылей составлением «поручных записей» либо, при невозможности получить последние, в присутствии свидетелей «с ручными добрыми поручками». Второе требование приговора состояло в установлении краткого (сезонного — зима, лето) срока найма, по истечении которого найм мог быть возобновлен на другой год, но при соблюдении тех же условий. Произвольное удлинение срока найма на основании подложных («составных») писем подлежало наказанию в том виде, как это предусматривалось в ст. 32 Расправы за составление подложных отпусных.

Из контекста приговора не вполне ясно, какого рода подложные документы имеются в виду под термином «составные письма». Обращение к предварительным материалам рассмотрения в Палате ст. 32 гл. XI Уложения 1649 г. дает возможность установить, что под письмами Палата подразумевала письма помещиков и вотчинников, с которыми они отпускали часть своих крестьян «кормитца на одно лето или на зиму». Уже в приговоре первого чтения заключено требование принимать крестьян в «штатную и работу» только по «письмам помещиков и вотчинников», которые «записывать в городех в съезжих избах». При втором чтении текст о письмах по неясной причине был вычеркнут из приговора, но слова о «составных письмах» попали в текст ст. 43 Расправы.

Та же тенденция к ограничению передвижения крепостного населения и к установлению правительственного контроля за ним сказалась в утверждении Палатой ст. 45 гл. XXI Уложения и новоуказных статей к ней о регистрации в приказах приписных людей и дворников. Наконец, с тем же отрицанием крестьянской и бобыльской свободы связано значительное усиление мероприятий по борьбе с побегами крестьян и их сыском, образующих содержание большинства статей Расправы.

В практике побег крестьян зачастую сопровождался нанесением материального ущерба феодалу либо убийством его самого или членов его семьи. Такие действия на языке феодального права именовались татьбою, воровством и убийством и составляли предмет рассмотрения гл. X («О суде») и в особенности гл. XXI («О разбойных и о татинных делах») Уложения. Соответственно и Палата рассматривала покушения крестьян на феодальную собственность и на жизнь феодалов в связи с подготовкой новых глав о суде и о татинных и разбойных делах. Таким образом, явления классового борьбы включались в юридической сфере в общие рамки феодаль-

ного права, имевшего главной целью охрану собственности и жизни феодалов. В области права выступления классового характера отождествлялись с разбойными выступлениями вообще. Такое положение составляет немалые затруднения для исследователей. Только глубокое и всестороннее изучение самой исторической действительности дает возможность уточнить нормы права.

К сожалению, материалы обсуждения и выработки новых глав о суде и о разбойных делах в архиве Палаты об Уложении сохранились значительно хуже, чем по гл. XI. ¹¹⁴ Можно привести лишь немногие определения Палаты, касающиеся интересующего нас предмета.

Бросается в глаза, что при выработке Расправы Палатой не использована ст. 46(40) Наказа сыщиком 1683 г. — важнейшего вслед за гл. XI Уложения 1649 г. источника Расправы. Указанная статья Наказа устанавливает смертную казнь через повешение для тех крестьян, которые при побеге совершили «смертное убийство или пожар» в поместье или в вотчине своего хозяина: «Да будет по сыску и по роспросу и по пыточным речам про те смертные убийства и пожар сыщется допряма, и тех воров за смертные убийства и за пожар по указу великого государя и по Сборному Уложению против татинных и разбойных статей по Сборному Уложению против татинных и разбойных статей вершить велеть вешать, чтоб иным впредь не повадно было так воровать». ¹¹⁵

Ссылка на разбойные и татинные статьи дает право полагать, что ст. (46)40 Наказа сыщикам могла быть использована при подготовке в Палате гл. XXI нового Уложения. К сожалению, среди крайне немногочисленных материалов по гл. XXI никаких сведений о рассмотрении ст. 46 Наказа сыщикам обнаружить не удалось. Тем не менее защита жизни и имущества феодалов интересовала Палату самым непосредственным образом. В таких случаях Палата заостряла свои определения против беглых крестьян и холопов. Примером могут служить некоторые материалы из результатов обсуждения гл. XX Уложения. Статья 4 гл. XX Уложения 1649 г. предусматривала случай, когда беглые холопы, приходя к тем, от кого они бежали, подговаривали к побегу других холопов и крестьян и, уходя, грабили и поджигали поместья.

¹¹⁴ Части проекта новой гл. X находятся в разных местах фонда: а) со ст. 1 по ст. 28 под названием «О допросе ответчиков в исковых исках» (с черкваниями и поправками) — в д. 7, лл. 1—8 об.; б) продолжение того же текста до ст. 173 — в д. 6, л. X, лл. 1—40 об.; в) кроме того, в том же деле 6, гл. X, имеется чистовой экземпляр одного из чтений гл. X с приговорами Палаты по ст. ст. 145—158 и 168—216, лл. 41—64 об.; г) продолжение того же чистового текста со ст. 217 по ст. 286 находится в д. 7, в папке «Протоколы слушания в Палате Уложения, гл. X, ст. ст. 217 по 286». Затем идут разрозненные листы, очевидно, первого чтения ст. ст. 20—36 с черновыми записями приговоров Палаты тем же почерком, что и приговоры по гл. XI, и ряд разрозненных записей материалов, отнесенных к гл. X, на лл. 65—89 об.

¹¹⁵ ПСЗ, II, № 998, ст. 40.

¹¹³ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 371.

Статья определяла пострадавшим «искати разоренья в судных приказех на тех людей, у которых холопы живут в бегах», а беглых по суду и по сыску возвращать помещикам и вотчинникам, от которых они бежали. Никаких наказаний беглым холопам за причиненный ими ущерб имуществу феодала ст. 4 гл. XX Уложения не предусматривала. Ответственность целиком возлагалась на держателей беглых. Рассмотрев ст. 4 гл. XX, Палата приняла существенное дополнение к ней: «В Полате говорили: быть по Уложению и буде по розыску сыщется, что те беглые люди прежде помещику учинили пожар, и их за то казнить смертью. А которые учинили разоренье и за то разоренье по розыску в чем он станет сыскиваться, доправить на том, за кем они в бегах жили. А буде такие беглые люди прежним помещиком учинили пожар и разорение по вельенью тех людей, за кем в бегах жили, и тем людям, которые посылали, чинить наказанье, да у них же половину поместья их и вотчин взяв, отдать тому, кому те люди, будучи в бегах, пожар и разоренья чинили».¹¹⁶

В приговоре привлекает внимание выделение поджога из общего перечня средств нанесения ущерба собственности феодалов: разорение, грабеж и поджог. Соответственно поделены санкции: за поджог имения отвечал сам холоп, и ему определена смертная казнь, а за разорение возмещал убыток тот, кто держал беглых. Указание поджога в составе преступлений против собственности феодалов и определение смертной казни за него принципиально не было новым. Законодательство после Уложения, отражая возросший уровень классовой борьбы крестьян и холопов, уже определяло смертную казнь за убийство помещиков и поджог имений. Статья 46(40) Наказа сыщикам 1683 г. явилась своеобразным итогом таких установлений прошлого времени. Однако в указах XVII в. убийство и поджог рассматривались совместно, а не дифференцированно. Палата впервые выделила «поджог» в самостоятельный вид преступления, квалифицированный его как акт классовый мести беглых холопов и крестьян, чем и вызвано определение им смертной казни за совершение поджога. Другое дело — разорение имения и грабеж. Если скрытым мотивом при этом могли быть те же чувства классовой мести, то на поверхности выступало стремление холопа покорытоваться имуществом своего господина. В таком случае закон вставал на защиту материальных интересов последнего и предусматривал возмещение ущерба с укрывавшего беглых. Такое определение приговора было вместе с тем мерой наказания за держание беглых.

В духе всего законодательного творчества Палаты следует расценивать и заключительную часть приговора по ст. 4 гл. XX Уложения. В ней предусмотрен случай, когда разорение и под-

жог учинены беглыми холопами в отношении своих прежних господ «по вельенью тех людей, за кем они в бегах жили». Статья определяет виновному наказание в форме конфискации половины его поместья или вотчины в пользу пострадавшего. Эта часть приговора Палаты отражает общее обострение внутриклассовой борьбы феодалов за землю и рабочие руки в конце XVII в.

Палата усиливала репрессии за выступления против феодальной собственности не только в случаях, когда они имели место в связи с побегам крестьян и холопов. Возьмем ст. 108 гл. X Уложения. Она говорит о предоставлении отсрочки явки на суд в случае официально установленного факта болезни истца или ответчика. Рассматривая статью, Палата дополнила ее определением, которое вовсе не стоит в прямой связи с указанным вопросом ст. 108. В новом определении Палаты речь идет о случае, когда холопы и крестьяне в момент болезни их помещика и вотчинника «станут кому чинить разорение и обиду и насильством чем у кого владеть». Палата предписала таких крестьян и холопов, не взирая на болезнь их хозяина, брать в Москву для допроса и розыска.¹¹⁷

Статья 223 той же гл. X Уложения предусматривала случай, когда ущерб причинялся пожаром в чьем-либо лесу в результате предумышленных действий или «пастуховым небрежением». Статья предписывала «на тех людях за такое пожарное разорение взяти пеня, что государь укажет», а истцу возместить убыток. Если же пожар «учинится без хитрости», то ни пени, ни «по истцову иску» взыскивать не следовало. Оставив в силе эту статью в части квалификации действий виновных лиц и налагаемых на них взысканий, Палата сочла необходимым пополнить ее определением относительно телесного наказания пастухов, причастных к поджогу леса: «В Полате говорили пополнить: пастухом чинить наказанье, бить батоги нещадно, а пени и иску на них не править».¹¹⁸ Примечательно, что вопрос о мотивах действий пастухов — предумышленно ли, в результате ли небрежности или какой-либо случайности — в приговоре Палаты совершенно снимается.

Статья 233 гл. X Уложения 1649 г. в общей форме, без определения социальной принадлежности претендентов на чужую землю, берет под защиту феодальную собственность на землю. По этой статье «чужая земля» должна быть возвращена ее владельцу с уплатой «владенья» по государеву указу, «а за насильство учинити наказание, что государь укажет».

Палата, во-первых, внесла уточнение относительно размера платы за владенье чужой землей, определив ее «по цене втрое», оставив в неизменном виде преамбулу о наказании «за насильство»

¹¹⁷ Там же, № 6 (11), «Рассуждения бояр при слушании статей Уложения о суде», ч. 2, л. 267.

¹¹⁸ Там же, № 7, «Протокол о слушании в Палате Уложения», гл. X, лл. 2—3.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 3, списки с указов Поместного приказа, л. 244 об.

«по усмотрению государя». Во-вторых, Палата приняла дополнение к статье: «В Полате говорили пополнить: буде люди и крестьяне такое насильство собою учинят без повеления бояр своих, и таким чинить наказанье, бить кнутом».¹¹⁹

Дополнение к статье представляет большой интерес в том отношении, что оно конкретизирует социальный смысл ст. 233, называя «по именам» действующих лиц, скрытых в гл. X Уложения под глухими местоимениями «кто» и «у кого». Становится ясным, что законодатели имели в виду два аспекта борьбы за землю: внутриклассовый и классовый. Для случая проявления внутриклассовой борьбы, когда боярин самостоятельно или с помощью своих крестьян и холопов захватит «чужую землю» или кто-либо другой захватит ее у боярина, законодательная норма оставлена Палатой почти в неизменном виде. Небольшое отклонение от прошлого установления состоит лишь в уточнении размера платы за время самовольного пользования «чужой землей». Другое дело, когда речь идет о захвате земли феодала крестьянами и холопами по их собственной инициативе, «без повеления бояр своих». В данном случае Палата сочла необходимым ввести новую законодательную норму, которая заострила статью против попыток крестьян и холопов овладеть земельной собственностью феодалов.

В борьбе с побегами крепостных феодальное государство, как мы видели, возвило внеэкономическое принуждение в норму закона. Палата об Уложении пыталась продвинуться дальше в этом направлении, приняв ряд новых установлений, значительно расширявших правовые возможности внеэкономического воздействия в отношении крепостного населения деревни. Это не означало, однако, что экономические санкции в отношении крестьян были совершенно исключены. Они допускались Палатой в отношении крестьян, замешанных в приеме и удержании беглых. Мы видели, как значительно повысила Палата материальную ответственность помещиков и вотчинников, не исключая высших слоев феодалов, за прием беглых крестьян и бобылей. Однако ни в одном случае материальное взыскание не ложилось полностью и исключительно только на феодала. Как в указах второй половины XVII в., так и в Расправе в подобного рода случаях «ком-паньоном» феодала становился крестьянский мир, община. Статья 4 Расправы отменяла взимание пожилых денег с дворцовых крестьян за прием беглых в «прошлые годы», т. е. до нового Уложения. Однако ст. 5, предусматривая совершение того же деяния в будущем, «впредь с сего Уложенья», устанавливала взимание пожилых денег не только со старост и приказчиков дворцовых волостей, но и «на выборных крестьянех». Но если приказчик, староста и выборные крестьяне скажут, что принимали беглых

такое-то село и такая-то деревня, то закон предписывал «те деньги править того села и деревни на крестьянех, а не на всей волости».¹²⁰

Статья 6, говорящая о приеме беглых в частновладельческих хозяйствах, требовала «за пожилые годы деньги иметь на помещиках и на вотчинниках и на той деревне, где беглые люди и крестьяне жили».¹²¹ Ту же формулу о взимании пожилых денег с помещиков и вотчинников «и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили», встречаем в ст. 17 Расправы.

Такая постановка вопроса об ответственности за прием беглых открывала феодалам легальную возможность переложить значительную долю материальной ответственности на своих крестьян. Принципиально то же требование изложено в приговоре Палаты, вошедшем в ст. 18. Если беглые приняты по письменному распоряжению самих помещиков и вотчинников (имеются в виду думные чины), то «за такие письма» с помещиков и вотчинников пожилые деньги устанавливаются в двойном размере. Однако и здесь указано, что в случае непосредственной и очевидной вины самого хозяина вотчины и поместья пожилые деньги должны быть взяты «на тех помещиках и на вотчинниках и на людех их и на крестьянех тех сел и деревень, в которых те беглые жили».¹²²

К данной норме в том же приговоре Палаты содержится весьма существенное разъяснение: «А буде взять с них нечево (имеются в виду крестьяне сел и деревень, в которых жили беглые, — А. М.), и за те пожилые деньги брать тому истцу то село или деревню с землею по оценке, в которой они жили. А буде чего за те пожилые деньги того села и деревень с землею не достанет, и те деньги править по Уложенью на тех же помещиках и на вотчинниках».¹²³

Такое разъяснение Палаты имеет двоякое значение: оно, во-первых, служит комментарием к вышеприведенным формулам о взыскании пожилых денег и с помещиков, и с крестьян; смысл их состоял в том, что помещики получали легальную возможность расплаты в счет пожилых денег целыми селами и деревнями с крепостным населением. Это же разъяснение, во-вторых, вместе с установлениями Палаты об удвоении размера пожилых денег является новшеством, свидетельствующим о том, что значительная доля тяжких последствий нового закона, принятого Палатой, должна была лечь на плечи крестьянства.

Итак, борясь за упрочение основ крепостного права, Палата усилила наказания крепостных за побег и за покушение на собственность и жизнь феодалов и заметно повысила ответственность

¹²⁰ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 360.

¹²¹ Там же, стр. 361 (выделено нами, — А. М.).

¹²² Там же, стр. 365 (выделено нами, — А. М.).

¹²³ Там же.

¹¹⁹ Там же, л. 5 об.

за прием и держание беглых. Все эти моменты упирались в проблему сыска и возврата беглых крестьян и бобылей. В Расправе получили отражение лишь основные принципиальные положения приемов и процедуры сыска. Расправа ни в коем случае не является инструкцией для сыщиков, наказом для них. Сыщики как лица, уполномоченные государством по сыску беглых, ни разу даже не упомянуты в ней. Этим и объясняется, что значительная часть статей Наказа сыщикам была отклонена Палатой и не использована в Расправе. Отклонение большинства статей Наказа, касающихся главным образом процедурных моментов сыска и прав и обязанностей сыщиков, следует понимать как отклонение с точки зрения непригодности их применительно к Расправе, а не как отклонение вообще.

Расправа возлагала дело сыска беглых крестьян, бобылей и холопов прежде всего на приказы, узаконяя сыск как постоянную функцию органов государственного управления.¹²⁴

Палата предусмотрела в Расправе основные элементы сыска беглых. Наиболее важным из них является направление из приказов в вотчины присыльных и служилых людей на предмет сыска и изъятия беглых. Статья 19 Расправы, повторяющая в редакционно измененном виде соответствующую часть указа 23 марта 1698 г.,¹²⁵ предусматривает сопротивление «присыльным людям» со стороны некоторой части держателей беглых. Сопротивление проявлялось в отказе выдать беглых не только при однократной, но и при трехкратной присылке представителя власти, в недопуске представителя власти в пределы вотчины и поместья для поимки беглых и, наконец, в избении «посыльных и служилых людей». Статья определяет в данном случае: «... тех людей по розыску за такие силы и за бой бить кнутом». Приговор Палаты дополнил это определение: «А битым по розыску за бой и за увечье править деньги по окладом их по Уложению вдвое, для того: не держи чужих и не чинися государевым указом противен».¹²⁶ В случае избения официального лица занимающегося сыском Палата, таким образом, наказует не только телесно, но и материально, в форме уплаты штрафа «за бой и за увечье» в двойном против обычного случая «боя и увечья» размере. А если, говорится далее в том же приговоре, кто-либо из присыльных людей в результате сопротивления будет убит, то виновного «по розыску» «казнить смертью ж». Определение смертной казни за убийство «присыльных людей» в приговор Палаты включено из указа 23 марта 1698 г.

Второй элемент сыска по Расправе состоит в допросе беглых, приведенных в приказы. О допросе говорят ст. ст. 33 и 34. Пер-

вая из них без изменений воспроизводит норму ст. 37 (32) Наказа сыщикам: «... тех беглых людей и крестьян роспрашивать накрепко, где кто наперед того и за кем жили и товарищи с ними такие ж иные беглые люди и крестьяне были ль, и буде были, на кем ныне те их товарищи живут».¹²⁷

Как видим, в задачу допроса входило собрать сведения не столько о самих допрашиваемых беглых, сколько о других беглых крестьянах и бобылях. Статья 34 допускала пытку крестьян при допросе. Пытка устанавливалась для крестьянских детей, если они «учнут отпиратца от отцов своих и от матерей» (повторение ст. 32 гл. XI Уложения), и для крестьян, перебивших свои имена в бегах, если эти крестьяне не откроют свои истинные имена на допросе [повторение нормы ст. 48 (42) Наказа сыщикам]. В ст. 34 Палата пошла по линии расширения объема розыска, дополнив установления, заимствованные из прошлого законодательства, своим приговором: «А пытать их, разыскивая отцы и матери и сродники».¹²⁸

Третий элемент сыска, предусмотренный Расправой, состоял в допросе заподозренных в держании беглых. Этому вопросу посвящены ст. ст. 38—41. Палата исходила из двух возможных результатов допроса: когда «ответчик в крестьянех не запретца» и когда, наоборот, «запретца». Первая возможность предусмотрена в ст. 38, повторяющей ст. 26 гл. XI Уложения. Ее продолжением в данном плане служит ст. 40. Воспроизводя ст. 28 гл. XI Уложения 1649 г., ст. 40 Расправы гласит: «... в которых крестьянех ответчики в допросех не запрутца, и доведутца те крестьяне до допросу взять у ответчика и отдать исцу». Здесь никаких дополнительных санкций не предусмотрено. Они ограничиваются уплатой пожилых денег в соответствии с нормами ст. 17. Положение значительно меняется в обратном случае, когда ответчик будет отрицать присутствие у него беглых крестьян, а в ходе сыска беглые у него будут обнаружены. Учитывая такую возможность, Палата сочла необходимым дополнить действующее законодательство своим приговором, вошедшим в состав ст. 37. Если «кто в допросе о беглых крестьянех и бобылях учнут запирацца, а после того сыщетца подлинно, что те беглые крестьяне и бобыли за ними жили», то на виновном следует взимать пожилые деньги по новому подушному исчислению, государевы подати в двойном размере, а сверх того за «запирательство» пени «на государя» в размере пятидесяти рублей.¹²⁹

Если же, по смыслу ст. 41, повторяющей ст. 29 гл. XI Уложения 1649 г., ответчик в допросе о беглых будет «запиратца», а затем «у крестного целования крестьян за собой скажет», а в иму-

¹²⁴ См. ст. ст. 19, 33 и 48 Расправы.

¹²⁵ ПСЗ, III, № 1625.

¹²⁶ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 365.

¹²⁷ Там же, стр. 368.

¹²⁸ Там же; см.: С. Н. Валк, ук. соч., стр. 237.

¹²⁹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370.

ществе беглых «по-прежнему запретца», то ему не верить и «спорные животы» с него взыскать. Так повышенная материальная ответственность за ложные показания о беглых дополнялась моральной дискредитацией лица, давшего ложные показания. Однако, если ответчик солжет при крестном целовании, то по ст. 39 Расправы ему положена смертная казнь.

Целью сыска было установление местонахождения беглых и их принадлежности. За сыском следовал возврат беглых крестьян и бобылей их владельцам. Основания возврата беглых, составившие основные принципиальные положения как гл. XI Уложения, так и Расправы, разобраны нами выше. Коротко они сводятся к формуле: «А отдавать беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет». В другом случае (ст. 15) основанием названы переписные книги. В более общей форме ст. ст. 3 и 33 Расправы все крепостные акты, служившие основанием возврата беглых, называют «крепостями». Отсюда отражение этого в заглавии Расправы: «По допросом против крепостей росправа о крестьянех».

Помимо оснований, в Расправе отражены условия и некоторые процедурные моменты возврата беглых.

Непрерывным условием служит возвращение беглого крестьянина и бобыля со всеми его прямыми и боковыми родственниками. Статья 5, например, повторяет требование ст. 38 (33) Наказа сыщикам о возврате беглых крестьян «з женами и з детьми».¹³⁰ Статья 15 вслед за ст. 9 гл. XI Уложения значительно расширяет круг родственников, подлежащих возврату вместе с главой семьи. Кроме жен и детей, в ней упомянуты братья, племянники и внучата.¹³¹ Наряду с женами и детьми братья и племянники упомянуты также в ст. 17. Еще в Уложении 1649 г. (ст. 28 гл. XI) имелось уточнение возраста и положения детей беглых, подлежащих возврату вместе с родителями: «. . . тех крестьян исцом отдавать во крестьянство з женами и з детьми, которых детей тех беглых крестьян, хотя и в писцовых книгах не написано, а живут они с отцом своим и с матерью вместе, а не в розделе».

Повторив ст. 28 гл. XI 1649 г. в ст. 40 Расправы, Палата дополнила ее своим приговором: «. . . да и с теми детьми отдавать, которые дети будут и в отделе».¹³² Такое добавление свидетельствует о стремлении Палаты расширить владельческие права помещиков и вотчинников.¹³³

Статья 6 содержит отрывок из ст. 16 (12) Наказа сыщикам, которая предписывала беглых внучат по дедам не отдавать при условии, если сами внучата или их отцы не записаны в писцовых

и переписных книгах за их прежними владельцами, а значатся в переписных книгах по месту побега. Если же «внучата в переписных книгах ни за кем не написаны, и тех внучат по дедам отдавать, розыскивая, за кем в писцовых книгах деда их написаны».¹³⁴

Сложная регламентация прав отражена в Расправе в отношении беглых крестьян и крестьянок, женившихся и вышедших замуж в бегах. Предметом ст. 7 являются случаи выдачи беглыми крестьянами своих дочерей замуж после побега. Статья открывается текстом ст. 3 гл. XI Уложения 1649 г., в которой идет речь о выдаче замуж беглыми своих дочерей, сестер и племянниц до 1649 г. «И того, — сказано в статье, — в вину не ставить, и по тем девкам мужей их прежним вотчинником и помещиком не отдавать». Мотивом выдвигается то, что до 1649 г. в приеме беглых государевой заповеди не было.

Добавление к ст. 3 гл. XI Уложения, содержащееся в ст. 7 Расправы, логически предусматривает два случая получения вывода за вышедших замуж крестьянских дочерей: первый — когда крестьяне бежали до 1649 г. и, будучи в бегах, выдали дочерей замуж после Уложения, и второй — когда и побег и замужество приходится на время после 1649 г. Первый из этих случаев был предусмотрен уже в ст. 28 (25) Наказа сыщикам, откуда и заимствован текст для ст. 7 Расправы. Относительно второго случая Палата сама вынесла решение при рассмотрении ст. 28 (25) Наказа сыщикам: «А которые люди и крестьяне и бобыли бежали со 157-го году и выдали дочерей своих в бегах после Уложения 157-го году, и за таких девок иметь вывод по десяти рублей».¹³⁵

Иначе ставится вопрос о возвращении самостоятельно убежавшей крестьянской дочери. Статья 24 Расправы, повторяющая ст. 12 гл. XI Уложения 1649 г., требует самостоятельно бежавшую и в бегах вышедшую замуж крестьянскую дочь возвращать прежнему владельцу «и с мужем ея и з детьми, которых она детей с тем мужем приживет». А далее оговорено: «А животов мужа ея с нею не отдавать». Оставив в силе ст. 12 гл. XI Уложения 1649 г. в отношении времени до нового Уложения, Палата приговорила на будущее: «А с сего Уложенья по таким беглым и подговорным мужей их отдавать и з животами, что у них есть. А будет в животах учинитца спор, и в том по розыску указ чинить по Уложенью. А за пожилые годы деньги иметь за них с побегу или с подговору по Уложенью».¹³⁶

Приговор Палаты интересен в двух отношениях. В нем ясна тенденция к расширению владельческих прав феодалов, интерес

¹³⁴ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 361. В Расправе текст ст. 16 (12) Наказа сыщикам передан с искажением. Вместо слов Наказа сыщикам о внучатах: «. . . а быть им по переписным книгам за кем написаны» — в ст. 6 стоит: «. . . а быть им по переписным книгам, где написаны деда».

¹³⁵ Там же, стр. 362.

¹³⁶ Там же, стр. 367.

¹³⁰ Там же, стр. 360.

¹³¹ Там же, стр. 363.

¹³² Там же, стр. 370.

¹³³ С. Н. В а л к, ук. соч., стр. 237.

которых ущемлен побегом молодой крестьянки. Владелец бежавшей получал право не только на ее мужа, но и на его имущество. Расширение прав одного феодала означало вместе с тем усиление материальной ответственности другого, — того, кто принял и выдал замуж беглую.

Дополнением к изложенному является ст. 25 Расправы, повторяющая ст. 13 гл. XI Уложения. В ней предусмотрен случай, когда «беглая девка» выйдет замуж в бегах за вдовца, у которого есть дети от его первой жены. Такие дети не подлежат передаче вместе с их отцом владельцу «беглой девки», а остаются в холостстве или в крестьянстве по месту рождения.

Статьи 27 и 28 Расправы разбирают аналогичный случай побега крестьянки-вдовы с выходом замуж в бегах. Ее положение определяется положением не родителей, а ее первого мужа. Если ее первый муж записан в писцовых книгах или в других каких-либо крепостях за тем, от кого она бежала, то она по смыслу ст. 15 гл. XI Уложения 1649 г., вошедшей в состав ст. 27 Расправы, подлежит отдаче своему владельцу вместе со вторым своим мужем. Разумеется, возврат беглой осуществлялся с соблюдением правил других статей относительно потомства и имущества. Однако ст. 28 содержала оговорку, непосредственно вытекающую из существа самого крепостного закона. Если первый муж беглой вдовы ни в каких крепостях не записан, то вдова остается за тем, к кому она бежала и за чьего крестьянина или кабального человека вышла замуж.

Палата сохранила, наконец, требование ст. ст. 17 и 18 гл. XI Уложения о возврате беглого крестьянина с семьей и с зятем в том случае, если этот крестьянин, будучи в бегах, выдал замуж свою дочь, вдову или девку за чье-либо кабального человека или крестьянина. Если же он выдал дочь замуж в другое поместье или вотчину, то такая крестьянская дочь становится самостоятельным объектом сыска и подлежит возврату вместе с мужем. Обе эти статьи гл. XI Уложения составили содержание ст. ст. 29 и 30 Расправы. Отдельной статьей как в гл. XI Уложения, так и в Расправе (ст. 13) ставится вопрос о возврате беглых крестьян из купленных вотчин. Юридически положение в данном случае осложнено тем, что вотчина куплена с беглыми крестьянами («после писцов»), а беглые указаны в купчей. Тем не менее статья предусматривает беглых вернуть владельцу, а хозяину купленной вотчины предоставляется право вместо беглых крестьян получить от продавших вотчину «таких же крестьян со всеми животы и с хлебом стоячим и с молочным из иных их вотчин».¹³⁷

Это отнюдь не единственная статья, в которой содержится требование возврата беглого крестьянина с его имуществом. Прочно вошедшее в практику и юридически закрепленное в Уло-

жения и в указах XVII в. право феодала не только на личность крепостного крестьянина, но и на его имущество полностью и безраздельно вошло в Расправу, став альфой и омегой этого кодекса. В виде прочно устоявшейся формулы требование закона о возврате беглого с имуществом содержится в ст. ст. 5—7 и 17. «А беглых людей и крестьян, — говорится, например, в ст. 6, повторяющей в этой части ст. 8 (5) Наказа сыщикам, — отдавать челобитчиком з женами и з детьми и со всеми их животы и с хлебом стоячим и с молочным и велеть их отвозить на подводах, за кем они в бегах жили».

Все установления прошлого законодательства об имуществе беглых крестьян не вызвали у Палаты сомнений в их целесообразности. В неизменном же виде оставлены Палатой условия и ход состязательного процесса в случаях возникновения спора заинтересованных сторон об имуществе беглых. Первая часть ст. 37 Расправы повторяет ст. 25 гл. XI Уложения, устанавливающую взимание по 5 руб. за спорные «глухие животы беглых» (имущество, точно не оговоренное в исковой челобитной). Если же иск будет предъявлен в сумме свыше 50 руб., то предписывается в таких «животах» верить по допросу.

Следующая статья — ст. 38, повторяя ст. 26 гл. XI Уложения 1649 г., также устанавливает пятирублевые пени за «глухие животы», когда показания истца и ответчика относительно состава имущества будут разноречивы: истец будет утверждать, что его крестьянин ушел к ответчику с имуществом, а ответчик не признает имущества за собой.¹³⁸

Неизменным оставлено требование ст. 29 гл. XI Уложения, вошедшей в состав ст. 41 Расправы. Если ответчики «запрутца» в допросе о беглых крестьянах и крестьянских «животах», а затем, когда дело дойдет до крестного целования, признаются, что держат беглых а «животы» будут отрицать, то было указано им не верить «и на них те крестьянские животы велеть доправить».¹³⁹

Юридическое оформление возврата беглых с их имуществом в основе своей оставлено Палатой в прежнем виде.

Согласно ст. 9 Расправы, повторяющей норму ст. 4 гл. XI Уложения, при передаче беглых крестьян и бобылей следовало «государевых дворцовых сел и черных волостей приказным людям и вотчинником и помещиком имать отписи за их руками впредь для спору». Порядок оформления отписей был установлен в соответствии с действующими в конце XVII в. правилами. Текст о площадных подьячих в ст. 4 гл. XI Палата заменила своим приговором: «А отписи велеть писать на Москве и в городе на площадях крепостных дел подьячим на гербовой бумаге с свидетelmi.

¹³⁷ Там же, стр. 363.

¹³⁸ Там же, стр. 370.

¹³⁹ Там же.

И давати такие отписи за своими руками».¹⁴⁰ Оформление актов на бумаге с гербовым знаком было введено указом 1699 г.¹⁴¹ В связи с решением об оформлении отписей только крепостных дел подьячими в ст. 9 не вошло, как излишнее, содержащееся в ст. 4 запрещение оформлять отписи «своим попам, дьячкам и людям». Оформление отписи (расписки) в получении беглых давало в руки вернувшего их лица оправдательный документ. Но Уложение требовало еще фиксации акта передачи беглых в местном приказе в форме записи их «за теми людьми, кому они будут отданы». Основанием такой записи служило челобитное лица, вернувшего беглых. Палата включила эти требования в ст. 11 Расправы.¹⁴² Развязывая и поощряя инициативу самих крепостников в деле сыска бежавших от них крестьян, Палата требовала привода беглых в Москве в приказы, а в городах — в съезжие избы для допроса. Отсюда беглые после официального установления принадлежности возвращались владельцам. Обычно лица, приведшие беглых, сами наведывались в приказы и в съезжие избы за получением принадлежащих им беглых крестьян. Практически, однако, нередко возникали осложнения, когда явка таких лиц в приказы и в съезжие избы почему-то сильно затягивалась, а иногда и вовсе не имела места. Уже законодательство конца XVII в. реагировало на это определенным образом. Указ 19 июля 1694 г. предписывал беглых людей и крестьян, приведенных в Судный приказ из Потешного двора и не взятых их помещиками и вотчинниками из Судного приказа в течение недели, отпускать по истечении этого срока на волю без расписок. Указ мотивирует решение тем, что в «Судном приказе те люди и крестьяне, сидя долгое время, терпят голод и всякую нужду, а иные многие от тесноты заболели и з голоду помирают».¹⁴³ Тот же недельный срок пребывания беглых под следствием в Стрелецком приказе устанавливал еще ранее указ 24 марта 1690 г., но при условии освобождения беглых с поручками или под расписку, если кто захочет их взять.¹⁴⁴

Палата обобщила эти решения в ст. 48 Расправы, установив недельный срок пребывания беглых в любом приказе и в съезжих избах, но при условии, если беглые не замешаны в воронство, разбоих, убийствах и ересях. Не взятые из приказов и съезжих изб их владельцами, беглые крестьяне и бобыли по истечении недельного срока должны были подлежать освобождению в обязательном порядке. Для освобождения из приказа, согласно ст. 48, не требовалось ни поручительства, ни расписок каких-либо лиц в приеме беглых. Оформление ограничивается лишь одной регистрацией беглых в приказе («после недели ис приказов вынустить

з запискою и без росписок»). Отпускаемым должно вменяться в обязанность идти к своим помещикам и вотчинникам, «не дожидаясь за побег себе наказанья». Палата, таким образом, в виде поощрения за явку к своему помещику и вотчиннику освобождала выпущенных из приказов беглых от телесного наказания, официально установленного за побег ст. ст. 18 и 35 Расправы. Рационально установленного за побег ст. ст. 18 и 35 Расправы. Разумеется, это было не более как приманкой. Практически, будет беглый наказан или нет, целиком зависело от помещика или вотчинника.

Приговор Палаты, вошедший в ст. 48, усиливает требование к отпускаемым из приказа беглым явиться к тем помещикам и вотчинникам, «кому они крепки», предписывая оформлять это требование путем вручения беглым специальных писем. В случае, если беглые не явятся по письмам к своим помещикам или вотчинникам, а начнут жить у других помещиков, то они при поимке должны подлежать телесному наказанию кнутом и насильственной передаче владельцам.¹⁴⁵

Вмешательство государственного аппарата в дела сыска и возвращения беглых крестьян и бобылей не исключало частной инициативы крепостников не только в области сыска беглых, но и в области взаимного удовлетворения претензий. В таких случаях выступала обычная для феодального права форма полюбовных сделок. При рассмотрении гл. XV Уложения («О вершених делах») Палата утвердила как пригодную для нового Уложения ст. 2 этой главы.¹⁴⁶ Статья 2 гл. XV признает силу полюбовной сделки относительно крестьян, если крепостники «помирятся и записью укрепятся», даже в тех случаях, когда поместья и вотчины после этого перейдут к иным владельцам, а эти последние будут оспаривать осуществленную прежними владельцами поместьев и вотчин полюбовную сделку. Разумеется, это установление носит более общий характер и предусматривает все возможные виды сделок между помещиками и вотчинниками относительно крестьян, а не только в связи с побегими. Но ст. 14 Расправы, повторяющая ст. 8 XI главы Уложения, говорит о неизменной юридической силе полюбовной сделки уже в специальном отношении, а именно в случае соглашения о беглых: «У которых помещиков и у вотчинников о беглых же крестьянех и бобылях в прошлых годах до сего государева указу была полюбовная сделка и по полюбовной сделке кто кому своих крестьян поступил и записью укрепился или челобитные мировые подали, и тем всем делам быть по тому, как те дела вершены до сего государева указу, а вновь тех дел не вчинять и не перевершивать».¹⁴⁷ Эта же статья Расправы сохраняет силу прежних решений суда о беглых. В данном случае Палата

¹⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 15 и 68 об.

¹⁴¹ ПСЗ, III, № 1673.

¹⁴² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 362.

¹⁴³ ПСЗ, III, № 1495.

¹⁴⁴ Там же, № 1396.

¹⁴⁵ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 373.

¹⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6 (4), л. 4 об.

¹⁴⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 363.

твёрдо придерживалась принципа, по которому новый закон не имеет обратного действия.

Кодифицируя и разрабатывая нормы сыска и возврата беглых крестьян и бобылей, Палата использовала эти нормы для того, чтобы предоставить феодалам расширенные владельческие права на крестьян. Это касалось расширения прав вотчинной и опоместной юрисдикции. Крепостнику давались более широкие права следствия, пыток и телесных наказаний крестьян, включая их детей и других родственников.

В тесной связи с расширением владельческих прав помещиков и вотчинников в отношении крепостных их вотчин и поместий стоит предоставленное ст. 42 Расправы неограниченное право перебросок крестьян с поместных земель на вотчинные земли и обратно.

Вспомним, как обстояло дело во второй половине XVII в. с правами помещиков и вотчинников относительно перевода крестьян с одного вида феодального землевладения на другой. Статья 30 гл. XI Уложения запрещала сводить крестьян и бобылей с поместных земель на вотчинные, дабы «тем своих поместий не запустошити». Статья 31 той же главы предписывала возвращать таких переведенных крестьян и бобылей на прежние поместные земли, когда последние будут даны новым владельцам. В последующее время указ 10 марта 1676 г. предписывал крестьян, переведенных с вотчин на поместные земли, возвращать в вотчины, если последние перейдут по родству к другим владельцам.¹⁴⁸ Указ 1 февраля 1689 г. подтвердил этот порядок.¹⁴⁹

Следующий указ 7 апреля 1690 г., идя навстречу стремлениям помещиков к уравниванию поместий и вотчин, менял положение дела. Указ санкционировал право перевода крестьян с вотчинных земель на поместные и вотчинные и с поместных на поместные, не разрешив лишь сводить крестьян с поместных земель на вотчинные. Палата делала в этом отношении дальнейший шаг. Она отклонила ст. ст. 30 и 31 гл. XI Уложения: «В Полате говорили сию статью отставить, а приговорили вновь. . .». Отклонила Палата и указы, касавшиеся вопросов переброски крестьян из одного вида землевладения в другой. И по ст. 30 гл. XI, и по новонаказанным статьям во втором чтении были приняты отдельные приговоры, которые в совокупности образовали общий приговор Палаты, составивший содержание ст. 42 Расправы. Содержание статьи столь любопытно во многих отношениях, что заслуживает того, чтобы привести его полностью: «А впредь с сего Уложения помещики и вотчинники при владенье своем с помесных своих земель на вотчинные свои земли, буде кто похочет, крестьян и

бобылей переводить вольны. А которые крестьяне и бобыли с помесных на вотчинные земли переведены до сего Уложения, и тем быть на тех землях, на которые они переведены. Так же и с вотчинных земель сводить и на помесные земли. И государевы всякие подати тем крестьяном и бобылям платить велеть с тех земель, куды которые переведены будут. А с пустых земель платежу за них не имать и в Помесном приказе росписывать о том подлинно. А которые крестьяне и бобыли переведены до сего Уложения, и тем так и быть для того, что всякой помещик и вотчинник при владенье своем в людех и во крестьянех и в бобылях волен. А новым помещиком и вотчинником таких переводных крестьян и бобылей на прежние земли не отдавать».¹⁵⁰

Анализируя приговор Палаты, следует прежде всего отметить, что, отклонив ст. ст. 30 и 31 гл. XI Уложения и последующие указы и разрешив переводить крестьян не только с вотчинных на поместные земли, но и обратно с поместных земель на вотчинные, Палата делала крупный шаг в сторону уравнивания прав помещиков и вотчинников. В том же аспекте уравнивания юридической природы поместья и вотчины приняты в Палате решения по ст. 3 гл. XV Уложения. Статья 3 XV главы («О вершеных делах») предписывает крестьян и бобылей, отпущенных на волю из вотчины, в случае перехода вотчины к другому владельцу, который возбудит ходатайство об их возврате, в вотчину к новому ее хозяину не возвращать. Если та же ситуация будет иметь место в поместье, то крестьяне и бобыли, отпущенные на волю прежним владельцем поместья, должны быть возвращены его новому владельцу.

Вслед за ст. 3 гл. XV Уложения Палата рассмотрела указ 1680 г. из Приказа Холопьего суда, который санкционировал отпуск на волю после смерти князя И. А. Воротынского его крестьян и крестьянских детей, взятых из поместий и вотчин во двор еще при жизни хозяина. Из Приказа Холопьего суда были выданы отпускные. Рассмотрен был и указ 25 мая 1680 г. об отпуске на волю кабалных и «полонных» людей, живших в крестьянстве в родовых и выслуженных поместьях и вотчинах боярина Б. М. Хитрово и взятых к нему во двор. По ст. 3 и по этим указам Палата приговорила: «В Полате говорили: вотчинным и помесным крестьяном по отпускным прежних помещиков и вотчинников от новых помещиков и вотчинников быть свободным, а жить им за теми людьми, кому на себя по тем отпускным крепости дадут или на Москве и в городех запишутца в тяглецы».¹⁵¹

Последовательно развивая тему о равной юридической силе отпускных для крестьян из вотчин и поместий, Палата в новом чтении гл. XV предприняла редакционную правку текста самой ст. 3: «И будет которой крестьянин или бобыль отпущен из вот-

¹⁴⁸ ПСЗ, II, стр. 130.

¹⁴⁹ Там же, III, № 1334.

¹⁵⁰ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370, 371.

¹⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6 (4), л. 6.

чины с отпускою, и того крестьянина новому «помещику» «или вотчиннику не отдавать «для того, что всякой помещик и вотчинник в поместьях и в вотчинах своих волен»».¹⁵² Редакционный правка текста ст. 3 явно не завершена. Не хватает целого логического звена о равной силе отпусковых для крестьян из поместий. Видимо, это обстоятельство и заставило дьяка, редакционно оформлявшего текст новой ст. 3, приписать после ее текста решение Палаты: «В Палате говорили: буде и поместной крестьянин отпущен буде с отпускою, и он потому ж свободен, что и вотчинной крестьянин».¹⁵³ Именно этот приговор Палаты коренным образом меняет прежний смысл ст. 3 гл. XV Уложения. Его обоснованием служит провозглашенный Палатой и возведенный ею в степень закона принцип равной неограниченности прав феодалов как на вотчины, так и на поместья. В формуле «всякой помещик и вотчинник в поместьях и вотчинах своих волен» принцип уравнивания юридической природы обоих видов феодального землевладения доведен до логического конца. Становится очевидным, что Палата более чем за 10 лет до знаменитого петровского указа 1714 г. о единонаследии подготавливала фактическое и юридическое слияние вотчины и поместья.

Следует подчеркнуть очевидную связь формулы ст. 42 Расправы о неограниченности прав помещиков и вотчинников на своих крестьян и бобылей с формулой новой редакции ст. 3 гл. XV Уложения о равных и неограниченных правах феодалов на поместья и вотчины. Расширение владельческих прав помещиков и вотчинников на крестьян, красной нитью проходящее через все законодательство второй половины XVII в. и решительно продолженное Палатой, служило краеугольным камнем развития крепостного права. Развитие крепостного права поставило в порядок дня уравнивание прав феодалов на вотчины и поместья. Иначе говоря, различия в правовой природе поместья и вотчины стали тормозом на пути крепостного права. Тем самым юридическое слияние основных видов феодального землевладения становилось необходимым условием дальнейшего развития крепостничества.

Мы видели, как две последовательно сменившие друг друга формулы вотчинного и поместного права 70-х и 90-х годов XVII в. отразили процесс юридического сближения вотчины и поместья.¹⁵⁴

Однако они не привели еще к полному совпадению прав помещика и вотчинника. До конца XVII в. эти права совпадали лишь в отношении права поступиться крестьянами и променять их. За вотчинником оставалось право продажи, залога крестьян и перевода их с вотчинных земель на поместные, которого не было еще у помещика.

¹⁵² Там же, л. 8 (в угловые скобки заключены вставки Палаты в текст ст. 3 гл. XV Уложения).

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См. выше, стр. 197—199.

Третью и окончательную формулу дала Палата. Для решения, предложенного Палатой, характерно полное слияние поместного права с вотчинным в обоих аспектах — поземельном и крестьянском. Ту и другую части поместно-вотчинного права Палата сформулировала отдельно: «Всякой помещик и вотчинник в поместьях и вотчинах своих волен». Соответственно этому определена формула второй части: «Всякой помещик и вотчинник при владенье своим в людех и во крестьянех и в бобылях волен».

Употребленное здесь выражение «при владенье своим» указывает на связь второй части формулы поместно-вотчинного права (крестьянской) с его первой частью (поземельной). Иначе говоря, права помещиков и вотчинников на крестьян поставлены Палатой в зависимость от прав феодалов на поземельную собственность.

Таким образом, неограниченные права помещиков и вотчинников на своих крестьян, провозглашенные Палатой, должны были входить в компетенцию поместно-вотчинной юрисдикции. Однако правовое положение крепостного крестьянина определялось не только этой последней. Крестьянин был подсуден государству в тех случаях, когда его действия выходили за пределы нарушения поместно-вотчинного режима и могли угрожать государству, церкви, феодальной собственности и жизни феодалов. Касаясь данной стороны дела, нам придется выйти за рамки одной Расправы и решать эти вопросы на материале ряда глав нового Уложения, рассмотренных Палатой, и прежде всего на основании I, X, XII, XV, XX, XXI и некоторых других глав. К сожалению, сохранность большинства из них настолько плоха и случайна, что по затронутой нами теме представляется возможным привлечь лишь немногие материалы некоторых глав. Но и этого достаточно для того, чтобы раздвинуть горизонт наблюдений, сделанных при изучении Расправы как основного документа по крестьянскому вопросу в фонде Палаты об Уложении. Выше уже предпринято попутное привлечение материалов X, XV и XX глав, характеризующих отношение Палаты к выступлениям крестьян против собственности и жизни феодалов.

Сейчас мы продолжим наблюдения над другими сторонами правового положения крепостного крестьянства, как оно рисуется на основе некоторых других материалов Палаты об Уложении.

Палата, идя по пути усиления владельческих прав помещиков и вотчинников, вместе с тем сохранила ряд норм прежнего законодательства, в которых крестьянин рассматривался формально равным феодалу перед законом. Этим Палата еще более обострила противоречия в правовом положении крестьян. Но, с другой стороны, ею же предприняты шаги к изменению ряда общих для феодалов и крестьян норм Уложения 1649 г. Такие действия были не чем иным, как попыткой направить закон преимущественно против крестьянства. Во 2-й половине XVII в. продолжал действовать ранее сложившийся закон, по которому принимались

доносы (изветы) крестьян и холопов на своих господ. Частным случаем этого правила была ст. 47 гл. XXI Уложения. Она требовала ареста и следствия по делу тех дворян и их людей и крестьян, на которых поступал донос в разбое. Если в ходе следствия «доведется до пытки», то указывалось прежде пытать холопов, дворников и крестьян, а затем уже, если холопы и крестьяне подтвердят причастность к разбою своих господ, пытать самих дворян. Рассмотрев ст. 47 гл. XXI Уложения 1649 г., Палата сделала весьма существенное добавление к ней, дающее возможность оправдаться помещику и отвести от себя обвинение: «В Польше говорили быть по сим статьям да пополнить: будет люди или дворники учнут на них говорить, а тот помещик учнет бить челом о обыску и про них сыскивать, а будет в сыску ево одобрят и его освободить, а выть взять из животов тех людей, которые на них говорили».¹⁵⁵ Вместе с тем Палата, утвердив ст. 173 гл. X Уложения, требовавшую «в обыску или допросе... боярских людей или крестьян... во всяких делах допрашивать по государеву крестному целованию», оставила в силе юридическое значение показаний крестьян на следствии и суде, сделанных под присягой и с применением крестного целования.

Однако в делах по материальным искам Палата значительно расширила применение присяги и крестного целования в отношении крестьян, выделив их в этом смысле из других социальных групп общества. В статьях гл. XIV «О крестном целовании» Уложения 1649 г. никаких особых условий применения присяги и крестного целования в отношении крестьян не оговорено. Таким же оставалось это положение в законодательстве 2-й половины XVII в. В материалах Палаты по гл. XIV имеется запись, воспроизводящая, видимо, одну из новоуказных статей: «А которые люди к кому приставят в небольших исках в рубле или меньши рубля, и тем давать в сыску их жеребей. А кто учнет искати больши рубля, и в том иску давати крестное целование».

Рассмотрев эту запись, Палата приговорила: «В Польше говорили: жеребью быть в пяти рублях, oprичь пахотных крестьян. А буде кто учнет искати больши пяти рублей, и в том чинить вера. А пахотным крестьяном в их исках всяких чинов с людьми в рубль и меньши о жеребью, а больши рубля о вере чинить указ по Уложению».¹⁵⁶

Увеличивая пределы применения жеребьевки по денежным искам с 1 до 5 руб. в отношении всех лиц, кроме пахотных крестьян, Палата оставила для последних неизменным правило, отправляясь от которого она приняла свое решение. Крестное целование было заключительным и вместе с тем решающим звеном в следственном и судебном процессе феодального государства.

Оно применялось лишь при сложных и запутанных обстоятельствах. Уложение 1649 г. тщательно регламентировало условия применения крестоцелования, устанавливая особые дни и часы его применения. Нарушение клятвы влекло за собой усиленную ответственность. Все это делает очевидным, что узаконение клятвы под крестом в отношении крестьян в делах даже по мелким искам было не чем иным, как попыткой усилить моральное и идеологическое воздействие на крепостное крестьянство.

В неизменном виде оставлена Палатой шкала уплаты за увечье и бесчестие, предусмотренная ст. 94 гл. X Уложения. Как и прежде, за увечье черносошных и дворцовых крестьян пени в пользу пострадавшего были определены в размере 10 руб., а «за бой и бесчестие» — 2 руб., «а деловым человеком и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестие и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел и крестьян».¹⁵⁷ Другое дело, если крестьянин убит. В таком случае феодальное право брало под защиту не «честь» убитого, а материальный интерес помещика и вотчинника, потерявших крестьянина. Статьи 69 и 73 гл. XXI Уложения в случае непредумышленного убийства (в драке, под пьяную руку) холопом или крестьянином одного феодала холопа или крестьянина другого феодала требовали передачи убитого с семьей и имуществом тому, кто потерял работника. В случае отказа принять крестьянина-убийцу на том основании, что «убийца ведомой вор», ст. 73 допускала замену его другим крестьянином с семьей по усмотрению и челобитью «пострадавшего» помещика или вотчинника. В случае отказа на том же основании принять холопа ст. 70 устанавливала денежную компенсацию в размере 50 руб., которые взимались с хозяина холопа-убийцы.

В черновых материалах гл. XXI, содержащихся в фонде Палаты в разрозненном и далеко не полном виде, имеется статья, которая редакционно не совпадает ни с одной из статей гл. XXI Уложения, но по ситуации, предусмотренной в ней, близка к статьям, указанным выше. Согласно этой статье, если посадский человек, дворцовый крестьянин или ямщик убьет чьего-либо холопа или крестьянина или, наоборот, крестьянин убьет посадского человека или дворцового крестьянина, то в случае, если убийство будет «без умысла», за убитого предписывалось платить 50 руб.

Таким образом, из меры альтернативной (в случае отказа принять убийцу) и имеющей отношение только к убийству, совершенному холопом, пени в 50 руб. должны были по смыслу новой статьи стать мерой обязательной и всеобщей. В этом шаге могли получить отражение возросшее значение денег в связи с развитием рынка и усиление практики продажи крепостных,

¹⁵⁵ ПГИАЛ, ф. 1255, № 6, гл. XXI, л. 14 об.

¹⁵⁶ Там же, гл. XIV, ч. I, л. 7 об.

¹⁵⁷ Там же, «Рассуждения бояр о суде», гл. X, л. 267.

что делало оплату личности крепостного денежным способом куда более привычной, чем компенсацию «натурой». Палата, однако, сочла необходимым сделать к указанной статье добавление: «В Полате говорили быть по сей статье да пополнить: будет которому убийцу денег платить нечим, и таково убийцу з женою и з детьми, которые живут с ними вместе, а не в розделе, отдать вместо убитого». ¹⁵⁸ В таком контексте закон приобретал новый социальный смысл: состоятельная часть посада и крестьян-чала легальную возможность оплатить свою вину денежно и тем самым сохранить свободу либо, если иметь в виду зависимого человека, — свое положение в неизменном виде. Однако беднейшую часть посада и черносошного крестьянства ожидало другое — переход в кабальное и крепостное состояние, если убитый «без умысла» крестьянин или холоп принадлежал помещику или вотчиннику. Допуская переход убившего крестьянина к хозяину убитого как форму компенсации за потерю работника в случае невозможности заплатить деньгами, Палата тем не менее ограничивала предоставленное прежним законом право выбора другого крестьянина в случае отказа принять убийцу. В этом плане представляет интерес редакционная правка текста ст. 73 гл. XXI Уложения. Как указано выше, эта статья допускала передачу истцу взамен убитого его крестьянина, в случае нежелания взять убийцу, другого, лучшего, крестьянина из вотчин и поместий тех владельцев, которым принадлежал убийца. В эту часть текста статьи Палата внесла поправку: «А учнет бить челом (истец, — А. М.), чтоб вместо того убийцы отдать ему лучшего крестьянина и в том ему отказать потому, что в том убийстве он (лучший крестьянин, — А. М.) не виновен. А о убийце, что ему (истцу, — А. М.) он ненадобен, взять сказку». ¹⁵⁹

Такое решение, видимо, связано со стремлением Палаты усилить значение крестьянской крепости и ограничить возможности передвижения и перебросок крепостного населения. Вместе с тем Палата заметно расширяла розыск по делам об убийствах. Как видно из другой статьи того же черного фрагмента новой гл. XXI, в задаче такого розыска ставилось выведать, не по чьему-либо наущенью и не в союзе ли с кем действовал убийца. ¹⁶⁰ Словом, Палата заостряла политическую задачу сыска, ставя перед ним цель выявления коллективных и организованных выступлений крестьянства.

Правовое положение определенных групп крестьянства было затронуто Палатой при рассмотрении вопроса о разграничении церковного и светского суда. Палата оставила без рассмотрения

гл. XII Уложения 1649 г. «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян», по которой эти люди подлежали суду «на Патриаршем дворе», и выработала вместо нее, но применительно к ней собственные статьи. Согласно первой из этих статей духовные лица и церковнослужители, включая сторожей, подлежали церковному суду. Светские же лица церковного ведомства, согласно ст. 2, подлежали ведению светского суда: «Патриарших и архиерейских детей боярских и приказных людей и крестьян и бобылей, которые за монастыри и за церквами и за домовыми и за приказными их людьми, крестьян де и бобылей судить во всяких же делах в грацких приказах грацким же судьям». ¹⁶¹

Палата приняла этот приговор в переломный момент, когда правительством Петра I решался вопрос не только о компетенции церковного суда, но и о церковном управлении в целом. В 1700 г. был упразднен Патриарший разряд; в 1701 г. — восстановлен Монастырский приказ. Указом 1701 г. предписывалось «на патриарших и архиерейских домовых людей и на крестьян во всяких делах и исках бить челом и челобитные приносить всяких чинов людям в Монастырском приказе».

В другом указе был сделан новый шаг в сторону подчинения церкви органам государственной власти. Указ обязывал «домовых дел стряпчим в домовых делах о управе на всяких чинов людей бить челом и самим отвечать в одном Дворцовом судном приказе». ¹⁶²

Учитывая эти решения и конкретизируя прежний свой приговор о подсудности светских лиц церковного ведомства, в том числе крестьян, «грацким приказам и грацким судьям», Палата приняла новое решение: «В Полате говорили: на патриарших стряпчих и на домовых всяких чинов людей и на крестьян челобитчиком всяких чинов людям во всяких исках бить челом великому государю о росправе в одном Дворцовом судном приказе. А им, патриаршим стряпчим и домовым людям и крестьяном, в своих исках бить челом на посторонних всяких чинов людей в тех приказах, где кто в котором приказе росправо ведом». ¹⁶³

Принятые Палатой новые статьи о разграничении церковного и светского суда, непосредственно отражая текущие мероприятия правительства, делали заметный шаг в сторону унификации правового положения различных групп крестьянства.

Важный материал для понимания крестьянского вопроса в конце XVII в. содержит результат переработки в Палате гл. I Уложения 1649 г. «О богохульниках и о церковных мятежниках». В фонде Палаты сохранился, видимо, первый проект гл. I в том виде, как он сложился уже 8 марта 1700 г. в ходе первого чтения

¹⁵⁸ Там же, гл. XXI, л. 129 об.

¹⁵⁹ Там же, л. 157.

¹⁶⁰ Там же, л. 129 об.

¹⁶¹ Там же, № 6 (2), гл. XII, л. 3 об.

¹⁶² Там же, лл. 3 об.—4. Дата указа не обозначена. Указ дан из Дворцового судного приказа.

¹⁶³ Там же, л. 4.

щих указов, как было предписано ей указом 18 февраля 1700 г., а стала на путь самостоятельного законодательного творчества. Можно дать следующую картину распределения статей Расправы по источникам и составу:

Статья гл. XI Уложения 1649 г. без добавлений	13
То же с добавлениями:	
из Наказа сыщикам 1683 г.	1
из Наказа сыщикам 1683 г. и от Палаты	3
из Наказа писцам 1682 г.	1
от Палаты	11
Статьи, заимствованные:	
из Наказа сыщикам 1683 г. без добавлений	3
то же с добавлением от Палаты	2
из Наказов сыщикам и писцам	1
из указов 2-й половины XVII в. без добавлений	3
то же с добавлением от Палаты	6
из приговоров Палаты	4

48 статей

Анализ состава Расправы прежде всего дает представление о том, что гл. XI Уложения 1649 г., хотя и использована в ней в значительной своей части (29 статей из 34), претерпела все же большие изменения. Лишь 13 статей (38%) оказались пригодными в том виде, в каком они были в Уложении 1649 г., и не потребовали существенных изменений и дополнений. Около половины статей (16 из 34) не могли удовлетворить Палату в полной мере, и к ним Палата сделала добавления — к 5 статьям из Наказа сыщикам 1683 г. и собственные приговоры, а к 11 — свои приговоры. 5 статей (15%) были отставлены Палатой полностью.

Наряду с этим следует отметить мозаичность состава Расправы. Впечатление о мозаичности усиливается, если учесть, что 48 статей Расправы включают в себя 94 составные части (заимствования из предшествующего законодательства и приговоры Палаты).

Перед нами, однако, не механическое соединение отрывков из текста законов, а органическое, внутренне спаянное изложение каждой статьи, пронизанное общей мыслью.

При создании нового кодекса законов о крестьянах его составители проделали большую редакционную работу, которая сводилась, во-первых, к подновлению текста использованных законодательных актов 2-й половины XVII в., т. е. к приспособлению их к условиям времени рубежа XVIII столетия, и, во-вторых, в ряде случаев к сокращению и упрощению их редакции.

Этот критический и творческий подход Палаты к законодательному наследию получил логическое завершение в собственном ее законодательном творчестве. Было составлено значительное число приговоров, принятых в связи и по поводу рассматриваемых Палатой материалов. Формулирование новых законов было третьим,

важнейшим по значению, приемом творческой редакционной работы Палаты.

Поражающее вдумчивостью и обстоятельностью применение этих приемов в ходе трехкратного рассмотрения гл. XI Уложения 1649 г. и новоуказных статей привело к созданию нового законодательного памятника, имеющего свой особый заголовок и свое членение на статьи.

То обстоятельство, что Расправа является проектом и не стала действующим сводом законов по крестьянскому вопросу, не лишает ее значения как крупного памятника по истории законодательной мысли. Таковым она является прежде всего в той части, которая относится к приговорам самой Палаты. Но значение Расправы не только в этом. Она бесспорно может быть использована как крупный памятник для изучения объективной картины состояния крестьянского вопроса, положения крестьян, крепостнической политики правительства, словом для изучения развития и состояния крепостного права в конце XVII в.

Особенностью документального материала по истории крестьянства 2-й половины XVII в. является отсутствие, если не считать Наказа сыщикам 1683 г., сводного законодательного памятника по крестьянскому вопросу. Расправа является как раз таким документом, включающим наряду с известными нам указами и такие, которые нам неизвестны, хотя в свое время они были действующими указами. Изучение новой гл. XI бесспорно дает богатый материал для ответа на вопрос, как далеко шагнуло крепостное право в своем развитии от Уложения 1649 г. до первых лет петровского царствования. В этом смысле Расправа подводит итог 2-й половине XVII в.

Основным вопросом Расправы, как и предшествующего законодательства, является вопрос о борьбе с побегами крестьян и урегулирование отношений в лагере крепостников как раз в вопросе о принадлежности беглых крестьян и холопов. Подводя правовую основу под урегулирование этих отношений в условиях конца XVII в., Палата делала большой шаг на пути укрепления системы крепостного права в целом.

Являясь целиком крепостническим документом, направленным на развитие, регулирование и охранение права крепостников на крестьян, Расправа как бы имеет своим девизом слова, содержащиеся в приговоре Палаты, составившем содержание ст. 42: «. . . всякой помещик и вотчинник при владенье своем в людех и во крестьянех и в бобылях волен».

